

М.С. Лунин

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

M. Lounine

М. С. ЛУНИН

ПИСЬМА
ИЗ СИБИРИ

М. С. ЛУНИН • ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

М. С. ЛУНИН
Литография П. Ф. Соколова
1822

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

М. С. ЛУНИН

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

Издание подготовили
И. А. ЖЕЛВАКОВА, Н. Я. ЭЙДЕЛЬМАН

МОСКВА
«НАУКА»
1988

Ответственный редактор
Д. В. ОЗНОБИШИН

Л $\frac{4803010101-096}{042(02)-88}$ без объявления

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

ПОЗДНЯЯ РЕДАКЦИЯ

Первая серия

1839 года. Августа 17. Иркутск.

Письма из Сибири по своему политическому содержанию обратили на себя внимание правительства. Генерал-губернатор передал мне повеление: не писать в течение года [1]. Запрещение излагать свои мнения свидетельствует о важности их и о той робости, которую вообще люди ощущают при первом взгляде на истину, пока не узнают и не полюбят ее. Такое запрещение в политике обыкновенно невыгодно действует для власти, от которой происходит, рождая мысль о недостатке доказательств, могущих оправдать излагаемые идеи [2]. Цель писем моих состояла в том, чтоб обозначить органические вопросы быта общественного, которые разрешить необходимо, но которые держат под спудом и устраняют, занимая умы делами второстепенными и мелочными подробностями. Предприятие мое не бесполезно в эпоху прехождения, когда стихии рациональной оппозиции не существуют, когда печатание, немое для истины, служит только выражением механической лести. Облако фимиама, которым окружают правительство, имеет обманчивое действие призраков фантастических [3]. Заключенный в казематах, десять лет не преставал я размышлять о выгодах родины. Думы мои всегда клонились к пользам тех, которые не познали моих намерений. В ссылке, как скоро переменились обстоятельства, я опять начал действия наступательные. Многие из писем моих переданы чрез императорскую канцелярию, уже читаются [4].

Последним желанием Фемистокла в изгнании было, чтоб перенесли смертные остатки его в отечество и передали родной земле [5]; последнее желание мое в пустынях сибирских — чтоб мысли мои, по мере истины, в них заключающейся, распространялись и развивались в уме соотечественников.

⟨1⟩

№ 6. Сибирь. 7 апреля. Пасха 1838.

Любезная сестра [1]. Настоящие праздники — символ счастия. Желаю, чтоб ты провела их в своем семействе, как я провожу их в заточении. Но сердце наше — лира поврежденная, не издающая радости, внушаемые вечною истиной. Эту радость нельзя ни сосредоточить, ни обнаружить. В первый день праздника были у меня заточенные [2], в которых ты прини-

маешь участие. С тех пор опять система уединения: часы мои текут в тишине кабинета или в гармонии сибирских лесов. Странная продолжается постепенность: чем ближе я к пределу моего течения, тем попутнее становятся ветры. Не надо беспокоиться, если новые тучи сбираются на горизонте [3]. Эта буря пройдет, как и другие, и только ускорит прибытие мое к пристани. Прощай, любезная. Обнимаю тебя.

⟨2⟩

№ 7. Сибирь. 16 июня 1838.

Л. с. В тюремном заключении и в ссылке несколько раз переменялось мое название и с каждым* изменением становилось длиннее. Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник, находящийся на поселении. Целая фраза возле моего имени. В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции. В самом деле таков мой политический характер. Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам [1]. Единственное оружие мое — мысль, то в ладу, то в несогласии с движением правительственным, смотря по тому, как находит она созвучия, ей отвечающие. Последнего не надо пугаться. Оппозиция есть стихия всякого политического устройства. Теперешний порядок в России также имеет свою оппозицию. Но она выражается: путешествиями за границу или жительством в Москве и состоит из тех, которые обнаружили свою неспособность или что-нибудь украли. Надеюсь, что ты не смешиваешь меня с этими господами и не смотришь на то, что могут сказать или написать обо мне [2]. Не ценю мнение света, но дорожу твоим по свойству взаимных наших сношений. Прощай. Тебя любящий.

⟨*3*⟩

№ 8. Сибирь. 29 сентября 1836

Л. с. Живу с людьми, которые видят и не понимают меня, или с невидимым, которого я не постигаю. Мрак грехов заслоняет его, когда убийственный свинец онемел в теле моем; предо мною мелькнул отблеск взора его, когда лезвие меча отвратилось от головы моей. Кто следовал за мною в глубину казематов? Кто облегчал тягость цепей моих и врачевал их язвы? Невидимый хранитель судьбы моей [1]. Он не может явиться мне прежде смерти моей, но окружает меня свидетельствами своего присутствия: хижина в заточении имеет для меня всю прелесть крова родительского; я безмятежен среди опасностей; независим в стеснении, счастлив в уединении. Теперь верно знаю, что господь послал ангела своего и избавил меня от руки Ирода и от всех ожиданий народа иудейского[2]. Прощай.

---

* Далее зачеркнуто «днем».

⟨4⟩

№ 9. Сибирь. 9 июня ⟨1838⟩.

Л. с. Я получил от тебя № 453-й [1]. Пожар деревни на кантонир-квартирах твоего сына есть случай обыкновенный и едва бы составил эпизод моей бурной жизни. Ты верно забыла о нем, читая это письмо. Сын твой, подвергая опасности жизнь для спасения из пламени твоего портрета, исполнил свой долг [2].— С большим сожалением узнал я о смерти Новосильцова [3] — одного из моих политических противников. Когда он был главою дел в Варшаве, я противодействовал принятой им системе, от которой возникли такие скорбные результаты для королевства и империи. Разность политических мнений не мешает отдать ему справедливость: он имел много ума, большой навык в делах и пламенную ревность к исключительным пользам России [4]. Как противоположен наш* жребий: одному — эшафот и история; другому — председание в Совете и адрес-календарь [5]. Прощай [6].

⟨5⟩

№ 10. Сибирь. 7 июля ⟨1838⟩.

Л. с. На последней неделе получил я посылки, требованные от тебя в № 76 [1]. Ящик разбит, вещи попорчены, беспорядок совершенный. Счастье Департамента почт, что мне нельзя ни разыскивать, ни обнародовать мнений своих о его управлении [2]. Кто берет деньги, должен исполнять обязательства. Неспособность и мистицизм не оправдывают [3]. Стариковщина вообще ни к чему не годится: поручи армию, она завязит ее [4], поручи дворец — сожжет [5], поручи посылку — изгадит [6]. Прискорбно сказать тебе, что на вещах нет начальных букв моего имени и нет подробной описи предметам. Я не получил сукна, подсвечников и сочинения твоей приятельницы: *Анализ силы* [7]. Надеюсь, что все это доставится. Видишь последствия беспорядка как в малых, так и в больших вещах. Дружеское мое письмо, вместо того, чтоб выражать чувства, наполняется мелочными подробностями и тягостными объяснениями. Ты доводишь меня до красноречия столоначальника. Прощай. Тебя любящий.

⟨6⟩

№ 1. Сибирь. Мая 19 ⟨1838⟩.

Л. с. Вот выводы моих агрономических занятий в 1837 году. Оценив потребленное и проданное и вычтя все издержки, я получил чистого дохода 141 руб. 75 коп., кроме озимей, подающих хорошую надежду [1]. Слава богу, есть чем жить, хотя прошлый год был вообще худой для урожая и первый для меня на поселении. Много было препятствий: задержание денег, запрещение выездов, пугливость властей. Зато я избавлен от податей и натуральных повинностей; одно стоит другого. Правда, главным пре-

---

* Далее зачеркнуто «характер».

пятствием были учебные занятия: Платон и Геродот — не ладят с сохой и бороной [2]. Вместо наблюдений за полевыми работами я перелистываю старинные книги. Что делать? Ум требует мысли, как тело пищи. Между тем в восемь месяцев * много сделано: земля болотная, необработанная, тернистая — осушена, огорожена, обращена в луга и пашни. Посредине английский садик с песчаными дорожками, беседкой и множеством цветов, далее две левады, огород и наконец уютный домик с пристройками [3], где запоздалый путник находит убежище, бедный кусок хлеба, разбойник отпор. Приятно сообщать тебе эти подробности, потому что все это более твое, чем мое дело: ты доставила средства, я только действовал [4]. В хлопотах забыл написать о получении 8 томов сочинений Платона на греческом тексте. Кстати эта посылка: я анализирую теперь болтовню доброго Сократа перед его смертью [5]. Толпа удивляется многому, чего не понимает. Прощай.

⟨7⟩

№ 2. Сибирь. 30 июля ⟨1838⟩.

Л. с. Тебе известно мое домашнее устройство, познакомься теперь с моими домочадцами, их немного: Василич [1], его жена и четверо детей. Бедному Василичу 70 лет; но он силен, весел, исполнен рвения и деятельности. Судьба его так же бурна, как и моя, только другим образом. Началось тем, что его отдали в приданое, потом заложили в ломбард и в банк. После выкупа из этих заведений он был проигран в бильбокет [2], променен на борзую [3] и, наконец, продан с молотка со скотом и разною утварью на ярмарке в Нижнем. Последний барин, в минуту худого расположения, без суда и справок сослал его в Сибирь. Проделки Василича во время этих многочисленных изменений задернуты покровом, который поднимать было бы нескромно. Прочитав где-то, что причиною моего заточения было предположение преступлений, которые могли бы совершиться, и намерение опубликовать сочинения, которые могли быть написаны, Василич разделяет скромность моих судей и с таким же старанием, как они, избегает важных допросов. Между собою мы совершенно ладим, несмотря на некоторое различие в наших привычках и наклонностях. В два года, как судьба соединила нас в сибирских пустынях, ничто не нарушало еще взаимного согласия. Жена его — существо безвредное, ограниченное стряпней, присмотром за детьми и укрощением их крика. Оканчивая картину, надо сказать и о старой белой лошади, которая своею мастью напоминает статного коня, убитого подо мною в Можайской битве [4], и о шести собаках с пышащими мордами, заменяющих мою варшавскую псарню. Теперешнее положение мое с таким слабым ограждением в краю, наводненном разбойниками, выражает положение Алкибиада ** в Битинии. Предчувствую, что такой же род смерти прибавит еще одно сходство с этим необыкновенным человеком [5]. Прощай. Тебя любящий.

* Возможно, описка. Во французском тексте — «восемнадцать месяцев». Ср. наст. изд., с. 29.

** Так в рукописи.

⟨8⟩

№ 3. Сибирь. 27 июня ⟨1837⟩.

Л. с. Я прогуливался на берегах Ангары с изгнанницей, чье имя уже в наших патриотических летописях [1]. Сын ее — красоты Рафаэльской [2] — резвился пред нами и, срывая цветы, спешил отдавать их матери. Мы миновали часть леса, поднимаясь все выше, как развернулся обширный горизонт, обложенный на западе цепью синеющих гор и прорезанный по всему протяжению рекою, которая вилась как серебряная змея под нашими ногами. Невидимое его * видимо чрез рассматривание творения. Но красоты природы слабели при моей спутнице. Она существила ** мысль апостола и стройной наружностью и нравственным совершенством [3]. После трудной ходьбы мы отдыхали на траве. Разговор коснулся смерти — мысли обычной в бурных судьбах. Когда возвращались, мы увидели в чаще леса женщину с мешком в руках, искавшую корней мукыра [4]. «На что эти коренья?» — спросил я.— «Дети мои будут пить их вместо чаю, которого у нас нет.» — Нужное пособие было сделано. Встретив изгнанницу в лесу, она должна была найти помощь своему семейству: как Агарь, увидев ангела в пустыне, нашла воду для своего сына [5]. Прощай.

⟨9⟩

№ 4. Сибирь. 1 мая 1837.

Л. с. После долгого заключения в казематах память оживляет только неопределенные, бесцветные образы, как планеты отражают свет солнца без теплоты. Но у меня остались еще сокровища в прошедшем. Помню свидание в галерее замка N, осенью, в холодный дождливый вечер. На ней было черное платье, золотая цепь на шее и на руке браслет, осыпанный алмазами, с портретом предка, освободившего Вену [1]. Девственный взор ее, блуждая туда и сюда, будто следил фантастические изгибы серебряных нитей на моем гусарском ментике. Молча ходили мы по галерее, но понимали друг друга. Она была задумчива. Глубокая скорбь виднелась в блеске юности и красоты, как единственный признак тления. Подойдя к стрельчатому окну, смотрели мы на желтоватую Вислу, которая пестрилась пеною волн. Серые облака тянулись по горизонту, дождь лился, деревья качались. Волнение без видимой причины извне: глубокая тишина вокруг нас. Удар колокола означил час вечерни; стекла задребезжали. Сказав молитву: *ave Maria*, она подала мне руку и скрылась. С той *** минуты счастье, которое мир дает, исчезло. Судьба моя, возмущенная бурями, обратилась в постоянную борьбу с людьми и вещами. Но молитва прощальная исполнилась. Мир, которого никто отнять не может, следовал за мною

* Возможно, подразумевается слово «совершенство». Лунин вольно перелагает текст Посл. к рим. I, 20. Ср. наст. изд., с. 204.
** Так в рукописи.
*** Далее зачеркнуто «поры».

на эшафот, в казематы, в ссылку. Не жалею о потерях. Во сне является мне иногда потомка воина, и чувство, которое увлекалось бы только ею, укрепляется и очищается, разливаясь на врагов. Прощай.

⟨10⟩

№ 11. Сибирь. 21 июля ⟨1838⟩.

Л. с. Друга моего, Варку, укусила змея. Он растянут у ног моих, чуть дыша; рот его пенится, но он шевелит хвостом и взглядывает на меня, когда говорю с ним, как будто понимает слова мои. Этому животному название друга принадлежит более, чем людям, носившим оное в свете. Последние испугались, когда гроза грянула надо мною [1], и убежали, поджав хвост [2]. Опытность не изменила, но переладила мои чувства [3]. Теперь с равным сожалением люблю друзей и врагов. Мысль, мне явившаяся, была слишком сильна для тех и других. Омраченные внезапным блеском, они не увидели, что общее благо их таилось во глубине этой мысли. Нет нужды. Она разольется и без меня, несмотря на препятствия. Факты сильнее слов [4]. В Варшаве я опровергал систему, принятую в делах польских [5]. Меня приговаривают к смерти. Спустя четыре года край возмущен, власть опрокинута, крепости выданы, войска вытурены [6]. В это время держали под замком человека, который предсказывал смятение и мог бы его укротить. Прощай. Тебя любящий.

⟨11⟩

№ 12. Сибирь. 1838.

Л. с. Постепенно зреющая мысль в краю нашем должна снова обратить общее внимание на дело Тайного общества. Народное мнение движется быстро, когда его следят, но не управляют им. Скоро понадобится запретить косвенное одобрение, как считали нужным запретить хулу, которой никогда не бывало. Это естественный ход политики. Всякий нерешенный вопрос — отклонен ли, рассечен ли он — возникает снова с заботами неожиданными и затруднениями, каких не имел в начале. Внуши сыновьям [1]: не толковать об этом и особенно не упоминать обо мне в своих разговорах. Молчание — единственный и приличный для них ответ на суждения толпы. Политика такая же специальность (specialité), как медицина. Бесполезно предаваться ей без призвания, безрассудно быть завлечену в нее. После роли лекаря поневоле самая смешная: политик поневоле. Есть такие между нами. Не зная, за что ухватиться, они принялись за раскаяние [2]. Будто можно допустить раскаяние в науке? Раскаиваются в пороке, в слабости, но не в идее, которую изменяют, только если находят основательные причины [3]. Раскаивающиеся (в пороке), о которых говорю, не могут присваивать себе даже и этого достоинства: ибо они никогда не имели в голове своей ясной определительной идеи. Непонятно, как могли или — для чего хотели ошибиться насчет их. Это — избиение младенцев-политиков. Обозначим людей другого рода: помилованных по нашему делу. Их лыком

шитая тактика небезопасна для неопытных. Одни прикидываются угнетенными патриотами и успевают покорять удивление простаков своего квартала, издавая сочинения, которых никто не читает, и покровительствуя школы живописи [4]. Другие, занимая важные посты, вредят правительству: или своею неспособностию, или отступническим рвением, раздражающим умы [5]. Эти люди вообще заслуживают сострадание и* забвение. Срываю с них личину, чтоб показать моим племянникам как илотов, которых представляли взорам спартанского юношества [6]. Прощай.

⟨*12*⟩

№ *13*. *Сибирь. 28 апреля 1838.*

Л. с. Давно не извещал тебя о моих учебных занятиях [1]. Сообщаю: исследование о Историческом обозрении свода законов, в двух частях [2]. В первой находятся замечательные сознания: в 1700 году законы состояли из недостаточного уложения и многих постановлений, несогласных ни между собою, ни с Уложением. Законодательство бессвязное, смешанное; тяготило своим противоречащим разнообразием и затрудняло неточностию в прилежании ** законов (стр. 11) [3]. С тех пор десять последовательных комиссий, которым поручалось исправлять недостатки, ничего не сделали в течение 126 лет, или по своему неустройству, или по неспособности членов (стр. 55—63). Следовательно, в 1826 году край находился в таком же состоянии, как в 1700-м [4]. Исповедь откровенная, но не полная. Но к чему это говорить? Никто не требует. И заблуждения истекают одна из другой в строгой последовательности [5]. Слишком в 100 лет правительство не могло удовлетворить существенной потребности народа. Подвластные по необходимости должны были прибегнуть к собственным средствам. Во всяком случае нельзя обвинять их в нетерпении и поспешности. Такие излишние сознания служат косвенным оправданием Тайному обществу, которого предусмотрительность доказали уже поляки вооруженною рукою [6]. Вторая часть Исторического обозрения не есть чисто историческая: в ней заключаются рассуждения о началах законосоставления, о делах судебных, об изучении прав и проч. Среди выказной учености является канцлер Бакон, которому редакторы, кажется, слепо веруют. Не только перевод его текста, но и отрывки самого текста приведены, несмотря на плохую латынь канцлера (Эпиграф; ст. 82 и другие) [7]. Выбор цитат любопытен. Например: надо исключать законы, вышедшие из употребления; уничтожать повторенное, сокращать растянутое (стр. 105 и другие) [8]. Спрашиваю, не было ли это сказано тысячу раз прежде, после Бакона? На авторитете его основываются даже и тогда, когда от него уклоняются. Канцлер хочет, чтоб из законов противоречащих избирался лучший: мы избираем позднейший, если он и хуже прежнего. Но это будет не наша вина (стр. 109) [9]. На чей же счет хотят оправдаться редакторы [10]? Пределы письма не дозволяют

* Затем заключено в скобки «сожаление».
** Так в тексте (во французском тексте «application» — «применение»), Ср. наст. изд. с. 30.

опровергнуть Обозрение в его органической части, где усиливаются доказать: что мы ничего не заняли у других, почерпали законодательство из источника своих обычаев и все созидали вновь из собственной опытности (стр. 85) [11]. Редакторы, по-видимому, не знают, что все наши обычаи заимствованы; что опытность наша составлена из опытностей чуждых; что, наконец, истины не изобретаются, но передаются от одного народа к другому как величественное свидетельство их общего происхождения и общей судьбы. Одним словом: это сочинение как маленькая дверь у большого здания. Не войдешь не согнувшись. Прощай.

⟨13⟩

№ 14. Сибирь. 2 июня ⟨1838⟩.

Л. с. Образование Министерства государственных имуществ представляет важное развитие органических идей и либеральных учреждений [1], которых не осуществили еще и просвещеннейшие народы [2]. Оно необходимо будет иметь два результата: прямой и косвенный [3]. Первый составит возможное умножение материальных выгод земли, заменяя политические ручательства деятельностию управления многосложного, облеченного властию произвольною. Второй, большой важности, приготовить народ к принятию этих поручительств посредством массы идей, которые новые меры пустят в обращение. С этих двух сторон взглянем на составные части нового министерства [4]. Общий недостаток наших учреждений выражается множеством чиновников: 618 сосредоточено их в самом министерстве. Умственные произведения не множеством лиц совершаются. Избегая подробностей, ограничимся некоторыми замечаниями. Пропорция лекарей непомерна: 1 для $154^1/_2$ чиновников. В войсках, где болезни часты, не говоря о лечении раненых, обыкновенно бывает 1 лекарь на 1000 человек, часто 1 на 2000. На водах, куда стекаются больные целой Европы, нет стольких лекарей. Сверх того думают учредить госпиталь для чиновников [5]. Ревность мнимого больного к сохранению своего здоровья не так далеко простиралась [6].— Судебная власть слилась с разнородною ей властью исполнительной. Министерство или становится судьею собственного дела, или обращается в инстанцию переходную, замедляющую движение дел (гл. II, § 46; гл. III, § 10) [7]. Во множестве столов с удивлением видим стол мундиров, возле стола веры; стол нравственности возле стола *конфидансиальной* переписки (гл. II, § 1, 3, 21; гл. VIII, § 4, 107 и 108) [8]. Есть, наконец, и ученый комитет, который обходится ежегодно в 40 тысяч рублей, и которого цель недостаточно обозначена. Ибо окончательный результат занятий его: распространять нужные сведения между чиновниками; следовать за ходом государственного хозяйства в Европе и доводить о том до сведения министра; предлагать задачи и платить по условленной цене за истины, в которых нуждаются (гл. VIII, ст. 122, § 6, 7, 8; ст. 131). Очевидно, что, назначая чиновников сведущих и министра, не требующего уроков, успели бы открыть эти истины, которые ни в каком случае не покупают, и сберегли бы ежегодно большие издержки. Общая смета составляет 1,216, 694 руб., кроме жалованья министру и членам

его совета. Что сбережено будет из этой суммы, употребится на лечение чиновников, на починку старых мебелей, покупку новых и проч. (прим. 5). Это не очень утешительно. Я был в особенной дружбе с чиновником, находящимся теперь во главе министерства * [9]: прошу присылать мне перечень его актов и официальный журнал, который не преминут издавать, чтоб можно было следовать за общим движением. Идея кадастра много занимает меня [10]. Прощай.

⟨14⟩

№ 15. Сибирь. 1838.

Л. с. Министерство народного просвещения обращает на себя внимание ревностию, которую обнаруживает в разных отраслях своего управления, и блистательными результатами, которые само себе приписывает в печатных листах [1]. Уверения его, доказываемые единственно количеством школ вновь учрежденных и числом учащихся, заставляют обратиться к началам органическим, чтобы постигнуть движение настоящей цивилизации. Министерство обнародовало, что основная ** мысль его состоит в одновременном развитии православия, самодержавия и народности [2]; но не обнаружило, что эта мысль заимствована. Тому около 50 лет профессор Московского университета выразил ее в каком-то сочиненьице для своих учеников [3]. Добрый человек не думал хитрить. Он составлял философию, как мещанин во дворянстве прозу без своего ведома [4]. Мысль профессора, поглощенная забвением, возникла как правило в Министерстве народного просвещения. Рассмотрим начала, в ней заключенные, и постараемся обозначить их взаимные отношения. Вера (православие) так же склонна к самодержавию, как и к другого рода правлениям. Она равно допускает все формы и очищает их, проникая духом своим. Она изглаживает народность, как и всякое различие между людьми; потому что объемлет все *** человечество, без различия между рабом и свободным, между иудеем и язычником. Вера имеет, впрочем, своих служителей, которым поручено распространение оной, и всякая мирская власть, дерзнувшая завладеть этим служением, подвергается поражению Озину [5]. Перейдем к началу самодержавия. Это политическое устройство имеет свои выгоды и невыгоды. Не доказано еще, почему оно свойственнее русским, чем другие политические устройства и всегда ли оно будет для них равноудобно? Ибо народы, опередившие нас на поприще гражданственности, начали самодержавием и кончили тем, что заменили оное формами конституционными, более соответствующими развитию их сил и успехам познаний. Как усилия министерства стремятся к тому, чтоб настичь, даже опередить эти народы, то может статься, что такое же преобразование и по тем же причинам понадобится и русским. Тогда необходимо устранить одно из основных начал системы цивилизации.— Начало народности требует пояснения. Если под оною разумеют выражение обычаев, нравов, законов всего со-

---

* В тексте ошибочно «министров», ср. французский текст наст. изд., с. 37.
** В тексте ошибочно «основанная».
*** В оригинале явная описка — «не человечество».

става общественного, то она будет изменяться с каждым периодом нашей истории. Баснословные времена Рюрика, господство монголов, владычество царей, эпохи императоров представляют столько же разных народностей. Которую хотят развить? Если последнюю, то она более иностранная, чем русская [6]. Из этих общих соображений открывается, что три начала, составляющие настоящую систему цивилизации, разнородны и противоречащи в своих взаимных отношениях. Их можно заменить одним началом: меньше слов, больше дела. Это будет религиознее, потому что скромнее, самодержавнее, потому что болтовня противна духу самодержавия, наконец народнее, потому что выражается народною поговоркой. Прощай.

⟨15⟩

№ 16. Сибирь. Сентябрь 1838.

Л. с. Министерство народного просвещения старается упрочить самодержавие и, соединяя могущественные средства свои, направлять к развитию оного. Оно не умолкая проповедует, что господствующею мыслию народа всегда был этот образ правления, что в нем только удачность блага настоящего и залог счастия в будущем. Наемные писатели сочиняют книги в пользу этих предположений: полиция осыпает их своими хвалами [1]. Но надобен другой язык, другие доказательства и, особенно, администрация для того, чтоб идеи нам выгодные внушить 50-ти миллионам людей. Ибо народ мыслит, несмотря на его глубокое молчание. Миллионы издерживают на то, чтоб подслушивать мысли, которые запрещают ему выражать. Первая же естественно возникающая мысль состоит в поверке прокламаций министерства с прежними фактами. Император Александр, даруя конституцию полякам, обещал пред Европою разлить* благодеяние конституционных форм на все народы, провидением ему вверенные [2]. Эта драгоценная надежда обратилась в достоверность для России манифестом 12 декабря 1825 года [3]. Проникнутые благодарностию к щедротам своих монархов русские с полным доверием ожидали исполнения этого двукратного обещания. Но Министерство народного просвещения незапно объявляет им: что более ожидать нечего; что настоящее устройство для них достаточно [4], не указывая на акт, которым отменяется воля двух императоров. Когда факты так резко выражаются, не нужно их толковать. По какому праву Министерство, присвоивая власть законодательную, лишает народ самых дорогих ожиданий. Если поляки не умели ценить благодеяния своих королей, почему же русские должны быть причастны их наказанию [5]? Наконец, неужели думают склонить их к самодержавию, внушая сомнения к слову своих государей? Впрочем, Министерство поделом отвергает начала конституционные. Ибо голос изгнанника, напрасный в пустынях Сибири, доказал бы: что оно выходит из своих пределов, мешаясь в дела религиозные; что оно разрушает собственное дело, препятствуя возникающим поколениям пользоваться благодеянием, которое готовит им правительство; что оно проповедует русскую народность языком не русским [6]. Прощай.

* В тексте описка — «различить».

⟨16⟩

№ 16. Сибирь. 1838.

Л. с. В № 453 ты опровергаешь идею действительной службы на Кавказе для твоего старшего сына. Объяснимся [1]. Южная граница наша составляет самый занимательный вопрос настоящей политики. В стужах сибирских, из глубины заточения мысль моя часто переносится на берега Черного моря и обтекает три военных линии, проведенных русскими штыками, в краю, иззубренном мечами римлян. Предназначенные также значительно действовать в истории, русские в 1557 году имели два направления для развития своей материальной силы: одно на север, другое на юг. Правительство избрало первое. Постоянными усилиями и пожертвованиями оно достигло своей цели [2]. Главная выгода этого направления состоит в приобретении прибрежия двух второстепенных морей и океана неудобоходного [3]. Второе направление представляло важнейшие результаты. Это была мысль Адашева и Сильвестра [4]. Сохранясь силою сокровенною, свойственною идеям органическим [5], она, с полвека тому, начала развиваться в постепенных завоеваниях наших на южной границе. Каждый шаг на север принуждал нас входить в сношения с державами европейскими. Каждый шаг на юг вынуждает входить в сношения с нами. В смысле политическом взятие Ахалциха важнее взятия Парижа [6]. Если * дела Кавказа немощны, несмотря на огромные средства, употребляемые правительством, это происходит от неспособности людей последовательно назначаемых вождями войск и правителями края [7]. Один покоритель Эривани по своим военным талантам отделен от группы этой старой школы [8]. Но он явился мгновенно в главе армии, а в этой земле надо не только покорять, но и организовать. Система же, принятая для достижения последней цели, кажется, недостаточна: ибо не удалась на равнинах запада, как и в горах юга [9]. Пределы письма не дозволяют развить все мои мысли. *Verbum — sapienti* **[10]. Из этих общих усмотрений следует: служба на Кавказе представляет твоему сыну случай изучать военное искусство во многих его отраслях и принять действительное участие в вопросе важного достоинства для будущей судьбы его отечества [11]. Ограничиваюсь советом. Тем хуже для тех, которые от него уклоняются. Прощай.

---

* В тексте описка — «или...». Ср. наст. изд., с. 32.

** Слово — разумному, мудрому (*лат.*).

Вторая серия

№ 1

27/15 сентября 1839 года. Шефу жандармов.

Ваше сиятельство!

Настоящее положение мое не имеет, по-видимому, прямых отношений к вопросам, которые излагал я в письмах к моей сестре. У нее нет друга, кроме меня [1]; некому помогать ей в заботах и наставлять в затруднениях, происходящих от расстройства имения, наследственных тяжб и освобождения крестьян [2]. На последовательные вопросы об этих предметах я принужден был говорить о наших учреждениях, объяснять движение гражданственности, толковать законы, утверждающие ее право, обнаруживать злоупотребления и лихоимство, которые ослабляют силу этих законов и порождают * противоречащие решения по одному делу в одном и том же судилище, что сестра моя испытала на самом деле. Неохотно прерывал я учебные занятия, составляющие отраду мою в заточении, и обращал мысль на заботы и суетность мира. Но я исполнял это как ** обязанность для сестры, которая в течение десятилетнего заключения моего в казематах еженедельно писала ко мне без надежды получить ответ [3].

Прискорбно было для меня повеление прекратить на время переписку [4]. Избегая вновь подобного несчастья, осмеливаюсь просить: не угодно ли будет Вашему сиятельству предписать, чтоб письма мои, которые с разборчивостью постараюсь составлять, предварительно рассматривали, изменяли или удерживали, если некоторые из них найдут неправильными. Это распоряжение избавит меня от тягостной *** ответственности за невольные уклонения или за неуместную откровенность: и действие запретительных мер, лишающее сестру мою необходимого утешения и помощи, не падет более на невинного. Кажется, не уклоняясь от справедливости и рассудка, я испрашиваю для родственной переписки не более того, что законы предоставляют письменам, назначенным к печати [5].

№ 2

27/15 сентября 1839.

Любезная сестра! Прекращение моей переписки, вредное по своим последствиям для домашних дел твоих, обязывает меня объяснить причины моего поведения, которые расторгли последнюю видимую связь между нами. Я принужден был касаться важных предметов, говоря о твоих наследственных тяжбах и об освобождении крестьян. В первом случае я исполнял обязанность к тебе; во втором — к человечеству. В моих письмах

---

* Далее зачеркнуто «множество» (здесь и далее все исправления и разночтения даны по черновику ТГ).

** Далее зачеркнуто «долг».

*** Далее зачеркнуто «обязанности».

я всегда старался соединять откровенность с законами строгого приличия и ревностно пользовался случаями, когда по внутреннему убеждению мог изъявлять хвалу к действиям власти. Эта похвала, мало важная сама по себе, может быть единственная по своему бескорыстию. Пусть укажут мне закон, запрещающий излагать политические идеи в родственном письме? Он не находится в Своде законов; он не может находиться ни в каком Своде законов [1], ибо политика заключается в глубине всех вопросов нравственных, ученых и литературных, и такой закон запрещал бы* мыслить.

Заблуждения свойственны всем [2]. Можно ошибаться без своекорыстия, как в заточении, так и на высоких местах звания общественного. Сошлемся на события. Я указал, что медленность успехов на Кавказе проистекает от людей старого толка: люди с новыми понятиями явились в рядах войска и совершили важный шаг [3]. Я разобрал распоряжения Министерства народного просвещения в конце прошлого года [4]: в начале настоящего закрыт Университет Владимирский [5] и спустя несколько месяцев Дерптский навлек на себя меры запретительные [6]. Я сказал несколько слов о Министерстве государственных имуществ, которое уже... [7] и проч., и проч.

Предусмотрение таких событий не могло произойти от случайности: кажется вероятнее, что в мыслях, изложенных мною в письмах, было нечто истинное. Но я не ищу оправданий. Напротив, я желал бы выразить глубокое сокрушение о том, что откровенность, имевшая в виду** твою пользу, подвергла меня неодобрению властей, к которым питаю глубокое уважение [8].

№ 3

22 октября/3 ноября 1839.

Л. с. Рабство пришло к нам не прямым путем, но случайно, во времена недавние, когда уже все просвещенные народы признавали оное не сообразным с законами божественными и человеческими [1]. Около половины XVII века правительство, желая исцелить язвы, причиненные смутами, почти десять лет волновавшими Россию, вздумало произвести всеобщую перепись жителям и поземельным владениям (писцовые книги).

К облегчению этого двоякого действия возобновили указ, забытый во время народных смятений, который препятствовал свободному переходу крестьян из одного места в другое [2]. Этот указ впоследствии способствовал действиям местной полиции, легчайшему сбору налогов, пополнению войска рекрутами и учреждению периодической переписи народа (ревизия). Вероятно, увлекаясь временными выгодами, не предусмотрели окончательных последствий возобновленного указа. Приводимый в различные времена и царствования в постепенно бóльшую силу и объятность, он, по существу дела, лишил многочисленную часть народа покровительства законов, предав оную произволу частных лиц (а). Однако ж в Своде зако-

* В ТГ: «равнялся бы запрещению мыслить».
** Далее зачеркнуто «только».
(а) Петр I, Екатерина II [3].

нов нет начала, узаконяющего рабство [4]. Если б крестьяне наши судебным порядком стали отыскивать свою свободу, мы не могли бы ничего противопоставить им, кроме косвенного действия * узаконений, клонившихся к общему благу народа.

Другое обстоятельство, исключительно принадлежащее России, упрочило этот порядок вещей. Почти везде денежный недостаток вынуждал правительство обращаться к народу, который взамен денежных пособий получал уступки, права и преимущества. У нас вышло противное: истощение государственной казны заставило прибегнуть к винному откупу и в разврате народном искать поруки за его ничтожество.

Многие, извлекая корысть из заблуждений, не убеждаются никакими рассуждениями и не преклоняются никакими ** просьбами. Жертвуя всем для личной выгоды, ложно понимаемой, они продают своих братьев как животных, или истребляют их как вещь. Владельцы более человеколюбивые, составляющие большинство, безотчетно и по другим побуждениям следуют путем не менее ложным. Они воображают, что вещественное благосостояние, доставляемое крестьянам, достаточно уже вознаграждает их за потерю гражданских прав и за усыпление умственных способностей. Присвоивая право располагать судьбою крестьян и устроивать их счастье, они не понимают, что это присвоивание нарушает начала в законах нравственного порядка, по коим настоящее и будущее благо каждого зависит от собственного произвола. Однако ж не одно неведение причиною таковых поступков: они бы первые, может быть, вопияли противу рабства, если б голос совести не заглушался звуком металла, рабством доставляемого.

Ошибки не проходят даром в политике. От повреждения одного корня общественного дерева увядает вся растительность; как от одной неверной ноты разрушается стройность аккорда. Рабство выражается в наших нравах, обычаях и учреждениях. Впечатленные от колыбели примером безусловного повиновения, мы утратили нравственную силу, отличающую человека и составляющую гражданина. Мы не страшимся смерти на поле битвы, но не смеем сказать слова в Государственном совете за справедливость и человечество. Оттого мы лишены светильника рассудительной оппозиции, которая, освещая стези правительства, способствовала бы исполнению его благотворных намерений. Бесплодность нашей словесности происходит от тех же причин. Наши книги, обратившиеся в предмет торговли, наполненные бессмыслицей или нелепыми баснями, не производят никаких последствий. Напечатанное поутру забыто вечером. Свод законов заключает в себе таблицу, где обозначена цена людей по возрасту и полу; где однолетнее дитя оценено дешевле теленка (b) [5]. Наши судилища, в которых совершают купчие и закладные, подобны базарам, где торгуют человеческим мясом.

---

* Далее зачеркнуто «указа».

** Далее зачеркнуто «средствами».

(b) 11ть рублей. Свод Законов, о правах состояний, т. IX, ст. 707.

С тех пор, как введен этот порядок, никто не восстал, чтоб остановить его успехи или указать на его * неизбежные последствия. Тайный союз первый прервал молчание [6]. Он отстаивал порабощенных соотечественников всеми ** средствами, которыми мог располагать. Проекты освобождения крестьян были предложены некоторыми из его членов. Он доказывал владельцам, что истинные выгоды их требуют освобождения крестьян и что это действие, справедливое и великодушное, послужит не к уменьшению, но к приращению их доходов. Он представлял облеченным властью, что все подданные, одушевленные одинаковою ревностью к исполнению своих обязанностей, имеют право на одинаковое покровительство и равенство перед законом. Нравственное влияние Тайного союза на умы произвело местное уничтожение барщины, частное освобождение, совершенное многими владельцами, и общее улучшение в состоянии рабов. Заметим, что эта важная отрасль трудов Тайного союза заслужила, по-видимому, одобрение правительства; ибо ни Следственная комиссия, ни Верховный уголовный суд не рассудили за благо упомянуть об оной ни в Донесении, ни в приговоре [7].

Рабство, несовместное с духом времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий, по мере того как народы успевают на поприще гражданственности. Прискорбный, но полезный пример этой истины представляют Американские Штаты, в которых рабство утверждено законом. Признав торжественно равенство людей пред законом как основное начало их конституции, они виселицею доказывают противное и приводят оттенку цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество. Отличая даже могилу негра, эти поборники равенства уничижают ближнего и за пределами земной жизни [8]. Познание настоящего полезнее в некотором смысле опытов прошедшего. Когда великодушные усилия правительства успеют разлить благодетельный свет познаний на массу народа, тогда иго неволи, сносное теперь от невежества, может навлечь неправильные и насильственные *** меры для обеспечения владельцев или для укрощения справедливых, но незаконных требований крестьян.

Освобождение крестьян не представляет затруднений и опасностей, которые робкие или корыстолюбивые умы усиливаются выставлять. Оно совершилось в Царстве Польском и в областях Балтийских без малейшего потрясения [9]. Разве мы хуже поляков, лифляндцев и курляндцев? Однако ж ничего не сделано в пользу крепостного состояния в течение 13 лет, с тех пор, как лишили его кровных защитников. Мы не усматриваем даже никаких **** предварительных мер, необходимых для сего действия.

Нарушая права человечества допущением рабства, правительство благоприятствует развитию чуждых ему сил, которые могут найти опору в общем мнении и в желаниях народа, когда справедливость и рассудок находятся на их стороне. Много было толков о причинах, по которым воз-

* Далее зачеркнуто «гибельные».
** Далее зачеркнуто «зависящими от него».
*** Слова «и насильственные» вписаны.
**** Далее зачеркнуто «следов».

ник Тайный союз. Его основание приписывали «*чтению зловредных книг, путешествиям за границу, роскоши полупознаний и даже моде*» (c). Может быть это заблуждение продолжалось бы и теперь, если б государственный сановник в обнародованном под его руководством сочинении [11] не указал главнейшей причины: «*что наше законоположение в 1826 году находилось в таком же беспорядке и смешении, как в 1700; и что все усилия правительства в продолжение более века не могли исправить этого зла, ниже удовлетворить первой потребности народной*» (d).

При вторжении неприятелей рабство служит им предлогом оправдывать свои поступки, орудием волновать умы и средством привлекать на помощь своему делу всех просвещенных народов. Французы в последнее нашествие не воспользовались этими преимуществами, потому что система императорства, основанная на злоупотреблении, не дозволяла обратиться к коренным началам и находить в них опору. Но ход событий может вооружить противу нас народы и правительства, более опасные совокупностию сил вещественных и нравственных, проистекающих из учреждений конституционных. Уничтожение рабства восстановит порядок и стройность в учреждениях, послужит к уравнению борьбы и к сокрушению врагов действительнее, чем сожжение городов, опустошение областей и суровость климата.

Эти мысли, созревшие в тишине темниц, не отвергнутся теми, которые в простоте сердца ищут истины и которые понимают, что обязанность говорить ее для общего блага независима ни от каких обстоятельств нашей скоротечной жизни.

№ 4

17/5 ноября 1839.

Л. с. С некоторой поры Сибирь наводнена новыми изгнанниками. Им приписывают характер политический, но в самом деле — они жертвы нерассудительной ревности или легковерия, свойственного * неведению. Говорим о поляках, сосланных после революции 1830 года [1]. Их несколько тысяч (a). Одни на каторжной работе, другие на поселении, третьи размещены по гарнизонам. Как побежденные они имеют право на великодушие русских, как несчастные — на сострадание всех людей. Не ищите между ими не только виновников революции, даже косвенных волнователей. Те и другие смекнули о своей безопасности, когда дела приняли худой оборот. В совокупности наших изгнанников видим людей, которых вовлекли в заблуждение, подвергли опасности и оставили. Они состоят из шляхты, отставных воинов, горожан, арендаторов и крестьян. Между ими есть дети, осужденные прежде совершеннолетия; дряхлые старики, обратившиеся в детство; духовные, едва читающие свой молитвенник. Спросите всех и каждого: какая была у них цель? Никто не сумеет отвечать вам.

(c) Дон‹есение› След‹ственной› ком‹иссии›.— Ман‹ифест› 13 июля 1826 года [10].
(d) Истор‹ическое› обозрение Свода законов.
* Далее зачеркнуто «невежеству».
(a) Около 20 000 человек [2].

По законам справедливости и рассудка можно, кажется, принять за правило: что во всякой революции виновность поровну падает надвое: на власть, которая причинила или не умела предупредить оную, и на подвластных, которые прибегли к этому средству, чтоб искать удовлетворения за угнетения существенные или мнимые. Мы не намерены оправдывать бедных изгнанников. Но часть виновности, падающая на них, много уменьшится, если сообразим, что этим людям по их общественному положению были чужды дела политические; что недостаток просвещения и особенно ветренность, свойственная народному характеру, увлекли их за стремлением потока, что, наконец, они издавна были приготовлены к волнению многими мерами предыдущего царствования [3]. Во время брожения и смут они суждены и приговорены военными судилищами, неспособными производить рассудительного исследования и стесненными строгостью военных законов. Лишенные пособия законоведца, не понимая языка, на котором их допрашивали, подсудимые, желая оправдываться, часто усиливали свою винность. Судьи, с своей стороны, умножали этот хаос или по неведению судопроизводства, или по ревности, ложно понимаемой. Большая часть совершенных приговоров требует законной поверки. Наконец, должно сказать и то, что много несчастных сосланы без суда. Эти события показывают, от кого чернь заимствует свои неистовства.

Рассматривая этот вопрос политически, найдем, что таковое множество изгнанников — потеря для Польши без малейшей пользы России. Употребляемые на каторжной работе не могут выполнить определяемых уроков по физическому и нравственному ослаблению. Должны изменять для них общее положение; ибо принуждение было бы им выгоднее, сокращая дни, ознаменованные страданиями. Маловажная и плохо производимая ими работа не покрывает издержек на содержание, ничтожных отдельно, но значительных в сложности. Поселенцы, лишенные всего, обольщаемые неосновательною надеждою увидеть родину, не думают водворяться и проводят жизнь в нищете и праздности. Развращенные несчастьем, они составят впоследствии новый рассадник разбойников, вдобавок к тем, которые здесь существуют. Инсургенты, поступившие в войска, не много облегчая тягость рекрутства, производят худое действие на нравственность солдата, который усматривает, что звание его служит наказанием за преступления. Варшавские высшие общества, увлекая массы, неспособные рассуждать, восстали не против народа, но против русского правительства. Это различие ясно было обозначено первыми революционными действиями: отсылкою русских войск из Варшавы, депутациею в Петербург, всенародными почестями памяти русских, казненных за дело конституционное, печатными воззваниями, приглашавшими русских к собратству и проч. [4] В наших изгнанниках правительство почитает своими противниками существа безвредные, с первого взгляда внушающие сочувствие по своей простоте и бедствиям, которых самые большие проступки могли бы решиться разбирательством сельского начальства. Они так незначительны, что не могут быть ни жертвами искупительными, ни служить полезным примером для своих соотечественников. Сомнение невольно закрадывается

в умы, когда власть предостерегается против слабости * и принуждена поддерживать свои начала суровыми мерами. Это многолюдство, отторгнутое от родного крова, придает польскому восстанию характер общественной революции, чего не было; но если б и было, не следовало это оглашать. Польша не может быть опасна для нас, пока не будет владеть Поморием, иметь пристаней и будет состоять из одного города. Медлительность и бедствия последнего похода происходили единственно от самонадеянности и неспособности фельдмаршала, которому в начале войны вверена судьба войск [5], вопреки предостережениям Тайного союза. Приписывая искусству противников последствия собственных ошибок, мы сооружаем подножие, которое, возвышая их, омрачает нас своею тенью.

Доказательством, что общепринятая мера несообразна, по крайней мере отчасти, служит множество частных злоупотреблений, которые она порождает. Чиновники, надзирающие за изгнанниками, облечены, по ходу дел, властью произвольною, которая сама по себе есть уже злоупотребление. Их личные выгоды имеют влияние на исполнение обязанностей. Им естественно представлять изгнанников не в настоящем свете, увеличивать и даже вводить их в проступки, чтоб возвысить собственное значение, доказать свою ревность и получить награду. Из множества подобных событий ограничимся примером поручика Высоцкого и его товарищей. Этот молодой человек заслуживал некоторого внимания как военнопленный, взятый с оружием в руках и покрытый ранами при защите своего поста. Кто защищается таким образом против русских, тот заслуживает название храброго. Однако ж он и трое его товарищей были преданы суду за намерение к побегу. Обстоятельства этого предположения были увеличены, которое даже при успехе лишило бы только своего виновника политической важности, напрасно ему приписанной **. Все были осуждены и испытали жестокое наказание — сквозь строй. В числе истязуемых был священник. Гнусность этого дела сложили на умственное расстройство высшего чиновника; но ничего еще не сделали к облегчению участи страдальцев. Они угасают, обремененные цепями, в безмолвии казематов [6].

Если политическое значение наших изгнанников ничтожно, то не дóлжно забывать, что связи родства и дружбы существуют для них, как и для нас; а может быть и более, чем для нас, по тому общественному быту, в каком они находились, где подобные связи сильнее и продолжительнее. Каждый из них оставил родное пепелище и тесный круг друзей в каком-нибудь неизвестном уголке Польши, где имя его повторяется матерью, женою или сирыми детьми. Не будем презирать слез, втайне проливаемых малыми пред великим свидетелем. Из вздохов, заключенных под соломенными кровлями, рождаются бури, низвергающие дворцы. Неудовольствия и недоверчивость, обнаруживаемые в Польше и разрушающие ми-

---

* Точнее: «власть принимает меры против слабых». Ср. французский текст; наст. изд., с. 47.

** Французский текст (наст. изд., с. 48) позволяет уточнить перевод: «Однако ж он и трое его товарищей были преданы суду за намерение к побегу при отягчающих вину обстоятельствах, в то время как даже при успехе виновник не имел бы напрасно приписанной ему политической важности».

ротворные распоряжения правительства, родятся и возрастают от подобных причин. Пока они существуют, народ уступит силе, но не сроднится душой. Однако ж взаимного укрепления последней связи требуют выгоды обеих земель. Поляки — братья нам по происхождению, наша передовая стража по географическому положению и естественные союзники, несмотря на домашние ссоры между нами. Нужно такое же сплавление, как между англичанами и шотландцами, чтоб совершилось предопределенное и чтоб мы могли занять место, назначенное нам среди народов европейских.

После восстания польского несколько милостивых указов являлись как благотворные светила после временной бури. Но их лучи не проникли в пустыни сибирские, чтоб согреть сокрушенные сердца изгнанников. Обманутые в своих ожиданиях, они не покидают надежды. Признавая отеческое право власти, которая их карает, они ждут помощи от руки, их сокрушившей. Это безусловное доверие к великодушию государя свидетельствует о их покорности и ручается за их будущее поведение. Обращение их под родимый кров, политически выгодное обеим землям, согласовалось бы и с чувством народным. Русские наследовали начало, выражаемое поговоркой: лежачего не бьют. Общее мнение, несмотря на стесняющие его препоны, не престает указывать, что надо что-нибудь сделать для поляков. Первостепенные державы хотели помочь им, но не могли. Воспользуемся случаем доказать Европе, что Россия может сделать все, чего пожелает. Недавно враги, более опасные, проникнув до сердца империи, испытали тотчас гостеприимство после их сокрушения и обращены в свое отечество без выкупа и промена [7]. Эта мера не повредила России. Напротив, в странах Запада она распространила страх нашего оружия и возбудила желание искать нашей дружбы. Справедливость и рассудок требуют, чтоб братьям сделали то же, что сделано было чужеземцам.

Читая эти строки, какой-нибудь холодный и расчетливый ум найдет, может быть, что я говорю о делах, которые до меня уже не касаются. Я говорю потому, что те молчат, до кого это касается. Паскаль верил свидетельству идущих на смерть [8]. Отрекшиеся от личной свободы, от всякого благосостояния, от всякого звания общественного, кажется заслуживают также некоторой доверенности. Облеченным властью следует рассмотреть: не скрывается ли какая-нибудь истина в этом изложении, начертанном по глубокому убеждению.

№ 5

3 декабря/21 ноября 1839.

Л. с. Скоро исполнится четвертый год моего заточения [1]. Начинаю чувствовать влияние сибирских пустынь: отсутствие образованности и враждебное действие климата. Тип изящного мало-помалу изглаживается из моей памяти. Напрасно ищу его в книгах, в произведениях искусств, в видимом, окружающем меня мире. Красота для меня — баснословное предание; символ граций — иероглиф необъяснимый [2]. В глубине казематов мой сон был исполнен мечтаний поэтических; теперь он спокоен, но нет видений и впечатлений. Излагая мысли, я нахожу доводы к подтверждению истины; но слово, убеждающее без доказательств, не начерты-

вается уже пером моим. Иногда я жажду аккорда, черты, оттенка, слова; иногда хотел бы истребить эти формы, стесняющие сношения между умами и свидетельствующие наше падение. К полноте бытия моего недостает ощущений опасности. Я так часто встречал смерть на охоте, в поединках, в сражениях, в борьбах политических, что опасность стала привычкою, необходимостью для развития моих способностей. Здесь нет опасности. В челноке переплываю Ангару, но волны ее спокойны. В лесах встречаю разбойников; они просят подаяния. Тишина, происходящая от таких прозаических обстоятельств, может быть, прилична толпе, которая влечется посторонней силою и любит останавливаться, чтоб отдыхать на пути. Я желаю, напротив того, окончить странствование, перейти за пределы, отделяющие нас от существ прославленных, вкусить спокойствие, которым они наслаждаются в полном познании истины. Мое земное послание исполнилось. Проходя сквозь толпу, я сказал, что нужно было знать моим соотечественникам. Оставляю письмена мои законным наследникам мысли, как пророк оставил свой плащ ученику, заменившему его на берегах Иордана [3].

№ 6

27/15 декабря 1839.

Л. с. Письмо твое, октября 7-го, № 528, заключает любопытные подробности о наследственной тяжбе, почти полвека продолжающейся, которая влечет за собою бесконечные злоупотребления [1]. В 1828 году 8-й Департамент Сената признал, что противники твои владели спорною землею незаконно («*неправильное владение*»), и решил дело в твою пользу; но в 1838 году тот же Сенат находит, что владение противников было законно («*добросовестное владение*»), и решает дело против тебя. Просьба твоя о перенесении дела в Общее собрание отвергнута Комиссиею прошений, вопреки всем существующим узаконениям. По родству и дружественным связям можно бы подозревать меня в пристрастии, если б я сказал свое мнение об этих событиях, которые, впрочем, явны и не требуют пояснений. Но должно предупредить тебя, что случившееся с тобою совсем не новость и не редкость в России. Напротив, редки и новы такие тяжбы, в которых не бывает подобных уклонений. Главные причины этих беспорядков не заключаются, как многие воображают, в недостатке Свода гражданских законов, (ибо *Common law* [2] у англичан также недостаточен); но находятся в обрядах судопроизводства и в составе судилищ. Наше судопроизводство начинается во мраке, тянется в безмолвии, украдкою, часто без ведома одной из участвующих сторон и оканчивается громадою бестолковых бумаг. Нет адвоката, чтоб говорить за дело; нет присяжных, чтоб утвердить событие, и в особенности нет гласности, чтоб просветить, удержать и направить облеченных судебною властью. Их решения, даже справедливые и законные, становятся источником новых тяжб, по темноте и безграмотности определений. Что касается до состава судилищ, стоит взглянуть на людей, которые берутся отправлять суд. Кавалеристы, которые не усидят уже верхом; моряки, которые не снесут более качку; иностранцы, которые не понимают русского языка; одним словом,—

все, которых некуда девать, находят мягкое кресло в Правительствующем Сенате. Низшие места и должности наполняются людьми, также чуждыми познаний юридических, но одаренными чутьем к ябеде и знающими наверно, сколько тяжба может принести им доходу. Таковы вообще люди, которым вверена участь сироты и вдовицы и которые по своему произволу произносят решения о правах жизни и чести граждан. Необходимо обнаружить эту главную причину злоупотреблений, потому что ее влияние решительно на судьбу наших соотечественников и потому что ее можно отстранить, по крайней мере отчасти, не изменяя остальных государственных учреждений. Несмотря на отчаянное положение твоей тяжбы вследствие противоречащих решений и непринятия твоей просьбы, есть надежное и непреложное средство достигнуть третьего противоречащего решения, внести твою просьбу и все исправить. Но я не укажу на это средство, потому что оно не сообразно с нашим образом мыслей. Мы можем терпеть, но не должны делать худого с сознанием [3]. Среди печалей и забот, которые окружат отеческое пепелище, ты найдешь утешение, вспоминая, что брат твой восставал против этого порядка вещей и что жизнь его в изгнании есть постоянное свидетельство его ревности к общему благу.

№ 7

3 января 1840 года/22 декабря 1839 года.

Л. с. Одного из моих сотрудников упрекали в том, что он в своем проэкте Конституции назвал некоторые совокупленные губернии областью Холмогорскою; другие — Северскою или Северянскою (Дон⟨есение⟩ След⟨ственной⟩ комис⟨сии⟩, стр. 18). Занимаясь науками политическими, часто приходится обобщать предметы вещественные так же, как идеи, и означать их особными наименованиями, выражающими с меньшею или большею точностию их сложное значение. Может быть, автор *Русской Правды* употребил не совершенно точные названия в географическом * отделе своего сочинения. Но эта небрежность, которую легко исправить, кажется, не оправдывает упрека «*в едва вероятном и смешном невежестве*», приписанного ему в официальном акте такими людьми, коих ученость еще не доказана [1]. Придирка к словам почти явно доказывает, что нечего сказать основательного о сущности дела или нельзя разбирать его по какимнибудь посторонним причинам. В самом деле, много писано ** об этой Конституции. Мы знаем: «*что ее вырыли из земли близ неизвестной деревушки*; *знаем*, *кто исправлял ее слог*; *что́ она была одобрена некоторыми членами Южного общества*»; однако ж содержание ее нам вовсе неизвестно [2]. Что касается до неточности названий, мне кажется, лучше бы совсем не говорить о том, ибо чрез то обратили только внимание на наименование некоторых из наших областей в официальных бумагах [3]. Например: области Балтийские обыкновенно называют *Остзейскими губерниями* (т. е. губерниями Восточного моря). Но Балтийское море не на востоке России; след-

* Далее зачеркнуто «части».
** Далее зачеркнуто «было».

ственно, это * наименование, заимствованное от немцев, не совсем прилично для России. Западные области империи называют: *возвращенными от Польши губерниями*. Это последнее наименование *неточно*, потому что объемлет земли, никогда не входившие в состав России, напр⟨имер⟩ Литву; *неполно*, потому что не распространяется на Смоленск и Малороссию, которые также были возвращены, хотя и прежде; *оскорбительно*, потому что напоминает эпоху унижения России; неполитично **, потому что питает враждебные чувства в народе, который хотят слить с русскими.

Когда правительство — светильник и вожатый наш — не замечает подобных неправильностей в своих официальных актах, то его чиновники должны, кажется, оказывать более снисхождения к небрежностям или ошибкам, вкравшимся в очерк политических предположений.

№ 8

1 января 1840/20 декабря 1839 года.

Л. с. Новый год начался для меня самым приятным образом — прибытием Летуса. Это прекрасное животное, как живое письмо, сообщает мне: что чувства твои в течение 14 лет не изменились; что ты *** любишь изгнанника, как любила гусара, и, отделенная от него 7000 верст, угадываешь, что может сделать его счастливым. Между тем Летус славный жандарм: он сделал на тебя несколько доносов и сплетней; например: что тебя тревожат мои письма и что ты недовольна, когда мне случается говорить о политике [1]. Но в наше время — здравствуй почти нельзя сказать без того, чтоб это слово не заключало в себе политического смысла. Впрочем, кажется, ты приписываешь слишком много важности мыслям изгнанника, изложенным не для печати. Они тогда только могут заслужить внимание правительства, когда справедливы и основательны; и в таком случае, скорее должно ожидать развития и осуществления оных, нежели мер запретительных. Истина всегда драгоценна, откуда бы ни явилась. Если ожидать ее из Правительствующего Сената, то много утечет воды, пока это случится. Как бы то ни было, но я очень доволен сотовариществом нового изгнанника, который всякую минуту напоминает мне лучшую и любезнейшую из сестер.

№ 9

13/1 января 1840.

Л. с. В Петропавловской крепости я заключен был в каземате № 7, в Кронверкской куртине, у входа в коридор со сводом. По обе стороны этого коридора поделаны были деревянные временные темницы, по размеру и устройству походившие на клетки: в них заключались политические подсудимые. Пользуясь нерадением или сочувствием тюремщиков, они разговаривали между собою, и говор их, отраженный отзывчивостью свода

* Далее зачеркнуто «название».
** В тексте — «неполитическое».
*** «Ты» вписано рукой Лунина в ТГ.

и деревянных переборок, совокупно, но внятно доходил ко мне. Когда же умолкал шум цепей и затворов, я хорошо слышал, что говорилось на противоположном конце коридора. В одну ночь я не мог заснуть от тяжелого воздуха в каземате, от насекомых и удушливой копоти ночника — внезапно слух мой поражен был голосом, говорившим следующие стихи:

Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду, незнаемый никем;
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренный,
Познает мир, кого лишился он.

— Кто сочинил эти стихи? — спросил другой голос.— Сергей Муравьев-Апостол [1].— Мне суждено было не видать уже на земле этого знаменитого сотрудника, приговоренного умереть на эшафоте за его политические мнения. Это странное и последнее сообщение между нашими умами служит признаком, что он вспомнил обо мне[2], и предвещанием о скором соединении нашем в мире, где познание истины не требует более ни пожертвований, ни усилий.

№ 10

10/22 января 1840.

Л. с. Мне сообщили 10 января 1840 года содержание бумаги шефа жандармов графа Бенкендорфа, который позволяет мне возобновить переписку с тобою на условиях: «*не помещать в письмах моих суждений непозволительных о предметах посторонних, выходящих из круга обыкновенной переписки с родными*». Не зная, какие мысли и какие выражения могут им нравиться, предпочитаю лучше вовсе не писать к тебе, чем стараться скрывать свои мысли и взвешивать слова, которые обращаю к сестре. Я ограничусь сообщением тебе изредка отрывков из моих учебных занятий, по которым можешь узнавать, что брат твой существует еще во глубине изгнания и всегда питает к тебе неизменную дружбу.

РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ

Первая серия

Lettres de Sibérie
1838
A ma soeur Ouvaroff.

PRÉFACE

Ces lettres écrites dans l'exil, ayant attiré l'attention du gouvernement, ont provoqué l'ordre de suspendre ma correspondance pendant une année. La défense d'énoncer les opinions est un témoignage de leur importance, et de cette crainte que les hommes en général éprouvent au premier aspect de la vérité, avant qu'ils parviennent à la comprendre et à l'aimer [1].

Mon but a été d'indiquer les questions organiques de l'état social, qu'il est essentiel de résoudre, mais qui se trouvent écartées et dans l'ombre, tandis que des affaires d'une importance secondaire et des minutieux détails préoccupent les esprits. Cette tâche n'est pas sans utilité à une époque transitoire, où les éléments d'une opposition rationnelle manquent, où l'organe de la presse, muet pour la vérité, ne sert qu'à exprimer une mécanique adulation. Le nuage d'encens dont on entoure le gouvernement produit l'effet d'un mirage, qui trompe tous les partis par des images fantastiques [2].

Pendant dix années de reclusion dans les cachots, je n'ai pas cessé de méditer les intérêts du pays. Mes veilles solitaires ont eu pour objet l'utilité de ceux qui avaient méconnu mes intentions. Dans l'exil j'ai repris l'initiative aussitôt que les circonstances l'ont permis. Plusieures de mes lettres, transmises par la Chancellerie Impériale, se trouvent déjà dans la circulation. Le dernier vœu de Thémistocle dans l'exil fut que ses restes mortels soient transportés et ensevelis dans le sol de la patrie: mon dernier vœu au milieux des Solitudes sibériennes consiste à ce que mes idées politiques, dans ce qu'elles ont de conforme à la vérité, se répandent et se développent dans l'esprit de mes concitoyens.

LETTRE 1

Charissima Soror! Le produit net de mes opérations agronomiques de l'année passée s'élève à la somme de 141 roubles, sans compter le seigle d'hiver qui donne de belles espérances. Dieu soit loué: il y a de quoi vivre. C'est la première année de ma colonisation, et en général une mauvaise année pour la récolte.

Mes efforts sont entravés par l'argent retenu, la défense de circuler, et les craintes que j'inspire aux autorités. Mais d'un autre côté je suis exempt de l'impôt et des corvées. L'un compense l'autre. A dire vrai le plus grand ob-

stacle sont mes études. Platon et Hérodote ne s'accordent guère avec la charrue et la herse. Au lieu d'inspecter les ouvriers aux champs, je m'amuse à feuilleter les bouquins. Cependant bien des choses on été faites dans l'espace de 18 mois. Un terrain inculte, marécageux, couvert de ronces et de bruyères, a été defriché, saigné, enclos, transformé en prairies et terres labourables. Il y a un jardin anglois pour la promenade, un châlet entouré de pâturages, et un potager qui fournit la provision annuelle de légumes. Enfin il y a un joli Ermitage où le voyageur attardé trouve un abri, le pauvre un morceau de pain, le brigand une résistance. Je me plais à vous communiquer ces détails, parce que c'est plutôt votre ouvrage que le mien. Vous avez fourni les moyens: je n'ai déployé qu'un peu d'activité [1].

Reste à faire connoitre le personnel de mon ménage [2]. Il se compose de Wassilitch, de sa femme et de ses quatre enfants. Mon pauvre Wassilitch a 70 ans, mais il est robuste, jovial, plein de zèle et d'activité. Sa destinée a été d'une autre manière aussi orageuse que la mienne. Il a commencé par être donné en dot, puis engagé au Lombart et à la Banque. Après son rachat de ces deux établissements il a été perdu au bilboquet, ensuite troqué contre une levrette [3], et finalement vendu à l'encan avec du bétail et toute sorte d'effets à la foire de Nijni. Son dernier maître dans un moment d'humeur l'exila en Sibérie sans autre forme de procès. Les faits et gestes de Wassilitch pendant ces nombreuses mutations, sont couverts d'un voile qu'il seroit indiscret d'écarter.

Ayant lu quelque part que la cause de mon exil est l'arrière-pensée de crimes qui auraient pu être commis, et l'intention de publier des ouvrages qui auraient pu être composés, il partage la discrétion de mes juges, et évite avec le même soin toute interrogation à ce sujet. Nous nous convenons parfaitement, malgré certaines dissemblances dans nos habitudes et nos inclinations. Depuis deux ans que le sort nous a réunis dans les Solitudes Sibériennes, aucun nuage n a troublé l'harmonie réciproque. Sa femme est un être inoffensif, qui se borne à faire la cuisine, à laver le linge et soigner des enfants un peu criards. Pour achever le Tableau il faut parler d'un cheval blanc, qui par la couleur du poil rappele le beau coursier tué sous moi à la bataille de Mojaïsk: et de six chiens à la gueule fumante qui remplacent mes clefs de meute. Ma situation actuelle avec un si foible entourage au milieu d'un pays infesté de brigands, résume celle d'Alcibiade dans son exil en Bithynie. J'ai le pressentiment que le même genre de mort sera une analogie de plus avec cet homme singulier.

LETTRE 2

Ch. S. Mes études ont eu dernièrement pour objet: le Précis des notions historiques sur la formation du corps des loix russes, tiré des actes authentiques déposés dans les archives de la 2-e section de la Chancellerie particulière de S. M. l'Empereur [1]. La première partie de cet ouvrage contient des aveux remarquables. En 1700 notre législation se composoit d'un Code incomplet, et d'une multitude d'actes souvent opposés entre eux, et pour la plupart en contradiction manifeste avec l'esprit du Code. La jurisprudence

était hétérogène, incohérante, contradictoire, et jettait de la confusion et de l'incertitude dans l'application des loix (page 10).

Depuis cette époque dix Commissions consécutives, chargées de remédier à ces défauts, n'ont rien fait dans l'espace de 126 ans, soit par le vice de leur organisation, soit par l'incapacité de leurs membres (page 10 et suiv.). Par conséquent en 1826 le pays se trouvoit sous ce rapport dans le même état qu'en 1700. C'est la vérité: peut-être pas toute la vérité. Mais pourquoi la dire? Personne ne l'exige. Les vérités comme les erreurs se tiennent par un enchaînement rigoureux [2]. Puisque le Gouvernement n'a pas pu dans l'espace de plus d'un siècle satisfaire au plus urgent besoin de la Nation: les gouvernés ont du nécessairement recourir à leurs propres moyens pour atteindre ce but. Dans tous les cas on ne peut pas les accuser d'impatience et de précipitation. En fesant de pareils aveux sans nécessité, on plaide indirectement la cause de la société occulte, qui a déjà trouvé des avocats à main armée pour prouver la justesse de ses vues dans la question Polonaise. La seconde partie du Précis n'est pas purement historique. Elle contient une espèce de dissertation sur les principes de la Codification, la procédure judiciaire, l'étude du droit, etc., etc. Au milieu de cet étalage d'érudition arrive le Chancelier Bacon, en qui les rédacteurs semblent avoir une foi implicite. Non seulement la traduction de son texte, mais des fragements du texte même sont cités, sans égard au mauvais latin du Chancelier (pag. 79. Ep ⟨ingraphe⟩ etc.). Le choix des citations est curieux. Par exemple: qu'il faut exclure les loix abolies: qu'il ne faut pas se répéter: qu'il faut abréger ce qui est trop diffus, etc., etc. (page 102 et suiv.).

Je vous demande si cela n'a pas été dit mille fois avant et après Bacon? Son autorité est également invoquée lorsqu'on s'en écarte. Le Chancelier veut que parmi les loix qui se contredisent on choisisse la meilleure: nous choisirons la plus récente sans chercher à distinguer si elle est la meilleure (pag. 106) [3].

Les bornes d'une lettre m'empêchent de réfuter le Précis dans sa partie organique, où les rédacteurs s'efforcent de prouver que nous n'avons rien pris aux étrangers, et que toute notre législation est puisée dans nos coutumes et notre expérience (page 82). Ils semblent ignorer que presque toutes nos coutumes sont d'emprunt: que notre expérience se compose également de celle d'autrui: qu'enfin les vérités ne s'inventent pas, mais se transmettent d'un peuple à l'autre comme un imposant témoignage de leur commune origine et destinée. Il suffira dire que cet ouvrage est une petite porte à un vaste édifice. Il faut se baisser pour entrer.

LETTRE 3

Ch. S. J'ai fait une promenade sur le bord de l'Angara, avec l'exilée dont le nom est déjà inscrit dans nos annales patriotiques. Son fils [1] nous devançait en courant pour cueillir des fleurs, et revenait à nous pour les donner à sa mère. Après avoir traversé une partie de forêt par une montée progressive, nous aperçûmes tout à coup un immense horison, terminé par des montagnes bleuâtres à l'ouest, et coupé dans toute son étendue par le fleuve, qui

ressemblait à un serpent d'argent couché à nos pieds. «Ses perfections invisibles sont devenues visibles, par la connoissance que ses créatures nous en donnent». Mais l'imposant spectacle de la nature n'était qu'un accessoire auprès de celle que j'accompagnais. Elle réalisait la pensée de l'Apôtre, et par les grâces de sa personne, et par la beauté morale de son caractère. Fatiguée d'une longue course à travers le taillis, elle se coucha sur l'herbe pour reprendre des forces. La conversation tomba sur la mort, pensée familière aux destinées orageuses. A notre retour nous aperçûmes entre les arbres une pauvre femme avec un sac sous le bras, occupée à la recherche de la racine du Moukir.

— A quoi bon cette racine, lui demandai-je? — Mes enfants la prendront en guise de thé qui nous manque, répondit la pauvre femme. Elle fut tirée de sa peine. A la vue de l'exilée dans la foret elle trouva des secours pour sa famille; comme Agar à la vue de l'Ange dans le désert trouva de l'eau pour son fils.

LETTRE 4

Ch. S. Ma vie s'écoule tour à tour parmi les êtres visibles, qui ne me comprennent pas: ou * l'être invisible que je ne comprends pas. Les ténèbres du péché le dérobent à ma vue; mais j'ai une idée de sa beauté. J'ai entendu le bruit de ses ailes, au moment que le plomb meurtrier s'est amorti dans mes chairs. J'ai entrevu le reflet de son regard, quand le tranchant du glaive a été détourné de ma tête. Qui m'a suivi au fond des cachots? qui a allégé le poid de mes chaînes et guéri leurs blessures?

L'être invisible qui veille sur ma destinée. Ne pouvant se manifester à moi avant ma mort, il m'entoure des témoignages de sa présence. Une chaumière dans l'exil a pour moi le charme du foyer paternel: je suis calme au milieu des dangers; indépendant dans la contrainte, heureux dans la solitude. «A cette heure je reconnois véritablement que le Seigneur a envoyé son Ange, et qu'il m'a délivré de la main d'Hérode, et de toute l'attente du peuple Juif».

LETTRE 5

Ch. S. A mesure que les idées mûriront dans le pays, l'attention générale se reportera naturellement sur l'histoire de la Société occulte. L'opinion publique va vite lorsqu'elle est surveillée sans être dirigée. Bientôt on sera obligé d'interdire la louange indirecte, comme on a affecté d'interdire le blâme qui n'a jamais eu lieu. C'est la marche naturelle en politique. Toute question tranchée ou éludée, en place d'être résolue revient sur l'eau accompagnée d'embarras et de difficultés aux quels on ne s'attend pas et qu'elle n'avoit pas dans l'origine. Inspirez à vos fils d'éviter les discussions à ce sujet: surtout qu'il ne soit jamais question de moi dans leurs discours. Le silence est la seule réponse convenable aux jugements de la tourbe. La politique est une spécialité comme la médecine. Il est inutile de s'en mêler sans vocation: absurde de s'y laisser entraîner. Après le rôle du médecin malgré-lui, le plus

* В черновике письма (ЗК; наст. изд., с. 205) затем слово «avec».

ridicule est celui du politique malgré-lui. Il s'en trouve parmi nous. Ne sachant plus à quel saint se vouer, ils jouent le repentir. Comme si l'on pouvoit admettre le repentir dans une science? On se repent d'un vice, d'un défaut, d'une foiblesse, mais non pas d'une idée qu'il suffit de rectifier quand on trouve des arguments suffisants. On a toujours pensé que le soleil tournait, avant de découvrir que c'est la terre qui tourne. Le dernier système a été généralement adopté, et personne ne s'est repenti [1]. Quant aux repentants dont je parle ils ne peuvent même pas prétendre au mérite d'avoir changé d'idée: car ils n'ont jamais eu d'idée claire et arrêtée dans leurs têtes. Je suis encore à concevoir comment on a pu, ou pourquoi on a voulu se tromper sur leur compte. C'est le massacre des innocents.— Désignons une autre espèce de gens: les graciés de notre affaire, leur tactique cousue de fil blanc n'est pas sans danger pour l'inexpérience. Les uns jouent les patriotes opprimés, et parviennent à captiver l'admiration des bourgeois de leur quartier, en publiant des ouvrages que personne ne lit, et en patronisant des écoles de peinture. D'autres placés à des postes éminents compromettent le gouvernement, soit par leur incapacité, soit par un zèle de rénégat qui aigrit les esprits. Ces hommes en général ne méritent que la commisération et l'oubli. J'ai arraché leurs masques pour les montrer à mes neveux, comme on exposait les hilotes aux regards de la jeunesse spartiate.

LETTRE 6

Ch. S. J'approuve l'idée du service actif au Caucase pour votre fils aîné [1]. La frontière du midi est au nombre des questions organiques. Du fond de l'exil ma pensée se transporte souvent sur les bords de la mer Noire, et parcourt les trois lignes militaires, tracées par les baïonnettes Russes, dans un pays saccagé par le glaive des Romains. Les Russes, appelés à jouer un rôle également important, avaient en 1557 le choix de deux directions pour le développement de leurs forces matérielles: l'une vers le nord, l'autre vers le midi. La première, préférée par le gouvernement, ajouta au pays le littoral de deux mers secondaires et d'un océan peu praticable. La seconde offrait des résultats plus importants. C'était la pensée d'Adacheff et de Silvestre. Elle a commencé à se développer depuis un demi siècle dans nos conquêtes progressives sur la frontière méridionale. Chaque pas que nous fesons au nord, nous forçait d'entrer en relation avec les Puissances européennes: chaque pas que nous fesons au midi force ces dernières à entrer en relation avec nous. Sous le rapport politique la prise d'Ahalzik est plus importante que la prise de Paris. Si les affaires du Caucase languissent, malgré les immenses moyens que le gouvernement emploie, il faut l'attribuer à l'incapacité des hommes placés consécutivement à la tête de l'armée et de l'administration du pays. Le vainqueur d'Erivan est le seul, qui par ses talents militaires se détache de ce groupe de la vieille école. Mais ce n'est pas tout de vaincre dans ce pays, il faut l'organiser. Or le système adopté pour cette dernière fin paroit défectueux: car il a manqué dans les plaines de l'occident, comme dans les montagnes du midi. N'ayant pas de base rationnelle, il n'est propre qu'à souder les parties ajoutées [2]. Quoiqu'il en soit le service du Cau-

case présente à votre fils l'occasion d'étudier l'art de la guerre dans plusieurs de ses branches, et de prendre une part active dans une question d'une haute importance pour les destinées futures de son pays [3].

LETTRE 7

Ch. S. Ma dénomination a varié pendant la détention aux cachots et l'exil, et à chaque variation elle s'allongeait.

Maintenant on me nomme dans les papiers officiels: Государственный преступник, находящийся на поселении. Toute une phrase à côté de mon nom. En Angleterre on eut dit: un tel, de l'opposition. Car en dernier resumé c'est là mon caractère politique. Je n'ai pas participé aux émeutes qui conviennent à la tourbe: ni aux complots qui conviennent aux esclaves. Ma seule arme est la pensée, tantôt en harmonie, tantôt en dissonance avec le mouvement gouvernemental, selon qu'elle trouve l'accord qui lui convient. Dans le dernier cas il n'y a pas de quoi s'effaroucher. L'opposition est un élément inhérent à toute organisation politique. L'ordre actuel en Russie a la sienne. Mais elle s'exprime par des voyages à l'étranger, ou le séjour à Moskou; et se compose de ceux qui ont prouvé leur incapacité, ou volé quelque chose. J'espère que vous ne me confondez pas avec ces Messieurs, malgré tout ce qu'on pourra dire, écrire ou imprimer sur mon compte. Si je ne tiens pas à l'opinion du monde, la nature de nos relations exige que je fasse cas de la vôtre.

LETTRE 8

Ch. S. Le ministère de l'Instruction publique mérite d' attirer notre attention, par le zèle qu'il déploie dans les diverses branches de son administration, et par les brillants résultats qu'il s'attribue dans ses imprimés. Comme l'unique preuve de ses assertions consiste dans le chiffre des écoles nouvellement organisées, et le nombre de ceux qui les fréquentent, il est nécessaire de remonter aux principes organiques, pour comprendre le mouvement de la civilisation actuelle. Le Ministère a proclamé que sa pensée intime consiste dans le développement simultané de la Religion, de l'Autocratie et de la Nationalité. Mais il n'a pas jugé à propos d'ajouter que cette pensée est d'emprunt. Un professeur de l'Université de Moskou l'inséra, il y a une cinquantaine d'années, dans un petit écrit destiné pour sa classe. Le brave homme n'entendait pas malice. Il fesait* de la philosophie, comme le bourgeois — gentilhomme fesait de la prose sans s'en douter. Voilà que sa pensée, noyée dans l'oubli, surnage et devient le critérium du Ministère de l'Instruction publique. Tâchons d'analiser les trois principes qu'elle renferme, et de déterminer leurs rapports réciproques. La Religion n'est pas plus favorable à l'autocratie, qu'à tout autre mode de gouvernement. Elle admet également toutes les formes, et les purifie en les pénétrant de son esprit. Elle efface la nationalité comme toute distinction entre les hommes, puisqu'elle embrasse le genre humain sans distinguer les esclaves et les lib-

* Так в тексте.

res, les juifs et les gentils. D'ailleurs la Religion a ses ministres, aux quels le soin de la répandre a été exclusivement accordé, et tout pouvoir mondain qui se permet d'usurper ce ministère s'expose au châtiment d'Oza. Passons au principe de l'autocratie. Ce mode politique a ses avantages, comme ses inconvenients. Reste à prouver pourquoi il convient aux Russes de préférence aux autres combinaisons, et s'il leur conviendra toujours également. Car les peuples qui nous précèdent dans la carrière de la civilisation ont commencé par l'autocratie, et ont fini par lui substituer les formes consitutionnelles, plus analogues au développement de leurs forces, et au progrès des lumières. Comme les efforts du Ministère tendent à atteindre et même à devancer ces peuples, il se peut faire que la même réforme, provoquée par les mêmes raisons, devienne nécessaire aux Russes. En ce cas il faudra mettre de côté l'un des principes fondamentaux de la civilisation. Le principe de la Nationalité a besoin d'explication. Si l'on entend par là l'expression des usages, des mœurs, des loix, de l'état social en général, elle sera relative aux différentes phases de notre histoire. Les temps fabuleux de Rurik, la domination des Mongols, l'époque des Czars et celle des Empéreurs, présentent autant de nationalités distinctes. La quelle veut on développer? Si c'est la dernière elle est plutôt étrangère que russe. Il résulte de ces considérations générales que les trois principes qui constituent le système actuel de civilisation, sont hétérogènes, incohérants, et contradictoires dans leurs résultats réciproques. On pourrait les remplacer par un seul principe: меньше слов, больше дела. Cela serait plus religieux, car c'est plus modeste: plus autocratique, parce que le bavardage est contraire à l'esprit d'autocratie: enfin plus national puisque cela s'exprime par un dicton populaire.

LETTRE 9

Ch. S. L'incendie du village où votre hussard est cantonné, n'est qu'un accident ordinaire, au quel vous ne songerez plus en lisant cette lettre [1]. Cela pourrait à peine figurer comme épisode dans ma destinée orageuse. Votre fils a rempli son devoir en sauvant votre portrait des flammes au péril de ses jours. Je viens d'apprendre avec un vif regret la mort d'un adversaire politique: le Président du Conseil d'Etat, Comte Novossilzoff [2]. J'ai combattu le système qu'il avait adopté, étant à la tête des affaires à Warsovie, et qui a eu de si tristes résultats pour le Royaume et l'Empire. Mais la différence d'opinions politiques ne m'empêche pas de lui rendre justice. Il avoit beaucoup d'esprit, une grande routine des affaires et un zèle ardent pour la cause nationale [3]. Quel contraste dans nos destinées: pour l'un l'echafaud et l'histoire: pour l'autre le fauteuil du Conseil et le Calendrier de la Cour. La mention que je fais de lui dans cette lettre, est l'unique chance qui pourra transmettre son nom à la postérité [4].

LETTRE 10

Ch. S. Après une longue réclusion dans les cachots, la mémoire ne reproduit que des souvenirs vagues et décolorés, comme les planètes réfléchissent la lumière du soleil sans communiquer sa chaleur.— Cependant j'ai encore des trésors dans le passé. Je me rappele notre dernière entrevue dans la galerie du Château de... C'était en automne, par une soirée froide et pluvieuse. Elle avait une robe de taffetas noir, une chaine d'or au col, et au bras un bracelet entouré d'émeraudes avec le portrait de celui de ses ancêtres qui a délivré Vienne. Son regard virginal errant au hasard semblait suivre les fantasques replis des tresses d'argent sur ma pelisse de hussard. Nous marchions le long de la galerie sans parler, mais nous n'avions pas besoin de paroles pour nous entendre. Elle paraîssait rêveuse. Une peine profonde perçait à travers le double éclat de la jeunesse et de la beauté, comme l'unique indice de sa nature mortelle. En approchant d'une croisée d'ogive nous aperçumes la Vistule, dont les ondes jaunâtres étaient tâchetées par l'écume des vagues. Des nuages gris traversaient l'horizon, la pluie tombait par torrents, les arbres de parc s'agitaient en tout* sens. Ce mouvement inquiet sans cause visible au dehors, contrastait avec le calme profond autour de nous. Tout à coup la cloche du Château annonça l'heure de Vêpres, en fesant vibrer le vitrage. Elle récita un Ave Maria, me tendit la main et disparut. Depuis cet instant le bonheur que le monde peut donner disparut. Ma destinée troublée par les orages politiques, devint une lutte continuelle contre les hommes et les choses. Mais la prière des adieux fut exaucée. La paix que personne ne peut ravir me suivit à l'échafaud, dans les cachots et l'exil. Je ne regrette aucune de mes pertes. La descendante du guerrier m'apparaît quelques fois dans les songes; et le sentiment dont elle eut été l'objet exclusif, s'augmente et se purifie en s'épanchant sur mes ennemis.

LETTRE 11

Ch. S. Une compagnie de soldats est arrivée hier soir au village pour y passer la nuit. Elle servait d'escorte à un condamné à mort, qu'on conduisait à pied d'Irkutsk à la fabrique d'Alexandrie, ou l'exécution devait avoir lieu.— Ce matin à la pointe du jour je me rendis à la prison. Le condamné était dans un arrière cachot, assis par terre, les fers aux pieds, n'ayant pour vêtement qu'une chemise sale et délabrée. Pas de paille pour reposer sa tête. Il avait faim. La vue du déjeuner que j'apportais le réjouit. Mais on l'empêchait de manger et d'écouter mes paroles amicales. Je m'attendais à voir un Religieux à côté de lui. Rien que des soldats et des cosaques. Voyant que ces derniers insistaient pour que je sorte il me dit: «Souvenez vous de moi dans vos prières» [1]. Cependant le tambour roulait pour réunir la troupe dispersée dans le village. Au bout d'une heure elle reprit sa marche funèbre. Deux jours plus tard les souffrances et la vie du condamné cessèrent aussitôt après l'exécution.— Les égards dus à l'homme condamné par la loi sont méconnus. On oublie, ou plutôt on ignore que par le fait de la condamnation il est déjà acquit-

* В тексте «tous».

té envers la société, et que sa mort devient aussi utile que la vie de son juge. Les supplices communement en usage chez nous pour les crimes capitaux, se ressentent de la barbarie des siècles passés. C'est la mort par fraction. Ils blessent la raison, révoltent l'humanité et dégradent le pouvoir judiciaire, en subordonnant ses décrets à la discrétion du bourreau. S'il faut du temps et un concours de lumières pour épurer la procédure criminelle, il ne faut qu'un acte rationnel de la volonté pour changer la nature du supplice. Le premier pas vers ce but a été fait par le décret qui défend de mutiler l'homme; le second serait celui qui prescrirait de le détruire, sans prolonger son agonie par d'affreux et d'inutiles tourments. Tandis que l'Aréopage se tait, une foible voix s'élève de l'exil pour plaider la cause de l'humanité. Vox clamantis in deserto [2].

LETTRE 12

Ch. S. Les effets et les livres que je viens de recevoir ont été abymés, par la négligence ou l'ineptie du Département des postes, au quel vous les avez confié. Cet abus de la confiance publique provient de ce que cette importante branche de l'administration est convertie en sinécure, et confiée à un courtisan de la vieille école, qui pendant plusieurs règnes a rempli avec plus ou moins de succès le rôle de bouffon [1]. La vieille école en général n'est bonne à rien: confiez lui une armée, elle vous l'embourbe: confiez lui un palais, elle vous l'incendie: confiez lui un envoi, elle vous l'abyme [2].

— Je viens d'apprendre que plusieurs de nos exilés politiques demandent à servir comme soldats à l'armée du Caucase, pour se rapatrier avec le Gouvernement [3]. Ils ont raison. Il y a seulement de l'imprudence à se hazarder à une telle démarche sans avoir passé préalablement par une légère épreuve. Il faut se faire administrer le premier jour cinquante coups de bâtons, le second cent, et le troisième deux cents: ce qui au bout du compte fera trois cent cinquante coups de bâtons. Après cette épreuve on pourra dire: dignus, dignus est intrare in isto docto corpore [4].

LETTRE 13

Ch. S. Le nouveau Ministère des Domaines présente un imposant développement d'idées organiques, et d'institutions libérales. La sphère de son action embrasse tous les degrés de la vie sociale, et s'étend depuis les paysans de la Couronne jusqu'au tribus nomades qui parcourent les Solitudes Sibériennes [1]. D'après la nature des choses il aura deux résultats positifs [2]. Le premier consistera à augmenter le bien-être matériel du pays, autant que cela peut se faire en substituant aux garanties politiques, l'action d'une administration compliquée et revêtue d'un pouvoir discrétionnaire. Le second résultat d'une plus haute importance sera celui de préparer le peuple à recevoir ces garanties, par la masse d'idées que les nouvelles mesures mettrons en circulation. C'est sous ce double rapport que nous jettons un coup d'œil sur les parties constitutives du nouveau ministère. Le défaut général de nos administrations se reproduit dans l'état du personnel, qui s'élève à 618 employés centraux. Ce n'est pas à l'aide des masses que se fait le tra-

vail intellectuel. Pour éviter les détails nous nous bornerons à observer que la proportion des médecins est prodigieuse: un pour cent cinquante quatre employé et demi. Dans les troupes où les maladies sont fréquentes, sans parler des blessures, il y a d'ordinaire un médecin pour mille hommes, souvent un pour deux mille. Aux eaux où les malades de l'Europe affluent il n'y a pas tant de médecins. Malgré cela on va établir un hôpital pour les employés (Rem⟨arque⟩: 5. p. 50) [3]. Le zèle du malade imaginaire n'est pas allé aussi loin pour la conservation de sa santé. Toute la partie judiciaire semble hétérogène dans un pouvoir exécutif. Comme tribunal le Ministère devient juge dans sa propre cause; ou bien une instance intermédiaire qui entrave la marche des affaires (Ch⟨apitre⟩ 11. art⟨icle⟩ 46. Ch. III, art. 70) [4]. Dans le grand nombre des bureaux on est surpris de trouver: le bureau des uniformes à côté de celui de la Foi: le bureau de la moralité à côté de celui de la correspondance confidentielle (Ch. II, art. 1. 3. 21.) (Ch. VII. 4. 117. 183). Enfin nous avons le Comité Savant, qui a quarante mille roubles, et dont le but n'est pas suffisamment déterminé. Car en dernier résumé ses occupations se réduisent: à répandre les connoissances nécessaires parmi les employés: à suivre la marche de l'économie politique, pour en informer le Ministre: à proposer des problèmes, et payer au prix convenu les vérités dont on a besoin (Ch. VIII, 122. 6. 7. 8. 131). Il est évident qu'en nommant des employés instruits, et un Ministre qui n'ait pas besoin d'information, on parviendrait à découvrir ces vérités qui dans tous les cas ne s'achètent pas, et on épargnerait une forte dépense annuellement. Le budjet général s'élève à: 1, 216, 694. roubles, sans compter la paye du Ministre et des membres de son conseil. Ce qui pourra être épargné sur cette somme sera employé: à traiter les employés dans leurs maladies: à réparer les vieux meubles et en acheter de nouveau etc. (Rem: 5). Cela n'est pas très consolant. Comme j'ai été particulièrement lié avec la personne qui se trouve à la tête de ce ministère, je vous prie d'envoyer la série de ses actes, et le journal officiel qui ne manquera pas de paroître, afin que je puisse suivre le mouvement général. L'idée du Cadastre m'intéresse vivement.

LETTRE 14

Ch. S. Mon ami Varka a été mordu par un serpent à notre dernière chasse dans les forêts. Le voilà étendu à mes pieds, l'écume à la gueule, ne respirant qu'avec peine, mais remuant la queue et me regardant quand je lui parle, comme s'il comprenait mes paroles. Le titre d'ami convient à cet animal mieux qu'aux hommes qui l'ont assumé dans le monde. Ces derniers ont eu peur quand l'orage a éclaté sur ma tête, et se sont enfui la queue entre les jambes. L'idée de la régénération a troublé à la fois les amis et les ennemis [1]. Eblouis par une lueur subite, ils n'ont pas vu que leur bien général était au fond de cette idée [2]. J'ai combattu le système adopté dans les affaires de Pologne, et j'ai démontré ses fatales conséquences. On me condamne à mort. Quatre ans plus tard le pays est insurgé, les autorités culbutées, les places fortes livrées, les troupes russes pourchassées. Pendant ce temps on gardait sous clef l'homme, qui avait prédit et qui pouvait conjurer l'orage.

LETTRE 15

Ch. S. Le plaisir que me causent toujours vos lettres, a été nuagé par la nouvelle de l'accident arrivé au Colonel D........... [1] Sa position est pénible, mais vous prenez la chose trop à cœur. On n'est nullement déshonoré par l'attaque d'un brigand. Il n'est pas au pouvoir des hommes de nous flétrir quand nous ne le méritons pas. J'ai été sous la potence, et j'ai porté des fers. Croyez vous que je sois déshonoré par là? Mes adversaires politiques ne le pensent pas. Ils ont été obligés d'employer la force matérielle, parce qu'il n'y a avait pas d'autre moyen pour réfuter les idées progressives que j'ai mis en avant. Voilà tout. Quant au Colonel D... il peut maintenant donner un nouvel éclat à une vie de probité et d'honneur en sollicitant la grâce de son assassin, ou en lui fournissant le nécessaire pour vivre s'il est déjà condamné par la loi. Je n'ai que de bonnes nouvelles à vous donner en retour de vos tribulations mondaines [2]. Mes heures s'écoulent dans le silence du cabinet, ou dans l'harmonie des forêts Sibériennes. Singulière progression de bonheur! Plus j'approche du terme de ma course, et plus les vents deviennent favorables. Si quelques nuages s'accumulent de nouveau sur l'horizon, il ne faut pas s'en alarmer. Cet orage passera comme les autres et ne fera qu'accélérer mon arrivée au port.

LETTRE 16

Ch. S. Le Ministère de l'instruction publique professe un culte religieux pour l'autocratie, et concentre les puissants moyens dont il dispose pour contribuer à son développement. Il ne cesse de proclamer que ce mode de gouvernement a été de tout temps la pensée dominante de la Nation, et qu'il est l'unique chance de salut pour le présent, comme la seule garantie de bonheur pour l'avenir. Des écrivains à gages composent des livres en faveur de ces hypothèses, et la police les entoure de ses acclamations. Mais il faut un autre language, d'autres preuves et surtout une autre administration, pour faire adopter à cinquante millions d'hommes les idées qui nous conviennent. Car la Nation pense, malgré son profond silence. La preuve qu'elle pense c'est qu'on dépense des millions, pour surprendre les idées qu'on l'empêche d'exprimer. Or la première idée qui se présente ici naturellement est de vérifier si les proclamations du Ministère sont d'accord avec les antécédents. L'Empereur Alexandre, en octroyant la Constitution aux Polonois, a promis à la face de l'Europe de répandre les bienfaits du mode Constitutionnel sur tous les peuples que la Providence avait confié à ses soins. Cette précieuse espérance des Russes, reçut la Sanction d'une certitude morale par le manifeste du 12 Décembre 1825. Pénetrés de gratitude pour la munificence de leurs souverains, ils attendaient avec une confiance sans bornes l'accomplissement de cette double promesse. Mais le Ministère de l'instruction leur annonce tout à coup qu'ils n'ont plus rien à attendre, que l'organisation actuelle suffit, et que c'est un crime de désirer autre chose [1] sans même indiquer l'acte par le quel la volonté de deux Empereurs est révoquée. Quand les faits s'expriment si haut, il est inutile de les commenter. De quel droit un Ministère, usurpant le pouvoir législatif, vient ravir à la Nation ses plus

chères espérances? Si les Polonois ont méconnu les bienfaits de leurs Rois, est-ce une raison pour impliquer les Russes dans leur châtiment? Enfin est-ce en leur apprenant à douter de la parole impériale, qu'on croit les styler à l'autocratie? Du reste le Ministère a raison de proscrire les formes constitutionnelles. Car la voix d'un exilé, perdue maintenant dans les solitudes Sibériennes, aurait retenti à la tribune pour prouver: qu'il dépasse les limites de sa compétence en se mêlant de Religion: qu'il défait son propre ouvrage, en rendant les générations naissantes incapables de jouir du bienfait que le Gouvernement leur prépare: qu'il prêche une nationalité Russe, dans un language qui n'est pas Russe.

LETTRE 17. A la Comtesse Kankrine

Madame! La lettre que vous avez bien voulu m'écrire a réveillé une foule de Sentiments, depuis longtemps étrangers à mon cœur. Si le bonheur inespéré a tant d'emprise sur nous dans les circonstances ordinaires de la vie: jugez de l'émotion que j'ai du éprouver en recevant un aussi précieux témoignage de votre amitié dans les Solitudes Sibériennes. Je suis charmé d'apprendre que les lettres adressées à ma sœur vous intéressent. Elles contiennent l'expression des idées qui m'ont conduit à l'échafaud, dans les cachots et l'exil. J'aime à croire qu'en les jugeant avec impartialité, vous trouverez qu'au lieu d'être subversives, elles tendent plutôt à consolider les éléments de l'ordre social en les épurant, et qu'elles contribuent en même temps à éclairer les questions organiques, dont la solution est d'une haute importance pour le bien-être du pays. La publicité que mes lettres obtiennent par le zèle qu'on met à multiplier les copies, en fait une arme politique dont je dois me servir pour défendre la cause de la liberté. Votre gracieux souvenir, Madame, sera un puissant soutient pour moi dans cette lutte périlleuse. J'ai l'honneur d'être etc.

M. L.

Перевод *:

ПИСЬМО 11

Л. с. Вчера вечером рота солдат прибыла в деревню и остановилась на ночлег. Она сопровождала осужденного на смерть, которого вели пешком из Иркутска на фабрику в Александровске, где должна была состояться казнь.— Сегодня на рассвете я пришел в тюрьму. Осужденный, в ножных кандалах, был помещен в задней камере. Он сидел на земле, одетый в одну лишь грязную и рваную рубаху. Не дали даже соломы, чтоб приклонить голову. Он был голоден. При виде принесенного мною завтрака он обрадовался. Но ему не дали поесть и выслушать мои слова дружеского ободрения. Я ожидал увидеть подле него священника. Но там были только солдаты и казаки. Видя, что те требуют, чтобы я ушел, он сказал мне: «Помяните меня в ваших молитвах». Тем временем барабан созывал солдат, разбредшихся по деревне. Спустя час похоронная процессия двинулась дальше. Двумя днями позже казнь прекратила страдания

* Переводы писем, не вошедших или вошедших частично в позднюю редакцию «Писем из Сибири» (подробнее об этом см. наст. изд., с. 366, 396).

и жизнь осужденного.— Уважение, положенное человеку, который осужден законом, не признается. Забывают, а вернее не хотят знать, что произнесенный над ним приговор сводит его счеты с обществом, и смерть его становится столь же полезной, что и жизнь его судьи. Пытки, обычно применяемые у нас в случае тяжких преступлений, носят следы варварства былых веков. Это умерщвление по частям. Оно оскорбляет разум, возмущает чувство человечности и унижает судебную власть, подчиняя ее решения произволу палача. Если для очищения судопроизводства нужно и время, и обсуждение его знающими людьми, то для уменьшения мук осужденного нужен лишь акт разума и воли. Первый шаг к этой цели был сделан указом, запрещающим калечить осужденного; вторым было бы предписание умерщвлять его, не продлевая агонии ужасными и ненужными страданиями. Пока ареопаг безмолвствует, изгнанник подъемлет свой слабый голос в защиту человечности. Vox clamantis in deserto*.

ПИСЬМО 12

Л. с. Вещи и книги, только что мною полученные, повреждены по небрежности или тупости почтового ведомства, которому ты их вверила. Подобное злоупотребление общественным доверием происходит оттого, что эта важная отрасль управления превращена в синекуру и доверена царедворцу старой школы, который при нескольких государях с большим или меньшим успехом играл роль шута. Старая школа вообще ни к чему не пригодна: доверьте им армию — они заведут ее в болото; доверьте дворец — сожгут; доверьте посылку — изгадят.

Мне стало известно, что некоторые наши политические ссыльные изъявили желание служить рядовыми в кавказской армии, чтобы вернуть себе милость правительства. Они правы. Однако было бы неосторожно решиться на такой шаг, не подвергнувшись прежде небольшому испытанию. В первый день получить пятьдесят палочных ударов, на второй сто, на третий двести, что вместе составит триста пятьдесят палочных ударов. После такого испытания можно будет сказать: dignus, dignus est intrare in isto docto corpore**.

ПИСЬМО 15

Л. с. Удовольствие, которое мне всегда доставляют твои письма, было омрачено известием о несчастии, постигшем полковника Д... Положение его тягостно, но вы слишком принимаете это к сердцу. Нападение разбойника никого не бесчестит. Не во власти людей позорить нас, когда мы того не заслужили. Я был под виселицей и носил кандалы. Разве ты почитаешь меня опозоренным? Мои политические противники так не думают. Им пришлось употребить грубую силу, ибо не было иного средства опровергнуть прогрессивные идеи, мною высказанные. Вот и все. Что же касается полковника Д..., то он может теперь сообщить новый блеск с честью прожитой жизни, испросив помилование своему убийце или доставив ему средства к существованию, если он уже осужден законом. В обмен на твои светские огорчения я могу сообщить о себе одни лишь добрые вести. Дни мои проходят в тиши кабинета или среди гармонической красоты сибирских лесов. Удивительно, как постепенно приходит счастие! Чем ближе конец моего пути, тем более попутен мне ветер. Если и сбираются вновь на горизонте кое-какие тучи, тревожиться нечего. Эта буря минует, как миновали другие, и только ускорит прибытие мое в гавань.

* Глас вопиющего в пустыне (*лат.*).

** Достоин, достоин вступить в эту ученую корпорацию (*лат.*).

ПИСЬМО 17. ГРАФИНЕ КАНКРИНОЙ

Сударыня! Письмо, которое вам угодно было мне написать, пробудило множество чувств, давно уже чуждых моему сердцу. Если нежданное счастие имеет над нами такую власть при обстоятельствах обычных, судите, что́ должен я был испытать, получив в сибирских пустынях столь драгоценное свидетельство вашей ко мне дружбы. Я счастлив был узнать, что мои письма к сестре вас интересуют. В них изложены мысли, приведшие меня на эшафот, в каземат и в ссылку. Смею надеяться — судя о них беспристрастно, вы увидите, что они не подрывают общественного порядка, но скорее содействуют упрочению его основ путем их очищения и, вместе с тем, освещают важнейшие вопросы, коих разрешение весьма существенно для блага страны. Гласность, какую приобретают мои письма благодаря усердному их переписыванию, обращает их в политическое оружие, коим я должен пользоваться для защиты дела свободы. Мысль о вашем ко мне расположении, сударыня, будет мне мощной поддержкой в этой опасной борьбе. Имею честь быть и т. д.

М. Л.

Вторая серия

№ 1

*Au Chef des gendarmes *. 1839, 15/27 Septembre.*

Monsieur le Comte!

La nature de mes relations avec ma sœur exige, que j'aborde parfois dans mes lettres des questions, qui en apparence n'ont pas de rapport direct avec ma situation actuelle. Elle n'a pas d'autre ami au monde que moi, pour éclairer sa religion [1] et lui prêter l'assistance nécessaire dans les embarras et les difficultés que lui causent une fortune dérangée, des procès héréditaires **, et l'émancipation de ses paysans. En réponse aux questions consécutives sur ces sujets, j'ai été obligé d'expliquer *** les institutions nationales, de résumer le mouvement de la civilisation, de commenter les loix sur les quelles son droit se fonde, d'indiquer les abus et les malversations qui paralysent la vertu de ces loix, et provoquent du même tribunal dans la même affaire, deux décisions contradictoires comme elle vient d'en faire l'expérience. C'est à regret que j'ai détourné ma pensée des études qui font ma consolation dans l'exil, pour la reporter vers les tribulations et les vanités du monde. Mais j'ai cru remplir par là mon devoir envers une sœur, qui pendant les dix années de ma reclusion dans les cachots, n'a pas cessé de m'écrire chaque semaine, sans avoir même l'espoir d'obtenir une réponse ****.

---

* Первоначально написано и зачеркнуто «A Monsieur».
** Далее зачеркнуто «l'éducation de son fils».
*** Далее зачеркнуто «la nature».
**** Далее зачеркнуто «du prisonnier».

Pénétré du profond regret que m'a causé l'ordre de suspendre ma correspondance, et désirant * éviter ce malheur à l'avenir, je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence, en la priant de vouloir bien préscrire au bureau chargé de la transmission de mes lettres, d'en faire la censure préalable, et de modifier ou supprimer celles qui paraîtront irrégulières, malgré le soin que je mettrai à leur rédaction. De cette manière je serai à l'abri d'une pénible responsabilité pour des ** aberrations involontaires ou une franchise déplacée: et la pénalité d'une mesure restrictive ne retombera plus sur l'innocent, en privant ma sœur d'une consolation et d'un secours essentiel. Je ne crois pas m'écarter de la justice et de la raison, en réclamant pour mes lettres confidentielles ce que les loix du pays accordent aux écrits destinés à l'impression.

J'ai l'honneur d'être *** etc., etc. M. L.

№ 2

Exil. 15/27 Septembre 1839.

Ma sœur! La suspension de mes lettres, ayant eu de fâcheuses conséquences pour vos affaires domestiques, m'impose l'obligation d'expliquer les motifs de ma conduite, et les causes qui ont contribué à briser le dernier lien visible que nous avions ici bas. J'ai été obligé d'aborder des sujets graves, en parlant de vos procès héréditaires et de l'émancipation de vos paysans. Dans le premier cas je remplissais un devoir envers vous; dans le second envers l'humanité. Malgré la franchise de mon langage j'ai toujours tâché d'observer les loix d'une stricte convenance, et j'ai saisi avec empressement les occasions où d'après ma conviction intime je pourrais offrir un tribut d'hommages aux actes du Pouvoir. Cet éloge insignifiant en lui-même, a quelque valeur quand on songe qu'il est peut-être le seul qui soit entièrement désinteressé. Qu'on m'indique la loi qui défend d'énoncer les idées politiques dans une lettre confidentielle? Elle ne se trouve pas dans notre Code. Elle ne peut se trouver dans aucun code [1], car la politique étant au fond de toutes les questions morales, scientifiques et littéraires, une telle loi équivaudrait à la défense de penser.

L'erreur est également commune à tous les hommes [2]. On peut se tromper sans aucune vue d'intérêt personnel dans l'exil, comme dans les hautes positions sociales. Consultons le témoignage des faits. J'ai indiqué que la lenteur des progrès au Caucase provenait des hommes de la vieille école: des hommes nouveaux ont paru dans les rangs de l'armée et un grand pas vient d'être fait. J'ai analysé le ministère de l'instruction publique vers la fin de l'année passée: au commencement de l'année actuelle l'université de Vladimir a été suspendue et quelques mois plus tard celle de Dorpat a provoqué des mesures restrictives. J'ai dit quelques mots sur le ministère des domaines, qui déjà etc., etc., etc. La prévision de ces faits n'est pas l'effet du hazard: elle

* Далее зачеркнуто «sincérement».
** Далее зачеркнуто «erreurs».
*** Далее слова «Monsieur le Comte, votre respectueux serviteur».

semble plutôt indiquer qu'il y a quelques vérités au fond des pensées émises dans mes lettres. Mais mon intention n'est pas de me justifier. Je voudrais plutôt exprimer le profond regret que j'éprouve d'avoir encouru, par une franchise qui avait votre bien pour objet, la désapprobation des Autorités pour les quelles je professe une sincère vénération. Votre affectionné frère. M.

Les esclaves

L'esclavage s'est introduit chez nous d'une manière accidentelle, et indirecte, à une époque récente où tous les peuples civilisés l'avaient reconnu contraire aux loix divines et humaines. Vers le milieu du 17me siècle le Gouvernement, désirant guérir les maux causés par les troubles qui avaient agité la Russie pendant près de dix ans, conçut l'idée de faire un recensement général des habitants, et un cadastre des possessions territoriales (Писцовые книги).

Pour faciliter cette double opération on renouvella l'oukase, effacé par les commotions populaires, qui défendait le déplacement volontaire des paysans. Il paraît que la réunion des avantages temporaires que cet oukase offrit par la suite, en secondant la police locale *, la perception de l'impôt, le recrutement de l'armée et l'établissement du recensement périodique, empêcha d'apprécier à leur juste valeur les conséquences de son résultat définitif. Il fut reproduit à diverses époques sous différents règnes, réçut graduellement plus de force et d'extension, et servit à priver de fait une grande partie de la population de la protection des loix, en la livrant au pouvoir discrétionnaire des individus [1]. Cependant le titre légal de l'esclavage ne se trouve pas dans notre Code. Si nos paysans pouvaient plaider de leur liberté, nous n'aurions à leur opposer que l'action indirecte d'une loi, qui avait pour but le bien général de la Nation.

Une autre circonstance particulière à la Russie contribua à consolider cet ordre de choses. Presque partout la détresse des Gouvernements a tourné au profit des gouvernés, qui obtenaient des concessions, des droits et des privilèges en retour des secours pécuniaires qu'ils fournissaient. Chez nous l'épuisement des finances a produit un effet contraire. On a eu recours à la Ferme de l'eau-de-vie, qui donna le vice pour garantie de la nullité des classes inférieures, en les plongeant dans les excès de l'intempérance.

Il y a parmi nous des hommes intéressés aux abus, qu'aucun raisonnement ne saurait convaincre, ni aucune prière fléchir. Sacrifiant tout à l'intérêt personnel mal entendu, ils ne se font pas un scrupule de vendre leurs frères comme des animaux ou de les détruire comme des choses. Les propriétaires plus humains qui forment la majorité suivent à leur insu et pour d'autres motifs, une route également fausse. Ils s'imaginent que le bien-être matériel qu'ils accordent à leurs paysans, est une compensation suffisante pour la perte des droits civils, et l'assoupissement de leurs facultés intellectuelles. Ils s'arrogent le droit de disposer de leur sort dans la vue de les rendre heureux, sans comprendre que cet empiétement enfreint dans le principe les loix de l'ordre moral, ou le sort présent et futur de chacun dépend de son libre arbit-

* Из трех зачеркнутых слов поддается прочтению одно — «des temps».

re. Mais l'ignorance n'est pas l'unique cause de cette conduite: ils seraient peut-être les premiers à protester contre l'esclavage, si la voix de la conscience n'était pas couverte par le son du métal qu'il procure.

Les fautes en politique ne sont jamais sans réaction. Il suffit qu'une racine de l'arbre social soit endommagée pour que la végétation languisse: comme il suffit d'une seule note fausse pour rompre l'harmonie de l'accord. L'esclavage se refléchit dans nos mœurs, nos usages et nos institutions. Influencés dès le berceau par l'exemple de l'obéissance passive, nous perdons cette énergie morale qui distingue l'homme et constitue le citoyen. Nous savons mourir sur le champ de bataille: mais nous ne savons pas ouvrir la bouche au Conseil d'état pour la cause de la justice et de l'humanité. Le Gouvernement est privé par là des secours d'une opposition rationnelle, qui en éclairant ses vues bienfesantes aurait concouru à leur accomplissement. L'état stérile de la littérature se rattache à la même cause. Nos livres devenus un objet de trafic, sont remplis de fables absurdes, ou de mots vides de sens qui ne produisent aucun résultat. Ce qui s'imprime le matin est oublié le soir. Notre Code renferme un tableau où le prix des hommes est assigné d'après l'âge et le sexe; et où l'enfant d'un an est estimé au dessous de la valeur du veau à nos marchés (*). Nos tribunaux occupés à enrégistrer les ventes, les achats et les hypothèques d'hommes, ressemblent à ces bazars où l'on trafique de la chair humaine.

Depuis l'introduction de cet ordre de choses, aucune voix ne s'est élevée pour en arrêter les progrès ou indiquer les conséquences inévitables. La Société occulte fut la première à rompre le silence. Elle plaida la cause des Russes réduits en esclavage par tous les moyens en son pouvoir. Des plans pour l'émancipation ont été tracés par quelques uns de ses membres. Elle s'appliqua à démontrer aux maîtres que leur intérêt bien entendu exigeait l'émancipation des paysans, et que cet acte à la fois juste et généreux, loin de diminuer le chiffre de leurs rentes ne servirait qu'à l'augmenter: elle représenta aux agents du pouvoir, que tous les sujets animés du même zèle dans l'accomplissement de leurs devoirs, avaient droit à la même protection et à l'égalité devant la loi. C'est à son influence morale sur les esprits, qu'il faut attribuer l'abolition de la corvée et les émancipations partielles, effectuées par plusieurs propriétaires; ainsi que l'amélioration générale du sort des esclaves. Il faut conclure que cette partie essentielle de ses travaux a merité l'aveu du Gouvernement: puisque, ni la Commission d'enquête, ni la Haute Cour * criminelle n'ont jugé à propos d'en faire mention dans le Rapport et l'Acte d'accusation **.

L'esclavage étant incompatible avec l'esprit de la société moderne, ne peut se maintenir qu'à l'aide de l'ignorance, et devient une source de contradictions manifestes à mesure que les peuples avancent dans la carrière de la civilisation. Les Etats américains où l'esclavage est légalisé, offrent un triste mais salutaire exemple de cette vérité. Après avoir reconnu authentique-

(*) (11 roubles). Code des Loix (page: paragr‹aphe›). Здесь и далее авторские примечания вынесены на поля рукописи[2].

* Далее зачеркнуто «de justice».

** Следующий абзац приписан Луниным на полях.

ment l'égalité des hommes devant la loi, comme un principe fondamental de leur constitution: ils sont réduits à employer la corde du bourreau pour prouver le contraire, et à alléguer une nuance de couleur pour se disculper d'un crime de lèse-humanité. Ces partisans de l'égalité, poursuivant le prochain au delà des bornes de cette vie, vont fouiller parmi les cadavres, pour établir l'inégalité entre les tombes du cimetière [3]. L'expérience du présent est plus utile sous quelques rapports que celle du passé. Lorsque les efforts généreux du Gouvernement parviendront à répandre les bienfaits des lumières sur la masse de la population, le joug de l'esclavage allégé par l'ignorance, pourra également provoquer l'emploi de moyens violents et irréguliers pour garantir la sûreté des propriétaires ou reprimer les justes mais illégales réclamations des paysans.

L'émancipation des paysans ne présente pas dans le fait, les difficultés et les dangers que les esprits timides ou intéressés s'efforcent de mettre en avant. Elle a eu lieu dans le Royaume de Pologne et dans les provinces Baltiques, sans causer la moindre commotion. Sommes nous pires que les Polonais, les Courlandais et les Livoniens? * Cependant on n'a rien fait en faveur de cette nombreuse classe du peuple, dans l'espace de 13 ans, après l'avoir privé de ses défenseurs naturels **. Les mesures préliminaires de l'émancipation n'ont pas été abordées.

En tolérant une violation manifeste des droits de l'humanité dans l'esclavage, le Gouvernement favorise le développement des forces qui sont en dehors de sa sphère d'action, et qui trouvent un appui dans l'opinion publique et la sympathie nationale, lorsque la justice et la raison sont de leur côté. On s'est donné beaucoup de peine pour découvrir les causes qui ont donné naissance à la Société occulte. Son origine a été attribuée à la lecture des livres pernicieux, aux voyages à l'étranger, au luxe des demi-connaissances et même à la mode (*). Nous serions peut-être jusqu'à présent sous l'influence de ces illusions, si un dignitaire de l'Etat n'eut indiqué une des véritables causes, en disant dans un ouvrage officiel rédigé sous sa direction: que notre législation en 1826 se trouvait dans le même état de désordre et de confusion qu'en 1700; et que tous les efforts du Gouvernement dans l'espace de plus d'un siècle n'ont pu réparer le mal, ni satisfaire au plus urgent besoin de la Nation (Précis historique, sur la form⟨ation⟩ du Code Russe etc.).

Dans le cas d'une invasion les ennemis du dehors trouvent dans l'institution de l'esclavage un prétexte pour légaliser leurs démarches, une arme pour agiter les esprits, et un moyen pour allier à leur cause tous les peuples civilisés. Si les Français n'ont pas profité de ces avantages dans la dernière invasion, c'est que le régime impérial, basé sur des abus, ne pouvait pas en appeler aux principes, ni s'étayer de leur appui. Mais le cours des événements

---

* Следующие шесть строк зачеркнуты, некоторые — сплошной чертой. Удалось разобрать следующее: «...comme ceux, que les dangers imaginaires épouvantent... par se retirer des affaires pour prouver la sincerité de leur religion politique. Mais puisqu'ils continuent à occuper les premiers postes de l'Etat, et à jouir des avantages qui y sont attachés on peut leur demander ⟨qu'a-t-on fait⟩ ce qu'ils ont fait.

** Далее зачеркнуто «Il parait que les».

(*) Rapp⟨ort⟩ de la Com⟨mission⟩ Manifeste 1826 [4].

peut nous donner pour adversaires des peuples et des gouvernements, plus redoutables par la réunion des ressources matérielles et des forces morales qui dérivent du mode Constitutionnel. L'abolition de l'esclavage, en rétablissant l'ordre et l'harmonie dans nos institutions, servira à égaliser les chances de la lutte, et contribuera plus efficacement à la chûte de nos ennemis, que l'incendie des villes *, la dévastation des provinces et la rigueur du climat.

Ces pensées, mûries dans le silence des cachots, ne seront pas rejetées par ceux qui cherchent la vérité de bonne foi; et qui pénetrés de son importance comprennent que le devoir de l'énoncer pour le bien général, est indépendant des circonstances où nous place le courant de cette vie passagère.

Rédigé à la chasse pendant la neige. 17 avril 1839.

№ 4

Les Polonais **

Depuis quelques années la Sibérie est inondée par une nouvelle classe d'exilés, aux quels on attribue un caractère politique, mais qui dans le fait ne sont que les victimes d'un zèle irrefléchi, ou d'une crédulité propre à l'ignorance. Je veux parler des Polonais, exilés par suite de la Révolution de 830. Leur nombre monte à plusieurs milliers (*). Les uns sont assujetis aux travaux de force, les autres colonisés, les troisièmes enrôlés dans les garnisons du pays. Tous comme vaincus ont droit à la générosité des Russes: comme malheureux à la sympathie de tous les hommes. C'est en vain que vous chercheriez parmi eux les fauteurs de la Révolution, ou même des agitateurs indirects. Ceux là ont eu le bon esprit de songer à leur sûreté aussitôt que la chance a tourné. La masse de nos exilés se compose de ceux qu'on a égaré, compromis et abandonné. Ce sont des gentillâtres de campagne, d'anciens militaires, des bourgeois, des fermiers et des paysans. Il y a des enfants parmi eux, condamnés avant l'âge de raison: des vieillards infirmes, retombés dans l'enfance: des religieux qui savent à peine lire leur bréviaire. Demandez à tous et à chacun en particulier quel était son but? Aucun ne saura répondre.

Il paraît conforme aux loix de la justice et de la raison d'établir pour principe général, que dans toute Révolution la culpabilité retombe en deux parts égales: sur le pouvoir qui l'a provoqué ou n'a pas sçu la prévenir et sur les gouvernés qui ont eu recours à ce moyen pour redresser des griefs réels ou imaginaires. Ce n'est donc pas notre intention de justifier les pauvres exilés. Mais combien cette part de culpabilité qui leur revient sera diminuée, si l'on prend en considération que ce sont des hommes étrangers par leur état aux affaires politiques; que le défaut de lumières et surtout la légèreté innée au caractère national les a induit à suivre le torrent; qu'enfin ils ont été préparés de longue main à l'agitation par plusieurs mesures du régne précédent. A une époque de troubles et de fermentation ils ont été jugés et condamnés par des Cours militaires, incapables d'une investigation rationnelle, et entravées

* Далее зачеркнуто «et la rigueur du climat».
** Первоначально было «Les exilés polonais».
(*) près de 20 mille hommes.

par les rigueurs de la loi martiale. Les prévenus, privés de l'assistance d'un conseil et ignorant la langue dans la quelle on les interrogeait, ont souvent aggravé leur délit en cherchant à se justifier. Les juges de leur côté ont contribué à épaissir le chaos, par leur ignorance de la procédure judiciaire ou un zèle mal entendu. La plupart de ces procès exige une révision légale. Enfin il faut le dire: plusieurs malheureux on été exilés sans jugement préalable. Ces faits dévoilent à quelle école la populace apprend la théorie de ses excès.

En envisageant la question sous le rapport politique, nous trouverons que cette quantité des exilés est une perte pour la Pologne, sans aucune utilité pour la Russie. Ceux qu'on employe aux travaux de force sont incapables de remplir les tâches prescrites, à cause de leur affaiblissement physique et moral. On est obligé de relâcher pour eux le régime des forçats, car la contrainte tournerait à leur avantage en abrégeant des jours marqués par les souffrances. Le peu qu'ils font mal est loin de couvrir les frais de leur entretien, chétif en détail mais onéreux collectivement. Les colonisés, manquant de ressources et bercés par la chimérique espérance de revoir leur patrie, ne songent pas à s'établir et consument la vie dans la misère et l'oisiveté. Démoralisés par le malheur ils formeront par la suite une nouvelle pépinière de brigands, à coté de celles qui existent déjà dans le pays. L'enrôlement des insurgés, sans alléger de beaucoup le poid du recrutement, produit un effet nuisible sur le moral du soldat, en lui fesant envisager son état comme la pénalité d'un crime. Les salons de Warsowie, entraînant les masses qui ne refléchissent pas, se sont soulevés contre le Gouvernement et non pas contre la Nation Russe. Cette distinction a été clairement établie dès l'origine par les premiers actes révolutionnaires: le renvoi des troupes Russes de Warsowie, la députation à S^t^Petersbourg, les honneurs publics rendus à la mémoire des Russes exécutés pour la cause constitutionnelle, les imprimés pour inviter les Russes à fraterniser, etc., etc., etc. Mais dans nos exilés le Gouvernement a pour adversaires des êtres inoffensifs, qui inspirent la sympathie au premier abord par leur simplicité et leurs malheurs, et dont les plus grands écarts sont de la compétence d'un juge de paix. Ils sont trop insignifiants pour être des victimes expiatoires, ou pour servir d'exemple salutaire à leurs compatriotes. Un doute involontaire se glisse dans les esprits, lorsque le Pouvoir est obligé de prendre des précautions contre la foiblesse, et de soutenir la vérité de ses principes par les rigueurs. Cette multitude arrachée à ses foyers sert à donner à l'insurrection polonaise le caractère d'une révolution Sociale, ce qui n'est pas, et ce qu'il faudrait éviter d'indiquer quand même cela serait. Dans le fait il n'y a pas de mal réel à craindre de la part des Polonais, tant que leur pays sera privé de littoral, n'aura pas de port de mer, et consistera en une seule ville. La lenteur et les désastres de la dernière campagne, proviennent uniquement de la présomption et de l'incapacite du Maréchal, au quel le sort de l'armée a été confié dans l'origine, malgré les avertissements de la Société occulte. En attribuant le résultat de nos erreurs à l'habileté de nos adversaires, nous leur fesons un piedestal qui les élève et nous offusque de son ombre.

La preuve qu'une mesure générale est défectueuse du moins en partie, est la quantité d'abus partiels aux quels elle donne lieu. Les employés chargés de la

surveillance des exilés, sont par le fait revêtus d'un pouvoir discrétionnaire, qui par lui-même est déjà un abus. L'intérêt personnel influe sur l'accomplissement de leur devoir. Ils sont naturellement portés à représenter les exilés sous un faux jour, à exagérer ou provoquer * leurs fautes pour accroître leur propre importance **, prouver leur zèle et obtenir des récompenses. Dans le grand nombre de faits semblables nous nous bornerons à citer l'exemple du lieutenant Wissotsky et de ses compagnons. Ce jeune homme avait droit à quelques égards comme prisonnier de guerre, pris les armes à la main et couvert de blessures à la défense de son poste. On ne peut refuser le titre de brave, à celui qui se defend de la sorte contre des Russes. Cependant lui, et trois de ses compagnons ont été jugés pour un projet de fuite, dont on a aggravé les circonstances, et qui en cas même de réussite n'aurait servi qu'à dépouiller son auteur de l'importance politique, dont on l'a inconsidérément revêtu. Tous furent condamnés et subirent le supplice cruel des baguettes. Il y avait un prêtre dans le nombre des suppliciés. L'odieux de cette affaire a été rejetté sur l'aliénation mentale d'un fonctionnaire supérieur: mais rien encor⟨e⟩ n'a été fait pour adoucir le sort de ceux qui en sont les victimes. Ils s'éteignent, chargés de fers, dans le *** silence des cachots.

Si l'importance politique de nos exilés est nulle, il ne faut pas oublier que les liens de famille et d'amitié existent pour eux aussi bien que pour nous; et peut-être plus que pour nous à cause de leur situation inférieure dans la Société, où ces liens ont plus de force et de durée. Chacun d'eux a laissé son coin du feu, et un cercle rétréci d'amis sur quelque point ignoré de la Pologne, où son nom est redit par une mère, une épouse ou des enfants désolés. Ne méprisons pas les larmes versées en secret par les petits devant le grand Témoin. C'est des soupirs étouffés sous le chaume que se forment les tempêtes qui renversent les palais. Le mécontentement et la défiance qui se manifestent en Pologne, et qui paralysent les mesures conciliatrices du Gouvernement, naissent et s'alimentent à de pareilles sources. Tant qu'elles existeront la Nation pourra être soumise par la force, mais jamais alliée par le sentiment. Cependant les intérêts des deux pays exigent que le dernier lien s'établisse réciproquement. Les Polonais sont nos frères par l'origine, notre avant-garde par la position géographique, et nos alliés naturels malgré nos brouilles de ménage. Une fusion comme celle des Anglais et des Ecossais est nécessaire, pour accomplir nos destinées et occuper la place qui nous est assignée parmi les Nations européennes.

Plusieurs amnisties ont paru après l'insurrection polonaise, comme des astres bienfesants après un orage passager. Mais leurs rayons n'ont pas pénétré dans les solitudes Sibériennes, pour réchauffer les cœurs contrits des exilés. Quoique trompés dans leur attente ils ne cessent d'espérer. Reconnaissant une autorité paternelle dans le Pouvoir qui les châtie, ils comptent toujours sur le secours du bras qui les a terrassé. Cette confiance implicite dans

* Далее зачеркнуты два слова; разобрано: «désordres» («беспорядки»).

** Далее в тексте зачеркнуто сплошной чертой три строки, где поддается прочтению следующее: «de prouver leur propre vigilance, de montrer leur zèle et d'obtenir des récompenses»...

*** Далее зачеркнуто «fond».

la magnanimité de leur Souverain, est à la foi un témoignage de leur soumission et une garantie de leur conduite future. Leur retour dans les foyers, conforme aux intérêts politiques des deux pays, serait en même temps en harmonie avec le sentiment National. Les Russes ont hérité du principe, exprimé par leur dicton populaire: лежачего не бьют. L'opinion générale malgré les entraves qui en gênent l'expression, ne cesse d'indiquer qu'il faut faire quelque chose pour les Polonais. Des Puissances du premier ordre ont voulu, mais n'ont pas pû les secourir: profitons de cette occasion pour prouver à l'Europe, que la Russie peut tout ce qu'elle veut. Il n'y a pas longtemps que des ennemis autrement redoutables, et qui avaient pénétré jusqu'au cœur de l'Empire, reçurent l'hospitalité aussitôt après leur défaite, et plus tard furent rendus à leur patrie sans rançon ni échange. Cette mesure n'entraîna aucun inconvénient pour la Russie. Elle servit au contraire à répandre dans les régions de l'occident, la terreur de nos armes et le désir de notre amitié. La justice et la raison réclament qu'on fasse pour des frères, ce qu'on a fait pour des étrangers.

Il est possible qu'en lisant ces lignes, quelque esprit froid et compassé trouve que je parle de choses qui ne me concernent plus. Je parle parce que ceux qui cela concerne se taisent. Pascal croyait les témoins qui se font égorger. Ceux qui renoncent à la liberté individuelle, à tout bien-être, à toute position sociale, semblent mériter aussi quelque confiance. C'est à ceux qui sont constitués en autorité à voir s'il n'y a pas quelque vérité au fond de cet exposé, tracé par une conviction profonde.

№ 5

L'exil. Ave Maria [1].

Ma bonne Charissima! La quatrième année de mon exil va bientôt s'accomplir... Je commence à ressentir l'influence des solitudes Sibériennes: l'action hostile du climat et l'absence de la civilisation. Le type du beau idéal s'efface graduellement de ma mémoire. J'ai beau le chercher dans les livres, dans les productions des arts, dans le monde visible qui m'entoure: c'est en vain. La beauté n'est plus qu'un mythe fabuleux pour moi; et le symbole des grâces un hiéroglyphe inintelligible. Au fond des cachots mon sommeil était rempli de visions poétiques; maintenant il est paisible, mais dépourvu d'impressions et d'images. En écrivant je trouve l'argument nécessaire pour prouver la vérité; mais le mot qui persuade sans preuves ne se retrouve * plus sous ma plume. Tantôt j'ai soif d'un accord, d'un trait, d'une teinte, d'une parole; tantôt je voudrais anéantir ces formes qui entrâvent le rapport des intelligences, et attestent la chute de notre nature. L'émotion du péril manque également à la plénitude de mon existence. J'ai tant de fois affronté la mort dans les** chasses, les combats singuliers, les batailles et les luttes politiques, que c'est devenu pour moi une habitude, une combinaison essentielle pour le développement de mes facultés. Ici point de périls. Je traverse l'Angara en

* Лунин сначала написал, зачеркнув синоним «se trace».

** Далее текст, оканчивающийся словами «les luttes politiques», вписан сверху над зачеркнутым сплошной чертой.

nacelle, mais ses flots sont paisibles. Je trouve des brigands dans les forêts *: ils se bornent à demander l'aumône. Le calme qui résulte de ces combinaisons prosaïques peut convenir à la tourbe, qui n'ayant pas d'autre impulsion que celle qu'on lui imprime, aime à s'arrêter et se reposer en route. Il me tarde au contraire d'achever le voyage, de franchir les limites qui nous séparent des esprits ** glorifiés, de goûter le repos dont ils jouissent dans la pleine connaissance de la Vérité. Ma mission est remplie sur la terre. J'ai dit en traversant la foule, ce qu'il importait à mes compatriotes de connaître. Je laisse mes écrits aux successeurs légitimes de la pensée, comme le prophète laissa son manteau au disciple qui devait le remplacer sur les rives du Jourdain. Adieu, votre affectionné M.

№ 6

Exil. 27/15 Décembre 1839.

Ma Sœur! Votre lettre No 528, du 7 octobre, contient des détails curieux sur le mouvement du procès héréditaire, qui dure près d'un demi siècle et entraîne des abus dont il est difficile de prévoir la fin. Le même Sénat (8me Département) qui en 1828 a décidé en votre faveur, en reconnaissant que la possession du terrain en litige par la partie adverse était illégale, (неправильное владение) trouve en 1838 que la possession était légale (добросовестное владение) et décide contre vous: et votre supplique pour faire passer l'affaire au plenum est rejetée par la Commission des Requêtes, sans prétexte ni raisons, en opposition à toutes les loix existantes.— On pourrait me soupçonner de partialité, à cause de nos liens de parenté et d'amitié, si j'allais dire mon opinion sur ces faits, qui du reste sont patents et n'exigent pas de commentaire. Mais je dois vous prévenir que ce qui vous arrive, n'est ni nouveau ni rare en Russie. Ce sont plutôt les procès où l'on ne trouve pas de pareils écarts qui sont rares et nouveaux. La principale cause de ces désordres se trouve, non pas dans l'imperfection du Code civil comme plusieurs l'imaginent, car le *Common-law* des Anglais est également défectueux, mais dans le mode de la procédure judiciaire et dans la composition des tribunaux. Notre procédure commence dans les ténèbres, se traîne en silence et en cachette, souvent à l'insu de l'une des parties intéressées, et se termine par un tas de paperasses inintelligibles. Il n'y a*** point d'avocat pour plaider la cause, point de jury pour décider du fait, et surtout point de publicité pour éclairer, contenir et diriger les agents du pouvoir judiciaire. Leurs décisions, mêmes justes et légales, deviennent la source de nouveaux procès, par la manière ambigue et obscure dont elles sont rédigées et promulguées. Quant à la composition des tribunaux, il suffit de jeter un regard sur les hommes, qui se mêlent d'administrer la justice parmi nous. Des officiers de cavalerie qui ne peuvent plus se tenir à cheval, des marins qui ne peuvent plus supporter le mal de mer, des étrangers qui ignorent la langue du pays, en un mot tous ceux dont on ne sait plus que faire, trouvent un fauteuil rembourré au Sénat di-

* Далее зачеркнуто «mais».
** Далее зачеркнуто «immateriels».
*** Далее зачеркнуто «pas».

rigeant. Les places et les emplois inférieurs sont remplis par des gens également étrangers aux études judiciaires, mais qui possèdent l'instinct de la chicane, et savent au juste ce que la Justice peut rapporter. Tels sont en général les hommes aux quels le sort de la veuve et de l'orphelin est confié, qui décident à leur gré des droits, de la vie et de l'honneur des citoyens.

Il est urgent de signaler* cette principale cause des abus, parce que ** son influence est décisive sur les destinées de nos compatriotes; et parce qu'on peut l'écarter du moins en partie, sans modifier le reste des institutions nationales.

Malgré l'état désespéré où se trouve votre procès par suite des décisions contradictoires et du rejet de la Requête il y a un moyen sûr et infaillible d'obtenir une troisième décision contradictoire, de faire accepter votre Requête et de tout réparer. Mais je me garderai bien de vous l'indiquer, car il n'est pas d'accord avec notre façon de penser. Nous pouvons souffrir mais nous ne pouvons pas mal faire en connaissance de cause. Vous trouverez un motif de consolation au milieu des peines et des soucis qui vont assiéger le foyer paternel, en songeant que votre frère a protesté contre cet ordre de choses, et que son existence dans l'exil est un témoignage constant de son zèle pour le bien général.

Adieu M. L.

№ 7

Exil. 31/19 Décembre 1839 [1].

On a reproché à l'un de mes collègues, d'avoir designé dans son projet de Constitution quelques provinces agglomerées, sous la dénomination de Région de Holmogor; d'autres sous celle de Séversk ou Sévériansk(*). En s'occupant des études politiques on est souvent obligé de généraliser les*** choses comme les idées, et de les désigner par des noms spécifiques, qui expriment avec plus ou moins de précision leur signification collective. Il est possible que l'auteur de *la Vérité Russe* ait employé des dénominations inexactes dans la partie géographique de son ouvrage, Mais cette négligeance, facile à rectifier, est certes loin de justifier le reproche d'une *ignorance ridicule et à peine croyable*(**) que les hommes dont le savoir n'est pas encor prouvé, lui ont adressé dans un écrit officiel. Lorsqu'on s'attache aux mots, c'est une preuve presque positive qu'on n'a rien de solide à dire sur le fond des idées, ou que des considérations étrangères empêchent de les analyser. En effet il a été beaucoup question de cette Constitution; nous savons qu'elle a été retrouvée sous terre aux environs d'un hameau écarté; qu'un tiers s'est occupé à en polir le style; qu'elle a été approuvée par quelques membres de la Société du midi; mais au bout du compte nous sommes encore à savoir en quoi elle consistait. Quant aux dénominations inexactes, on aurait mieux fait, ce me semble, de ne pas

* Далее зачеркнуто «ces deux».
** Далее зачеркнуто «leur».
(*) Rapport de la Com<mission> d'enquête, page: (указание на стр. у Лунина отсутствует).
*** Далее зачеркнуто «idées comme».
(**) Rap<port> de la Com<mission>, p. 18 [2].

en parler du tout; car cela n'a servi qu'à relever la manière dont quelques unes de nos provinces sont désignées dans les papiers officiels. Par exemple: les provinces Baltiques sont communément nommées: *Provinces de la mer d'orient* (Ост-Зейские губернии). Or la mer Baltique ne se trouve pas à l'orient de la Russie: par conséquent cette dénomination empruntée aux Allemands n'est pas tout à fait convenable aux Russes. Les provinces occidentales de l'Empire sont nommées: *Provinces récuperées à la Pologne* (*). Cette dernière dénomination est vague, parce qu'elle embrasse des pays qui n'ont jamais fait partie de la Russie, comme la Lithuanie; incomplète parce qu'elle omêt Smolensk et la petite Russie, qui ont été récupérées antérieurement; humiliante parce qu'elle rappelle une époque d'abaissement pour la Russie; impolitique parce qu'elle sert à nourrir des sentiments hostiles dans un peuple qu'on cherche à fondre avec les Russes.

Lorsque le Gouvernement, qui nous sert de flambeau et de guide, juge à propos de tolérer de pareilles* anomalies dans ses actes officiels**; il semble que ses agents devraient être plus indulgents pour des négligences ou des erreurs, qui ont pû se glisser dans l'ébauche d'une étude politique.

№ 8

Exil. 1 Janvier 1840. 20 Décembre 1839.

Ma bonne Charissima! L'an quarante a commencé[1] pour moi d'une manière bien agréable par l'arrivée de Lœtus. Ce bel animal est une lettre vivante qui*** m'apprend bien des choses: que vos sentiments n'ont pas changé dans l'espace de 14 ans, que vous aimez l'exilé tout autant que vous aimiez le hussard, et que vous devinez à sept mille verstes ce qui peut le rendre heureux. Lœtus est en même temps un excellent gendarme, car il m'a fait toute sorte de petits rapports et de commérages sur votre compte: comme quoi vous redoutez un peu mes lettres, et que vous êtes fachée de ce qu'il m'arrive quelques fois de parler politique. Mais il est difficile de dire bonjour par le temps qui court, sans que ce mot ne renferme un sens politique. D'ailleurs il me semble que vous attachez trop d'importance aux pensées d'un proscrit, qui ne sont pas destinées à l'impression. Elles ne peuvent mériter l'attention du gouvernement, qu'en étant justes et rationnelles; et dans ce cas ce n'est pas à des mesures restrictives, mais plutôt au développement et à la réalisation de ces pensées qu'il faut s'attendre. La vérité a son prix de quelque part qu'elle vienne****. Si nous attendons qu'elle vienne du Sénat, il passera bien de l'eau sous le pont avant que cela arrive. Quoiqu'il en soit je suis enchanté de mon nouveau compagnon d'exil, qui me rappelle à chaque instant la meilleure et la plus aimable des sœurs. Je vous embrasse en idée de tout mon cœur. M.

(*) Возвращенные от Польши губернии.
* Далее зачеркнуто «inexactitudes».
** Далее зачеркнуто «il n'est pas tout à fait juste».
*** Далее зачеркнуто «m'appris».
**** Далее зачеркнуто «Quoiqu'il en soit».

№ 9

Exil. 13/1 Janvier 1840.

Pendant ma détention dans la forteresse de StPierre et Paul, j'occupais le cachot No 7, à l'entrée du passage voûté de l'Ouvrage à Cornes. Le long de ce passage il y avait, à droite et à gauche, des prisons* temporaires en bois, qui ressemblaient à des cages par leur structure et leurs dimensions, et où les prévenus** politiques se trouvaient renfermés. Profitant de la négligence ou de la sympathie des geôliers, ils causaient entre eux et leurs paroles, transmises par la résonnance de la voûte et de la boiserie, parvenaient à moi d'une manière confuse mais intelligible. Lorsque le bruit des chaînes et des verroux venait à cesser, j'entendais distinctement ce qui se disait à l'extrémité opposée du passage. Une nuit que j'étais privé de sommeil par l'air méphytique du cachot, la morsure des insectes et la suie*** suffocante du lampion, mon oreille fut frappée par une voix qui récitait les vers suivants:

Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu.
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu.

— Qui a pû faire ces vers, demanda une autre voix? — Serge Mouravieff-Apostol.— Je ne devais plus revoir ici bas cet illustre collègue, condamné à périr sur l'échafaud pour ses opinions politiques. Cet étrange et dernier rapport entre nos intelligences, est un indice de son souvenir de moi, et un pronostic de notre prochaine réunion dans un monde, où la connaissance de la Vérité n'exige plus ni sacrifice ni efforts.

№ 10

Exil. 22/10 Janvier 1840.

Ma Sœur! On m'a communiqué le 10 Janvier 1840, le contenu d'un papier de Son Excellence le Comte Benkendorf, qui m'accorde une permission conditionelle de vous écrire, pourvû que je ne fasse pas de reflexions prohibées sur des objets qui me sont étrangers, et qui sortent du cercle ordinaire d'une correspondance de famille.

Ignorant quelles sont les idées et les expressions qui peuvent déplaire je préfère m'abstenir de vous écrire, plutôt qu'à chercher à mutiler ma pensée, et à peser les paroles que j'adresse à une sœur. Je me bornerai à vous communiquer de temps en temps des extraits de mes études, qui vous apprendront que votre frère existe au fond de l'exil, et vous porte toujours une inaltérable amitié.

Michel.

---

* Далее зачеркнуто «provisoires».
** Далее зачеркнуто «pour délits».
*** Далее несколько слов зачеркнуто сплошной чертой.

ВЗГЛЯД НА РУССКОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО С 1816 ДО 1826 ГОДА

Тайное общество принадлежит истории. Правительство сказало правду, «что дело его было делом всей России, что оно располагало судьбою народов и правительств» (Ман⟨ифест⟩ 13 июля 1826 года; Донесение След⟨ственной⟩ ком⟨иссии⟩, стр. 21) [1]. Общество озаряет наши летописи, как союз Рюнимедский [2] бытописания Великобритании. Тайное 10-тилетнее существование[3] доказывает, что Т⟨айное⟩ о⟨бщество⟩* руководилось мудростию и было по сердцу народу. В этот период среди опасностей и препятствий совершилась главная часть его работ. Действуя умственною силою на совокупность народную, оно успело направить мысли, чувства и даже страсти к цели коренного преобразования правительства. Существенные вопросы конституционного порядка были установлены и так объяснены, что решение их в будущности более или менее отдаленной стало неизбежно. Т. о. было глашатаем выгод народных [4], требуя, чтобы существующие законы, неизвестные даже в судилищах, где вершились по оным приговоры, были собраны, возобновлены на основаниях здравого рассудка и обнародованы [5]; чтобы гласность заменяла обычную тайну в делах государственных, которая затрудняет движение их и укрывает от правительства и общественников злоупотребление властей; чтобы суд и расправа производились без проволочки, изустно, всенародно и без издержки; управление подчинялось бы не своенравию лиц, а правилам неизменным; чтобы дарования без различия сословий призывались содействовать общему благу, а назначение чиновников утверждалось бы по указанию общественному для отдаления лихоимцев и невежд; чтобы назначение поборов и употребление сумм общественных были всем известны; доходы с винных откупов, основанные на развращении и разорении низших сословий, были заменены** другим налогом; участь защитников отечества была обеспечена, число войск уменьшено, срок службы военной сокращен и плата солдату соразмерно нуждам его умножена; чтобы военные поселения, коих цель несбыточна, учреждение беззаконно, были уничтожены к предотвращению ужасов, там совершенных, и пролитой крови; чтобы торговля и промышленность были избавлены от учреждений самопроизвольных и обветшалых подразделений, затрудняющих их действия; чтобы духовенство, обеспеченное в содержании, не зависело от прихожан и соответствовало своему служению.

Зрелость гражданственности ускорили новые стихии, которые Т. о. излило в область мысли. Оно рассеяло едва ли не общий предрассудок о невозможности другого, кроме существующего, порядка и убедило народ, что раболепство пред лицами должно замениться повиновением закону.

---

* Далее везде Т. о., как в рукописи.

** Далее взято в скобки «побором».

Т. о. постоянно доказывало выгоды взаимного поручительства, по которому дело одного лица становится делом всех; важность суда присяжных в делах гражданских и уголовных и тесную связь такого учреждения с свободою края; крайнюю потребность гласности установить как право и требовать от каждого как обязанность; вред от различия сословий, порождающих зависть и вражду и дробящих людей, вместо того чтобы совокупить их. Существующему порядку противопоставлен был законный, обеспечены пределы, положенные провидением всякой человеческой власти: нравственность, разум и справедливость, общая польза — различные отблески одной и той же истины. Т.о. ожидало, что образование совокупности народной доставит внутри порядок и правосудие — силу и уважение извне. Для достижения этой цели Т. о. обращалось ко всем сословиям и говорило языком, для всех понятным [6]. Временные и разнобытные порывы правительства на поприще народного просвещения заменились действием простым, без⟨воз⟩мездным, основанным на немногих началах, которые должны были — по неточности или по истине, в них заключенной,— остаться без последствий или овладеть будущностью.

Т. о. ходатайствовало за греков, оставленных почти всеми европейскими державами [7]; оно доказало, что восстановление Польши в виде королевства, примкнутого к России, противно выгодам обеих земель; оно протестовало противу рабства и торга русскими, противных законам божьим и человеческим. Наконец, своим учреждением и совокупностию видов оно доказало, что система самодержавия уже не соответствовала настоящему состоянию России, что основанное на законах разума и справедливости правительство одно может доставить ей права на знаменитость среди народов просвещенных.

Эпохи переходные, неизбежные, в таинственном шествии народов к цели общественного устройства, являют случаи, в которых действия лиц политических, какого бы сословия они ни были, должны необходимо выходить из ряда обыкновенного, пробуждать правительства и народы, усыпленные постоянным влиянием ложного устройства и предрассудков, наложенных веками. Когда эти люди принадлежат высшим сословиям состава общественного, тогда действия их есть обязанность и средство употреблением умственных способностей платить за выгоды, которые доставляют им совокупные усилия низших сословий. Они пробивают новые пути к совершенствованию настоящих поколений, направляют усилия народа к предметам общественным; совокупляют действия умов второстепенных, лишенных возможности плодотворить взаимно; восстановляют борение частей, необходимое для стройности целого, и сами облекаются властию по праву и делу, по духу возрождения, который животворит их, и по нравственному влиянию, которое имеют они на своих сограждан. Их мысли оплодотворяют страны, на которые изливаются с такою же силою, как набеги завоевателей опустошают их: ибо зло и добро причиняются обществу от нескольких лиц. Они отрекаются [от] жизни и тем свидетельствуют правдивость своего послания, истину своих начал и законность своей власти. Все эти условия соединялись в составных стихиях Т. о. в свойстве видов его и в образе действий.

Нравственное влияние, произведенное разлитием этих идей, было так сильно, что импер⟨атор⟩ Александр обязался даровать конституцию русским, когда они в состоянии будут оценить пользу оной (Варш⟨авский⟩ сейм 1818 г. 15 марта) [8]. Т. о. с признательностию и доверием к верховной власти приняло это обещание как политическое данное, которое освещало намерение Т. о., внушало ему новую ревность. Оно соединило и употребило все свои средства, чтобы исполнение этой мысли не зависело от пожизненного расположения и приготовляло Россию: познавать, чувствовать и быть достойною блага свободы. Эти работы были так важны, что Т. о. даже после своего разрушения проявляется в сущности каждого правительственного постановления и в каждом замечательном событии последнего десятилетия [9].

В исполинском предприятии, которое, по сознанию самого правительства, должно было изумить даже тех, которые его постигли,— ошибки были неизбежны (Дон⟨есение⟩ След⟨ственной⟩ ком⟨иссии⟩, стр. 5). Их было много. В недрах общества вскоре ощутился недостаток понудительной силы, которая соразмеряла бы общее движение. Слабое вначале небольшим числом своих основателей, оно впоследствии подверглось важнейшему неудобству по множеству своих голосов. Взрощенные в дремотной гражданственности, основанной на бездействии ума, им трудно было удерживаться на высоте своего призвания. Прибегли к разным вымыслам, чтоб обуздывать неосмотрительную ревность одних, подстрекать медлительность других, успокоивать опасение остальных, сохранять согласие между всеми. Единство действий рушилось. Т. о. разрушилось на Северное и Южное, по обширности края, понудившего учредить два средоточия действий. Первому повредило влияние новых членов, которым поручено было временное управление дел. Последнее с распространением деятельности увеличило затруднительность своего положения, присоединив Т.о. славян [10] и вступя в сношения с Польским обществом, которого виды отчасти различествовали и требовали противудействия [11]. Между тем измена втайне подрывала основание здания [12]. Тогда же смерть имп⟨ератора⟩ Алек⟨сандра⟩, два отречения, две присяги, последовательные и противоречащие, тайное завещание, отысканное в архивах, [13] взволновали, расстроили умы и породили происшествие 14 дек⟨абря⟩ в Петер⟨бурге⟩ и отважное движение одного полка на юге [14].

Враждебная партия искусно воспользовалась ошибками. Она состояла из дворян, которые боялись лишиться своих прав и рабов, и из чиновников-иностранцев, которые боялись лишиться своего жалованья. Водители партии поняли, что конституционный порядок * есть новое вино, которое ** не держится в старых мехах; что с падением самодержавия они принуждены будут оставить места, сложить чины и ордена, как актеры после неудачной драмы. Ничего не упустили к отклонению удара. Правительство уверили, что целью Т.о. было цареубийство и безначалие [15]. Эту мысль распространили в сословиях малообразованных, которые верят

---

* Слово вписано поверх зачеркнутого другой рукой.
** Слово вписано другой рукой.

всему, что напечатано, и между духовенством, которое верит всему, что * приказано [16]. Но торжествующая партия, в свою очередь, увлеклась ошибкою, свойственною всем партиям: неумеренностию при успехе. Более 600 человек были схвачены и брошены в казематы [17]. Во время следствия, производимого Тайною комиссиею по правилам, составленным наобум, некоторых из заключенных содержали в цепях, в темноте, томили голодом; других смущали священники, имевшие поручение выведать тайны на исповеди и обнаружить; иных расстроили слезами обманутых семейств; почти всех обольстили коварным обещанием всепрощения. Составили Верховный угол⟨овный⟩ суд из военных, сенаторов, моряков и попов. Это судилище основалось на донесении Тайной комиссии, и, рассматривая не личные дела обвиняемых, но дела, совокупленные в разряды, приговорило: пятерых к четвертованию, 31 к отсечению голов, 112 к работе в рудники и ссылке и 9-х в солдаты, не допросив и даже не видав заключенных [18]. Спешили кончить данное поручение, потому что приближались праздники коронации. Правительство заменило смертную казнь 31-м⟨у⟩, назначив им вечную работу в сибирских рудниках с заключением в казематы, а Верх⟨овный⟩ угол⟨овный⟩ суд, которому предоставлена была участь 5-х, нашел милосердие в том, что заменил колесо виселицею (Протокол суда, июля 11-го 1826 года). Приговор выполнили украдкою, на гласисе крепости, где был призрак суда, и под прикрытием внезапно собранных войск. Неумение или смятение палачей продлило мучение осужденных: трое выпали из слабо затянутой петли, были разбиты, окровавлены, вновь повешены [19]. Они умерли спокойно в твердой уверенности, что смерть их была необходима, как свидетельство истины их слов. Родным запретили взять тела повешенных: ночью кинули их в яму, засыпали негашеной известью и на другой день всенародно благодарили бога за то, что пролили кровь. Водители партии, достигнув соучастия правительства в таком деле, заняли частные места в управлении [20].

Но деятельность господствующей партии поглощается, по-видимому, частными мерами и изменениями. Оно старается сделать правительство самодержавнее, чем оно есть; а народ — народнее, чем он есть. Власть, на все дерзавшая, всего страшится. Общее движение ее ни что иное, как постепенное отступление под прикрытием корпуса жандармов пред духом Т.о., который охватывает ее со всех сторон. Отделались от людей, но не отделаться от их идей **. Желание нового поколения стремится к сибирским пустыням, где знаменитые изгнанники светят во мраке, которым стараются их затмить. Их жизнь в заточении постоянно свидетельствует об истине их начал. Их слово так сильно, что запрещают выражать его даже в простых письмах к родным [21]. У них отняли все: звание, имущество, здоровье, отечество, свободу; но не могли отнять у них любовь народную. Она обнаруживается благоговением, которым окружают их огорченные

---

* Далее взято в скобки «написано».

** В тексте «отделились от людей, но не отделяется от их идей». Во французском тексте «ибо отделываются от людей, но не от их идей» (см. наст. изд., с. 62). Перевод ПЗ (наст. изд., с. 272) — «от людей можно отделаться, но от их идей нельзя».

семейства; религиозным чувством, которое питают к женам, разделяющим заточение мужей своих; ревностию, с которою собирают письмена, где обнаруживается животворящий дух изгнанников. На время могут затмить ум русских, но никогда их народное чувство.

APERÇU SUR LA SOCIÈTÈ OCCULTE DE RUSSIE, DANS L'INTERVALLE DES ANNÈES 1816 ET 1826

La Société occulte appartient à l'histoire. Le Gouvernement l'a bien défini en disant: «que son affaire est celle de la Russie entière, et qu'elle disposoit du sort des peuples et des Gouvernements» (Manifeste 1826. 13 juillet. Rap⟨port⟩ p. 21). Elle forme un point lumineux dans nos annales, comme la Confédération de Runnymead dans celle du Royaume Britannique. Les dix années de son existence occulte en présence d'un pouvoir soupçonneux et hostile, prouvent qu'elle possédoit la sagesse dans la conduite des affaires, et que la sympathie nationale étoit en sa faveur. C'est dans l'espace de cette période, au milieu des périls et des obstacles, que la majeure partie de son travail a été accomplie. Agissant par une force intellectuelle sur la masse de la population, elle est parvenue à diriger les pensées, les sentiments et même les passions des diverses classes vers le but d'une réforme organique dans le Gouvernement. Les principales questions de l'ordre Constitutionnel furent posées et énoncées de manière à rendre leur solution inévitable dans un avenir plus ou moins éloigné. Elle devint l'organe des interêts nationaux en exigeant: que les loix qui régissoient le pays, et qui étoient inconnues même aux tribunaux obligés de régler leurs décisions d'après elles fussent réunies et publiées après une réedification sur des bases rationnelles (*): que la publicité fut introduite dans les affaires de l'Etat, au lieu du secret illusoire dont on cherche à les envelopper, et qui entrave leur marche en dérobant au Gouvernement et au public les abus des agents: que la procédure judiciaire fut prompte, orale, publique et gratuite; l'administration soumise à des règles fixes, et non à des caprices individuels: que les talents à quelque classe qu'ils appartiennent, puissent être appelés à concourir au bien général; et le choix des fonctionnaires fut désigné par l'opinion publique, afin que les ignares et les prévaricateurs ne puissent occuper les emplois: que la destination et l'emploi des fonds publics fussent motivés et connus; et que le monopole de l'eau-de-vie, tendant à démoraliser et ruiner les classes inférieures, fut remplacé par un autre mode d'imposition: que le sort des défenseurs de la patrie fut pris en considéra-

(*) Précis des notions historiques sur la formation du Corps des loix Russes, tiré des actes authentiques, deposés dans les archives de la 2 Section de la Chancellerie particulière de S. M. L'Empereur. 1833. p. 135—140.

tion, le chiffre de l'armée diminué, le terme du service militaire raccourci, et la paye du soldat augmentée en proportion de ses besoins; que les colonies militaires, insuffisantes pour leur objet primitif, iniques dans leur établissement, fussent abolies pour prévenir les atrocités qui se sont commises, et le sang qui a été versé; et que le négoce et l'industrie fussent délivrés des réglements arbitraires et des classifications surannées qui entravent leurs operations; et que le sort du Clergé fut assuré de manière à le rendre indépendant et capable de s'occuper de son ministère.

Le mouvement de la civilisation fut accéleré par les nouveaux éléments, que la Société occulte versa dans le domaine de la pensée. Elle dissipa le prèjugé presque général de l'impossibilité d'un ordre de choses différent de celui qui existe: et porta dans l'esprit du peuple la conviction que la sujétion aux individus doit être remplacée par l'obéissance à la Loi. Elle s'appliqua à démontrer l'avantage d'une Solidarité réciproque, qui rende la cause de chacun celle de tous: l'importance du jugement par jury en matière civile et criminelle, et son rapport intime avec la liberté du pays: l'urgence de la publicité sans contrôle, qui doit être non seulement permise, mais imposée comme un devoir et garantie comme un droit: l'abus des Castes, source d'envie et de haine, qui fractionnent les hommes au lieu de les réunir. La Société occulte en a appelé du fait au droit, en indiquant les limites posées par la Providence à tout pouvoir humain: la morale, la raison, la justice et l'utilité générale, refléts divers de la même vérité. La diffusion des lumières en général fut considérée comme moyen d'ordre et de justice au dedans, de considération et de puissance au dehors. Pour atteindre ce but elle s'adressa à toutes les classes dans un langage qu'elles comprenoient. Les efforts périodiques et contradictoires du Gouvernement pour l'instruction publique, furent remplacés par une marche simple, ne coûtant rien au pays, et fondée sur un petit nombre de principes, qui devoient selon qu'ils étoient erronés ou justes, n'avoir aucune suite ou dominer l'avenir.

La Société occulte a plaidé la cause des Grecs à l'époque où presque tous les Etats européens l'avoient abandonné: elle a demontré que le rétablissement de la Pologne en Royaume annexé à la Russie, étoit contraire aux interêts des deux pays: elle a protesté contre l'esclavage et la traite des Russes, comme contraires aux lois divines et humaines: enfin elle a prouvé par le fait de son institution et l'ensemble de ses vues, que le système autocratique n'étoit plus convenable à l'état actuel de la Nation; et qu'un gouvernement fondé sur les lois de la justice et de la raison, pouvoit seul la placer au rang qui lui est assigné parmi les nations civilisées.

Aux époques transitoires que les peuples sont obligés de franchir dans leur mouvement mystérieux vers le but de l'organisation sociale, il se présente des circonstances où l'action exceptionnelle des hommes politiques, à quelque classe qu'ils appartiennent, devient nècessaire pour rompre l'assoupissement des gouvernements et des peuples, produit par la constante influence d'un ordre vicieux, et des prèjugés accumulés par le cours des siècles. Quand ces hommes appartiennent aux classes supérieures de l'ordre social, cette action devient pour eux un devoir, et un moyen de s'acquitter par l'emploi de leurs facultés intellectuelles, des avantages que les efforts

réunis des classes inférieures leur procurent. Ils frayent de nouvelles routes de perfectibilité aux générations naissantes; ramènent les efforts de la nation vers des objets d'utilité générale; concentrent l'action des intelligences disséminées dans le pays et privées de la faculté de se féconder mutuellement *; retablissent la lutte des parties qui est essentielle à l'harmonie de l'ensemble; et deviennent eux-mêmes des autorités de droit et de fait, par l'esprit régénérateur qui les anime, et l'influence morale qu'ils exercent sur leurs concitoyens. Leur idées fructifient les contrées qu'elles arrosent, comme les invasions des conquérants les ravagent: car le bien comme le mal vient à la multitude de la part de quelques hommes. Le sacrifice préalable qu'ils font de leur existence, devient le témoignage de l'origine de leur mission, de la vérité de leurs principes, et de la légalité de leur pouvoir. La Société occulte réunissoit toutes ces conditions dans les éléments de sa constitution, dans la nature de ses vues, et dans le mode de son action.

L'effet moral, produit par l'effusion de ses idées, fut si sensible que l'Empereur Alexandre jugea à propos de prendre l'engagement d'octroyer une Constitution aux Russes, quand ils seront à même d'en apprécier l'utilité. (D⟨iscours⟩ à W⟨arsowie⟩ 1818) La Société occulte accueillit cette promesse avec l'amour et la confiance, que méritoit la haute Autorité dont elle émanoit. Cela devint un antécédent politique, qui en sanctionnant ses vues, lui inspira un nouveau zèle. Elle réunit et employa tous ses moyens, pour rendre cette promesse indépendante d'un bon vouloir viager, et préparer la Nation à connoître, apprécier et mériter les bienfaits de la liberté. L'importance de ces travaux fut telle que la Société occulte, même après sa dissolution, se retrouve au fond de chaque acte administratif, comme au fond de chaque événement remarquable des dix dernières années.

Les erreurs sont inévitables dans une entreprise colossale, qui d'après l'aveu du Gouvernement devoit étonner ceux même qui l'avoient conçu. (Rap⟨port⟩ de la Com⟨ission⟩, p. 5) Elles furent nombreuses. L'absence d'une force coercitive, capable de coordonner le mouvement général, se fit sentir de bonne heure au sein de la Société. Resserrée d'abord dans le petit nombre de ses fondateurs, elle se vit exposée par la suite à un plus grand inconvénient, par la quantité de ses membres. Elevés sous un règime engourdissant basé sur l'oisiveté intellectuelle, ils pouvoient difficilement se maintenir à la hauteur de leur mission. Il fallut recourir à des stratagèmes pour réprimer le zèle inconsidéré des uns, aiguillonner la lenteur des autres, calmer les inquiétudes des troisièmes, maintenir l'harmonie entre tous. L'unité d'action fut rompue. La Société occulte se subdivisa en celle du Nord et celle du Midi, à cause de l'étendue du pays qui obligea d'établir deux points centraux d'opération. La première fut entravée par l'influence des nouveaux membres, aus quels la direction des affaires fut provisoirement confiée: la dernière étendit la sphère de son activité, et redoubla en même temps les difficultés de sa position, en attirant dans son rayon la Société Secrète des Slaves, et en ouvrant une négociation avec la Société Polonoise,

* Далее две строки зачеркнуты сплошной чертой.

dont les vues et les interêts en partie divergents exigeoient une action restrictive. Cependant la trahison travailloit déjà sourdement les fondements de l'édifice. A cette époque la mort del'Empereur Alexandre, deux abdications, deux serments consécutifs et contradictoires, un testament secret retrouvé dans les archives, jettèrent le trouble et la confusion dans les esprits, et provoquèrent l'évènement du 14 Décembre à Petersbourg, et le mouvement téméraire d'un regiment de la première Armeé au midi.

Un parti hostile profita habilement de ces fautes. Il se composoit de ceux de la noblesse, qui craignoient d'être privés de leurs esclaves et de leurs privilèges: et des employés étrangers qui craignoient de perdre leurs honoraires. Les meneurs du parti comprirent que l'esprit Constitutionnel étoit un vin nouveau, qui ne pouvoit pas être contenu dans de vieilles outres: qu'avec la chute de l'Autocratie ils seroient obligés de quitter leurs places, et de se dépouiller de leurs rangs et de leurs décorations, comme des acteurs à la fin d'un drame manqué. Aucun moyen ne fut épargné pour parer le coup. Ils réussirent à surprendre la religion du Gouvernement, en persuadant que le but de la Société occulte étoit le régicide et l'anarchie. Cette idée fut répandue parmi les classes peu civilisées qui croient tout ce qu'on imprime: et parmi le Clergé qui croit tout ce qu'on ordonne. Mais le parti triomphant tomba à son tour dans la faute commune à tous les partis: le manque de modération dans le succès. Plus de six cents personnes furent arrêtées et jetées dans les cachots. Pendant l'enquête, qui se fit par une Commision secrète d'après un réglement improvisé pour l'occasion, quelques uns des prisonniers furent mis aux fers, plongés dans les ténèbres, tourmentés par la faim: d'autres troublés par des prêtres chargés de surprendre et de révéler leur confession, ou influencés par les larmes de leurs familles abusées: presque tous séduits par la fallacieuse promesse de l'amnistie. On créa une Haute Cour criminelle, composée de militaires, de sénateurs, de marins et de prêtres. Ce tribunal, se fondant sur l'instruction présentée par les Commissaires secrets, et envisageant les prévenus non individuellement, mais par catégories, condamna: cinq personnes à être écartelées, trente et une à être décapitées, soixante et douze aux travaux de force et à l'exil, et neuf à être soldats, sans les avoir interrogé ni même vu. Il étoit pressé de finir sa tâche, parce que les fêtes du Couronnement approchoient. Le Gouvernement commua la peine de mort des trente et un, en travaux de force en Sibérie avec reclusion aux cachots, et la Haute Cour, à la quelle le sort des cinq fut abandonné, supposa de la clémence à remplacer la roue par la potence (Prot⟨ocole⟩ H⟨aute⟩ C⟨our⟩ 1826. 11 juillet). La sentence fut executée furtivement, sur le glacis de la forteresse ou le simulacre de jugement avoit eu lieu, et sous la protection d'une force militaire réunie à l'improviste. L'ignorance ou le trouble des bourreaux prolongea les souffrances des condamnés, dont trois échappant au noeud relâché du hart, furent meurtris, ensanglantés et rependus. Tous subirent leur sort avec calme, dans la ferme croyance que leur mort étoit nécessaire, comme témoignage de la verité de leurs paroles. On refusa aux parents les corps des pendus, on les jetta la nuit dans une fosse remplie de chaux-vive, et le lendemain on remercia publiquement Dieu de ce qu'on avoit versé le sang. Après ce coup d'état les me-

neurs du parti, ayant compromis le Gouvernement, réussirent à se placer à la tête des affaires.

Mais l'activité du parti dominant semble être absorbée par des mesures de détail, et des modifications extérieures. Il cherche à rendre le Gouvernement plus autocratique qu'il n'est: et la Nation plus nationale qu'elle n'est. Le pouvoir qui osoit tout, est tombé dans la position de tout craindre. Son mouvement général n'est qu'une retraite progressive, sous la protection d'un corps de Gendarmes, devant l'esprit de la Société occulte qui le déborde de toute part. Car on s'est défait des hommes, mais non pas de leurs idées. Les voeux de la génération naissante se reportent vers les solitudes Sibériennes, où d'illustres exilés brillent au milieu des ténèbres dont on veut les couvrir. Leur existence dans l'exil est un témoignage constant de la verité de leurs principes. Leur parole est toujours si puissante, qu'on est obligé d'en interdire l'expression, même dans les lettres confidentielles à leurs parents. On leur a tout ôté: rang, fortune, santé, patrie, liberté; mais on n'a pas pu leur arracher la sympathie nationale. Elle se manifeste par les hommages dont on entoure leurs familles affligées: par le respect religieux qu'on porte aux femmes qui partagent l'exil de leurs maris: par le zèle avec le quel on recueille le moindre écrit, où l'esprit régénérateur des exilés se manifeste. On pourra égarer momentanement l'esprit des Russes, mais jamais leur sentiment national *.

РОЗЫСК ИСТОРИЧЕСКИЙ

I

Летописи рассказывают, что в 859 году нордманы (варяги) напали на славян и обложили их данью, но были выгнаны после двухлетней борьбы. Вскоре потом славяне отправили выборных уговаривать тех же нордманов возвратиться и царствовать над ними *по праву*: «Земля наша,— говорили посланные,— велика и обильна, но порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами». Некто Рюрик [1] нашелся исполнить их желание и прибыл с семейством и шайкою морских разбойников в Новгород, где утвердил свое владычество.

Добровольное подданство народа своим врагам утверждают на свидетельстве монаха, писавшего в конце XI столетия. Очевидно, что добрый инок, по простоте или из собственных видов, обновил одну из сказок, которые потомкам Рюрика нужно было распространить, чтобы склонить умы на свою сторону и придавать законность своему владычеству. Когда нет исторических источников и предания недостаточны, напрасны будут догадки. Год прибытия нордманов, кажется, не противоречит летоисчислению. Их водворение может объясниться только двумя предположениями.

* Далее на л. 32 об., 33 автографа ГИМ текст выскоблен и зачеркнут сплошной чертой.

Мнение, что, призванные для защиты, они владели краем, похоже на правду; оно согласно и с обычаями времени, и с хитрым воинственным характером *морских королей*. Можно также принять мнение, что второе нападение их было удачнее первого, и что право завоевания было началом их владычества. Последнее, кажется, вернее, потому что ближе к обыкновенному ходу событий [2].

Однако ж сказку о добровольном подданстве многие поддерживают и в наше время, для выгод правительства, которое всегда ищет опоры в мнении народном. Правительство же не может терпеть ничего независимого в своем домостроительстве. И потому мнение для него: или камень преткновения, или тростник. Куда ни кинь, все клин.

II

Русские историки усвоивают народу чувственную любовь к государям, которые от начала и до наших дней, то поодиночке, то толпою, являются на своем поприще. Разберем свидетельства исторические. Поколение Рюрика, утвердившееся коварством или насилием, сперва оказало услуги нордманам духом завоеваний и водворениями, распространившими пределы страны. События этого времени ознаменованы бунтом древлян, полочан, радимичей и других племен и мщением, которое правительство излило на них. Уделы, заведенные нордманами, укоренились по смерти Владимира [3]. Край раздробили; народ разделили на участки. Это устройство по своим последствиям было пагубнее ига монгольского. Силы края истощились в междоусобиях. Ум юного народа затих от постоянного действия раздробленного самодержавия. Народный дух, постепенно угасая, заменился равнодушием [4]. Следы такой же гражданской жизни заметны у нас даже и теперь. Ни холоден, ни горяч — хуже всего в политике, как и в религии. Только Новгород и Псков устояли против общей заразы. Несмотря на все усилия властителей, они сохранили право избирать и судить князей. 30-ть из числа избранных были отрешены и изгнаны.

С появлением монголов князья нордманского поколения пали к ногам завоевателей. Они заботились только о себе в бедствиях отечества и перед ханами искали такого же унижения, какого требовали от (своих) * подданных. Такого поведения не вытерпели, наконец, и монголы, хотя им были выгодны унизительные происки князей. Многие вызваны в Орду, осуждены и казнены рукою палача. Не было ни усилия, ни сочувствия со стороны подданных. Татарский приговор освящался равнодушием народным [5].

Князья литовские, а не потомки Рюрика, положили начало освобождению. Они отторгли западные части края и присоединили к своим владениям. Им стали подражать князья московские, усилившиеся во в емя смятений [6]. Обогащаясь умножением и удержанием части поборов, переходивших в Орду через их руки от всех уделов, они успели округлить свои владения насилием, покупками, наследствами и свадьбами. Ссоря удель-

* Так в рукописи.

ных князей, коварствуя при дворе ханов, разоряя собственных подданных, они хлопотали только о том, чтобы соединить всю власть в своих руках. В то же время раздоры в Орде и изменение в религии, ослабляя монголов, способствовали свержению ига. Однако ж не слабостию монголов и не происками князей освободилась Россия. Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов [7].

Порядок уделов, изменяемый при Ярославе и Мономахе, окончательно рушился при Иоанне III и его наследниках [8]. Разъединенное самодержавие совокупилось; но сущность осталась та же. Переменам никто не противился: ни князья, у которых все было продажно, ни народ, который после 400-летних бедствий стал ко всему равнодушен. Но препятствия встретились в Новгороде, сохранившем права свои, развитые посредством торговли с народами более образованными [9]. Прибегли к разврату, убийствам, конфискации, ко всем средствам насилия и неправды, которые необходимы заблуждению, чтобы удержаться и распространиться. Самодержавие, только что восстановленное в первоначальном виде своем, доставило русским царя Бешеного (Иоанна IV), который 24 года (1560—1584) — купался в крови подданных [10]. Наконец, нордманские поколения, основанные морским разбойником, после 600-летнего владычества угасли вместе с царем Слабоумным (Феодором Иоановичем) [11].

В продолжительном племени князей из числа 750-и видим только некоторых замечательных своими способностями; но они мелькают изредка, и вся деятельность их ограничивается стремлением поддержать самодержавие в его различных видах. Впрочем, личное влияние князей было почти ничтожно. Мнение, что Владимир ввел христианство, основано на свидетельствах неважных, сомнительных и подлежавших спору. Те не понимают божественного происхождения и назначения веры, которые думают, что помощь сильных земли нужна для того, что она проникла в сердца и утвердилась в них. Благодатные лучи веры гораздо прежде Владимира озарили * пространные страны севера: Библия, переведенная на славянский язык греческими монахами в Моравии, была известна в России за 100 лет до обращения Владимира. Ольга, бабка его, уже христианка. Соборные послания патриархов Фотия и Игнатия свидетельствуют, что русские крестились в 867 году. [12]. В Олегово время Россия считалась 60-м архиепископством константинопольским. При Игоре [13] была уже церковь св. Илии в Киеве. Договоры его с греч⟨ескими⟩ импер⟨аторами⟩ Романом, Константином, Стефаном утверждались крестным целованием [14].

Русская правда — сборник нордманских учреждений — перемешана с случайными постановлениями. Не удовлетворяя потребностям народа, это наборное законосоставление несообразностью частей своих только замедлило движение общественное [15].

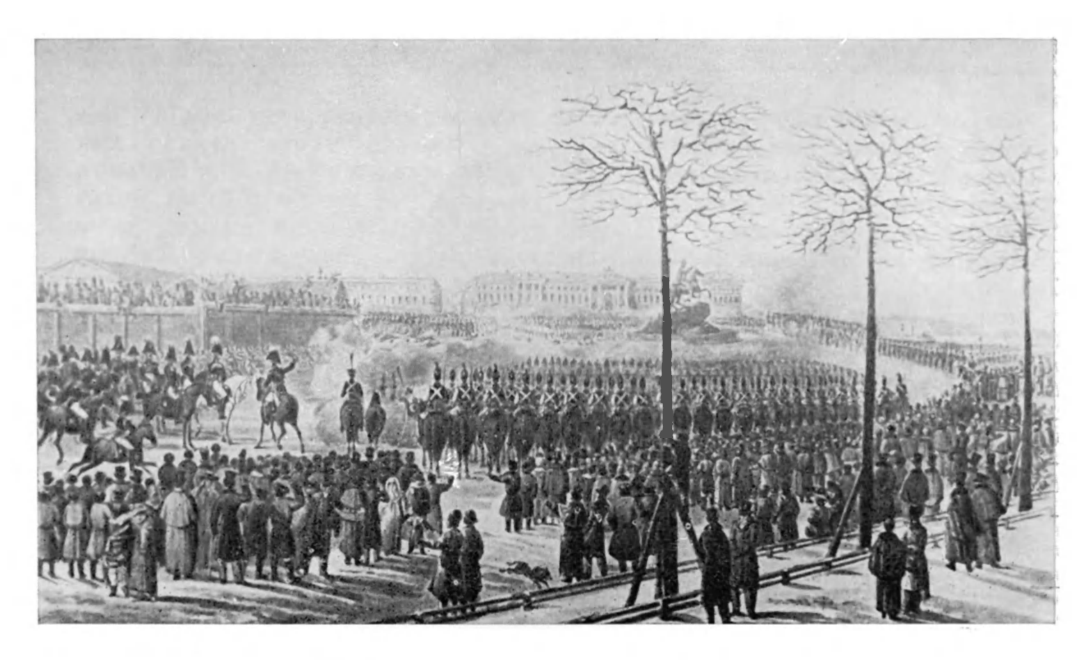
Потомки Рюрика не умели заслужить и потому никогда не пользовались привязанностью подданных. Владычество князей ознаменовано

* Слово вписано другой рукой.

М. С. ЛУНИН
Акварель Н. А. Бестужева. 1836

3 Заказ 1106

«На Сенатской площади 14 декабря 1825 г.»
Акварель К. И. Кольмана. 1830-е гг.

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ
Акварель Н. И. Уткина. 1815

П. И. ПЕСТЕЛЬ
С портрета работы Е. И. Пестель, матери декабриста. 1813

Н. М. МУРАВЬЕВ
Рисунок О. А. Кипренского. 1813

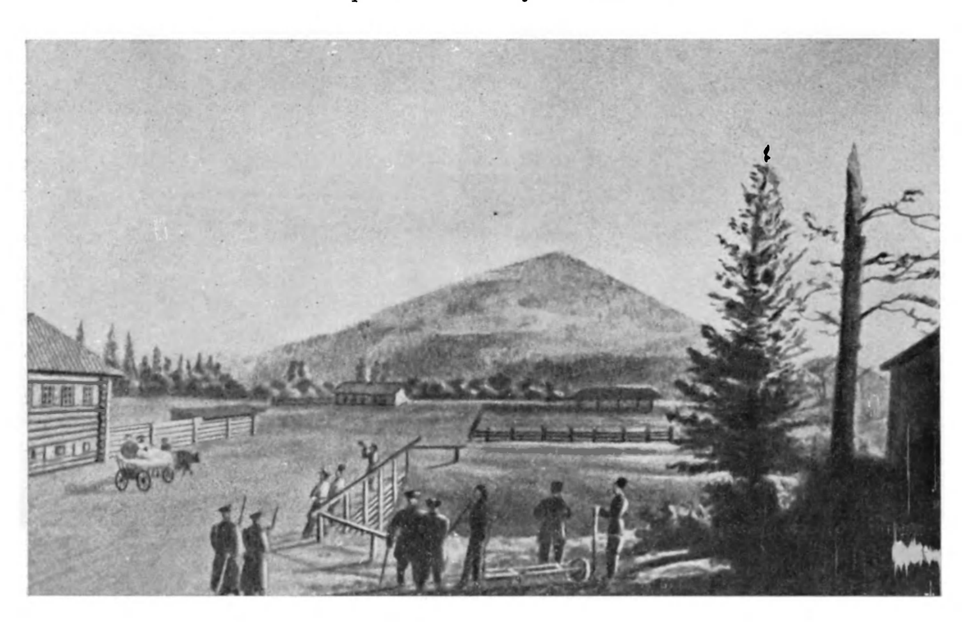

А. З. МУРАВЬЕВ
С портрета маслом
работы неизвестного художника.
Начало 1820-х гг.

Выборг. Вид замка
Художник В. Е. Галямин. 1827

Вид Читы
Акварель Н. А. Бестужева. 1829–1830

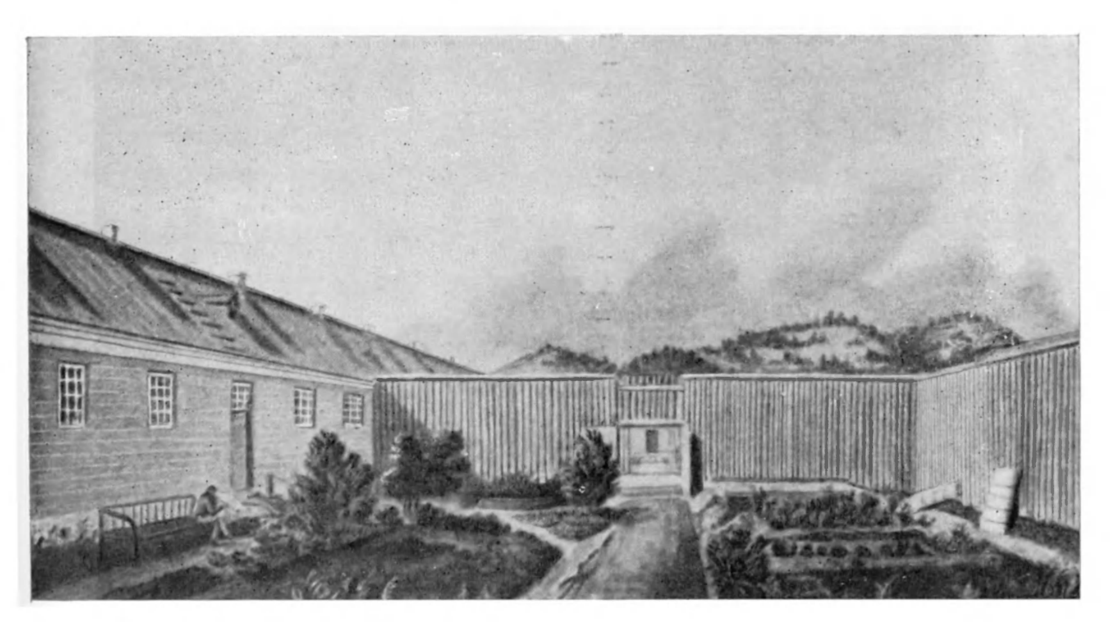
Декабристы за работой в Чите у оврага, прозванного «Чертовой могилой»
Акварель Н. А. Бестужева. 1829–1830

Сон Волконского
Акварель
неизвестного художника
1830-е гг.

Вид внутреннего двора
одного из отделений
Петровской тюрьмы
Акварель Н. А. Бестужева.
1832

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ
Акварель Н. А. Бестужева.
1840-е гг.

М. Н. ВОЛКОНСКАЯ
Акварель Н. А. Бестужева. 1837

Дети М. Н. и С. Г. Волконских — Миша и Нелли
С дагерротипа. 1840-е гг.

←

Главная (Дамская) улица в Чите
Акварель Н. А. Бестужева.
1829–1830

С. Г. Волконский с женой в камере Петровской тюрьмы
Акварель Н. А. Бестужева. 1830

Е. С. УВАРОВА
Фотография
с утраченного портрета
работы неизвестного
художника.
1830-е гг.

\+ Dilexi justitiam, et odivi iniquitatem, propterea morior in exilio.

\+ Exégèse. +

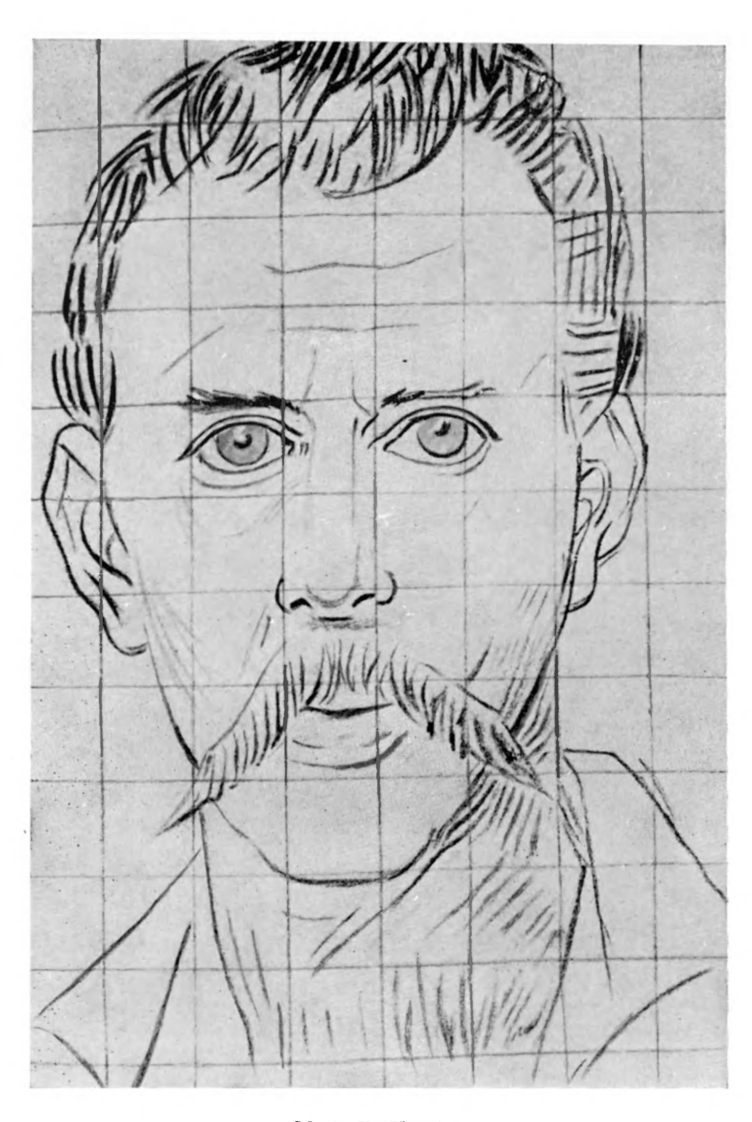
—

Ideoque et nos tantam habentes impositam nubem testium, deponentes omne pondus, et circumstans nos peccatum, per patientiam curramus ad propositum nobis certamen.
Heb XI.1

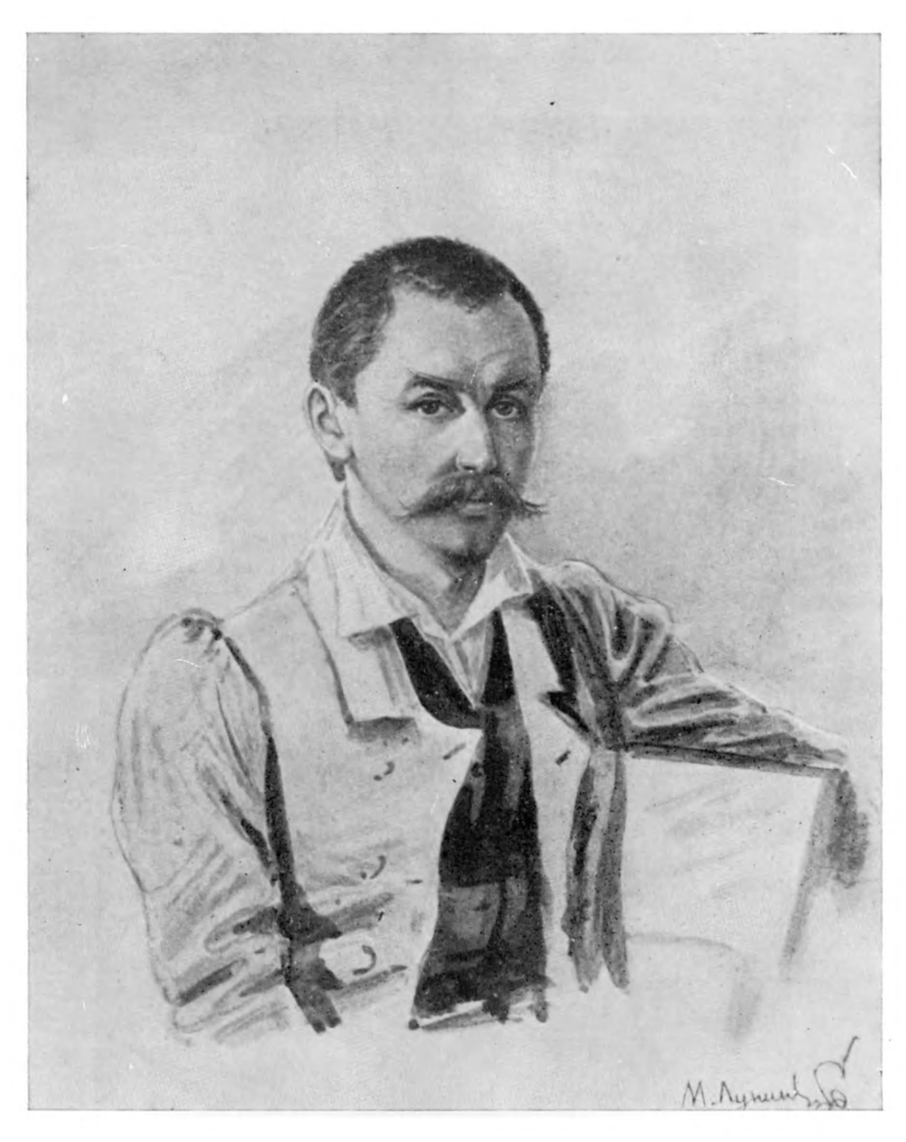
Сестрѣ моей К. Уваровой.

[illegible] Въ Россіи два проводника: языкъ до Кіева, а перо до Шлиссельбурга.

Записная книжка Лунина
Титульный лист рукописи

М. С. ЛУНИН
Автопортрет. 1840-е гг.

М. С. ЛУНИН
Акварель Н. А. Бестужева. 1836

П. Ф. ГРОМНИЦКИЙ
Перерисовка Л. Питча с рисунка Н. А. Бестужева. 1830-е гг.

И. Д. ЯКУШКИН
Акварель А. Л. Жилина. 1844

Письма из Сибири. Титульный лист рукописи М. С. Лунина

Письмо к сестре М. С. Лунина. Копия П. Ф. Громницкого

2

Lettres de Sibérie.

1838.

à ma Soeur Ouvaroff.

Рабство, несвойственное [illegible] времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий, по мере того, как Народы успевают на поприще Гражданственности. Прискорбный, но полезный пример этой истины, представляют Американские Штаты, в которых рабство утверждено Законом. Признав торжественно равенство людей перед Законом, как основное начало их Конституции: они впоследствии доказывают противное и приводят [illegible] злодейства, оскорбляющие Человечество. Отвергая даже могилу Негра, эти поборники равенства унижают ближнего и за пределами земной жизни. Познание настоящего положения, [illegible] прошедшего. Когда великодушные усилия Правительства успеют разлить благодатный свет познаний на массу Народа, тогда оно невольно, [illegible] теперь от невежества, может навлечь неправильные и насильственные меры для обеспечения владельцев, или для укрощения справедливых, но незаконных требований крестьян.

Освобождение крестьян не представляет затруднений и опасностей, которые робкий или корыстолюбивый ум усиливается выставлять. Оно совершилось в Царстве Польском и в Областях Балтийских без малейшего потрясения. Разве мы хуже Поляков, Лифляндцев и Курляндцев? Однако они ничего не сделали в пользу крепостного состояния в течении 18 лет, с тех пор, как лишились его кровных защитников. Мы не усматриваем даже никаких предварительных мер, [illegible]

→

Третья масонская тетрадь.
Лист рукописи А. С. Пушкина.
1826

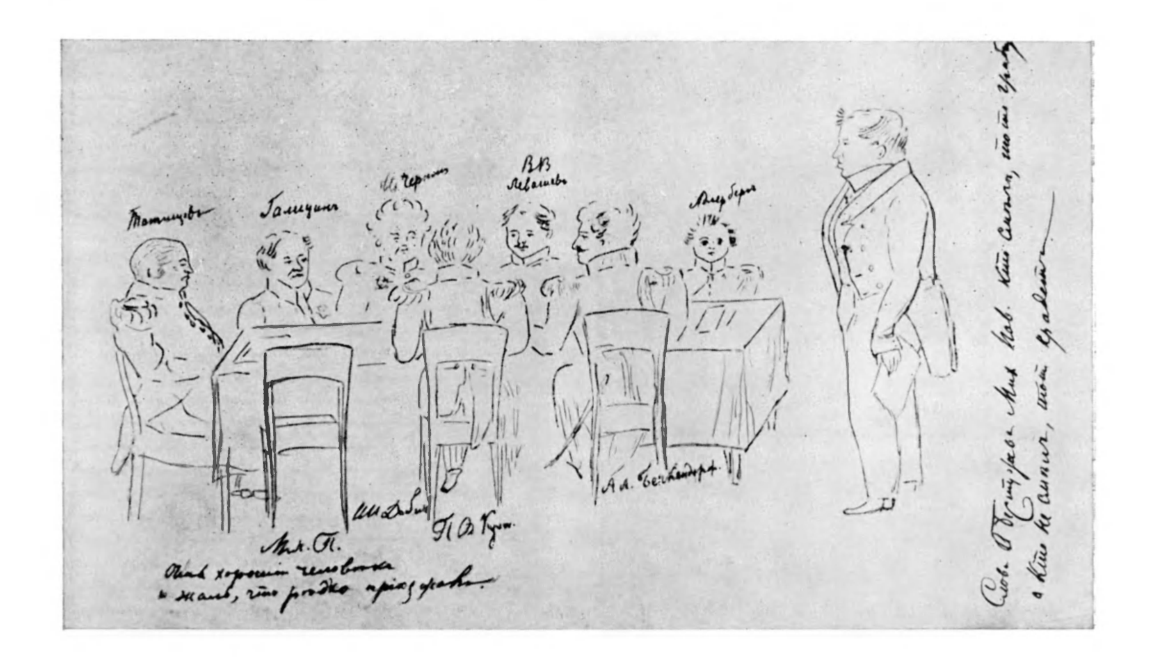
+ Examen du Rapport présenté à l'Empereur de Russie, par la Commission Secrète, en 1826.

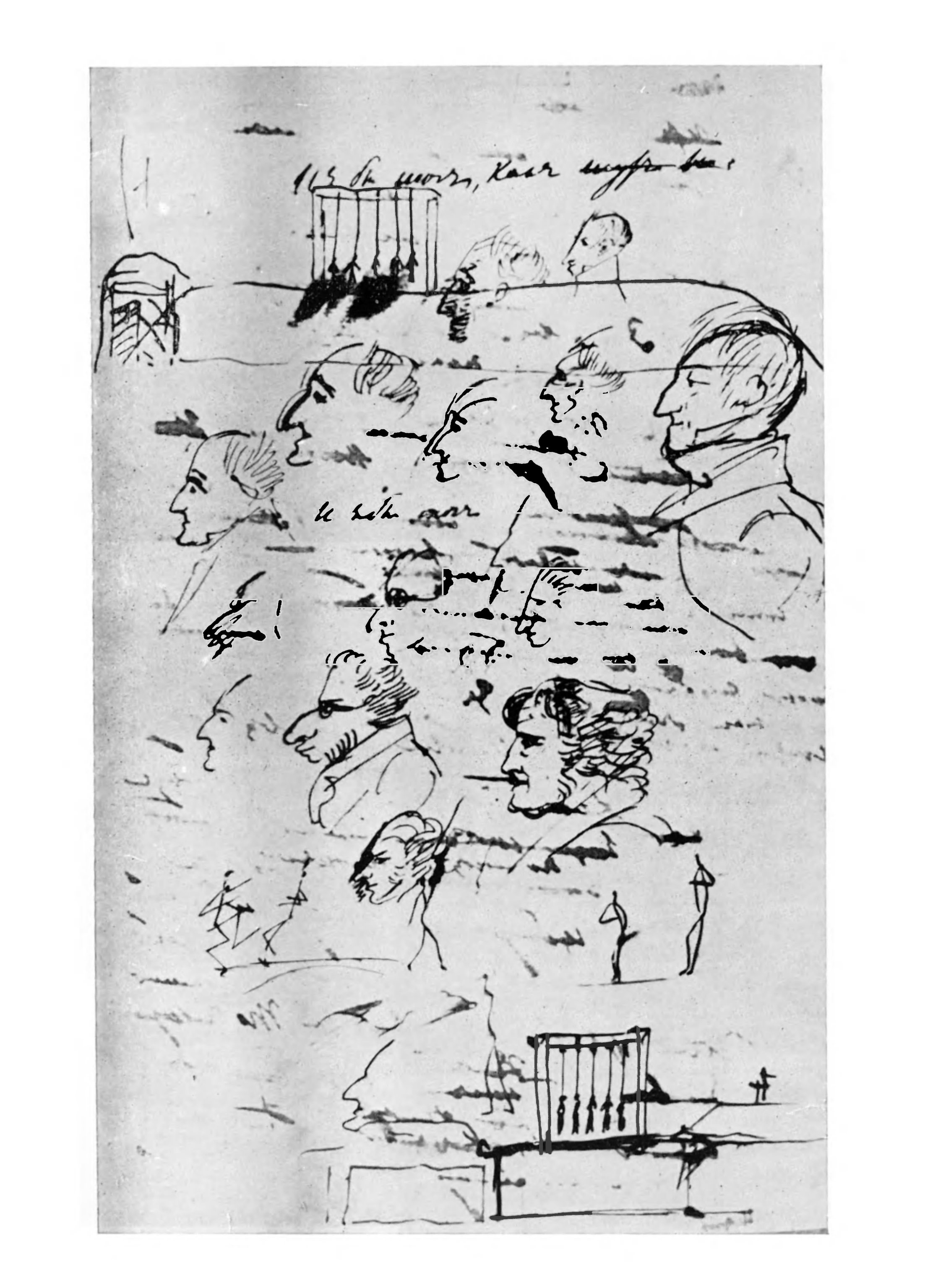
La Commission d'enquête établie à St Pétersbourg à la suite des événements du 14/26 Décembre 1825, a publié un Rapport qui contient le résumé des notions qu'elle a recueilli sur la Société occulte et celle des Slaves réunis. Cet écrit a produit son effet: les hommes contre les quels il a été dirigé ont péri par la main du bourreau ou sont dispersés dans l'exil. Mais la cause de la vérité, également importante à tous les hommes et dans tous les temps, nous impose le devoir de répondre à quelques unes des accusations, qui se trouvent dans ce pamflet, devenu document historique.

Trois causes principales ont contribué à influencer les travaux de la Commission, malgré le soin et le zèle qu'elle a

Разбор Донесения
тайной следственной комиссии
Лист рукописи М. С. Лунина

Заседание
Следственной комиссии
Рисунок В. Ф. Адлерберга.
1826

М. С. ЛУНИН
Перерисовка К. П. Мазера
с утраченной акварели
Н. А. Бестужева

Последнее письмо
М. С. Лунина из Акатуя
С. Г. Волконскому

5
En m'adressant à vous, cher ami, je mets de côté l'expression
des sentiments, et j'aborde directement les affaires. Si ma mai-
-son convient à Mr Mrazowsky, vous conviendrez du prix et la lui
céderez. Le produit de la vente sera employé au profit de Wassilitch
et de sa famille, de la manière dont vous jugerez convenable. —
Envoyez moi le reste des livres, ainsi que l'image de la Ste Vierge
par la voie des autorités, en exigeant que les frais de transport
soient prélevés sur les sommes à moi, qui pourrissent im-
-productivement dans les caisses du gouvernement. Ma
santé se soutient à merveille. A moins qu'on ne s'avise
de me pendre ou fusiller, je suis capable de vivre cent ans.
Mais j'ai besoin de drogues et de médecines pour les pauvres
compagnons de ma captivité. Envoyez de quoi traiter les
fièvres, les refroidissements et les blessures du knout et des
baguettes militaires. Les dépenses à ce sujet seront égale-
-ment remboursées sur mes fonds. J'ai quelques milliers
de Roubles ici : mais c'est tout comme si je n'avais rien,
à cause de la détention au secret. Adieu mon très cher
ami. Si vous tenez à avoir des lettres plus longues et plus
détaillées, envoyez du papier et de la poudre à encre. Mes
amitiés à ceux qui se rassouviennent de moi et me connaissent.
Votre dévoué, Michel

→

Мемориальная доска
на бывшей Акатуевской
каторжной тюрьме
Фото 1968 г.

Надпись
на памятнике М. С. Лунину
в Акатуе.
Фото 1968 г.
(день смерти декабриста
и фамилия его сестры
Е. С. Уваровой
указаны ошибочно)

Могила М. С. Лунина
в Акатуе.
Фото 1968 г.

ОСТАТКИ СТЕН БЫВШЕЙ
АКАТУЕВСКОЙ
КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ
В ТЮРЬМЕ СОДЕРЖАЛИСЬ:
ДЕКАБРИСТ М.С. ЛУНИН, ПОЛЬСКИЕ
ПОВСТАНЦЫ, НАРОДОВОЛЬЦЫ, МАТРОСЫ
С ТРАНСПОРТА „ПРУТ“ КУРНАТОВСКИЙ И ДР.
ТЮРЬМА ПОСТРОЕНА
В 1832 Г.
ЗАКРЫТА
В 1917 Г.

Незабвенному брату
Михаилу Сергеевичу
Лунину
скорбящая сестра
Е. Ушакова
умеръ онъ 4 декабря
1845 года

«Полярная звезда»
Обложка альманаха А. И. Герцена и Н. П. Огарева

беспорядками и бедствиями, за которые ответственность не может падать прямо на них. Корнем зла было самодержавие. Оно сбивает с толку, приписывая неограниченную способность человеку, который законами природы во всем ограничен. Они развращают, требуя, чтоб воздавали кесарю то, что принадлежит единому богу. Общественное здание, основанное не песке, должно было неминуемо рассеяться без посторонних причин. Если оно еще не развалилось, этому причиной материалы и связь: народные свойства русских и вера.

III

В правление англосаксонов *[16] англичанин на базаре с Леви ⟨?⟩ стоил 4-е пенни; но эта цена изменялась, возвышаясь иногда до 3-х манкузов, до серебряного фунта и до золотой иры [17].

Поселяне с семействами и со всяким имуществом были собственностью лордов. Последние могли произвольно дарить или продавать их: могли трудами их обрабатывать землю или определять им работы не земледельческие; могли вместе с землей передавать их другому владельцу или разделять их наследникам по духовным завещаниям.

Верховным судилищем государства в XII веке был королевский суд. Епископы, графы, бароны и главные чины двора королевского заседали в оном. Король председательствовал; но в собственных тяжбах становился истцом, назначая председателя вместо себя.

В обыкновенных принудительных местах судопроизводство было источником доходов для правительства и судей. Тяжбы длились иногда по нескольку царствований сряду и решались обыкновенно в пользу того, кто больше давал. По требованию баронов Иоанн Безземельный (в 1215 году) объявил, что никто не может быть судьею, не зная законов, и принужден был подписать следующую статью Великой Хартии: «*Мы не будем продавать, не будем замедлять и не будем отказывать в правах и справедливости кому бы то ни было*». Граждане не могли ни выезжать из королевства, ни оставаться за границею по делам своим сколько было нужно, без особенного королевского повеления.

Правительство с беспокойством наблюдало за поступками баронов, и, при малейшем подозрении, король сажал их в тюрьму, изгонял в заточение, грабил их земли, разрушал замки.

Когда Генрих III требовал, чтобы бароны собрались в его совет, они отказались, потому что важнейшие места в королевстве розданы были иностранцам и что король более доверял честности последних, чем любви собственных подданных. Эдмон, епископ Терберийский, сопровождаемый важнейшим духовенством, пришел к королю и объявил: «*что англичане не хотят быть попираемы ногами иностранцев в своей родной земле*» [18].

Эти черты британских летописей сходны с тем, что мы видим вокруг себя. Русских продают и покупают по разным ценам; дарят, отказывают

* Далее неразборчиво, смысл неясен.

по духовным завещаниям и, сверх того, закладывают в кредитных заведениях. По делам политическим у нас составляется Верховный суд, подобный суду королевскому, с тою разницею, что не только председатель, но и все члены суда назначаются государем. Наши тяжбы так же продолжительны и так же разорительны. Лучшее право у нас на звание судьи — одряхлеть в военных и морских чинах, без всякого знания законов и даже русского языка. В 1801 году Правительствующий Сенат просил правительство, чтоб необходимым условием для поступления в сенаторы и в удостоверение способностей был чин тайного советника [19]. Без дозволения правительства русские не могут ни выехать из государства, ни жить за границею. Корпус жандармов постоянно * наблюдал за ними. Главные места в государстве вверены иностранцам, не имеющим никакого права на доверие народное. Следовательно, в несколько веков нашего политического быта мы едва подвинулись к той черте, от которой пошли англичане.

История должна ** не только для любопытства или умозрений, но путеводить нас в высокой области политики. Наши учреждения очевидно требуют преобразования. Народ нисходит в страдательном состоянии, и все способности его приведены к одному повиновению. Сам собою он ничего не делает. Ему предписывают, что он должен мыслить, что должен чувствовать и чем должен заниматься. Народ постоянно занят без сознания того, что он производит, подобно расстроенной машине, которой бесчисленные веретена хлябают от порывов внешней неправильно действующей силы. Производство такого механизма неудовлетворительно; потому что не основано ни на законах, которые грубым веществом управляют, ни на законах, которым повинуются существа мыслящие. Оттого не видно следов ни нравственного развития в *** совокупности народной, и успехи наши ограничиваются удобностями животного существования для высших классов и внешним лоском, ослепляющим только взоры толпы. Само правительство признало необходимость исправить недостатки и злоупотребления настоящего управления, напечатав: «*Что всякое желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению просвещения и промышленности, всегда будет нами с благоволением*» (Ман⟨ифест⟩ 13 июля 1826 г.) [20]. Оно собрало и обнародовало законы, которыми управляется Россия, для того чтоб явить как недостатки, так и невозможность их исправить, пока не будут установлены условия необходимые, которые ручались бы за их прочность и исполнение. Наконец правительство обязалось ввести конституцию, как единственное верное средство против злоупотреблений, затрудняющих управление [21]. Ибо опыт доказал, что размножать указы, учреждать новые министерства, изменять чины, плату, количество и мундир чиновников то же значит, что подбеливать сметану. Русские превзошли англичан, отражая завоевателей от родной земли; и должны сравниться с ними утверждением законов конституционных и народной свободы.

* Далее зачеркнуто «беспрестанно».
** Далее, вероятно, пропущено слово «служить».
*** Далее зачеркнуто «совершенности».

РАЗБОР ДОНЕСЕНИЯ ТАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ В 1826 ГОДУ

Тайная следственная комиссия, учрежденная в С. Петербурге 29/17 декабря 1825 года [1], обнародовала сведения, собранные ею об Тайном союзе и Славянском обществе. Доклад ее достиг своей цели: ему последовали казнь и ссылка обвиненных. Но истина, необходимая для всех человеков и для всякого времени, налагает на нас обязанность возразить на некоторые из обвинений, находящихся в сем Донесении, обратившемся в исторический документ.

Три главные причины в совокупности вредили действиям Комиссии несмотря на старание и рвение, с которыми она стремилась исполнить важный труд, ей порученный. Первая причина заключается в отсутствии начал, в несовершенстве обрядов судопроизводства (1) и в несообразности самого законоположения (2). Обвиненные, из коих многие допрошены лично государем, содержались под строгим заключением сперва в императорском дворце, а потом в казематах Петропавловской крепости. Они не могли ожидать ни заступления законоведца, ни охранительных обрядов уголовного производства, ибо таковое желание вменялось им в число преступлений. Но спокойство духа было им необходимо для соображения ответов, а все средства употреблены были, чтоб раздражать и волновать их. В полночь внезапно отпирались двери темниц: на узника набрасывали покрывало, безмолвно вели его через коридоры, дворы и проходы крепостные. Когда снимали покрывало — он находился уже в зале присутствия, перед членами Тайной комиссии. Члены предлагали вопросы на жизнь или смерть; требовали ответов мгновенных и обстоятельных, обещали именем государя помилование за откровенность; отвергали оправдания, объявляя, что оные будут допущены впоследствии перед судом (3); вымышляли показания; отказывали иногда в очных ставках и часто, увлеченные своим рвением, прибегали к угрозам и поношениям, чтоб вынудить признание или показание на других *.

Кто молчал или по неведению происшествий [2*] или от опасения погубить невинных, того [3*] в темнице лишали света, изнуряли голодом, обременяли цепями. Врачу поручено было удостоверяться, сколько заключенный мог еще вынести телесных страданий. Священник тревожил его дух, дабы исторгнуть и огласить исповедь (4). Многие из узников были поражены помешательством ума: двое в цвете лет померли в казематах (5). Итак признания, служившие основанием допросу, не всегда были добро-

---

* Далее несколько строк зачеркнуто сплошной чертой.

[2*] Далее зачеркнуто «о которых его расспрашивали».

[3*] Далее зачеркнуто «отводили».

вольны [2] (стр. 2); иные, по расчету, основывались на обещанном прощении; другие были только мнимыми откровениями или отклоняли ответственность, угрожавшую многим, на одно или несколько избранных лиц. Наконец, некоторые признания, подтверждая вещи несбыточные, изобличали только смущение и душевные страдания заключенных. Показания узников, вследствие той же причины, неопределительны, несвязны и часто нелепы (6). Некоторые из членов Союза и без чуждого влияния, желая говорить истину, содействовали к заблуждению, приступая к многосложным происшествиям и к началам отвлеченным, которые превышали их понятия. В этом мраке Комиссия должна была полагаться на слабый, мерцающий свет, который доставляли ей изветы: переметчика и доносы трех лазутчиков, единственных законных уличителей в деле Тайного союза (7).

Вторая причина заблуждений, вкравшихся в доклад, есть недостаток письменных свидетельств, которые состояли только из Зеленой книги, из двух предначертаний Конституций, литературного отрывка под названием «Разговор любопытный»; частных писем и песен (стр. 33). Первый из сих документов — отрывок Устава Тайного союза, не дающий полного понятия об устройстве оного; вторые суть опыты конституционного законодательства, предпринятые для возбуждения изысканий по сей отрасли нравственных наук; последние не заслуживают того, чтобы остановить наше внимание в столь важном деле [3]. Наконец, третья причина заключается в политических соображениях, понудивших Комиссию исключить или изменить некоторые обстоятельства и обратиться к страстям толпы, чтоб поколебать в общем мнении людей, коих влияние и за тюремными затворами казалось опасным.

Частное и взаимное действие сих причин изобличается едва ли не во всех вопросах, нам предлежавших; оно объясняет, каким образом Комиссия могла быть омраченною или почему она утаила настоящий свой образ мыслей. Комиссия приписывает *основание* Тайного союза духу подражания; быстрое его *развитие* — обыкновенным филантропическим и патриотическим мыслям, помещенным в его уставе; побуждениям слепой дружбы; доверенности к некоторым людям; влиянию моды; боязни казаться смешным; суетному любопытству и даже видам личной корысти, что способствовало поочередно к умножению членов (стр. 3, 13) [4]. Явное противоречие проистекает из такого воззрения. Допустим это начало и эти побуждения — ни этот Союз, ни члены оного не заслуживают внимания правительства. Однако ж правительство нашлось принужденным вступить в состязание с Союзом, воздвигать оплоты противу его потока, сойти в ристалище, чтоб бороться грудью с частными лицами. Надлежит сознаться, что Тайный союз не отдельное явление и не новое для России. Он связуется с политическими сообществами, которые, одно за другим, в продолжение более века, возникали с тем, чтобы изменить формы самодержавия; он отличается от своих предшественников только бо́льшим развитием конституционных начал (8) [5]. Он только вид того общественного преобразования, которое уже издавна совершается у нас и к торжеству которого все русские содействуют, как сподвижники, так и противники

оного. Происшествия, среди коих возник и распространился Тайный союз, долженствовали благоприятствовать его успехам. Упорная борьба противу соединенных сил Европы совокупили народ для защиты своего достояния, которое одни меры правительства [4*] не в состоянии уже были охранять. Вслед за отпором внешнего врага совокупностью народных сил общее внимание естественно обратилось на внутреннее устройство края. Война без цели, мир без пользы, суетные конгрессы, сокровенные договоры, управление, преданное иноземцам, общее лихоимство, неустройство в законодательстве, опустошенные области и в пепел обращенная столица [5*] вопияли за отечество (9). Озарилась необходимость посредничества в устройстве гражданском, подобного тому, которое решило участь брани. Мыслящие восстали на умственный подвиг, как прежде толпы восстали на рукопашный бой. Не станем судить тех, коих дело еще не совершено, дабы, в свою очередь, не осудили нас те, которые воспользуются их трудами.

Тайный союз обвиняют в том, что в продолжение десяти лет он постоянно стремился к изменению отечественных постановлений и к водворению нового устройства, основанного на системе представительной. В самом деле — таково было его назначение. Союз постиг необходимость коренного преобразования, ибо народы, подчиненные самодержавию, должны или исчезнуть, или обновиться (a). Он положил[6*] начало преобразованию, открыв новые источники просвещения и вруча народу новые средства к могуществу. Право Союза основывалось на самом свойстве живительных начал, им провозглашенных; на потребностях народа, которые надлежало удовлетворить; на данных, установленных народами, находящимися в главе всемирного семейства (b). Право Союза опиралось также на обетах власти[7*], которой гласное изъявление имеет силу закона в самодержавном правлении. «Я намерен даровать благотворное конституционное правление всем народам провидением мне вверенным» (Речь императора Александра[8*] на Варшавском сейме 1818 года. Пр. 10). Это изречение вождя народного, провозглашенное во услышание Европы[9*], придает законность трудам Тайного союза и утверждает его право на незыблемом основании [6]. Он [10*] предупредил только государя в его великодушном подвиге возбуждением умов и впоследствии [11*] он содействовал его видам, вызывая полезные изменения в законах, понятиях, обычаях и нравах. Это согласие между двумя столь различными властями, кажется, не сокрылось от внимания Комиссии, равно как и последствия сего явления. Поэтому, умалчивая о началах нового устройства, о предначер-

---

4* Далее зачеркнуто «уже».
5* Далее зачеркнуто одно или несколько слов.
(a) Римляне. Англичане.
(b) Англичане, французы.
6* Далее зачеркнуто «первые основания».
7* Далее зачеркнуто «ибо каждое ее гласное изъявление».
8* Далее зачеркнуто «полякам».
9* Далее зачеркнуто «достаточно чтоб».
10* Далее зачеркнуто «лишь».
11* Далее слово, зачеркнутое сплошной чертой.

танных средствах его постепенного введения и утверждения, Комиссия говорит, что Тайный союз намеревался подчинить Россию республиканскому правлению. Но слова, которые она приводит, свидетельствуют противное: «Конституционные понятия, более сходные с монархическими, обнаруживались в основателях» (стр. 11). Даже тогда, когда республиканские мысли брали верх, члены говорили, что «если император Александр сам дарует России хорошие законы, то они будут его верными приверженцами и оберегателями» (стр. 12). «Республиканское правление с президентом очень хорошо, но главное всегда зависит от устройства представительства» (стр. 12) [7]. Перейдем от слов к поступкам. Один из конституционных проектов писан в монархическом духе [8]. Накануне восстания 26/14 декабря члены Союза решили: чтоб из всех губерний созваны были представители; чтоб представители сии определили новое законоположение для управления государством [9]; чтобы представители Царства Польского были также созваны для постановления мер к сохранению единства державы (стр. 45, 46). Вот очевидные доказательства, что Тайный союз никогда не имел странной мысли водворить образ правления по своему произволу. Союз обсуждал и раскрывал все политические соображения, дабы увеличить массу правительственных познаний и облегчить рассудительный выбор во время свое; но он не думал право неотъемлемое у народа присвоить себе, ни даже иметь влияния на его выбор; ибо, означая республиканское правление как наименее сложное, он не скрывал его невыгод и недостатков (стр. 12). Один меч налагает законы, и эти законы существуют, доколе меч не возвратится в ножны. Члены Тайного союза не имели, без сомнения, ни желания, ни средств покорить своих соотечественников, а здание, которое они воздвигали, долженствовало простоять не один день, ибо его обломки противятся еще бурям и высятся над уровнем отечественных постановлений, наподобие пирамид, для указания будущим поколениям стези на политическом поприще.

В числе важных соображений, обративших на себя внимание Тайного союза, находились и будущие отношения народа к государю. Союз обязан был предвидеть изменения, которые переворот существующего порядка или даже обыкновенный ход происшествий рано или поздно долженствовали произвести в сих отношениях. Ему следовало придумать способы укрощать порывы, обычные в те дни брожения и смут, когда народ требует отчета за прошедшее и возобновляет свой договор на будущее [10]. Тайный союз имел особенно в виду охранять Россию от междоусобных браней и от судебных убийств, ознаменовавших летописи двух великих народов (с). При обсуждении таковых вопросов в частных разговорах или в настоящих совещаниях некоторые члены могли излагать неправильные мнения или даже предаваться порыву страстей. На этих-то изъявлениях Комиссия основывается, чтоб приписать Тайному союзу предположения о цареубийстве. Надлежит, однако ж, взять в уважение, что Союз, не имея понудительной власти, не мог подлежать ответственности за временные отклонения некоторых его членов. При том главные действователи

(с) Англия, Франция.

принуждены были иногда, для виду, уступать страстям, возникающим в Союзе, чтобы лучше направлять его к высокой цели своей. Справедливо ли будет за случайно изъявленные некоторыми членами мнения винить Союз, как мы обвиняем конвент и английский[12*] парламент, рассуждавшие о цареубийстве? Ограничимся некоторыми замечаниями. Тайный союз не мог ни одобрять, ни желать покушений на царствующие лица, ибо таковые предприятия даже под руководством преемников престола не приносят у нас никакой пользы (11) и несовместны с началами, которые Союз огласил и в которых заключалось все его могущество. Союз стремился водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости и разуму. Обвинение в помысле на цареубийство основано лишь на отдельных изречениях, случайных разговорах и на мечтаниях расстроенных умов (12)[11]. Это искусное сплетение доставило докладу мимолетную занимательность драмы, способствовало обратить умы вспять и отвлекло общее внимание от откровений будущего. Некоторые из значительных членов Союза были отстранены от следствия, не названы в докладе и прощены под предлогом молодости и раскаяния[12]. Власть имеет право облегчить наказание и даже помиловать, но величие законов и общественная совесть требуют предварительно судебного приговора. Благодарность за неожиданное снисхождение доставило орудие противу остальных сочленов. Трудно допустить, чтобы члены почетнейших семейств в России, чтобы люди, отличавшиеся постоянным доверием сограждан и одобрением правительства, исторгнувшие уважение даже среди уничижений и страданий, которыми их отягощала раздраженная власть,— трудно поверить, чтобы таковые люди помышляли только об убийстве и безначалии. Из трех приведенных Комиссиею письменных свидетельств письмо к Польскому обществу не было отправлено[13] по незначительности содержания; остальные два — суть опровержения мысли о цареубийстве (стр. 6, 19, 20)[14]. Декабря 26/14, когда смятенные войска проникли во внутренность дворца и когда государь находился один среди толпы, не сделано было[13*] покушения на его жизнь: ибо люди, обрекшиеся на смерть, покорствовали правилам Тайного союза. Скажем в заключение, что само правительство не верило сему обвинению: оно бы не допустило, чтобы брат государя явился истцом и судьею в собственном деле[15].

Другое равно важное обвинение тяготеет над Южным обществом. Тайная комиссия утверждает, что оно намерено было располагать достоянием России: что оно условилось с Польским обществом отдать Польше некоторые возвращенные от нее области; и что вследствие этого договора правитель Южного общества сочинил карту, на которой означены новые границы (стр. 21). Не нам опровергать сие обвинение; это дело свершил уже Варшавский следственный комитет, на который ссылается Тайная комиссия. Комитет после одиннадцатимесячных розысканий утверждает, что члены обоих обществ ни в чем не могли согласиться, не заключили

[12*] Так в тексте.
[13*] Далее зачеркнуто «ни одного».

никакого окончательного договора и что между ними не было и рассуждения о присоединенных к России областях (d) [16]. Когда две комиссии, облеченные одинаковою властию, действуя в одном духе и соглашаясь во всем, противоречат друг другу в одном только событии, то должно заключить — что его не бывало. Славянское общество имело первоначально в виду соединить общим союзом славянские племена, рассеянные по Европе. Оно присоединилось к Южному обществу, ибо нашло, что сие последнее благоприятствовало [14*] соединению образованием могущественного средоточия. Оно бы не слилось с Южным обществом, если б увидело в оном начала разделения и раздробления, противоположные своей цели. Наконец, Тайный союз, повсюду исполненный одинаковым духом, в час решительный помыслил созвать представителей Царства Польского для принятия мер к сохранению единства державы (стр. 45) [17].

Вместо того чтоб изложить обе конституции, составлявшие одно из главных обвинений, Комиссия довольствуется только замечанием, что Конституция Никиты Муравьева разделяла Россию на независимые области, соединенные общим союзом. Она не заметила, что независимость областей не согласуется с монархическим правлением, утвержденным сею конституциею, и упускает из виду, не без цели, что областные собрания не облечены державною властию. Областные собрания, среди совокупных губерний ведая только распоряжениями и расправою местными, содействовали единству управления державного (стр. 18). Эта конституция не только не стесняла исполнительной власти (императорской), но доставляла ей свободу действия, необходимую для общей пользы: поручала ей соблюдение державных выгод; признавала ее необходимое участие в законодательной власти и надзор над общим ходом судопроизводства. Отделяя лишние ветви управления, она избавляла только исполнительную власть от посредничества между частными лицами, предоставленного самостоятельной судебной власти. Таким образом, прекратилось бы смешение властей, столь гибельное в общественном устройстве России [18]. Комиссия величается [15*], что она отрыла Конституцию Пестеля (Русскую Правду) из земли близ неизвестной деревушки (стр. 56). Но она совершила сей подвиг, дабы вернее укрыть Русскую Правду от народа, предав ее забвению архив⟨а⟩. Об конституции Пестеля в Донесении сказано [16*] несколько слов (в примечании), изобличающих более осмотрительность членов Комиссии, нежели заблуждения сочинителя [19]. Мы разделяем затруднения членов, обвинявших, когда не было вины, обращавших в преступление то, что послужило впоследствии руководством правительству, скрывавших то, что надлежало огласить.

Восстание 26/14 декабря было только неминуемым последствием тогдашних обстоятельств. Известясь о кончине императора Александра,

---

d) Донесение Варшавского следственного комитета. 3 генв. 1827/22 дек. 1826 года; стр. (указание на стр. у Лунина отсутствует).

14* Далее зачеркнуто «ему».

15* Точный перевод с франц. «гордится», см. наст. изд. с. 88.

16* Далее зачеркнуто «только».

Государственный Совет не привел в исполнение завещание покойного государя, которое ему было поручено охранять, и предоставил Правительствующему Сенату провозгласить императором великого князя Константина, без предварительного удостоверения в его согласии, на что требовалось несколько дней промедления. Народ присягнул новому государю на основании Указа Правительствующего Сената и распоряжения святейшего Синода. Засим вслед другой манифест объявил, что новый государь подписал отречение от престола, в тайне, тому уже несколько лет; что он возобновил сие отречение в двух частных письмах к членам своего семейства; и что вследствие этих писем Россия должна признать меньшего брата его и произнести новую присягу в противность первой [20]. Таковая поспешность и изменчивость в делах толикой важности возбудили недоверчивость и неудовольствие во всех сословиях народа. Северное общество находилось тогда под влиянием правителей ревностных и деятельных, но не успевших еще приобрести опытность в делах (е). Волнение, которое они замечали, и ропот, отовсюду к ним доходивший, наконец, и на них подействовали. Им пришла мысль, что наступил час решительный, дающий право изменить образ действия, постоянно сохраненный в продолжение десяти лет и прибегнуть к силе оружия. После многих прений на шумных совещаниях это мнение было утверждено большинством голосов. Дух Тайного союза мгновенно заменился духом восстания. Но столь внезапный переход должен был взволновать и смутить все понятия. Члены, увлеченные народными страстями на новое и для них незнакомое поприще, не могли согласиться ни между собою, ни с новыми, ежечасно прибывающими сподвижниками [21]. От сего — несвязность принятого предначертания для военных действий; недостаток порядка и единства в исполнении; вымыслы для возбуждения солдат, раздраженных, но не созревших для действия; отсутствие распоряжений в решительное мгновение. Во все время восстания не видно следа предначертания: войска отказываются от требуемой присяги, сходятся на означенной площади, отражают частные нападения, проводят часы в ожидании... Во мнении толпы — это неудачный порыв; для мыслящего — это шаг на политическом поприще. По неизменному закону нравственного мира истина требует борения: борение началось; требует крови: кровь пролита. Впрочем Комиссия довершила начатое. Обнародовав начала предполагаемого преобразования, она, без ведома своего, содействовала успеху конституционного дела столь же, сколько все усилия Тайного Союза, не распоряжавшего⟨ся⟩ столь могущественными средствами гласности [22].

Донесение Комиссии исполнено подробностей, которые не имеют прямого отношения к главному предмету. Личные ощущения членов, взаимные их сношения, их мечтания, путешествия и разные обстоятельства частной жизни занимают много места (стр. 6, 13, 25, 27, 34, 37, 55, и т.д.). Даже шутки и суетные остроты помещены в творении, которое вело к пролитию крови (13). Мы не станем всего опровергать: основания по-

(е) Князь Оболенский, Рылеев и Алекс⟨андр⟩ Бестужев временно вместо Ник⟨иты⟩ Муравьева, находящегося во внутренних губерниях России.

трясены — здание должно рушиться. Заметим однако ж, что Комиссия умалчивает об освобождении крестьян, долженствовавшем возвратить гражданские права нескольким миллионам наших соотечественников. Она ничего не говорит о новом Уложении, об устройстве судной власти, об исправлении судопроизводства, о преобразовании войска, об уничтожении военных поселений, о свободе торговли и промышленности, об оказании помощи угнетенной Греции и о других правительственных мерах, коих поочередно требовало и отчасти достигло свободное изъявление совокупной воли частных лиц. Эти упущения скрывают от России важную часть трудов Тайного союза и препятствуют полному уразумению его учреждений. Причина этих упущений находится в условиях, стеснявших действия Комиссии [23]. Приступая к этим вопросам, она бы возбудила народное участие, которое надлежало подавить; она бы говорила в пользу учреждения, которое надлежало разрушить. Тому же побуждению приписать должно уверения Комиссии, что этот великий политический Союз был обыкновенным только заговором против государства. Достаточно, кажется, заметить, что заговор не длится десять лет сряду; что заговорщики не занимаются сочинением книг, дабы действовать словом и восторжествовать убеждением; что им приходит на мысль испрашивать согласия у власти, которую намереваются ниспровергнуть; наконец, что заговорщики не остаются неподвижно каждый на своем месте, когда наполняются темницы и начались истязания. История всех народов и времен не представляет сему примера. К тому же правительство знало о существовании Тайного союза: в бумагах покойного императора отысканы сочинения одного из его членов (стр. 11) [24]. Всем известно, и этого, без сомнения, никто не отважится оспоривать, что покойный государь часто говаривал о Тайном союзе и называл поименно главных двигателей оного [25]. Итак, в продолжение десяти лет или правительство было заодно с заговором, или оно не смело его уничтожить: и того и другого допустить невозможно.

Однако ж Комиссия отбросила политические расчеты и следовала внушению чувств возвышенных, когда она с уважением отозвалась о первых пяти мучениках конституционного дела. Рылеев, виновник 14-го декабря, искупляет невольное увлечение глубокомысленным — можно сказать пророческим изречением: «если кто заслужил смерть, необходимую, может быть, для будущего блага России,— это я» (стр. 40, пр. 14) [26]. Твердое поведение Каховского в продолжение восстания изображено верно и беспристрастно; не замечено одно: что он тогда только прибегнул к оружию для защиты сподвижников, когда просьбы и увещания его остались бесполезными. Бестужев-Рюмин в Докладе ярко отделяется своею неутомимою деятельностию. Он извещает о существовании Польского общества, открывает Соединенных славян, исполняет важные поручения, рассуждает в Думах, принимает новых членов, представляет письменные начертания, сражается, когда оружие заменяет Совет. Ему было только двадцать два года от роду во время казни [27]. Комиссия дает нам точное понятие о характере Сергея Муравьева-Апостола, изображая, как полк, которым не он начальствовал и в котором находилось не более

двух или трех членов, берется за оружие, узнав о его заключении, исторгает его из плена и идет на верную гибель, чтобы разделить его участь (пр. 15). Вот в каких словах Комиссия выражается о Пестеле, который действовал одною умственною силою: «Влияние его бывало редко оспориваемо близкими к нему сообщниками; он удалял слабосердых, представляя им опасности и трудности предприятия; некоторые из главных действователей видели в нем более сходства с Наполеоном, нежели с Вашингтоном: он был в Южном обществе не только правителем, но полным властелином, как свидетельствует самый ход происшествий большая часть членов ему слепо верила; иные, не знав его Конституции, хотели всем жертвовать для введения предложенного в ней образа правления» (стр. 14, 16, 17, 25, 27). Излагая с таковым беспристрастием различные свойства сих политических лиц, Комиссия, казалось, предчувствовала, что судопроизводство ограничится одним следствием; что Верховный уголовный суд не будет иметь досуга ни допрашивать, ни слушать оправданий, ни даже удостовериться в тождестве лиц; что он немедля приступит к приговору на смерть, заменя топор палача — веревкою (16). Неусыпный надзор правительства над их сподвижниками в пустынях Сибири свидетельствует о их политической важности, час от часу более и более возбужденном в пользу их соучастии народа, и о том, что конституционные понятия, оглашенные ими под грозою смертною, усиливаются и распространяются в недрах нашей обширной державы.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1). Обряд производства уголовных дел установлен общими законами; но в делах высших государственных преступлений общий уголовный обряд не мог быть достаточен. Посему ваше императорское величество при самом составлении Суда соизволили преподать ему дополнительные правила, для успешного движения сего дела необходимые. Доклад Верховного уголовного суда 1826 года.

(2). Свод уголовных законов. Том XV, стр. 363, стат. 1229. Указы 1646, 1726, 1734, 1739 и 1762 годов.

(3). Суд избрал последний путь (не допрашивать), по числу подсудимых более удобный.— Док. Верх. Угол. Суда 1826 г.

(4). Свод уголов. зак.— Том XV, стр. 362, 363, стат. 1227, 1228. Указ 1722 года. По сему случаю обязанность доносить об исповеди распространена впоследствии и на лютеранских пасторов, не признающих исповедь таинством. Смотри: Прибав. к Св‹оду›, стр. 812, стат. 1228.— Наказ 28 декабря 1832 года.

(5). *Сходившие с ума*: Батенков, Матвей Муравьев-Апостол, Андриевич, Фурман, Фаленберг, Враницкий, Фохт и другие. Многие посягали на жизнь свою. *Умерли*: Булатов, Поливанов [28].

(6). Обреченный на гибель отряд, чтоб всех изгубить (стр. 6) [29]. Мысль явиться на придворном бале с духовым ружьем (стр. 25)[30]. Создать родовую аристократию (стр. 42)[31]. Произвести в Испании контрреволюцию без войны [32]. Таинственный и Всемирный орден восстановления [33]. Проект вывезти из Европы, будто бы для основания

республиканских правительств в других частях света, всех людей беспокойных, которые желают перемен и смятений (стр. 34, 35) [34].

(7). *Переметчик*: Майборода.— *Лазутчики*: англичанин Шервуд, генерал-лейтенант граф Витт, Бошняк. Последний не назван нигде, но скрывается в Докладе под странным наименованием: агент генерала графа Витта.

(8). В грамотах Шуйского впервые находим слово: *самодержец*, из подражания византийцам. Явный признак, что сия мысль не была до того в общем ходу. Веча народные, повсюду в России происходившие, не могли быть совместны с самодержавием. Вечевой колокол умолк только в 1570 году (во Пскове). Избирательные чиновники находились везде в России, а в самой Москве до Димитрия Донского. Республики Новгорода и Пскова продолжались около VI веков (Хлыновская, Вятская около III-х). Последняя уступила 60-тысячному войску. Сила, богатство, торговля, население — исчезли с свободой. Сим опровергается ни на чем не основанное мнение, что русский народ не способен, подобно другим, сам распоряжаться своими делами [35]. Изречение: *Великий Новгород государь наш* — свидетельствует, что мысль о народодержавии не чужда была в России. Бояре переходили от одного удельного князя к другому и крестьяне от одних владельцев к другим, по своему произволу. Московские великие князья, как прежде киевские и суздальские, стремились к единовластию (монархии), которое впоследствии смешали с самовластием или с самодержавием; но признавали право народа участвовать в законодательстве. Иоанн Грозный, в 1549 году, каялся на Лобном месте перед представителями всей России и обещал суд и правду. В следующем году созвал первый Государственный Собор для рассмотрения и утверждения предложенного им законоположения и для введения повсюду присяжных по образцу Новгорода. Впоследствии он губил без вины и суда по прихоти своей — это тиранство, а не самодержавие. Опричники с метлами и собачьими головами были его достойными помощниками.

Учение христианское не допускает ничего неограниченного в человеке. Опираясь на слово истины, духовенство останавливало бурные порывы власти. Иерей *Сильвестр*, святители, юродивые противились свирепому властителю. Иоанн принудил было Москву признать его право: невозбранно казнить, без докук со стороны духовенства. Но св. Филипп восстал за неповинную кровь и погиб, противясь опричнине и отстаивая Новгород. Никола Юродивый спас Псков в 1570 году. Мучитель Иоанн IV в 1556 году, третий раз в свое царствование, созвал *Земскую Думу*: духовенство, бояр, дворян *первой и второй статьи*, гостей, купцов, помещиков иногородных, числом 399, требуя совета: мириться или воевать с польским королем Сигизмундом? Земская Дума решила: продолжать войну, ибо считала обладание Ригою необходимым для безопасности и торговли Дерпта, Пскова и Новгорода.

По смерти Грозного (1584) Верховная Боярская Дума немедленно созвала *Великую Думу Земскую* для устройства России. В царствование Феодора Ивановича граждане принимали участие в делах общественных. Первейшие члены Верховной Боярской Думы (составленной из 5-ти бояр) на площади объявляли толпе о своих поступках (Кн. Иван Петрович Шуйский, защитник Пскова).

В 1598 году, по пресечении рода князей варяжских, созвана *Дума Земская*, или *Государственный Собор*, для избрания царя. Кроме знатнейшего духовенства и бояр, не менее 500 выборных явилось в Москву. Земскую Думу составляли: *духовенство*, *бояре*, *воинство и народ*. Самозванец, легковерие и зависть недостойных бояр уничтожили то благо, которое просвещение Годунова готовило России.

Шуйский, приняв титул самодержца, присягнул в 1606 году Думе Боярской: 1) что не будет казнить смертью никого без суда боярского, истинного, законного; 2) не будет конфисковать имений; 3) будет требовать улик прямых, явных, с очей на очи. Кн. Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин были тогда из первых, желавших в Боярской Думе ограничить власть царскую. Междоусобия и нападение Польши и Швеции не дали возможности утвердить это правление. Шуйский вступил на престол поспешно по желанию бояр и московских жителей. Он не был, подобно Годунову, избран *Великою Земскою Думою*. Многие зато не почитали его законным царем, что споспешествовало его низвержению. Призывая Владислава в цари, русские объявляли, что исправление и дополнение судебника должно зависеть: 1) от государя; 2) от Думы Боярской; 3) от Думы Земской. Они чрез то изъявляли, что полагали необходимым условием участие народа в законодательстве [36].

После торжества народной доблести над внутренним неустройством и врагом, которому временные только обстоятельства доставили превосходство, *Великая Земская Дума* в 1613 году приступила к избранию царя. По избрании Романовых проявляются более явственные следы государственного устройства: Романовы не имели других прав, кроме воли народной, изъявленной Великою Земскою Думою. Не происходя от Рюрика, подобно княжеским русским родам, потомкам удельных владетельных князей, они уступали в древности многим дворянским родам, ибо предок их *Кобыла* выехал из Пруссии только в XIV веке. Брачные связи с царствовавшим домом доставляли те же права родственникам остальных шести жен Иоанна IV[37]. Обязанные своим избранием отчасти взаимной зависти княжеских родов, они признали влияние родовой аристократии. Все объявления Верховной исполнительной и судной власти начинаются словами: *бояре приговорили, а царь приказал*. Дела внешней политики, война с Польшею, присоединение Азова от казаков*, принятие Малороссии в покровительство России, введение Уложения, уничтожение местничества — все эти вопросы в продолжение трех царствований (Михаил, Алексей, Феодор)[38] рассматривались в Государственных Соборах представителями всей России. Одно наименование самодержца, оставленное невежеством того времени, было в разладе с сими благоразумными началами, противопоставляя воле закона волю лица, выгодную для царедворцев на счет общественной пользы.

При вступлении на престол Петра I-го, кроме царской власти, находились в России еще два начала устройства. *Первое*: собрание представителей, под наименованием Земской Думы, или Государственного Собора, могущих обратиться в парламент, если б их собрания были периодические в установленные единожды сроки, круг действий определен и внутреннее устройство их основано на благоразумных началах, необходимых для законодательного собрания. *Второе* начало — тогдашнее духовенство. Петр не собирал Земской Думы, пренебрегая мнением своего народа и отстраняя его от непосредственного участия в своих делах. Следуя понятиям реформаторства, он объявил себя произвольно главою церкви, истребил власть духовенства и поколебал уважение к нему народа. Синод, им учрежденный, был поручен надзору военного чиновника, под странным названием: обер-прокурора. Надзиратели правительства — святители — обращены им в царедворцев. При Екатерине I-й неуважение к знатнейшему духовенству простерлось до того, что новгородский архиепископ Феодосий за спор с часовым и караульным офицером приговорен к смерти и, по милосердию императрицы, оставлен в живых, разжалован в простые монахи и сослан в Корельскую обитель, на устье Се-

* Точнее «казаками».

верной Двины, где находился под воинскою стражею. Впоследствии Павел I-й [39] стал давать им знаки отличия. Коллегиальное правление, учрежденное Петром и отмененное его наследниками, не могло заменить пустоты, проявившейся в устройстве общественном.

Сенат, *Верховный Тайный Совет*, *Кабинет*, *Государственный Совет*, *Комитет министров* поочередно отрывали друг у друга власть, но уступали влиянию лиц (*Меньшиков*, *Бирон*, *Разумовский*, *Орлов*, *Потемкин*, *Обольянинов*, *Кутайсов*, *Аракчеев* и другие).

Перед смертью Петра I-го существовали уже две партии: одна в пользу Екатерины, под руководством ее прежнего любовника *Меньшикова*, ее зятя *герцога Голстинского* и голстинского посланника *Блазевица* — состояла из всех иностранных генералов и офицеров и Синода [40]. Другая партия в пользу в. к. Петра Алексеевича состояла из князей *Голицыных*, *Долгоруких*, *Куракиных*, *Репнина*, *Апраксиных*, *Лопухиных*, *Головиных*, *Нарышкиных* и других. Она раздроблялась на две части, из коих одна желала восстановить прежнее устройство России, а другая хотела ограничить власть императорскую посредством государственных чинов и Сената, применяясь к устройству Швеции.

В 1730 году по смерти Петра II-го Верховный Тайный Совет (из 8 членов) почти единогласно определил: предложить престол Анне Иоановне (вдовствующей герцогине Курляндской)[41] на условиях, ограничивающих императорскую власть. Он искал равновесия в управлении посредством родовой аристократии. Голоса в пользу ограничения верховной власти поданы были: князьями *Голицыными*: Дмитрием Михайловичем и фельдмаршалом Михайлом Михайловичем (сподвижником Петра); князьями *Долгорукими*: Васильем Лукичем, Васильем и Михайлом Владимировичами и Алексеем Григорьевичем. Сенат, государственные сановники и главнейшее духовенство соглашались на избрание Анны с условиями: 1) чтобы она управляла по определениям Верховного Совета; 2) чтобы сама собою не объявляла войны, не заключала мира; 3) чтобы не налагала по собственному произволу новых податей и не раздавала важнейших государственных должностей; 4) не наказывала никого из дворян без явной улики; 5) не конфисковала имений; 6) не располагала государственными имуществами и не дарила их; 7) не вступала в супружество и не избирала преемника без согласия Верховного Совета; 8) чтобы не брала с собою в Россию любимца своего Бирона.

Предупрежденная о том Анна Иоановна приняла престол и подписала условия, с тем, чтобы нарушить их. Члены Совета между тем объявляли, *что они призовут все чины государственные для установления лучшего образа правления*. Уже князь Дмитрий Михайлович *Голицын* вошел в переписку с статским советником Фриком (жившим долго в Швеции по поручению Петра I-го для изучения ее финансовых постановлений) насчет предположений о будущем преобразовании правительства. По прибытии Анны в Москву присягали *государыне и отечеству*. Измена некоторых сановников и зависть мелких дворян опровергли это смелое предприятие. Императрица, отвергая участие в делах коренных русских сановников, предала державную власть свою иноземцу Бирону, которого тайно привезла с собою. Князья *Голицыны* удалены в Сибирь на службу. В продолжение 9-ти лет *Долгоруких* три раза осуждали на смерть, изменяя участь их многоразлично. Они сами, жены их, дети, родственники сосланы, лишены состояния, свободы, наконец, в 1739 году в Новгороде отсекли голову князьям Василью Лукичу и Сергею Григорьевичу, а князя Ивана Алексеевича колесовали [42]. Самодержавие обеспечено было следующими средствами:

Генерал-адъютант граф Левенвольд набрал новый пехотный гвардейский полк (Измайловский) из ландмилиции [43]. Офицеры были назначены или лифляндцы, тогда еще не сроднившиеся с Россией, или иностранцы. Вооружение доставлено королем Прусским. В то же время и для той же цели учрежден Конногвардейский полк. Издан указ, уничтожающий всякое различие между *поместными* имениями, которые могли возвращаться казне, и *отчинами*.

В борьбе с кровожадным и алчным временщиком погибли:

1. Кабинет-министр и обер-егермейстер Артемий Петрович Волынский. Его пытали, вырезали язык, отсекли правую руку, потом голову. Имение взяли в казну.
2. Тайный советник Андрей Хрущев.
3. Гоф-интендант Петр Еропкин. } обезглавлены.
4. Сенатор граф Мусин-Пушкин. Ему вырезали язык и сослали.
5. Генерал кригс-комиссар Соймонов.
6. Кабинет-секретарь Эйхлер. } наказаны кнутом и сосланы в вечную каторжную работу.
7. Секретарь Зуда за перевод исторических книг для Волынского наказан плетьми и сослан в Камчатку[44].

При Екатерине II в Москве *Новиков* — родной дядя члену Тайного союза — с многочисленными сподвижниками распространял просвещение и идеи законной свободы Он долго содержался в Шлиссельбурге: его обвиняли в ереси [45]. Писатель *Княжнин* за смелые истины в своей трагедии Вадим* подвергся пытке в Тайной канцелярии. *Радищев* — автор Путешествия в Москву, претерпел ту же участь [46]. Собранные в 1767 году депутаты изо всей России, в числе 565, для сочинения нового Уложения были распущены через пять месяцев, когда некоторые из них, не желая строить на песке, упомянули о пределах власти и даровании прав крепостному состоянию [47].

Павел, будучи великим князем, участвовал в намерениях графа Никиты Ивановича *Панина*, Дениса Ивановича *Фонвизина* — дяди члену Тайного союза — и других, желавших ввести в России умеренные формы правления, подобные шведским. Новый правительственный устав был уже написан. Панина удалили [48].

В 1801 году граф Никита Петрович *Панин* — сын победителя Пугачева, племянник предыдущего — и граф *Пален* хотели водворить конституцию. Из заговорщиков, желавших только перемены государя,— были награждены; искавшие прочного устройства — отдалены на век [49].

В начале царствования Александра Сенат в докладе своем, прося нового устройства, болезновал о том, что в России места всегда уступали лицам. Впоследствии граф Валериан *Зубов* говорил в Государственном Совете в пользу конституционного правления; но голос его был заглушен закоснелыми приверженцами старины [50]. *Сперанский* был сослан по наущению шведа Армфельда и министра полиции Балашова [51] за представленные императору проекты об отделении судной власти от правительственной и постепенном введении представительного правления. Он предлагал судные сенаты: в Петербурге, Москве, Киеве и Казани, и один Правительствующий, лишенный судной власти и составленный из депутатов всех свободных сословий.

---

* Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель;
И невозбранные открыв пути страстям,
Дает свободу быть — тиранами царям.

Писатели: *Капнист* защищал свободу малороссиян и оплакивал их неволю. Его внимание сильно обращено было на преобразование судебного устройства [52]. *Державин* требовал свободы, называл скиптр самодержавия железным, негодовал противу страха, жезла, цепей, ярма, лести, рабства, невежества [53]. Писал о судебном устройстве, основы⟨ва⟩я его на посредническом суде, сближаясь к мысли о присяжных [54]. В Сенате, при вопросе о возвращении свободы малороссиян, когда ему возражали, что против них десятилетняя давность, Державин сказал: «*нет давности, когда дело идет о свободе сограждан*» [55].

Из сего следует, что все люди отличные в России видели и чувствовали несовершенства существующего порядка и стремились во все времена, явно или скрыто, к достижению цели Тайного союза.

(9). *Походы*: 1812, 1813, 14 и 15 годов. Мир Парижский[56]. После Отечественной войны полякам, присоединенным к империи, дарованы права, отказанные русским под предлогом незрелости[57]. Польша восстановлена под двойным наименованием королевства для Европы и царства для России, наподобие царства Казанского, Астраханского и других, существующих только в титуле. Войско польское набрано, вооружено, крепости исправлены, устроены дороги и каналы, города возобновлены и украшены. Финансы оживлены и бедствия войны изглажены иждивением России. Западные губернии были подчинены особенному управлению, которого средоточие было в Варшаве. Губернаторы в оных и другие чиновники заменены поляками, которые не имели ни чинов, ни других условий для таковых должностей. Учрежден Литовский корпус из поляков, вызванных из всех полков русской армии и пополняемый уроженцами западных губерний. Этот корпус отличался особенным цветом мундиров, находился вне состава русской армии и подчинен Варшавскому управлению[58]. Совокупность этих мер, кажется, указывает, что император Александр имел в самом деле намерение располагать достоянием России так, как прежде он отделил Выборгскую губернию в состав великого княжества Финляндского. Поэтому манифест поляков в 1831 году, утверждавший, что император Александр хотел присоединить к их Королевству возвращенные от Польши губернии, не без основания[59].— *Конгрессы*: Венский, Ахенский, Тропауский, Лейбахский, Веронский и другие[60]. *Иноземцы*: Меттерних, Шварценберг, Анстетен, Поццо-ди-Борго, Каподистрия, Штейн, Фуле, Вольцоген, Паулуччи, Траверсе, Ришелье, Ланжерон, Армфельд, Бенигсен, Винценгероде[61]; герцоги: Виртембергские, Ольденбургские, Мекленбургские, Кобургские и проч.[62].

(10). В 1812 году император Александр, скрывая намерения свои от подданных, сообщил их г-же Сталь: «Я не успел еще даровать России конституцию».— Ваше величество сами лучшая конституция.— «Если это и правда, то это одна случайность».— Собственное признание, что судьба целого народа в продолжение веков не должна зависеть от произвола существа ограниченного и скоротечного. Этот разговор находится в известном сочинении г-жи Сталь: *Десять лет в изгнании* (Dix années d'exil), изданном при жизни Александра[63].

(11). Перевороты, коими изобилует русская история со времени Петра I-го, любопытны по многим отношениям и прискорбны для русского[64].

I^{e}. В 1725 году *Меньшиков* с ротою гвардейцев выламывает дверь залы совещания и силою провозглашает Екатерину I-ю, бывшую свою любовницу.

Петр II наследовал престол естественным порядком. При нем *Долгорукие* свергают Меньшикова и ссылают его в Сибирь. Несметное имение его списано в казну.

IIe. Восшествие Анны. Смотри примечание 8-е, под годом 1730-м.

IIIe. При внуке ее Иоанне в 1740 году гибельная для России власть Бирона, ознаменованная расхищением многих миллионов, ссылкою 20000 сынов ее в Сибирь, казнью ревностнейших граждан — прекращена не действиями законов и судилищ, не народным негодованием, но домашнею ссорою немцев, распоряжавших‹ся› судьбою России: *Миних* с *Манштейном*, сопровождаемый ротою гренадер, нападает ночью на регента, застает его в постели с женою, препровождает на гауптвахту, а оттуда в казематы Шлиссельбургские. Пред тем Правительствующий Сенат, из благодарности к тирану, упросил его принять ежегодный оклад в 500000 рублей и титул его высочества, приличный регенту империи. В Шлиссельбурге его судили и, несмотря на достоинство владетельного курляндского герцога, приговорили к лишению чинов, орденов и ссылке в Сибирь.

IVe. Не с большим через год (1741) врач *Лесток*, по наущению французского посланника маркиза де-ла-Шетарди (de la Chetardie) возводит Елисавету Петровну на престол всероссийский. Главным орудием его был обанкрутившийся купец *Грюнштейн*, вступивший рядовым лейб-гвардии в Преображенский полк. Он набирает 12 сообщников, вскоре число их возрастает до 30. Елисавета надевает на себя ленту Екатерининского ордена; ночью садится в сани, имея на запятках *Воронцова* и Лестока, едет в канцелярию Преображенского полка; арестует офицера Грефса, вербует 300 гренадеров, арестует министров, отправляется во дворец, берет под стражу правительницу (Анну Леопольдовну) и дитя ее, носившее звание всероссийского императора, и заключает его в *Рижскую* крепость, оттуда в *Дюнамюнд*; из оного все семейство отправлено в Раненбург (Рязан. губерн.). В 1745 году *Антон Ульрих*, принц Брауншвейгский, с женою и с дочерьми сослан в Холмогоры, а император *Иоанн Антонович в Шлиссельбург*. *Миних*, *Остерман*, *Левенвольд* преданы суду, приговорены к смерти за неведомые преступления. Им дарована была жизнь, но они сосланы в Сибирь, где вскоре померли, кроме Миниха, возвращенного чрез 20 лет Петром III-м. Рота Преображенского полка, возведшая на престол Елисавету, получила название лейб-кампании (рота тела ее величества). Всем лейб-кампанцам даровано наследственное родовое дворянство.

V^{e}. Екатерина II, в 1762 году, возмущает гвардию, свергает с престола мужа своего Петра III-го и вскоре лишает его жизни.

VIe. При ней *Мирович* хочет провозгласить императором заключенного Иоанна, и караульные офицеры вследствие заблаговременно данной инструкции лишают жизни бывшего императора.

VIIe. В 1801 году заговор под руководством Александра лишает Павла престола и жизни, без пользы для России[65].— Петр слывет законодателем России, но где же законы?..

(12). Желания, мнения, грезы заключенных превращены в события. За мысль, сегодня выраженную, от которой на завтра же отреклись и не возобновляли ее в течение 10 лет, осуждали, как за убийство!

(13). Тигр — стр. 6; Рубикон — стр. 43; довольно велик — стр. 49; фамилия не иголка — стр. 44 и пр.[66].

(14). Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была

Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно . . . . *
Свой жребий я благословляю.

Отрывок из Рылеева поэмы «Наливайко», напечатанной в 1825 году[67].

(15). Сергей Муравьев-Апостол предчувствовал свой конец:

Je passerais sur cette terre
Toujours reveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu.
Ce n'est qu'au bout de ma carrière
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu.

Задумчив, одинокий
Я по земле пройду, незнаемый никем;
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренный,
Познает мир, кого лишился он.

Стихи сочинены им в Каменке, в конце 1824 года[68].

(16). «Суд избрал *последний* путь (*не допрашивать*)**, по числу подсудимых — более удобный». Доклад Верховного уголовного суда, 1826 года.

EXAMEN DU RAPPORT PRÈSENTÈ Á L'EMPEREUR DE RUSSIE, PAR LA COMMISSION SECRETE, EN 1826

La Commission d'enquête établie à St Petersbourg à la suite des événements du 26/14 Décembre 1825, a publié un Rapport qui contient le résumé des notions qu'elle a recueilli sur la Société occulte et celle des Slaves réunis. Cet écrit a produit son effet: les hommes contre les quels il a été dirigé ont péri par la main du bourreau, ou sont dispersés dans l'exil. Mais la cause de la vérité, également importante à tous les hommes et dans tous les temps, nous impose le devoir de répondre à quelques unes des accusations, qui se trouvent dans ce pamflet, devenu document historique.

Trois causes principales ont contribué à influencer les travaux de la Commission, malgré le soin et le zèle qu'elle a mis à remplir la tâche importante qui lui était confiée. La première se trouve dans l'absence des principes, l'imperfection des formes judiciaires et les vices de la législation (a). Les prévenus dont la plupart avaient été personnellement interrogés par l'Empereur, furent détenus au secret d'abord dans le palais Imperial, et

---

* В тексте пропуск двух слов «отец святой».

** Слово вставлено рукой Лунина.

(a) La procédure criminelle est determinée par les lois générales de l'Empire; mais dans les hauts délits politiques la procédure ordinaire ne pouvait pas être suffisante. A cet effet V. M. Imp. au moment même de la convocation de cette Cour a daigné lui prescrire des règles supplementaires,— indispensables pour assurer la rapidité et le succès de cette affaire.
Rapport de la Haute Cour criminelle à l'Empereur en 1826.

puis dans les cachots de la forteresse de St Petersbourg. Ils ne pouvaient compter ni sur l'assistance d'un conseil, ni sur les formes protectrices de la procédure, puisque le désir de ces choses était une des raisons de leur captivité: mais ils avaient besoin de calme pour combiner leurs réponses, et on employait toutes sortes de moyens pour les troubler. A minuit les portes du cachot s'ouvraient inopinement: on jettait un voile sur la tête du prisonnier: on le conduisait en silence à travers les corridors, les cours et les passages de la forteresse. Au moment qu'on enlevait le voile, il se trouvait dans une salle d'audience, en présence des Commissaires secrèts. Ces derniers posaient des questions dont dépendait la vie ou la mort: exigeaient des réponses immédiates et précises: promettaient au nom du Souverain une amnistie aux sincères: repoussaient les justifications en déclarant qu'elles seraient admises plus tard devant la Cour criminelle: improvisaient des dépositions à charge: refusaient quelques fois les confrontations; et souvent entraînés par leur zèle, employaient la menace et l'invective pour provoquer des aveux ou des dépositions. Ceux des prévenus qui persévéraient à garder le silence, soit par l'ignorance des faits sur les quels on les interrogeait, soit dans la crainte de compromettre des innocents, étaient ramenés dans les cachots, plongés dans les ténèbres, privés de nourriture, chargés de fers. Un médecin venait constater le dégré de souffrance physique dont ils étaient encor⟨e⟩ susceptibles. Un prêtre venait troubler leur conscience, et surprendre leur confession pour la révéler. Quelques uns des prévenus furent frappés d'aliénation mentale: deux sont morts dans les cachots à la fleur de leur âge (b). Les aveux qui ont servi de base à l'enquête (page 2) n'étaient donc pas tous volontaires: les uns dictés par le calcul avoient pour but la promesse d'indulgence: les autres inspirés par le désir de servir la cause constitutionnelle, n'étaient que des demi-confidences, ou le moyen d'écarter la responsabilité qui menaçait plusieurs, en l'attirant sur un seul ou sur quelques uns: enfin les troisièmes confirmant des faits qui choquent toute vraisemblance, ne servent qu'à déceler le trouble et l'agitation où se trouvaient leurs auteurs. Les dépositions des prévenus sont par les mêmes motifs vagues, incohérantes, contradictoires et souvent absurdes (c). Quelques membres sans être influencés et désirant dire vrai, ont contribué à induire en erreur, en abordant des faits complexes et des principes abstraits qui dépassaient leur conception. La Commission n'a eu pour guide à travers ces ténèbres, que la faible et douteuse lumière que lui prêtaient les révélations d'un délateur, et les rapports de trois espions de police, seuls témoins légaux à charge dans l'affaire de la Société occulte (d).

(b) *aliénés*: Batenkoff, Wranisky, Mathieu M., Furmann, Fallenberg, Andriewitch etc. etc.
morts: Polivanoff, Boulatoff.

(c) La Cohorte perdue pour faire main basse sur tout. L'ordre mystérieux et universel de la Restauration. L'idée de paraître au bal de la Cour avec un fusil; de créer une aristocratie; d'exporter de l'Europe tous les hommes turbulents qui désirent des changements, sous prétexte de fonder des Républiques dans les autres parties du monde (pag. 6, 25, 34, 42, 35).

(d) *délateur*: Mayboroda.
espions: Cherwood, Witt, Bochniak.

La seconde cause des erreurs qui se sont glissées dans le Rapport, est l'insuffisance des documents écrits. Ils se réduisent au livre Vert; à deux ébauches de Constitution et un fragment littéraire intitulé: conversation remarquable; à quelques lettres confidentielles et quelques chansons. Le premier de ces documents n'est qu'une fraction du Réglement de la Société, qui ne donne qu'une idée incomplète de son organisation: les seconds sont des études de législation constitutionnelle, rédigées dans la vue de répandre les connaissances spéciales: les derniers sont trop frivoles pour fixer l'attention dans une affaire de cette nature. Enfin la troisième cause se trouve dans les considérations politiques, qui ont forcé la Commission d'omettre ou d'altérer certains faits, et d'en appeler aux passions de la tourbe pour discréditer des hommes, dont l'influence paraissait importante même au fond des cachots.

L'influence partielle ou générale de ces causes se retrouve dans la plupart des questions que nous allons analyser; et explique comment la religion de la Commission a pû être surprise, ou l'expression de ses véritables sentiments réprimée. Elle attribue l'origine de la Société occulte à l'esprit d'imitation: son dévéloppement rapide aux maximes banales de philantropie et de patriotisme contenues dans le réglement, aux sentiments aveugles d'amitié et de confiance, à la mode, à la crainte du ridicule, à une vive curiosité et même à l'appat d'avantages personnels, qui contribuérent tour à tour à augmenter le nombre des membres (pag. 14.15). Une contradiction manifeste résulte de cette manière d'envisager les choses. Car en admettant ce mobile et ces raisons, ni l'institution, ni les hommes qui en fesaient partie, ne méritaient pas de fixer l'attention du Gouvernement. Cependant il a été obligé de réfuter les idées émises par la Société occulte, d'opposer une digue aux flots de son courant, de descendre dans l'arène pour lutter corps à corps avec des individus. C'est que la Société occulte n'est pas un fait isolé et nouveau en Russie. Elle se rattache aux associations politiques, qui se sont organisées successivement pendant plus d'un siècle dans la vue de modifier les formes de l'autocratie: elle n'en différe que par un développement plus étendu des principes constitutionnels. C'est une phase de la révolution sociale qui s'opére depuis longtemps parmi nous, et au succès de la quelle tous les hommes concourent, ceux qui se dévouent pour elle comme ceux qui se déclarent ses adversaires. Les événements au milieu des quels la Société occulte a pris naissance, étaient de nature à favoriser ses progrès. La lutte énergique contre les forces réunies de l'Europe, avait uni la Nation pour la défense du territoire, que les mesures seules du Gouvernement n'étaient plus à même de protéger. Après les efforts populaires pour repousser les ennemis du dehors, l'attention des esprits se dirigea naturellement vers l'organisation intérieure du pays. Une guerre sans but, une paix sans profit, des congrès inutiles, des traités secrets, une administration vénale, le chaos dans la Legislation, la direction des affaires livrée aux etrangers, des provinces ravagées et une Capitale en cendres, plaidaient éloquemment la cause de la patrie. La nécessité d'une intervention dans les affaires civiles, semblable à celle qui avait décidé des événements militaires, fut le résultat de cet examen. Des hommes se sont levés pour concourir à ce travail intellec-

tuel, comme les masses s'étaient levées pour l'accomplissement de la besogne matérielle. Ne nous hâtons pas de juger ceux dont l'œuvre n'est pas encore accomplie: pour ne pas être jugés à notre tour par ceux qui en recueilleront les fruits.

On accuse la Société occulte d'avoir eu pendant dix ans pour objet de ses travaux de modifier les institutions nationales, et d'introduire une nouvelle organisation basée sur le système representatif. En effet tel était le but de son institution. Elle a compris la nécessité d'une réforme organique, car il n'y a que deux fins pour les peuples soumis au régime de l'autocratie: dissolution ou régénération (e). Elle a posé les premiers fondements de cette réforme, en ouvrant de nouvelles sources de lumière, et en mettant de nouveaux germes de puissance à la portée de la Nation. Son droit se trouvait dans la nature des principes générateurs qu'elle a énoncé, dans l'urgence des besoins nationaux qu'il fallait satisfaire, dans les précédents établis par les peuples qui se trouvent à la tête de la hiérarchie sociale (f). Il se trouvait également dans le vœu du Pouvoir, dont chaque expression officielle a force de loi sous le régime autocratique. «Je veux, a dit l'Empereur Alexandre, étendre les bienfaits du mode Constitutionnel sur tous les peuples que la Providence a confié à mes soins» (Discours à la D⟨iète⟩ de Warsovie. 1818). Ces paroles du Chef de la Nation, prononcées en face de l'Europe, suffisent pour légaliser les travaux de la Société occulte, et établir son droit d'une manière incontestable. Elle n'a fait que prévenir les généreuses intentions du Monarque, en prenant l'initiative du mouvement Social: plus tard elle a contribué à leur accomplissement, en provoquant d'utiles modifications dans les loix, les idées, les habitudes et les mœurs. Il paraît que cet accord entre deux pouvoirs si différents n'a pas échappé à l'attention de la Commission, et qu'elle en a prévu les conséquences. Car évitant d'exposer les principes qui devaient servir de base à la nouvelle organisation, ainsi que les moyens qui devaient l'amener et la consolider progressivement, elle affirme que la Société occulte a voulu imposer le régime Républicain à la Russie. Mais les paroles mêmes qu'elle a jugé à propos d'insérer dans le Rapport attestent le contraire. «Les fondateurs avaient conçu des idées Constitutionnelles, qui se rapprochaient des principes monarchiques» (pag. 11). «Lors même que les idées républicaines prenaient le dessus, plusieurs membres assuraient que si l'Empereur Alexandre donnait de bonnes loix à la Russie, ils seraient ses sujets dévoués et ses défenseurs» (pag. 11). «Un gouvernement républicain avec un président est fort bon: mais en général tout dépend de la manière dont est composée la représentation nationale» (pag. 12). Passons des paroles aux faits. L'un des deux projets de Constitution est rédigé dans le sens monarchique. La veille de l'insurrection du 26/14 Décembre, les membres avaient arrêté: que des députés fussent convoqués de tous les gouvernements: que ces députés auraient à voter de nouvelles loix organiques pour le gouvernement de l'Empire — que des députés du Royaume de Pologne fussent également convoqués, afin d'adopter

---

(e) Les Romains. Les Anglais.
(f) Les Anglais. Les Français.

les mesures nécessaires pour la conservation de l'unité de l'Etat (pag. 45, 46). Ceci prouve jusqu'à l'évidence que la Société occulte, n'a jamais eu la bizarre idée d'imposer un gouvernement au pays. Elle a développé et discuté toutes les combinaisons politiques, afin d'augmenter la masse des connaissances spéciales, et mettre les esprits à même de faire un choix rationnel, quand l'époque de cette mesure serait arrivée: mais elle n'a pas songé à usurper un droit inaliénable de la Nation, ni même à influencer son opinion indirectement, car en indiquant le mode républicain comme le plus simple, elle n'a pas dissimulé ses vices et ses imperfections (pag.) *. Le glaive du conquérant peut seul imposer des loix: et ces loix ne durent que tant que le glaive n'est pas remis dans le fourreau. Or les membres de la Société occulte n'avaient certes, ni l'intention, ni les moyens de conquérir leurs compatriotes: et l'édifice qu'ils ont érigé devait durer plus d'un jour, puisque ses débris résistent encor<e> aux orages, et se détachent du niveau des institutions nationales comme les pyramides du désert, afin d'indiquer aux générations futures la route à suivre dans la carrière politique.

Dans le nombre des questions graves, qui ont réclamé l'attention de la Société occulte, se trouvait naturellement celle des rapports futurs de la Nation avec le Souverain. Elle devait prévoir les mutations qu'un changement dans l'ordre actuel, ou même le cours naturel des choses, allait tôt ou tard produire dans ces rapports: et chercher les moyens de conjurer les orages, qui éclatent d'ordinaire aux époques de trouble et de fermentation, où la Nation règle son compte pour le passé et renouvelle son contrat pour l'avenir. La Société occulte avait principalement en vue de prévenir en Russie les guerres civiles et les meurtres juridiques, retracés par l'histoire de deux grandes Nations. En agitant des questions de cette nature, soit dans les conversations confidentielles, soit dans les réunions formelles, quelques membres ont pu émettre des opinions irrégulières, ou s'abandonner au torrent des passions. C'est là dessus que la Commission se fonde pour attribuer à la Société occulte des projets régicides. Mais il faut prendre en considération que n'ayant pas eu de pouvoir coercitif, elle n'est pas responsable des aberrations momentanées de quelques uns de ses membres: et que d'une autre part les Régulateurs ont été obligés quelques fois de caresser en apparence les passions qui surgissaient dans la Société, pour la mieux diriger vers le but élevé de ses efforts. Il ne serait pas conforme à la justice de la juger pour les ** opinions qui ont été accidentiellement émises dans son sein, avec la *** rigueur que nous mettons à condamner le Parlement Anglais et la Convention, pour avoir agité dans leur enceinte la question du Régicide. Nous nous bornerons à ajouter quelques reflexions. La Société occulte ne pouvait ni approuver, ni chercher à produire des révolutions du palais: parce qu'elles sont sans résultat chez nous, même sous la direction des successeurs immédiats: (g) et parce qu'elles sont incompatibles avec les princi-

* Так в оригинале. И в некоторых других случаях ссылки на соответствующие страницы документов отсутствуют.

** Далее одно слово зачеркнуто сплошной чертой.

*** То же.

(g) Catherine I. Elisabeth. Pierre III. Jean VI. Paul I.

pes qu'elle a énoncé, et qui fesaient toute sa force. Son but était de placer la Russie dans une position légale, qui eut écarté la nécessité de recourir à un moyen également condamné par la justice et la raison. L'accusation ne repose que sur des phrases détachées, des conversations accidentelles, ou les rêves de quelques esprits malades qui ont été reproduits, pour donner au Rapport l'attrait fugitif du mélodrame, servir les interêts rétrogrades du moment, et détourner l'attention des idées d'avenir révélées à la Nation. Quelques membres influents ont été écartés de l'enquête sans être nommés, et gracifiés sous prétexte de jeunesse ou de repentir. Le Pouvoir a le droit de mitiger la peine, et même de faire grâce entière: mais la majesté des loix et la conscience publique exigent une condamnation préalable. La reconnaissance pour une faveur inespérée a fourni des armes contre leurs collègues. Il est difficile d'admettre que des hommes appartenant aux familles notables du pays, dont la conduite a été constamment attestée, par l'estime de leurs compatriotes et l'approbation du Gouvernement, et qui malgré les humiliations et les souffrances accumulées sur eux par un Pouvoir irrité, n'ont cessé d'imposer le respect à tout ce qui les entourait — il est difficile de croire que ces hommes n'ayent rêvé que le meurtre et l'anarchie. Sur trois documents écrits que la Commission cite: il y a une lettre à la Société Polonaise, qui n'a pas été expediée à cause de sa nullité: les deux autres sont des réfutations formelles du régicide. (pages: 6, 19, 211). Pendant les troubles du 26/14 Décembre, lorsqu'une partie des troupes insurgées avait pénétré au palais, et que l'Empereur se trouvait seul au milieu de la populace, aucune tentative de régicide n'a été faite: parce que les hommes qui avaient renoncé à la vie, se trouvaient toujours sous l'influence des principes professés par la Société occulte. Il faut conclure que le Gouvernement lui-même, n'a pas ajouté foi à cette accusation: car autrement le Frère de l'Empereur n'aurait pas pris une part active dans l'investigation d'une affaire, où il eut été à la fois juge et partie.

Une autre accusation également grave pèse sur la Société du midi. La Commission avance qu'elle a conçu l'idée du démembrement de l'Empire, qu'elle est convenue avec la Société Polonaise de restituer à la Pologne quelques unes des provinces conquises, et qu'en conséquence de cet arrangement une carte a été dressée par son Directeur, où les nouvelles limites des deux pays sont déterminées (page). Mais nous pouvons nous dispenser de réfuter cette accusation: car la Commission d'enquête de Warsovie, à la quelle la nôtre se réfert, s'est chargée de ce soin. Elle dit positivement: «que les délégués des deux Sociétés n'ont pas pû s'entendre, qu'ils n'ont arrêté aucun arrangement définitif, et qu'il n'a pas été question entre eux des provinces annexées à l'Empire de Russie». (Rapp⟨ort⟩ de la Com⟨mission⟩ de Wars⟨ovie⟩, p.). Lorsque deux Commissions, revêtues de la même autorité, agissant de concert et d'accord en tout se contredisent sur un fait, on est en droit de conclure qu'il est comme non avenu. La Société des Slaves avait originairement pour but, de réunir par un lien fédératif les tribues slaves répandues en Europe. Elle s'est réunie à la Société du midi, parc qu'elle a trouvé que celle—ci favorisait la réunion de ces tribues, en leur préparant un point de centralisation dans l'avenir. Elle ne se serait pas

réunie, si elle eut rencontré des principes de division et de démembrement, diamétralement opposés à ses fins. Enfin la Société occulte, qu'un même esprit animait sur tous les points, a songé au moment d'une crise décisive, à convoquer les députés du Royaume de Pologne, afin d'adopter les mesures nécessaires pour la conservation de l'unité de l'Etat (page 45).

Au lieu d'analyser les deux Constitutions, qui se trouvent au nombre des principaux chefs d'accusation, la Commission se borne à dire: que celle de Nikita Mouravieff partageait la Russie en plusieurs Etats indépendants, réunis par un lien commun: sans remarquer que cette indépendance ne s'accorde pas avec le régime Monarchique qu'elle consacrait, et feignant de ne pas comprendre que les assemblées provinciales ne sont pas souveraines. Elle devaient seulement réunir au centre de quelques provinces agglomerées, l'administration et la juridication locales; et concourir par leur effet à la centralisation gouvernementale de l'Empire. Cette Constitution loin d'affaiblir le Pouvoir exécutif lui conservait toute l'étendue nécessaire pour l'utilité générale; confiait à sa garde les interêts généraux du pays; reconnaissait sa legitime influence sur la legislation et sa haute surveillance sur la judicature. En simplifiant l'administration, elle la déchargeait seulement du soin des interêts individuels qu'elle remettait aux mains d'un pouvoir judiciaire, fortement organisé. Par là elle remédiait à la confusion des pouvoirs, une des plaies principales de l'organisation sociale en Russie. (page 18). La Commission se glorifie d'avoir retrouvé la Constitution de Pestel (Рус<с>кая Правда) sous terre, dans les environs d'un hameau écarté (page 56). Mais elle ne s'est donné cette peine que pour la mieux dérober à la connaissance du public, en la plongeant dans le gouffre des archives. Le peu qu'elle en dit dans une note, sert plutôt à déceler la circonspection des Commissaires, qu'à démontrer les aberrations de l'auteur. Nous partageons les sentiments qu'ils ont dû éprouver, en avançant des accusations dénuées de fondement, en transformant en délit ce qui a servi de régle aux actes postérieurs du Gouvernement, en cachant ce qu'il fallait produire au grand jour.

L'insurrection du 26/14 Décembre n'est qu'une conséquence des événements qui l'ont précédés. A la nouvelle de la mort de l'Empereur Alexandre, le Conseil d'État au lieu de remplir la volonté du défunt Monarque, contenue dans le paquet confié à sa garde, s'empressa de proclamer le Grand Duc Constantin, sans même consulter la volonté définitive de ce Prince, ce qui n'aurait exigé qu'un délai de quelques jours. La Nation lui prêta le serment de fidélité en vertu d'un manifeste, émané des trois autorités suprêmes de l'Empire. Aussitôt un second manifeste annonce, que le nouvel Empereur a abdiqué en secret depuis quelques années; qu'il vient de renouveller cette abdication dans deux lettres confidentielles, adressées aux membres de sa famille; et qu'en conséquence de ces lettres la Nation doit reconnaitre son frère puîné, et prêter un nouveau serment contradictoire au premier. Cette précipitation et cette versatilité dans les affaires d'une si haute importance, répandirent la méfiance et le mécontentement dans toutes les classes de la population. La Société du Nord avait alors pour Directeurs des hommes pleins de zèle et d'activité, mais dépourvus de l'expérience des af-

faires (h). Le mouvement inquiet qu'ils remarquaient autour d'eux, et les murmures qui leur parvenaient de toute part, finirent par les impressionner. Ils crurent qu'une époque de crise était survenue, qui les autorisait à changer le mode d'action suivi depuis dix ans, et à faire un appel à la force matérielle. Cette idée débattue dans plusieurs réunions orageuses, fut enfin adoptée par la majorité. Dès ce moment l'esprit de la Société occulte disparût, pour faire place à celui d'insurrection. Mais une transition aussi subite devait nécessairement jeter le trouble et la confusion dans les idées. Les membres, entrainés par les passions du moment dans une carrière inconnue et nouvelle, ne pouvaient s'entendre ni entre eux, ni avec les nouveaux associés dont le nombre croissait journellement. De là l'incohérence du plan adopté pour le mouvement militaire, le manque d'ordre et d'unité dans son exécution, les fictions pour émouvoir les soldats aigris mais non préparés à l'insurrection, l'absence de direction au moment décisif. Pendant le cours de l'insurréction on ne trouve aucune trace d'initiative: tout se borne à se refuser au serment imposé, à se réunir sur la place désignée, à repousser des attaques partielles, à gagner du temps. Aux yeux du vulgaire ce n'est qu'une émeute manquée: aux yeux du penseur c'est un pas dans la carrière politique. Par une loi immuable de l'ordre moral la vérité exige les efforts d'une lutte: la lutte a été engagée: elle exige le témoignage du sang: le sang a été répandu. Du reste la Commission a accompli ce que les insurgés avaient commencé. En reproduisant dans son Rapport les principes qu'ils voulaient proclamer, elle a servi à son insu la cause constitutionnelle, d'une manière aussi efficace que les efforts réunis de la Société occulte, qui n'avait pas à sa disposition d'aussi puissants moyens de publicité.

Le Rapport de la Commission contient une infinité de détails, qui n'ont pas de relation directe avec le sujet principal. Les sentiments individuels des membres, leurs relations réciproques, leurs rêves, leurs voyages et plusieurs particularités de leur vie privée occupent une grande place. On trouve même des plaisanteries et des calembours dans un écrit, destiné à faire couler le sang (i). Nous n'essayerons pas de réfuter ces choses: car lorsqu'on touche aux fondements d'un édifice le reste s'écroule de soi-même. Mais il faut remarquer que la Commission ne parle pas de l'émancipation des paysans, qui devait restituer la jouissance des droits civils à plusieurs millions de nos compatriotes. Elle ne dit rien de la publication du Code des loix, de l'organisation du pouvoir judiciaire, de la réfonte de la procédure civile et criminelle *, de la réorganisation de l'armée, de l'abolition des colonies militaires, de la liberté du commerce et de l'industrie, du secours aux Grecs opprimés et d'autres mesures organiques, qui ont été tour à tour réclamées ou provoquées par l'action libre de la puissance collective des individus. Ces omissions dérobent à la connaissance du public une partie essentielle des travaux de la Société occulte, et empêchent de bien comprendre la nature

---

(h) Le Prince Obolensky, Ryleïeff et Alex. Bestoujeff, par interim, en place de N. M‹ouravieff› qui se trouvait dans une province de l'intérieur.

(i) Pages: 6, 13, 25, 27, 34, 35, 55. *Le Tigre*, p. 6. Rubicon, p. 43. Ф‹амилия› не иголка, p. 44. Велик: 49 etc. etc.

*** Слово написано над словами, зачеркнутыми сплошной чертой.**

de son institution. Elles proviennent des entrâves dont la Commission a été entourée. En abordant ces questions elle aurait éveillé des sympathies nationales, qu'il fallait étouffer: elle aurait plaidé la cause d'une institution, qu'il fallait dissoudre. C'est au même motif qu'il faut attribuer ses efforts pour persuader que cette grande Convention politique, n'était qu'une conspiration contre l'Etat. Il suffira d'indiquer que les conspirations ne durent pas dix ans: que les conspirateurs ne s'occupent pas à rédiger des ouvrages, afin d'agir par la parole et de combattre par la conviction: qu'ils n'ont jamais l'idée de demander l'assentiment du Pouvoir qu'ils veulent renverser: qu'ils ne restent pas immobiles à leur poste, lorsque leurs plans sont découverts, et que les arrestations et les poursuites commencent. L'histoire de tous les peuples et de tous les temps, n'offre pas l'exemple d'un fait semblable. D'ailleurs le Gouvernement connaissait l'existence de la Société occulte: on a trouvé les écrits de l'un de ses membres dans les papiers du défunt Empereur (page). C'est un fait patent qu'on n'essayera pas de nier qu'il en parlait souvent, et citait les noms des membres les plus influents. Il en resulterait que le Gouvernement a* toléré pendant dix ans une conspiration, ou qu'il n'a pas osé la déjouer: deux conséquents également inadmissibles.

Cependant la Commission a surmonté les considérations politiques, et n'a suivi que l'impulsion de nobles sentiments, en parlant avec déférence des Cinq premiers martyrs de la cause Constitutionnelle. Ryleieff, l'homme du 14 Décembre, rachète les fautes d'un entraînement involontaire, par un mot profond et pour ainsi dire prophétique: «si quelqu'un a mérité la mort qu'exige peut-être le bien futur de la Russie, c'est moi». (pag. 40). La conduite énergique de Kahovsky pendant l'insurrection est rapportée avec une impartiale fidélité: à cela près qu'il n'a eu recours à son arme, que lorsque ses paroles, ses instances méprisées, ne lui laissaient plus le choix d'un autre **. moyen pour défendre la cause qu'il avait embrassé. Bestoujeff-Rumine occupe une place distinguée dans le Rapport, à cause de son infatigable activité. Il signale l'existence de la Société Polonaise, découvre celle des Slaves, remplit des missions importantes, discute dans les séances, reçoit de nouveaux membres, rédige des mémoires, combat dans les rangs des insurgés. Il n'avait que 22 ans au moment de son exécution. La Commission donne une idée juste du caractère de Serge Mouravieff-Apostol, en disant qu'un régiment dont il n'était pas chef et où il ne se trouvait que deux ou trois membres, prend les armes à la nouvelle de son arrestation, le délivre, et se dévoue à une perte certaine pour partager son sort. Voici comme elle parle de Pestel, qui n'a agi que par la puissance de la pensée: «les collègues dont il était entouré résistaient rarement à son influence: il écartait les associés pusillanimes en leur représentant les difficultés et les dangers de l'entreprise: quelques uns des principaux régulateurs voyaient en lui un Napoléon plutôt qu'un Washington: il n'était pas seulement le Directeur de la Société du midi, il y exerçait un pouvoir despotique, comme la marche des choses l'atteste: la grande majori-

* Далее зачеркнуто одно слово.

** Далее зачеркнуто несколько слов, из которых прочитывается «oposition».

té des membres avait en lui une foi aveugle: plusieurs sans connaître son projet de Constitution, voulaient tout sacrifier pour établir la forme de gouvernement qu'il y proposerait» (pages: 14, 16, 17, 25, 26, etc. etc.). En exposant avec cette impartialité les divers caractères de ces hommes politiques, la Commission semble avoir pressenti que son enquête tiendrait lieu de jugement: que la Haute Cour criminelle n'aurait pas le loisir de les interroger, d'écouter leur défense * ni même de constater l'identité des personnes: et qu'elle se bornerait à les condamner à mort en remplaçant la hache de l'exécuteur par la corde du bourreau (k). L'active surveillance dont le Gouvernement est obligé d'entourer leurs collègues dans les solitudes Sibériennes, est un témoignage de leur importance politique, des sympathies nationales qui se prononcent toujours en leur faveur, et du progrès avec le quel les idées constitutionnelles émises au péril de leurs jours, se dévéloppent et se propagent dans les diverses régions de notre vaste Empire.

NOTES**

(1) «La procédure criminelle est déterminée par les loix générales de l'Empire: mais dans les hauts délits politiques la procédure ordinaire ne pouvait pas être suffisante. A cet effet V. M. Imperiale, au moment même de la convocation de cette Cour, a daigné lui prescrire des régles supplémentaires, indispensables pour assurer la rapidité et le succés de cette affaire». Rapport de la Haute Cour criminelle à S. M. L'Empereur, en 1826.

(2) Code pénal. Tome XV, page 363, paragr. 1229. Loix années: 1646, 1726, 1734, 1739, 1762.

(3) «La Cour préfera le second moyen (de vérifier les signatures par des Commissaires au lieu de procéder à l'interrogatoire) plus commode vû le nombre des prévenus». Rapport de la Haute Cour criminelle à S. M. L' Empereur, en 1826.

(4) Code pénal. Tome XV, page 362, 363, paragr. 1228. Loi année 1722. Plus tard on étendit cette obligation sur les pasteurs Luthériens, dont le culte n'admet pas la confession auriculaire. Addition au Code des Loix, pag. 812, paragr. 1228. Oukase 1832.

(5) *Aliénés*: Batenkoff, Mathieu Mouravieff-Apostol, Andriewitch, Furmann, Fallenberg, Wranisky, Focht, etc. etc, ceux qui ont tenté le suicide.

Morts: Boulatoff. Polivanoff.

(6) La Cohorte perdue, pour faire main basse sur tout: (pag. 6) L'ordre mystèrieux et universel de la Restauration (pag. 34). L'idée de paraître au bal de la Cour avec un fusil à vent. (pag. 25) de créer une aristocratie héréditaire (pag. 42), de produire une contre révolution sans guerre en Espagne (pag.) d'exporter de l'Europe tous les hommes turbulents, sous prétexte de fonder des Républiques dans les autres parties du monde. (pag. 35). etc. etc.

(7) Délateur: Maïboroda.

---

* Последние три слова написаны над словами, зачеркнутыми сплошной чертой.

(k) La Cour criminelle préféra le second moyen (ne pas interroger) plus commode. vu le nombre des prévenus. Rapport de la Haute Cour criminelle à l'Emp‹ereur›, 1826.

** Далее — 16 примечаний, не обозначенные цифрами во французском тексте «Разбора», но указанные в русском тексте. См. наст. изд., с. 75—82.

Espions: Sherwo od, le Comte Witt, Bochniak. Ce dernier est désigné dans le Rapport sous la dénomination d'agent du Comte Will.

(8) C'est dans les chartes du Tzar Wassili Chouïsky (commencement du 17me siècle) qu'on trouve pour la première fois le titre d'Autocrate, emprunté aux Byzantins: preuve évidente que l'idée attachée à ce titre n'était pas développée dans le pays. Les Wetchas (assemblées populaires) qui se réunissaient jadis partout en Russie, étaient incompatibles avec le Régime absolu. La cloche du Wetcha] n'a cessé de se faire entendre qu'en 1510, à Pskoff. Les fonctionnaires élus par le peuple se trouvaient dans toutes les villes, ainsi qu'a Moskou, où ils furent supprimés par Dmitri Donskoy. Les Républiques de Pskoff et de Nowgorod ont duré près de six siècles: celle de Wiatka près de trois siècles. La puissance, la richesse, le commerce, la population ont disparu avec la liberté. L'expression populaire: *le Grand Nowgorod est notre Souverain*, atteste que l'idée de la Souveraineté du peuple n'était pas étrangère aux Russes. A l'époque des apanages les Boyards passaient à leur gré d'un Prince à l'autre, ainsi que les cultivateurs passaient d'un propriétaire foncier à l'autre. Les Grands Ducs de Moskou, à l'instar de leurs prédécesseurs de Kiew et de Sousdal, ont cherché à créer la monarchie, que plus tard on a confondu avec l'Autocratie et l'Absolutisme. Ils reconnaissaient néanmoins le droit du peuple de concourir à la législation. En 1547, le Tzar Jean, le terrible, fit amende honorable en place publique de sa conduite passée, en présence des Représentants de la Nation, et contracta l'engagement solennel de faire dorénavant droit et justice à chacun. Trois ans plus tard il convoqua une assemblée des Notables pour examiner et confirmer le Code des loix: (Soudebnik) et pour introduire dans tout le pays des jurys, à l'instar de Nowgorod. Par la suite il décima la population à son gré, sans prétexte, ni jugement. Mais c'était la tyrannie et non l'Autocratie. Ses gardes (Oprichnikis) avec leurs balais et leurs têtes de chiens, étaient les dignes ministres de ses volontés. Le Clergé se fondant sur la doctrine Chrétienne qui n'admet rien d'illimité ici bas, posait des limites aux écarts désordonnés du pouvoir. Les Evêques, les simples prêtres, les moines résistaient au Despote sanguinaire. Il induisit les Notables de Moskou à lui reconnaître le droit de mettre à mort qui il voudrait, sans représentation de la part du Clergé. Mais l'Evêque S^t^Philippe se leva pour la défense du sang innocent, et périt en protestant contre l'Opritchina et la destruction de Nowgorod. Un simple moine, affectant la folie, sauva Pskoff de sa fureur en 1570. Le même Tzar, en 1567, convoqua un Conseil National (Zemskäia Douma) composé du haut Clergé, des Boyards, des gentilshommes de la première et de la seconde classe, du haut Commerce, des marchands et des bourgeois au nombre de 339, et soumit à leur délibération la question: s'il fallait conclure la paix, ou continuer la guerre contre Sigismond Roi de Pologne. Le Conseil National décida que la possession de Riga était indispensable, pour la sureté et le commerce de Dorpat, Pskoff et Nowgorod. Après la mort de Jean IV, en 1584, le Conseil des Boyards convoqua immédiatement le Conseil National, pour assurer la tranquillité du pays. Durant le régne du Tsar Théodore les citoyens prenaient part aux affaires de l'Etat. Les membres du haut Conseil des Boyards, au nombre de cinq, rendaient compte de leur conduite au peuple réuni sur la place publique (Le Prince Chouïsky, illustre par la défense de Pskoff).

En 1598, après l'extinction de la ligne Wariague, le Conseil National fut convoqué pour l'élection du Tzar. Outre le haut Clergé et les Boyards, près de 5000 Députés se réunirent à Moskou. Le bien que l'esprit éclairé de Godounoff préparait à la Russie, fut paralysé par l'apparition du faux Dmitri, la crédulité de la populace et la basse jalousie de quelques Boyards.

Le Tzar Wassili Chouïsky prêta serment au Conseil des Boyards I° qu'il ne condamnerait personne à mort, sans le jugement préalable, réel et légal des Boyards; 2° qu'il ne confisquerait les biens de personne; 3° que ses jugements seraient basés sur des preuves directes et évidentes, et auraient lieu en présence des témoins. Dans le Conseil des Boyards le Prince Galitzine et Kourakine, furent les premiers à vouloir poser des limites au pouvoir Souverain. Les invasions des Polonais et des Suèdois empêchérent l'affermissement de Chouïsky. Il fut culbuté par la guerre civile. D'ailleurs il était monté sur le trône précipitamment, d'après le vœu des Boyards et des habitants de Moskou, sans avoir été élu comme Godounoff par le Conseil National. De là le doute sur sa légitimité, qui contribua à accélérer sa chûte. Lorsqu'il fut question d'offrir la Couronne à Wladislas de Pologne, les Russes déclarérent que les changements et additions au Code des loix. devaient dépendre du Souverain, du Conseil des Boyards et du Conseil National. (Zemskaia Douma). C'était proclamer que le concours de la volonté Nationale était une condition essentielle de la confection des loix. En 1613, après les commotions intérieures et l'expulsion* de l'ennemi**, le Conseil National s'assembla comme en 1598, pour l'élection du Tzar.

A l'avènement des Romanoffs on remarque des traits plus prononeés de l'organisation politique. Ils n'avaient d'autres droits au trône, que la volonté populaire manifestée par le Conseil National. N'étant pas issus de Rurik, comme les familles Princières qui descendaient des Princes apanagés, ils cédaient pour l'ancienneté même à beaucoup de familles de la noblesse, vû qu'ils tiraient leur origine d'un certain Kobila (Кобыла) émigré de la Prusse au 14me Siècle. Leur alliance avec la famille éteinte des Tzars, ne leur donnait que des droits pareils à ceux des parents des autres six femmes de Jean IV. Etant redevables en partie de leur élection à la jalousie mutuelle des familles Princières, ils dûrent faire sa part à l'aristocratie dans le gouvernement du pays. Tous les décrets du pouvoir exécutif commencent par ces mots: «*les Boyards ont arrêté et le Tzar a ordonné*». Les affaires de la politique extérieure et intérieure: la déclaration de guerre à la Pologne; l'acceptation de la ville d'Azoff, enlevée aux Turcs et offerte au Tzar par les Cosaks; la protection à accorder à la Petite Russie contre la Pologne; l'introduction du Code de 1649; l'abolition du Mestnichestwo (hiérarchie des familles) et d'autres questions également importantes furent soumises pendant trois régnes consécutifs (Michel, Alexis, Théodore) aux délibérations des Représentants Nationaux. Le titre seul d'Autocrate, conservé par l'ignorance de l'époque, formait une dissonance avec ces principes d'ordre, et opposait à la volonté de la Loi le vouloir d'un individu, avantageux aux courtisans, mais préjudiciable à l'interêt général. A l'avénement de Pierre, il y avait outre le pouvoir du Tzar, encore deux élements d'ordre: I° l'assemblée des Représentants sous le nom de Conseil National ou Concile politique, qui aurait pû par la suite devenir un véritable Parlement National, si l'on avait songé à rendre ses réunions périodiques, organiser sa constitution interieure et définir le cercle de ses attributions: 2° le Clergé, tel qu'il était à cette époque. Pierre ne convoqua pas le Conseil National. Affectant de dédaigner l'opinion de son peuple, il l'écarta de toute participation immédiate dans ses propres affaires. Il se proclama arbitrairement Chef de l'Eglise, d'après les principes de la Réforme, détruisit le pouvoir du Clergé, et parvint à le discréditer dans l'opinion nationale. Le Synode, établi par lui, fut confié à la surveillance d'un fonctionnaire militaire, sous la dénomination bi-

---

* Слово вписано над зачеркнутым.

** Далее зачеркнута одна строка.

zarre de: Procureur-général du Très Saint Synode. Les Evêques dépouillés de leur puissance morale, se transformèrent en courtisans. Sous Cathérine I la disconsidération du haut Clergé vint au point, que l'Archevêque de Nowgorod Théodose fut condamné à mort pour une altercation avec une sentinelle et l'officier montant la garde au Palais. La clémence Impériale lui accorda la vie, le priva de sa dignité sacerdotale, et le rélégua comme simple moine dans un Couvent sur les bords de la mer Blanche, où il fut gardé à vue par une force armée. L'Empereur Paul I imagina d'accorder des décorations au Clergé. L'organisation Collégiale, établie par Pierre I et supprimée par ses successeurs, ne pouvait pas combler le vide qui se fit sentir dans la Constitution de l'Etat. Le Sénat dirigeant, le Conseil secret, le Cabinet, le Conseil d'Etat, le Comité des ministres, se disputèrent tour à tour le pouvoir, mais tous pliaient sous l'influence individuelle des favoris: Menchikoff, Biron, Rozoumowsky, Orloff, Potemkin, Obolianinoff, Koutaissoff, Arakcheef et autres. Vers la fin du régne de Pierre I, il existait déjà deux partis: le premier dirigé par le Prince Menchikoff, le Duc de Holstein et l'Ambassadeur de Holstein Blasewitz, était en faveur de Catherine I, et se composait des officiers et des généraux étrangers et du Synode: le Second en faveur du Grand Duc Pierre Alekseiewitch comptait dans ses rangs les Princes Galitzines, Dolgoroukys, Kourakine, Repnine, les Apraxines, Lopouchines, Golowines, Narichkines et autres. Ce dernier parti se subdivisait en deux fractions: les uns voulaient rétablir l'ancienne organisation de la Russie et les autres voulaient limiter le pouvoir souverain, au moyen des Etats et du Sénat, en se rapprochant de la Constitution de la Suède. En 1730, à la mort de Pierre II, le Conseil Suprême et Secret, composé de huit membres, arrêta à la presque unanimité d'offrir le trône à la Duchesse de Courlande, Anne Iwanowna, à des conditions qui limitaient le pouvoir Souverain. Le Conseil conçut l'idée de balancer le pouvoir Impérial, par l'influence d'une aristocratie héréditaire. Les votans en faveur de la restriction du pouvoir furent: les Princes Galitzines, Dmitri Michailowitch, et le Maréchal Michel Michalowitch; les Princes Dolgoroukys, Basile Loukitch, Basile Wladimirowitch, Michel Wladimirowitch et Alexis Grigorewitch. Le Sénat, les dignitaires de l'Empire et le haut Clergé, consentirent à l'élection d'Anne aux conditions suivantes: 1° qu'elle gouvernerait d'après les arrêtés du Conseil Suprême; 2° qu'elle ne pourrait ni déclarer la guerre, ni conclure la paix sans son aveu: 3° qu'elle n'imposerait pas elle-même de nouveaux impôts, et qu'elle ne distribuerait pas les hauts emplois de l'Empire; 4° qu'elle ne punirait aucun noble, sans preuves évidentes de son crime; 5° qu'elle ne confisquerait pas les biens de personne; 6° qu'elle ne disposerait pas des propriétés de l'Etat, et qu'elle n'en ferait pas don; 7° qu'elle ne contracterait pas de mariage et ne désignerait pas de successeur, sans le consentement du Conseil Suprême; 8° qu'elle n'emmenerait pas avec elle en Russie son favori Biron. Prévenue de ces conditions la Duchesse Anne accepta l'offre du trône, et signa l'acte contenant les conditions, avec l'intention de les enfreindre. Pendant ce temps les membres du Conseil Suprême déclarèrent qu'ils convoqueraient les Etats de l'Empire, afin d'introduire une meilleure organisation dans le gouvernement du pays. Le Prince Dmitri Michalowitch Galitzine, entra à cet effet en correspondance avec le Conseiller d'Etat Frik, qui avait longtemps séjourné en Suède par ordre de Pierre I, pour étudier l'organisation financière du pays. A l'arrivée d'Anne à Moskou, on prêta serment à l'Impératrice et à *la Patrie*. La conception hardie du Conseil Suprême échoua par la trahison de quelques dignitaires et la jalousie de la petite noblesse. L'Impératrice ne voulant pas céder une partie de son pouvoir aux dignitaires nationaux, le remit tout entier au Courlandais Biron, qu'elle avait amené en secret avec elle. Les Princes Galitzines furent envoyés en Sibérie, où ils occupèrent des emplois jusqu'à leur mort. Les Princes

Dolgoroukys passèrent dans le courant de neuf années, trois fois par les mains des tribunaux, et subirent trois condamnations capitales: eux, leurs femmes, leurs enfants, leurs parents furent exilés, dépouillés de leur fortune, privés de la liberté. Enfin les Princes Basile Loukitch et Serge Grigorewitch furent décapités: le Prince Jean Alekseiewitch fut roué à Novgorod, en 1739.— L'autocratie fut assurée par les mesures suivantes: on forma un Régiment de Cavalerie (Garde à Cheval) et un Régiment d'infanterie (Ismaïlowsky). Ce dernier eut pour officiers des étrangers, ou des Livoniens à cette époque hostiles aux Russes: les fusils furent offerts en cadeau par le Roi de Prusse. On publia un Oukase qui assimila les propriétés heréditaires (Wotchina) aux terres données par le gouvernement à terme (pomestié) dont beaucoup avaient passé en héritage, et avaient été distribués en dot. La lutte contre l'avide et sanguinaire favori, devint fatale aux personnages suivants:

1°. Le Ministre du Cabinet et Grand Veneur *Artemii Petrowitch Wolinsky*, subit la torture; on lui coupa la langue, puis le bras droit, puis la tête. Sa fortune fut confisquée.

2°. Le Conseiller intime *André Hrouschoff*, et l'Intendant de la Cour *Pierre Eropkine*, furent décapités.

3°. Le Sénateur Comte *Platon Moussine-Pouchkine*, eut la langue coupée et fut exilé en Sibérie.

4°. Le Général-Intendant de l'armée *Soïmonoff*, et le Secrétaire du Cabinet *Eichler*, subirent le supplice du Knout, et furent condamnés aux travaux de force en Sibérie pour la vie.

5°. Le Secrétaire *Zouda*, pour avoir traduit des ouvrages historiques à l'usage de Wolinsky, fut fustigé et exilé au Kamchatka.

Sous le règne de l'Impératrice Catherine II, Novikoff (dont le neveu a été membre de la Société occulte) se trouvait à la tête d'une Société nombreuse, formée à Moskou. Il contribua puissamment à la diffusion des lumières, au développement des idées de la liberté légale, et au réveil des études historiques. Il fut longtemps détenu dans les cachots de Shlusselbourg, et jugé sous prétexte de crime d'hérésie. Ses collègues furent dispersés et poursuivis. Kniajnine, ayant énoncé quelques vérités hardies dans sa tragédie de Wadime fut torturé dans la Chancellerie secrète. Radischeff, pour avoir protesté contre l'esclavage des paysans et l'autocratie, dans un ouvrage sous le titre de Voyage à Moskou, subit le même sort. Les Députés de toute la Russie convoqués par l'Impératrice Catherine II, en 1767, au nombre de 565, pour la composition d'un nouveau Code de loix, furent renvoyés dans leurs foyers au bout de cinq mois, lorsque quelques uns d'entre eux, ne se souciant pas de bâtir sur le sable, indiquèrent qu'il fallait poser des limites au pouvoir souverain, et accorder des droits civils aux paysans réduits en esclavage. Paul I, étant Grand Duc, prit part à une association secrète, dont son gouverneur le Comte Nikita Iwanowitch Panine, et Von-Wiesen, le grand-oncle de celui qui fut membre de la Société occulte, étaient les Régulateurs. Cette association avait pour but de limiter le pouvoir Souverain, au moyen d'un Sénat et des Etats, organisés à l'instar de la Constitution Suèdoise. La nouvelle constitution était déjà rédigée, et sanctionnée par l' héritier de la couronne. Mais le Comte Panine fut exilé, et le projet manqua parce qu'il reposait sur un Prince incapable.

En 1801, le Comte Nikita Petrowitch Panine, neveu du précédent, et le Comte Pahlen renouvellèrent le même projet. Du nombre des associés ceux ⟨qui⟩ eurent pour but le changement du souverain furent récompensés: ceux qui eurent en vue la stabilité des institutions furent écartés à jamais.

Au commencement du règne de l'Empereur Alexandre le Sénat dans un Rapport officiel se plaignait qu'en Russie les tribunaux, cédaient toujours le pas aux individus. Le Comte Walérien Zouboff parla au Conseil d'Etat en faveur du mode Constitutionnel: mais sa voix fut couverte par une majorité, composée des partisans de l'absolutisme. Le Secrétaire d'Etat Spéransky fut exilé pour avoir présenté à l'Empereur des plans, tendants à la séparation des pouvoirs: judiciaire et exécutif; et à l'introduction graduelle du gouvernement Representatif. Il proposait quatre Hautes Cours judiciaires: à Petersbourg, Moskou, Kiew et Kazan; et un Sénat administratif composé des députés élus parmi toutes les classes possédant la jouissance des droits civils.

Kapniste a défendu dans ses écrits les droits des petits-Russiens, et à déploré leur asservissement. Sa pensée se dirigea particulièrement vers l'organisation du pouvoir udiciaire. Derjawine a réclamé la liberté: il a dit que le sceptre de l'autocrate était de fer: il a fulminé contre la crainte, les chaînes, le joug, la flatterie, l'esclavage, l'ignorance. Il a écrit également sur l'organisation judiciaire, qu'il voulait fonder sur l'arbitrage, en se rappochant de l'idée du jury. Au Sénat, quand la question de rendre la liberté aux Pejtits-Russiens fut agitée, et qu'on argumenta contre eux de la prescription, Derjawine dit: il n'y a point de prescription lorsqu'il s'agit de la liberté de nos compatriotes.

Il suit de là que tous les hommes distingués ont vû et senti l'imperfection de l'ordre établi: et que dans tous les temps ils se sont efforcés d'atteindre ouvertement ou en secret, le but que s'est proposé la Société occulte.

(9). Campagnes de 1813, 1814 et 1815. Après la campagne de 1812, les Polonais annexés à l'Empire reçurent des droits, réfusés aux Russes sous prétexte qu'ils n'étaient pas mûrs pour en jouir. La Pologne fut rétablie sous la double dénomination de Royaume en Europe, et de Tzarstwo assimilé aux Etats nominaux de Kazan et d'Astrakhan pour les Russes. L'armée polonaise fut crée, les places fortes réparées, les chaussées construites, les canaux creusés, les villes rebâties et embellies, les finances alimentées, les désastres de la guerre effacés aux frais de la Russie. Les Provinces occidentales de l'Empire furent soumises à un régime particulier, dont le centre était à Warsovie. Les gouverneurs et autres agents furent remplacés dans ces Provinces par des Polonais, qui ne possédaient ni les grades, ni les conditions requises pour ces emplois. On organisa le Corps de Lithuanie, composé des Polonais retirés de l'armée Russe, et recruté par les indigènes. Ce Corps avait des couleurs particulières, se trouvait en dehors de l'organisation de l'armée Russe, et s'administrait de Warsovie. Ces mesures semblent indiquer que l'Empereur Alexandre, avait effectivement le projet de réunir les Provinces occidentales de l'Empire au Royaume de Pologne; comme il avait précédemment réuni le Gouvernement de Wibourg, au Grand Duché de Finlande. L'assertion des Polonais dans leur Manifeste de 1830, n'est donc pas dénuée de fondement.

Les Congrès: Vienne, Aix-la-Chapelle, Troppau, Leibach, Vérone, etc. etc.

(10). En 1812, l'Empereur Alexandre, tout en dérobant la connaissance de ses desseins à ses sujets, les confiait à Madame de Staël: «Je n'ai pas pu donner encor‹e› de Constitution à la Russie».— Votre Majesté elle-même est la meilleure des Constitutions.— «Ce n'est qu'un accident heureux». & (Dix années d'exil). Aveu volontaire que le sort de tout un peuple, ne doit pas dépendre du bon vouloir d'un être borné et passager.

(11). Les Révolutions du Palais, dont notre histoire est remplie depuis l'époque de Pierre I, sont curieuses sous beaucoup de rapports, mais affligeantes pour les Russes.

I°. En 1725, le Prince Menchikoff, à la tête d'une compagnie de la garde, enfonce les portes du Conseil délibératif, et employe la violence pour faire proclamer son ancienne

maîtresse Cathérine I. Pierre II succèda légalement au trône. Sous son règne les Princes Dolgoroukys culbutent Menchikoff, et le font exiler en Sibérie. Son immense fortune est confisquée.

II°. L'avénement de l'Impératrice Anne, est décrit dans la Note 8.

III°. Pendant la minorité de son petit fils Jean (1740) la chûte du Régent Biron, qui avait dilapidé des millions, exilé près de 20 mille Russes, envoyé à l'échafaud les plus illustres citoyens, fut causée non par l'action des loix et des tribunaux, ou par l'indignation nationale, mais par une querelle de ménage entre les Allemands, qui disposaient à cette époque du sort de la Russie. Munich et Manstein, à la tête d'une compagnie de la garde, se rendent nuitamment à la demeure du Régent, le surprennent au lit avec sa femme, le transfèrent au corps-de garde, et de là à la forteresse de Shlüsselbourg. Peu avant cet événement le Sénat, dans la vue de prouver sa reconnaissance au tyran, avait supplié et obtenu qu'il acceptât un traitement annuel de 500.000 Roubles, ainsi que le titre d'Altesse comme plus convenable à la dignité du Régent de l'Empire. A Schlüsselbourg il fut jugé, et sans égard à sa qualité de Duc de Courlande, dépouillé de ses rangs, de ses décorations, de sa fortune et exilé en Sibérie.

IV°. Quelques mois plus tard (1741) le médecin Lestok, à l'instigation de l'Ambassadeur de France, le Marquis de la Chétardie, place Elisabeth Petrowna sur le trône de Russie. Son principal agent dans cette affaire fut le marchand Grünstein, qui après une banqueroute frauduleuse s'était enrôlé comme soldat dans le régiment Préobrajensky. Il embauche douze soldats parmi ses camarades, et bientôt leur nombre s'élève à trente. Elisabeth met le cordon de l'ordre de St Catherine, se place en traîneau avec Worontzoff et Lestok sur le marche-pied de derrière, et se rend nuitamment à la Chancellerie du régiment Préobrajensky. Elle fait arrêter les ministres, se transporte au Palais, s'empare de la Régente Anne et de son enfant, portant le titre d'Empereur, les enferme dans la forteresse de Riga, puis les transfert à Dunamund. De ce dernier lieu toute la famille de Braunchweig fut reléguée par la suite à Rannenbourg (Gouvernement de Rézan). En 1745, le Prince Antoin<e> Ulrich de Braunchweig, sa femme et ses filles furent exilés à Holmogor: et le ci-devant Empereur de Russie enfermé dans la forteresse de Shlüsselbourg. Munich, Ostermann, Lewenwold furent jugés et condamnés à mort pour des crimes imaginaires. On leur accorda la vie, mais ils furent exilés en Sibérie, où les deux derniers moururent. Munich fut rappelé après 20 années d'exil par l'Empereur Pierre III. La compagnie du régiment Préobrajensky, dont Elisabeth s'était servie pour monter sur le trône, reçut la dénomination de Compagnie du Corps, (Lieb-compagnie). Tous les soldats de cette compagnie reçurent pour récompense de leur zèle des diplômes de noblesse transmissible aux descendants.

V°. En 1672, l'Impératrice Cathérine II soulève la garde, force son mari d'abdiquer et finit par le faire étrangler.

VI°. Sous son régne, Mirowitch, tente de proclamer le légitime Empereur Jean VI, détenu à Schlüsselbourg: mais les officiers préposés à sa garde l'assassinent, en vertu d'une instruction préalable donnée à cet égard.

VII°. En 1801, l'Empereur Paul I, est privé du trône et de la vie par une bande de conspirateurs, à la tête des quels se trouve son fils Alexandre.— Pierre I passe pour législateur. Mais où sont donc les loix?...

(12) Les idées, les opinions, les rêves des détenus furent transformés en faits. Il suffisait d'une pensée émise par hazard, révoquée le lendemain et oubliée pendant 10 ans, pour être condamné comme pour un meurtre.

(13) Le tigre: (page 6.) Rubicon: page 43. Assez grand: page 49. la famille n'est pas une aiguille: page 44.

(14) Fragment d'un Poème de Rylieff, sous le titre de: Confession de Naliwaïka.

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей Народа.—
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю...
И радостно...
Свой жребий я благословляю.

(15) Serge Mouravieff-Apostol pressentait sa fin. Il composa les vers suivants en automne l'année 1824.

Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu
Ce n'est qu'au bout de ma carrière
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu.

(16) «La Cour préféra le dernier moyen (ne pas interroger) plus commode vû le nombre des prévenus». Rapport de la Haute Cour criminelle à l'Empereur, en 1826.

REVIEW OF THE REPORT, PRESENTED TO THE EMPEROR OF RUSSIA, BY THE PRIVY COMMISSION, IN 1826

The privy Commission, established in St Petersburg, after the events of the 26/14 December 1825, has published a Report, which contains a Summary of the notions, collected on account of the Secret Society and that of the united Sclavonians. This writing has proved effectual: those against whom it was directed, have been put to death, or sent to exile. But the cause of Truth, equally important for all men and at all times, requires of us to answer some accusations, brought forward in this pamphlet, now a historical document (a).

Three principal causes have influenced the labours of the Commission, notwithstanding the diligence and zeal it has displayed in performing the important task intrusted to its care. The first derives from the want of principles, the deficiency of the judiciary forms, and the viciousness of the legislation (b). The indicted, most of whom had been personally interrogated by

the Emperor, were detained in secret confinement, first in the Imperial palace, and afterwards in the dungeons of the St Petersbourg's fortress. They could not rely on the assistance of a counsel, nor upon the protective forms of a legal proceeding, for the desire of those things was amongst the reasons of their captivity: but they required tranquillity in order to combine their answers, and all sort of means were employed to disturb them. At midnight the doors of the dungeon suddenly opened: a veil was thrown upon the head of the prisoner: he was conducted mutely through the corridors, court-yards and passages of the fortress. As soon as the veil was pulled off he found himself amidst a council-hall, before the secret Commissionners. The last proposed questions upon life or death: required immediate and precise answers: promised in the Sovereign's name forgiveness to the Sincere: repelled the justifications under pretence that they would be admitted later before the high criminal Court: invented false evidences: some times refused the confrontation, and often, hurried away by their zeal, used to threaten and inveigle, in order to urge avowals and depositions. The prisoners who persisted in keeping silence, either through ignorance of the facts upon which they were interrogated, or for fear of exposing the innocent, were lead back to the dungeons, plunged into darkness, deprived of food, bound up in chains. A physician came to state the degree of physical sufferings, they were yet capable of enduring. A priest came to trouble their conscience, and obtain their confession, in order to reveal it. Some of the prisoners fell into a state of mental alienation: two — died in the dungeons at the prime of their age (c). In this way the avowals on which the inquest is grounded, have not all been voluntary: as the Commission affirms in its Report (p. 2). Some of them, prompted by computation were made on account of the promised forgiveness: others, inspired by the wish of serving the Constitutional cause, were merely feigned acknowledgements, or means to avert the responsibility that threatened many, by drawing it upon one or a few members: at last the third, confirming facts that exceed all belief; serve only to show the trouble and agitation under which their authors laboured. The depositions of the indicted are by the same reasons vague, incoherent, contradictory and often absurd (d). Some members of the Secret Society, without being influenced and wishing to say the truth, have contributed to lead into error, by speaking about complex facts and abstruse principles that exceeded their conception. The Commission had no other guide through this darkness, but the faint and dubious light, proceeding from the revelations of a delator and the reports of three mercenary Spies, the only legal witnesses against in the affair of the Secret Society (e).

The second cause of the errors that have crept into the Report, is the deficience of written documents. They amount to the Green Book, two sketches of Constitutions, and a fragment of a literary work entitled: remarkable conversation: to some familiar letters and some songs. The first of those documents is merely a fraction of the Secret Society's Statute giving but a slight notion of its organisation: the second are specimens of constitutional legislation, written in order to diffuse special knowledge: the latter are too frivolous to fix the attention in such an important affair.

Lastly the third cause is to be found in the political considerations, which compelled the Commission to omit or alter certain facts, and to appeal to the passions of the mob, in order to discredit men, whose influence seemed important even at the bottom of dungeons.

The general or partial influence of these causes appears in the most part of the questions we are going to analyse; and explains how the belief of the Commission could have been deceived, or the expression of its true sentiments restrained. The Commission ascribes the origin of the Secret Society to a spirit of imitation: its rapid unfolding to vulgar maxims of philantropy and patriotism contained in the Statute, to blind sentiments of friendship and confidence, to the enticements of fashion, to the fear of ridicule, to a lively curiosity and even to the allurement of personal advantages, which all have by turns contributed to increase the number of members (page.). An evident contradiction results from this way of considering things. For should we admit such a motive and such reasons, neither the institution, nor the men belonging to it, would deserve to fix the attention of the Government. However it was compelled to refute the opinions proclaimed by the Secret Society, to oppose the waves of its current, to enter the lists and wrestle hand to hand with individuals. It is because the Secret Society is no insulated or new fact in Russia. It may be traced back to the political associations, which have been established during more that a century in the view of changing the forms of Autocrasy: it only differs from them by a larger display of constitutional principles (i). It is a phase of the Social revolution that is going on since a long while amongst us, and to the success of which all men concur, those who devote themselves for it, as well as those who declare themselves its opponents. The Secret Society arose amidst circumstances peculiary favorable to its progress. A stout resistance against the confederate forces of Europe, had united the Nation for the defense of the country, which the measures of the Government were no more able to protect. Next to the popular exertions in repulsing the external foes, the public attention naturally applied to the interior organisation of the State. A war to no purpose, a peace of no use, fruitless congeries, secret conventions, a venal administration, a confused legislation, whole provinces laid waste and the metropolis in ashes, pleaded earnestly the cause of our own Country (f) (2). The necessity of an intervention in civil affairs, like that, which had put an end to the military events, became evident. Men arose to undertake this intellectual labour, as the mass of people did arise to perform the material business. Let us withhold from judging untimely those, whose work is not yet accomplished: that we may avoid to be judged in our turn by those, who will reap its fruits.

The Secret Society is accused of having endeavoured, during ten years, to modify the national institutions and introduce a new organisation, grounded upon the Representative System. In truth such was the direct end of its institution. It conceived the necessity of an organic reform: for there remains nothing else for a Nation under Autocrasy, but dissolution or regeneration (g). The Secret Society laid the first foundation of that reform, by opening new sources of Knowledge, and putting new germs of power within the reach of the people. Its right relied upon the generative principles it has proclaim-

ed, upon the urgency of the National wants that required to be satisfied, upon the precedents established by the Nations, which stand at the head of the social hierarchy (h). It relied equally upon the wish of the Power, whose every official expression has force of law under Autocrasy. «I will spread, said the Emperor Alexander, the benefit of the Constitutional mode upon all the peoples, that Providence has intrusted to my care» (Speech at the Diet of Warsaw). These words of the Chief of the Nation, pronounced in the face of Europe, are sufficient to legalize the labours of the Secret Society and render its right unquestionable. It has only prevented the Monarch's generous intentions, in taking the initiative of the social progress: later it has contributed to their performance, by promoting useful modifications in the laws, ideas, customs and manners. It seems that this accord between two quite different powers, did not escape the Commission's attention, and that it has foreseen its natural consequence. For avoiding to expose the principles on which the new organisation was to be grounded, as well as the means which were to introduce and consolidate it progressively, the Commission affirms that the Secret Society was intended to impose the Republican System on Russia. But the very words it thought proper to insert in the Report testify the contrary. «The founders conceived constitutional ideas, approaching monarchical principles» (page 11). «Even when Republican opinions prevailed, many members assured that if the Emperor Alexander would give good laws to Russia, they should be his devoted subjects and defenders» (page 11). A Republican government with a President is very good; but in general all depends on the way in which the national Representation is framed» (page 12). Let us pass from words to facts. One of the two projects of Constitution is written in the Monarchical sense. The day before the insurrection of the 26/14 December, the members resolved: that deputies should be convoked from all the Provinces; that those deputies should vote new organical laws for the government of the Empire: that deputies of the Kingdom of Poland should be also convoked, in order to secure the unity of the State (page 45, 46). This amounts to an evident proof that the Secret Society has never had the strange idea of imposing a government on the Country. It has unfolded and discussed all sort of political combinations, in order to increase the mass of special knowledge, and enable the minds to do a rational choice in proper time and place: but it never meant to invade an inalienable right of the Nation, nor even to influence its opinion indirectly, for in pointing out the Republican mode as the most simple, it has not concealed its disadvantages and imperfections (page). The Sword of the Conqueror can alone prescribe laws: and those laws are in force only till the sword is not sheathed. Now the members of the Secret Society had certainly neither the intention nor the means of conquering their countrymen: and the edifice they have erected ought to last more than a day, since its broken remains resist till now the storms and rise above the level of the national institutions, like the pyramids of the desert, in order to direct the course of future generations in the political career. +

Amongst the important questions which claimed the attention of the Secret Society, was naturally that of the future relations between the Nation and the Sovereign. It was obliged to foresee the mutations that a change in the

present organisation, or even the natural course of things would sooner or later produce in these relations; and seek the means of appeasing the storms, which usually arise at times of trouble and fermentation, when the Nation settles its account for the past, or renews its contract for the future. The Secret Society had chiefly in view to prevent in Russia the civil wars and the juridical murders, consigned in the history of two great Nations. Whilst these questions were debated, either in familiar conversations or in formal meetings, some members may have expressed irregular opinions, or even give themselves up to the torrent of passions. Upon this account the Comission ascribes to the Secret Society the design of Regicide. But we must take in consideration that the Secret Society was destitute of a coërcive power, and therefore is not accountable for the momentary aberrations of some of its members. and that on the other side the Regulators have been sometimes obliged to yield outwardly to the passions that arose within the Secret Society, in order to direct it surely towards the lofty aim of its exertions. It would be unrightful to judge it for the opinions,accidentally expressed in its bosom, with the rigour we show to the English Parliament and the Convention, for having debated the question of regicide in their precincts. Let us conclude by adding some reflexions. The Secret Society could neither approve, nor seek to produce Palace revolutions, because they are fruitless amongst us, even when under the direction of the heir-apparent of the crown: (i) and because they are inconsistent with the principles it has proclaimed and upon which all its power relied. The Secret Society was intended to place Russia in a lawful situation, which would avoid the necessity of applying to means, equally condemned by justice and reason. The accusation is merely grounded upon detached phrases, accidental conversations, or the dreams of some disordered minds, which have been reproduced in order to enliven the Report by the fugitive allurement of a melodrama, to serve the retograde concerns of the day, and to avert the public attention from the future prospects discovered to the Nation. Some prevalent members have been removed from the inquest without being named, and pardoned under pretence of their youth or repentance. The Authority may rightfully mitigate the punishement, and even grant a full pardon: but the majesty of the Law and the public conscience require a previous condemnation. Gratitude for an unexpected favour afforded weapons against their Colleagues. It is difficult to admit that men, belonging to the notable families of the Country, whose behaviour has been constantly attested by the esteem of their countrymen and the approbation of Government, and who notwithstanding the humiliations and sufferings accumulated upon them by an exasperated Power, have never ceased to overawe all around them,— it is difficult to believe that such men were contriving nothing else — but murder and anarchy. Amongst the three written documents, produced by the Commission: there is a privy letter to the Polander Society, that has not been dispatched for the sake of its insignificance: the two latter are formal refutations of regicide (page 6, 19, 20). During the commotions of the 26/14 December, whilst a party of the insurrected troups had penetrated into the palace, and whilst the Emperor was in the midst of the mob, no attempt of regicide was done: because those who had ventured

their lives, were still under the sway of the principles, professed by the Secret Society. It appears that the Government it-self did not give credit to this accusation: for otherwise the Emperor's Brother would avoid taking an active part in the investigation of a cause, in which he would have been all at once judge and party.

Another accusation, equally important, bears on the Secret Society of the South. The Commission asserts that it concieved the idea of dismembering the Empire, that it agreed with the Polander Society to restore some conquered Provinces to Poland, and that in consequence of this agreement a map was drawn up by its directors, in which the new limits of the two Countries were fixed (page 27). But we may dispence from refuting this accusation: for the inquesting Commission of Warsaw, to which our Commission refers, has taken this care upon itself. It says positively: «that the delegates of the two Secret Societies could never agree: that they did not pass definitive resolutions and have not discoursed about the Provinces annexed to the Empire of Russia» (Report of the Com: of Warsaw. pages 44—65). When two Commissions, equally empowered, acting in concert, and agreeing in all matters together contradict one another in one single fact, we may rightly infer that this fact is next to nothing. The Sclavonian Society had originally in view to unite by a federal bond the Sclavonian tribes dispersed in Europe. It joined with the Society of the South, because it found that this one favoured the union of those tribes, by preparing for them a point of centralisation in the future. It would not have joined, if it had met with principles of division and dismembering, directly opposite to its ends. Lastly the Secret Society, animated throughout by the same spirit, has at a moment of a decisive crisis resolved to convoke the deputies of the Kingdom of Poland, in order to secure the unity of the State (page 45).

Instead of analysing the two Constitutions, that are reckoned amongst the principal charges, the Commission only says: that the Constitution of Nikita Mouravieff divided Russia in several independent States, united by a common bond: without observing that this independence does not agree with the Monarchical System acknowledged in it, and affecting to be ignorant that Provincial assemblies are not invested with Sovereign power. Their object was only to unite in the midst of some agglomerated provinces the local administration and juridiction, and to contribute by their collective action to the governmental centralisation of the Empire. This Constitution, far from enfeebling the executive power, preserved all the extension it wants for public utility; intrusted to its protection the general interest of the Country: acknowledged its lawful influence upon the legislation, and its high inspection over the judicature. By simplifying the administration, the Constitution only discharged the executive power of the care of individual interests, that was committed to a mighty judicative power. In this way it remedied the confusion of powers, one of the chief disorders of our social organisation (page 18). The Commission is proud of having found the Constitution of Pestel, (Рус<с>кая Правда) under ground near a lonely hamlet (page 56). But it has given itself this trouble to no other purpose, than that of concealing it securely in the abyss of Archives. The few that is said about it in a note,

serves, rather to disclose the circumspection of the Commissioners, than the aberrations of the Author. We partake of the sentiments they must have experienced, when compelled to put forth ill-grounded charges, to transform into a delict, what is become a rule for the posterior acts of the Government; and to conceal, what should have been brought to the broad daylight.

The insurrection of the 26/14 December is merely a consequence of the precedent events. At the intelligence of the death of the Emperor Alexander, the Counsel of State, instead of fulfilling the wish of the deceased Monarch, contained in a packet that was committed to its charge, hastened to proclaim the Great Duke Constantine, without even consulting the definitive will of this Prince, what would have only required a delay of some days. The Nation took the oath of allegiance, accordingly to a Manifest issued by the three supreme Authorities of the Empire Immediately a second Manifest declares that the new Emperor has abdicated the Crown in secret, some years ago; that he has just now renewed the abdication in two familiar letters to the members of his family; and that according to those letters the Nation ought to aknowledge his younger brother and take a second oath, contradictious to the first. This precipitation and versatility in matters of such high importance, spread mistrust and discontent amongst all the classes of the population. The Secret Society of the North was at that time under the management of men, full of zeal and activity, but void of experience(j). The uneasy stir they remarked around them, and the murmurs that reached their ears, finished by making a deep impression upon them. They believed that a time of crisis was come on, which authorised them to change the mode of action followed during ten years, and apply to the force of arms. This opinion, debated in several stormy meetings, was at last approved by the majority. From this moment the Spirit of the Secret Society disappeared, to make room for that of insurrection. But such a sudden transition could not happen, without spreading trouble and confusion in the minds. The members of the Secret Society, hurried away by sudden passions and finding themselves upon a new and unacquainted ground, could no more come to a right understanding, either between themselves or with their new associates, whose number daily increased. Hence the incoherence of the plan adopted for the military motion, the want of order and unity in its execution, the fictions in order to stir up the soldiers, who though dissatisfied were not prepared for an insurrection, and lastly the absence of direction at the decisive moment. During the course of the insurrection no trace of an initiative motion appears: all consists in refusing to take the required oath, in assembling at the appointed place, in repulsing partial attacks, in gaining time. In the eyes of the vulgar that is merely an unsuccessful mutiny: in the eyes of the thinker that is a step upon the political career. According to an immutable law of the moral order, truth requires the efforts of a conflict; the conflict was engaged: it requires the testimony of blood: blood was shed. As for the rest the Commission has accomplished, what the insurgents have begun. By reproducing in its Report the principles they were intended to proclaim, it has unknowingly served the Constitutional cause, as well as the united exertions of the Secret Society, who did not dispose of so powerful means of publication.

The Report of the Commission contains an infinity of particulars, that have no direct connection with the principal subject. The individual sentiments of the members, their mutual relations, their dreams, their travels and a vast deal of circumstances of their private life take up a great place. Even jokes and quibbles are to be found in a writing, that was intended for spilling blood (k). There is no need of refuting those things: for when the foundations of a building are shaken, the remainder tumbles down of itself. But we must observe that the Commission does not speak of the emancipation of the peasants, that should have restored the enjoyment of civil rights to several millions of our Countrymen. It does not mention the publication of the Code of laws, the organisation of the judiciary power, the reform of civil and criminal proceedings, the abolition of military colonies, the liberty of commerce and industry, the assistance to the oppressed Greeks and the other organical measures, that have been required or provoked by the free action of the collective power of individuals. These omissions conceal a chief part of the labours of the Secret Society, and prevent from real understanding the nature of its institution. They derive from the difficult situation in which the Commission was placed. By raising such questions, it would have awaked the national sympathy, that ought to be suppressed: it would have pleaded the cause of an institution, that should be destroyed. The same reason explains its efforts to persuade, that this great political Convention, was only a conspiration against the State. It is sufficient to indicate that conspirations do not last ten years along: that conspirators do not apply to the composition of works, in order to operate by words and combat by conviction: that they never think about asking the assent of the Power, they have a mind to overthrow: that they do not remain quietly at their post, when their schemes are discovered and the arrestings and prosecutions begin. The history of all Nations and all times does not afford an example of a similar fact. Moreover the existence of the Society was known to the government: the writings of one of the members have been found amongst the papers of the last Emperor. It is a patent fact that nobody will presume to deny, that he often spoke of the S: Society and named its prevalent members. In this way it would follow that the Government has during ten years indulged a conspiration, or was afraid of crushing it: two consequents equally inadmissible.

However the Commission has surmounted every political consideration, and has only followed the impulsion of noble sentiments, in speaking with deference about the Five first martyrs of the Constitutional cause. Ryleieff, the man of the 14 December, redeems the faults of an unvoluntary straying, by a judicious and as it were prophetical word: «if anybody deserved death, which future weal of Russia perhaps requires, it is I» (p.) The energical behaviour of Kahowsky during the insurrection is related with an impartial fidelity, excepting that he only then applied to his weapon, when his words and entreaties were disdained and no other means left to him for the defense of the cause he had undertaken. Bestoujeff-Rumine is placed in a most favorable light, on account of his unwearied activity. He detects the existence of the Polander Society, discovers that of the United Sclavonians, performs important missions, delivers speeches at the meetings, receives new mem-

bers, writes memorials, fights in the ranks of the insurgents. He had no more than 22 years of age at the moment of his execution. The Commission gives a just idea of the character of Serge Mouravieff-Apostol, saying that a regiment, not under his command and with only two or three members of the S: Society in it, takes up arms at the intelligence of his being arrested, sets him at liberty, and devotes itself to a certain ruin in order to share his fate. The Commission speaks of Pestel in the following way: «the Colleagues who surrounded him, seldom withstood his influence: he removed pusillanimous associates, by showing them the difficulties and dangers of the undertaking: some of the chief Regulators saw in him rather a Napoleon than a Washington: he was not only the Director of the S: Society of the South, he exerted a sovereign power over it, as the course of things testifies: the great majority of the members had an implicit faith in him; many, without being acquainted with his project of Constitution, were ready to sacrifice all in order to establish the Government he would propose in it» (pages 14, 16, 17, 25, 26). In exposing with such impartiality the different characters of these politicians, the Commission seems to have foreseen, that its inquest would take the place of a judgement: that the High Criminal Court would have no leisure to question them, to hear them in their own defence, nor even to verify the identity of their persons: and that it would only pass a sentence of death upon them, supplying the executioner's axe by the rope of the hangman. The watchful inspection under which the Government is compelled to keep their colleagues in the Siberian Solitudes, is a proof of their political importance, of the National sympathy they always enjoy, and of the progress with which the Constitutional ideas, proclaimed at the hazard of their lives, are unfolding and spreading themselves, in the different regions of our vast Empire.

ALPHABETICAL NOTES

(a) *Members of the privy Commission*: President the minister of the War Tatscheff. Members: the Great Duke Michael, the Actual privy Counsellor Prince Alexander Galitzine, the generals: Golenischeff-Koutouzoff, Tchernischeff, Benkendorf, Lewashoff, Potapoff. Secretary Bludoff.

(b) The criminal proceedings are determined by the general laws of the Empire, but in high political delicts the common proceeding could not be sufficient. Therefore Your Imp. Maj: at the very moment of the convocation of this Court, have deigned to prescribe Supplementary rules — which were indispensable to secure the rapidity and success of this affair. Report of the H. Crim: Court to the Emp. 1826. Crim. Code: Tome XV, p. 363, paragr. 1229 Laws: 1645, 1726, 1734, 1762 etc., etc.

(c) *Alienated*: Batenkoff, Mathieu Mouravieff-Apostol, Andriewitch, Furmann, Wranitsky, Fallenberg, Focht, etc., etc. *Dead*: Polivanoff, Boulatoff.

(d) *Depositions*: The forlorn Cohort, for the purpose of putting all to the sword: the mysterious and universal Order of the Restoration: the projects of appearing at a Court ball with a pneumatical gun: of creating a hereditary aristocracy : of exporting from Europe all troublesome men, in order to found Republics in the other parts of the World, etc. etc. (page: 6, 25, 34, 35, 42).

(e) *Delator*: Maïboroda.

Spies: Sherwood, the Count Witt, Bochniak.

(f) Campaigns of 1813, 1814, 1815. Peace of Paris. Congress of Vienna, Aix-la Chapelle, Troppau, Leibach, Verone, etc. etc.

(g) The Roman, the English.

(h) The English, the French.

(i) Catherine, Elisabeth, Peter III, John VI, Paul I, etc. etc.

(j) The Prince Obolensky, Ryleïeff and Alex: Bestoujeff, ad interim, in the place of Nik. Mouravieff, who was at that time in one of the interior Provinces.

(k) The tiger (page 6) the Rubicon (p. 43), the family is no needle (p. 44) the Dir: is great (p. 49), etc etc.

(l) The Court preferred the second way (not to question) more convenient considering the number of the impeached. Report of the High Criminal Court to the Emperor. 1826.

⟨ВЗГЛЯД НА ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА⟩

COUP D'OEIL SUR LES AFFAIRES DE POLOGNE PAR MR IVANOFF, MEMBRE DE LA SOCIÈTÈ SECRÊTE DES SLAVES REUNIS

1840

Les commotions au Royaume de Pologne ont soulevé une question politique, qui excite la sympathie des peuples et préoccupe l'attention des gouvernements. Elle a été discutée par les Représentants nationaux dans la Chambre des Communes et celle des Députés; par les agents diplomatiques à la cour des Princes; par les émigrés Polonais dans les lieux de leur refuge. Mais la lutte intellectuelle qui a succédé au choc des armes, n'a pas été plus heureuse dans ses résultats. Loin de calmer les esprits en les éclairant sur leurs véritables intérêts et de rapprocher des frères, elle n'a servi qu'à exciter de nouvelles passions, à augmenter le nombre des calamités privées et publiques, à provoquer une répression légale mais injuste. Cela provient principalement de ce que les efforts intellectuels ont eu pour objet de justifier l'un des partis, plutôt que de découvrir la vérité. La cause des Polonais comme celle du gouvernement russe, n'ont trouvé jusqu'à présent que des avocats. Il leur manque un ami sincère, capable de dissiper les erreurs qui leur sont communes, et d'indiquer l'origine de leurs funestes divisions.

En examinant de près les événements qui ont troublé l'ordre social, nous trouvons qu'ils prennent leur source dans les motifs louables et les bons sentiments qui ont excité tour à tour les deux partis. C'est un cas rare en politique, et dont l'histoire n'offre que peu d'exemples. Au milieu des intérêts graves qui s'agitaient au Congrès de Vienne, on avait perdu de vue et oublié le sort de la Pologne. L'Empereur Alexandre fut le seul à s'en rappeler. Desirant réparer d'anciennes calamités, faire preuve de générosité envers des ennemis vaincus, et servir la cause de la liberté des peuples qui lui avait été si utile il conçut l'idée de faire revivre le nom des Polonais, et proposa de reconstruire un Etat sur les débris de trois démembrements consécutifs. Cette généreuse pensée ne trouva qu'un faible écho dans quelques diplomates, et une forte opposition de la part des Souverains. Les choses en vinrent au point de provoquer une rupture désavantageuse à tous; lorsque de nouvelles commotions, en dévoilant l'importance de la Russie, servirent à rallier le faisceau qui allait se dissoudre, à plier les volontés contraires, et à réaliser dans de moindres dimensions le projet de l'Empereur Alexandre. Le Duché de Warsowie, mutilé par la Prusse, obtint d'un commun accord le titre de Royaume de Pologne; et les obstacles qui s'opposaient à ce qui l'Empereur de Russie lui octroya une Charte Constitutionnelle s'évanouirent. La Pologne reçut le bienfait d'une Constitution qu'elle était loin d'espérer, lorsqu'en 1813 une députation des Palatinats vint sur le Rhin, conjurer l'Empereur Alexand-

re de gouverner les Polonais comme il le voudrait, pourvu qu'ils ne tombent pas sous la domination allemande, étant un peuple d'origine commune avec les Russes.

Mais en quoi consistait ce Royaume Constitutionnel? Il ne renfermait dans ses limites que la septième partie du territoire polonais, et la sixième partie de sa population. Il était à cheval sur un fleuve dont la source et l'embouchure ne lui appartenaient pas, et qui par conséquent n'offrait d'autre utilité que celle d'embellir les paysages des campagnes. Ouvert de toute part, ne possédant que deux forteresses dont l'une est en dehors de toute combinaison militaire, il était tellement restreint et dépourvu de défenses naturelles, que les hostilités de l'ennemi devaient nécessairement commencer dans les fauxbourgs de la Capitale. Son commerce ne s'est soutenu qu'au moyen d'un transit, accordé au détriment du commerce de Russie; son industrie ne s'est développée qu'à l'aide de spéculateurs étrangers, attirés par les primes et les avantages du moment; son armée n'était qu'un simulacre d'armement, privé des éléments essentiels pour la guerre, et organisé dans l'unique but de satisfaire la manie des parades d'un Prince semi-militaire. Ses chemins, ses canaux, ses ponts, ses villes, ses églises, ses places-fortes ont été réparées ou construites aux frais de la Russie. Jusqu'à l'année 821 les revenus du Royaume ne suffisaient pas pour couvrir les dépenses du budjet; et c'est encore la Russie qui a constamment fourni le déficit. Ses écoles et son université, au lieu de répandre les lumières de la civilisation contemporaine, n'ont fait que refléchir le faux et terne éclat de la couronne des Piast et des Jaggellons. Enfin sa constitution, quoique rationnelle en principe, manquait de base pour son développement, d'éléments pour sa durée, et de garanties pour son action. Les nonces de la Diète de Warsowie ont eu raison de dire dans leur Manifeste «que ce Royaume n'était qu'une vaine chimère» (a).

A l'origine de l'insurrection Warsovienne nous voyons de même un beau dévouement et un élan de patriotisme qui entraîne les coeurs. «La nuit du 29 Novembre fut éclairée par les feux de la liberté. Dans un seul jour la capitale délivrée, dans quelques jours toutes les divisions de l'armée unies par la même pensée, les forteresses occupées, la Nation armée, le frère de l'Empereur se reposant avec les troupes Russes sur la générosité des Polonais, et ne devant son salut qu'à cette seule mesure; voilà les actes de cette insurrection noble et pure, comme l'entho usiasme héroïque de la jeunesse qui l'a enfanté» (b). Cependant la présence des Chambres et la coopération des hauts fonctionnaires ou des hommes jouissant de la considération nationale, ont manqué a cet événement. Produit par l'effervescence de la jeunesse, comme le Manifeste le proclame, aurait-il dû être sanctionné et reconnu par les représentants de la Nation comme leur oeuvre? n'ont-ils pas compromis l'avenir de leur pays, par une commisération irréflechie pour les jeunes gens, en faveur des quels les Chambres auraient pû intercéder, et que le Gouvernement lui-même aurait peut-être consenti à mettre à l'abri d'une poursuite légale? Malgré la faiblesse du Pouvoir qui devait prévenir l'insurrection, et l'incapacité fabuleuse du

(a) Manifeste du peuple Polonais. 1831, page 1, § 5.
(b) Manifeste du peuple Polonais. 1831, page 5, § 14.

Chef militaire au quel le soin de la réprimer fut confié par la suite, jamais elle n'a pû franchir les étroites limites du Royaume. La Galicie n'a pris aucune part aux agitations Warsoviennes. Le Duché de Posen a vu avec indifférence ce qui se passait à quelques pas de sa frontière. La Lithuanie, la Wolhinie et la Podolie n'ont pas remué même à l'époque, où les détachements de l'armée Warsovienne, pénétrant dans ces provinces, engageaient et forçaient les populations respectives à s'armer pour la défense du Royaume. Les levées partielles, effectuées par quelques propriétaires ruinés ou prêts à l'être, ne furent d'aucune utilité aux incurseurs, et sont en général trop insignifiantes pour être mentionnées. Une preuve positive de ce dernier fait est que tous ces détachements, trop faibles par eux-mêmes et comptant sur le secours d'un soulèvement général, ont été forcés pendant tout le temps de leur incursion plutôt à se cacher qu'à combattre; et qu'ils ont presque tous fini par se réfugier dans les pays limitrophes, pour y déposer les armes, sans avoir même couru la chance des combats.

Les forces matérielles de l'insurrection se réduisaient à 35 mille hommes de troupes de ligne avec un nombre presque égal de miliciens, 150 canons, deux places fortes en ruines, 20 mille fusils enlevés de l'arsénal par la populace et rachetés aux juifs, et le petit capital soustrait à la banque de Warsovie. Avec cela on voulait faire face à une des premières puissances militaires de l'Europe?

Il y a des époques qui par un concours de circonstances favorables, offrent des chances de succès aux entreprises les plus hasardeuses. Mais l'insurrection a éclaté lorsqu'une paix glorieuse donna les moyens au gouvernemet Russe de ramener ses corps d'armée dans le pays, de les compléter par de nouvelles recrues, de renouveller leur matériel et de les cantonner le long de la frontière occidentale, de manière à rendre leur réunion prompte et facile sur le premier point menacé; lorsque les finances de l'Empire furent alimentées par les tributs des vaincus et l'or des emprunts; lorsque le moral de la Nation fut porté à un haut dégré d'exaltation par la soumission des peuples, la chute des places fortes, l'acquisition des provinces, et le vol de l'aigle Russe aux environs de Bizance, l'objet constant de ses désirs.

Le Manifeste du peuple Polonais énonce une série d'actes inconstitutionnels, qui furent les causes impulsives et déterminantes de l'insurrection. Mais la Constitution offrait un moyen légal de protester contre l'illégalité de ces actes, tout en s'y soumettant. Ce mode d'action passif mais efficace aurait suffit pour constater l'existence des droits, et les faire valoir par la suite en leur prêtant le double appui du principe et du précédent. La Grande Charte a été successivement jurée et ratifiée jusqu'à 35 fois, et malgré cela foulée aux pieds par les Tudors. Cependant les Anglais n'ont pas eu recours aux armes à cette époque d'adolescence politique pour en assurer le maintien. Ils ont compris l'importance des formes seules d'un gouvernement libre, même dépourvues de l'esprit qui doit les animer; et ils ont supporté les vexations, les injustices, les outrages du Pouvoir, pour conserver ces formes et leur donner le temps de prendre racine. Le Manifeste met également en avant un amour fraternel et exclusif pour les habitants des provinces annexées à la Russie, et le désir de les délivrer du joug du cabinet de St Petersburg. Il réclame en

leur faveur un article facultatif du traité de Vienne, émané de la volonté spontanée de l'Empereur Alexandre; et son discours à la Diète de 1818, dont le sens s'adresse également à tous les habitants de l'Empire, et n'impose qu'une obligation conditionnelle au Souverain. Or nous avons vu plus haut que les habitants de ces provinces ne partageaient guère le sentiment exclusif dont ils étaient l'objet; et que loin de seconder les efforts des prétendus libérateurs, ils ont considéré leur intrusion avec indifférence et surprise. En effet d'après la position géographique, la superiorité de leur population, les ressources matérielles, et surtout les liens plus intimes avec les Russes, qui sont le foyer et la source de toute puissance dans cette partie de l'Europe, c'était plutôt les habitants de ces provinces qui étaient à même de rétablir l'ordre et l'harmonie dans le Royaume, non par les voies désordonnées de la violence, mais par l'action rationnelle de la volonté collective des individus. Si après cela il était nécessaire d'entrer dans les détails de l'entreprise, nous trouverions: qu'on est tombé d'accord sur tout, quand une opposition rationnelle eut servi à éclaircir les idées et à faire prévaloir les plus saines; et qu'on s'est divisé d'opinions sur tout, quand le succès dépendait de l'accord des volontés et des intelligences: qu'on a eu recours aux négociations lorsqu'en fesant perdre un temps précieux, elles n'offraient aucune probabilité de succès; et qu'on a négligé cette voie, lorsqu'elle pouvait prévenir l'inutile effusion du sang: enfin qu'on a concentré la force armée à l'époque où des détachements auraient pû être de quelque utilité dans une guerre insurrectionnelle; et qu'on l'a disséminé à l'époque où la réunion de toutes ses parties était indispensable. Au milieu de ces aberrations, il n'y a qu'un trait lumineux: c'est la valeur que les soldats ont déployé sur le champ de bataille, et qui leur a valu l'estime de leurs adversaires.

Le Manifeste du peuple Polonais semble avoir été rédigé sous l'influence de la même jeunesse qui a opéré l'insurrection. Il débute par le désir légal du redressement des griefs, et se termine par des vues d'agrandissement et de conquêtes. Ses rédacteurs ont les yeux tournés vers la France, qui pour satisfaire à ses intérêts réels ou imaginaires, a envoyé leurs compatriotes périr en Egypte, à St Domingue et en Espagne; ils se vantent de leur fidélité envers un despote, qu'ils appellent le héros du siècle, et prétendent que le sang des Polonais était sa propriété (c). On ne trouve dans l'insurrection Warsovienne ni les indices, ni les témoignages d'un mouvement national. Elle n'a produit aucun caractère remarquable, aucune supériorité législative, administrative ou militaire. Elle n'a mis aucune idée organique, aucun intérêt social en avant; et n'est en résumé qu'une pâle imitation des précédents de l'histoire de Pologne, et le reflet vague d'une civilisation traditionnelle.

Comme un Royaume Constitutionnel, bâti sur le sable, devait aboutir à l'insurrection: de même une insurrection partielle, intempestive, basée sur des motifs contestables, privée des moyens essentiels pour son développement, et n'ayant que des chimères pour objet, devait aboutir à la soumission du pays. Elle a eu pour résultats immédiats: la perte des droits, la ruine des villes, le ravage des campagnes, la mort de plusieurs milliers d'hommes, les

(c) Mani‹feste› du peuple Pol‹onais›. 1831, page 1, § 3. В оригинале ПД: § 4.

larmes de la veuve et de l'orphelin... Elle a causé un mal plus grave en compromettant le principe de la résistance juste et légale contre les actes arbitraires du Pouvoir. C'est sous ce dernier rapport qu'elle doit être indiquée aux générations futures, comme un écueil à éviter et un triste témoignage de l'esprit de notre époque.

On conviendra certainement que le Gouvernement Russe, quoique complice dans l'origine des désordres qui ont eu lieu, ne pouvait pas faire autrement que de sévir contre les auteurs de l'insurrection, et revendiquer son autorité méconnue. Il devait licencier une armée qui s'est battue contre lui, annuler une Diète qui a voté sa déchéance, et modifier les institutions qui ont fourni les moyens de faire l'un et l'autre. On l'a mis dans son droit par l'appel aux armes. Plus tard il est entré dans la fausse voie de la persécution légale. Au lieu de sanctionner son autorité par l'effusion des bienfaits, il l'a compromis en l'entourant de gendarmes, d'espions et de bourreaux. Mais les mesures répressives sont loin de trouver un appui dans les sympathies nationales des Russes. Ils désapprouvent généralement l'impuissance des amnisties hérissées de restrictions, qui n'ont pû ramener au sein de la Pologne ses enfants dispersés; l'emploi coûteux et immoral de l'espionnage, pour savoir ce que l'organe de la presse énonçait clairement et sans frais; la construction de la citadelle de Warsovie, qui pourra remplacer l'armée licenciée; l'abolition de deux Universités pour en fonder une troisième, qu'on a été obligé de suspendre. Les cours martiales qui jugent les causes politiques, les tortures qu'elles infligent pour arracher des aveux et les supplices qu'elles décrétent, révoltent l'équité des Russes. Les Eglises et les couvents abolis et le clergé Grec-uni forcé * d'apostasier,— enfreignent leur principe de tolérance religieuse. Les confiscations à la fois iniques et infructueuses, blessent leur instinct de générosité et leur orgueil national. Ils se demandent si la détresse du gouvernement est si grande, qu'il soit réduit aux spoliations en détail pour alimenter ses finances? Pourquoi ne s'adresse-t-il pas dans ce cas plutôt à ceux, dont les trésors sont toujours ouverts pour les besoins de l'Etat, comme leur sang est toujours prêt à couler pour sa défense? N'ayant pas d'organe légal pour l'expression de leurs sentiments, ils flétrissent de leur mépris les acheteurs des biens confisqués, ainsi que les employés qui les reçoivent à titre de gratification; ils entourent de leur sympathie les victimes innocentes de la confiscation, et s'empressent d'adoucir leurs souffrances par les actes de cette charité, qui se dérobe aux yeux du monde et même à sa propre connaissance.

Cependant pour être impartial il ne faut pas perdre de vue que le Gouvernement Russe n'a pas les moyens dont les Etats représentatifs disposent, pour connaître la vérité et régler leur conduite d'après elle. La presse est muette ** comme elle doit l'être sous l'autocratie: celle de l'étranger, mûe par une haine aveugle contre les Russes, est en même temps suspecte parce qu'elle exprime la pensée des peuples ou des gouvernements qui ont abandonné les Polonais. Le Pouvoir n'a pour guides en Russie que les hommes tourmentés par une activité sans but ou frappés d'une incapacité sénile, qui composent le

* Далее сплошной чертой зачеркнуто несколько слов.
** Далее зачеркнуто одно слово.

Conseil d'Etat. Du reste il ne faut pas éxagérer l'importance des mesures répressives. Comme le Gouvernement agit sans le concours de la Nation, la sphère de son action morale est nécessairement retrécie pour ne pas dire nulle. C'est une étrange erreur de supposer qu'il puisse effacer la nationalité des Polonais, tandis que lui-même manque de nationalité: qu'il puisse influencer leur civilisation tandis que lui-même manque de lumières: qu'il puisse ébranler leur religion, tandis qu'il décele que ses propres croyances sont chancellantes, en s'attaquant à un principe qui est hors de l'atteinte de la puissance humaine, et en suivant le funeste exemple des persécutions religieuses donné par les Rois de Pologne. L'insurrection Warsovienne en faveur de la démocratie a passé comme un orage, dont les traces seront effacées par la raison mûrie des générations futures: la réaction du Pouvoir légitime, qui à son tour n'est qu'une insurrection en faveur de l'autocratie, se dissipera d'elle-même comme un brouillard qui ne laisse pas de vestige après soi.

Parmi les causes qui s'opposent au retour du calme et à l'empire des idées rationnelles, il y en a une qui mérite d'être signalée parce que son influence dépasse les limites du Royaume. Lorsque l'armée Russe se préparait à l'assaut de Warsowie, quelques personnages qui par suite de l'insurrection se trouvaient à la tête des Chambres, prévoyant le dénouement prochain du drame, emménerent au loin un corps d'armée, et lui donnèrent ensuite une direction excentrique, pour se ménager une retraite à l'étranger (d). Cet acte naturel à la faiblesse humaine, n'aurait servi qu'à les compromettre individuellement et à les faire oublier. Mais le Gouvernement Russe, croyant remplir un acte de justice, commit la faute de les faire juger et condamner à mort par contumace, de confisquer leurs fortunes, et de leur prêter un caractère politique en les reconnaissant pour ses adversaires après la désertion. Nos fuyards se ravisèrent, et profitant habilement des passions du Gouvernement, se mirent de nouveau à exploiter les passions du peuple. Leur premier soin fut de grouper autour d'eux quelques victimes sans tâche des commotions politiques: des militaires qui avaient répandu leur sang sur le champ de bataille: des citoyens obligés de s'expatrier par suite des mesures répressives du Gouvernement Russe. Forts de cet appui ils établirent dans le lieu de leur refuge une espèce de tribunal, connu sous le nom de Comité national Polonais. Ce Comité s'attribue les droits et assume l'autorité de la dernière Diète, prétend continuer son oeuvre, publie des manifestes au nom de la nation Polonaise, rédige des libelles et les fait circuler en Pologne, envoye des émissaires dans le Royaume ainsi que dans les provinces soumises aux états limitrophes afin d'y rallumer ou propager l'esprit d'insurrection. Malgré l'étrange anomalie d'une autorité nationale en dehors de la Nation, le Comité Polonais réussit dans ses projets: et c'est encore dans le Gouvernement Russe qu'il trouve un appui, un agent et souvent un instrument aveugle de ses volontés. Le gouvernement défend la circulation des imprimés, qui ne seraient pas lus sans cette mesure; il livre les émissaires à des Cours martiales qui les font pendre et fusiller; il poursuit, dépouille et exile en Sibérie les bons bourgeois et les campagnards, qui accordent l'hospitalité aux émissaires ou pré-

(d) Romarino 20 mille hom‹mes›.

tent l'oreille à leurs fables. C'est précisément ce que les industriels politiques du Comité Polonais désirent. Ils savent bien que le Royaume ne peut rien, et que les anciennes provinces ne veulent rien. Leur unique but est d'aigrir les esprits en provoquant des actes de rigueur, et de fomenter des griefs de famille au gré des Puissances de l'occident, qui sont plutôt hostiles qu'indifférentes aux nations slaves dont elles redoutent la réunion.

Dans cette vue ils mettent en avant le partage de la Pologne, en l'isolant des causes qui l'ont rendu si facile, et en l'attribuant à l'influence exclusive de la Russie. Mais l'Autriche et la Prusse y ont pris la même, si ce n'est pas une plus grande part. Le projet du premier démembrement a été conçu par le cabinet de Vienne, ce qui explique le lot presque double qui lui échut en partage (e). La Russie n'a fait qu'adhérer à ce projet, afin qu'il ne s'accomplisse pas sans elle, au détriment à la fois des Polonais et des Russes. Le second démembrement a été provoqué par le gouvernement Prussien, dans la vue d'acquérir Dantzig et Thorn. Pendant que la Russie était occupée par sa guerre de Turquie, il trouva moyen de susciter de nouveaux troubles en Pologne, et de mettre la République dans une position d'inconséquence vis-à-vis de ses voisins, en l'engageant par les conditions d'un traité d'alliance, à augmenter le chiffre de son armée et à modifier son organisation politique en contravention du traité de 1775 (f). Dès que la Constitution de 91 fut promulguée, La Prusse s'empressa de la désavouer, de rompre son traité d'alliance avec la République, de s'emparer de Thorn et de Dantzig, et de former une nouvelle alliance avec le gouvernement Russe, afin de cacher l'acte de la spoliation sous le manteau Impérial (g). Enfin le troisième et dernier démembrement fut le résultat d'une insurrection, qui en rompant le pacte social, légalise tout par le droit de la guerre.

Du reste ces tristes événements ne servent qu'à déterminer les progrès de l'Autocratie dans sa révolution, et nullement les relations réciproques des deux Peuples. Jamais les Russes n'ont songé à conquérir leurs frères; jamais ils n'ont prétendu à une superiorité sociale ou politique sur eux. Ce n'est pas les bienfaits du patronage qu'ils leur offrent: mais l'accord de la volonté et la réunion des efforts vers le même but qu'ils réclament. Ce vœu a été exprimé par les Représentants naturels des Russes, qu'un Pouvoir influencé par l'esprit de parti, a fait périr par la main du bourreau ou a dispersé dans l'exil..... Fidels aux mandats de leur haute mission, ils ont prédit aux Polonais que leurs efforts isolés seraient toujours infructueux: que leur espérance dans le secours des Etats d'occident serait toujours chimérique: que leur unique chance de succès consiste dans un pacte d'union avec les Russes (h).

On ne trouve ni montagnes, ni fleuves, ni aucun des accidents géographiques, qui pourraient former des limites naturelles entre les deux pays. Les

(e) 1772: Population: Russie: Prusse: Autriche: Territoire idem. (цифры Луниным не вставлены). Это примечание есть только в автографе ПД. В автографе ГИМ — только буква е. (*ред.*).
(f) Traité de la Prusse avec la Rep‹ublique› de Pologne 29 Mars 1790.
(g) Traité de la Prusse avec la Russie. 12 Janvier 1793.
(h) Pestel. S. Mouravieff-Apostol, Bestoujeff-Rumine. Rap‹port› de la Com‹mission› d'enquêtes de Warsovie. 1826.

prétentions évoquées de part et d'autre sur la possession des mêmes lieux, se perdent dans la nuit des temps. Le climat, les productions du sol, les modes, d'industrie et les éléments de commerce sont presque les mêmes. Les moeurs, les usages, les habitudes, les inclinations se ressemblent. Les deux langues, issues de la même tige, se comprennent avec une égale facilité dans chacun des pays. Les doctrines Religieuses sont celles qui sont les plus rapprochées, parmi la diversité des croyances répandues dans le monde. Tout paraît inviter les deux peuples à fraterniser. N'étant pas liés par les précédents comme les autres nations Européennes, ils n'ont rien à abbattre, ni a déblayer avant de construire. L'édifice de leurs libertés s'élevera sans commotions et sans tumulte, comme la Maison où l'on n'entendit ni marteau, ni cognée, ni le bruit d'aucun instrument pendant qu'elle se bâtissait. Ils semblent être destinés à commencer une nouvelle ère sociale, en dégageant les principes des éléments hétérogènes qui les offusquent partout: et à spiritualiser le monde politique, en fesant remonter les libertés, les droits et les garanties vers leur véritable source.

Abordons la question radicale que les agitateurs présentent, tantot entourée des sophismes du raisonnement, tantôt revêtue des prestiges de l'imagination. La Pologne peut-elle jouir d'une existence politique conforme à ses besoins, indépendamment de la Russie? — Pas plus que l'Ecosse et l'Irlande, indépendamment de l'Angleterre. La fusion s'est opérée dans ces pays à l'aide de terribles commotions et de maux infinis, dont les traces ne sont pas entièrement effacées. Mais sans cette fusion en place des trois Royaumes unis qui forment maintenant le premier Empire du monde, il n'y aurait eu que trois faibles provinces, aux prises l'une avec l'autre, sans commerce, sans industrie, sans influence sur les autres peuples, et ouverte au premier envahisseur comme l'histoire nous les présente à l'époque de leur séparation. Il y a des conditions positives et absolues pour les grandes Nations, que rien ne saurait compenser. Il leur faut avant tout de l'espace, des fleuves et la mer. Sans cela les plus ingénieuses combinaisons politiques, ne sont que de vaines théories. Appliquez l'organisation des Etats-Unis d'Amérique, aux principautés d'Allemagne et aux Etats d'Italie. Qu'en résultera-t-il? S'occuper des pouvoirs politiques, avant d'assurer la puissance sociale, c'est couronner un édifice qui manquerait de fondements. Si le projet chimérique de la réunion des provinces Russes au Royaume eut réussi, les affaires de la Pologne n'en seraient pas plus avancées. Ses prétendus amis semblent méconnaître les éléments de puissance et d'action qu'elle contient, en cherchant à l'emboîter dans les terres. Sa véritable décadence date de l'époque, où elle fut privée de l'embouchure de son fleuve et du littoral de sa Mer. Cette grande Nation a besoin des brumes vaporeuses de la Baltique, comme sa soeur aînée, a besoin des brises embaumées de la Méditerranée. Ce n'est qu'en se donnant cordialement la main qu'elles pourront obtenir ces véhicules de l'influence réciproque, que les peuples exercent les uns sur les autres pour le progrès de l'humanité.

Les Polonais devraient toujours avoir présent à l'esprit le Régime, qui a si longtemps pesé sur eux sous la forme illusoire d'une République. Nul progrès social n'était possible avec un ordre politique, qui, arrêté à chaque pas

par le liberum veto, n'avançait qu'à l'aide des confédérations; et avec un ordre civil qui réunissait tous les abus de la féodalité, sans offrir un seul de ses avantages relatifs. Le chaos administratif et l'anarchie morale, en épuisant les forces vitales de la Pologne, présageaient de tout temps sa dissolution. Un de ses Rois a prédit à la Diète en 1661 le démembrement des provinces qui s'est accompli cent dix ans plus tard (i). Le point de départ est essentiel pour bien comprendre la situation actuelle du pays, et apprécier les avantages qu'il peut retirer de son lien politique avec la Russie. Les Polonais possèdent maintenant des loix civiles qui malgré leurs imperfections partielles, renferment presque tous les éléments démocratiques que la France a acquis au prix d'une révolution sanglante; et qui sont libres des entrâves et des préjugés traditionnels qui offusquent la législation de l'Angleterre. Ils ont une garantie positive de l'intégrité de leur territoire, et une assurance de son développement progressif, dans le principe radical des Russes qui tend invariablement à conserver et réunir; et dans la masse de leurs moyens pour mettre ce principe en oeuvre. Ils participent aux avantages que les embouchures du Dnieper, du Boug et du Dniester, les débouchés de la Baltique et de la Mer Noire, ainsi que le continent de l'Asie, offrent au mouvement du commerce et de l'industrie. Ils sont à l'abri de l'intervention étrangère dans les affaires domestiques, qui leur a été de tout temps si funeste, mais qui se bornera désormais à de vaines déclamations contre la prépodérance croissante de deux peuples réunis. Enfin ils sont à même de prendre l'initiative du mouvement social, qui doit réunir dans un seul faisceau les tribus slaves répandues en Europe; et de coopérer à la révolution intellectuelle, qui doit précéder tout changement dans l'ordre politique pour le rendre profitable.

Les peuples et les gouvernements ne sortent pas si facilement des fausses routes, ou l'intérêt des partis ou leurs propres passions les engagent. Il y aura encore des luttes inégales, des réactions pernicieuses et des sacrifices inutiles. Le glaive de la violence et celui de la justice seront de nouveau tirés en faveur de l'erreur et des préjugés. Mais ces maux, inévitables comme expiation et salutaires comme préceptes aux deux partis, ne seront qu'un obstacle temporaire au triomphe des principes qui découlent de la nature des choses, et à l'empire de la Vérité qui est dans l'union.

Nous croyons remplir un devoir de reconnaissance envers une Nation, qui nous a accordé l'hospitalité à une époque orageuse de notre carrière politique, en lui disant la vérité sans feinte, ni ménagement. Nous avons tenu le même langage à la cour de son Roi, et dans les salons de ses grands: mais il a été méconnu. Nous espérons qu'il sera mieux compris dans les demeures plus modestes, où nous avons souvent trouvé un abri après les fatigues et les périls de la chasse: où l'image du bonheur domestique et la réunion des vertus de famille, nous ont révélé la source des vertus civiques qui ornent le caractère Polonais, et le secret du bel avenir qui est réservé à cette Nation, lorsqu'elle agira de concert avec son alliée naturelle.

(i) Jean-Casimir.

Перевод:

ВЗГЛЯД НА ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА Г-НА ИВАНОВА, ЧЛЕНА ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

1840

Волнения в Царстве Польском возбудили политический вопрос, вызывающий сочувствие народов и привлекающий внимание правительств. Вопрос этот обсуждался народными представителями в Палате общин и в Палате депутатов; дипломатическими агентами при дворах государей; польскими эмигрантами в местах их изгнания. Но словесная война, последовавшая за вооруженным столкновением, была не счастливее по своим результатам. Вместо того чтобы успокоить умы, уяснив им их истинные интересы, и сблизить братьев, она лишь разожгла новые страсти, умножила число частных и общественных бедствий, вызвала законные, но несправедливые репрессии. Произошло это прежде всего потому, что умственные усилия скорее имели целью оправдать одну из сторон, нежели выяснить истину. Дело поляков, как и дело русского правительства, находит до сего времени одних лишь адвокатов. Обоим недостает искреннего друга, способного рассеять их общие заблуждения и указать на происхождение гибельных раздоров [1].

Внимательно изучая события, поколебавшие общественный порядок, мы видим, что источником их были похвальные побуждения и добрые чувства, владевшие попеременно обеими сторонами. В политике это случай редкий, имеющий в истории не много примеров. Среди важных вопросов, обсуждавшихся на Венском конгрессе, упустили из виду и забыли участь Польши. Один лишь император Александр вспомнил о ней. Желая загладить прежние несправедливости, доказать великодушие к побежденным и послужить столь выгодному ему делу свободы народов, он возымел мысль воскресить имя Польши и предложил восстановить государство на развалинах трех последовательных разделов.

Эта великодушная мысль встретила лишь слабый отклик у нескольких дипломатов и сильное сопротивление со стороны монархов. Дело едва не дошло до разрыва, всем невыгодного; но тут новые потрясения, обнаружив все значение России, сплотили готовый распасться союз, примирили противоположные стремления и привели к осуществлению проект императора Александра в более скромных размерах. Варшавское герцогство, урезанное Пруссией, получило с общего согласия наименование Царства Польского, и препятствия к тому, чтобы император Александр даровал ему конституционную хартию, исчезли. Польша получила благо конституции, на которое она меньше всего надеялась, когда в 1813 году депутация от польских воеводств явилась на берега Рейна и заклинала императора Александра управлять поляками, как ему заблагорассудится, лишь бы им не попасть под немецкое владычество, будучи народом общего с русскими происхождения.

Но из чего состояло это конституционное Царство? Его границы охватывали лишь седьмую часть польской территории и шестую часть ее населения. Оно было расположено по обеим берегам реки, исток и устье которой ему не принадлежали и которая поэтому могла служить лишь для придания живописности сельскому пейзажу. Открытое со всех сторон, владеющее только двумя крепостями, из коих одна не имеет ника-

кого военного значения, Царство было до такой степени стеснено и лишено естественной защиты, что в случае войны неприятельские действия неизбежно должны были начаться в самых предместьях столицы [2]. Его торговля поддерживалась единственно путем транзита, разрешенного в ущерб русской торговле; промышленность его развивалась лишь благодаря иностранным спекулянтам, привлеченным премиями и выгодами момента; его армия была лишь подобием воинской силы, лишенной всего необходимого для ведения войны и созданной с единственной целью удовлетворить страсть полувоенного монарха к парадам. Дороги Царства, его каналы, мосты, города, его храмы и крепости ремонтировались или строились на счет России. Вплоть до 1821 года доходов Царства не хватало для покрытия бюджетных расходов; и опять-таки именно Россия постоянно пополняла дефицит. Его школы и университет, вместо того чтобы распространять свет современной цивилизации, отражали один лишь фальшивый и тусклый блеск короны Пястов и Ягеллонов [3]. Наконец, его конституции, разумной в принципе, недоставало основы для развития, условий, обеспечивающих прочность, и гарантий действенности. Его депутаты в Варшавском сейме имели основание заявить в своем Манифесте, что «это Царство было лишь пустым призраком» (a).

В начале варшавского восстания мы видим также благородную самоотверженность и патриотический подъем, увлекающий сердца. «Ночь 29 ноября была озарена огнем свободы. За один день освобождена столица, за несколько дней все части армии объединены одной мыслью, крепости заняты, нация вооружена, а брат императора, вручивший себя и русские войства великодушию поляков, обязан своим спасением единственно этой мере; таковы деяния этого восстания, столь же благородного и чистого, как героический энтузиазм молодежи, его совершившей» (b) [4]. Однако в этом событии не приняли участие палаты и высшие сановники или лица, пользующиеся авторитетом в глазах народа. Вызванное возбуждением молодежи, как заявляет Манифест, должно ли было восстание получить признание народных представителей как их собственное дело? Не скомпрометировали ли они будущность своей страны необдуманным состраданием к юношам, за которых могли бы представительствовать Палаты и которых само правительство возможно согласилось бы не предавать суду? Несмотря на слабость власти, обязанностью которой было предотвратить восстание, и на баснословную неспособность военачальника, которому было затем поручено его подавление [5], восстание не смогло бы выйти за тесные пределы Царства. Галиция не приняла никакого участия в варшавских волнениях. Великое княжество Познанское равнодушно взирало на то, что происходило в нескольких шагах от его границы [6]. Литва, Волынь и Подолия не шевельнулись даже в то время, когда проникшие к ним отряды варшавской армии склоняли и принуждали население вооружаться на защиту Царства. Частичные наборы, произведенные несколькими разорившимися или близкими к разорению помещиками, не принесли никакой пользы вторгшимся отрядам и вообще были так незначительны, что не стоит их упоминать. Последнее доказывается тем, что все эти отряды, слишком слабые сами по себе и рассчитывавшие на помощь общего восстания, были принуждены во все время своего вторжения скорее прятаться, чем сражаться, и что почти всем им пришлось в конце концов искать убежища в соседних государствах и сложить там оружие, не попытав даже счастья в битве [7].

(a) Манифест пол⟨ьского⟩ народа. 1831, стр. 1, § **5.**
(b) Манифест польского народа. 1831, стр. 5, § **14.**

Материальные средства восстания сводились к 35 тысячам линейных войск с почти таким же числом ополченцев, 150 орудиям, двум полуразрушенным крепостям, 20 тысячам ружей, добытым толпою из арсенала и выкупленным у евреев, и небольшим капиталом, изъятым из варшавского банка [8]. И с такими-то силами вздумали стать лицом к лицу с одной из первых военных держав Европы?

Бывают эпохи, когда стечение благоприятных обстоятельств дает шансы на успех даже самым рискованным предприятиям. Но это восстание вспыхнуло, когда заключение славного мира [9] позволило русскому правительству вернуть свою армию на родину, укомплектовать новыми рекрутами, возобновить материальную часть и расквартировать войска вдоль западной границы так, чтобы их можно было быстро и легко сосредоточить в любом угрожаемом пункте; когда финансы империи были пополнены данью побежденных и золотом займов; когда дух нации достиг высочайшего подъема благодаря покорению народов, падению крепостей, приобретению новых областей и полету русского орла к стенам Византии, этого постоянного предмета его стремлений.

Манифест польского народа перечисляет ряд антиконституционных актов, ставших побудительными и определяющими причинами восстания. Но Конституция давала законные средства протестовать против незаконности этих актов, в то же время подчинялась им. Такой способ действий пассивный, но действенный, был бы достаточен, чтобы доказать существование прав, а затем и заставить их уважать, дав им двойную опору — принципа и прецедента. Великой Хартии присягали и подтверждали ее 35 раз, и, несмотря на это, она была попрана Тюдорами [10]. Однако и в ту политически незрелую эпоху англичане, чтобы защитить ее, не взялись за оружие. Они оценили важность самих форм свободного правления, даже лишенных того духа, который должен их одушевлять; они вынесли гонения, несправедливости, оскорбления со стороны власти, лишь бы сохранить эти формы и дать им время укорениться. Манифест польского народа провозглашает также братскую и исключительную любовь к жителям присоединенных к России провинций и стремление освободить их от гнета петербургского правительства. Он толкует в их пользу одну из необязательных статей Венского трактата, возникшую по доброй воле императора Александра; и его речь в сейме 1818 года, смысл которой относится равно ко всем жителям империи, а на монарха налагает лишь условное обязательство. Однако мы видели выше, что жители этих провинций отнюдь не разделяли исключительного чувства, предметом которого они были; и, вместо того чтобы помогать своим так называемым освободителям — взирали на их вторжение с равнодушием и удивлением [11]. Действительно, по своему географическому положению, по численности населения, по своим материальным ресурсам и особенно по более тесным связям с русскими, являющимися основой и источником всякого могущества в этой части Европы,— именно жители этих провинций могли восстановить в Царстве Польском порядок и спокойствие не путем беспорядочного насилия, не разумными действиями объединенной воли. Если после сказанного нужно входить в подробности, то мы обнаружим, что все приходили к согласию, когда разумная оппозиция служила пояснению идей и победе наиболее здравых из них; и разделились во мнениях, когда успех зависел от единения воль и умов; что к переговорам прибегли, когда потеряно было драгоценное время и не оставалось ни малейшей надежды на успех; и пренебрегли ими именно тогда, когда они могли предотвратить бесполезное кровопролитие [12]; наконец, что войска стянули в одно место в то время, как известную пользу в гражданской войне могли бы принести отдельные отряды; и распылили силы, когда необхо-

димо было их сосредоточить [13]. Среди этих оплошностей есть лишь один светлый луч: доблесть, проявленная солдатами на поле боя и заслужившая уважение противника.

Кажется, будто Манифест польского народа составлен под влиянием той же молодежи, которая подняла восстание. Начинается он законным требованием справедливости, а заканчивается мечтами о величии и завоеваниях. Взоры его составителей обращены к Франции, которая в своих интересах, подлинных или мнимых, посылала их соотечественников на гибель в Египет, С.-Доминго и Испанию; они кичатся своей верностью деспоту, которого провозглашают героем века, и утверждают, что кровь поляков была его собственностью (c) [14]. В Варшавском восстании нельзя найти ни признаков, ни доказательств национального движения. Оно не выдвинуло ни одной замечательной личности, не отличилось в законодательной, административной или военной области. Оно не предложило ни одной важной идеи, ничего общественно полезного и является в общем лишь бледным сколком былых событий польской истории, смутным отблеском застывшей цивилизации.

Подобно тому, как конституционное Царство, построенное на песке, должно было привести к восстанию, так и восстание, изолированное, несвоевременное, вспыхнувшее по сомнительным поводам, лишенное необходимых для своего развития средств и поставившее себе химерические цели, должно было окончиться полным подчинением страны. Непосредственными результатами восстания были: потеря всех прав, разорение городов, опустошение селений, смерть многих тысяч людей, слезы вдов и сирот... Оно причинило еще большее зло, скомпрометировав принцип справедливого и законного сопротивления произволу власти. Именно с такой точки зрения на него будут указывать будущим поколениям как на соблазн, которого следует избегать, и как на печальное свидетельство духа нашего времени.

Все несомненно согласятся, что хотя русское правительство и несет долю ответственности за беспорядки, оно не могло поступить иначе, как покарать виновников восстания и восстановить свой поколебленный авторитет. Оно должно было распустить армию, сражавшуюся против него, уничтожить Сейм, который вотировал его низложение, и изменить учреждения, давшие возможность сделать то и другое. Ему дали на это право, взявшись за оружие. Однако позже оно встало на ложный путь гонений, облеченных в форму законности. Вместо того чтобы укрепить свой авторитет широкими милостями, правительство скомпрометировано, окружив себя жандармами, шпионами и палачами. Но репрессивные меры отнюдь не находят сочувствия и у русского народа. Он в общем осуждает ничтожность амнистий, изуродованных ограничениями и неспособных вернуть в лоно Польши ее рассеянных по свету сынов; осуждает дорогостоящее и безнравственное использование шпионов для добывания сведений о том, о чем органы печати сообщали открыто и без издержек; сооружение Варшавской цитадели [15], которая сможет заменить распущенную армию; упразднение двух университетов для основания третьего, которые пришлось временно закрыть [16]. Военные суды, разбирающие политические дела, пытки, применяемые ими, чтобы вырвать признания, и мучения, на которые они осуждают,— все это возмущает чувство справедливости русских людей. Упразднение костелов, монастырей и принуждение греко-униатского духовенства к отступничеству идут в разрез с их понятиями о веротерпимости. Конфискации, несправедливые и в то же время бесполезные, оскорбляют их врожденное великодушие и национальную гордость. Они задают себе вопрос: неужели нужда правительства столь

(c) Ман⟨ифест⟩ пол⟨ьского⟩ народа, стр. 1, § 3.

велика, что оно вынуждено заниматься мелким грабежом для пополнения своих финансов? Почему же в таком случае оно не обращается к тем, чья казна всегда открыта для нужд государства, как и кровь всегда готова пролиться для его защиты? Не располагая законным органом для выражения своих чувств, они клеймят презрением покупщиков конфискованных имений и чиновников, получающих последние в виде награды; они окружают сочувствием невинные жертвы конфискаций и стараются смягчить их страдания теми деяниями милосердия, которые скрыты от глаз света и даже от собственного их сознания.

Однако во имя беспристрастия не следует упускать из вида того, что русское правительство лишено средств, коими государства с представительным образом правления располагают для распознавания истины и направления своих действий сообразно с нею. Печать нема — как ей положено при самодержавии; иностранная же пресса, полная слепой ненависти к русским, не вызывает доверия и потому, что выражает мнения народов или правительств, покинувших поляков на произвол судьбы. В России единственными руководителями власти являются люди, либо мучимые бесцельной жаждой деятельности, либо пораженные старческим бессилием, — последние составляют Государственный Совет. Впрочем, значение респрессий не следует преувеличивать. Так как правительство действует без участия народа, сфера его нравственного воздействия по необходимости ограничена, чтобы не сказать ничтожна. Странное заблуждение — думать, что оно может уничтожить польскую национальность, тогда как само лишено национального характера; что оно может оказать влияние на польскую культуру, когда ему самому недостает просвещенности, что оно может сокрушить религию поляков, когда, нападая на принцип, недосягаемый для человеческой власти, и следуя гибельному примеру религиозных преследований, поданному польскими королями, оно показывает, что собственные его верования шатки. Варшавское восстание в защиту демократии пронеслось как буря, следы которой исчезнут в зрелых умах грядущих поколений; реакция законной власти, являющаяся, в свою очередь, лишь восстанием в пользу самодержавия, рассеется сама собою, подобно туману, не оставляющему следов.

Среди причин, препятствующих восстановлению спокойствия и господству здравых понятий, есть одна, заслуживающая быть отмеченной, ибо ее влияние выходит за пределы Царства. Когда русская армия готовилась к штурму Варшавы, несколько личностей, оказавшихся в результате восстания во главе палат, предвидевших близкую развязку драмы, увели в сторону один армейский корпус и затем отправили его в странном направлении, чтобы обеспечить себе бегство за границу (d). Это естественное проявление человеческой слабости могло бы лишь скомпрометировать их лично и предать забвению. Однако русское правительство, полагая, что выполняет дело правосудия, совершило ошибку, приказав предать их суду, приговорить заочно к смерти, конфисковать их имущество и придать делу политический характер, считая их своими противниками после их дезертирства. Наши беглецы одумались и, искусно воспользовавшись страстями правительства, снова принялись играть на страстях народа. Первой их заботой было собрать вокруг себя несколько жертв, не запятнанных участием в политических волнениях: военных, проливших кровь на полях сражений; граждан, принужденных покинуть отечество вследствие репрессий русского правительства. Опираясь на эту поддержку, они устроили в месте своего изгнания род судилища, известного под именем Польского национального комитета [18]. Этот комитет присваивает себе право

(d) Ромарино 20 тысяч чел⟨овек⟩ [17].

и власть последнего Сейма, объявляет себя продолжателем его дела, издает манифесты от имени польского народа, составляет пасквили и распространяет их в Польше, посылает эмиссаров в Царство и покоренные провинции соседних государств *, чтобы разжечь или распространить там дух восстания. Несмотря на странную аномалию — национальная власть вне пределов нации,— польский комитет действует успешно и опять-таки в русском правительстве находит опору, пособника, часто слепое орудие своей воли. Правительство запрещает распространение изданий, которые без этой меры не читали бы; предает эмиссаров военным судам, которые их вешают и расстреливают**; преследует, лишает имущества и ссылает в Сибирь добрых горожан и крестьян, дающих приют эмиссарам и прислушивающихся к их басням. Этого-то как раз и хотят политические воротилы Польского комитета. Они прекрасно знают, что Царство ничего не может, а отторгнутые провинции ничего не хотят. Единственная их цель — возбуждать умы, вызывая меры строгости, и разжигать семейные раздоры в угоду западным державам, скорее враждебным, чем равнодушным к славянским народам, объединения которых они страшатся.

С этой целью они усиленно подчеркивают раздел Польши, изолируя его от причин, сделавших его столь легким, и приписывая его исключительному влиянию России. Но Австрия и Пруссия приняли в нем такое же, если не большее, участие. Проект первого раздела вышел из Венского кабинета, чем объясняется почти двойная доля, полученная им при разделе (e) [19]. Россия же только присоединилась к этому проекту, чтобы он не был осуществлен без нее, в ущерб как полякам, так и русским. Второй раздел был вызван прусским правительством с целью приобретения Данцига и Торна. В то время, как Россия была занята войной с Турцией, Пруссия сумела поднять новые волнения в Польше и поставить республику в положение страны, не выполняющей свои обязательства по отношению к соседям, обязав ее по союзному договору увеличить численность своей армии и изменить свою политическую организацию, в нарушение трактата 1775 года (f). Как только была обнародована конституция 91 года [20], Пруссия поспешила ее отвергнуть, расторгнуть свой союзный договор с республикой, завладеть Торном и Данцигом и заключить новый союз с русским правительством, чтобы прикрыть ограбление императорской мантией (g). Наконец, третий и последний раздел явился следствием восстания, которое, нарушая общественный договор, узаконяет все по праву войны [21].

Впрочем, эти печальные события доказывают лишь успехи самодержавной революции, но отнюдь не определяют взаимоотношения обоих народов. Никогда русские не помышляли о покорении своих братьев; никогда не претендовали на социальное или политическое превосходство над ними. Они предлагают им не благодеяние покровительства, но стремятся лишь к объединению воли и усилий, направленных к общей цели. Это желание было высказано естественными представителями русского народа, которых власть под влиянием духа партии казнила рукой палача или рассеяла в изгнании... Верные своей высокой миссии, они предсказали полякам, что их изолирован-

---

* Во французском автографе ПД — «и его бывшие провинции».

** Во французском автографе ПД далее было «делая их тем самым мучениками свободы в глазах черни».

(e) 1772: население: Россия: Пруссия: Австрия: Территория тоже: (цифры Луниным не вставлены; это примечание есть только в автографе ПД).

(f) Договор Пруссии с Польской Республикой от 29 марта 1790.

(g) Договор Пруссии с Россией от 12 января 1793.

ные попытки всегда будут бесплодными; что их надежда на помощь западных государств всегда останется призрачной; что единственная надежда на успех заключается для них в союзном договоре с русскими (h).

Нет ни гор, ни рек, ни иных географических признаков, которые могли бы служить естественными границами между обеими странами. Притязания, выставляемые той и другой стороной на владение одними и теми же местностями, теряются во мраке времен. Климат, плоды земли, отрасли промышленности и предметы торговли почти одинаковы. Нравы, обычаи, привычки, наклонности сходны. Оба языка, происшедшие из одного корня, понимают с одинаковой легкостью в любой из этих стран. Религиозные верования наиболее близко подходят друг к другу среди различных вероучений, распространенных в мире. Все словно призывает оба народа побрататься. Не связанные своим прошлым как другие европейские народы, они ничего не должны ломать и расчищать, прежде чем строить. Здание их вольности воздвигнется без потрясений и волнений, подобно тому Дому, в котором, пока он строился, не слышно было ни молота, ни топора, ни ударов какого-либо другого орудия. Они точно предназначены начать новую социальную эру, освободив основные начала от повсюду их заслоняющих разнородных элементов; и одухотворить политическую жизнь, вернув вольности, права и гарантии к их истинному источнику.

Приступим к рассмотрению основного вопроса, который в речах агитаторов то окружен умственными софизмами, то разукрашен фантазией. Может ли Польша пользоваться благами политического существования, сообразными ее нуждам вне зависимости от России? — Не более, чем Шотландия или Ирландия вне зависимости от Англии. Слияние этих государств произошло путем ужасающих потрясений и бесчисленных бедствий, следы которых еще не вполне изгладились. Но без этого слияния на месте трех соединенных королевств, составляющих ныне первую империю мира, находились бы лишь три враждующих между собой, слабых провинции, без торговли, без промышленности, без влияния на другие народы и доступных первому же завоевателю; такими же их показывает нам история в пору разделения. Для великих народов существуют положительные и необходимые условия, которые ничем нельзя заменить. Им прежде всего необходимо пространство, реки и море. Без этого самые остроумные политические комбинации — всего лишь пустые теории. Примените организацию Американских соединенных штатов к германским княжествам или к итальянским государствам. Что получится? Заботиться о политической мощи прежде, чем обеспечена социальная основа, значит увенчивать кровлей здание, лишенное фундамента. Если бы удался химерический проект присоединения русских губерний к Царству Польскому, дела Польши не продвинулись бы вперед. Ее мнимые друзья, как видно, не оценивают таящихся в ней задатков, могущества и действия, стремясь запереть ее на суше. Ее подлинный упадок начался с тех пор, как она лишилась устья своей реки и побережья своего моря [22]. Этой великой нации столь же необходимы влажные туманы Балтики, как ее старшей сестре — благоуханные бризы Средиземного моря. Только дружески подав друг другу руки, смогут они овладеть этими средствами взаимного влияния, которое народы оказывают друг на друга для прогресса человечества **.

(h) Пестель. Муравьев-Апостол*. Бестужев-Рюмин. Дон⟨есение⟩ Варшавского следственного комитета. 1826.

* Во французском автографе ПД «Сергей Муравьев-Апостол».

** В автографе ПД «всеобщего прогресса человечества».

Полякам следовало бы всегда помнить режим, столь долго угнетавший их под обманчивым видом республики. Никакой социальный прогресс не был возможен при политическом строе, который каждодневно наталкиваясь на liberum veto *, развивался лишь путем конфедераций и при общественных порядках, соединявших все злоупотребления феодализма без каких-либо его относительных преимуществ [23]. Административный хаос и моральная анархия, истощая жизненные силы Польши, всегда служили предвестниками ее распада. Один из ее королей предсказал в 1661 г. на Сейме раздел ее земель, что и случилось через 110 лет (i). Иметь это в виду необходимо для полного понимания нынешнего положения страны и оценки преимуществ, какие она может извлечь из политического союза с Россией. У поляков есть теперь гражданские законы, содержащие, несмотря на их несовершенство, почти все те элементы демократии, которые Франция завоевала ценой кровавой революции, и свободные от помех и традиционных предрассудков, загромождающих законодательство Англии. У них есть положительная гарантия целостности их территории и уверенность в постепенном ее расширении, благодаря основному принципу русских — сохранять и объединять — и всем средствам, имеющимся у них для проведения этого принципа в жизнь. Они участвуют в тех выгодах, какие предоставляют развитию торговли и промышленности устья Днепра, Буга и Днестра, выходы к Балтийскому и Черному морям, а также азиатский материк. Они ограждены от иностранного вмешательства в их внутренние дела, которое во все времена было для них столь гибельно, но которое впредь не выйдет за пределы пустых речей против растущей мощи двух объединенных народов. Наконец, они в состоянии взять в свои руки инициативу общественного движения, которое должно связать воедино славянские племена, рассеянные по Европе, и содействовать духовной революции, той, что должна предшествовать всякому изменению в политическом строе, чтобы сделать его выгодным **.

Народы и правительства не так легко сходят с ложных путей, куда завлекают их интересы партии или собственные страсти. Впереди еще неравная борьба, пагубные действия и бесполезные жертвы. Меч насилия и меч правосудия будут снова обнажены в угоду заблуждениям и предрассудкам. Но это зло, неизбежное как искупление и полезное как урок обеим сторонам, будет лишь временной преградой к победе принципов, вытекающих из природы вещей, и к торжеству истины, заключающейся в единении...

Мы полагаем, что, сказав непритворную и беспощадную правду, выполним долг признательности перед народом, оказавшим нам гостеприимство в бурное время нашей политической деятельности. Мы вели те же речи при дворе его короля и в салонах его вельмож; но нас не поняли [25]. Мы надеемся, что будем лучше поняты в более скромных жилищах, где часто находили пристанище после утомления и опасностей охоты; где в картинах домашнего счастья и семейных добродетелей мы увидели источник добродетелей гражданских, украшающих польский характер, и залог прекрасного будущего, предназначенного этому народу, когда он будет действовать в согласии с естественным своим союзником.

---

* Свободный запрет (*лат.*).
(i) Ян-Казимир [24].
** В рукописи ПД — «прочным и выгодным».

⟨ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В НЫНЕШНЕЕ ЦАРСТВОВАНИЕ⟩

DU MOUVEMENT SOCIAL EN RUSSIE SOUS LE REGNE ACTUEL

1840

Les quinze années du règne actuel forment une période suffisante en durée et assez riche en événements, pour définir l'influence qu'elle doit avoir sur les déstinées de la Nation. La Russie a fait de grands sacrifices dans l'espace de ce temps et elle a éprouvé des calamités qui * rappellent les époques ténébreuses de son histoire. Ces faits, importants par eux-mêmes, méritent surtont de fixer notre attention, par leur simultanéité avec la révélation de nouveaux principes au milieu de l'ancien ordre de choses.

Presque tous les avènements au trône de Russie depuis Pierre I ont été marqués par des révolutions du palais, accomplis dans l'ombre au profit des interêts individuels. Celui de l'Empereur Nicolas au contraire fut signalé par un événement qui porte le caractère d'une protestation publique, contre l'arbitraire avec le quel on dispose du sort de l'Etat par des testaments secrets et des abdications en cachette: contre l'inconvenancetd'imposer au peuple deux serments consécutifs et contradictoires: contre l'ac e de traiter la Nation comme une propriété de famille. L'insurrection du 26/14 Décembre, comme fait est peu conséquente: mais comme principe elle est d'une haute importance. C'est la première manifestation officielle du voeu national en faveur du système representatif, et des idées constitutionnelles répandues par la Société occulte de Russie. Le Gouvernement influencé par le parti des absolutistes qui depuis longtemps chérchaient à perdre cette Société, profita de l'occasion pour arrêter la majorité de ses membres: ceux qui avaient participé au 26/14 Décembre, comme ceux qui n'y ont eu aucune part, afin d'envelopper les uns et les autres dans la même proscription. Voulant les combattre avec les mêmes armes dont ils s'étaient servi pendant près de dix ans, le Gouvernement proclama: que leur jugement serait public, que chacun d'eux serait ouï dans sa cause, et que tous les moyens de défense compatibles avec les loix existantes leur seraient accordés. Mais on s'aperçut bientôt qu'on avait promis plus qu'on ne pouvait tenir. Cette publicité et ces garanties dans la procédure judiciaire, étaient à la fois contraires aux institutions de l'époque et incompatibles avec les interêts de l' Autocratie dans une affaire de cette nature. Les prévenus furent donc détenus au secret, quelques uns chargés de fers en contravention de loix existantes; une Commission secrète fut chargée d'instruire leur procès et autorisée d'employer la torture pour arracher des aveux; une Haute Cour criminelle depêcha leur jugement à huis — clos, dans l'espace d'un mois, sans les interroger, et ne les fesant comparaître que pour

---

* Далее текст выскоблен, четыре строки вписаны мелким почерком.

leur lire la sentence de mort, de l'exil, des travaux de force et d'autres peines adjugées par cétegories. Leur éxecution même s'accomplit furtivement, à la faveur des ténèbres, à l'insu de la population de la Capitale qu'on avait trompé sur l'heure et le lieu, et sous la protection d'une force * armée réunie à l'improviste. De cette manière on réussit à tout cacher, en se bornant à imprimer le Rapport de la Commission secrète, qui manque du témoignage nécessaire pour la vérité, et porte l'empreinte des ténèbres où il a été rédigé (a).

Il était nécessaire de ramener l'attention vers ce coup d'Etat, parce qu'il sert de point de départ à une série d'événements plus ou moins graves, qui forment le fond du tableau que nous allons dérouler. Il exerce une influence mystérieuse sur l'ensemble de ce règne, dont il a déterminé le caractère et tracé d'avance la direction. La guerre de Turquie fut déclarée sous le prétexte d'une offense au pavillon Russe, et en effet dans la vue de prêter au nouveau Pouvoir l'appui d'un succès militaire. Les deux campagnes de cette guerre, dont la première fut dirigée par l'Empereur en personne, se résument dans les faits suivants. En 1828, l'assaut manqué à Brahiloff et la reddition de cette place; le blocus de Choumla par l'armée en masse, levé à la suite d'un échec partiel à Eski—Stamboul; la déroute de deux Régiments de la garde Impériale, avec perte des drapeaux et des canons sous Warna; la prise de cette forteresse au bout de trois mois de siège **. Le siège de Silestrie levé à la suite d'un bombardement infructueux. En 1829, le combat de Koulevtcha, suivi d'un mois d'inaction ***: les rencontres d'Aïdos et de Sélimna et la marche sur Adrionople qui fut occupé sans résistance: enfin la prise de Silestrie après *trente jours* de tranchée ouverte. Cependant la peste se déclara dans le sein de l'armée, et éclaircit ses rangs au point de la réduire à des cadres incomplets, ou plutôt à des fractions de toute arme. La cavalerie privée de ses chevaux, s'en revint à pied le harnais sur le dos; l'artillerie fut obligée d'abandonner une partie de son matériel, ou de le faire transporter par mer; l'infanterie épuisée, réduite, désorganisée par les fatigues et la maladie, n'offrit plus à son retour dans les foyers, que le triste aspect d'une infirmerie ambulante. La gloriole d'un voyage militaire aux environs de Bizance, et l'argent payé par les Turcs, ne sont qu'une faible compensation pour la perte de cette belle armée. Deux ans plus tard elle fut à peine capable de couvrir la frontière contre les partisans polonais.

Les campagnes en Perse et dans la Turquie asiatique ont été faites sous de plus heureuses auspices par l'armée du Caucase. Elles offrent de savantes combinaisons militaires, de brilliants faits d'armes et ont eu pour résultat l'acquisition des provinces d'Erivan, de Nakchivan et d'Ahaltzik. D'après le témoignage unanime du Chef, des officiers et des soldats de cette armée, trois membres de la Société occulte, aux quels le gouvernement confia des commandements militaires, ont puissamment contribué au succès de ces

---

* Далее зачеркнуто одно слово.
(a) Voyez l'Examen du Rapport de la Commission secrète. Paris, 1840.
** Далее зачеркнуто несколько слов.
*** Далее две строки текста выскоблены, текст частично зачеркнут, сверху вписан новый.

trois campagnes. L'un d'eux tomba mort dans les rangs, après avoir accompli des prodiges de valeur à la tête de son détachement (b).

Vers cette époque une calamité inconnue jusqu' alors, le cholera, se répandit dans l'empire et exerça ses ravages pendant trois ans sur la masse de la population. Les mesures sanitaires que le gouvernement prit dans l'origine pour s'opposer à ce mal, ne servirent qu'à l'augmenter ou à créer des maux également graves en interrompant les communications. On fut obligé de renvoyer du service le Ministre de l'intérieur, au quel le soin de ces mesures sanitaires fut confié, à cause du zèle irréfléchi et de la pernicieuse activité qu'il déploya dans sa mission (c). Dans le courant de ces ravages des révoltes partielles éclatèrent sur divers points: à Stara—Rousse, à Sewastople et à S[t]Petersbourg. Partout le sang fut répandu par la populace et les cours martiales.

L'insurrection Warsovienne remplaça les révoltes de l'intérieur. Toutes les forces de l'Empire furent dirigées en Pologne, pour réduire une province, qu'on avait érigé en Royaume. Mais les chances de la résistance furent du moins * pour un temps rétablies en faveur de cette province par l'incapacité absolue du Chef placé à la tête de notre armée. Il trouva moyen de traîner pendant quatre mois, une guerre qui pouvait se terminer en trois semaines: et de consumer le tiers de l'armée par des marches inutiles, des échecs humiliants, des combats sans but et des batailles défensives (d). Le gouvernement fut enfin obligé de retirer le commandement à ce chef, que la Société occulte lui avait signalé comme incapable, et qui pour cette raison avait pris une part active dans sa dissolution (e). Son successeur, désigné par l'opinion publique, après avoir réorganisé l'armée passa la Vistule et termina la guerre par un seul coup. Les pertes de notre armée, nouvellement recrutée, furent pour la seconde fois immenses: mais ce n'est pas la mort seule de nos compatriotes, que nous avons à déplorer dans cette malheureuse guerre. Le glaive a été tiré contre un peuple de la même origine, abusé par de fallacieuses promesses sous le règne précédent; et des frères se sont entre-égorgés sur les champs de bataille: La lutte avec les armes à la main a cessé: mais une guerre d'oppression et de chicanes, également désavantageuse au Pouvoir qui la fait et à la Nation au nom de la quelle elle se fait, continue au moyen des amnisties illusoires, des loix répressives, des apostasies forcées, des confiscations, des Cours martiales et des supplices de tout genre. Ces abus ne sont que l'oeuvre d'un parti parmi nous: de celui même qui s'est prononcé contre la Société occulte. Lui seul fait le mal et en profite; mais le blâme en retombe à juste titre sur nous tous, car nous sommes solidaires les uns des autres, ainsi que du Gouvernement. Celui qui tolère et encourage par un lâche silence la spoliation et le meurtre, est aussi coupable que celui qui le commet.

(b) Les généraux: Nicolas Muravieff, Nicolas Rajewsky, Jean Bourzoff.
(c) Le général Zakrewsky.
* Далее зачеркнуты два слова. Из них можно разобрать «quelque». Над зачеркнутым вписано «pour un».
(d) Voyez: les actes publiés par le gouvernement Geschichte des Polnischen Aufstandes Smitts, Berlin 1839.
(e) Le Maréchal Diebitch, auteur des premières arrestations et agent du Pouvoir à la Com⟨mission⟩ secrète dans l'affaire de la Société occulte.

Les années 1833, 34 et 40 seront marquées de deuil dans nos annales à cause de la famine presque générale dont le pays a été frappé et qui accuse quelque vice organique dans l'économie sociale. Des milliers de victimes ont péri, et périssent encore tous les jours dans les angoisses prolongées de la faim, sous le chaume, parmi la nombreuse classe des nourriciers et des défenseurs de l'Etat, sur qui les calamités publiques retombent de tout leur poids. Il y a un terme dans le mal, qui met les masses en mouvement. Dans quelques provinces de l'intérieur, les paysans voyant leurs champs noircis à l'époque de la récolte, leur bétail exterminé, leurs familles dépérissant autour d'eux, ont massacré les propriétaires, incendié leurs propres habitations, et déserté le sol qu'ils avaient inutilement arrosé de leurs sueurs. Ces excès ont été en partie provoqués par les mesures tardives, incomplètes ou erronées du Gouvernement. Il paraît qu'il n'a pas sû prévoir, ce qui est déjà arrivé en Russie, quoiqu' à une époque reculée: qu'il a négligé de remplir les magazins communaux, d'organiser des dépôts de bled intermédiaires, de réveiller l'intelligence des paysans en les fesant participer à la vie sociale et d'établir des relations plus intimes entre les diverses parties de notre vaste territoire. Si l'on nous objecte que l'argent a manqué; nous répondrons qu'un Palais de plaisance ou une salle de spectacle coûtent autant et peut-être plus qu'un chemin de commerce ou un bateau à vapeur; qu'on a dépensé des millions pour construire et orner des routes temporaires qui n'ont servi qu'à des voyages d'agrément; qu'on épuise les ressources du pays en temps de paix, pour l'entretien d'un établissement militaire colossal, qui devient tout à coup insuffisant en temps de guerre. Lorsque le mal est survenu le Gouvernement s'est borné à distribuer du bled dans quelques provinces aux mâles de la population, sans s'inquiéter des femmes et des enfants: il a autorisé l'importation des bleds, qui n'ont été d'aucune utilité aux provinces centrales, par la difficulté ou plutôt l'impossibilité du transport: il a ouvert aux propriétaires un emprunt d'argent illusoire par sa parcimonie; il a permis de continuer la fabrication des eaux-de-vie de grains, qui en épuisant les dernières ressources du pays, plongeaient dans la dépravation et l'imprévoyance les populations décimées par la famine. Enfin il a aggravé le mal en dissimulant le véritable état des choses, et en égarant l'opinion publique par de fausses espérances; car les entreprises, les secours, les sacrifices et les efforts collectifs* des particuliers en faveur des populations affamées, ont été paralysés ou détournés par ce manque de bonne foi.

De vastes incendies ont de temps à autre jeté leur blafarde lueur sur cette série de calamités publiques et privées. En 1832**, la ville de Toula a été dévorée par les flammes avec ses Eglises, ses monuments, ses ateliers d'armes et ses magazins, Dans le courant de la même année les villes de Krementchouk et d'Elisabeth-grad, ont disparu sous un monceau de cendres. En 1838, le palais Impérial a brûlé de fond en comble.

La peste s'est declarée à Odessa en 1838. L'année suivante un Corps de cinq mille hommes, accompagné de douze mille chameaux et de tout le ma-

* Далее зачеркнуто одно слово.
** Последняя цифра (2) Луниным пропущена— 1832.

tériel nécessaire fut dirigé d'Orenbourg vers les bords de la mer Caspienne, pour réprimer les brigandages des Khiwiens. Cette force était plus que suffisante pour assurer la conquête de leur pays. Mais avant d'atteindre les frontières de l'Empire, sans avoir livré de combat, ni même rencontré d'ennemi, elle fut réduite à moitié, privée de ses chameaux, égarée dans les neiges et entièrement désorganisée, par la présomption du Chef au quel elle fut confiée (f).

Cependant une guerre coûteuse, meurtrière, qui a rempli trois règnes précédents et qu'on ne peut justifier que par des considérations politiques se poursuit sans relâche dans les régions du Caucase. Malgré les forces imposantes, employées dans cette guerre depuis le commencement du règne actuel, aucun résultat positif n'a été obtenu. L'intérieur d'un vaste territoire enclavé dans les limites de l'Empire est toujours au pouvoir de quelques peuplades à demi barbares, qu'on n'a pû ni dompter par la force des armes, ni subjuguer par les moyens plus efficaces de la civilisation. Ces hordes attaquent nos postes isolés, détruisent nos troupes en détail, entrâvent les communications et étendent leurs excursions jusqu'au coeur de nos provinces limitrophes. On attribue généralement la lenteur des opérations militaires dans ces contrées à la difficulté du pays, coupé par des chaînes de montagnes et un réseau de torrents, à l'insalubrité du climat, à l'esprit belliqueux des indigènes. Mais les accidents du terrain ne sont plus considerés comme des obstacles dans le système actuel des sciences militaires: un climat qui produit la vigne, le coton, le mûrier, la garance, la cochenille, le safran et la canne à sucre, ne saurait être contraire à la vie des hommes: enfin les pauvres indigènes qu'on s'efforce de peindre sous des couleurs si noires, ne sont que de faibles hordes, divisées entre elles, privées d'alliés, ignorant l'art de la guerre, n'ayant ni places fortes, ni armées, ni canons. N'est—il pas plus naturel d'attribuer le lâche mouvement de cette guerre à la même cause, qui partout entrâve plus ou moins les succès du gouvernement? Il a été obligé de changer successivemment plusieurs Commandants en chef, à cause de leur incurie ou de leur incapacité manifeste. L'un d'eux fut privé du commandement et transféré au Sénat pour vol et concussions, qu'il a eu la faiblesse de tolérer, s'il n'en a pas profité personnellement. (g). Aucun d'eux, à l'exception du vainqueur d'Erivan, n'a mérité la confiance publique, en déployant des talents militaires ou administratifs. Les hommes manquent au gouvernement, parce que lui—même manque de principes. Remarquons que les succès partiels obtenus récemment, sont encore dûs à deux membres de la Société occulte, employés à l'armée du Caucase (h). Il est temps d'ouvrir les yeux, et d'en revenir sur des préventions injustes à l'égard de ces hommes d'avenir. Nous retrouvons la trace de leur sang sur tous les champs de bataille couronnées par la victoire: comme l'influence de leurs idées dans tous les actes rationnels de l'administration.

Le recrutement a absorbé dans le courant de ces quinze années, au delà d'un million d'hommes. Les impôts indirects ont augmenté par l'imposi-

(f) Perowsky, général gouverneur d'Orenbourg.
(g) Le général Rosen, connu par ses déroutes dans la guerre de Pologne. Voyez,
(h) Les généraux: Grabbe, Raïewsky.

tion sur les tabacs et l'émission d'un nouveau papier—monnaie. Le commerce extérieur continue à être dans les mains des étrangers. La dette nationale a dépassé un milliard de roubles, ce qui nous force de la transmettre comme un funeste héritage et une maladie héréditaire aux générations futures.

Il est évident que le bien-être social n'a pas pû se développer, sous le poids des conditions aussi calamiteuses: qu'il a dû nécessairement rétrograder durant cette période, malgré les nouvelles ressources que la Sibérie offre, en versant à grands flots son or dans la circulation; et que la Russie affaiblie par les maladies et les famines, tourmentée par les révoltes et l'insurrection, épuisée par des guerres infructueuses, appauvrie par de nouveaux impôts et accablée par une dette sans cesse croissante, se trouve sous le rapport de la prospérité matérielle, dans un état inférieur à celui où elle se trouvait sous le règne précedent. Jetons un coup d'oeil sur la situation politique et morale, pour découvrir à quel degré les soins assidus du gouvernement ont réussi à guérir ses plaies, à compenser ses pertes et à la consoler de ses maux.

A l'origine de ce règne l'affaire de la Société occulte jeta un rayon lumineux sur les véritables intérêts du pays et sur le mouvement progressif de la civilisation. L'opinion publique et les sympathies nationales ont été révelées au Pouvoir délivré un instant des conditions qui l'isolent au milieu du Peuple sous le régime de'l'Autocratie. Il a pû se convaincre, que les idées constitutionnelles ont jeté de profondes racines dans les esprits: que l'activité intellectuelle et morale se trouve déjà à l'étroit dans les formes du régime actuel; et que le voeu général des Russes consiste dans l'introduction du systéme représentatif, solennellement annoncé et promis sous le règne précédent (i). Ces indications n'ont pas été infructueuses. Le Gouvernement, tout en sévissant contre les membres de la Société occulte, lui a rendu un hommage digne de sa haute mission, en adoptant et développant quelques unes de ses idées organiques. Elle avait exigé la réunion et la publication des luix existantes, comme première condition d'ordre et de sécurité publique. Cette tâche qui n'à pàs pû s'accomplir sous les règnes précédents dans le courant de 126 années, fût achevée par les soins du gouvernement dans l'espace de huit ans. Mais la Société occulte avait en même temps en vue la classification rationnelle de ces loix, leur épuration, leur complément et leur réunion légale dans un Code, applicable aux besoins de l'Etat et en harmonie avec les progrès de la civilisation contemporaine. Cette partie essentielle de son plan a été malheureusement négligée. Les nomographes, soit par excès d'empressement à terminer leur travail, soit par défaut des lumières spéciales, se sont bornés à reproduire textuellement des documents poudreux qui encombraient les archives, entassant pêle-mêle les loix, les décrets, les ordonnances, les manifestes, les pièces diplomatiques, les réglements temporaires et même les simples circulaires.

De cette masse incohérante ils ont formé un Code de concordance, où de leur propre aveu ils n'ont suivi d'autre régle, qui celle de choisir entre deux loix contradictoires — la plus récente (k). Ce code de concordance

---

(i) Discours de S. M. l'Empercur Alexandre, à la Diète de Warsovie 1818.
(k) Précis historique sur la formation du Code des loix russes, etc. page: 106.

s'accroît annuellement de plusieurs volumes, qui réunissent les rectifications et les innovations intercallées dans les différentes parties du Code entier: la confusion et le désordre augmentent en proportion. Vous chercheriez en vain dans ce Code général l'organisation de la Chancellerie Impériale, celle du Corps des gendarmes, celle du Lombard avec les établissements qui en dépendent, ainsi que les loix secrètes et individuelles. Néanmoins la publication textuelle des loix, et de ce Code de concordance tel qu'il est, n'a pas été sans utilité. Elle a produit au grand jour ce qui était caché; elle explique et justifie beaucoup d'actes officiels, par l'impossibilité de mieux faire en se réglant d'après les loix existantes; elle constate jusqu'à évidence la nécessité absolue d'une réforme radicale dans l'ordre civil et politique; enfin elle nous invite à réunir nos efforts pour l'accomplissement légal de cette importante révolution. Il paraît que le Gouvernement a été influencé par ces considérations en publiant un Code qui peut accélérer, mais nullement régler le mouvement des affaires (l).

La réforme de l'armée a été executée en grande partie d'après le plan de Pestel. Il a proposé de ne conserver en temps de paix, que des Corps d'armée, en supprimant les établissements dispendieux des Armées et de leurs Etats—majors. Il a indiqué et démontré, la nécessité d'augmenter le chiffre des bataillons et escadrons des Regiments d'infanterie et de cavalerie, en réduisant le nombre de ces * régiments; de diminuer le terme du service militaire, et d'augmenter la paye du soldat ainsi que de l'officier: de réduire le nombre des non—combattants; d'abolir les soldats—domestiques (деньщики), d'assurer le sort des invalides et de leurs familles par un traitement convenable; d'introduire la publicité dans les opérations financières de l'armée, afin d'empêcher les vols et les dilapidations, etc. etc. etc. (m). Ces idées ont été généralement adoptées, avec des modifications plus ou moins importantes, que l'on peut considérer comme des gradations nécessaires vers l'accomplissement définitif de son plan de réforme. Nos guerriers, éclairés sur l'origine des changements dont ils éprouvent les effets salutaires, conserveront le souvenir de celui, qui après avoir partagé leurs fatigues et versé son sang sur le champ de bataille, consacra ses veilles à assurer leur bien—être et leurs succès (n).

La création de la marine militaire, l'adhésion au traité de Londres et le combat naval de Navarin qui en fût une conséquence, se rattachent au mouvement imprimé par la Société occulte en faveur de la cause des grecs et des affaires d'Orient. Ses réclamations en faveur de la liberté du commerce et de l'industrie, ont provoqué plusieurs réglements utiles concernant les associations commerciales, les brevets d'invention, l'établissement des manufactures, la propriété littéraire, les nantissements, les banques de commerce, l'arpentage des terres communes, etc. etc. etc.

(l) Remerciements périodiques aux Départements du Sénat dirigeant, pour le chiffre des procès expédiés par mois.

* Далее одно слово зачеркнуто.

(m) Organisation de la force armée, par Pestel, saisie avec d'autres écrits lors de son arrestation, et également soustraite à la connaissance du public.

(n) Pestel fut grièvement blessé à la bataille de Borodino.

A côté de ces mesures indiquées ou provoquées par la Société occulte, nous trouvons une série d'actes spontanés du gouvernement ou suggerés par le parti absolutiste qui se trouve à la tête des affaires. Il suffira d'en signaler les principaux, en les classant d'après leur nature sous les trois chefs suivants. I°. Institution de la chancellerie particulière de l'Empereur, en dehors de l'organisation générale, divisée en plusieurs sections dont l'une s'occupe des affaires secrètes. Organisation du Corps des gendarmes d'après un réglement secret, avec le but ostensible de surveiller les agents du gouvernement, d'espionner l'opinion publique et privée, et de s'immiscer dans les affaires de famille. Création du Ministère du Palais et des Apanages, qui augmente les revenus des propriétaires, en attachant les paysans à la glèbe. Etablissement du Ministère des Domaines, qui régit les paysans de la Couronne et comprend les peuples nomades. Réorganisation nominale des anciennes colonies militaires, et fondation de nouvelles sur divers points de l'Empire. Rétablissement sous une autre dénomination des citoyens notables, abolis sous le règne précédent. Mesures pour dénationaliser les habitants du Royaume de Pologne, abolissement de la Constitution et de l'armée polonaise, du Corps de Lithuanie, des bataillons du Grand Duché de Finlande, de l'Etat—major général et d'autres institutions fondées sous le règne précédent. Réunion des décorations du Royaume nominal de Pologne à celles de l'Empire, leur subdivision en plusieurs classes, et création de nouvelles marques honorifiques comme médailles, croix, bâtons, boucles, etc. etc. etc. Division de l'Empire en deux Zônes, afin d'introduire un recrutement périodique et partiel, qui n'exclut pas le recrutement constant et général.

II°. Troc de quelques milliers de paysans des Apanages, contre un nombre égal de paysans de la Couronne, situés dans des conditions plus avantageuses. Réorganisation de la Nation Tchouvache, échue aux Apanages. Suppression de deux journaux russes et de plusieurs journaux polonais, à cause de leur tendence libérale: abolissement de deux universités pour la même raison, et fondation d'une troisième qu'on a été obligé de suspendre aussitôt et de réorganiser. Translation des membres de la Société occulte des prisons de Tcheta dans les cachots de Petrowsk, et plusieurs amnisties fictives à leur égard. Titres de Comte et de Prince, biens—fonds, dons pécuniaires et majorats distribués aux agents du parti absolutiste. Abolissement de plusieurs Eglises et Couvents Catholiques, sous pretexte de leur inutilité. Restrictions concernant les voyages à l'étranger, et défense d'y élever les enfants. Edification de divers monuments, pour occuper les esprits et les détourner des idées d'avenir. Construction de trois places fortes et de deux citadelles, dont l'utilité est problématique pour la défense du pays (o).

III°. Convocation des Cours martiales pour juger les causes politiques: tortures pratiquées dans ces Cours pour extorquer les aveux: pendaisons, fusillades, exils, confiscations, et autres supplices accomplis en vertu des sentences de ces Cours. Prêtres catholiques et grecs-unis persécutés à cause de leur culte. Femmes reléguées dans les couvents et exilées en Sibérie pour délits

(o) Kieff, Brest, Ivan-gorod, cit <adelles>: Warsowie et Vilno.

politiques. Enfants enlevés aux parents, pour être élevés et stylés à l'obeissance passive dans les écoles gouvernementales. Récompenses aux parents qui trahissent la confiance de leurs enfants, en les livrant aux officiers récruteurs ou aux tribunaux dans les causes politiques.

L'ensemble des actes, dont nous venons d'indiquer une faible fraction, forme la matière de plusieurs volumes additionnels au Code des loix Russes. Mais comme ils sont tous de la même nature, il semble qu'on peut sans s'écarter de la vérité, les ranger en masse au nombre de ces mesures transitoires, qui glissent sur la surface du Corps social, sans en altérer les éléments organiques. Déjà plusieurs de ces loix ont paru, et ont été confirmées par l'autorité suprême, en forme de projets et d'essais pour un temps limité. Il serait donc superflu de les analyser en détail. Les institutions aux quelles elles ont donné naissance n'auront pas le temps de produire, ni le bien que leurs auteurs en attendent, ni le mal que leurs antagonistes en présagent: car elles seront modifiées ou abolies sous le règne subséquent, comme c'est arrivé à presque toutes les institutions des règnes précédents. Que sont devenus les chambres des notables, le Consile politique, le Conseil secret, la Chancellerie secrète, les Collèges et tant d'autres tribunaux qui ont tour à tour régi la Russie? A peine en trouve-t-on les traces dans les livres. La Chancellerie impériale, le corps des gendarmes, les nouveaux Ministères et les Cours martiales auront le même sort. Depuis que la Société occulte a introduit de nouveaux éléments dans l'économie sociale, l'autocratie n'a plus en Russie ce caractère impassible et silencieux, peremptoire et invariable qui la distingue en Autriche. Elle est au contraire inquiète et verbeuse, comme si elle avait besoin de l'opinion pour dominer: indécise et variable à l'infini dans ses formes extérieures, comme si elle pressentait son peu de durée. Parmi ses créations éphémères le Code des loix Russes survivra seul, pour constater l'ignorance de l'époque, les souffrances du Peuple et les efforts infructueux du Gouvernement.

L'état des finances se dérobe à notre investigation derrière l'epais nuage, qui l'entoure sous le Régime autocratique. Nous payons, mais nous ne savons pas ce que devient notre argent. Nous ne savons même pas au juste combien nous payons: car la vénalité des juges et les concussions des administrateurs nous enlévent autant et peut-être plus que le Gouvernement. D'ailleurs aujourd'hui nous payons tant, et demain on pourra nous faire payer le double. Ces reflexions naturelles se propagent de plus en plus parmi les masses, et influent sur leur moral en les détachant du Régime, qui n'a pas le pouvoir ou la volonté de garantir la propriété. Nous nous bornerons à remarquer: que le monopole de l'eau-de-vie, qui forme la principale branche du revenu du fisc, est un impôt à la fois onéreux et inique, parce qu'il tend à ruiner et corrompre la masse de la population; et qu'il déprave le Gouvernement lui-même, en le mettant en connivence avec les fermiers pour éluder ses propres loix; que le rapport du Rouble en argent à celui en assignat, fixé arbitrairement et déclaré invariable, est contraire aux premiers éléments de l'economie politique: que le projet de racheter les assignats et de les hypothéquer sur l'argent monnoyé, rationnel en principe, fera nécessairement varier ce taux arbitraire à mesure du rachat des assignats, et

jettera de nouveau le trouble dans les transactions sociales à moins d'effectuer le rachat en masse, ce qui paraît impraticable. Il était sans doute urgent de mettre un terme à l'agiotage des assignats, car l'argent monnaie et les assignats, ayant tous deux monté nominalement, et d'une manière différente dans chaque localité, il n'y avait plus moyen de s'entendre: mais il paraît que le Gouvernement s'est laissé * influencer par des idées fiscales et qu'il n'a pas gardé la tenue et la circonspection, qu'exigeait une opération aussi importante.

Une autre question également grave, celle de l'esclavage des paysans, reste en suspens. Plusieurs millions de nos frères, privés des droits civils, vendus en masse et en détail, traités comme des choses, n'ont trouvé jusqu'à ce jour de sympathie que dans la Société occulte. Elle seule a compris leur misère et en a calculé les conséquences: elle seule leur a tendu une main secourable au milieu de l'oubli et de l'oppression générale. Ni les propriétaires, ni le gouvernement, éclairés par elle sur l'injustice flagrante de l'esclavage et sur le danger imminent qui suit toute injustice, n'ont rien fait pour alléger le sort des paysans, et conjurer l'orage qui s'accumule sur leurs propres têtes. Quand le mal surviendra ils n'auront d'autre ressource que la force armée, comme dans l'insurrection polonaise. Mais cette force, efficace parfois contre les étrangers, pourra être vaine et futile contre les Russes. D'ailleurs c'est encore à savoir si nos soldats, quoique rompus à l'obéissance, consentent à tourner leurs bayonnettes contre leurs frères? Le rayon de lumière qui portera les paysans à réclamer leur droits légitimes, pourra de même pénétrer au sein de la force armée, et d'un instrument aveugle du Pouvoir, la transformer en allié généreux des opprimés. Il est donc urgent que le gouvernement avise aux moyens d'égaliser ses sujets devant la loi, et que les propriétaires de leur côté facilitent cet acte de justice par des concessions graduelles, afin de prévenir le mouvement des masses, rarement utile à ellesmêmes et toujours fatal à ceux qui le provoquent.

La politique extérieure forme le seul point lumineux qui repose l'esprit, fatigué de découvrir des abus ou des fautes à travers les ténèbres. L'Empereur Nicolas, évitant de s'immiscer à l'exemple de son prédécesseur dans les affaires qui ne concernent pas la Russie immediatement, a presque toujours imposé la loi dans celles qui la regardent ** de près, (p). Il a constamment suivi le principe de ne faire qu'une guerre à la fois: à l'exception de la guerre de Caucase, qui lui a été léguée et qu'il ne dépend pas de lui de suspendre ou de terminer, par les raisons que nous avons énoncé précédemment. Les traités de Londres, de Tourkmanchaï et d'Adrianople, font preuve de prudence et de modération: les relations au sujet des intérêts du Royaume de Pologne dévoilent que dans*** les questions vitales, l'intervention des Cabinets étrangers se borne à des formules diplomatiques. C'est au systême adopté par l'Empereur dans les relations extérieures, et à la tenacité de son caractère

* Далее одно слово зачеркнуто.
** Далее в рукописи выскоблено несколько строк и вместо них вписано шесть строк более мелким почерком («de près ⟨...⟩ dans les questions vitales»).
(p) Désaveu implicite de la Sainte Alliance. Abandon du traité d'Aix-la-Chapelle.
*** Конец выскобленного отрывка. Далее несколько слов зачеркнуто.

que la Russie est redevable de cette nouvelle attitude vis-à-vis des puissances européennes. Mais l'influence du parti absolutiste se fait remarquer même dans les affaires, dont le succès intéresse également tous les partis. Fidele aux préjugés gothiques de l'autocratie, il est parvenu à réprimer la sympathie nationale et à élever une nouvelle barrière entre le Souverain et son peuple, en entourant les actes diplomatiques d'un voile qui les dérobe à la connaissance du public. Ce n'est que par les journaux étrangers, que les Russes apprénnent à connaître les conditions des traités conclus en leur nom. Ce n'est que d'après l'arrivée ou le départ des Ambassadeurs, qu'ils peuvent soupçonner la nature et le résultat des négociations, qui intèressent tout le pays. Un instinct naturel porte ce parti à cacher même les choses, qui gagneraient à être connus: de crainte de dévoiler celles, qu'il lui importe de cacher.

L'état moral de la Nation a dû nécessairement se ressentir du mouvement rétrograde, que ce parti est parvenu à imprimer aux affaires . L'esprit public, arrêté dans son développement par l'action pondérante de la force matérielle s'est replié sur lui-même, pour vérifier de nouveau des principes qui ont provoqué une si forte opposition et pour découvrir les véritables motifs de leurs adversaires. Ce travail intellectuel ne sera pas infructueux, mais il consumera beaucoup de temps, et pourra allumer des passions dont les écarts compromettent les plus belles causes. Cependant les vices de l'organisation politique se refléchissent dans les moeurs, les usages, les inclinations et les habitudes. L'esclavage sanctionné par les loix est une source féconde d'immoralité pour toutes les classes de la population; l'absence de la publicité encourage et développe sous diverses formes les désordres qui en découlent, en leur assurant une garantie d'impunité; enfin la confusion des pouvoirs fausse les esprits, en troublant les loix de l'ordre moral qui doivent régler la famille ainsi que la Société. Tous les remédes appliqués au corps social, qui n'agiront pas directement à écarter ces principales causes d'insanité, ne seront qu'un vain empirisme, plutôt propre à aggraver le mal en le dissimulant, qu'à le traiter radicalement. L'éducation de la nouvelle génération a été généralement négligée: la jeunesse se livre à ses penchants individuels, faute d'un but assez grand pour que l'homme puisse y consacrer son existence. Aucune production littéraire ou scientifique de quelque importance, n'a paru durant cette période. La poésie a suspendu sa lyre aux saules de Babylone: les écrits périodiques n'expriment que le mensonge, ou une flatterie également pernicieuse au Pouvoir qui les tolére. Le Ministère de l'instruction publique, perdant de vue son véritable but qui consiste dans la diffusion des connaissances positives, cherche à nationaliser la Nation, à soutenir des doctrines qui n'ont pas besoin de l'appui humain, et à transformer les Sciences mêmes en piliers de l'autocratie. De là l'ignorance, qui forme le trait distinctif de l'époque actuelle. Du reste rien n'a changé. Le même silence dans le Conseil d'Etat; la même vénalité dans le Sénat dirigeant; la même idolâtrie dans le Synode. Le Peuple et le Gouvernement souffrent également, parce qu'on a écarté le Pouvoir moral, qui seul pouvait leur servir d'intermédiaire, pour s'entendre et se concerter sur leurs interêts réciproques.

Si du fond des solitudes sibériennes, nos exilés pouvaient élever la voix, ils seraient en droit de dire aux meneurs du parti dominant: «qu'avez vous

fait pour le bien de la Nation, dans l'espace de ces quinze années? Vous vous êtes engagés de continuer le règne précédent, sous le quel l'émancipation des paysans fût commencée, une Constitution octroyée aux Polonais, et la promesse du système Representatif solennellement donnée aux Russes: les paysans ne sont pas émancipés, les Polonais sont privés de leur Constitution, et les Russes frustrés de leur plus chère espérance. Vous vous êtes engagés d'accueillir et de développer toutes les idées d'amélioration qui seraient légalement émises: mais vous avez rendu leur expression impossible, en entourant la liberté de la presse de nouvelles restrictions, en entrâvant les relations avec l'Europe, et en paralysant l'action des éléments civilisateurs par l'influence des systèmes rétrogrades. Nous avons professé le culte de la Loi; vous professez le culte de l'individu, en déposant dans les Eglises les vêtements des Souverains, comme des reliques d'un nouveau genre. Vous avez pris sur vous de purger la Russie de la contagion des idées libérales; et vous l'avez plongé dans les excès de l'intempérence, les vices de l'espionnage et les ténèbres de l'ignorance. Vous avez éteint par la main du bourreau des intelligences qui éclairaient et guidaient les progrès du mouvement social; et qu'avez vous mis à leur place? Nous vous citons à votre tour au tribunal des contemporains et de la postérité: répondez!»

Les calamités publiques sont des avertissements que la Providence donne aux rois et aux peuples, pour les éclairer sur leurs devoirs réciproques. Celles que la Russie a éprouvé et souffre encor⟨e⟩, ne seront pas vaines et infructueuses. Il faut espérer que les dernières années de ce règne, qui d'après l'ordre naturel des choses a accompli la majeure partie de son cours, seront marquées par un retour franc et sincère vers les principes organiques que le mouvement progressif de la Nation exige impérieusement, et qu'on ne saurait remplacer par les mots et les formes. Une garantie morale de cet heureux changement se trouve dans les vertus éminentes du Monarque, et dans son zèle ardent pour le bonheur de ses sujets. Celui qui a pû renoncer au trône, par égard au droit de primogéniture, saura sans doute renoncer aux intérêts d'un parti, par égard au bien général. Mais d'une autre part le concours légal des hommes, revêtus de l'autorité intellectuelle, est également nécessaire pour atteindre ce but. Ils doivent exprimer les besoins et les désirs des masses, dont ils dirigent les pensées; car ces masses n'ont pas d'autre organe pour réclamer la justice qu'on leur doit: ils doivent porter au pied du trône la vérité, qui ne saurait y parvenir par la bouche des espions et des courtisans qui l'entourent: ils doivent accomplir ce sacerdoce intellectuel au péril de leurs jours, à l'exemple de leurs prédécesseurs dans la carrière politique.

Перевод:

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В НЫНЕШНЕЕ ЦАРСТВОВАНИЕ
1840

15 лет нынешнего царствования составляют период, достаточно долгий и богатый событиями, чтобы определить влияние, которое он должен иметь на судьбы нации. Россия принесла за это время большие жертвы, испытала бедствия, напоминающие темные эпохи ее истории. Эти события, и сами по себе важные, заслуживают нашего особенного внимания, ибо совершались одновременно с появлением новых принципов среди старого порядка вещей.

Почти все восшествия на российский престол, начиная с Петра I, отмечены дворцовыми переворотами, совершенными во мраке и в интересах отдельных лиц [1]. Воцарение императора Николая, напротив, ознаменовалось событием, носящим характер публичного протеста против произвола, когда судьбой государства распоряжаются посредством завещаний по секрету и отречений втихомолку; против неподобающего навязывания народу двух присяг — последовательных и противоречивых; против обращения с нацией как с семейной собственностью [2]. Восстание 26/14 декабря, как факт мало значительно, но как принцип — в высшей степени важно. То было первое открытое выражение народной воли в пользу представительной системы и конституционных идей, распространенных русским Тайным обществом. Правительство под влиянием самодержавно-монархической партии, давно домогавшейся уничтожения этого общества, воспользовалось случаем для ареста большинства его членов, как участвовавших в восстании 26/14 декабря, так и вовсе не участвовавших в нем, чтобы равно подвергнуть тех и других изгнанию. Желая бороться с ними тем же оружием, каким они пользовались около десяти лет, правительство объявило, что суд над ними будет публичным, что каждый будет выслушан по поводу своего дела и что им будут предоставлены все способы защиты, допускаемые существующими законами. Но вскоре увидели, что обещали больше, нежели могли выполнить. Эта гласность и эти гарантии судебной процедуры противоречили учреждениям той эпохи и были несовместимы с интересами самодержавия в подобном деле. Подсудимые содержались в одиночном заключении, некоторые, в противоречии с законом, в кандалах. Следствие было поручено Тайной комиссии, которой разрешили применять пытку, чтобы вырвать признания [3]. Верховный уголовный суд вынес приговоры поспешно, за месяц, при закрытых дверях, не допрашивая привлеченных и вызывая их лишь для объявления им смертного приговора, ссылки, каторжных работ и других наказаний, присужденных по разрядам. Даже казнь их была совершена втихомолку, под покровом ночи, без ведома жителей столицы, обманутых относительно времени и места, и под защитой спешно вызванной воинской силы. Таким образом удалось все скрыть и ограничиться опубликованием Донесения Тайной комиссии, лишенного свидетельств, необходимых для установления истины, и носящего следы тех потемок, в которых оно составлялось (а).

Необходимо было обратить внимание на этот государственный переворот [5], ибо он послужил исходным пунктом для целого ряда более или менее важных событий, составляющих фон картины, которую мы развернем. Он оказывает таинственное влия-

(а) См. Разбор Донесения Тайной комиссии. Париж, 1840 [4].

ние на все царствование, определив его характер и заранее наметив направление. Турецкая война была объявлена под предлогом оскорбления русского флага, в действительности же для подкрепления новой власти престижем военных успехов [6]. Обе кампании этой войны, из коих первая велась под руководством самого императора, сводятся к следующим фактам. В 1828 г. неудачный штурм Браилова и сдача его; блокада Шумлы всей армией, снятая вследствие частичного поражения в Эски-Стамбуле; разгром двух полков императорской гвардии под Варной с потерей знамен и пушек; взятие этой крепости после *трехмесячной* осады; снятая после безрезультатной бомбардировки Силистрии [7]. В 1829 г. сражение при Кулевче, затем *месяц* бездействия; столкновения при Айдосе и Селимне и поход на Андрианополь, занятый без сопротивления; наконец, взятие Силистрии после *тридцатидневного* сидения в открытых траншеях [8]. Между тем в армии объявилась чума и настолько разредила ряды, что армия теперь представляла собою отдельные неукомплектованные части, вернее — остатки войск, всякого рода оружия. Кавалерия, лишенная своих лошадей, вернулась пешком со сбруей на плечах; артиллерии пришлось бросить часть своего снаряжения, либо переправить его морем; пехота, изнуренная, поредевшая, дезорганизованная усталостью и болезнью, являла по возвращении домой грустное зрелище передвижного госпиталя. Тщеславное удовольствие от военной прогулки в окрестности Византии и деньги, уплаченные турками, являются лишь слабым вознаграждением за потерю этой славной армии [9]. Спустя два года она была едва способна защитить границу от польских партизан [10].

Походы в Персию и азиатскую Турцию были проделаны Кавказской армией в более благоприятных условиях. Эти походы отмечены мастерскими комбинациями, блестящими военными подвигами, и результатом их было приобретение областей Эриванской, Нахичеванской и Ахалцыхской [11]. По единодушному свидетельству главнокомандующего, офицеров и солдат этой армии, три члена Тайного общества, которым правительство доверило военное командование, весьма содействовали успеху этих трех кампаний. Один из них умер в строю, совершив чудеса храбрости во главе своего отряда (b) [12].

К этому времени неизвестное дотоле бедствие — холера — распространилось по империи и производило в течение трех лет опустошения среди населения. Санитарные меры, вначале принятые правительством для пресечения бедствия, послужили лишь к ухудшению дела, а прерывая сообщение, творили зло не менее серьезное. Министра внутренних дел, которому была поручена забота об этих санитарных мерах, пришлось сместить за проявленное им на этом поприще безрассудное рвение и вредную деятельность (c) [13].

Во время эпидемии вспыхнули бунты в разных местах: в Старой Руссе, в Севастополе и в Санкт-Петербурге [14]. Всюду проливалась кровь и чернью, и военными судами.

Внутренние бунты сменились Варшавским восстанием. Все силы империи были направлены в Польшу, чтоб усмирить эту провинцию, обращенную в Царство. Однако полная неспособность командующего, поставленного во главе нашей армии, увеличила, по крайней мере на время, шансы этого края на сопротивление. Он сумел затянуть на четыре месяца войну, которая могла быть окончена в три недели, и истребить треть ар-

---

(b) Генералы Николай Муравьев, Николай Раевский, Иван Бурцов.
(c) Генерал Закревский.

мии бесполезными походами, унизительными поражениями, бесцельными битвами и оборонительными боями (d).

Правительство вынуждено было наконец сместить этого главнокомандующего, на неспособность которого указывало Тайное общество и который именно поэтому принял деятельное участие в его разгроме (e). Его преемник, выдвинутый общественным мнением, преобразовав армию, перешел Вислу и закончил войну одним ударом [15]. Потери нашей заново набранной армии еще раз были громадны. Но не одну лишь смерть соотечественников надлежит нам оплакивать в несчастной этой войне. Меч был поднят против родственного народа, введенного в заблуждение обманчивыми обещаниями в предшествующее царствование; и братья истребляли друг друга на полях сражений. Борьба с оружием в руках прекратилась; но война притеснений и обид, равно невыгодная ведущему ее правительству и нации, от имени которой она ведется, продолжается в виде призрачных амнистий, суровых законов, принудительного вероотступничества, конфискаций, военных судов и всякого рода пыток. Злоупотребления эти — дело рук лишь одной партии, именно той, что высказалась против Тайного общества. Она одна творит зло и извлекает из него выгоду; но позор справедливо падает на нас всех, ибо мы отвечаем как друг за друга, так и за правительство. Тот, кто терпит и подлым своим молчанием поощряет грабеж и убийство, столь же виновен, как и тот, кто совершает их.

Годы 1833, 34 и 40 будут отмечены трауром в наших летописях из-за почти повсеместного голода, поразившего страну и обличающего некий коренной порок в общественном хозяйстве. В длительных мучениях голода в своих лачугах погибли и гибнут ежедневно тысячи кормильцев и защитников государства, на которых бедствия народные падают всею своей тяжестью. Во всяком бедствии есть предел, который приводит народ в движение. В нескольких внутренних губерниях крестьяне при виде полей, выжженных ко времени жатвы, павшего скота и гибнущих семейств, убили помещиков, подожгли свои собственные жилища и покинули землю, которую напрасно поливали своим потом. Эти беспорядки были отчасти следствием запоздалых, недостаточных или ошибочных мер правительства. Оно явно не сумело предвидеть того, что уже случалось в России, хотя и очень давно; не позаботилось наполнить общественные магазины, устроить промежуточные склады зерна, пробудить разум крестьян, приобщая их к общественной жизни, и установить более тесные связи между различными частями нашей обширной страны. Если нам возразят, что на это не хватило денег, мы ответим, что увеселительный дворец или театральная зала стоят столько же, а быть может и больше, чем торговый путь или пароход; что миллионы растрачены на постройку и украшение временных дорог, служивших лишь для приятных прогулок; что средства страны истощаются в мирное время содержанием огромной военной машины, которая вдруг оказывается недостаточной во время войны. Когда разразилось бедствие, правительство ограничилось в некоторых губерниях раздачей хлеба мужской части населения, не заботясь о женщинах и детях; разрешило ввоз зерна, совершенно бесполезный для внутренних губерний из-за трудности, а вернее невозможности его доставки; выдало помещикам денежную ссуду, призрачную ввиду ее ничтожности; разрешило продолжать изготовление из зерна водки, которая, истощая последние запасы в стране, ввер-

(d) См. акты, опубликованные правительством. Geschichte des polnischen Aufstandes Smitts. Berlin, 1839.

(e) Фельдмаршал Дибич, виновник первых арестов и представитель правительства в Тайной комиссии по делу Тайного общества.

гает в разврат население, истребляемое голодом. Наконец, оно усугубило бедствие, скрывая истинное положение вещей и обманывая общественное мнение ложными надеждами; ибо помощь, пожертвования и совместные усилия частных лиц в пользу голодающих были парализованы или отвлечены на другое в результате этой недобросовестности [16].

Время от времени большие пожары зловеще озаряли эту вереницу бедствий, общественных и частных. В 1832 г. огонь уничтожил Тулу с ее церквами, памятниками, оружейными заводами и складами. В том же году города Кременчуг и Елисаветград исчезли под грудами пепла. В 1838 г. сгорел дотла царский дворец [17].

Чума объявилась в Одессе в 1838 г. В следующем году отряд в пять тысяч человек с двенадцатью тысячами верблюдов и всем необходимым снаряжением был отправлен из Оренбурга к берегам Каспийского моря, чтобы положить конец разбоям хивинцев. Силы этой было более чем достаточно для покорения их страны. Однако, не достигнув еще границ империи, без боя и даже без встречи с противником, армия потеряла половину своего состава, лишилась верблюдов, заблудилась в снегах и совершенно развалилась из-за самонадеянности командира, коему была вверена (f) [18].

Тем временем разорительная, убийственная война, заполнившая три предыдущих царствования, оправдать которую можно лишь политическими соображениями, все еще длится на Кавказе [19]. Несмотря на значительные силы, брошенные в эту войну с начала нынешнего царствования, никакого положительного результата нет. Внутренняя часть обширной территории, вдающейся в пределы империи, по-прежнему находится во власти нескольких полудиких народцев которых не смогли победить силой оружия, ни покорить более действенными средствами цивилизации. Эти орды нападают на наши одинокие посты истребляют наши войска по частям затрудняют сообщение и совершают набеги в глубь наших пограничных провинций. Медленность военных операций в этих краях приписывают обычно трудностям местности, изрезанной горными цепями и сетью бурных потоков, нездоровому климату и воинственному нраву туземцев. Однако современная военная наука не считает более препятствиями неровности почвы; климат, в котором произрастает виноград, хлопок, шелковица, марена, кошениль, шафран и сахарный тростник, не может быть вреден для человека; и, наконец, бедные туземцы, которых стараются изобразить в столь мрачных красках, это всего лишь слабые, разрозненные орды, лишенные союзников, невежественные в военном искусстве, не обладающие ни крепостями, ни армией, ни пушками. Не естественнее ли приписать вялый ход войны причине, какая повсюду в той или иной мере тормозит успехи правительства? Ему пришлось сменить подряд нескольких главнокомандующих за их небрежность или явную неспособность. Один из них был лишен командования и переведен в Сенат за кражи и взятки, которые имел слабость допускать, если и не пользовался ими лично (g) [20].

Никто из них, исключая победителя Эривани [21], не заслужил общественного доверия своими военными или административными талантами. Правительству недостает людей, потому что ему самому недостает принципов. Отметим, что частичными успехами, достигнутыми недавно, оно опять-таки обязано двум членам Тайного общества, служащим в Кавказской армии (h) [22]. Пора прозреть и отказаться от несправедливых пред

(f) Перовский, генерал-губернатор Оренбурга.
(g) Генерал Розен, известный своими поражениями в войне с Польшей. См.: [20].
(h) Генералы Граббе, Раевский [22].

убеждений — против этих людей будущего. Как все поля выигранных сражений обагрены их кровью, так и во всех разумных действиях власти мы находим влияние их идей.

Рекрутчина поглотила за эти пятнадцать лет более миллиона человек. Косвенные налоги возросли вследствие обложения табака и выпуска новых бумажных денег. Внешняя торговля все еще находится в руках иностранцев. Государственный долг превышает миллиард рублей, вынуждает нас передать его будущим поколениям как печальное наследие и наследственный недуг [23].

Ясно, что общественное благоденствие не могло развиться под тяжестью столь бедственных условий; что в течение этого периода оно неизбежно должно было падать, несмотря на новые ресурсы, какие предоставляет Сибирь, широким потоком вливающая в оборот свое золото; и что Россия, ослабленная болезнями и голодом, измученная бунтами и восстанием, изнуренная бесплодными войнами, обнищавшая вследствие новых налогов и придавленная непрерывно возрастающим долгом в смысле благополучия материального, находится в худшем положении, чем в предшествующее царствование. Бросим взгляд на политическое и нравственное состояние России, чтобы выяснить, насколько усердным заботам правительства удалось залечить ее раны, возместить ее потери и утешить ее в горестях.

В начале нынешнего царствования дело Тайного общества бросило яркий луч на истинные нужды страны и на успехи цивилизации. Освободясь на миг от условий, которые изолируют их от народа, власти увидели, на чьей стороне общественное мнение и народное сочувствие. Они смогли убедиться, что конституционные идеи глубоко укоренились в умах; что умственной и нравственной деятельности уже тесно в рамках нынешнего режима; и что общим желанием русских является введение представительной системы, торжественно возвещенной и обещанной в предыдущее царствование (i). Эти указания не остались безрезультатными. Правительство, свирепствуя против членов Тайного общества, вместе с тем отдало ему достойную дань, усвоив и развив некоторые из его основных идей. Тайное общество требовало собрания и опубликования существующих законов как первого условия порядка и общественной безопасности. Эта задача, которую в предыдущее царствование не удалось решить за 126 лет, была выполнена благодаря заботам правительства за восемь лет [24]. Но Тайное общество имело также в виду разумную классификацию этих законов, их очищение, дополнение и объединение в кодекс, отвечающий нуждам государства и соответствующий успехам современной цивилизации. Этой существеннейшей чертой его плана, к несчастью, пренебрегли. Составители свода законов, то ли торопясь закончить свою работу, то ли по недостатку специальных сведений, ограничились текстуальным воспроизведением запыленных документов, загромождавших архивы, и свалили в одну кучу законы, декреты, приказы, манифесты, дипломатические акты, временные распоряжения и даже простые циркуляры.

Из этой несвязной массы они составили свод законов, где, по их же признанию, не придерживались иного правила, кроме выбора из двух противоречивых законов более позднего (k) [25]. Свод этот ежегодно увеличивается на несколько томов, объединяющих поправки и нововведения, вставленные в различные его части; соответственно с этим возрастают путаница и беспорядок. Напрасно было бы искать в этом общем Своде положение об императорской канцелярии, о корпусе жандармов, о ломбарде и за-

(i) Речь е. в. императора Александра в Варшавском сейме, в 1818 году.
(k) Историческое обозрение составления свода русских законов, и т. д., с. 106.

висящих от него учреждениях, а также отдельные секретные и частные предписания. Однако опубликование текста законов и всего Свода даже и в таком виде принесло свою пользу. Оно вывело на свет то, что было скрыто; оно объясняет и оправдывает многие официальные акты невозможностью улучшить их при нынешних законах; оно с очевидностью показывает безусловную необходимость радикальной реформы гражданского и политического порядка; и, наконец оно предлагает нам объединить наши усилия для законного осуществления этих важных перемен. По-видимому, эти соображения повлияли на правительство при опубликовании Свода, способного ускорить, но ничуть не упорядочить ход событий (l).

Реформа армии была произведена, главным образом, согласно плану Пестеля. Он предлагал содержать в мирное время только корпуса войск, уничтожив дорогостоящие учреждения армии и их главных штабов. Он указал и доказал необходимость увеличить число батальонов и эскадронов в пехотных и кавалерийских полках, уменьшив число самих полков; сократить срок военной службы и увеличить жалованье солдатам и офицерам; сократить число нестроевых; отменить домашнюю прислугу из солдат (деньщики) *; обеспечить инвалидов и их семьи приличным содержанием; ввести публичную отчетность в финансовые операции армии, дабы воспрепятствовать краже и хищениям и т. п. и т. п. [26] (m).

Эти идеи были в общем приняты с более или менее значительными изменениями, которые можно рассматривать как необходимый переход к полному осуществлению его плана реформ. Наши воины, узнав о происхождении перемен, коих благие следствия они испытывают, сохранят память о том, кто, разделив их труды и пролив свою кровь на поле битвы, посвятил свои заботы их благополучию и успехам (n).

Создание военного флота, присоединение к Лондонскому договору [27] и морское сражение при Наварине [28], явившееся его следствием, связаны с движением, начатым Тайным обществом в пользу греков и в Восточном вопросе [29]. Его требование свободы торговли и промышленности привело к некоторым полезным распоряжениям относительно торговых компаний, патентов на изобретения, устройства мануфактур, авторского права, закладных обязательств, коммерческих банков, размежевания общинных земель и т. п. [30].

Рядом с этими мерами, предложенными или вызванными Тайным обществом, мы находим целый ряд правительственных актов, самостоятельных или же внушенных самодержавно-монархической партией, стоящей во главе управления. Достаточно указать главные из этих актов, распределив их по трем следующим пунктам:

I. Учреждение вне общей организации собственной канцелярии императора, разделенной на несколько отделений, одно из которых ведает секретными делами [31]. Учреждение корпуса жандармов, регламентированного секретным положением, с явной целью наблюдать за правительственными чиновниками, шпионить за общественным мнением и частными лицами, вмешиваться в семейные дела [32]. Создание министерства двора и уделов [33], которое увеличивает доходы помещиков, прикрепляя крестьян к земле. Учреждение министерства государственных имуществ [34], ведающего государствен-

---

(l) Периодические выражения благодарности департаментам Правительствующего Сената за число дел, разобранных за месяц.

* В оригинале это слово по-русски.

(m) Организация армии, сочинение Пестеля, изъятое вместе с другими бумагами при его аресте и поэтому также неизвестное публике.

(n) Пестель был тяжело ранен в Бородинском сражении.

ными крестьянами, включая кочевые народы. Номинальное переустройство прежних военных поселений и создание новых в разных пунктах империи [35]. Восстановление под другим названием почетных граждан, упраздненных в предыдущее царствование [36]. Меры по денационализации жителей Царства Польского, упразднение польской конституции и армии, Литовского корпуса, батальонов Великого Княжества Финляндского, генерального штаба и других учреждений, созданных в предыдущее царствование [37]. Объединение знаков отличия номинального Царства Польского с имперскими, подразделение их на несколько классов и учреждение новых почетных отличий в виде медалей, крестов, жезлов, пряжек и т. п. Разделение империи на два района с целью ввести периодический и частичный рекрутский набор, не исключающий набора постоянного и общего [38].

II. Обмен нескольких тысяч удельных крестьян на равное число крестьян государственных, находящихся в более благоприятных условиях [39]. Преобразование чувашской народности, доставшейся Удельному ведомству [40]. Закрытие двух русских журналов и многих польских ввиду их либерального направления [41]; закрытие двух университетов по той же причине и основание третьего, который пришлось тотчас же закрыть и преобразовать [42]. Перевод членов Тайного общества из Читинской тюрьмы в Петровские казематы и несколько фиктивных амнистий по отношению к ним [43]. Графские и княжеские титулы, поместья, денежные дары и майораты, розданные сторонникам самодержавия [44]. Закрытие многих католических церквей и монастырей под предлогом их бесполезности. Ограничение поездок за границу и запрещение воспитывать там детей [45]. Сооружение различных памятников, чтобы занять умы и отвлечь их от идей будущего [46]. Постройка трех укрепленных пунктов и двух крепостей, полезность коих для защиты страны сомнительна (о).

III. Создание военных судов для разбора политических дел; применение в этих судах пыток, чтобы вырывать признания; виселицы, расстрелы, ссылки, конфискации и иные наказания, примененные по приговорам этих судов. Католические и униатские священники, преследуемые за веру; женщины, заточенные в монастыри и сосланные в Сибирь за политические преступления [47]. Дети, отнятые у родителей для воспитания их в духе пассивного повиновения в правительственных школах. Вознаграждение родителей, вероломно обманывающих доверие своих детей, предавая их офицерам-вербовщикам или судам по политическим делам [48].

Совокупность актов, из коих мы перечислили лишь незначительную часть, составляет материал для нескольких томов дополнений к Своду русских законов. Но так как все они одного характера, то кажется, можно, не удаляясь от истины, причислить их к тем временным мерам, которые скользят по поверхности общественного строя, не изменяя его основ. Некоторые из этих мер уже появились и были утверждены высочайшей волей в виде проектов и опытов на ограниченное время. Было бы, следовательно, излишним разбирать их подробно. Порожденные ими учреждения не успеют принести ни того добра, какого ждут от них их создатели, ни того зла, какое предсказывают их противники, ибо они будут изменены или отменены в следующее царствование, как это случилось почти со всеми учреждениями царствований предыдущих. Куда девались Боярская дума, Земский собор, Тайный совет, Тайная канцелярия, Коллегии и столько других палат, которые по очереди управляли Россией [49]. Следы их едва находят в книгах. Императорскую канцелярию, корпус жандармов, новые

(о) Киев, Брест, Иван-город. Крепости — Варшава и Вильно.

министерства и военные суды ждет та же участь. С тех пор как Тайное общество ввело новые понятия в общественную жизнь, самодержавие в России лишилось той невозмутимости и молчаливости, той непреклонности и неизменности, какие отличают его в Австрии. Напротив, оно беспокойно и многоречиво, словно нуждается в общественном мнении, чтобы властвовать; нерешительно и необычайно переменчиво во внешних своих формах, словно предчувствует свою недолговечность. Из его эфемерных творений уцелеет лишь Свод русских законов как свидетельство невежества своего времени, страданий народа и бесплодных усилий правительства.

Состояние финансов скрывается от нашего расследования в густом тумане, окутывающем их при самодержавном режиме. Мы платим, но не знаем, куда деваются наши деньги. Мы даже не знаем точно, сколько платим, ибо продажность судей и лихоимство чиновников отнимают у нас столько же, если не больше, чем правительство. Тем более, что сегодня мы платим столько-то, а завтра нас могут заставить платить вдвое. Эти естественные размышления все более распространяются в народе и влияют на его умонастроение, отвращая от режима, который не может или не хочет обеспечить собственность. Мы ограничимся указанием, что водочная монополия, составляющая главный доход казны, является налогом тягостным и вместе несправедливым, ибо способствует разорению и растлению народных масс и развращает само правительство, заставляя его потворствовать нарушению собственных законов мелкими землевладельцами [50]; что отношение металлического рубля к бумажному, установленное произвольно и объявленное неизменным, противоречит основным понятиям политической экономии; что проект выкупа ассигнаций и отдачи их в залог под звонкую монету, в принципе разумный, несомненно поколеблет эту произвольную котировку по мере выкупа ассигнаций и снова посеет смуту в деловых сферах, разве только этот выкуп будет произведен в широком масштабе, что кажется неисполнимым. Несомненно, что необходимо было срочно положить конец ажиотажу с ассигнациями, ибо и серебряные и бумажные деньги номинально повысились в цене, но по-разному в каждой местности, так что не было возможности сговориться; но правительство, видимо, поддалось фискальным соображениям и не проявило той выдержки и осторожности, какие требовались для столь серьезной операции [51].

Другой вопрос. не менее важный — о рабстве крестьян — остается открытым. Много миллионов наших братьев, лишенных гражданских прав, продаваемых оптом и в розницу наравне с вещами, не нашли доныне сочувствия нигде, кроме Тайного общества [52]. Оно одно поняло их бедственное положение и учло его последствия; оно одно протянуло им руку помощи среди всеобщего равнодушия и угнетения. Ни помещики, ни правительство,— хотя Тайное общество и обратило их внимание на вопиющую несправедливость рабства и на неминуемую опасность, проистекающую из всякой несправедливости,— ничего не сделали для облегчения судьбы крестьян и предотвращения грозы, сбирающейся над собственными их головами. Когда разразится беда, у них не окажется других средств, кроме военной силы, как и во время польского восстания. Но эта сила, порою действенная против чужеземцев, может оказаться бесполезной против русских. Да и неизвестно еще, согласятся ли наши солдаты, хоть и приученные к повиновению, обратить штыки против своих братьев. Луч сознания, который побудит крестьян отстаивать свои законные права, может проникнуть и в войска и из слепого орудия власти превратить их в великодушного союзника угнетенных. Вот почему правительству необходимо неотложно подумать о способах уравнения своих подданных перед законом, а помещикам, со своей стороны, помочь этому акту

справедливости последовательными уступками, дабы предотвратить волнения масс, редко полезные им самим и всегда роковые для тех, кем они вызваны.

Внешняя политика образует единственную светлую точку, на которой отдыхает разум, уставший находить во мраке одни лишь злоупотребления и ошибки. Император Николай, в отличие от своего предшественника, избегая вмешиваться в дела, непосредственно не касающиеся России, почти всегда диктует свою волю в случаях, прямо до нее относящихся (р).

Он неизменно соблюдает правило вести одновременно лишь одну войну, не считая войны Кавказской, завещанной ему и которую он не может ни прервать, ни прекратить по причинам, указанным нами выше. Договоры Лондонский, Туркманчайский и Адрианопольский свидетельствуют об осторожности и умеренности; донесения по поводу Царства Польского показывают, что в жизненно важных вопросах вмешательство иностранных кабинетов ограничивается дипломатическими формулами. Этой системе, принятой императором во внешних сношениях, и настойчивости его характера обязана Россия своей новой позицией по отношению к европейским державам. Однако влияние самодержавно-монархической партии заметно даже в делах, коих успех равно интересует все партии. Верные устарелым предрассудкам самодержавия, они сумели подавить народные чувства и воздвигнуть новую преграду между государем и его народом, окружая дипломатические акты туманом, скрывающим их от общества. Лишь из иностранных газет узнают русские об условиях договоров, заключенных от их имени. Лишь по приездам или отъездам послов могут они догадываться о характере и результате переговоров, интересующих всю страну. Природный инстинкт заставляет эту партию скрывать даже те вещи, которые выиграли бы от гласности,— из опасения раскрыть те, которые ей важно скрыть.

На моральном состоянии нации неизбежно должно было отразиться попятное движение, которое эта партия сумела придать делам. Общественная мысль, остановленная в своем развитии давлением грубой силы, ушла в себя, чтобы вновь проверить принципы, вызвавшие столь сильную оппозицию, и обнаружить истинные побуждения своих противников. Эта работа мысли не останется бесплодной, но она потребует много времени и может разжечь страсти, разгул которых компрометирует самые благородные дела. Между тем пороки политического устройства отражаются на нравах, обычаях, наклонностях и привычках. Рабство, утвержденное законами, является обильным источником безнравственности для всех классов населения; отсутствие гласности поощряет и развивает всевозможные беспорядки, обеспечивая им безнаказанность; и, наконец, смешение властей неверно направляет умы, нарушая нравственные законы, коим надлежит регулировать как семейные, так и общественные отношения. Все примененные к общественному организму лекарства, которые не устранят непосредственно эти главные причины безумия, окажутся лишь пустым шарлатанством, более способным ухудшить болезнь, скрывая ее, чем радикально ее излечить. Воспитанием нового поколения всюду пренебрегают; молодежь следует своим личным склонностям за неимением цели, достаточно важной, чтобы стоило посвятить ей жизнь. За этот период не появилось ни одного сколько-нибудь значительного литературного или научного произведения. Поэзия повесила свою лиру на вавилонские ивы [54]; периодические издания выражают лишь ложь или лесть, столь же вредную для власти,

(р) Подразумеваемое непризнание Священного Союза. Отказ от Договора, заключенного в Аахене [53].

которая ее терпит. Министерство народного просвещения, теряя из виду подлинную свою цель, состоящую в распространении положительных знаний, стремится насаждать народность, поддерживать учения, не нуждающиеся в людской поддержке, и самые науки обратить в столпы самодержавия [55]. Отсюда — невежество, составляющее отличительную черту нынешнего времени. В сущности ничего не изменилось. То же молчание в Государственном совете; то же лихоимство в Правительствующем сенате; то же идолопоклонство в Синоде. Народ и правительство равно страдают, ибо устранена власть моральная, единственно могущая служить между ними посредником, чтобы сговориться и посоветоваться насчет общих интересов.

Если бы из глубины сибирских пустынь наши изгнанники могли возвысить свой голос, они были бы вправе сказать руководителям правящей партии: «Что сделали вы для блага народа за эти пятнадцать лет? Вы взялись продолжать предыдущее царствование, при котором началось освобождение крестьян, была дарована конституция полякам, а русским торжественно обещана представительная система; крестьяне не освобождены, поляки лишены своей конституции, а русские обмануты в самых дорогих своих упованиях. Вы обязались выслушивать и развивать все законно изложенные мысли об улучшениях, но сделали это невозможным, окружив свободу печати новыми ограничениями, препятствуя сношениям с Европой и парализуя действие цивилизующих начал с помощью ретроградных систем. Мы исповедовали культ закона, вы же исповедуете культ личности, храня в церквах одежды государей, как нового рода реликвии. Вы взялись очистить Россию от заразы либеральных идей, а ввергли ее в бездну распущенности, в пороки шпионства и мрак невежества. Вы погасили рукой палача умы, освещавшие общественное движение и руководившие его развитием; а что поставили вы на их место? Мы, в свою очередь, вызываем вас на суд современников и потомства: отвечайте!»

Общественные беды являются предостережениями, которые провидение посылает монархам и народам, чтобы просветить их относительно взаимных обязательств. Те беды, что Россия испытала и от которых доныне страждет, не пройдут напрасно и бесплодно. Надо надеяться, что последние годы нынешнего царствования, большая часть которого, согласно естественному ходу вещей, уже прошла, ознаменуются прямым и искренним возвратом к основным принципам, каких властно требует движение нации к прогрессу и что нельзя заменить словами и внешними формами. Моральной гарантией этой счастливой перемены являются выдающиеся добродетели государя и его пламенная забота о счастии своих подданных. Тот, кто мог отказаться от престола из уважения к праву первородства, наверное сумеет отказаться от интересов одной партии ради общего блага [56]. Столь же необходимо для этой цели и законное участие в делах людей, выдающихся своими умственными качествами. Они должны выражать нужды и чаяния народа, мыслями которого руководят; ибо народ не имеет иного средства — требовать должной ему справедливости; они обязаны нести к подножью престола истину, не способную дойти туда из уст окружающих его шпионов и царедворцев; это духовное священнодействие они должны совершать, рискуя жизнью, по примеру своих предшественников на поприще политическом.

⟨ПЛАН НАЧАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ⟩

PLAN D'ETUDES ELEMENTAIRES DIVISÈ EN 3 EPOQUES* DEPUIS L'ÂGE DE 8 ANS JUSQU'Á 14.

Première époque:
de 8 à 10 ans.

a. *Langues*: Russe, Français et Anglais (on suppose que l'élève comprend déjà le Français).
b. *Histoire*: Sacrée et ancienne (abrégées).
c. *Géographie.*
d. *Histoire naturelle.*
e. *Arithmétique.*
f. *Musique et dessin.*
g. *Gymnastique.*

Règles générales pour la 1. Epoque:

1°. L'étude prend deux heures par jour, la première année, et trois heures la seconde.

2°. La musique et le dessin** s'apprennent aux heures de récréation. Cependant la première doit commencer par les loix de l'harmonie.

3°. Le reste du temps est employé aux exercices gymnastiques (éxcepté l'équitation).

4°. L'enseignement se borne à un éxposé simple et clair des objets, en évitant avec un égal soin les vieilles méthodes et les nouveaux systèmes. La plus grande application aux langues, par ce qu'elles sont la clef des connaissances. Ces observations s'étendent aux trois époques.

Auteurs pour la 1 Epoque:

Russes: Ломоносов, Фон-Визин, М. Н. Муравьев.
Грамматика Р⟨оссийской⟩ Ак⟨адемии⟩ idem. Соколова.
Словарь Р⟨оссийской⟩ Ак⟨адемии⟩.

Français: Berquin, Bouilly, Mad⟨ame⟩ Genlis, de la Mennais: guides du premier âge. Paris 1825.
Grammaires: Letellier, Wailly, Duvivier, etc.
Léxiques:

Anglois: Miss Edgeworth, Parker, Taylor, etc. Mangnall.
Gramm⟨aires⟩ Murray, Churchill, Blair, etc.
Lexiques: Sheridan, Walker, Jonson, etc.

Seconde époque:
de 10 à 12 ans.

a. *Langues* Russe, Français, Anglois et Latin.
b. *Histoire*: de Russie, histoire générale.

---

* Первоначально было «3 parties».
** Далее зачеркнуто «pendant n'est qu'un».

c. *Géographie.*
d. *Mathématiques.* astronomie élém⟨entaire⟩
e. *Histoire naturelle.*
f. *Exercices* de composition en Russe*. Sujet au choix de l'ét⟨udiant⟩.
g. *Beaux-arts.*
h. *Gymnastique.*

Règles générales pour la 2. Epoque:

1°. L'étude prend 4 heures par jour la première année, et 5 la seconde.

2°. Les éxercices gymnastiques sur une plus grande échelle, toujours excepté l'équitation. Chaque semaine une partie de chasse, calculée de manière à inspirer le goût de cet art.

Auteurs pour la seconde Epoque:

Russes**: Кантемир***, Державин, Курбский.

Français: Mad⟨ame⟩ Sévigné, Hamilton,

Anglois: Lord Chesterfield, Brougham, Locke (en partie). Les historiens.

Latins: Cornelius Nepot, Salluste, etc. Commentaires de César.

Troisième Epoque:
de 12 à 14 ans.

a. *Langues*: Russe, Français, Anglois, Latin et Allemand.
b. *Histoire*: générale. Histoire de l'Eglise.
c. *Théologie.*
d. *Sciences politiques et sociales.*
e. *Sciences militaires.*
f. *Hautes mathématiques.*
g. *Philosophie. Littérature. Beaux-arts.*
h. *Exercices* de composition en Russe, à moins que l'élève ne préfère une autre langue. Les sujets à son choix.
i. *Gymnastique.*

Règles générales pour la 3. Epoque.

1°. L'étude prend 6 heures par jour la première année, et 7 la seconde. Les éxercices gymnastiques dans tout leur developpement y compris l'équitation. Des parties de chasse avec l'attrait du danger, etc., etc.

Auteurs pour la troisième époque.

Russes.

Français: La St Bible, tr⟨aduction⟩ de Sans. Les classiques, excepté Voltaire, en partie, et J. J. Rousseau en entier.

Anglois: idem, excepté les philosophes et le clergé.

Latins: St. Bible. Les pères de l'Eglise. Les classiques. Hist⟨oire⟩ de F⟨нрзб.⟩

Allemands: Les classiques**** y compris les philosophes des différentes écoles, qui sont trop bêtes pour être nuisibles. Il suffit d'indiquer le point de leur départ pour renverser leurs systèmes.

---

* Далее зачеркнуто «le choix du».
** Далее зачеркнуто «Крылов, Богданович».
*** Далее зачеркнуто «Щербатов».
**** Далее зачеркнуто: «et même les philosophes».

Le but de ce plan est de rendre l'élève à 14 ans propre à entrer dans une école publique ou capable de continuer ses études isolément à l'aide des sources.

ave Maria gratia plena.

Перевод:

ПЛАН НАЧАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ, РАЗДЕЛЕННЫЙ НА 3 ЭТАПА * С 8-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА ДО 14 ЛЕТ

Первый этап:
от 8 до 10 лет

a. *Языки*: русский, французский и английский (предполагается, что ученик уже понимает по-французски).

b. *История*: священная и древняя (в сокращении).

c. *География.*

d. *Естественная история.*

e. *Арифметика.*

f. *Музыка и рисунок.*

g. *Гимнастика.*

Основные правила для 1-го этапа:

1. Занятия занимают два часа ежедневно в первый год и три часа — во второй.

2. Музыке и рисунку учатся в часы досуга. Обучение музыке должно начаться с законов гармонии.

3. Оставшееся время употребить на гимнастические упражнения (за исключением верховой езды).

4. Обучение ограничивается простым и ясным изложением предметов, избегая с равным тщанием старых метод и новых систем. Больше всего прилежания — к языкам, ибо они — ключ к знаниям [1]. Эти замечания охватывают все три периода.

Авторы для 1-го этапа:

Русские: Ломоносов, Фон-Визин, М. Н. Муравьев [2].
Грамматика Р‹оссийской› Ак‹адемии›, то же Соколова. Словарь Р‹оссийской› Ак‹адемии›.

Французские: Беркен, Буйи, мад‹ам› Жанлис, де Ламенне: руководство для младшего возраста. Париж, 1825.
Грамматики: Летелье, Вайи, Дювивье, и т. д. [3].
Словари:

Английские: Мисс Эджуорт, Паркер, Тейлор и т. д. Мэнгнолл
Грам‹матики›: Меррей, Черчиль, Блейр и т. д.
Словари: Шеридан, Уокер, Джонсон, и т. д. [4].

Второй этап:
от 10 до 12 лет.

a. *Языки*: русский, французский, английский и латынь.

b. *История*: русская, всеобщая.

c. *География*:

* Первоначально было: «на 3 части».

d. *Математика*, элем‹ентарная› астрономия.

e. *Естественная история.*

f. Упражнения в сочинении по-русски, тема соч‹инений› по выбору учащегося.

g. *Изящные искусства.*

h. *Гимнастика.*

Основные правила для 2-го этапа:

1. Занятия занимают 4 часа ежедневно в первый год и — 5 — во второй.

2. Гимнастические упражнения следует усложнить, по-прежнему исключая верховую езду. Каждую неделю — выход на охоту, с целью привить вкус к этому искусству [5].

Авторы для второго этапа:

Русские *: Кантемир **, Державин, Курбский [6].

Французские: Мад‹ам› Севинье, Гамильтон [7].

Английские: Лорд Честерфильд, Брум, Локк (в отрывках) [8].

Историки [9].

Латинские: Корнелий Непот, Саллюстий, и т. д. Комментарии к Цезарю [10].

Третий этап:

от 12 до 14 лет.

a. *Языки*: русский, французский, английский, латинский и немецкий.

b. *История*: всеобщая. История церкви.

c. *Богословие.*

d. *Науки политические и общественные.*

e. *Военные науки.*

f. *Высшая математика.*

g. *Философия*, *литература*, *изящные искусства.*

h. *Упражнения* в сочинении по-русски, если только ученик не отдает предпочтения другому языку. Темы по выбору.

i. *Гимнастика.*

Основные правила для 3-го этапа:

1°. Занятия занимают 6 часов ежедневно в первый год и 7 — во второй. Гимнастические упражнения во всем их объеме, включая верховую езду. Охота, привлекающая опасностями, и т. д.

Авторы для третьего этапа.

Русские [11].

Французские: Св. Библия, пер‹евод› де Санса. Классики, за исключением Вольтера, в отрывках, и Ж. Ж. Руссо полностью [12].

Английские: то же, исключая философов и духовных авторов.

Латинские. Св. Библия. Отцы церкви. Классики. Ист‹ория› ‹нрзб.›

Немецкие. Классики ***, включая философов разных школ, которые слишком глупы, чтобы быть вредными. Достаточно указать на их исходную точку, чтобы опровергнуть их системы [13].

Цель этого плана приготовить 14-летнего ученика к поступлению в общественную школу или к продолжению занятий самостоятельно, по источникам.

ave Maria gratia plena ****.

---

* Далее зачеркнуто «Крылов, Богданович».

** Далее зачеркнуто «Щербатов».

*** Далее зачеркнуто: «и даже философы».

**** Мария, благодати исполненная (*лат.*).

⟨ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ⟩

ETUDES HISTORIQUES. № 4

L'histoire de la Grèce offre un vaste champ d'études, et un profond sujet de méditations à ceux, qui sont à même de consulter les sources originales: car elle résume la puissance intellectuelle de l'antiquité, comme celle de Rome résume sa force matérielle. L'un des principaux traits de son caractère, consiste dans* l'individualité. Elle nous donne une connaissance intime de l'homme, livré à ses propres moyens, avec ses vertus et ses vices, sa force et sa faiblesse, son point de départ et son point d'arrêt. En parcourant ses pages, nous retrouvons partout l'individu sur le premier plan: les masses dans un clair—obscur qui les confond: et le principe dans un lointain, dont le vague empêche d'en saisir les formes et la substance. C'est pourquoi nous connaissons les hommes marquants de l'antiquité, bien mieux que ceux des temps modernes. Il est intéressant de les suivre à travers les diverses phases de la vie privée et publique: mais principalement dans leur lutte avec le Pouvoir, où leur mérite brille avec d'autant plus d'éclat, qu'ils ne pouvaient pas avoir cette foi implicite dans la force intrinsèque du principe, agissant par lui-même et n'ayant besoin que d'être énoncé pour se développer.— Plusieurs de ces hommes ont péri, d'autres ont été arrachés à leurs foyers par les tempêtes politiques. Ces derniers formeront le sujet spécial de nos** recherches, à cause du jour que leur situation et leurs démarches jettent sur l'organisation sociale de ces temps reculés.

A la tête des exilés dont l'histoire grecque fait mention se trouve Lycurgue. Ayant obtenu de ses compatriotes le serment de ne rien changer à ses institutions jusqu'à son retour, il se dévoua à un exil à vie, et termina ses jours en Crète. Il exigea par testament que les cendres de son corps, brûlé selon l'usage de l'époque, fussent jetées à la mer pour prévenir qu'elles ne soient transportées à Sparte, et que les Lacédémoniens ne se crussent délivrés par là du serment de maintenir ses loix (Justin. lib. 3, cap. 2).

Solon quitta également sa patrie et passa dix années dans un exil volontaire, pour consolider les institutions qu'il avait introduit à Athènes, et que le peuple s'était engagé par serment de ne pas modifier jusqu'à son retour. Ce sacrifice de la part du Législateur contribua à sauver la liberté naissante, assaillie par la fureur des factions (Herod lib. I, cap. 29. Proclus in Timæum).

Pisistrate le tyran d'Athènes, c'est à dire le chef du pouvoir exécutif, fut exilé deux fois. Son premier exil fut provoqué par les efforts réunis des

* Далее зачеркнуто одно слово.
** Далее зачеркнуто одно слово.

partis de la plaine et des côtes, opposés à celui des montagnes qui le reconnaissait pour chef: mais il fut rappelé dans peu et replacé à la tête des affaires, par suite de nouvelles dissentions entre ces partis. Son second exil fut l'ouvrage des Alcméonides, et dura dix ans.— Cependant Pisistrate, doué de ces dons de l'intelligence que la mutation des circonstances ne saurait enlever, conserva dans l'exil la considération et l'influence, dont il jouissait parmi ses compatriotes. Ses adversaires mêmes convenaient, qu'à part son ambition il n'y avait pas d'homme plus naturellement porté à toutes les vertus, ni de meilleur citoyen*. Des dons et des prêts considérables lui furent accordés par les Etats, avec les quels il avait formé des alliances durant son administration. Il travailla dans l'exil à resserrer ces liens, réunit une force armée suffisante pour dissiper les partisans des Alcméonides, et rentra sans opposition dans Athènes, où la direction des affaires lui fut de nouveau confiée (Herod. lib. I, cap. 60, 61. Diog. Laert. Ciceron).

Les Alcméonides, exilés à leur tour par Pisistrate, se refugièrent à Lypsydrium, et se rendirent utiles non seulement à leur patrie, mais à tous les Etats de la Grèce, en se chargeant de rebâtir le temple de Delphes consumé par les flammes. Les vices de leur administration furent rachetés, par l'activité et les sacrifices dont ils signalèrent leur exil (Herod. ut ante. Pindar Pyth. 7).

Lors de l'invasion persane l'un des principaux citoyens d'Athènes, Aristide, se trouvait en exil à cause de l'appui qu'il prêtait au parti aristocratique. Les chefs de la faction démocratique, jaloux de ses moyens et redoutant son influence individuelle, avaient réussi à le bannir par le moyen de l'ostracisme. Mais à une époque de crise où l'indépendance de la Grèce entière était menacée son nom se retrouva naturellement dans la bouche du peuple: et les mêmes hommes qui avaient provoqué son exil, proposèrent son rappel. L'illustre exilé se trouvait à Agine, lorsqu'il apprit que la patrie réclamait de nouveau ses services. Quittant aussitôt sa retraite, oubliant à la fois l'animosité individuelle et celle des partis, il traversa la flotte Persane à la faveur de la nuit, se réunit à ses adversaires politiques, et partagea avec eux les périls et la gloire de la journée de Salamine. Après la défaite et la dispersion de la flotte ennemie, il fit une descente à Psythaleia, à la tête d'un corps de ses compatriotes, et passa au fil de l'épée tous les Persans réunis dans ce lieu, sous les yeux mêmes de Xerxes, qui entouré de son innombrable armée ne pouvait leur offrir aucune assistance. Le reste de ses jours fut consacré au service de la patrie, qui l'avait rejeté de son sein, mais qui reconnut son mérite en lui déférant le surnom de Juste (Diodor. lib. 2, cap. 53. Æschyl. Pers., Herod. lib. 8, cap. 79, 95).

Thémistocle, au quel Athènes était redevable de la création de sa marine, de la construction de ses remparts et de ses ports, du changement radical introduit dans son économie sociale, et de son rang distingué parmi les

---

* Далее зачеркнуто одно слово.

Etats de la Grèce, fut exilé après sa glorieuse lutte contre l'Empire Persan, et au moment où il s'occupait à consolider le bien-être de la patrie. Il se réfugia à Argos, d'où il pouvait suivre encor(e) le mouvement des affaires publiques, et contribuer indirectement à leur succès. Mais ses adversaires, jaloux de son influence personnelle et de l'empire intellectuel qu'il exerçait du fond même de l'exil, lui suscitérent une nouvelle persécution. L'administration de Sparte, mûe par d'anciens griefs, l'accusa d'avoir pris part au complot de Pausanias, contre les libertés de la Grèce. Quoique cette accusation fut dénuée de tout fondement, on décréta à Athènes: que des émissaires seraient envoyés pour arrêter l'exilé, que ses biens seraient confisqués, et que lui-même serait traduit au tribunal des Amphictions, ou à quelque autre cour composée des députés de tous les Etats. Prévenu à temps du danger qui menaçait sa tête, Thémistocle passa d'Argos à l'isle de Corcyre, dont les habitants lui étaient dévoués par reconnaissance pour d'anciens services: de là sur la côte d'Acarnanie, où il fut accueilli par Admète, Roi des Molosses, son ancien antagoniste. C'est ici que la femme de Thémistocle, s'évadant d'Athènes, vint le rejoindre avec ses enfants. Mais comme cet asyle n'était pas suffisamment sûr, il traversa les montagnes de l'Epire et de la Macédoine, s'embarqua au port de Pydna, et se rendit avec sa famille à Ephése. Dans l'extremité où la haine des partis avait réduit Thémistocle, il ne lui restait d'autre ressource, que de s'adresser au plus cruel ennemi de son pays, à celui qui devait lui en vouloir personnellement plus qu'à tous les autres grecs. Il adressa en conséquence une lettre à Artaxerxès. La réponse fut favorable. Thémistocle employa une année entière à l'étude de la langue et des institutions Persans, et au bout de ce terme il se rendit à Suza. Sa réception à la cour fut telle, qu'aucun étranger avant lui n'en avait éprouvé de semblable. Artaxerxès lui confia l'administration de plusieurs provinces de l'Asie Mineure, et lui assigna un revenu qui surpassait la fortune, confisquée par le gouvernement d'Athènes. Trois villes florissantes étaient chargées de fournir les objets nécessaires à sa table: Magnesia le pain, Myus la viande, et Lampsaque le vin. Thémistocle termina ses jours dans cet honorable exil. On lui éleva un somptueux monument sur les bords du Méandre: mais ses restes mortels furent, à sa requête, transportés à Athènes et secrétement déposés dans le sol de la patrie. Cette dernière circonstance suffit seule, pour dissiper les calomnies dont on a cherché à ternir la mémoire de cet habile politique (Thucyd. lib. I, cap. 13, 14, 131, 134, 138. Demosth. in Lept. p. 478. Diod. lib. I, c. 55, 60. Strabon lib. I, p. 636. Plut. vit. Them. Corn. Nep. vit. Cim.).

Cimon, fils de Miltiade, fut exilé sous le prétexte de sa partialité pour Lacédemone. Mais la complication des intérêts Athèniens força le peuple à le rappeler, et à lui confier de nouveau l'administration des affaires, qu'il régit avec sagesse et modération jusqu'à sa mort. (Herod. lib. 7, cap. 107. Corn. Nep. vit. Cim.).

Le premier exil d'Alcibiade fut provoqué par les manœuvres de ses ennemis, qui profitant de son absence, l'accusèrent de trahison envers l'Etat.

Il quitta la flotte qu'il commandait en Sicile, se refugia à Argos, et passa de là à Sparte où il fut reçu avec distinction, tandis qu'à Athènes on le condamna à mort par contumace et ⟨de⟩ puis au bannissement. Cependant l'expédition de Syracuse privée de son chef échoua, l'empire de la mer passa en d'autres mains, et la prééminence d'Athènes commença à s'eclipser. Le séjour d'Alcibiade chez les Etats hostiles à son pays, et son influence dans leurs Conseils, contribuèrent à ces mutations politiques. Il avait pour principe: que le vrai patriote n'est pas celui, qui étant injustement banni (Thucyd. lib. 6, cap. 92), se résigne à vivre dans l'exil: mais celui, qui toujours animé de l'amour de la patrie, employe tous les moyens pour s'y rétablir. Les circonstances étaient favorables pour mettre cette doctrine en pratique. Il réussit à détacher les Persans de la confédération du Peloponnèse, entama une négociation avec ses concitoyens pour faire révoquer son exil, provoqua une révolution à Athènes, et se fit nommer chef des forces maritimes réunies à Samos. C'est alors, dit Thucydide (Thucyd. lib. 8, c. 87), qu'il rendit à son pays un service, tel qu'aucun homme peut — être n'en a rendu de plus éminent. La flotte, mécontente du changement opéré à Athènes en faveur de l'oligarchie, était sur le point de quitter Samos pour renverser le nouveau gouvernement, et plonger la patrie dans les horreurs de la guerre civile, en l'exposant en même temps au danger d'une invasion.— Alcibiade arrêta ce mouvement, et fit rentrer une armée mutinée dans le devoir, par la seule puissance de sa parole. Tandis que les troubles inséparables d'une mutation politique régnaient à Athènes, il détruisit à la tête de ces mêmes forces la flotte de la confédération du Peloponnèse, fit une campagne d'hiver sur les côtes de l'Asie Mineure, soumit les villes révoltées, conquit plusieurs isles, leva des contributions au profit du trésor public, s'empara du Byzance et restitua à son pays la domination des mers. Il rentra à Athènes après six années d'exil, aux acclamations de ses compatriotes, qui lui discernèrent l'Autorité suprême avec le commandement de la force armée comme au seul homme capable de restaurer l'ancienne splendeur de la République. Mais sa gloire même tourna à son préjudice. Une expédition qu'il entreprit pour réprimer la révolte d'Andros, et sa négociation avec le Satrape Tissapherne, n'ayant pas obtenu le succès * qu'on s'en promettait, devinrent le motif de nouvelles accusations. Le peuple, instigé par ses ennemis, lui retira le commandement des troupes et décréta sa mise en jugement. Prévoyant l'issue d'un procès où les passions parlent et les loix se taisent, Alcibiade se retira dans la Chersonése de Thrace. Ce second exil n'attisa pas ses sentiments pour son pays. Lorsque la flotte Athénienne engagée dans la guerre du Peloponnèse mouilla à Aïgospotami où elle courait ⟨le⟩ risque d'être surprise, l'exilé se rendit au camp naval de ses compatriotes, exposa aux Chefs le danger de leur situation, et les exhorta de passer à Sestos, qui leur offrirait le double avantage d'un port sûr et d'une place fortifiée. On méprisa ses avis, et quelques jours plus tard la flotte entière tomba au pouvoir des Lacédémoniens. Ce malheur entraîna la chute d'Athènes.— Alcibiade, ne songeant qu'aux moyens de réparer les maux de la patrie, passe en Bithynie dans l'intention de se rendre à Suza,

* Далее зачеркнуто одно слово.

pour négocier l'alliance des Persans: mais il périt en se défendant contre une multitude armée, qui envahit sa demeure et dont les instigateurs ont échappé à la connaissance de l'histoire (Lys. pro Aristoph. p. 659. Xenoph. Hel. lib. 1, c. 3).

Thrasibule fut exilé par le Conseil des Trente, qui s'établit à Athènes après les désastres de la guerre du Peloponnèse. Il se réfugia en Bœotie. Voyant son pays en proye aux abus de l'oligarchie, il rentra à la tête d'une poignée de citoyens, défit les troupes soldées qu'on lui opposa, et rétablit une démocratie sagement pondérée, ce qui lui valut le titre de Restaurateur de la République (Xenoph. Hel. lib. 1, c. 4, 29).

Conon fut réduit de se réfugier à Salamine après la déroute d'Aïgospotami, afin d'éviter le sort qui attendait les vaincus et quelques fois les vainqueurs à Athènes. Les treize années de son exil ne furent pas infructueuses pour son pays. A l'aide d'Evagoras le tyran de Salamine, et du Satrape Pharnabaze dont il sut gagner l'amitié, il fournit à sa ville natale le moyen de rebâtir ses fortifications, et une nouvelle flotte avec le tribut des isles pour son entretien (Xenoph. lib. 4, c. 8. Diod. lib. 1, cap. 14).

Xenophon employa les loisirs de l'exil à rédiger les ouvrages, qui brillent du même éclat après plus de vingt deux siècles (Anabasis. Annales. etc. De vectig. etc., etc.) et servent toujours de guide aux intelligences dans l'étude du passé. Le décret de son exil fut révoqué au bout de 20 ans: mais il n'en profita pas pour rentrer dans un pays qui l'avait si longtemps méconnu, et préféra s'établir à Corinthe. Cependant il paya sa dette à la patrie, en envoyant à Athènes ses deux fils qui portèrent les armes, et dont l'aîné fut tué à la bataille de Mantinée (Grillus et Diodore).

C'est également au fond de l'exil que Thucydide écrivit cette histoire, qui a mérité la reconnaissance et l'admiration de la postérité. Sa condition d' exilé *, comme il le dit lui-même **, lui procura des informations sur les affaires du Peloponnèse, qui autrement ne seraient jamais parvenues à sa connaissance *** (Thucyd. lib. 1, cap. 1).

L'exil ne mettait pas de terme à l'activité de ces hommes progressifs, et ne rompait pas le fil de leurs relations et de leurs devoirs. Les uns ont rendu d'éminents services à leur pays, en veillant sur ses intérêts politiques: d'autres ont contribué au développement intellectuel de la Grèce: tous ont prouvé la rationnalité des principes qu'ils avaient avancé, par la régularité de leur conduite individuelle.

Les persécutions, dont ils furent l'objet, ne proviennent ni de l'ingratitude des peuples, ni de l'injustice des gouvernements, comme les déclamateurs

* Далее зачеркнуто одно слово.
** Далее зачеркнута одна строка.
*** Далее зачеркнуто девять с половиной строк.

ont cherché à l'établir. Elles ne sont dans le fait qu'une condition inhérente à la manifestation de la vérité. Lorsqu'un homme subit la mort pour un principe: c'est que le principe est immortel. Ceux dont la mission est d'introduire les mutations essentielles à l'ordre social et à la vie des peuples, doivent, lors même que leurs efforts sont couronnés de succès, s'attendre à une forte réaction de la part des hommes dont ils blessent les habitudes, les penchants, les convictions et souvent les intérêts du moment, en dévançant les idées de l'époque.

L'exil, qui n'est qu'un mode de cette réaction, à toujours été le témoignage de hautes capacités dans ceux qui l'ont subi. Il y a des gens qu'il suffit de priver de leur poste, pour les faire rentrer dans leur nullité: il y en a d'autres qu'on est obligé d'exiler.

De tous les hommes que nous venons de passer en revue, aucun n'a été exilé pour ce qu'il a fait ou a voulu faire: mais plutôt pour ce qu'il n'a jamais fait, ni songé à faire. + La mémoire de ces hommes a survecu au naufrage des siècles, non pas tant à cause des choses qu'ils ont accomplis, qu'à cause des principes qu'ils ont énoncé, et qui étaient progressifs relativement à l'époque.

Dans tous les pays, dans tous les âges et sous toutes les formes de gouvernement c'est une fraction qui régit les masses: tout dépend donc de la manière dont cette fraction se compose et se recrute.

Lorsque le * hasard ou le vouloir individuel décident sur ce point important, les peuples végètent et meurent dans l'oubli. Pourquoi l'Empire Persan a-t-il disparu sans laisser de traces dans l'histoire: tandis que les républiques Grecques brillent comme des astres dans la nuit du passé?

Перевод:

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ, № 4

История Греции предоставляет тем, кто непосредственно обращается к оригинальным источникам, обширное поле для изучения и глубокий предмет для размышления; она также выражает всю умственную мощь древности, как история Рима — ее материальную силу. Одна из характерных черт Греции — интерес к личности. Она дает нам глубокое знание о человеке, предоставленном самому себе, с его добродетелями и пороками, силой и слабостью, началом и концом пути. Перелистывая страницы греческой истории, мы повсюду более всего видим личность; массы находятся в скрывающем их полумраке, а идея теряется вдалеке, и мы едва угадываем ее форму и сущность. Вот почему мы много лучше знаем примечательных людей древности, чем нового времени. Интересно следовать за ними в разнообразные периоды их частной и общественной жизни, особенно же — в их борьбе с властью, когда достоинства их блистают тем ярче; ибо не могло быть у них веры во внутреннюю силу принципа, дейст-

---

* Далее зачеркнуто слово «hérédité».

вующего самого по себе и для своего развития нуждающегося только в выражении. Некоторые из этих людей погибли, другие были оторваны от своих очагов политическими бурями. Последние и составят предмет нашего исследования, ибо их положение и их действия проливают свет на общественную организацию в те отдаленные времена.

Во главе изгнанников, упоминаемых греческой историей, стоит Ликург. Добившись от своих соотечественников клятвы не менять его установлений до его возвращения, он обрек себя на пожизненное изгнание и окончил дни на Крите. Он завещал бросить в море свои останки, сожженные по обычаям того времени, чтобы даже прах его не мог быть перевезен в Спарту, и лакедемоняне не сочли бы себя освобожденными этим от клятвы блюсти его законы (Юстин. ‹Сокращение истории›, кн. 3, гл. 2).

Солон также покинул свою родину и провел десять лет в добровольном изгнании, дабы упрочить введенные им в Афинах установления, которые народ поклялся не переменять до его возвращения. Эта жертва, принесенная законодателем, помогла спасти рождавшуюся свободу, которой со всех сторон угрожала ярость противников (Герод‹от. История›, кн. 1, гл. 29. Прокл. ‹Комментарий› к Тимею) [1].

Писистрат, афинский тиран, то есть глава исполнительной власти, был изгнан дважды. Первое его изгнание было результатом объединенных усилий равнинной и береговой партий, противостоявших партии гор, которая признавала его своим главой; но вскоре, вследствие новых разногласий между этими партиями, он был призван обратно и снова возглавил правление. Второе его изгнание, длившееся десять лет, было делом рук Алкмеонидов. Но Писистрат, у которого изменчивые обстоятельства не могли отнять остроты ума, сохранил в изгнании свое значение и влияние на сограждан. Даже противники признавали, что, если забыть о его честолюбии, то не найти более добродетельного от природы человека и лучшего гражданина. Государство предоставляло в его распоряжение значительные пожертвования и ссуды, при помощи которых он во время своего правления заключал союзы. В изгнании он поддерживал эти связи, собрал воинские силы, достаточные, чтобы рассеять партию Алкмеонидов, и затем, не встретив сопротивления, вернулся в Афины, где ему вновь доверили руководство всеми делами (Герод‹от. История›, кн. 1, гл. 60, 61. Диог‹ен› Лаэрт‹ский›. Цицерон).

Алкмеониды, в свою очередь изгнанные Писистратом, бежали в Лепсидрий и сумели стать полезными не только своей родине, но и всем греческим государствам, так как взялись восстановить сгоревший храм в Дельфах. Пороки их правления были искуплены деятельностью и жертвами, коими ознаменовали они свое изгнание [2] (Герод‹от›, там же. Пиндар Пиф‹ийские оды›, 7).

Во время персидского нашествия один из виднейших афинских граждан, Аристид, находился в изгнании из-за своей приверженности к аристократической партии. Вожди демократической группировки, завидуя и опасаясь его личного влияния, сумели подвергнуть его остракизму. Однако в критическую пору, когда под угрозой оказалась независимость всей Греции, имя его вновь появилось на устах народа, и те же люди, которые способствовали его изгнанию, предложили его призвать. Блистательный изгнанник находился в Эгине, когда узнал, что родине снова нужны его услуги. За-

быв личную и партийную вражду, он тут же покинул свое убежище, под покровом ночи пробрался мимо персидского флота, объединился со своими политическими противниками и разделил с ними опасности и славу битвы при Саламине. После разгрома и рассеяния вражеского флота он во главе отряда сограждан высадился на острове Пситталии и сразил мечом всех находившихся там персов, прямо на глазах у Ксеркса, окруженного бесчисленным войском, но не способного ничем им помочь. Остаток своих дней он посвятил служению отчизне, извергнувшей его из своего лона, но признавшей его заслуги, дав ему прозвище Справедливого [3] (Диодор ⟨Сицилийский. Историческая библиотека⟩, кн. 2, гл. 53. Эсхил. Персы. Герод⟨от⟩, кн. 8, гл. 79, 95).

Фемистокл, которому Афины обязаны созданием флота, строительством укреплений и порта, коренной переменой в экономике и своим исключительным положением среди греческих государств, был изгнан после своей славной борьбы с персидской империей, причем именно тогда, когда он был занят укреплением благоденствия отчизны. Он укрылся в Аргосе, откуда еще мог следить за ходом общественных дел и косвенно содействовать их успеху. Но его противники, завидуя его личному влиянию и тому умственному воздействию, какое он оказывал на Афины, даже находясь в изгнании, уготовили ему новые преследования. Власти Спарты, побуждаемые прежними обидами, обвинили его в участии в заговоре Павсания против греческих свобод. Хотя обвинение это было совершенно беспочвенно, в Афинах приняли решение: послать эмиссаров для ареста изгнанника, конфисковать его имущество, а самого его предать суду амфиктионов или другому суду, составленному из представителей всех государств. Вовремя предупрежденный об опасности, угрожавшей его жизни, Фемистокл перебрался из Аргоса на остров Коркиру, жители которого были ему преданы в благодарность за прежнюю службу; оттуда он отправился в Акарнанию, где его принял Адмет, царь молоссов, его старинный противник. Здесь к Фемистоклу присоединилась его жена, бежавшая с детьми из Афин. Но так как убежище это не было достаточно надежным, он переправился через горы Эпира и Македонии, сел в Пидне на корабль и прибыл с семьей в Эфес. В той крайности, куда вражда партий толкнула Фемистокла, ему не оставалось ничего другого, как обратиться к жесточайшему врагу своей страны, к тому, кто должен был ненавидеть его больше, нежели всех остальных греков. Он написал письмо Артаксерксу.— Ответ был благоприятен. Фемистокл посвятил целый год изучению языка и установлений персов и по истечении этого срока отправился в Сузы. Ему был оказан при дворе такой прием, какого не удостаивался еще ни один чужеземец. Артаксеркс доверил ему управление несколькими провинциями Малой Азии и назначил содержание, превосходившее его состояние, конфискованное афинским правительством. Трем цветущим городам было поручено поставлять припасы к его столу: Магнесии хлеб, Мионту мясо и Лампсаку вино. Фемистокл окончил свои дни в этом почетном изгнании. На берегу Меандра ему воздвигли пышный памятник, но останки его были по его желанию перевезены в Афины и тайно похоронены в родной земле. Одного этого обстоятельства достаточно для опровержения клеветы, которой пытались осквернить память этого мудрого политика [4] (Фукид⟨ид, История⟩, кн. 1, гл. 13, 14, 131, 134, 138. Демосф⟨ен Речь⟩ против Лепт⟨ина⟩, с. 478. Диод⟨ор⟩, кн. 1, с. 55, 60. Страбон, ⟨География⟩, кн. 1, с. 636. Плут⟨арх⟩, Жизнеоп⟨исание⟩ Фемист⟨окла⟩, Корн⟨елий⟩ Неп⟨от⟩, Жизнеоп⟨исание⟩ Ким⟨она⟩).

Кимон, сын Мильтиада, был изгнан под предлогом его приверженности к Спарте. Однако разные затруднения вынудили афинян возвратить его и вновь поручить дела, которыми он мудро и умеренно управлял вплоть до самой смерти [5], (Герод⟨от⟩, кн. 7, гл. 107. Корн⟨елий⟩ Неп⟨от⟩, Жизнеоп⟨исание⟩ Ким⟨она⟩).

Первое изгнание Алкивиада было вызвано интригами его противников, которые, воспользовавшись отсутствием, обвинили его в государственной измене. Оставив в Сицилии флот, которым командовал, он бежал в Аргос, а оттуда в Спарту, где был принят с почетом, тогда как в Афинах его заочно приговорили к смерти, а затем к изгнанию. Между тем войско в Сиракузах, лишенное своего вождя, потерпело поражение, морское владычество перешло в другие руки, и значение Афин начало падать. Пребывание Алкивиада в государствах, враждебных его родине, и его советы способствовали этим политическим переменам. Его принципом было: настоящий патриот не тот, кто смиряется с несправедливым изгнанием, а тот, кто, движимый любовью к родине, употребляет все возможные средства для возвращения (Фукид⟨ид⟩, кн. 6, гл. 92). Обстоятельства благоприятствовали применению этой доктрины на деле. Он сумел отторгнуть персов от Пелопонесского союза, вступил в переговоры со своими согражданами относительно своего возвращения, вызвал в Афинах революцию и был поставлен во главе флота, находившегося на Самосе. Именно в это время, по словам Фукидида, он оказал своей стране услугу, равной которой не оказал, вероятно, никто другой (Фукид⟨ид⟩, кн. 8, гл. 87). Моряки, недовольные установлением в Афинах олигархии, готовились покинуть Самос, чтобы свергнуть новое правительство и погрузить родину в ужасы гражданской войны подвергая ее в то же время опасности вражеского нашествия.— Алкивиад остановил это движение и одною лишь силой своего слова вернул восставшее войско к его долгу. В то время, как в Афинах царили волнения, неотделимые от политических перемен, он, во главе того же войска, разбил флот Пелопонесского союза, провел зимнюю кампанию на берегах Малой Азии, усмирил восставшие города, завоевал несколько островов, отправил собранную дань в государственную казну, овладел Византием и вернул своей родине владычество на море. Он возвратился в Афины после десятилетнего изгнания, приветствуемый согражданами, которые вручили ему верховную власть и командование войском, как единственному человеку, способному возродить былой блеск республики. Однако сама слава обернулась ему во вред. Не имевший успеха поход для подавления восстания на острове Андросе, а также переговоры его с сатрапом Тиссаферном, послужили поводом для новых обвинений. Народ, подстрекаемый врагами Алкивиада, отставил его от военного командования и постановил предать суду. Предвидя исход суда, в котором говорят страсти, а законы безмолвствуют, Алкивиад бежал в Херсонес Фракийский. Это второе изгнание не ослабило его любви к родине. Когда, во время Пелопонесской войны, афинский флот стал на якорь у Эгоспотам, где рисковал быть захваченным, изгнанник явился в лагерь своих соотечественников, указал вождям на опасность их положения и предложил им отправиться в Сестос, обладавший двумя преимуществами: безопасного порта и укрепленного места. Мнением его пренебрегли, и несколько дней спустя весь афинский флот попал в руки лакедемонян. Это несчастье повлекло за собою падение Афин. Алкивиад, помышляя единственно о средствах помочь родине в ее бедствиях, отправился в Вифинию, в надежде перебраться в Сузы для переговоров о союзе с персами, но погиб, защищаясь от вооруженной толпы, ворвавшейся в его

дом по наущению людей, для истории оставшихся неизвестными [6] (Лис<ий>, речь в защиту Аристофана, с. 659. Ксеноф<онт>, Греческая история, кн. 1, гл. 3).

Фрасибул был изгнан советом тридцати, правившим в Афинах после бедствий Пелопонесской войны. Он бежал в Беотию. Видя свою страну страждущей от злоупотреблений олигархии, он вернулся во главе горстки граждан, разбил противостоявшие ему наемные войска, и восстановил разумно уравновешенную демократию, заслужив звание Восстановителя республики [7] (Ксеноф<онт>, Греческая история, кн. 1, гл. 4, 29).

Конон был вынужден бежать на Саламин после поражения при Эгоспотамах, дабы избежать судьбы, ожидавшей в Афинах побежденных, а иногда и победителей. Его тринадцатилетнее изгнание не было бесполезным для родины. С помощью саламинского тирана Эвагора и сатрапа Фарнабаза, дружбы которых он сумел добиться, Конон дал родному городу возможность восстановить свои укрепления и при поддержке островов создать новый флот [8] (Ксеноф<онт>, кн. 4, гл. 8, Диод<ор>, кн. 1, гл. 14).

Ксенофонт использовал досуги изгнания, создавая произведения, не потерявшие свой блеск и через двадцать два с лишком века и по-прежнему указывающие разуму путь к изучению прошлого. (Анабасис, Анналы и т. д. О доходах, и т. д. и т. д.). Решение об его изгнании было отменено через 20 лет, но он не воспользовался этим для возвращения на давно забывшую его родину, а предпочел поселиться в Коринфе. Однако он вернул свой долг отчизне, отправив в Афины двух своих сыновей, способных носить оружие, из коих старший погиб в битве при Мантинее (Грилл. и Диодор) [9].

В изгнании же написал свою историю и Фукидид [10], заслужив тем признательность и восхищение потомства. Положение изгнанника, по собственным его словам, помогло ему добыть такие сведения о пелопонесских делах, какие иначе не могли быть ему доступны (Фукид<ид>, кн. 1, гл. 1).

Изгнание не ограничивало деятельность этих передовых людей и не прерывало нити их связей и обязанностей. Одни оказали родине важные услуги, заботясь о ее политических интересах; другие способствовали умственному развитию Греции; и все они доказали разумность своих взглядов последовательностью собственного своего поведения.

Преследования, коим они подверглись, не были следствием неблагодарности народа или несправедливости правительства, как это пытались доказать болтуны. Они являются неизбежным условием провозглашения истины. Если человек умирает во имя идеи, значит идея эта бессмертна. Те, кто призван внести коренные изменения в общественный порядок и в жизнь народов, должны, даже в том случае, если усилия их увенчаются успехом, ожидать резкого противодействия людей, чьи привычки, склонности, убеждения и часто минутные интересы они ущемляют, опережая идеи своего времени.

Изгнание, являющееся лишь одной из форм этого противодействия, всегда свидетельствовало о выдающихся доблестях тех, кто ему подвергался. Есть люди, которых довольно лишить должности, чтобы вернуть их в ничтожество; а есть и другие, которых приходится изгонять.

Из всех людей, о ком мы сейчас говорили, никто не был изгнан за то, что совершил или хотел совершить; их покарали за то, чего они не делали и о чем никогда не помышляли [11]. Память об этих людях пережила бури веков не столько из-за их деяний, сколько из-за высказанных идей, передовых для их эпохи.

Во всех странах, во все времена и при всех формах правления массами управляет малая часть людей; все зависит, следовательно, от того, из кого эта часть состоит и как пополняется.

Когда этот важный вопрос решается* случаем или единоличной волей, народы прозябают и гибнут в забвении. Почему персидское царство исчезло, не оставив следов в истории, тогда как греческие республики сияют, подобно звездам во мраке прошедшего?

---

* Далее зачеркнуто: «наследованием».

⟨ЗАМЕТКИ О МЕМУАРАХ⟩

Journal. Mémoires, etc. etc. Brulé le 29. Avril. 1838.
Vanitas Vanitatum et omnia Vanitas!

Détruit 15 Mars 1838 jusqu'à la p. 127.

Перевод:

Дневник. Записки и т. д., и т. д. Сожжено 29 апреля 1838.
Все суета сует и всяческая суета *!

Уничтожено 15 марта 1838 до с. 127.

---

* В тексте по-латыни.

⟨ЗАПИСНАЯ КНИЖКА⟩

Dilexi justitiam, et odivi iniquitatem, propterea sum in exilio *.

Exégèse[2*]

> Ideoque et nos tantam habentes impositam
> nubem testium, deponentes omne pondus,
> et circumstans nos peccatum, per patientiam
> curramus ad propositum nobis certamen.
> *Heb. XII. 1*[3*].

Сестре моей К. Уваровой

⟨Любезной⟩ В России два проводника: язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга.

a. Graeci.
b. Symbolum. Nic. Const.
c. Ecclesiae Rom⟨anae⟩ [4*].

L'institution de Chevalerie eut moins d'influence sur la civilisation de la race humaine qu'on ne lui en a souvent attribué. Elle donna, il est vrai, quelques ornements éxtérieurs au courage: elle régla les loix de la courtoisie; elle grava dans les âmes les principes souvent erronés de l'honneur; mais les passions exaltées et vindicatives étoient effectivement à l'abri de son contrôle; et les chevaliers les plus accomplis en 1325 montrèrent souvent un penchant à la férocité, qui ne laissoit rien à reprendre à celui de leur ancêtres du sixième siècle ⟨Lingarde⟩ [5*].

---

* Я возлюбил справедливость и возненавидел несправедливость, поэтому я в изгнании (*лат.*).

2* Толкование (*франц.*).

3* «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще» (Евр. XII. 1) (*лат.*).

4* a. Греки.
в. Символ веры. Ник⟨ейский⟩ Конст⟨антипольский соборы⟩ [1].
c. Рим⟨ские⟩ церкви (*лат*).

5* Установление рыцарства имело меньше влияния на просвещение человечества, чем это ему часто приписывают. Правда, оно придало отваге некоторые внешние украшения; оно установило законы вежливости; оно запечатлело в сердцах понятия о чести,

On n'a pas apprécié suffisamment les avantages que l'humanité rétiroit de l'influence pacifique des pontifes de Rome. Dans les siècles où l'on ne connoissoit d'autre mérite que celui des armes, l'Europe eut été plongée dans une guerre perpétuelle, si les Papes n'avoient successivement et constamment travaillé, soit à la conservation de la paix, soit à son rétablissement. Ils contrôloient les passions et réprimoient les éxtravagantes prétentions des souverains; leur caractère, comme père commun des chrétiens, donnoit à leurs ⟨representants⟩ représentations un poid qu'aucune autre médiation ne pouvoit offrir; et leur légats n'épargnoient ni voyages, ni fatigues pour concilier les interêts opposés des cours, et placer l'olivier de la paix entre les épées des armées rivales[6*].

⟨Tous les états⟩ Depuis le bouleversement de l'Empire Romain en Occid⟨ent⟩ tous les états chrétiens en Europe, à la réserve d'un seul ( )[7*] ont appartenu jusqu'au 16me siècle à l'Eglise latine. Dans l'Empire de Russie, comme anciennement dans celui de Constantinople, la réligion, abstraction faite de son origine divine, est une de ces institutions par les quelles la nation est gouvernée; les changements que l'organisation de l'Eglise a éprouvés en Orient, sont partis de l'autorité séculière, ou ont obtenu son agrément; les ministres du culte sont en même temps les serviteurs du Prince[8*].

Introd⟨uction⟩ p. 12. L'Eglise a toujours déclaré quels étaient les livres canoniques. C'est par son autorité que nous devons juger de la canonicité des livres de l'Ecriture.

....

нередко ошибочные; однако буйные и мстительные страсти были в действительности ему неподвластны; и самые совершенные из рыцарей в 1325 г. проявляли часто склонность к свирепости, не уступавшей ничем жестокости их предков, живших в шестом веке. ⟨Лингард[2]⟩ (*франц.*).

6* Недостаточно оценены преимущества, принесенные человечеству миротворческим влиянием римских первосвященников. Во времена, когда не признавали иных заслуг, кроме воинских, Европа была бы погружена в непрерывную войну, если бы папы, один за другим, не трудились постоянно то над сохранением мира, то над восстановлением его. Они обуздывали страсти и сдерживали непомерные притязания государей; сан общего отца христиан придавал их ⟨представителям⟩ увещеваниям вес, какого не могло иметь никакое иное посредничество; и их легаты не жалели ни странствий, ни тягот ради того, чтобы примирить противоречивые интересы дворов и вложить оливковую ветвь мира между мечами враждующих армий (*франц.*).

7* Пропуск в рукописи.

8* ⟨Все государства⟩ После падения Западной Римской империи и вплоть до XIV века все христианские государства Европы за исключением одного ( ) принадлежали к латинской церкви. В Российской империи, как ранее в империи Константинопольской, религия, если не считать ее божественного происхождения, есть одно из тех учреждений, коими управляется нация; перемены, которым подверглась организация церкви на Востоке, исходили от светской власти, либо получали ее одобрение; служители церкви являются вместе с тем слугами государя (*франц.*).

L'Eglise est la colonne et le fondement de la vérité (I. Tim. III. 15); nous ne saurions lui refuser obéissance et soumission, sans devenir comme des païens et des publicains (Matt. VIII. 17).

Comment pourrions nous douter de l'infaillibilité de son jugement, quand notre Seigneur lui-même promet avec serment de la gouverner t ujours et de ne l'abandonner jamais: «Assurez vous que je suis moi-même toujours avec vous jusqu'à la consommation des siècles» (Matt. 28. 20) [9*].

La S⟨ociété⟩ Occ⟨ulte⟩ n'a jamais songé à l'incertaine et hazardeuse expérience d'un appel aux passions et la violence du peuple; elle avait en vue d'agir sur sa raison, et ⟨d'attendre le redressement des griefs⟩ de rémedier aux abus par le moyen de perfection progressif des institutions nationales [10*].

Elles avait la force que donnent une conviction profonde, un but honnête et des passions généreuses. etc. [11*].

Leurs ⟨très⟩ ⟨desseins⟩ efforts commençaient à prendre un caractère de réalisation possible, et excitèrent les passions les plus violentes dans le parti des absolutistes [12*].

Le mouvement n'était que moral et intellectuel, mais ils sentirent la nécessité de l'étouffer à sa naissance etc. [13*].

Les droits imprescriptibles de l'homme [14*].

Le 26/14 Dec⟨embre⟩ n'est qu'une collision fâcheuse [15*].

[9*] Вступ⟨ление⟩ с. 12. Церковь всегда объявляла, какие именно книги являются каноническими. Благодаря ее авторитету и можем мы судить о каноничности книг Писания. Церковь есть столп и основание истины (I Тим. III. 15), если мы отказали бы ей в послушании и подчинении, то стали бы как язычники и мытари (От Матф. XVIII. 17). Как можем мы сомневаться в непогрешимости ее суждения, когда господь наш клятвенно обещает всегда управлять ею и не оставлять ее никогда: «Будьте уверены, что сам я с вами всегда до скончания веков» (От Матф. XXVIII. 20) (*франц.*).

[10*] Т⟨айное⟩ об⟨щество⟩ никогда не помышляло о сомнительном и опасном опыте обращения к страстям и буйству народа; оно хотело действовать на его разум и ⟨ожидать искоренения зол⟩ искоренять злоупотребления путем постепенного улучшения национальных учреждений (*франц.*).

[11*] Оно обладало той силой, какую придают глубокая убежденность, честная цель и благородные чувства. И т. д. (*франц.*).

[12*] Его ⟨очень⟩ ⟨намерения⟩ усилия стали казаться осуществимыми и вызвали величайшее озлобление среди приверженцев самодержавия (*франц.*).

[13*] Движение было лишь нравственным и умственным, но они почувствовали необходимость задушить его в зародыше и т. д. (*франц.*).

[14*] Неотъемлемые права человека (*франц.*).

[15*] 26/14 дек⟨абря⟩ — всего лишь досадное столкновение [3] (*франц.*).

1836. ЗИМА

Декабрь. 1.

Смерть истребляет корень греха, который всегда живет в нас, хотя не всегда обнаруживается. Поэтому она необходима и желательна. Спаситель, освятив все в себе, кроме греха, освятил и смерть. Говоря о ней, называет сном. Non est mortua puella, sed dormit. (Ev. Matt. IX. 24). Lazarus amicus noster dormit (Joan. XI.II) [16*].

2. В жертвоприношении приготовительные действия суть: приношение (oblatio) и освящение (consecratio); конечное действие: смерть жертвы, довершительное восприятие жертвоприношения, без которого смерть жертвы бесполезна. Но последнее есть скорее действие творца к твари; и не опровергает того, что конечное действие со стороны твари есть смерть. Таким образом, человек, вступая в лоно церкви, приносится в жертву и освящается. Жертвоприношение продолжается во всю жизнь его и кончается смертию [4].

3. Действуя на одно тело, смерть не пресекает сношений между душами. Когда мы молимся за усопших, они умоляют чрез нас милосердие божие о грехах, отпущаемых в сем или другом мире. Когда мы благотворим за них, они, так сказать, оживают в нас, и получают двойную награду, как за добро, ими самими сделанное, так и за то, ⟨вместо них делается⟩ которое ими внушается (Lib. II Mach. XII) [17*]. Посредницею этих таинственных сношений есть церковь. Кто не приналежит к ней, тот ⟨уже⟩ разлучен и с живыми и с мертвыми: ⟨он⟩ существует отдельно, как засохшая ветвь во ожидании огня (Ev. Joan. XV. 6).

7. Смерть есть сильнейшее свидетельство о любви. Majorem hac dilectionem nemo habet (Joan. XV. 13) [18*]. Смерть также сильнейшее свидетельство о истине. Nisi granum frumenti etc. (Joan. XII. 24. 25) [19*].

C'est une dissonance dans l'harmonie générale, qui prépare et amène l'accord parfait [20*].

10. В книге Иова ⟨заключается⟩ разительное свидетельство о бессмертии души. Господь возвратил Иову после испытанных бедствий все прежние богатства вдвойне: вместо 7 тысяч овец 14 т⟨ысяч⟩; вместо 3 т⟨ысяч⟩ верблюдов 6 т⟨ысяч⟩ и т. д. Но детей даровал ему то же число, которое он

[16*] Девица не умерла, но спит. (Ев. от Матф. IX.24). Лазарь, друг наш, спит (От Иоан. XI. 11) (*лат.*).

[17*] Ссылка на 2 кн. Маккавеев (не входящую в канонический текст Ветхого завета).

[18*] Нет больше сей любви (От Иоан. XV.13) (*лат.*).

[19*] Если пшеничное зерно и т. д. [5] (От Иоан. XII.24.25) (*лат.*).

[20*] Именно диссонанс в общей гармонии приготовляет и создает совершенное согласие (*франц.*).

прежде имел: 7 сынов и 3 дочери. Ибо умершие во время испытания перешли к бессмертию и жили пред господом.

14. ..... Tu es également bon dans les choses que Tu me refuse, que dans celles que Tu m'accorde. Tu m'as donné peu d'esprit, mais aussi Tu éxigera moins de moi au jour de la rétribution. N'est ce pas mieux que si Tu m'eusse accordé du génie? Car j'aurois abusé de ce génie, comme j'abuse souvent du peu d'esprit qui m'est accordé [21*].

25. *Fêtes de Noël.* Mon corps souffre le froid et les privations en Sibérie, mais mon esprit dégagé de ces misérables entraves parcourt les plaines de Bethléem, partage la veille des pasteurs, et interroge les astres avec les Mages. Partout je trouve la Vérité, et partout le bonheur.

Il ne faut pas croire que la vie du chrétien soit une vie de tristesse. On ne quitte les plaisirs que pour d'autres plus grands [22*]. Semper gaudete, iterum dico gaudete (Phil. IV. 4) [23*].

NB. Comprendre les conditions de notre époque.
Il faut sortir du cercle des anciennes combinaisons, secouer les vieilles habitudes, adapter ⟨de nouvelles bases organiq⟨ues⟩ d'orga⟨nisation⟩⟩ à un ordre politique nouveau de nouvelles bases d'organisation militaire.

Les Anglais ont posé les conséquences du gouvern⟨ement⟩ parlementaire.
Les Etats Européens, etc. etc. [24*].

1837. ЗИМА

Генварь. 1.

...Церковь устроена богом: aedificabo Ecclesiam meam (Matt. XVI. 18) [25*]. *Едина*: ибо исповедует истинную веру, которая существенно едина как истина: unus Deus, una fides, unum baptisma (Ep. Eph. IV. 5) [26*].

[21*] 14. .....Ты равно добр в том, в чем мне отказываешь, и в том, что даруешь. Ты дал мне мало разума, зато меньше и спросишь с меня в день судный. Разве не лучше, чем если бы ты даровал мне гениальность? Ибо гениальность я употребил бы во зло, как часто употребляю во зло и малый разум, мне данный (*франц.*).

[22*] 25. *Праздник Рождества.* Тело мое страждет в Сибири от холода и лишений, но дух, освободившийся от сих жалких пут, странствует по равнинам вифлеемским, делит с пастухами их бдение и вместе с волхвами вопрошает звезды. Всюду нахожу я истину и всюду — счастие. Не следует думать, будто жизнь христианина печальна. От радостей мы отрекаемся лишь для иных, высших радостей (*франц.*).

[23*] Радуйтесь всегда, и еще говорю радуйтесь (Фил. IV.4) (*лат.*).

[24*] Понять условия нашего времени.
Надобно выйти за пределы прежних представлений, стряхнуть старые привычки, ⟨принять новые основы организации⟩ приспособить к новому политическому строю новые принципы военной организации.
Англичане заложили основы парламентарного правления. Европейские государства [6], и т. д., и т. д. (*франц.*).

[25*] Я создам церковь мою (От Матф. XVI.18) (*лат.*).

[26*] Один господь, одна вера, одно крещение (Посл. к еф. IV. 5) (*лат.*).

Видима: ибо состоит из пастырей ⟨уже⟩ научающих и народа, верующего в учение: fides ex auditu... quomodo credunt ei quem non audierunt? quomodo autem audient sine praedicante (Rom X. 14. 17) [27*]. *Непогрешительна*: ибо Иисус Христос обещал пастырям быть с ними во все дни до скончания века: Ego vobiscum sum omnibus diebus (Ev. Matt. XXVIII. 20) [28*]. *Непреодолима*: portae inferi non praevalebunt adversus eam (Matt. XVI. 18) [29*]. *Католическая*: касательно времени: omnibus diebus; касательно мест: omnes gentes (Matt. XXVIII. 19.20) [30*]. *Апостолическая*: 1° по своему учению, 2° потому что пастыри ее следуют один за другим беспрерывно, так что от настоящего в каждой эпохе можно по беспрерывной нити воззойти к Апостолу: super hanc petram aedificabo Ecclesiam meam (Matt. XVI. 18.19) [31*]. *Судилище*: dic Ecclesiae (Matt. XVIII.17) [32*] не только для людей, но и для ангелов: nescitis quoniam Angelos judicabimus? quanto magis secularia (I Cor. VI. 3) [33*]. *Видимая*: имеет видимую главу, преемника св. Петра, по праву божественному (jure divino): Pasce oves meas (Ev. Joann. XXI. 17)[34*]. Super hanc petram... tibi dabo claves Regni Caelorum (Ev. Matt. XVI.18.19) [35*]. Как Апостол был смертный, то слова, для пользы церкви сказанные, равно и необходимо относятся к законным его преемникам. Вне ее нет спасения: si autem Ecclesiam non audierit, sit tibi sicut ethnicus et publicanus (Ev. Matt. XVIII. 17) [36*]. Без ее авторитета Св. Писание бесполезно и даже вредно; или лучше сказать есть столько же различных Писаний, сколько людей, произвольно толкующих букву, etc., etc.

L'Eglise Catholique décide infailliblement les questions relatives à la foi, à la discipline et aux moeurs.

Elle ne peut pas créer de nouveaux dogmes, car ce seroit créer des vérités, chose impossible.

Elle ne peut pas non plus citer les dogmes anciens au tribunal du raisonnement, pour les examiner en eux-mêmes car cela seroit soumettre la Révélation ou la raison divine à la raison humaine. Mais elle procède dans les affaires de la foi par voie de témoignage, en constatant la tradition et la foi orthodoxe.

[27*] Вера из слышания... Как веровать тому, кого не слыхали? Как слышать без проповедующего? (Рим. X.14.17) (*лат.*).

[28*] Я с вами во все дни (Ев. от Матф. XXVIII. 20) (*лат.*).

[29*] Врата адовы не преодолевают ее (От Матф. XVI.18) (*лат.*).

[30*] Во все дни... все народы (От Матф. XXVIII.19.20) (*лат.*).

[31*] на сем камне я воздвигну церковь мою (От Матф. XVI.18.19) (*лат.*).

[32*] ... объявил церкви (От Матф. XVIII.17) (*лат*).

[33*] Разве не знаете, что мы ангелов судить будем, кольми паче дела житейские (I кор. VI.3) (*лат.*).

[34*] Паси овец моих (Ев. от Иоан. XXI.17) (*лат.*).

[35*] на сем камне... дам тебе ключи царства небесного (Ев. от Матф. XVI.18.19) (*лат.*).

[36*] а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь (Ев. от Матф. XVIII.17) (*лат.*).

Comme la foi est incompatible avec la plus légère incertitude, le tribunal pour les contestations sur la foi doit être infaillible. Autrement il ne seroit pas compétent. En matière de foi toute autorité faillible est nulle de droit. C'est une grande présomption à l' homme de croire qu'il puisse combler par lui-même l'abyme creusé par ses péchés. Pour le réconcilier avec sa propre conscience il faut un pouvoir surnaturel; pour le réconcilier avec Dieu, il a fallu le plus grand des miracles. Or ce n'est que dans l'Eglise qu'on croit avec fruit à ce miracle, et que les bonnes oeuvres par les quelles cette foi se manifeste profitent [37*].

La Foi, hors l'Eglise, n'est qu'un sujet de condamnation: Tu es Filius Dei! — Ite... (Ev. Luc. IV. 41. Ev. Matt. VIII. 32) Tu es Filius Dei! — Beatus es Simon Bar Iona. (Ev. Matt. XVI. 17) [38*].

20. Il vaut mieux broncher sur la vraie route, que de courir sur une fausse. Tout en bronchant on arrive au but sur la première; tandis que mieux on court sur l'autre, plus on s'éloigne du but [39*]. Quicumque vult salvus esse, ante omnia opus est ut teneat Catholicam fidem: quam nisi quisque integram, inviolatamque servaverit, absque dubio in aeternum peribit [40*].

25. Обряд богослужения (cultus) есть выражение догматов и заимствует от них жизнь, полноту и величие. Всякое нарушение догматов отра-

....

[37*] Католическая церковь безошибочно решает вопросы веры, дисциплины и нравов.

Она не может создавать новые догматы, ибо это означало бы создание истин — вещь невозможная.

Не может она и приводить старые догматы пред суд разума, чтобы рассматривать их самих по себе, ибо это значило бы подчинить откровение, то есть разум божественный, разуму человеческому. Но она следует в вопросах веры путем свидетельства, устанавливая предание и ортодоксальную веру.

Поскольку вера несовместима с малейшим сомнением, трибунал, решающий споры о вере, должен быть непогрешимым. Иначе он не был бы компетентен. В вопросах веры всякий авторитет, не являющийся непогрешимым, неправомочен. Велико самомнение человека, когда он полагает, будто сам в силах заполнить пропасть, вырытую его грехами. Чтобы примирить его с собственной совестью, нужна сила сверхъестественная; чтобы примирить его с богом, понадобилось величайшее из чудес. Поэтому только в лоне церкви веруют в это чудо с пользою и только там приносят плоды добрые дела, коими эта вера выражается (*франц.*).

[38*] Вера вне церкви подлежит порицанию. «Ты сын божий! — Идите...» (Ев. от Лук. IV.41. Ев. от Матф. VIII.32). «Ты сын божий! — Блажен ты, Симон сын Ионин» (Ев. от Матф. XVI.17) (*франц.*, *лат.*).

[39*] 20. Лучше спотыкаться на верном пути, нежели бежать по ложному. На первом, даже и спотыкаясь, все же приходят к цели; тогда как на втором чем быстрее бегут, тем более от цели удаляются (*франц.*).

[40*] Каждый, кто хочет быть спасен, прежде всего должен исповедовать католическую веру; и если кто не будет блюсти ее в полноте и неприкосновенности, то несомненно навеки погибнет (*лат.*).

жается в обряде. Греки и армяне, исключившие одно слово из Символа веры, имеют только три литургии, один монашеский орден [7]. Храмы их не оживляются вздохами органов и гармониею музыкальных орудий, которую одни голоса не в состоянии заменить. Одежда священников не отвечает условиям изящного в живописи, устройство церквей — изящному в архитектуре. Обряды реформатских сект бледнеют по мере того, как они изменяют или отвергают догматы. Это видно по сравнительному богослужению лютеранов, кальвинистов, сосинийцев [8] etc., etc. Независимые (indépendants), которые отвергают всякую определенную форму вероисповедания, не имеют никакой определенной формы обряда.

30. Никакой порядок вещей не может существовать без начала власти. Усилия сект состоят в том, чтоб заменить власть католической церкви другими властями. Одни избрали патриархов, суперинтендентов, признали светские власти; другие допустили произвольное толкование, чувство, инстинкт, etc., etc.

Все стремились к свободе, и нашли порабощение. Как свобода состоит в повиновении законной власти, так порабощение есть подлежание ⟨бесправной⟩ незаконной власти.

NB. Le désordre général — facile est, et me tacente videre [41*].

NB. L'état politique du monde est cet arrangement que l'esprit de l'homme fait, pour établir les droits et déterminer la conduite de ses semblables [42*].

Февраль 1. В облаке свидетелей, которое нас окружает, находится Плиний Младший. Он пишет к императору Траяну: «Я обыкновенно обращаюсь к тебе, государь, в сомнительных случаях. Кто лучше тебя может рассеять колебание и наставить неведение? Мне не случалось находиться при производстве суда над христианами и потому не знаю, как должно допрашивать их, какому подвергать наказанию. Долго колебался я, размышляя: принимать ли в уважение различие возрастов или не принимать? Избавлять ли от наказания кающегося или не давать пощады уличенному в христианстве? Наконец, одно ли название христианина без соответствующих преступлений или преступления, соответствующие названию, подлежат каре? Между тем, я поступал таким образом. Приводимых, как христиан, допрашивал, подлинно ли они христиане? Сознающихся допрашивал во второй и в третий раз, угрожая казнью. Упорствующих предавал казни (Ev. Matt. X. 17. 18). Мне казалось, что несмотря на исповедание, должно казнить за противление и непреклонное упорство. Некоторые походили на безумных (I Ep. Cor. I. 23). Они были граждане римские, и потому я отправил их в Рим. Но зло разливалось. В продолжении судопроизводства возникло множество подобных дел. Я получил безыменный донос, заключавший имена многих. Одни объявили, что они не христиане и никогда не были христианами, поклонились богам, возлили вино и вос-

---

[41*] NB. Общий беспорядок — легко и меня видеть в молчании (*франц.*, *лат.*).

[42*] NB. Политическое состояние мира есть устройство, создаваемое разумом человека для установления прав и определения поведения себе подобных (*франц.*).

курили фимиам пред твоим изображением, посреди кумиров поставленным, а на Христа изрекли хулу. Они даже не знали, в чем состоит христианство, и я рассудил отпустить их. Другие сознались, что они христиане но тут же отреклись. Иные показали, что были некогда христианами, но впоследствии отреклись, одни за три года и более, некоторые за двадцать лет перед тем (Ev. Luc. XIV. 24). Все они также поклонились твоему изображению и кумирам богов, а на Христа изрекли хулу (Apoc. XIV. 11). По показанию последних главною виною, или лучше сказать, заблуждением их, было то, что в назначенный день они собирались на рассвете славить Христа как бога, совокупным пением гимнов. Они давали клятву не на худое дело, а в том, чтоб не красть, не грабить, не прелюбодействовать, не изменять данному слову, не отпираться от вверенного залога. Потом они расходились и вновь собирались вкушать умеренную, безвредную пищу. Коль скоро я по воле твоей запретил сборища, они перестали собираться. Тем нужнее показалось мне выведать истину от двух служанок (diaconissae) даже посредством пытки. Но я ничего не успел открыть кроме грубого, безмерного суеверия, и потому, отсрочив дальнейшее исследование, решился обратиться к тебе (Ev. Matt. XI. 25). Дело требует совета по причине возрастающей опасности. Люди различных возрастов, всех состояний, обоих полов подвергаются и будут подвергаться гибели (Ev. Joan. XII.31). Не одни города, но села и самые поля заражены этим суеверием. Но есть еще возможность унять и отклонить зло. Нет сомнения, что храмы, едва вовсе не опустевшие, начинают снова наполняться; что жертвоприношения, долгое время оставленные, возобновляются; что на рынках снова являются животные до жертв надлежащие, которых так трудно было сбывать. По этому видно, что есть еще средство по исцелению толпы, если допущено будет раскаяние» (Ev. Matt. XVI. 18). Ep. Plinii. lib. X. 97 [9].

Ответ императора: Trajanus Plinio S⟨ecundo⟩.

«Actum quem debuisti, mi Secunde, in excutiendis causis eorum, qui Christiani ad te delati fuerant, secutus es. Neque enim in universum aliquid quod quasi certam formam habeat, constitui potest. Conquirendi non sunt: si deferantur et arguantur puniendi sunt: ita tamen, ut, qui negaverit se christianum esse, idque re ipsa manifestum fecerit, id est supplicando Diis nostris,quamvis suspectus in praeteritum fuerit, veniam ex paenitentia impetret. Sine auctore vero propositi libelli, nullo crimine locum habere debent. Nam et pessimi exempli, nec nostri saeculi est». [43*].

[43*] Траян Плинию С⟨екунду⟩.

Ты поступил вполне правильно, производя следствие о тех, кого обвинили перед тобой в принадлежности к христианству. Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, т. е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и вызывали подозрение. Списки, поданные без подписи составителя, не должны приниматься ни в каком деле. Это дурной пример и не соответствует духу нашего времени (*лат.*) (*пер. М. Е. Сергеенко*).

Talibus dominandi potestas non datur, nisi summi Dei providentia, quando res humanas judicat talibus dominis dignas. Aperte de hoc re vox divina est, loquente Dei sapientia: per me reges regnant, et tyranni per me tenent terram (Prov. VIII. 15.16). Apertissime alio loco de Deo dictum est: qui regnare facit hominem hypocritam propter perversitatem populi (Job. XXXIV. 30) 44*.

10. Mon seul mérite devant Dieu est d'être pécheur. Venit in hunc mundum peccatores salvos facere (I Tim. 1.15). Cependant il me récompense ici bas, à l'égal des Anges au ciel, puisqu'il me permet de louer Son Saint Nom.

Quelques fois nos vices produisent le simulacre des vertus. On est disposé, par exemple, à une bienveillance générale pour les hommes, quand on ne reconnoit pour l'esprit que des inférieurs ou tout au plus des égaux 45*.

Une dépravation recherchée met à l'abri des vices vulgaires comme l'ivrognerie, la gourmandise, l'avarice, la fornication etc., etc., etc. Un orgueil éxcessif porte à faire le bien sans ostentation, pour éviter la louange qui est un jugement 46*. Non mirum! ipse enim Satanas transfigurat se in angelum lucis (II Cor. XI.14) 47*.

Haud possumus constare sine desiderio: desidero episcopatum: sed potius cupio dissolvi, et esse cum Christo 48*.

15. Положительные истины превышают человеческий разум. Мы постигаем их только отчасти, видим гадательно как сквозь тусклое стекло (I Cor. XIII.12). Впрочем нужно только знать, есть ли они или нет. Для

....

44* Таким 〈властителям〉 власть не дается, разве только лишь предусмотрительностью всевышнего бога, если он сочтет, что люди своими делами заслужили подобных владык. Явно к этому относится божественное слово, являющее мудрость господню: мною цари царствуют и тираны мною владеют землями (Притчи, VIII.15.16.). И в другом месте совершенно ясно сказано о боге, который ставит лицемера на царство 〈в наказание〉 за развращенность народа (Иов. XXXIV.30) (*лат.*).

45* 10. Единственная заслуга моя пред господом есть то, что я грешник. «Пришел в мир спасти грешников» (I Тим. I.15). А между тем он вознаграждает меня в этом мире наравне с ангелами небесными, ибо позволяет мне славить его святое имя.

Иной раз пороки наши принимают вид добродетелей. Так, например, мы склонны быть благожелательными к людям, когда полагаем их умственно ниже себя или самое большее нам равными (*франц.*, *лат.*).

46* Утонченная развращенность хранит от пороков грубых, как то: пьянство, чревоугодие, скупость, распутство, и т. п., и т. п., и т. п. Чрезмерная гордыня побуждает делать добро, не выставляя этого напоказ, дабы избежать похвалы, т. е. некоего о себе суждения (*франц.*).

47* И не удивительно: потому что сам сатана принимает вид ангела света (II кор. XI. 14) (*лат.*).

48* Мы не можем жить без желаний; я желаю епископского сана, но больше жажду освободиться 〈от пут〉 и быть во Христе (*лат.*).

этого мы имеем свидетельства, которые суть относительные истины, и вполне для нас постижимы. Свидетельства ведут к ⟨убеждению, но убеждение не есть еще вера⟩ распознанию истинной церкви.

В некоторой степени разумения люди не отвечают за свое исповедание. Неведение прикрывает столько же грехов, сколько любовь (Ev. Luc. XXIII. 34). В другой степени отвечают: petite et dabitur vobis; quaerite et invenietis [49*]. ⟨Чего же просить, ... как не ...⟩

Есть ⟨много религий⟩ много церквей: или все ложны, или одна истинная и все другие ложные. Aedificabo Ecclesiam meam [50*].

20. В русском переводе *Actus Apostolorum* [51*] апостол Павел говорит прокуратору Феликсу: как я знаю, что ты многие годы *справедливо* судишь сей народ; то *тем свободнее* могу *я* говорить в защищение себя [10].

«Он (Паллас) был бескорыстен в сравнении с братом своим Феликсом, который долгое время начальствовал в Иудее и надеялся, что все злодеяния его прикроются сильным покровительством Палласа. Иудеи обнаружили мятежливость, воспротивясь указу поставить изображение Кайя в храме своем. Император умер, указ не исполнился. Но они опасались, чтоб другой император не потребовал того же. Между тем Феликс растравлял зло безрассудными мерами. Куманий, управлявший отдельною частию области, подражал ему в бесчинствах. Под управлением последнего находились галилеяне, под начальством Феликса самаритяне. Эти племена, искони несогласные, под властию презираемых правителей вели явную вражду ⟨делали между собою грабежи⟩, взаимно грабили, делали разбойничьи набеги, засады, иногда давали сражения, и добываемую добычу и плен отдавали прокураторам. Сначала эти обрадовались, потом спохватились, и послали солдат для прекращения зла. Солдат перебили. Целая область воскурилась бы войною, если б Квадратий, правитель Сирии, не ускорил на помощь. Недолго продолжалось дело иудеев, дерзнувших умертвить солдат. Они уплатили ⟨за это⟩ жизнию. Но дело Феликса и Кумания затянулось. Ибо император, узнав о причинах мятежа, поручил Квадратию судить самих прокураторов. Квадратий показал Феликса между судьями, дозволив ему занять обыкновенное место свое в судилище. Устрашенные обвинители умолкли, и на одного Кумания пал приговор за злодеяния, в которых оба равно участвовали (Ann. lib. XII.54) [52*].

Свидетельство Тацитово утверждается словами Писания. Post aliquot autem dies veniens Felix cum Drusilla uxore sua, quæ erat Judæa, vocavit Paulum, et audivit ab eo fidem quæ est in Christum Jesum. Disputante autem illo de justitia et castitate, et de judicio futuro, tremefactus Felix respondit: Quod nunc attinet vade; tempore autem opportuno accersam te.

[49*] Просите, и дастся вам; спрашивайте и узнаете (*лат.*).
[50*] Воздвигну церковь мою (*лат.*).
[51*] Деяний Апостолов (*лат.*).
[52*] Анналы, кн. XII. 54.

Simul et sperans quod pecunia ei daretur a Paulo, propter quod et frequenter accersiens eum, loquebatur cum eo. Biennio autem expleto, accepit successorem Felix, Portium Festum; volens autem gratiam praestare Judaeis Felix, reliquit Paulum vinctum (Actus Ap. XXIV.24 ... 27) [53*].

Апостол, зная Феликса, не мог одобрить его управления и сказать: ты судишь справедливо. Это была бы малодушная лесть со стороны подсудимого. Говоривший всегда свободно, иногда слишком свободно не мог сказать: тем свободнее могу я говорить (Act. Ap. XXIII.3) [54*].

В подлиннике нет слова: справедливо. Ἐκ πολλῶν ἐτῶν ὄντα σε κριτὴν τῷ ἔθνει τουτῷ ἐπισάμενος, εὐθυμότερον τὰ περὶ ἐμαυτοῦ ἀπολογοῦμαι [55*].

В подлиннике сказано: ευθυμότερον (корни: ευ, θυμός, то есть: охотнее, радушнее, bono animo [56*], а не свободнее. Русский переводчик принял несклоняемое наречие εὐθυμῶς за прилагательное.

Славянское выражение: Благодушнѣе, ближе к подлиннику.

Бесполезное повторение местоимения в приведенном месте обнаруживает незнание, или, что хуже в таком деле, невнимание переводчика. Впоследствии укажем на другие места.

25. Философия всех времен и всех школ служит единственно к обозначению пределов, от которых и до которых человеческий ум может сам собою идти. Прозорливый вскоре усматривает эти пределы и обращается к изучению беспредельного Писания. Но она опасна для обыкновенных умов своим пустословием. Поэтому апостол Павел сказал: Videte! ne quis vos decipiat per philosophiam, et inanem fallaciam, secundum traditionem hominum, secundum elementa mundi, et non secundum Christum. Quia in ipso inhabitat omnis plenitudo divinitatis corporaliter (Ep. Col. XI. 8.9)[57*].

26. Политические идеи в постепенном развитии своем имеют три вида. Сперва являются как отвлечение, и гнездятся в некоторых головах и в книгах; потом становятся народною мыслью, и переливаются в разгово-

---

[53*] Чрез несколько дней Феликс, пришед с Друзиллою, женою своею, иудеянкою, призвал Павла и слушал его о вере во Христа Иисуса. И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя. Притом же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним. Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест; желая доставить удовольствие иудеям, Феликс оставил Павла в узах (Деян. Ап. XXIV.24...27) (*лат.*).

[54*] Ссылка Лунина не верна. Надо: Деян. Ап. XXIV, 10. Далее Лунин транскрибирует не совсем точно отдельные слова и выражения из греческого текста Евангелия, которого, очевидно, у него не было перед глазами.

[55*] Зная, что ты уже много лет судья этого народа, тем охотнее стану я говорить (букв.: оправдываться, держать ответ) (*греч.*).

[56*] радушнее (*лат.*).

[57*] Смотрите, чтобы кто не прельстил вас философиею и пустым обманом, по преданию человеков, по вещественным началам мира, а не по Христу. Ибо в нем обитает вся полнота божества телесно (Посл. к кол. XI.8. 9) (*лат.*). Лунин ошибся, не XI, а II.

рах; наконец, делаются народным чувством, требуют непременного удовлетворения ⟨и производят⟩ и, встречая сопротивление, разрешаются революциями. В России идея гражданской свободы — отвлечение: идеи национальной независимости, нераздельности, распространения — чувства.

27. Чрез несколько лет те мысли, за которые приговорили меня к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни.

Одни сочинения сообщают мысли, другие заставляют мыслить. Мысли проявляются мне на французском и русском языках, религиозные иногда на латинском. Скорбное свидетельство падения, что даже внутренние мысли души ⟨нашей⟩ требуют материальной формы. Infelix ego homo! Quis me liberabit de corpore mortis hujus? Gratia Dei per Jesum Christum Dominum nostrum (ad Rom. VII.24) [58*].

1839. Janvier 2. L'Eglise Catholique ne fait pas violence, ⟨mais⟩ elle ouvre à celui qui frappe.

L'âme a faim et soif de la vérité.

Le Royaume de Dieu ici: L'Eglise Catholique.

La perpétuité du Saint Siège a certainement quelque chose de miraculeux.

Le Royaume de Dieu sur la terre, ne consiste pas seulement dans la connoissance et l'accomplissement de ses préceptes, ce qui est sans doute son but et sa fin, mais aussi dans les moyens extérieurs pour y parvenir: c'est à dire dans l'Eglise, ou l'autorité établie pour enseigner, interpréter et propager les mêmes loix divines, et nous procurer par là la paix et la joie dans le Saint Esprit, qui est le dernier objet de cet empire célèste [59*].

St. Paul ap⟨ôtre⟩ de l'Eglise le corps de Jésus Christ: (Tim. 3. 15).

l'Eglise Catholique est la plus grande, la plus ancienne communauté des chrétiens. Elle est repandue sur toute la terre, et a été toujours la même. Elle n'est sortie d'aucune, et toutes les autres sont sorties d'elle. Les institutions humaines changent. Elle a le caractère d'immuabilité, imprimé aux ouvrages du Créateur.— Haller [11] devenu catholique, etc., etc. [60*].

[58*] Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю бога Иисусом Христом господом нашим (К рим. VII.24) (*лат.*).

[59*] 1839 января 2. Католическая церковь не совершает насилия, она отворяет тому, кто стучится.
Душа испытывает голод и жажду по истине.
Царствие божие на земле: католическая церковь.
Незыблемость святого престола несомненно имеет в себе нечто от чуда.

Царствие божие на земле состоит не только в познании и исполнении заветов господа, что, конечно, является главной его целью, но также и во внешних средствах к его достижению, а именно в церкви, т. е. во власти, установленной, чтобы преподать, истолковать и распространить те же божественные законы и тем доставить нам мир и радость в духе святом, а это и есть конечная цель царствия небесного (*франц.*).

[60*] Св. Павел апостол церкви тела Иисуса Христа (Тим. III.15).

Католическая церковь это наибольшая и древнейшая христианская община. Она распространилась по всей земле и всегда была тою же. Она не произошла ни от какой

1837. ВЕСНА

Март. 1[12]. Après une longue réclusion dans les cachots, la mémoire ne reproduit que des souvenirs vagues et décolorés, comme les planètes refléchissent la lumière du soleil, sans communiquer sa chaleur. Cependant j'ai encore des trésors dans le passé. Je me rappelle notre dernière entrevue dans la galerie du Château de... C'etoit en automne, par une soirée froide et pluvieuse. Elle avoit une robe de taffetas noir, une chaîne d'or au col, et au bras un bracelet entouré d'émeraudes, avec le portrait de celui de ses ancêtres qui a délivré Vienne. Son regard virginal sembloit suivre les fantastiques replis des tresses d'argent sur ma pelisse de hussard. Nous marchions le long de la galerie sans parler, mais nous n'avions pas besoin de paroles pour nous entendre. Elle paroissoit rêveuse. Une profonde peine pérçoit à travers le double éclat de la jeunesse et de la beauté, comme l'unique indice de sa nature mortelle. ⟨Après quelques tours nous nous arrêtames à une croisée d'ogive donnant sur⟩ En approchant d'une croisée d'ogive nous aperçumes la Vistule, dont les ondes jaunâtres étoient tachetées par l'écume des vagues. Des nuages gris traversoient l'horizon, la pluie tomboit par torrents, les arbres du parc s'agitoient en tous sens. Ce mouvement inquiet sans cause visible au dehors, contrastoit avec le calme profond autour de nous.

Tout à coup la cloche du Château annonça l'heure des Vêpres, en fesant vibrer le vitrage. Elle récita un Ave Maria, me tendit la main, et disparut (page 69) [61*].

7. La Religion Catholique se manifeste pour ainsi dire visiblement dans les femmes. Elle complète les grâces de leur nature, compense leurs défauts, et embellit les laides et les belles, comme la rosée embellit toutes les fleurs. On reconnoit une Catholique au premier abord entre mille femmes, à son maintien, à son parler, à son regard. Il y a quelque chose de suave, de calme et de serein dans toute sa personne, qui atteste la présence de la Vérité. Suivez la dans l'Eglise gothique, où elle va dire sa prière: agenouillée devant l'autel, plongée dans le clair—obscur, innondée par un torrent d'harmonies, elle reproduit l'image de ces messagers célestes, qui ont paru sur la terre pour révéler à l'homme ses hautes déstinées. Ce n'est que parmi les femmes Catholiques que Raphaël a pu trouver le type de la Madone [62*].

иной, а все остальные произошли от нее. Установления человеческие изменяются. Она же отличается той неизменностью, какою отмечены труды создателя.— Халлер, обращенный в католичество, и т. д. (*франц.*).

[61*] Перевод письма см. в наст. изд., с. 9. Разночтения — с. 379.

[62*] 7. Католическая вера как бы зримо воплощается в женщинах. Она завершает их врожденное изящество, возмещает их недостатки и украшает равно дурнушек и красавиц, подобно росе, украшающей все цветы. Католичку можно сразу узнать среди тысячи женщин по ее осанке, речи, взгляду. Во всем существе ее есть нечто сладостное, спокойное и безмятежное, указующее на присутствие истины. Последуйте за нею в готический храм, куда она идет молиться: склонив колена пред алтарем, погруженная в полумрак, овеянная гармоническими звуками, она подобна тем посланникам небес, кои являлись на землю, дабы открыть человеку его высокое предназначение. Только среди католичек мог Рафаэль найти прообраз мадонны [13] (*франц.*).

Voyez les sectes dans leurs temples ⟨leurs congrégations⟩: des simagrées, des courbettes, ou une raide et gauche contrainte; sans parler des réunions religieuses où on danse, on tremble, on prophétise etc., etc. Partout, excepté dans l'Eglise Catholique, la femme en approchant de la Source des grâces, doit renoncer au caractère distinctif de son sexe, qui est la grâce [63*].

15. Католическая истина о происхождении святого духа от отца и сына, основана на словах Св. Писания [14].

1°. Святой дух посылается сыном. Cum venerit Paraclitus, quem ego mittam vobis. (Ev. Joan. XV.26) [64*]. Si non abiero, Paraclitus non veniet ad vos; si autem abiero, mittam eum ad vos (Ev. Joan. XVI.7) [65*]. Поэтому происходит от сына, ибо послание в божеских ипостасях означает происхождение посылаемого от посылающего. Если б послание значило власть, начальство (imperium), то святой дух не был бы истинным богом, чего сами греки не допускают.

2°. Святой дух получает от сына, и от себя не говорит. Non enim loquitur a semetipso, sed quaecumque audiet loquetur... Ille me clarificabit, quia de meo accipiet, et annuntiabit vobis (Ev. Joan. XVI.13.14) [66*]. Божеские ипостаси не иначе получают одна от другой как происхождением (processione). И так святой дух сим⟨этим⟩ средством получает от сына. Сын от отца получает, и слышанное от него говорит, ибо от отца пред вечным рождением происходит. Следовательно святой дух происхождением же от сына получает знание с существом божеским, ибо знание не различествует от ⟨существа⟩ божеского существа.

3°. Omnia quaecumque habet Pater, mea sunt: propterea dixi, quia de meo accipiet (Ev. Joann. XVI.15) [67*]. Итак сын имеет все, что имеет отец, кроме отношения отечественности (paternitas). А как отец имеет силу послания святого духа (vim spirandi), то и сын имеет ту же силу, и не противуполагается отцу в том, что совозможно отношению сыновности (filiatio).

Il souffla sur eux et ajouta: Recevez le Saint Esprit (Joan 20.21.22) [68*]

....

[63*] Взгляните на сектантов в их молельнях ⟨их конгрегациях⟩: кривлянье, ужимки, или же неловкость и стесненность, не говоря уж о религиозных собраниях, где пляшут, трясутся, пророчествуют и т. п. Повсюду, за исключением католической церкви, женщина, приближаясь к источнику благодати, вынуждена отречься от отличительного свойства своего пола, изящества (*франц.*).

[64*] Когда же приидет утешитель, которого я пошлю вам (Ев. от Иоан. XV.26) (*лат.*).

[65*] Если я не пойду, то утешитель не приидет к вам; а если пойду, то пошлю его к вам (Ев. от Иоан. XVI. 7) (*лат.*).

[66*] ...ибо не от себя говорить будет, но будет говорить, что услышит... Он меня прославит, потому что от моего возьмет и возвестит вам (Ев. от Иоан. XVI.13.14) (*лат.*).

[67*] Все, что имеет отец, есть мое; потому сказал я, что от моего возьмет (Ев. от Иоан. XVI.15) (*лат.*).

[68*] ... дунул и говорит им: примите духа святого (От Иоан. XX.22) (*франц.*).

4°. В Св. Писании святой дух часто именуется духом отца или бога, потому, что от отца происходит. Следовательно происходит также от сына, ибо в Св. Писании именуется также духом Христовым. Cum venissent autem in Mysiam, tentabant ire in Bithyniam, et non permisit iis Spiritus Jesu (Act. Ap. XVI.7) [69*]. Si quis Spiritum Christi non habet, hic non est ejus (ad Rom. VIII.9) [70*]. Misit Deus Spiritum Filii sui in corda vestra (ad Gal. IV.6) [71*].

Эта католическая истина признана и утверждена авторитетом следующих соборов. Toletani, 1, 3, 4, 8, 9, 12, 13. Aquisgranensis, при Карле В<еликом> в 809 году. Bariensis, при Урбане II в 1098 году. Lateranensis — в 1215 году. <На этом соборе она обнародована на греческом и латинском языках и таким образом> Lugdunensis, 2, в 1274 году [15]. На этом соборе она обнародована на греческом и латинском языках. Fideli ac devota professione fatemur quod Spiritus Sanctus aeternaliter ex Patre et Filio, non tamquam ex duobus principiis, sed tamquam ex uno principio, non duabus Spirationibus, sed unica Spiratione procedit [72*]. Fiorentini в 1439 году [16]. На Флорен<тий>ском соборе она включена в символ веры, с согласия всех греческих пастырей, кроме одного Марка Ефеского: In nomine Sanctae Trinitatis, Patris et Filii et Spiritus Sancti, hoc Sacro universali approbanti Concilio Florentino, definimus, ut haec fidei veritas ab omnibus Christianis credatur, et suscipiatur, sicque omnes profiteantur, quod Spiritus Sanctus ex Patre et Filio aeternaliter est, et essentiam suam, suumque esse subsistens habet ex Patre Simul et ex Filio, et ex utroque aeternaliter tamquam ab uno principio, et unica spiratione procedit... Definimus insuper explicationem verborum illorum Filioque, veritatis declarandae gratia, et imminente tunc necessitate, licite ac rationabiliter Symbolo fuisse appositam [73*]. Надо присовокупить, что всеми восточными вселенскими соборами: Ephesinum, Chalcedoniense, C<onstantino>politanum [74*] 2, 3 и 4 [17] одобрено послание св. Кириллы Александрийского, в котором именно сказано, что святой дух происходит от отца и сына.

[69*] Дошедши до Мисии, предпринимали идти в Вифинию, но дух не допустил их (Деян. Ап. XVI.7) (*лат.*).

[70*] Если же кто духа Христова не имеет, тот и не его (К рим. VIII.9) (*лат.*).

[71*] Бог послал в сердца ваши духа сына своего (К гал. IV.6) (*лат.*).

[72*] Исполненные веры и благочестия, мы настоящим всеуслышно объявляем и признаем, что дух святой вечно исходит из отца и сына не как из двух начал, а как из одного начала, порождается не двумя дыханиями, но единым дыханием (*лат.*).

[73*] Во имя святой троицы, отца и сына и святого духа, с одобрения этого святого вселенского Флорентийского собора мы определяем, что всем христианам надлежит уверовать в следующую истину вероучения, воспринять ее и возглашать: что дух святой есть вечно из отца и сына и получает сущность свою равно как <... лакуна в рукописи Лунина> одновременно от отца и сына и вечно исходит из обоих как из единого начала и единым дыханием... Мы устанавливаем, кроме того, что такое толкование слов «через сына...» ради возглашения истины и ради насущной необходимости должно быть по закону и разуму введено в символ веры (*лат.*).

[74*] Эфесский, Халкидонский, Константинопольский.

Эта католическая истина принята и утверждена в особенности греческими отцами церкви, которых авторитет признают отпадшие греки:

Св. Афанасий: Quod si Filius, quoniam ex Deo est, proprius et substantiae ipsius, necesse est et Spiritum, qui ex Deo dicitur proprium esse Filii secundum Substantiam. (Ep. ad Serap.).

Neque vero Spiritus Verbum cum Patre copulat, sed potius Spiritus a Verbo accipit... Ipse enim ut dictum est Spiritum dat, et quaecumque habet Spiritus haec habet a Verbo (Orat⟨io⟩ IV. adv⟨ersus⟩ Arianos) [75*].

Св. Василий В⟨еликий⟩: Quid enim necesse est, si dignitate et ordine tertius est Spiritus, tertium ipsum esse natura? Nam dignitate secundum esse a Filio, ut qui ab illo esse habeat, et ab ipso accipiat, et anunciet nobis et omnino ex illa causa pendeat, pietatis sermo tradit: verum tertiam usurpare naturam, neque a Sacris litteris edocti sumus; neque ex supradictis consequenter potest colligi (Lib⟨er⟩ III contra Eunomium) [76*].

Св. Григорий Никейский. Porro idem nobis et de Spirito Sancto dicendum est; cujus de solo ordine differentia constituta est. Nam ut Patri conjunctus est Filius, et cum illo esse habeat, non tamen posterius existat: sic enim Spiritus Sanctus proxime haeret Filio, qui sola cogitatione secundum rationem principii, prius consideratur productione Spiritus. Nam tempora intervalla in illa vita quae saeculum omne praecedit, locum non habent; adeo ut detracta principii ratione, nulla re Sancta Trinitas a se ipsa dissideat (Lib⟨er⟩ I contra Eunomium) [77*].

Св. Епифаний: Vita totus est Deus. Ergo vita est e vita. Filius: ego enim sum, inquit, veritas et vita. At Spiritus Sanctus ab ambobus oritur (⟨in⟩ Haer⟨eticos⟩. LXXIV). Inter Patrem et Filium medius est, ex Patre Filioque procedens, et appellatione tertius (in Anchorato) [78*].

[75*] Поскольку сын, происходя от бога, неотъемлем от сущности его, необходимо, чтобы и дух, считающийся происходящим от бога, был неотъемлем от сущности сына (Посл. к Серап.). И не дух единит слово с отцом, но скорее дух из слова... Оно же, как сказано, порождает дух, и что ни есть у духа, то он имеет от слова (IV речь против ариан) (*лат.*).

[76*] Разве необходимо, чтобы дух, если он третий по значению своему и по порядку, был бы также третьим и по своей природе? Ведь само уважение к святости изъясняет нам, что тот, кто происходит от сына, кто все от него имеет и нам являет, кто во всем от него зависит, должен и по значению быть вторым после сына, необходимость же для него быть третьим по природе ни в Священном Писании не обозначена и не может быть выведена из сказанного выше (Кн⟨ига⟩ III против Евномия) (*лат.*).

[77*] Далее нам надлежит сказать также и о святом духе, коего отличие состоит только лишь в расположении. Ибо как сын неотъемлем от отца и не следует после него, но долженствует быть с ним, так и дух святой ближайшим образом прилежит сыну, который лишь по мысли идет сразу после первоначала, по протяженности же ранее идет дух. Отстоять же друг от друга во времени в той жизни, которая предшествует всякому времени, ничто не может, так что, раз отделившись от первоначала, святая троица внутри себя никак не разделяется (Кн⟨ига⟩ I против Евномия) (*лат.*).

[78*] Жизнь есть бог в его целокупности. Жизнь, следовательно, рождается из жизни: Я,— говорит сын,— есмь истина и жизнь. Дух же святой происходит из

Св. Дидимий: Non enim loquetur a semetipso; non ex se, sed ex Patre, et ex me est. Hoc enim ipsum, quod subsistit, a Patre, et a me ille est. (Lib⟨er⟩ II de Spirito Sancto, exponens illa verba Christi) [79*].

Св. Кирилл Александрийский: Procedit enim per ambos (Patrem et Filium) et vivicans Spiritus (Lib⟨er⟩ de recta fide ad Reginas). Omnia existens quaecumque est Pater, excepto eo solo quod Pater est: et proprium habens, qui ex ipso est, et substantialiter inest ei, Spiritum Sanctum, divina miracula faciebat (Respons⟨io⟩ ad Orientalium objectiones. IX). Quamvis enim Spiritus in Substantia propria ⟨est⟩ sit, quatenus Spiritus est, et non Filius; est tamen ab ipso non alienus. Profunditur ⟨enim⟩ autem ab ipso, non minus profecto quam ex Deo et Patre (Ep⟨istola⟩ ad Nestorium) [80*].

Св. Максим. M. Nam Spiritus Sanctus, quemadmodum natura Dei est, ac Patris secundum substantiam: Sicut Filius secundum substantiam: tamquam qui ex Patre substantialiter per Filium genitum, inexplicabili modo procedat. (In tractato de Candelabro Zachariae Prophetae) [81*].

Св. Иоанн Дамаский: Imago Patris est Filius, et Filii Spiritus; per quem Christus habitans in homine, dat ipsi ut ad imaginem sit (Lib⟨er⟩ I de Fide Orthod⟨oxae⟩ cap. XVIII) [82*].

К этому надо присовокупить мнение латинских отцов церкви, св. Августина, папы Льва, папы Григория В⟨еликого⟩, которых авторитет равномерно признается отпадшими греками [18].

Раскол греков есть дело политическое, а не религиозное, как мы увидим из изложения исторических фактов. Вопросы религиозные служили только предлогом. Настоящею целию было присвоение власти.

В истории Реформации то же явление. Но начальники Реформации действовали с бо́льшею последовательностию. Они поняли незаконность

обоих (⟨Против⟩ Ерет⟨иков⟩. LXXIV). Он есть посредствующий между отцом и сыном, происходя из отца и сына, речется же третьим (Против Анкората) (*лат.*).

[79*] Говорит же не от самого себя; и происходит не из себя, но из отца и из меня. То, что остается — то от отца и от меня (Кн⟨ига⟩ II о духе святом, где объясняет эти слова Христа) (*лат.*).

[80*] Происходит же дух из обоих (отца и сына) и исполняется жизни (Кн⟨ига⟩ к царицам о правильной вере). Все, что бы ни существовало, есть отец, за исключением лишь самого отца, ибо он, имея в себе собственное начало, происходящее из него самого и субстанциально ему присущее, божественно и чудотворно создал святого духа (Ответ на возражения восточных ⟨ересиархов⟩. IX). Хотя дух, в той мере, в какой он дух, а не сын, обладает собственной субстанцией, он ему, однако, не посторонен, но источается из него столь же полно, как из бога и отца (Посл⟨ание⟩ к Несторию) (*лат.*).

[81*] Святой дух, точно так же, как природу имеет общую с богом и по субстанции един с отцом, так же есть по субстанции и сын, ибо тот, кто от отца, тот неизъяснимым образом происходит в то же время субстанцией своей и от сына, им рожденного (В трактате о светоче пророке Захарии) (*лат.*).

[82*] Сын есть образ отца, и дух есть образ сына; через него и Христос, пребывая в человеке, дает ему возвыситься до своего образа (Кн⟨ига⟩ I о православной вере, гл. XVIII (*лат.*).

свою, предвидели невозможность удержать присвоенную власть и решились разделить ее с светскими властями. Они уступили капитал с тем, чтоб пользоваться процентами. Этим объясняются их быстрые успехи и оседлость настоящего положения. Начальники греческого раскола, увлекаясь теми же побуждениями, но не имея сметливости реформатов, при самом отпадении от законной власти впали в унизительное порабощение ⟨в котором и теперь находятся⟩. Дом их разделился. Патриархи и митрополиты, враждуя между собою, не могут определить взаимных отношений. Одни сгибаются под палку мусульманина, другие покорствуют тайной полиции, третьи вводят новые расколы, все служат диаволу, чтоб сохранить призрак власти над участками стада, ими же в гибель увлеченного. In aeternum peribunt [83*].

Les leviers de ma bière porteront mon espérance, elle reposera avec moi dans la poussière du tombeau. Job. cap. XVII.16 [84*].

Accordez lui donc quelques moments de repos, jusqu'à celui au quel il attend, comme le mercenaire, le salaire de son travail. Job. cap. XIV.16 [85*].

Le principe de l'autorité existe dans l'église d'orient, mais il est déplacé, en ce qu'il émane du pouvoir ⟨séculier⟩ politique, ou d'un ⟨autorité⟩ pouvoir ecclésiastique ⟨dépourvue de temoignage de tradition, divisée non définie et divisée entre elle, organisée arbitrairement, méconnue par une partie de ceux sur les quels elle il s'arrange la domination⟩ dont la chaîne traditionnelle, étant interrompue ⟨ne présente et qui pour cette raison⟩ est dépourvue du témoignage de la manière à la Vérité etc. L'Eglise d'orient est partout la protégée de l'Etat: ⟨et souv⟨ent⟩ partout de là⟩ souvent un instrument du pouvoir politique [86*].

Avril 9. J'ai entendu du chant pour la première fois, après dix années de réclusion. C'étoit de la musique connue, mais elle a eu pour moi le charme de la nouveauté par l'effet d'une voix de contre-alto, et peut être à cause de la personne qui a chanté. Un air de Rossini a produit une impression à la quelle

...

83* Погибнут навеки (*лат.*).

84* Ручки гроба моего унесут мою надежду, она будет покоиться со мною во прахе могилы (Кн. Иов. XVII.16) (*франц.*).

85* Дайте же ему несколько мгновений отдыха, которые он ждет, как наемник вознаграждения за труд свой (Кн. Иов. XIV.16) (*франц.*).

86* Принцип авторитарности существует в восточной церкви, однако там он неуместен, ибо исходит от власти ⟨мирской⟩ политической или же от ⟨власти⟩ церковной власти, ⟨лишенной свидетельства предания, неопределенной и расколотой, организованной произвольно, признаваемой лишь частью тех, на которых зиждется ее господство⟩. чья цепь предания, будучи прерванной, ⟨не представляет и на этом основании⟩ лишена свидетельства, необходимого для истины и т. д. Восточная церковь всюду находится под покровительством государства: ⟨и часто поэтому⟩ часто орудие политической власти [19] (*франц.*).

je ne m'attendois pas. La musique est plus dangereuse que les paroles, par le vague de son éxpression. Elle s'adapte à tout, n'exprime rien de positif, et embellit tout ce qu'elle exprime. C'est le language du monde invisible qui nous entoure, souvent le language des puissances aëriennes contre les quelles nous avons à combattre. St Augustin trouve que les impressions agréables de la musique sont une servitude. Lorsqu'il m'arrive, dit-il, d'être plus touché du chant lui-même, que des paroles qu'il accompagne, je confesse que j'ai péché, et j'aimerois mieux alors n'avoir pas entendu chanter (Conf⟨essions⟩. Lib. VIII). S'il y a du mal dans les chants qui accompagnent les psaumes du Roi-prophête, que dire de la musique qui exprime les passions dereglées des hommes [87*].

Cependant le désordre causé par ce que je venois d'entendre duroit toujours. Malgré les efforts de la pensée pour s'élever dans la région étherée qui lui est propre, elle rodoit sur la terre. L'imagination reproduisoit toute sorte de phantasmagories: l'antique châtel avec ses tourelles crénnelées, la jeune châtelaine au regard d'azur, son voile blanc flottant dans les airs en signe d'intelligence, les voix de la sérénade et le cliquetis des armes qui troubla l'harmonie. Folles et coupables vanités de ma jeunesse!

Mais à la prière du soir les illusions de l'ennemi disparurent. Je remerciai Dieu de ce qu'il m'avoit montré combien je suis foible par moi-même, et combien je suis fort par Celui qui me conforte. Omnia possum in eo, qui me confortat (ad Phil. IV.13) [88*].

[87*] *9 апреля.* Я услышал пение впервые после десятилетнего заключения. Музыка была мне знакома; но в ней была для меня прелесть новизны благодаря контральтовому голосу, а может быть благодаря той, которая пела. Ария Россини произвела впечатление, которого я не ожидал. Музыка опаснее слов неопределенностью своего выражения. Она приспособляется ко всему, не выражает ничего положительного и украшает все, что выражает. Это язык окружающего нас невидимого мира, часто это язык тех воздушных сил, с которыми нам приходится бороться. Святой Августин находит, что приятные впечатления от музыки — порабощают. Когда случается,— говорит он, — что я более тронут самым пением, чем словами, которые оно сопровождает, я признаю, что согрешил, и тогда я предпочел бы не слышать пения (Исп⟨оведь⟩, кн. VIII). Если есть зло в пении, сопровождающем псалмы царя-пророка, то что же сказать о музыке, выражающей разнузданные людские страсти?

[88*] Однако смятение, вызванное тем, что я слышал, все длилось. Несмотря на усилия мысли вознестись в свойственные ей области эфира, она блуждала по земле. Воображение воспроизводило всевозможные видения: старинный замок с зубчатыми башенками, молодую владелицу замка с лазоревым взглядом, ее белое покрывало, развевающееся в воздухе, как условный знак, звуки серенады и лязг оружия, нарушивший гармонию. Безумная, преступная суетность моей юности [20]!

Но с вечерней молитвой дьявольские наваждения рассеялись. Я возблагодарил господа за то, что он мне показал, как слаб я сам по себе и как я силен с помощью того, кто укрепляет меня. Все могу в том, кто меня укрепляет (К фил. IV.13) (*франц., лат.*).

15. Les orages de la pensée s'élèvent subitement comme ceux de l'océan, mais leur tourmente dure plus longtemps. Nous avons le pouvoir de les exciter, non celui de les calmer par nous mêmes.

Ce n'est que dans le vaisseau de l'Eglise Catholique qu'ils sont sans danger. Le passager mystérieux qui commande aux éléments est toujours là, soit qu'il dorme ou qu'il veille. On n'a qu'à dire: Domine Salva nos, perimus, et le calme renoit [89*].

16. Les pays Catholiques ont un aspect pittoresque, et une teinte de poésie que vous cherchez en vain dans les contrées où la Réforme a étendu sa domination. Cette différence se fait sentir par une foule d'impréssions vagues, qu'on ne sauroit définir, mais qui finissent par captiver le cœur. Tantôt c'est un couvent à demi ruiné que le voyageur aperçoit sur les confins de l'horizon, et dont la cloche lointaine lui annonce un abri hospitalier: tantôt c'est une croix érigée sur la colline, ou une Madone placée au milieu de la forêt qui lui indiquent sa route. Ce n'est qu'autour de ces monuments de la vraie Foi, qu'on entend la romance, la cavattine, ou l'air tyrolien. Le dimanche est une fête de famille pour la pauvre Pologne: c'est un jour de deuil et de contrainte pour l'opulente Angleterre. Ce contraste se fait sentir surtout aux fêtes solennelles de l'année. Les Catholiques entourent leur Mère dans la simplicité du cœur, avec abandon et pleine confiance, remplissent les cérémonies qu'elle indique, et sont heureux de sa joie: les sectaires deviennent graves ou désordonnés; ils cherchent la raison pour la quelle il faut se réjouir, ou se plongent dans les excès pour éviter le doute qui les travaille [90*].

18. Fêtes de Paques. Surrexit Dominus!

[89*] 15. Бури в мыслях возникают столь же внезапно, что и океанские, но волнение тут длится долее. В нашей власти вызывать их, но не в нашей — самим их успокоить.

Не опасны они лишь на корабле католической церкви. Таинственный путник, повелевающий стихиями, всегда там, спит он или бодрствует. Стоит произнести: боже, спаси нас, погибаем, и тишина возвращается (*франц.*, *лат.*).

[90*] 16. Католические страны живописны и озарены поэзией, которую тщетно было бы искать в краях, где расширила свое господство Реформация. Различие это ощущается во множестве смутных впечатлений, которые трудно определить, но которые в конце концов пленяют сердце. То это увиденный путником на горизонте полуразрушенный монастырь, чей отдаленный колокол возвещает ему гостеприимный кров; то крест, воздвигнутый на холме, или Мадонна среди леса, указующие ему путь. Только вблизи этих памятников истинной веры услышишь романс, каватину или тирольскую песнь. Для бедной Польши воскресенье — семейный праздник, а для богатой Англии — это день траура и стеснений. Контраст этот особенно чувствуется в дни торжественных праздников года. Католики в простоте сердца сбираются вокруг своей матери-церкви, непринужденно и с полным доверием выполняют предписываемые ею обряды и счастливы ее радостью; сектанты становятся сумрачны или разнузданны; они ищут причину, по которой надлежит радоваться, или же предаются излишествам, убегая от терзающих их сомнений (*франц.*).

Nous avons une faculté aimante qu'il faut diriger vers notre Créateur, et par Lui au créatures. Autrement plus nous sommes capables de Sentiment, plus nous sommes misérables. Si l'homme pouvoit connaitre un Ange, il l'aimeroit et seroit misérable.

Détourne ma vue des perfections dans les créatures, afin que mon âme ne soit pas entravée dans son essor vers toi. Il y a des attraits dans Tes oeuvres, que je ne puis voir sans trouble dans mon état de déchéance; et l'ennemi est toujours là pour profiter de ce moment. Tamquam leo rugiens circuit [91*].

1837. ЛЕТО

Juin 1. Les pays Réformés sont remplis d'institutions de bienfaisance où l'on pratique à grand fraix la charité légale. D'où vient que cette charité est une source de véxations et de nouvelles misères pour les pauvres qu'elle cherche à soulager, et en même temps une source de désordres et de dépravation pour les peuples qui la pratiquent? Les philantropes tâchent d'expliquer ce phénomène par l'imperfection des systèmes adoptés. Ils proposent des réformes, éxigent qu'on ajoute des millions aux millions dépensés inutilement. Pauvres aveugles! Ce n'est pas l'argent qui manque. C'est le sentiment qui manque. Si distribuero in cibos pauperum omnes facultates meas, charitatem autem non habuero, nihil mihi prodest (I Cor. XIII.3). Or ce sentiment ne se trouve que dans l'Eglise Catholique. Le bien que vous voulez faire tourne en vanité. C'est prédit: sicut palmis non potest ferre fructum a semetipso, nisi manserit in vite, sic nec vos, nisi in me manseritis. Sine me nihil potestis facere (Ev. Joan. XV.5).

En se séparant de l'Eglise Catholique, on se sépare de son Chef invisible, on devient incapable d'aimer et de faire le bien. Voyez la charité qui s'exerce à côté de vous, dans l'ombre des couvents Catholiques que vous avez dépouillés. Bornée dans ses moyens, elle est féconde à l'infini dans ses résultats. Le moine qui distribue l'aumône en se privant du nécéssaire, ne sait pas discuter sur la philantropie, mais il sait trouver dans son latin de cuisine un mot de consolation pour assaisonner le morceau de pain donné au pauvre. Votre charité humilie et déprave: la Sienne console et sanctifie [92*].

....

[91*] *18. Праздник пасхи.* Христос воскресе!

Мы наделены способностью любить, которую следует обратить на нашего создателя, а через него — на его творения. Иначе чем более способны мы чувствовать, тем мы несчастней. Если бы человек мог познать ангела, он полюбил бы его и был несчастен.

Отврати взор мой от совершенств твоих созданий, дабы душе моей не было помех в ее стремлении к тебе. Есть у твоих созданий прелести, кои я не могу созерцать без смятения, ибо я существо падшее, а враг всегда тут, чтобы этим мгновением воспользоваться. Бродит вокруг аки лев рыкающий [21] (*франц.*, *лат.*).

[92*] *Июня 1-го.* Протестантские страны изобилуют благотворительными учреждениями, где много расходуется на узаконенную милостыню. Отчего же благотворительность эта является источником притеснений и новых страданий для бедняков, коим она тщится помочь, а в то же время причиной беспорядков и развращения народов, ее осу-

7. La littérature a subi en France une espèce de revolution, à la quelle on prête trop d'importance. Le changement est une condition inhérente à l'erreur. On déclame contre la nouvelle école, qu'on désigne sous le nom de romantique, avec aussi peu de fondement qu'on prône l'ancienne, ou la classique. Toutes les deux sont également nuisibles, en ce qu'elles sont l'expression du mensonge. L'école classique a eu pour but de peindre une nature parfaite, qui n'existe pas, car notre nature est déchue. Cette idée est un héritage du paganisme. De là l'imitation servile des anciens, l'exagération, la sécheresse, le pédantisme et tous les défauts qu'on reproche à cette école. Ecoutons un religieux du 17-me siècle au sujet de son influence: «C'est déjà bien assez des créatures, des biens, des beautés de ce monde, pour faire illusion aux hommes, pour les détourner de Dieu qui est leur fin, et en qui seul réside cette souveraine perfection, dont les plus admirables créatures ne possèdent qu'une image affoiblie; gardons nous donc des écrivains qui par leur art, ne font qu'ajouter aux attraits de ces beautés qui passent, et rendre ainsi nos illusions plus irrémédiables! Ils n'employent de si riches couleurs que pour peindre ce qu'il y a de plus excellent. Les yeux ne voient rien de beau, ni dans le ciel, ni sur la terre, et l'imagination ne se peut rien représenter de grand, dont on ne trouve chez eux des descriptions exactes.— Cette peinture qu'ils font de la beauté des créatures est beaucoup plus engageante, et plus capable d'arrêter les yeux, que les créatures ne le sont elles-mêmes. Dans tous les plaisirs de la terre, il y a toujours quelque amertume qui en corrompt toute la douceur; les plus belles choses du monde ne sont pas sans quelque défaut; mais cela ne se trouve pas dans les images que la poésie en fait: c'est pourquoi tout ce qu'elle en dit attache, et rien ne dégoûte. Cependant toutes les imaginations des écrivains n'ajoutent rien à la beauté du monde; ils ne rendent pas ses créatures capables de nous faire heureux, et néanmoins augmentant par leurs fictions les grandeurs et les plaisirs de la terre, il nous semble qu'ils augmentent la félicité que nous y cherchons. Nous sommes à peu près comme un amant passionné, qui se cache les défauts de la personne qu'il aime, et qui s'attache aux ornements qu'elle emprunte de l'art, pour la trouver

....

ществляющих? Филантропы пытаются объяснить это явление несовершенством принятых систем. Они предлагают реформы, требуют, чтобы новые миллионы добавлялись к уже истраченным без пользы. Несчастные слепцы! Дело не в недостатке денег. Дело в недостатке чувства. И если я раздам для пропитания бедняков все имение мое, а любви не буду иметь, нет мне в том пользы. (I кор. XIII.3). А чувство это есть лишь в католической церкви. Добро, которое вы хотите делать, оборачивается тщеславием. Это предсказано: как ветвь не может приносить плода сама собой, если не будет на лозе, так и вы, если не будете на мне. Без меня не можете делать ничего (Ев. от Иоан. XV.5.).

Порвав с католической церковью, порывают и с ее невидимым главою и утрачивают способность любить и делать добро. Взгляните на благотворительность рядом с вами, под сенью католических монастырей, вами же ограбленных. Ограниченная в средствах, она бесконечно богата результатами. Монах, раздающий милостыню, лишая себя необходимого, не умеет рассуждать о филантропии, зато умеет найти в своей кухонной латыни слово утешения, которым приправляет кусок хлеба, даруемый бедняку. Ваша милостыня унижает и развращает, его же — утешает и освящает (*франц.*, *лат.*).

aimable, etc., etc. (Reflex⟨ion⟩ sur l'art poétique, du R⟨évérend⟩ P⟨ère⟩ Lamy, de l'Oratoire. 1678) [93*].

Enfin la satieté de la perfection imaginaire est survenue. On s'est mis à reproduire l'imperfection de la nature humaine, avec autant de fausseté sous des formes et des couleurs attrayantes. Le laid factice a remplacé le beau factice. Voila l'origine de l'école romantique. Elle s'enfonce dans la boue, comme sa dévancière se perdoit dans les nues. Le résultat est le même; mais son influence sera probablement moins durable et moins pernicieuse; car on se dégoûte plutôt du diable quand on voit ses cornes, que lorsqu'il apparoit sous la forme d'un ange de lumière [94*].

[93*] 7. Литература во Франции пережила своего рода революцию, коей придают излишнюю важность. Перемена свойственна заблуждению. Новую школу, названную романтической, поносят столь же неосновательно, как и восхваляют прежнюю, или классическую. Обе они равно вредны тем, что лживы. Классическая школа имела целью изобразить совершенного человека, который не существует, ибо природа наша греховна. Мысль эта унаследована от язычества. Отсюда рабское подражание древним, преувеличения, сухость, педантизм и все недостатки, за которые упрекают эту школу. Послушаем, что говорит о ее влиянии духовное лицо 17-го века: «И без того довольно уж земных созданий, довольно благ и красот этого мира, чтобы питать людей иллюзиями и отвращать от бога, являющегося их целью, ибо в нем едином заключено высшее совершенство, коего лишь слабым отражением являются самые восхитительные из его творений. Остережемся же сочинителей, которые своим искусством лишь добавляют прелести этим преходящим красотам и делают тем наши иллюзии еще более неизлечимыми. Все свои пышные краски они употребляют лишь на изображение самого прекрасного. Нет ничего, восхищающего наш взор, ни на небесах, ни на земле, ничего величавого, предстающего нашему воображению, чего мы не нашли бы у них в точных описаниях. Такое изображение красоты земных созданий много привлекательнее и более способно пленять наш взор, чем сами эти создания. Во всех земных утехах всегда есть некая горечь, отравляющая всю сладость; прекраснейшее в мире не лишено некоторых изъянов; но этого мы не находим в изображающей его поэзии; потому-то все, что она говорит о них, привлекает к ним и ничто не отвращает. Однако все воображение сочинителей ничего не прибавляет к красоте мира. Оно не наделяет его создания способностью дать нам счастие; но, преувеличивая в своих вымыслах великолепие всего земного и земные радости, они, как нам кажется, усиливают наслаждение, которое мы там ищем. Мы почти подобны пылкому любовнику, который скрывает от себя недостатки любимой особы и, чтобы восхищаться ею, полагается на украшения, заимствуемые ею у искусства... и т. д. («Размышления об искусстве поэзии» п⟨реподобного⟩ о⟨тца⟩ Лами, ораторианца. 1678) [22] (*франц.*).

[94*] Наконец наступает пресыщение воображаемым совершенством. Принимаются изображать столь же лживо, в формах и красках самых ярких, несовершенство человеческой природы. Искусственную красоту заменило искусственное уродство. Таково происхождение романтической школы. Она погружается в грязь, как предшественница ее терялась в облаках. Результат остается тот же; но влияние ее, вероятно, будет менее длительным и менее вредным, ибо дьявол скорее внушает отвращение, если видны его рога, чем представая в образе светлого ангела (*франц.*).

15. La vocation des premiers Catholiques étoit de combattre le paganisme: la notre est de combattre l'hérésie. C'est toujours la même cause, les mêmes armes, la même lutte. Nos dévanciers avoient le don des langues: nous parlons toutes les langues en prêchant d'exemple par notre conduite.

C'est une fausse idée qui nous fait rejeter l'exemple des Saints, comme disproportionné à notre état. Elie étoit un homme comme nous, et sujet aux mêmes passions, dit l'Apôtre Jacques. Elias homo erat similis nobis, passibilis. (Ep. Jac. V. 17). Quid est Apollo? quid vero Paulus? Ministri ejus, cui credidistis (I. Cor. III. 4.5) [95*].

16. Апостол Павел называет коринфян плотскими, потому что некоторые говорили: Я Аполлосов, я Павлов, я Кифин. Как назвать тех, которые говорят: я Лютеров, Я Кал⟨ь⟩винов. Serpentes genimina viperarum! quomodo fugietis a judicio gehennae? (Ev. Matt. XXIII. 33) [96*].

17. Jesus Christ n'a pas voulu du témoignage des démons, et de ceux qui n'avoient pas vocation, mais de Dieu et de Jean-Baptiste. L'Eglise Catholique veut non seulement de notre témoignage, puisqu'elle nous préscrit de combattre l'érreur, mais aussi du témoignage négatif des hérétiques. Si quis ex vobis erraverit a veritate, et converterit quis eum, scire debet quoniam qui converti fecerit peccatorem ab errore viae suae, salvabit animam ejus a morte, et operiet multitudinem peccatorum (Ep. Jac. V. 20). Nam oportet et haereses esse, ut qui probati sunt, manifesti fiant in vobis (I Cor. XI. 19) [97*].

I am, dear Sir, very respectfully your friend, M. L. [98*].

Marie: Tome II, p. 185 [99*].

[95*] 15. Призванием первых католиков была борьба с язычеством, наше призвание — борьба с ересью. Это все то же дело, то же оружие, та же борьба. Предшественники наши имели дар языков; мы говорим на всех языках, проповедуя примером собственного поведения.

Мы заблуждаемся, когда отвергаем пример святых, считая его для нас непосильным. Илия был такой же человек, как мы, подверженный тем же страстям, говорит апостол Иаков. Илия был человек, подобный нам (Посл. Иак. V.17). Кто Аполлос? Кто Павел? Они только служители его, которым вы поверили (I кор. III.4.5) (*франц.*, *лат.*).

[96*] Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну (Ев. от Матф. XXIII.33) (*лат.*).

[97*] 17. Иисус Христос не пожелал свидетельства демонов и тех, кто не был призван, но единственно бога и Иоанна Крестителя. Католическая церковь, предписывая нам бороться с заблуждением, желает свидетельства не только нашего, но и отрицательного свидетельства еретиков. «Если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, тот знай, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Посл. Иак. V.19.20). «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (I кор. XI.19) (*франц.*, *лат.*).

[98*] Остаюсь, дорогой сэр, со всей почтительностью вашим другом, М⟨ихаил⟩ Л⟨унин⟩ [23] (*англ.*).

[99*] Мария ⟨Магдалина⟩, т. II, с. 185 (том из «Деяний святых»).

Les diverses sectes religieuses se jalousent parfois entre elles, mais en général elles se tolèrent mutuellement, et souvent cherchent les unes dans les autres un appui réciproque: toutes en masse et en détail sont hostiles envers le Catholicisme.

Son unité, le principe d'autorité dont il procède, et l'immobilité de ses doctrines, lui suscitent des adversaires dans toutes croyances qui n'offrent pas ces témoignages de la vérité [100*].

L'esprit de prosélytisme 〈qui forme un des principaux traits principal du Catholicisme〉, aggrave ces dispositions ennemies. Le Catholicisme attire à lui des partisans par la nature même de sa doctrine. Il convient aux esprits supérieurs, qui vont se reposer de leur doutes au sein de l'autorité: et aux intelligences communes, 〈qui n'auront jamais de principes, incapables de choisir des croyances〉, qui trouvent 〈une Religion〉 des idées à leur portée dans l'unité et l'immobilité et l'égalité.

Quelques sectes pratiquent le prosélytisme à l'aide des mots et des faits: (les Presbytériens etc.), d'autres le réprouvent comme affectant la liberté de conscience: (les Quakers): le Catholicisme seul s'attire à lui par sa puissance intrinsèque, sans le secours de la chair et du sang et sans contrainte de la conscience.

La multitude des sectes, qui existent dans le monde ne sont que les modifications de l'orgueil qui ne se résigne pas de savoir sans connaître [101*].

Juillet. 1. L'incrédulité est une maladie morale qui commence à passer, comme la lèpre a passé. S'il y a encor〈e〉 des incrédules ce sont les gens les plus vides et les plus sots, aux quels ce n'est pas la peine de parler, car il faut enfin que l'enfer soit peuplé. Mais de voir que des êtres doués d'intelligence et de sentiment, capables d'aimer Dieu soient privés de ce bonheur dans cette vie comme dans l'autre, à cause de l'hérésie, c'est un spectacle bien triste. On

---

[100*] Различные религиозные секты порою завидуют друг другу, но в общем они взаимно терпимы и часто находят друг в друге поддержку; все они, в целом и в частностях, враждебны католицизму.

Его единство, принцип авторитета, из которого он исходит, и неизменность его догматов снискали ему противников во всех верованиях, не имеющих этих свидетельств истины (*франц.*).

[101*] Дух прозелитизма 〈составляющий одну из главных черт католичества〉 усиливает эту враждебность. Католицизм привлекает к себе сторонников самою природою своего учения. Он подходит высоким умам, которые в лоне авторитета отдыхают от сомнений[24], и умам заурядным 〈не имеющим принципов, не способным выбрать верования〉, находящим доступные им идеи в единстве, недвижности и равенстве.

Некоторые секты стремятся привлечь к себе с помощью слов и дел (пресвитериане), другие это осуждают как нарушение свободы совести (квакеры); один лишь католицизм привлекает к себе своей внутреннею силой, без поддержки смертных и без стеснения совести.

Множество существующих в мире сект — это лишь разновидности гордыни, которая не хочет знать, не познавая (*франц.*).

voudroit par toutes les peines de la vie et du purgatoire retirer une de ces ames des ténèbres.

Beaucoup d'hérétiques restent dans leurs secte par indifférence, ne pouvant pas avoir de foi dans ce qui n'est pas une religion, mais une opinion: d'autres par ignorance, et c'est la majorité: enfin il y en a qui savent ce qu'ils font, mais ne savent pas ce qui les attend [102*].

L'habitude a une grande influence sur les ésprits foibles. Nés dans l'hérésie ils ont eu constamment sous les yeux le spectacle de ses simagrées. Elle se rattache à leurs souvenirs d'enfance, de jeunesse, à tout le ⟨misérable⟩ roman de leur vie. Ils y restent parce qu'ils y sont habitués. Fort bien. Mais pourront ils s'habituer de même au feu éternel de l'enfer [103*]?

La conduite individuelle des prêtres et des ministres, ainsi que leurs facultés intellectuelles, qui sont une condition principale pour le maintien et le progrès des sectes, ne sont qu'une considération secondaire dans le Catholicisme, qui n'a besoin d'aucun secours humain pour se soutenir et se propager.

Ce que le prêtre Catholique illettré et même dissolu dit, est plus fort que ce qu'il fait: parce que ce qu'il dit n'est pas de lui [104*].

Nos idées ainsi que nos termes de progrès et de décroissance ne sont pas applicables au Catholicisme: il est indivisible et immuable comme son origine: les chiffres et les signes conventionnels s'effacent devant son éclat et ne peuvent servir d'indices à ses phases mystérieuses.

[102*] *Июля 1-го.* Неверие есть нравственный недуг, начинающий исчезать, как исчезла проказа. Если есть еще неверующие, то это люди наиболее пустые и глупые, о которых не стоит и говорить, ибо надо же кем-то заселить и ад. Но когда существа, наделенные разумом и чувством, способные любить бога, из-за ереси лишены этого счастия и в земной жизни и в будущей, такое зрелище весьма печально. Ценой всех мук жизни и чистилища хочется извлечь из тьмы одну из этих душ [25].

Многие еретики остаются в своей секте из равнодушия, неспособные верить в то, что является не религией, но всего лишь мнением; другие по невежеству, и таких большинство; есть, наконец, и такие, которые знают, что делают, не знают лишь, что их ждет (*франц.*).

[103*] Привычка имеет большую власть над умами слабыми. Рожденные в ереси, они постоянно имели перед глазами зрелище ее кривляний. Для них она связана с воспоминаниями детства, юности, со всею ⟨жалкою⟩ повестью их жизни. Они остаются в ней, ибо к ней привыкли. Отлично. Но смогут ли они так же привыкнуть к вечному огню ада? (*франц.*).

[104*] Личное поведение священников, как и умственные их способности, являющиеся главным условием поддержания и прогресса сект, имеют лишь второстепенное значение для католичества, которое для своего существования и распространения не нуждается в человеческой помощи.

То, что говорит католический священник, невежественный или даже распутный, сильнее того, что он делает, ибо то, что он говорит,— не от него (*франц.*).

Le nombre des croyants peut augmenter ou diminuer, sans affecter la croyance [105*].

Dear Sister!

Your most assured, real and faithful friend, M. [106*].

Ce sont les dégrès intermédiaires entre la foi et le doute: le principe de l'autorité et l'examen de la raison [107*].

17. Le culte est l'expression des dogmes, et en même temps un témoignage extérieur de leur plénitude et vérité. En entrant, je ne dis pas dans les kirkes des réformés qui ont l'air d'auberges...

Le défaut organique de toutes les sectes consiste en ce qu'elles n'ont ni point de départ fixe, ni point d'arrêt certain [108*].

Toutes les sectes ont quelque chose de bon, mêlé a du faux: sans quoi elles ne pourraient pas exister. Les unes renferment le principe de la liberté civile et religieuse, les autres l'égalité des hommes entre eux, presque toutes la simplicité et l'austérité des mœurs; le Catholicisme seul comprend à la foi le bien et le vrai [109*].

Везде были и есть злоупотребления, но нигде не было подобных соблазнов. Тут зло проистекает не от людей и страстей, которые могут измениться и утихнуть, а от ложных начал, которые неминуемо ведут к одним и тем же результатам.

Dear Madam!

Believe me with the highest respect and esteem, your much obliged friend and servant, Michael L. [110*].

....

105* Наши идеи, как и наши слова о прогрессе и упадке, к католицизму неприменимы; он неделим и неизменен, как его источник; цифры и условные знаки исчезают в его сиянии и не могут обозначать его таинственные фазы.

Число верующих может расти или уменьшаться, не отражаясь на вере (*франц.*).

106* Дорогая сестра! ⟨...⟩

Твой вернейший, истинный и преданный друг М⟨ихаил⟩ [26] (*англ.*).

107* Это переходные ступени меж верою и сомнением: принцип авторитета и исследование с помощью разума (*франц.*).

108* 17. Культ — это выражение догматов и вместе с тем внешнее свидетельство их полноты и истинности. Входя, я уж не говорю в кирки протестантов, похожие на постоялые дворы...

Органический недостаток всех сект состоит в том, что у них нет ни отправной точки, ни точного места прибытия (*франц.*).

109* Во всех сектах есть нечто хорошее, смешанное с ложным, без чего они не могли бы существовать. У одних это принцип гражданской и религиозной свободы, у других равенство людей между собою, почти у всех — простота и строгость нравов; один лишь католицизм вмещает и добро и истину (*франц.*).

110* Милостивая государыня!

Остаюсь с совершенным почтением, вашим признательнейшим другом и слугой, Михаил Л⟨унин⟩ [27] (*англ.*).

La foi est morte sans les bonnes œuvres; mais les bonnes œuvres sont également mortes sans la foi ou avec une foi erronée. Si les bonnes œuvres seules suffisaient pour le salut, la venue du Redempteur et la foi en ses paroles eussent été inutiles. Les payens pratiquaient les bonnes œuvres avant sa venue comme les chrétiens les pratiquent après [111*].

Verdict (vere dictum) [112*].

1840. Майя 4. Г. исправнику...[28]

Août. 1. La souveraineté de la raison humaine en matières de foi, est le dogme fondamental du protestantisme.

La foi qui embrasse l'infini est subordonnée à la raison qui est finie. ⟨La foi qui est incompatible avec la plus légère incertitude est dirigée par la raison incertaine⟩. Cela se refute de soi-même [113*].

La foi surpasse notre raison: mais les motifs de la foi sont de sa compétence, et doivent lui être évidens: rationabile obsequium vestrum. (Ep. Rom. XIII. 1.). L'erreur des protestants provient d'avoir confondu ces deux choses. Le manque de foi les mène à la crédulité, et le manque d'humilité à la dernière des humiliations. Sachant par eux-mêmes combien la raison est débile, ils s'en rapportent bonnement à la raison de leurs pasteurs: ils résistent à l'Eglise Catholique, et se courbent devant leurs semblables. Voilà comment ils raisonnent: je serai sauvé, si Messieurs Luther, Calvin et compagnie ne se sont pas trompés. Cependant ils ne risqueroient pas leur fortune sur l'autorité des noms aussi équivoques. Ils préferoient la maison Rotchield et Hope à celle de Luther et de Calvin etc. [114*].

[111*] Вера без добрых дел мертва; но и добрые дела мертвы без веры или с верою ложной. Если бы одних добрых дел было довольно для спасения, приход искупителя и вера в слова его были бы не нужны. Язычники творили добро до его прихода, как то делают христиане после него (*франц.*).

[112*] Вердикт (истинно сказано) (*лат.*).

[113*] *Августа 1.* Суверенность человеческого разума в вопросах веры является основным догматом протестантства.

Вера, объемлющая бесконечное, подчинена разуму, который конечен. ⟨Верой, несовместимой с легчайшим сомнением, руководит ненадежный разум⟩. Это опровергает само себя (*франц.*).

[114*] Вера превышает наш разум; но причины, побуждающие верить, находятся в его ведении и должны быть ему очевидны: «для разумного служения вашего» (Посл. к рим. XII, 1). Заблуждение протестантов происходит от смешения этих двух вещей. Недостаток веры ведет их к легковерию, а недостаток смирения к худшим унижениям. Зная по себе всю немощность разума, они тут же полагаются на разум своих пастырей; они восстают против католической церкви, но склоняются перед себе подобными. Вот как они рассуждают: я буду спасен, если не заблуждаются господа Лютер, Кальвин и компания. А ведь состояние свое они не доверили бы столь ненадежным именам. Фирме Лютера и Кальвина они предпочли бы фирму Ротшильда и Хоупа и т. д. (*франц., лат.*).

Le protestantisme est la Religion des ésprits bornés, qui n'ont pas la faculté d'aller aux dernières conséquences d'un principe, et ne se soutient que parce que le vulgaire est composé de pareils ésprits. Car sa dérnière conséquence logique est l'athéisme, ou l'absence de toute religion. Les fondateurs de cette secte, qui certes n'étoient pas des ésprits bornés, ont aperçu cette dernière conséquence. Mais le mal étoit sans remède. Les doctrines ne remontent pas vers leur source. (Corresp. de Luther, Calvin, Melanchton). Les erreurs se tiennent comme les vérités. En admettant dogmatiquement une erreur on est d'abord forcé à les tolèrer toutes, ensuite à les admettre, et enfin on arrive rigoureusement à la plénitude de l'erreur, ou à l'athéisme.

Les variations du protestantisme, depuis Luther jusqu'à nos jours, suffisent pour prouver la vanité de cette secte. La doctrine de Luther, de Calvin, de Melanchton, de Zwingle, la confession d'Augsbourg, de Génève, le Cathéchisme d'Heidelberg, les articles de l'eglise Anglicane, etc., etc., etc., sont autant de religions, ou plutôt d'opinions différentes [115*].

Or la vérité est invariable: apud quem non est transmutatio, nec vicissitudinis obumbratio. (Ep. Jac. I. 17) [116*].

Ne pouvant ni concilier, ni justifier ces variations, quelques protestants les rejettent toutes, et proclament que l'Ecriture est l'unique règle de foi, à l'exclusion de toute autorité visible. (Rel⟨igion⟩ des Prot⟨estants⟩. VI. 56. Chill⟨ingworth⟩.

Mais l'Ecriture parle sans cesse de l'Eglise, dont ils rejettent l'autorité, de sorte qu'ils trouvent dans l'Ecriture leur propre condamnation. Ce qui fait dire à St. Paul que l'hérétique se condamne lui-même (Ep. ad Tit. III. 11).

Enfin d'autres modifient l'Ecriture, rejettent l'ancien Testament, et ne conservent que le nouveau. C'est comme un oiseau qui voudroit voler à l'aide d'une seule aile. La source des hérésies est la confusion de quelques vérités, ou l'exclusion de quelques vérités. P: Il y en a plusieurs qui errent d'autant plus dangereusement, qu'ils prennent une vérité pour le principe

---

[115*] Протестантство — религия ограниченных умов, неспособных дойти до конечных выводов из какого-либо учения; и держится лишь тем, что толпа состоит из подобных умов. Ибо конечным логическим выводом из него будет атеизм, то есть отсутствие всякой религии. Основатели этой секты, несомненно не бывшие умами ограниченными, заметили этот конечный вывод. Но зло уже нельзя было исправить. Доктрины не возвращаются к своим истокам. (Переп⟨иска⟩ Лютера, Кальвина, Меланхтона) [29]. Заблуждения держатся так же, как истины. Принявшие за догмат одно заблуждение вынуждены сперва терпеть их все, затем признать, а в конце концов неизбежно приходят к окончательному заблуждению или к атеизму.

Видоизменения протестантства от Лютера до наших дней достаточно доказывают тщету этой секты. Учение Лютера, Кальвина, Меланхтона, Цвингли, аугсбургское и женевское исповедание, гейдельбергский катехизис, статьи англиканской церкви, и т. д., и т. д.— все это религии, а вернее — различные мнения (*франц.*).

[116*] Между тем истина неизменна: у нее «нет изменения и ни тени перемены» (Посл. Иак. I.17) (*франц.*, *лат.*).

de leur erreur. Leur faute n'est pas de suivre une fausseté, mais de suivre une vérité à l'exclusion d'une autre [117*].

Plusieurs vérités de foi et de morale semblent contraires, et subsistent néanmoins toutes dans un ordre admirable.

Il arrive d'ordinaire que ne pouvant concevoir le rapport de deux vérités opposées, et croyant que l'aveu de l'une renferme l'exclusion de l'autre, les hérétiques s'attachent à l'une, et excluent l'autre.

Les Néstoriens sont hérétiques en croyant qu'il y a deux personnes en Jésus Christ, parce qu'il y a deux natures. Les Eutychiens sont hérétiques en croyant qu'il n'y a qu'une nature, parce qu'il n'y a qu'une personne. Les Catholiques sont orthodoxes, parce qu'ils joignent ensemble les deux vérités de deux natures et d'une seule personne [118*].

Nous croyons que la substance du pain étant changée en celle du corps de notre Seigneur Jésus Christ. Il est présent réellement au Saint Sacrement. Voilà une des vérités. Une autre est, que ce sacrement est aussi une figure de la Croix et de la Gloire, et une commémoration des deux.

Les protestants ne concevant pas que ce sacrement contient tout ensemble, et la présence de Jésus Christ, et sa figure, et qu'il soit sacrifice et commémoration de sacrifice, croient qu'on ne peut admettre l'une de ces vérités, sans exclure l'autre.

Par cette raison ils s'attachent à ce point, que ce sacrement est figuratif, et en cela ils ne sont pas hérétiques; mais ils nient la présence réelle, et en cela ils sont hérétiques.

[117*] Не умея ни согласовать между собой, ни оправдать эти различия, некоторые протестанты отвергают их все и объявляют Писание единственным источником веры, исключающим всякий видимый авторитет (Рел⟨игия⟩ прот⟨естантов⟩. гл. VI.56. (Чилл⟨ингуорт⟩) (*франц.*)

Но в Писании постоянно говорится о церкви, авторитет которой они отвергают, так что именно в Писании они находят себе осуждение. Это и заставляет св. Павла сказать, что еретик сам осуждает себя (Посл. к Тит. III. 11).

Есть, наконец, и такие, кто вносит в Писание изменения, отвергает Ветхий Завет и сохраняет лишь Новый. Эти подобны птице, которая попыталась бы летать на одном крыле. Источником ересей является смешение некоторых истин или отрицание каких-либо из них. Многие заблуждаются тем более опасно, что за основу своих заблуждений берут некую истину. Ошибка их не в том, что они следуют чему-то ложному, а в том, что следуют одной истине, отвергая другую (*франц.*).

[118*] Многие религиозные и нравственные истины кажутся противоречивыми, однако сосуществуют и в прекрасном порядке.

Не умея понять взаимоотношения двух противоречивых истин и полагая, что признание одной означает отрицание другой, еретики обычно избирают одну из них, отвергая другую.

Несториане впадают в ересь, считая, что Иисус Христос в двух лицах, ибо существуют две его природы. Евтихиане впадают в ересь, веря, что природа его едина раз это единое лицо. Католики ортодоксальны, ибо сочетают обе истины: о двух природах и о едином лице [30] (*франц.*).

L'Eglise Catholique est infaillible: ses membres sont faillibles. Ces vérités opposées ne s'excluent pas [119*].

Luther en s'élevant dans l'origine contre les abus de l'Eglise, n'étoit pas hérétique: lui et ses disciples en révoquant par la suite l'autorité de l'Eglise, sont tombés dans l'hérésie.

La condamnation des hérétiques se trouve dans l'Ecriture, parce qu'elle parle de l'Eglise, dont ils rejettent l'autorité, et dans la tradition parce qu'elle indique l'époque de leur séparation.

Il suffit de prouver historiquement qu'ils se sont séparés de l'Eglise Catholique, pour conclure qu'ils ont reçu une nouvelle doctrine [120*].

Si quis vobis evangelizaverit praeter id, quod accepistis, anathema sit! (ad Gal. I.9). Dissensiones, Sectae... qui talia agunt regnum Dei non consequntur (ad Gal.V.20.21) [121*].

In vobis erunt magistri mendaces, qui introducent sectas perditionis (II Ep. Petri. II.1).

Omnis, qui recedit, Deum non habet (II Ep. Joan. I.9) [122*].

Il n'est pas étonnant que les hérésiarques soient venus. C'est prédit, et ils ne pouvoient pas faire autrement que de venir.

Il n'est pas étonnant qu'ils aient trouvé des adhérents; car il y avoit du pouvoir et de l'argent à gagner à leur suite dans l'origine. Mais il est surprenant qu'à présent, qu'il n'y a plus rien à gagner et tout à perdre, il y ait des

---

[119*] Мы верим, что раз вещество хлеба претворяется в тело господа нашего Иисуса Христа, то он присутствует реально при святом причастии. Такова одна из истин. Вторая состоит в том, что причастие является также символом креста и славы и совершается в память об обоих.

Протестанты, не постигая, что причастие содержит и присутствие Иисуса Христа, и символ его, что оно — и жертва, и ознаменование памяти о ней, уверяют, что нельзя признавать одну из этих истин, не отрицая другой.

Поэтому они настаивают на том, что таинство это символично, и в этом они не еретики; но отрицают подлинное присутствие, и в этом они еретики [31].

Католическая церковь непогрешима; люди, к ней принадлежащие, грешны. Эти истины противоположны, но друг друга не исключают (*франц.*).

[120*] Ополчившись вначале против злоупотреблений церкви, Лютер не был еретиком; но отрицая затем авторитет церкви, он и ученики его впали в ересь.

Осуждение еретиков содержится в Писании, ибо там говорится о церкви, авторитет которой они отрицают, и в предании, указывающем время, когда они откололись.

Достаточно доказать исторически, что они отделились от католической церкви, чтобы заключить, что они приняли новое учение (*франц.*).

[121*] Кто будет благовествовать вам не то, что вы приняли, да будет анафема (к гал. I.9). Разногласия ереси... поступающие таким образом не наследуют царствия божия (к гал. V.20.21) (*лат.*).

[122*] И у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси (II посл. Петра. II. 1).

Всякий, преступающий ⟨учение христово⟩ не имеет бога (II посл. Иоан, I. 9) (*лат.*).

gens assez simples pour suivre leurs vaines doctrines. O insensati Galatae! quis vos fascinavit non obedire veritati (Gal. III.1) [123*].

27. L'étude des langues mortes, principalement du grec et du latin, est la clef des hautes connoissances. La première ⟨de ces langues⟩ a servi à l'expression de la pensée humaine et divine: la seconde a été l'organe de la force matérielle et intellectuelle réunies: toutes deux mènent à la connoissance de la tradition.

L'importance de la tradition qui contient les motifs ainsi que le témoignage de la Foi, détermine l'importance de ces langues, et l'absolue nécéssité de les étudier ⟨pour ceux qui pensent⟩.

Car le secours de la traduction est insuffisant. Elle ne reproduit que la pensée, jamais le sentiment dans sa fraicheur et sa plénitude. Le sentiment émane de la parole même, comme le parfum de la fleur. Les meilleures traductions ressemblent aux procédés chimiques, à l'aide des quels on fabrique le factice parfum de la rose. Si la traduction pouvoit reproduire tout l'original, la parole de l'Ecriture seroit vaine: ut non audiat unusquisque vocem proximi sui (Gen. XI.7) [124*].

Il n'y a d'exception à cette loi générale que pour l'Ecriture, qui conserve sa force même dans les traductions imparfaites. Mais l'Ecriture est une exception sous tous les rapports.

Les langues ⟨mortes⟩ dévoilent l'ésprit, les doctrines, les institutions, le caractère des moeurs des peuples antiques. Elles donnent la solution des événements historiques aux quels ils ont participé. Une page de Tacite fait mieux connoître les Romains, que toute l'histoire de Rollin, ou les rêveries de Gibbon. Il faut lire et étudier les écrits des anciens, non pour y découvrir le type du beau idéal comme les Rhéteurs prétendent, mais pour saisir l'harmonie de l'ensemble avec ses dissonances, le bien et le mal, la lumière et les

....

[123*] Неудивительно, что появились ересиархи. Так было предсказано, и не явиться они не могли. Неудивительно также, что они нашли последователей, ибо вначале следование им доставляло и власть, и деньги. Но удивительно, что теперь, когда этим уже нельзя ничего выиграть, а потерять можно все, находятся простаки, следующие их суетным учениям. О несмысленные галаты! кто прельстил вас не покоряться истине (Гал. III.1) (*франц.*, *лат.*).

[124*] 27. Изучение мертвых языков, особенно греческого и латыни, является ключом к высшим знаниям. Первый ⟨из этих языков⟩ служил выражению человеческой и божественной мысли; второй был орудием соединенных материальных и умственных сил; оба они позволяют постигнуть предание.

Значение предания, содержащего как мотивы, так и свидетельство веры, определяет значение этих языков и безусловную необходимость их изучения ⟨для тех, кто мыслит⟩.

Ибо помощь перевода недостаточна. Перевод передает только мысль, но не чувство в его свежести и полноте. Чувство излучается самою речью, как благоухание—цветком. Даже лучшие из переводов подобны химическим процессам, с помощью которых получают искусственный аромат розы. Если бы перевод был способен воспроизвести целиком подлинник, к чему были бы слова Писания: «так чтобы один не понимал речи ближнего своего» (Быт. XI.7) (*франц.*, *лат.*).

ombres. Tout cela est également nécéssaire pour se faire une idée de ce que le genre humain étoit avant, et de ce qu'il est depuis la Révélation de la grâce [125*].

Une des grandes punitions pour les hommes a été la confusion des langues: confundamus linguam eorum (Gen. XI.7). Une des grandes grâces le don des langues: caeperunt loqui variis linguis (Act. Ap. II.14).

St Paul place ⟨le don des l⟨angues⟩⟩ la connoissance des langues à côté de l'apostolat, de la prophétie et du don des miracles. Et quosdam quidem posuit Deus in Ecclesia primum Apostolos, secundo prophetas, tertio Doctores; deinde virtutes, exinde gratias curationum, opitulationes, gubernationes, genera linguarum, interpretationes sermonum (I Ep. Cor. XII.28).

Il désire que tous possèdent les langues, et remercie Dieu de ce qu'il en possède plus que ⟨les tous⟩ les autres. Volo autem omnes vos loqui linguis. Gratias ago Deo meo, quod omnium vestrum lingua loquor (I Ep. Cor. XIV. 5.8) [126*].

En nous appliquant à leur étude dans l'ésprit qu'on vient d'indiquer, nous travaillons à mériter cette grâce. Elle se fait pour ainsi dire pressentir par le charme des difficultés vaincues à mesure qu'on avance dans l'étude; par les lueurs qui éclairent l'ésprit à mesure que la sphère des connoissances s'étend: par le sentiment ineffable qu'on éprouve à l'approche de la Vérité.

Pourqoi désignent-on ces langues sous le nom de mortes? Elles ont plus de vie que nos idiomes modernes. Le grec est toujours l'organe de la grâce: γλώσσα τῶν ᾿αγγέλων. Le latin est en usage parmis les savants, et subit les modifications des langues parlées. La pensée intime emprunte par fois leurs formes

[125*] Единственным исключением из этого общего закона является Писание, сохраняющее свою силу даже в несовершенных переводах. Но Писание является и во всем исключением.

⟨Мертвые⟩ Языки раскрывают дух учений и установлений, характер нравов древних народов. Они объясняют исторические события, в которых они участвовали. Одна страница Тацита лучше знакомит с римлянами, нежели вся история Роллена или мечтания Гиббона. Читать и изучать сочинения древних следует не для того, чтобы открыть в них идеал красоты, как утверждают риторы, но чтобы уловить гармонию целого вместе с диссонансами, добро и зло, свет и тени. Все это равно необходимо, чтобы представить себе, чем было человечество до откровения и чем стало после (*франц.*).

[126*] Одною из тяжких кар для людей было смешение языков: «смешаем язык их» (Быт. XI.7). Одним из величайших благ был дар языков: начали говорить на разных языках. (Деян. Ап. II.14). Ссылка Лунина не точна. Надо: II.4.

Св. Павел ставит ⟨дар⟩ знание языков наряду с апостольством, даром пророчества и способностью творить чудеса. «И иных бог поставил в церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силу чудодейственную, также дары исцелений, вспоможения, управления, ⟨умение понимать⟩ разные языки» (I посл. к кор. XII.28).

Он желает, чтобы языками владели все, и благодарит бога за то, что сам владеет ими более ⟨всех⟩ других. «Желаю также, чтобы вы все говорили на языках... благодарю бога своего, что говорю на всех ваших языках» (I посл. к кор. XIV.5.8) (*франц.*, *лат.*).

gracieuses dans la conversation qui se passe en nous mêmes: le sentiment intime a recours à leur prosodie harmonieuse dans la prière de l'ésprit: oratio spiritus (I Cor. XIV.15).

Tous les peuples se sont adonnés à l'étude de ces langues. Cet accord unanime vient à l'appui de nos idées, etc., etc. [127*].

Septembre 1. On a prétendu que le Protéstantisme étoit favorable à la liberté politique. Les faits historiques prouvent le contraire.

Il s'introduit par les sommités du corps politique: les princes, les nobles, les magistrats, etc., etc.

Il échoua dans les pays républicains: la Pologne, Gênes, Venise, Ferrare. En Suisse il ne réussit que dans les cantons aristocratiques: les cantons démocratiques Schwitz, Ury et Underwald le repoussèrent. En Angleterre la constitution s'est formée bien avant le 13-me siècle, dans le giron de l'Eglise Catholique. Quand la Grande Bretagne s'en sépara les trois pouvoirs étoient distincts, l'impot et l'armée se levoient du consentement des communes et des lords, etc. la monarchie représentative existoit. ⟨Plus tard⟩ La révolution protestante en faveur de la république échoua. La seule Hollande se forma en république à l'aide du protestantisme; mais les éléments de sa liberté ont mûri sous le régime Catholique, pendant la lutte contre Philippe et la maison d'Autriche. Le protestantisme occasionellement favorable à la cause de la liberté ⟨devait plus tard⟩ dans ce pays devint par la suite une des principales causes de sa chute. La Prusse, la Saxe, la Danemarck, berceaux du protestantisme, sont des monarchies absolues. La Suède n'a qu'une constitution illusoire. Les Etats-Unis étoient protestants à leur séparation de la mère-patrie: le Maryland, état Catholique, fit cause commune avec les autres états. La plupart des états de l'Ouest sont Catholiques. Les républiques des colonies Espagnoles sont également Catholiques. Enfin la France Catholique s'est constituée de nos jours en monarchie représentative.

Aucun bien ne peut résulter même indirectement de l'erreur [128*].

....

[127*] Изучая языки в указанном духе, мы трудимся, чтобы заслужить эту благодать. Ее можно как бы предчувствовать в прелести побед над трудностями, по мере продвижения вперед; во вспышках света, озаряющих наш ум, когда познания наши ширятся; в неизъяснимом чувстве, какое испытываешь, приближаясь к истине.

Зачем называют эти языки мертвыми? В них более жизни, чем в наших современных языках. Греческий язык остается орудием благодати, языком ангелов. Латынь, принята среди ученых и подвергается тем же изменениям, что и языки живые. В беседе, какую мы ведем сами с собою, мысль наша порой заимствует их изящные формы. Мы прибегаем к их гармонической просодии, когда молимся духом: «стану молиться духом» (I кор. XIV.15).

Эти языки изучаются всеми народами. Такое единодушие подтверждает наши мысли, и т. д., и т. д. (*франц.*, *лат.*, *греч.*).

[128*] *Сентября 1.* Утверждают, будто протестантство благоприятствует политической свободе. Исторические факты доказывают противное. Оно проникало через государственную верхушку: государей, знать, магистраты и т. д.

Sept. 29. Paradise lost. Poème en 12 chants, 10476 vers. Le sujet est l'état primitif de l'homme, sa chute et sa punition. La Révélation a servi de canevas pour un roman. Ce qui ne s'y trouve pas est imaginé; ce qui embarasse écarté; ce qui surpasse l'intelligence humaine, expliqué à la convenance. Adam et Eve jouent le rôle d'amoureux dans ce roman. Leur état d'innocence pue le matérialisme. Les Anges sont les personnages secondaires, les confidents. Ils ont une figure, un costume et un langage analogue. Satan est un carbonari avec les idées républicaines du 17-me siècle; l'enfer un club politique. La partie théologique est çurieuse: la matière est préexistante et coëternelle avec l'ésprit: la création de l'univers n'est qu'un coin du chaos arrangé, et toujours prêt à tomber dans le désordre; le Fils n'est point engendré de toute éternité, mais creé après les anges, etc., etc., etc. On n'en finiroit point si l'on vouloit relever les érreurs, les mensonges, les impiétés dont ce poème fourmille. Il reproduit ⟨la plupart⟩ les théories philosophiques anciennes et modernes, comme un marais infect exhale des vapeurs méphytiques et pestilentielles. L'auteur flottant entre mille systèmes est tour à tour platonicien, épicurien, socinien, arien, panthéiste, puritain, anabaptiste. Il est pire que tout cela, car il ose rimer des mystères, devant les quels les Anges eux-mêmes abaissent leurs célestes regards.

L'auteur est connu en outre par des pamflets en faveur du divorce, du régicide et de l'usurpation. C'est Milton.

Tels sont les ouvrages et les hommès, devant les quels le vulgaire est à genoux sans les comprendre. O insensati Galatae! [129*]

....

Оно не имело успеха в странах республиканских: Польше, Генуе, Венеции, Ферраре. В Швейцарии оно победило лишь в аристократических кантонах. Кантоны демократические: Швиц, Ури и Унтервальд⟨ен⟩ отвергли его. В Англии конституция сложилась много раньше 16-го столетия, в лоне католической церкви. Когда Великобритания от нее отделилась, все три власти были независимы, фиск и армия зависели от согласия общин и лордов и т. д. и конституционная монархия уже существовала [32]. ⟨Позднее⟩ Протестантская революция в пользу республики потерпела поражение [33]. Одна лишь Голландия стала республикой с помощью протестантства, однако начатки ее свободы созревали там при католичестве, в годы борьбы против Филиппа и австрийской династии [34]. Протестантство, случайно помогшее делу свободы в этой стране, позднее стало одной из главных причин ее гибели. Пруссия, Саксония, Дания, эти колыбели протестантства, являются абсолютными монархиями. Швеция имеет лишь призрачную конституцию. Соединенные Штаты в пору отделения от метрополии были протестантскими. Католический штат Мэриленд присоединился к остальным. Западные штаты в большинстве своем католические. Республики в испанских колониях также католические. И, наконец, католическая Франция стала в наши дни конституционной монархией.

Никакое благо, даже косвенно, не может произойти из заблуждения [35] (*франц.*).

[129*] *Сент⟨ября⟩ 29.* Потерянный Рай. Поэма в 12 песнях, в 10 476 стихах. Сюжет ее — первобытное состояние человека, его грехопадение и кара. Откровение послужило здесь канвой для романа. Чего там нет, то придумано; что смущает, то отброшено; что превышает человеческий разум, объяснено как вздумается. Адам и Ева играют в этом романе роль влюбленных. От их первобытной невинности разит материализмом. Ангелы играют второстепенные роли наперсников. Этому соответствуют их обличья,

To prove honesty, a negative must be proved [130*].

Ave Maria [131*].

Octobre. 14. Ne confondons pas l'humilité avec l'humiliation. On s'élève à l'une, et on tombe dans l'autre. Quand il s'agira des vertus, prenons la dernière place: quand il s'agira de l'intelligence occupons celle que la Providence nous a marqué. Nolite pueri offici sensibus (I Cor. XIV.20). Le dégré d'intelligence se détermine aussi facilement que la hauteur relative de la taille [132*].

Novembre 1. Après un mois passé à la chasse, je suis allé chez N. N. Il fesoit tard. Elle a l'usage d'endormir sa petite Neli en la portant sur les bras, et en fredonnant de sa jeune voix une vieille romance à ritournelle. J'entendis les dernièrs couplets du salon, et je m'affligeois d'avoir tardé. Le sentiment maternel nous devine. Elle prit un flambeau, et me fit signe de la suivre dans la chambre à coucher. Neli reposoit dans un petit lit de fer, voilé de rideaux en mousseline. Elle avoit le col tendu, la tête légèrement renversée. Sans les paupières abaissées, et le calme gracieux que le sommeil prête à l'enfance, on eut dit qu'elle alloit prendre son éssor comme une jeune colombe de son nid. La mère, heureuse du repos de sa fille, réalisoit au chevet du lit l'image des êtres spirituels, qui veillent sur la destinée des petits: «Elle dort presque toujours comme cela: ne craignez pas de la reveiller; je sais au

....

одежда и речь. Сатана — это карбонарий с республиканскими идеями 17-го века; ад представляет собою политический клуб. Любопытна богословская часть: материя первична и извечно существует вместе с духом; сотворение мира — всего лишь уголок хаоса, приведенный в порядок и постоянно готовый вновь разрушиться. Бог-сын не порожден извечно, но создан после ангелов и т. п. Не перечесть всех ошибок, лжи и кощунств, какими кишит эта поэма. Она воспроизводит ⟨большей частью⟩ древние и новые философские учения, как гнилое болото выделяет вредные и болезнетворные испарения. Автор ее, колеблясь между множеством систем, оказывается поочередно платоником, эпикурейцем, социнианцем, арианином, пантеистом, пуританином, анабаптистом. Он хуже их всех, ибо осмеливается рифмовать таинства, пред которыми сами ангелы потупляют свои небесные очи.

Автор известен кроме того памфлетами в защиту развода, цереубийства и узурпации. Это Мильтон [36].

Таковые сочинения и люди, перед которыми невежды преклоняют колена, не понимая их. «О несмысленные галаты!» [37] (*франц.*, *лат.*).

[130*] Чтобы доказать честность, надо доказать нечто отрицательное (*англ.*).

[131*] Аве Мария (*лат.*).

[132*] *Октября 14.* Не будем смешивать смирение и самоуничижение. Первое возвышает нас, второе принижает. Когда речь зайдет о добродетелях, займем последнее место; когда коснется ума, займем то, которое назначило нам провидение. «Не будьте дети умом» (I кор. XIV. 20). Умственный уровень определяется столь же легко, как рост (*франц.*, *лат.*).

juste le moment de son sommeil à un petit mouvement qui le précède». L'ennemi partout présent me disoit: «Connaitre et aimer c'est tout l'homme; tu ignores les sentiments d'époux et de père: où est ton bonheur? Mais la parole de l'Apotre dissipa cette illusion momentanée: «bonum est homini mulierem non tangere: volo vos sine solicitudine esse: qui sine uxore est solicitus est, quae Domini sunt, quomodo placeant Deo». Le véritable bonheur est dans la connaissance et l'amour de la vérité infinie. Tout le reste n'est qu'un bonheur relatif, qui ne sauroit rassasier le coeur, n'étant pas en harmonie avec nos désirs [133*].

1838

Février 4. La langue grecque est simple dans son analogie; compliquée à l'infini dans sa composition et inflexion; claire, forte, élégante dans sa contexture; douce, variée et harmonieuse dans sa prosodie. Γλῶσσα τῶν ἀγγέλων. Son développement dans les circonstances les plus défavorables, pendant des continuelles migrations et expulsions, au milieu du mélange de diverses hordes, est un fait remarquable. A l'époque d'Homère et d'Hésiode elle possédoit déjà toutes ses perfections. Platon dit que du temps de Thamyris et d'Orphée, bien avant Homère, elle étoit déjà singulièrement agréable (Plat. de leg. liv. 8). On lui attribue, ainsi qu'au latin, une origine orientale. Mais elle diffère essentiellement des langues orientales. Elle a un type primitif, un caractère exceptionnel. Au reste les idées des savants sur l'origine des langues ne sont que des hypothèses plus ou moint ingénieuses. Confundamus linguam eorum. Voilà l'origine des langues. Tout autre explication aboutira également à un miracle, mais dépourvu d'autorité. Quand au perfectionnement des langues, c'est une erreur généralement adoptée. Les langues sont ce qu'elles sont, d'après une loi qui surpasse notre intelligence. La science humaine n'a jamais pu ajouter un nombre, un temps, un cas, ni produire aucun changement organique. Le prétendu perfectionnement se borne à l'emprunt de quelqes mots étrangers, à une modification dans ⟨la contexture des phrases⟩ le sens et l'arrangement des mots ⟨propres⟩ indigènes. Cela prête un vernis extérieur. Mais en s'enrichissant de la sorte, les langues tendent à s'affoiblir. L'Anglo-Saxon avoit des cas, et un nombre duel qu'il perdit au mélange avec Français-normand, ⟨et qui a produit l'Angle⟩ dont a résulté l'Anglois actuel. Le duel des grecs ne se retrouve guère que dans les auteurs anciens. Le Russe et le Polonais sont plus riches, mais plus foibles que le Slavon dont ils dérivent, etc., etc. [134*].

[133*] Под 1 ноября первоначальная редакция письма от 25 ноября 1837 г., следующая редакция которого — на с. 75 (ЗК) — наст. изд., с. 206, 207, перевод см. там же.

[134*] 1838.

Февраля 4. Греческий язык прост в своей аналогии, бесконечно сложен в композиции и звучании; ясен, силен, изящен в расположении частей; нежен, разнообразен и гармоничен в просодии: язык ангелов. Развитие его, при обстоятельствах самых неблагоприятных, при постоянных переселениях и изгнаниях, среди смешения различных племен, является фактом примечательным. В эпоху Гомера и Гесиода он обладал уже всеми своими достоинствами. Платон говорит, что во времена Фамира и Орфея, задолго до Гоме-

Liberté de la presse: le mensonge n'est jamais à redouter, quelque publicité qu'il acquière, car il s'use par sa violence: il n'y a de dangereux pour le gouvernement que la vérité comprimée (Thiers) [135*].

Fév. 4. Homère, historien. Son autorité repose sur les témoignages suivants:

1°. Comme à son époque les poètes étoient les seuls historiens, la véracité dans les récits devoit nécéssairement constituer le principal mérite du poète. Son intérêt personnel le portoit à être vrai, comme depuis ⟨l'introduction⟩ l'usage des histoires en prose, l'intérêt personnel des poètes les porte en général à être faux.

2°. La probabilité et la consistance des anecdotes historiques, dispersés au milieu des détails et des embellissements poétiques.

3°. Sa géographie a soutenu les plus scrupuleuses recherches de ceux qui étoient à même de la vérifier.

4°. Le degré de confiance que lui accordent les plus judicieux prosateurs de l'antiquité; en particulier Thucydide et Strabon.

Ceux qui ont traduit Homère ne le comprenoient pas: ceux qui le lisent pour découvrir des beautés poétiques sont plus aveugles que l'aveugle de Chios. Il n'est intéressant et utile que par la place éminente qu'il occupe dans la Tradition [136*].

....

ра, он был уже удивительно приятен (Плат⟨он⟩, о зак⟨онах⟩, кн. 8) [38]. Как и латыни, ему приписывают восточное происхождение. Однако он существенно отличается от восточных языков. Это нечто первозданное и исключительное. Впрочем, мнения ученых относительно происхождения языков всего лишь более или менее остроумные гипотезы. «Смешаем язык их» [39]. Вот происхождение языков. Всякое иное объяснение также натолкнется на чудо, но лишенное авторитета. Что до совершенствования языков, то это общепринятое заблуждение. Языки — то, что они есть, по закону, превосходящему наше разумение. Человеческая наука не сумела добавить ни числа, ни времени, ни падежа, ни внести какое-либо существенное изменение. Мнимое совершенствование сводится к заимствованию нескольких иностранных слов, к изменению в ⟨расположении фраз⟩ значении и расположении слов ⟨собственных⟩ местных. Это придает внешний лоск. Однако обогащаясь таким образом, языки имеют свойство слабеть. В англосаксонском языке были падежи и двойственное число, утраченные им при смешении с франко-норманским, из чего произошел современный английский язык. Двойственное число греческого языка встречается почти исключительно у древних авторов. Языки русский и польский богаче, но слабее славянского, от которого они произошли, и т. д., и т. д. (*франц.*, *лат.*, *греч.*).

[135*] Свобода печати: ложь никогда не бывает опасна, как бы широко ни распространилась, ибо сама ее резкость ослабляет ее. Для правительства опасна лишь заглушаемая правда [40] (Тьер) (*франц.*).

[136*] *Февр⟨аль⟩ 4*. Гомер как историк. Авторитет его зиждется из следующих свидетельствах:

1°. Поскольку в его время поэты были единственными историками, правдивость повествования должна была необходимо составлять главную заслугу поэта. Личный ин-

L'homme qui a vu les cités, et observé les usages et la ⟨police de plusieurs hommes⟩ politique d'une quantité d'hommes (Odyssée, init.) [137*].

Tac. Agr. 18—24. (Ling. 48) [138*].

(862. IX siècle). Les Slavons, en appelant l'aventurier Rurik et sa bande, avoient en vue la défense de leurs frontières contre les voisins belliqueux, et les hordes nomades qui à cette époque parcouroient l'Europe (болгары, авары, франки, финны, хозары etc., etc., etc.). Plusieurs peuples dans l'état de foiblesse à leur origine ont eu recours à cet expédient, qui a toujours eu un funeste résultat pour la liberté du pays. Les Bretons après leur séparation de l'Empire R⟨omain⟩ perdirent leur indépendance à la suite d'un semblable pacte avec les Saxons. Les Slavons ont eu le même sort de la part des Normands. La fable d'une soumission volontaire, admise sur l'autorité équivoque d'un moine, est contraire au bon sens. Le bon religieux n'a fait que rapporter dans sa chronique une opinion du jour, propagée par les usurpateurs pour ménager l'orgeuil national et donner un caractère de légalité à leur établissement [139*].

(A. D. 78).

Agricola consolida la conquête de la Bretagne. Il réforma d'administration civile dans toutes ses branches, établi un système d'impots plus équitable, etc. Les Bretons le proclamèrent leur bienfaiteur. Il leur inspira l'es-

терес побуждал его быть правдивым; с того времени, когда ⟨введение⟩ стали обычными повествования в прозе, личный интерес поэтов обычно побуждает их ко лжи.

2°. Правдоподобие и добротность исторических анекдотов, рассеянных среди подробностей и поэтических прикрас.

3°. Его географии, выдержавшая самые тщательные изыскания тех, кому всего лучше можно было его проверить.

4°. Доверие, какое оказывают ему наиболее серьезные писатели древности, в частности Фукидид и Страбон.

Те, кто переводил Гомера, не понимали его; те, кто его читает, чтобы открыть поэтические красоты, более слепы, нежели сам хиосский слепец. Он интересен и полезен лишь благодаря выдающемуся месту, какое занимает в предании [41] (*лат.*, *франц.*).

137* Человек, повидавший города и наблюдавший обычаи и установления множества людей (Одиссея), нач⟨ало⟩) [42] (*франц.*).

138* Тац⟨ит⟩. Агр⟨икола⟩ 18—24. (Линг⟨ард⟩ 48) [43].

139* (862. IX век). Славяне, призывая к себе искателя приключений Рюрика и его шайку, имели в виду защиту своих рубежей от воинственных соседей и кочевых орд, двигавшихся в те времена по Европе (болгары, авары, франки, финны, хозары и т. д.). Немало народов в пору своей первоначальной слабости прибегало к такому средству, которое всегда оказывалось гибельным для свободы страны. Бритты, после отделения от Р⟨имской⟩ империи, утратили независимость вследствие подобного договора с саксами. Славянам была уготована норманнами та же участь. Басня о добровольном подчинении, основанная на сомнительном авторитете монаха, противоречит здравому смыслу. Добрый монах всего лишь донес в своей летописи тогдашнее ходячее мнение, рас-

prit d'innovation, qui fait perdre le besoin de l'indépendance. Des guerriers, qui si longtemps avoient bravé la puissance des Empereurs, devinrent peu à peu des sujets mous et efféminés. Tac⟨ite⟩ [140*].

L'histoire n'est guère que le tableau des misères infligées à la multitude par les passions de quelques hommes (Ling⟨arde⟩. 68) [141*].

Le conflit perpétuel etc. entretenu par la communication plus générale des connaissances politiques, avait encouragé plusieurs personnes à préférer le *principe* au *précédent*: à contester la validité des usages que l'on ne défendait que parce qu'ils existaient, et a condamner, comme un abus de la couronne, tout ce qui semblait incompatible avec les droits du peuple. (Ling⟨arde⟩. IX. 383).

(L'expérience démontra que) la force réelle de la chambre basse tenait au pouvoir de contrôler le trésor public (idem) [142*].

A une époque ou l'esprit croissant de liberté et l'étude générale des sciences rendent les hommes moins indulgents pour les prétentions de leurs supérieurs, et plus portés à censurer leurs défauts.

Effet de la civilisation: étudier les principes du gouvernement, et opposer les droits des sujets au prétention du souverain.

On ne veut pas reconnaître cet important axiome: que l'influence de l'autorité doit, en dernier lieu, céder à l'influence de l'opinion [143*].

....

пространенное узурпаторами, чтобы пощадить национальную гордость и придать своему вторжению видимость законности [44] (*франц.*, *русск.*).

[140*] (78 г. н. э.).

Агрикола упрочил завоевание Британии. Он перестроил гражданское управление во всех его отраслях, ввел более справедливую налоговую систему. Бритты объявили его своим благодетелем. Он вселил в них дух нововведений, заставляющий утратить потребность в независимости. Воины, столь долго противостоявшие могуществу императоров, мало-помалу сделались безвольными, женоподобными подданными. Тац⟨ит⟩ [45] (*франц.*).

[141*] История есть не что иное, как картина бедствий, навлеченных на множество людей страстями немногих (Линг⟨ард⟩. 68) [46] (*франц.*).

[142*] Постоянный конфликт, питаемый более широким распространением политических знаний, побудил некоторых предпочесть *принцип прецеденту*, оспаривать законность установлений, которые не запрещались лишь потому, что существовали, и осуждать как злоупотребления короны все, казавшееся несовместимым с правами народа (Линг⟨рад⟩, IX. 383) [47].

(Опыт показал, что) подлинная сила нижней палаты заключалась в праве контролировать казну (там же) (*франц.*, *лат.*).

[143*] В эпоху, когда растущий дух свободы и всеобщее изучение наук делают людей менее снисходительными к притязаниям начальствующих и более склонными осуждать их недостатки.

Следствие просвещения: изучать основы правления и противопоставлять права подданных притязаниям монарха.

Никто не хочет признать следующую важную аксиому: влияние власти должно в конце концов уступить влиянию общественного мнения (*франц.*).

№ 38. Sibérie. 1 Mai. 1837

Charissima soror! Après une longue réclusion dans les cachots la mémoire ne reproduit que des souvenirs vagues et décolorés, comme les planètes refléchissent la lumière du soleil, sans communiquer sa chaleur. Cependant j'ai encor des trésors dans le passé. Je me rappele notre dernière entrevue dans la galérie du Château de... C'étoit en automne, par une soirée froide et pluvieuse. Elle avoit une robe de taffetas noir, une chaine d'or au col, et au bras un bracelet entouré d'émeraudes avec le portrait de celui de ses ancêtres qui a délivré Vienne. Son regard virginal, errant au hasard, sembloit suivre les fantasques replis des tresses d'argent sur ma pelisse de hussard. Nous marchions le long de la galerie sans parler, mais nous n'avions pas besoin de paroles pour nous entendre. Elle paroissoit rêveuse. Une profonde peine perçoit à travers le double éclat de la jeunesse et de la beauté, comme l'unique indice de sa nature mortelle. En approchant d'une croisée d'ogive nous aperçumes la Vistule, dont les ondes jaunâtres étoient tachetées par l'ècume des vagues. Des nuages gris traversoient l'horison, la pluie tomboit par torrents, les arbres du parc s'agitoient en tout sens. Ce mouvement inquiet sans cause visible au dehors, contrastoit avec le calme profond autour de nous. Tout à coup la cloche de château annonça l'heure de Vêpres, en fesant vibrer le vitrage. Elle récita un Ave Maria, me tendit la main et disparut. Depuis cet instant le bonheur que le monde peut donner disparut. Ma destinée troublée par les orages politiques devint une lutte continuelle contre les hommes et les choses. Mais la prière des adieux fut éxaucée. La paix que personne ne peut ravir me suivit à⟨pied de⟩ l'échafaud, dans les cachots et l'éxil. Je ne regrette aucune de mes pertes. La descendante du guerrier m'apparoit quelques fois dans les songes; et le sentiment dont elle eut été l'objet éxclusif s'augmente et se purifie en s'épanchant sur mes ennemis. Votre affectionné frère M. [144*].

Que de témoignages militants en faveur de la cause [145*]!

NB. Ses perfections invisibles sont devenues visibles par la connaissance que ses créatures nous en donnent (Ep. Rom. 1.20) [146*].

№ 46. Sibérie. 27. Juin. 1837

Charissima Soror! J'ai fait une promenade sur le bord de l'Angara avec l'exilée dont le nom est déjà inscrit dans nos annales patriotiques. Son fils (d'une beauté Raphaëlique) nous devançoit en courant pour cueillir des fleurs, et revenoit à nous pour les donner à sa mère. Après avoir traversé une

....

144* Вторая редакция письма от 1 мая 1837 г. (его первая редакция от 1 марта в ЗК, с. 21 — см. наст. изд., с. 176). В первой серии писем — оно под № 9 в окончательной редакции под № 10 в ранней редакции. Перевод см. в наст. изд., с. 9, 10.

145* Сколько воинствующих свидетельств в пользу дела! (*франц.*).

146* NB. Невидимые совершенства его видимы чрез рассматривание творений (досл. перевод: Эти невидимые совершенства становятся видимы чрез знание, которое дают нам его творения) (Посл. к рим. I. 20) (*франц.*). Ср.: наст. изд., с. 9.

partie de forêt par une montée progressive, nous aperçûmes tout à coup un immense horison, terminé par des montagnes bleuâtres à l'ouest, et coupé dans toute son étendue par le fleuve, qui ressembloit à un serpent d'argent couché à nos pieds. Invisibilia Ipsius per ea quae facta sunt intellecta, conspiciuntur. Mais l'imposant spectacle de la nature n'étoit qu'un accéssoire auprès de celle que j'accompagnoit. Elle réalisoit la pensée de l'Apôtre, et par les grâces de sa personne, et par la beauté morale de son caractère. Fatiguée d'une longue course à travers le taillis, elle ⟨s'étendit sur le gazon⟩ se coucha sur l'herbe pour reprendre des forces. La conversation tomba sur la mort, pensée familière aux destinées orageuses. A notre retour nous aperçumes entre les arbres une pauvre femme avec un sac sous le bras, occupée à la recherche de la racine du Moukir.— A quoi bon cette racine, lui demandai-je?— Mes enfants la prendront en guise de thé qui nous manque, répondit la pauvre femme. ⟨J'eu soin ⟨on songea⟩ de fournir ⟨le nécessaire⟩ ce dont elle avoit besoin. On s'empressa de lui⟩. Elle fut tirée de sa peine. A la vue de l'éxilée dans la forêt ⟨elle devait trouver⟩ elle trouva des secours pour sa famille: comme Agar à la vue de l'Ange dans le désert, trouva de l'eau pour son fils. Adieu ma charissima. Votre affectionné frère M. [147*].

Р⟨усские⟩ летописи: a°. Нестор, монах, к⟨оторый⟩ писал в последней половине XI. В последних годах этого столет⟨ия⟩ продолжает некто Васили⟨й⟩ [48].

b°. В 1110 году: Сильвестр, монах Выдобицкого м⟨онастыря⟩ близ Киева [49].

c°. С тех пор нет имен, кроме переписчиков, до XIII века единство текста доказывает продолжение одной летописи лицами, следовавшими др⟨уг⟩ за др⟨угом⟩ до XVII. Писали разные люди, в р⟨азных⟩ местах разнообразно. Имена неизвестны [50].

d°. Степенная книга, при Иване Гр⟨озном⟩ [51].

e. Летопись Никоновская [52], безобразное извлеч⟨ение⟩ р⟨усских⟩ летопис⟨ей⟩ В XVII летописи прекратились. Академия пр⟨и⟩ П⟨етре⟩ I.

f. Синопсис, архим⟨андрита⟩ Гизеля [53]. Учебная кн⟨ига⟩ сатир⟨?⟩: fables.

g. Начинается критика: Байер, Эмин, Щербатов, Ломоносов, Болтин, Шлёцер, Миллер, Эверс [54] и т. д.

Ave Maria.

№ 8. Sibérie. 29 Septembre 1836. La St Michel

Charissima Soror! Ma vie s'écoule tour à tour parmi les êtres visibles, qui ne me comprennent pas: ou avec l'être invisible qui je ne comprends pas. Les ténèbres du péché le dérobent à ma vue; mais j'ai une idée de sa beauté angélique. J'ai entendu le bruit de ses ailes, au moment que le plomb meurtrier s'est amorti dans mes chairs. J'ai entrevu un reflet de son regard, quand le tranchant du glaive a été détourné de ma tête. Qui m'a suivi

[147*] Перевод письма см. в наст. изд., с. 9, примеч. к нему.

au⟨pied⟩fond des⟨prisons⟩ cachots? Qui a allégé le poid de mes chaines, et guéri leurs blessures? — L'être invisible qui veille sur ma destinée. Ne pouvant se manifester à moi avant ma mort, il m'entoure des témoignages de sa présence: une chaumière dans l'éxil a pour moi le charme du foyer paternel; je suis calme au milieu des dangers, indépendant dans la contrainte, heureux dans la solitude. ⟨C'est⟩ A cette heure ⟨que⟩ je reconnois véritablement que le Seigneur a envoyé son Ange, et qu'il m'a délivré de la main d'Hérode et de toute l'attente du peuple juif. Nunc scio vere, quia misit Dominus Angelum suum, et eripuit me de manu Hérodis, et de omni expectatione plebis judaeorum. Votre affectionné frère Michel [148*].

L'état présent exige d'établir la distinction entre l'obéissance passive et l'illégalité de la résistance dans toutes les circonstances possibles: la différence entre ⟨une monarchie limitée⟩ un gouvernement absolu et une monarchie limitée: quelles sont les bornes de la soumission? l'un et l'autre mettent les bornes à la soumission (Tom⟨e⟩ 12.396) [149*].

Il peut s'élever des circonstances (comme sous Henri VI) dans les quelles prendre les armes pouvait contribuer à l'avantage et à la sureté du souverain: l'emploi de la force contre les personnes tenant autorité de la couronne, peut aussi tourner à l'avantage de la dernière [150*].

№ 65. Sibérie. 25 Novembre. 1837

Charissima Soror! Après une quinzaine passée à la chasse, je suis allé chez NN. Il fesait tard. Elle a l'usage d'endormir sa petite Néli en la tenant dans ses bras, et en fredonnant de sa jeune voix une vieille romance à ritournelle. J'entendis les derniers couplets du salon, et je m'affigeois d'avoir tardé. Le sentiment maternel nous devine. Elle prit un flambeau et me fit signe de la suivre dans la chambre des enfants. Néli reposoit dans un petit lit de fer, voilé de rideaux en mousseline blanche. Elle avoit le col tendu, la tête légèrement renversée. Sans les paupières abaissées, et le calme gracieux que le sommeil prête à l'enfance on eut dit qu'elle alloit prendre son éssor, comme une jeune colombe de son nid. Sa mère heureuse du repos de sa fille, réalisoit au chevet du lit l'image des êtres spiritituels, qui veillent sur la destinée des petits: «Elle dort presque toujours comme cela; ne craignez pas de la réveiller; je sais au juste le moment de son sommeil à un petit mouve-

[148*] Перевод письма см. в наст. изд., с. 6, примеч. к нему.

[149*] Современное положение требует, чтобы было установлено различие между пассивным повиновением и незаконностью сопротивления при любых обстоятельствах: различие между самодержавной властью и ограниченной монархией: каковы границы повиновения? и та и другая ставят повиновению границы (том 12.396) [55] (*франц.*).

[150*] Возможны обстоятельства (как при Генрихе VI), когда брались за оружие и это оказывалось к выгоде государя и для его безопасности; применение силы против лиц, облеченных властью короны, может также оказаться на пользу последней [56] (*франц.*).

ment qui le précède». L'ennemi partout présent me disoit: «connoître et aimer c'est tout l'homme; tu ignore les sentiments d'époux et de père: où est ton bonheur?» Mais la parole de l'Apôtre dissipa cette illusion momentanée. Je désire que vous soyez dégagés de soins: celui qui n'est pas marié s'occupe des choses du Seigneur, comment plaire à Dieu (Ep. Cor. VII. 32); volo vos sine solicitudine esse: qui sine uxore est, solicitus est quae Domini sunt, quomodo placeat Deo. «Le véritable bonheur est dans la connaissance et l'amour de la Vérité infinie. Tout le reste n'est qu'un bonheur relatif, qui ne peut rassasier le coeur, n'étant pas en harmonie avec nos désirs infinis. Adieu ma charissima. Votre affectionné frère M. [151*]

Les gouvernements ont donné le premier exemple de la plupart des actes, qu'ils ont reconnu plus tard passibles de la peine ⟨de mort⟩ capitale dans les gouvernés. Les premiers vaisseaux négriers ont été équipés par Elisabeth d'Angleterre en 1567. L'altération de la monnaie, ou le faux-monnayage a commencé en Angleterre, en France et dans d'autres pays par les souverains. La violation des traités a précédé le parjure des sujets et les crimes de haute trahison. Le monopole pratiqué par les gouvernements a donné naissance aux accaparements et aux monopoles des compagnies commerciales, etc., etc.

En poursuivant cet examen on découvre à quelle école la populace apprend la théorie de ses excès. L'idée de la banqueroute frauduleuse a été fournie par ⟨les gouvernements⟩ l'exemple des gouvern⟨ements⟩ [152*].

[151*] № 65. Сибирь. 25 ноября 1837.
Любезная сестра! После двух недель, проведенных на охоте, я отправился к NN. Было поздно. Она обычно убаюкивает свою малютку Нелли, держа ее на руках и напевая своим молодым голосом старый романс с ритурнелью. Я услышал последние строфы из гостиной и был опечален тем, что опоздал. Материнское чувство угадывает. Она взяла свечу и сделала мне знак следовать за нею в детскую. Нелли спала в железной кроватке, закрытой белыми кисейными занавесками. Шейка ее была вытянута, головка слегка запрокинута. Если бы не опущенные веки и не грациозное спокойствие, которое сон придает детству, можно было сказать, что она собирается вспорхнуть, точно голубка из гнезда. Мать, радуясь сну дочери, казалась у изголовья постели образом тех неземных существ, что бодрствуют над судьбою детей. «Она почти всегда так спит: не бойтесь разбудить ее, я точно знаю момент ее засыпания по небольшому предшествующему ему движению». Вездесущий искуситель говорил мне: «познать и любить — в этом весь человек; тебе неведомы чувства супруга и отца: где твое счастье?» Но слово апостола рассеяло это мгновенное наваждение: «А я хочу, чтобы вы были без забот; неженатый заботится о господнем, как угодить господу» (I кор. VII. 32). Истинное счастье — в познании и любви к бесконечной истине. Все остальное — лишь относительное счастье, которое не может насытить сердце, ибо не находится в согласии с нашей жаждой бесконечного. Прощай, моя дражайшая. Твой любящий брат М. (*франц.*, *лат.*).

[152*] Правительства подали первый пример большинства тех действий, которые они позднее признали заслуживающими смертной казни для подданных. Первые невольничьи корабли были снаряжены Елизаветой Английской в 1567 г.[57] Подделка денег,

Les conséquences qui, etc, peuvent se réunir sous trois chefs. 1° [153*].

La hache de l'exécuteur transforme le condamné en témoin pour ou contre ses juges au tribunal de la postérité [154*].

1838. Mai 1. Une compagnie de soldats est arrivée hier soir au village pour y passer la nuit. Elle servoit d'escorte à un condamné à mort, qu'on conduisoit à pied d'Irkutsk à la fabrique d'Alexandrovsk, où l'exécution devoit avoir lieu. Ce matin à la pointe du jour je me rendis à la prison. Le condamné étoit dans un arrière-cachot, assis par terre, les fers au pieds, n'ayant pour vêtement qu'une chemise sale et délabrée. Pas de paille pour reposer sa tête. Il avoit faim. La vue du déjeuner que j'apportois le réjouit. Mais on l'empêchoit de manger et d'écouter mes paroles amicales. Je m'attendois à voir un Religieux à coté de lui. Rien que des soldats et des cosaques. ++ Cependant le tambour rouloit pour réunir la troupe dispersée dans le village. Au bout d'une heure elle reprit sa marche funèbre. Deux jours plus tard les souffrances et la vie du condamné cesseront aussitôt après l'exécution.— Les égards dus à l'homme condamné par la loi sont méconnus. On oublie, ou plutôt on ignore, que par le fait de la condamnation il est déjà acquitté envers la société, et que sa mort devient aussi utile que la vie de son juge. Les supplices communément en usage chez nous pour les crimes capitaux se ressentent de la barbarie des siècles passés. C'est la mort par fractions. Ils blessent la raison, révoltent l'humanité, et dégradent le pouvoir judiciaire, en subordonnant ses décrets à la discrétion du bourreau. S'il faut du temps et un concours de lumières pour épurer la procédure criminelle: il ne faut qu'un acte rationnel de la volonté pour changer la nature du supplice. Le premier pas vers ce but a été fait par le décret qui défend de mutiler l'homme, le second seroit celui qui prescriroit de le détruire, sans prolonger son agonie par d'affreux et d'inutiles tourments. Tandis que l'Aréopage se tait, une foible voix s'élève de l'éxil pour plaider la cause de l'humanité. Vox clamantis in deserto [155*].

NB. En France, les accusés plaident toujours de leur innocence; en Angleterre ils peuvent plaider de leur innocence ou de leur culpabilité. Dans

то есть выделка фальшивой монеты, была начала в Англии, во Франции и в других странах государями [58]. Нарушение договоров предшествовало нарушениям присяги со стороны подданных и государственной измене. Монополия, осуществляемая правительствами, породила захват монополий торговыми компаниями, и т. п. Продолжая эти исследования, мы видим, в чьей школе толпа учится теории своих эксцессов. Идея злостного банкротства была подсказана примерами правит⟨ельства⟩ (*франц.*).

[153*] Обстоятельства, которые и т. д. можно объединить под тремя пунктами. 1° (*франц.*).

[154*] Топор палача обращает осужденного в свидетеля за или против его судей пред судом потомства (*франц.*).

[155*] В тексте Лунин сделал вставку (++), текст которой оказался, очевидно, на вырванной странице ЗК. Этот текст вошел в раннюю редакцию письма (ПД; п. 11). Перевод письма см. в наст. изд., с. 39, 40.

le cas de l'innocence ils repoussent la totalité de l'accusation; dans le cas de la culpabilité, ils avouent le fait et présentent en leur faveur les circonstances atténuantes [156*].

La coutume de forcer les hommes à s'accuser eux-mêmes est barbare et injuste. Dans de pareils cas il est légitime d'employer l'équivoque, et s'il est nécessaire de confirmer cette équivoque par un serment.

J'avoue que ceci est conforme à mon opinion et à celle des théologiens, et notre raison en est que dans le cas où l'équivoque est légitime, le discours qu'on tiendrait ainsi ne renferme pas de mensonge. Donc ce discours peut être, sans parjure, confirmé par serment, ou par tout autre moyen, fut ce même en recevant le St Sacrement, si une juste nécéssité l'exige. (Garnet, Jésuite) [157*].

La protection et l'allégeance sont corrélatifs:

La loi qui assure les droits des peuples sanctionne la résistance, lorsque ces droits sont violés [158*].

Etudes historiques. № . Trois causes principales ont contribué au développement moral et politique de l'Angleterre.

1°. Les invasions subséquentes du pays par des peuples plus avancés en civilisation que les indigènes. Car la guerre est un agent de civilisation. Chaque lutte entre les peuples, sans égard à des résultats militaires ou poli- [1] tiques, profite pour celui qui est le moins avancé en culture. Les *Romains*, en fesant la conquête de la Bretagne, y répandirent les premières idées de l'ordre social, sous l'influence du principe autocratique. Mais ce principe avoit déjà achevé sa révolution, et subissoit le sort commun des érreurs.

....

[156*] NB. Во Франции обвиняемые всегда заявляют о своей невиновности; в Англии они могут заявлять и о невиновности своей и о виновности. В случае невиновности они отвергают все обвинение в целом; в случае виновности они признают ее и приводят смягчающие обстоятельства (*франц*.).

[157*] Обычай вынуждать людей самим обвинять себя — варварский и несправедливый. В подобных случаях законно оставлять место сомнению и, если это необходимо, подтверждать это сомнение присягой.

Должен сказать, что это согласно с моим мнением, и мнением богословов, и разум говорит нам, что когда сомневаться — законно, произносимая при этом речь не содержит лжи. Следовательно, речь эту, не совершая клятвопреступления, можно подтверждать присягой или как угодно иначе, даже, если того требует необходимость, при св. причастии (Гарнэ, иезуит) (*франц*.).

[158*] Покровительство и верность взаимосвязаны:
Закон, обеспечивающий права народов, санкционирует сопротивление, когда права эти нарушаются (*франц*.).

La domination Romaine s'évanouit, et fut remplacée par l'invasion des *Anglo-Saxons*.[2] Ces derniers parurent avec le principe féodal, qui commençoit à se développer. Comme representants d'une nouvelle idée ils étoient supérieurs, non seulement aux Bretons, mais même aux Romains, dont ils terrassèrent la puissance.— L'invasion des *Danois*[3] porte un caractère législatif. Elle a contribué à épurer les formes judiciaires, et porta l'ordre dans les différentes branches de l'administration. Enfin la *quatrième*[4] invasion a été effectuée par un peuple, qui à cette époque étoit compté parmis les nations les plus civilisées comme les plus belliqueuses de l'Europe.

La seconde cause se trouve dans le système féodal, introduit par les Anglo-Saxons et développé par les Normands. Il a servi à corroborer le lien social, en établissant des distinctions entre les hommes sans les désunir. Il a répandu les idées des devoirs et des obligations réciproques, de la soumission et de la fidélité conditionnelles. La subdivision des forces matérielles qu'il introduisit dans l'économie sociale fournit les moyens de réaliser ses idées. S'élevant au dessus des simples combinaisons politiques, il fit naître un sentiment de parentage dans le coeur du Seigneur et du Vassal. Les beaux arts ont transmis ses formes, son coloris, ses impressions. On peut le considérer dans son ensemble comme une brillante transition de vieilles formes politiques aux nouvelles.

La troisième cause se trouve dans le régime Catholique, qui partout a été la source des principes constitutionnels. ⟨La monarchie angloise se consolida sous son influence. Les libertés nationales⟩ C'est sous son influence que la constitution Angloise se développa: les abus même du pouvoir spirituel servit indirectement à l'etablissement des libertés nationales, etc., etc. [159*].

....

[159*] Исторические этюды. [59] №. Нравственному и политическому развитию Англии способствовали три главные причины:

1°. Следующие одно за другим вторжения в страну народов более цивилизованных, чем местное население. Ибо война — фактор цивилизации. Всякая борьба между народами, независимо от военных или политических результатов, идет на пользу тому, кто менее цивилизован. *Римляне*, завоевав Британию, распространили там первые понятия об общественном порядке, под влиянием автократического принципа. Однако принцип этот завершил уже свое развитие и претерпевал общую участь заблуждений. Римское владычество окончилось и сменилось нашествием *англосаксов*. Эти последние принесли феодализм, который только начал развиваться. Как представители новой идеи, они были выше не только бриттов, но даже и римлян, чью мощь они сокрушили. Нашествие *датчан* имеет характер законодательный. Оно способствовало очищению судопроизводства и внесло порядок в различные области управления. Наконец *четвертое* нашествие было совершено народом, считавшимся в те времена одним из наиболее цивилизованных и наиболее воинственных в Европе [60].

Вторая причина кроется в феодальной системе, введенной англосаксами и развитой норманнами. Она упрочила общественные связи, установив между людьми различия,

18 Juillet. 1839. Lettre à l'Isp. au sujet de W.: qui aura des mauvaises conséquences. [160*].

Comme individu je ne suis qu'un pauvre éxilé: comme personnage politique je suis le représentant d'un Système, qu'il est plus facile de proscrire que de réfuter [161*].

Le fouet du sarcasme est aussi tranchant que la hache de l'éxécuteur [162*].

Sujets à traiter:
a. en faveur des Polonais exilés.
b. Plaidoyer des lettres.
c. Emancipation des paysans.
d. La publicité.
e. Le mouvement gouv⟨ernemental⟩ depuis 1826.
f. L'ecclesiaste polit⟨ique⟩
g. Let⟨tres⟩ sib⟨ériennes⟩ L'ordre St.c. (?)
h. Histoire grec⟨que⟩ Thém⟨istocle⟩et autres exilés [163*].

....

не разъединяя их. Она распространила принцип взаимных обязательств, подчинения и верности на известных условиях. Разделение материальных сил, введенное в народном хозяйстве, дало возможности осуществить эти идеи. Возвысясь над простыми политическими комбинациями, она вселила чувство родства в сердце сеньора и вассала. Искусства донесли до нас ее формы, ее краски, ее следы. Можно рассматривать ее в целом как блестящий переход от старых политических форм к новым.

Третья причина заключается в католичестве, которое всюду было источником конституционных принципов. ⟨Английская монархия упрочилась под его влиянием. Национальные свободы⟩ Именно под его влиянием развилась английская конституция. Сами злоупотребления духовной власти косвенно способствовали установлению национальных свобод, и т. д. и т. д. (*франц.*).

160* *18 июля 1839.* Письмо к исп⟨равнику⟩ по поводу В⟨асилича⟩, которое будет иметь плохие последствия [61] (*франц.*).

161* Как человек я всего лишь бедный изгнанник; как личность политическая я являюсь представителем системы, которую легче упразднить, чем опровергнуть (*франц.*).

162* Бич сарказма столь же остер, как топор палача (*франц.*).

163* Темы для разработки:
a. в защиту ссыльных поляков.
b. в защиту писем.
c. освобождение крестьян.
d. гласность.
e. движение правит⟨ельства⟩ с 1826.
f. политич⟨еский⟩ экклезиаст [62].
g. Сиб⟨ирские⟩ письма. Приказ св. (?)
h. История Греции: Феми⟨стокл⟩ и другие изгнанники (*франц.*).

De l'idée du Régicide attribuée à la soc⟨iété⟩ occ⟨ulte⟩
L'histoire législative et judiciaire de l'Anglet⟨erre⟩: tirer de Lingard⟨e⟩.
Les esclaves grecs [164*].

1839

(Octobre. 16). Le type du beau idéal commence à s'éffacer de ma mémoire. J'ai beau le chercher dans les livres, dans les productions des arts, dans le monde visible qui m'entoure. C'est en vain. La beauté n'est plus qu'un mythe fabuleux pour moi, et le symbole des grâces un hiéroglyphe inintelligible. Au fond des cachots mon sommeil était rempli de visions poétiques: maintenant il est paisible, mais dépourvu ⟨d'émotion⟩ d'impressions et d'images. En écrivant je trouve l'argument nécessaire pour prouver la vérité: mais le mot qui persuade sans preuves ne se retrouve plus sous ma plume. Tantôt j'ai soif d'un accord, d'un trait, d'une teinte, d'une parole: tantôt je voudrais anéantir ⟨toutes⟩ ces formes, qui entravent le rapport des intelligences et attestent la chute de notre nature.— L'émotion du péril manque également à la plénitude de mon existence. J'ai tant de fois affronté la mort dans les chasses, les combats singuliers, les batailles, et les luttes politiques, que c'est devenu pour moi une habitude, une combinaison essentielle pour le développement de mes facultés. Ici point de périls. Je traverse l'Angara en nacelle: mais ses flots sont paisibles. Je trouve des brigands dans les forêts: mais ils se bornent à demander l'aumône. Le calme qui résulte de cette... [165*]

1840. Toute autorité humaine vient de Dieu: conjugale, paternelle, domestique, civile, religieuse ou ecclésiastique. Les devoirs réciproques et les droits qui en découlent ont été également ratifiés d'avance par une loi éternelle. Si l'homme, destiné à vivre en société, pouvait et devoit créer l'autorité, s'imposer des devoirs et acquérir des droits, l'oeuvre du Fondateur de la

---

[164*] О замысле цареубийства, приписываемом тай⟨ному⟩ общ⟨еству⟩ [63].
Законодательная и судебная история Англии: извлечь из Лингарда [64].
Греческие рабы (*франц.*).

[165*] 1839.
(*Октября 16*) Идеал красоты начинает стираться из моей памяти. Напрасно ищу я его в книгах, в произведениях искусства, в видимом мире, меня окружающем. Тщетно. Ныне красота для меня всего лишь призрачный миф, а символ граций — непонятный иероглиф. В каземате мой сон был полон поэтических видений; теперь он покоен, но лишен ⟨волнений⟩ впечатлений и образов. Когда я пишу, то нахожу нужный довод, чтобы доказывать истину; но сло́ва, убеждающего без доказательств, не нахожу более под своим пером. То я жажду аккорда, штриха, краски, слова; то желал бы уничтожить все эти формы, которые мешают общению умов и доказывают греховность нашей природы. Для полноты жизни мне не хватает также возбуждения опасностью. Я столько раз видел в лицо смерть на охоте, в поединках, в сражениях и в политической борьбе, что это сделалось моею привычкой, чем-то необходимым для развития моих способностей. Здесь опасностей нет. Я переправляюсь через Ангару в челноке, но воды ее спокойны. Я встречаю в лесах разбойников, но они всего лишь просят милостыню. Спокойствие, происходящее от этой... (*франц.*).

société eut été imparfaite. Mais toute autorité humaine a des limites, puis qu'elle a des devoirs à remplir. Dès qu'elle dépasse ces limites, elle nécéssite la résistance individuelle ou collective des hommes, en vertu d'une autorité qui vient également de Dieu. Le principe ⟨de l'autorité⟩ reste le même, seulement il se déplace: car les hommes sont tour à tour les dépositaires de l'autorité.

De savoir si l'autorité dépasse ses limites est un fait qui se prouve par la voie de témoignage, et qui est par conséquent à la portée de tout homme. Comme en fait d'autorité religieuse l'examen de la mission est à la portée de tous les fidèles: de même en fait d'autorité politique l'examen des limites du pouvoir est à la portée de tous les citoyens.

Une loi positive prescrit à l'homme de rendre à César ce qui est à César. Donc il peut discerner à l'aide de ses lumières naturelles en quoi consistent les prétentions de César, et jusqu'où elles peuvent s'étendre. Autrement cette loi serait impraticable et par conséquent absurde[166*].

1840. Mai 25, matin. Warka est perdu. On le cherche en vain. Révolution. Warka (*нрзб*). Dieu soit loué, il est retrouvé [167*].

Les américains: leur principal mobile: l'avidité du gain: ils ne pensent qu'à faire la fortune, la prosperité matérielle ⟨matériels⟩ forme leur seul bonheur.

L'idée de la souveraineté du peuple est une chimère, qui a remplacé d'autres chimères.

St Basile, Evêque de Césarée en Cappadoce, mourut l'an 379.

....

[166*] 1840. Всякая человеческая власть от бога: супружеская, родительская, домашняя, гражданская, религиозная или церковная. Взаимные обязанности и права, отсюда проистекающие, также заранее утверждены вечным законом. Если бы человек, которому назначено жить в обществе, мог и должен был сам создать власть, наложить на себя обязанности и получить права, дело основателя общества было несовершенным. Однако всякая человеческая власть имеет пределы, поскольку имеет обязанности. Как только она эти пределы преступает, возникает личное или общественное сопротивление, на основании другой власти, также исходящей от бога. Принцип ⟨власти⟩ остается тот же, он лишь перемещается: ибо люди поочередно являются хранителями власти.

Установить, преступила ли власть свои пределы, можно с помощью свидетельства, и, следовательно, это доступно любому человеку. Как в вопросах религиозной власти решение о призвании доступно всем верующим, так в отношении власти политической решение о ее пределах доступно всем гражданам.

Точный закон велит человеку воздавать кесарю кесарево. Он может, следовательно, с помощью своего разума различить, в чем состоят притязания кесаря и сколь далеко могут они простираться. Иначе закон этот был бы неприменим и поэтому бессмыслен (*франц.*).

[167*] 1840. Мая 25, утро. Варка потерялся, его тщетно разыскивают. Революция. Варка (нрзб). Слава богу, его нашли[65] (*франц.*).

L'Empereur Valens fit menacer St Basile de la confiscation, de l'exil et de la mort, s'il ne livrait pas les Eglises aux Ariens. Celui qui n'a rien, répond St Basile, que des haillons et quelques livres, ne craint pas d'être dépouillé. Je regarde comme ma patrie, non le sol sur le quel je suis né, mais le ciel. Un corps exténué tel que le mien ne peut souffrir longtemps: la mort, en terminant mes peines, me réunira plutôt à mon Créateur [168*].

Il ne faut pas imaginer que la Liturgie qui porte le nom de St Basile, ait été composée et faite en entier par lui. Il n'a fait que retoucher la Liturgie qui était déjà en usage dans son Eglise, y ajouter quelques prières, en corriger quelques unes, etc., etc., sans en altérer le fond. La conformité de cette Liturgie avec la multitude des autres liturgies anciennes, démontre que toutes ont été faites sur un modèle primitif, suivi depuis les temps apostoliques, et au quel on n'a jamais touché. La liturgie de St Basile est en usage chez les grecs, les jacobites, les grecs Melchites, les Cophtes d'Egypte et d'Abyssinie, etc. [169*].

1840. Les aberrations de la Révolution francaise proviennent de ce que l'ordre social a été subitement dissous, par la retraite simultanée des classes supérieures. Nulle histoire n'offre l'exemple d'une mutation aussi rapide. Aux premiers éclats du tonnerre revolutionnaire: le Roi et sa famille désertent la cause nationale: la haute noblesse émigre en masse; le Clergé est paralysé par le serment civique, la petite noblesse, la robe, le haut commerce, les savants, les artistes, la bourgeoisie, toutes les classes intermédiaires se retirent à l'étranger, se rendent aux armées ou se cachent au fond des provinces: la canaille seule reste et se trouve à la tête des affaires.

La responsabilité des désordres qui ont compromis la révolution retombe donc sur les sommités sociales. Leur poltronnerie ⟨a causé tous les maux que la France a souffert⟩ est inexcusable. Un peu de mitraille et quelques coups

[168*] Американцы: их главный стимул — жажда наживы; они думают лишь о том, как разбогатеть, материальное благосостояние — вот единственное их счастие.

Идея верховной власти народа есть химера, сменившая другие химеры.

Св. Василий, епископ Цезареи в Каппадокии, скончался в 379 году [66].

Император Валенс грозил св. Василию конфискацией, изгнанием и смертью, если он не передаст церковь арианам. Кто не имеет ничего, ответил св. Василий, кроме рубища и нескольких книг, не опасается лишения имущества. Родиной своею я считаю не землю, где я родился, но небеса. Тело столь изнуренное, как мое, не может страдать долго; смерть, прекращая мои мучения, воссоединит меня с моим создателем (*франц.*).

[169*] Не следует думать, будто литургия, носящая имя св. Василия, была целиком составлена им самим. Он лишь отредактировал литургию, которую уже служили в его церкви, добавил несколько молитв, некоторые исправил, не изменяя их сути. Соответствие этой литургии множеству других древних литургий указывает, что все они составлены по первоначальному образцу, которому следовали со времен апостолов и который никогда не меняли. Литургией св. Василия пользуются греки якобиты, греки мельхиты, копты Египта и Абиссинии, и др. [67] (*франц.*).

de bâtons administrés dans l'origine, auraient prévenu les flots de sang, versés par la hache des terroristes [170*].

NB. Les notabilités de l'époque se trouvent au fond de l'exil en Sibérie: les médiocrités à la tête des affaires.

Affaiblir l'action des éléments civilisateurs, par l'influence des systèmes rétrogrades, est leur unique soin.

Les hommes manquent au gouvernement, parce que lui-même manque de principes.

Le fondement de l'ordre public, de la sécurité et de la paix se trouve dans la nation, et non pas dans le gouvernement qui s'arroge le pouvoir de disposer de ces biens. En général il recoit plus qu'il ne donne, et son action est plus circonscrite qu'on ne se l'imagine.

On déclame trop en faveur de la liberté du peuple, et l'on perd de vue la liberté du Pouvoir. Notre gouvernement est-il libre? Non [171*].

Il y a une naïve et idiote simplicité dans beaucoup de nos actes officiels comme p⟨ar⟩ ex⟨emple⟩, le déterrement du gén⟨éral⟩ Bagration, etc.

Les événements sont les conséquences des loix logiques [172*].

....

[170*] 1840. Заблуждения французской революции вызваны тем, что общественный порядок был внезапно разрушен из-за одновременного отступления высших классов. Нигде история не дает примера столь быстрых перемен. При первых же раскатах революционного грома король и его семья предают дело своей страны; высшая знать эмигрирует целиком; духовенство парализовано гражданской присягой, дворяне, судейские, крупные коммерсанты, ученые, художники, буржуа, все средние классы уезжают за границу, вступают в армию или скрываются в провинции; остается одна лишь чернь и она-то и оказывается во главе событий.

Ответственность за беспорядки, которые скомпрометировали революцию, ложится таким образом на верхи общества. Их трусость ‹вызвала все бедствия, от которых пострадала Франция› непростительна. Немного картечи и несколько ударов палкой, примененных в самом начале, предотвратили бы потоки крови, пролитые топором террористов [68] (*франц.*).

[171*] NB. Выдающиеся люди эпохи оказались в сибирской ссылке; ничтожества — во главе событий [69].

Ослабить действие цивилизующих факторов с помощью реакционной системы — вот единственная их забота.

Правительству недостает людей, потому что самому ему недостает принципов.

Основы общественного порядка, безопасности и мира кроются в народе, а не в правительстве, которое присваивает себе право распоряжаться этими благами. В общем оно получает больше, чем дает, и круг его действий более ограничен, чем принято думать.

Слишком много кричат в защиту свободы народа и теряют из виду свободу власти. Свободно ли наше правительство? Нет (*франц.*).

[172*] Многим нашим официальным решениям свойственна наивная и идиотическая простота, как, напр., перенесение праха ген⟨ерала⟩ Багратиона и т. д. [70].

События являются следствием законов логики (*франц.*).

Les exilés politiques forment un élément en dehors de la société. Ils doivent donc être au dessus ou au dessous d'elle. Pour être au dessus ils faut qu'ils fassent cause commune, et que du moins en apparence la plus grande harmonie règne parmi eux.

Ce sont des individualités fortes et glorieuses, etc.

Il ne faut pas les confondre avec ces ambitions, ces désirs, ces enthousiasmes, ces mouvements politiques (ces élans nobles mais instantanés. Ils ont scellé de leur sang la cause de la liberté.) qui s'agitent à la surface de la société, etc. Ils ont considéré les choses dans leur ensemble, et écartant les détails, évitant les cas particuliers, sortant du cercle étroit des spécialités, ils ont abordé les ⟨grandes⟩ questions ⟨de l'ordre⟩ organiques qui forment la base de l'ordre social [173*].

⟨que de les faits n'a chaque fait important n'était pour eux qu'une fraction d'une idée générale.⟩ Ils ⟨appliquait⟩ déduisaient chaque fait important d'une idée générale.

De là la fixité des principes: témoignage de la vérité et garantie du succès [174*].

La société en Russie n'offre que le monotone spectacle de petits personnages, de petites intrigues et de petits résultats.

Deux choses à distinguer les institutions et les mœurs. Les mœurs étaient pour eux. En général point ou peu de préjugés civils et politiques [175*].

La nature de la cause qu'ils ont embrassé nous dispense de garder les ménagements qu'au premier abord leur situation dans l'exil semble exiger. Il y a entre eux et la foule un abyme, où se perdent les réticences obséquieuses et les considérations usuelles. On peut parler des ⟨leurs⟩ erreurs et des ⟨leurs⟩ fautes ⟨comme l'Ecriture parle⟩ de ces apôtres de la liberté, comme l'Ecriture parle du tribut payé à l'humanité par les Apôtres de la foi [176*].

....

[173*] Политические ссыльные составляют среду, находящуюся вне общества. Следовательно они могут быть выше или ниже его. Дабы быть выше, им необходимо объединение и хотя бы видимость полного между ними согласия.

Это личности сильные и славные, и т. д.

Не следует смешивать их с честолюбиями, стремлениями, порывами, политическими течениями (это благородные, но мгновенные порывы. Они кровью своей скрепили дело свободы), бурлящими на поверхности общества и т. д. Они смотрели на вещи в их целом и, отметая детали, избегая частных случаев, выйдя из узкого круга мелочей, подошли к важнейшим вопросам, составляющим основу общественного строя (*франц.*).

[174*] ⟨что факты⟩ ⟨не каждый важный факт был для них лишь частью общей идеи⟩. Всякий важный факт они ⟨применяли⟩ выводили из общей идеи.

Отсюда незыблемость принципов: свидетельство истины и гарантия успеха.

[175*] Общество в России являет собою однообразное зрелище мелких людей, мелочных интриг и ничтожных результатов.

Следует различать две вещи: учреждения и нравы. Нравы были сами по себе. В общем не было или почти не было гражданских и политических предрассудков [71] (*франц.*).

[176*] Природа предпринятого ими дела позволяет относиться к ним без той бережности, какую, казалось бы на первый взгляд, требует их положение ссыльных. Меж ними

Dans notre organisation politique les vices ne sont pas des abus, mais des principes. La manifestation des principes d'ordre en a été ⟨plus⟩ d'autant plus sensible et progressive.

Il n'y a ni haine ni amour pour le souverain.

Les classes ne sont séparées par aucune barrière infranchissable: c'en est assez pour tempérer l'oppression des unes par les autres.

Les droits en général sont de 3 sortes: politiques, civils et naturels. Les premiers n'existent pas en Russie; les seconds sont annulés par⟨l'autocratie⟩ l'arbitraire, et les troisièmes violés par l'esclavage [177*].

C'est un axiome de jurisprudence, que tout accusé est présumé innocent jusqu'à ce qu'il ait été déclaré coupable. M. p. 279. La loi de 840.

La première règle en matière criminelle c'est que nul ne peut être jugé que par ses pairs. Idem. Loi de 840.

La loi de 840, crée de nouvelles distinctions entre les hommes, qui empêchent d'établir les rapports légaux basés sur la réciprocité, qui est le seul fondement équitable des relations humaines [178*].

C'est ⟨encore⟩un principe consacré par toutes les legislations sages, qu'en matière criminelle, les peines doivent être fixées par la loi. La loi de 840 ⟨1 сл. нрзб. ce soin aux fonctionnaires⟩ en entier (?) à la discrétion du juge le châtiment de l'exilé. Tantôt elle dit que ⟨dans un cas⟩ le fonctionnaire public fera distribuer le nombre de coups de verge qu'il jugera convenable, sans fixer ni minimum, ni maximum: ⟨tantôt⟩ une autre fois elle laisse au fonctionnaire chargé de punir, le soin de choisir parmis les peines celle qui lui plait depuis ⟨les verges jusqu'au l'exil⟩ la détention jusqu'aux travaux forcés ou l'exil dans l'exil.

....

и толпой лежит пропасть, в которой исчезают почтительные недомолвки и общепринятые суждения. Можно говорить о заблуждениях и проступках этих апостолов свободы, как Писание говорит о дани, которую отдавали людским слабостям апостолы веры [72] (*франц.*).

[177*] В нашем политическом строе пороки не злоупотребления, но принципы. Появление принципов порядка было тем более заметным и успешным.

Для государя нет ни любви, ни ненависти.

Классы не разделены никакой неодолимой преградой; этого довольно, чтобы умерить угнетение одних другими.

Вообще права бывают трех родов: политические, гражданские и естественные. Первые в России не существуют; вторые уничтожены ⟨самодержавием⟩ произволом; третьи подавлены рабством (*франц.*).

[178*] Основное законодательное положение гласит, что всякий обвиняемый считается невиновным покуда не объявлен виновным. М. п. (?) 279. Закон 840 [73].

Первое правило в уголовных делах: никто не может быть судим иначе, как равными себе. Там же. Закон 840.

Закон 840 создает новые различия между людьми, мешающие установлению правовых отношений на основе взаимности, единственной справедливой основе человеческих отношений (*франц.*).

Il est un principe sacré: c'est que nul ne peut se faire justice à soi-même, et que quiconque a été lézé par un crime doit s'adresser aux magistrats chargés par la loi de prononcer entre le plaignant et l'accusé. (La loi de 840, relative aux chefs des fabriques, etc., etc.) [179*].

Nouvelle série. Ave Maria gratia plena!
Exil 27/15 Sept. 1839. N 1 et Litt⟨erae⟩ ad praes⟨idem⟩ gend⟨armes⟩.
Exil 3 Nov/22 Oct. 1839. N 2. Vanis.
Exil 10 Nov/22 Octob. 1839. N 3. Les esclaves.
Exil. 17/5 Nov. 1839. N 4. Les Polonais.
Exil. ⟨22/10 N⟩ 3 Déc./21 Nov. 1839. N 5. L'Exil.
Exil 27/15 Décembre 1839. N 6. Le procès.
Exil. 3 Janvier 1840/22 Décembre 1839. N 7. Les Donomin (?) Pestel.
Exil. 1 Janv. 1840/20 Décembre 1839. N 8. Laetus.
Exil. 22/10 Janvier, 1840, N 9. Renonc⟨ement⟩ à écrire, ave Maria gratia plena [180*].

NB. *Tradition.* C'est pourquoi mes frères demeurez fermes et conservez les *traditions* (Thess. 2.2.14) [181*].

....

[179*] Принцип ⟨еще⟩, признанный всеми мудрыми законодательствами, требует, чтобы в уголовном деле наказания были определены законом. Закон 840 г. оставляет ⟨эту заботу чиновнику⟩ полностью (?) наказание ссыльного на усмотрение судьи. То он объявляет, что ⟨в одном случае⟩ чиновник назначает количество розог, какое сочтет нужным, не устанавливая ни минимума, ни максимума; то в другом случае предоставляет чиновнику, которому поручено наказание, выбирать какое вздумается, от ⟨розог до ссылки⟩ тюремного заключения до каторжных работ или ссылки на поселение.

Есть священное положение: никто не может творить суд сам, и всякий потерпевший от преступления должен обратиться к властям, которым закон поручил решить дело между истцом и обвиняемым (Закон 840 относительно управляющих фабриками и т. д., и т. д.) [74] (*франц.*).

[180*] Новая серия. Аве Мария.
Ссылка 27/15 сент⟨ября⟩ 1839. № 1 и пис⟨ьмо⟩ к шефу жанд⟨армов⟩.
Ссылка 3 ноября/22 октября № 2. К суетным.
Ссылка 10 ноября/29 октября 1839. № 3. Рабы.
Ссылка. 17/5 ноября 1839. № 4. Поляки.
Ссылка. ⟨22/10 ноября⟩ 3 декабря/21 ноября 1839. Ссылка.
Ссылка. 27/15 декабря 1839. № 6. Процесс.
Ссылка. 3 января 1840. 22 декабря 1839. № 7 ⟨нрзб.⟩ Пестель.
Ссылка. 1 января 1840. 20 декабря 1839. № 8. Летус.
Ссылка. 22/10 января 1840. № 9. Отказ писать более [75] дева Мария, благодати исполненная (*франц.*, *лат.*).

[181*] NB. *Предание.* «Итак, братия, стойте и держите *предания*» (II посл. к фесс. 2. 14) (*франц.*).

Retour vers les princ⟨ipes⟩ org⟨aniques⟩ (?) ⟨нрзб.⟩ 1840. Octobre 10 [182*].

Je suis content et je suis transporté de joie au milieu des afflictions et des souffrances (2 Cor. C. 7. 4.) [183*] [76].

1840. На сеннике 60 копен. В зароде 40 копен, дом: сенокос. [77]

Le 26. Août, exp. f. de la ... aurus fat + ave Maria ora pro nobis ⟨далее нрзб.⟩ [184*].

[182*] Возвращение к орг⟨аническим⟩ (?) принц⟨ипам⟩. 1840. Октября 10 (*франц.*).

[183*] Я исполнен утешением, преизобилую радостию, при всей скорби нашей (II кор. II. 4). (*франц.*). Сноска Лунина не точна.

[184*] Августа 26-го ⟨несколько строк неразборчиво⟩. Дева Мария, молись за нас.

ПИСЬМА

1. А. З. МУРАВЬЕВУ

22 октября 1814 г. Тамбовская губ., Сергиевское (?)

Наилюбезнейший моему сердцу друг и братец Артемон Захарьевич [1]! Нет тому четырех месяцев, как судьба соединила нас в Париже [2], а теперь вновь соединяет, и где ж? В опустелой, дикой гнусной Тамбовской губернии [3]. Событие странное, но не менее того для меня приятное. Прошу навестить меня в моей степи. В Париже ходили вместе к девкам (en bonne fortune) *, а здесь пойдем вместе за волками, за медведями.— Всякая земля имеет свои забавы, свои увеселения.

Прощай до свиданья.

Михаил Лунин.

22-го октября

2. А. З. МУРАВЬЕВУ

Октябрь 1816 г. — май 1817 г. (?) *Париж* (?).

Mon très cher et aimable cousin! Je vous remercie mille et mille fois pour votre aimable souvenir, et pour le médecin que vous m'avez envoyé. Evenius m'a fait part des inquiétudes que vous aviez au sujet du malade. Rassurez vous, tous ces bruits sont faux: Чернотски est tombé malade à la suite d'un refroidissement, et je l'ai pris chez moi pour le soigner. Il vous fait dire mille choses, et entre autres choses il vous envoye 100 roubles, qu'il vous devait.

Je vous souhaite un heureux voyage, beaucoup de plaisir et beaucoup de santé.

Tout à vous Michel Lounynn.

Чернотски vous pris de ne pas oublier la jolie chanson Polonaise, que vous lui avez chanté.

Перевод:

Дражайший и любезный кузен! Благодарю тебя тысячу раз за память и за лекаря, которого ты мне прислал. Эвениус сообщил мне, что ты тревожишься о больном. Успокойся, все это — ложные слухи. Чернотский заболел простудившись, и я взял его к себе, чтобы за ним ходить. Он шлет тебе горячий привет, а также 100 рублей, которые был должен.

Желаю тебе счастливого пути, множества удовольствий и доброго здоровья.

Твой Михаил Лунин.

Чернотский просит не забыть прелестную польскую песенку, которую ты ему пел.

---

* везло в любви (*франц.*).

3. ИППОЛИТУ ОЖЕ

5 ноября 1816 г. Париж.

Paris, *5 Novembre.*

Mon cher Hippolyte, je ne devrait pas vous écrire, car je n'ai que de mauvaises nouvelles à vous donner. Ma santé est tout à fait délabrée. Je suis encore au lit. Les bougies consommées, le bois brûlé, les plumes gâtées, le tabac fumé, le terme expiré et l'argent dépensé! Voilà en quelques mots le tableau de notre situation. Il ne faut pas se laisser abattre et penser sérieusement aux mesures qu'il nous reste à prendre. Vous êtes, j'espère, sûr, mon ami, que mon grand désir est de partager ma destinée avec vous.— Le temps viendra, j'espère, où nous pourrons réaliser nos projets. A cette heure même, si nous étions en Russie je trouverais le moyen d'aplanir toutes les difficultés, mais en France, c'est l'état des choses ⟨qui⟩ est différent. Je ne prévois qu'un sort très pénible pour moi, au moins pour une année, et je ne voudrais pas vous envelopper dans mes disgrâces. Je saurai supporter le malheur en homme. J'ai toujours été au dessus de la bonne ainsi que de la mauvaise fortune. Voyons ce qui vous reste à faire de votre côté. Je vous engage à réfléchir mûrement aux moyens que je vous propose car ils sont dictés par l'amitié la plus tendre, la plus sûre et la plus éclairée.— Vous avez trois manières, pour le moment, d'exister utilement, agréablement et honorablement: premièrement, en obtenant de votre famille trois mille francs pour votre entretien, vous pouvez revenir à Paris. Vous serez *indépendant* et vous aurez le loisir de cultiver votre talent et votre esprit. *Secondement*, si cela est impossible, il faut tâcher de vous placer soit dans un bureau, soit au militaire: vous aurez encore une existence convenable. *Troisièmement*, si tout ce dont je parle, est également impossible, il ne vous reste qu'à prendre votre parti en sage, renoncer à tout et vivre tranquillement au sein de votre famille. Vous trouverez encore le moyen d'être utile à vous et à la société. Vous pourrez étudier, composer aussi bien qu'à Paris. Il n'y a rien qu'une forte volonté ne sache vaincre. Voici, mon ami, ce que je pense relativement à vous. De mon côté je cherche déjà une place pour moi. Il n'y a pas de métier déshonorant pourvu qu'il soit utile à la société. Le grand Epaminondas a été chargé de l'entretien des égouts de Thébes. Je pourrais à mon tour travailler dans la boutique d'un artisan. Peut être qu'un jour la fortune viendra me trouver dans un modeste asile, comme les deputés romains allaient trouver le vertueux Cincinnatus sous le chaume.— Alors, mon premier soin sera de nous rejoindre. Nous repartirons pour la Russie, pour cette patrie chérie que j'aime malgré toutes les injustices qu'on m'y a fait éprouver. L'amitié saura réchauffer nos cœurs au milieu des glaces du Nord, et nous jouirions d'un bonheur inconnu en France, inconnu de cette terre inhospitalière habitée par des Vandales et des Welches.

Vale et me ama. Michel.

Перевод:

Париж, *5 ноября*

Мой милый Ипполит, мне не следовало бы вам писать, потому что не могу сообщить ничего хорошего. Здоровье мое совершенно расстроено. Я все еще в постели [1],

Свечи я сжег, дрова тоже, перья испортил, табак выкурил, деньги истратил, а между тем наступил срок платежей. Таково вкратце наше положение. Унывать не следует, но надо всерьез подумать, как помочь беде. Вы, конечно, не сомневаетесь, мой друг, что я более всего желал бы разделить вашу судьбу. Надеюсь, что придет время, когда мы сумеем осуществить наши планы. В России я и сейчас нашел бы способ преодолеть все трудности, но во Франции дело другое. Для себя я предвижу тяжелую жизнь, по крайней мере на год, и не хотел бы вовлекать вас во все это. Я же всегда выше счастия и несчастия и сумею перенести невзгоды как подобает мужчине. Давайте посмотрим, что остается делать вам. Прошу вас серьезно обдумать средства, мною предлагаемые, ибо они внушены самой нежной, верной и разумной дружбой. У вас имеются сейчас три способа устроить жизнь свою полезно, приятно и честно. Во-первых, получив от вашей семьи три тысячи франков на прожитье, вы можете возвратиться в Париж. Вы будете *независимы* и будете иметь досуг для развития вашего таланта и ума. *Во-вторых*, если первое невозможно, надо постараться поступить на службу, в канцелярию или в полк; так тоже можно прилично устроить жизнь. *В-третьих*, если все, о чем я говорю, невозможно,— остается благоразумно покориться своей участи, отказаться от своих планов и спокойно жить в семье. Вы и там сумеете приносить пользу себе и обществу. И там, как в Париже. можно учиться и сочинять. Сильная воля все может одолеть. Вот, друг мой, мои мысли относительно вас. Я со своей стороны уже приискиваю себе место. Всякий труд почтенен, если приносит пользу обществу [2]. Великий Эпаминонд ведал в Фивах канализацией. Я же могу устроиться и в мастерской какого-нибудь ремесленника [3]. Быть может фортуна найдет меня однажды в скромном убежище, как некогда посланцы Рима нашли добродетельного Цинцинната под соломенной кровлею. Тогда первой моей заботой будет соединиться с вами. Мы уедем в Россию, мою милую родину, которую я люблю, несмотря на несправедливости, коим я там подвергся. Среди северных льдов дружба согреет наши сердца, и мы насладимся счастьем, неведомым во Франции, этой негостеприимной стране, населенной вандалами и мракобесами.

Будь здоров и люби меня *. Михаил

4—8. Н. М. МУРАВЬЕВ — Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ, С ПРИПИСКАМИ М. С. ЛУНИНА

4

5 августа 1820 г. Луга.

Четверг августа 5-го дня г. Лука в 4 часа пополудни.

Расставшись с Вами, мы ехали благополучно и доехали к обеду в великолепную Луку [1]. На прошедшей станции мы встретили Бороздина с женою [2] и провели с ним весьма приятно все время — пока перекладывали нам лошадей. Они едут в Петербург, где пробудут до зимы. Что же касается до нас, то мы едем очень хорошо — коляска в исправности и время весьма поправляется — дорога довольно хороша. Прощайте, Любезнейшая

* Последняя фраза по-латыни.

Маменька, целую тысячу раз ваши ручки — будьте здоровы и спокойны, обнимаю брата, Сережу, мое почтение Александре Николаевне, мой поклон Александру Акимовичу [3]. Мы едем теперь далее. Я буду писать к Вам из Порхова. Целую тысячу раз ваши ручки. Ваш покорный сын

Никита Муравьев.

Приписка Лунина:

Ma chère tante! Nous sommes arrivés, en bonne santé et sans aucune ombre à Louga à 4 heures après midi. La pluie ⟨нрзб.⟩ aussitôt après notre départ de Gatchina et il fait très beau maintenent. Nous dînerons à l'auberge et nous repartirons de suite. A Porhoff nous nous préparons de coucher pour nous reposer un peu. Adieu, ma chère tante. Je baise vos mains et vous recommande mes intérêts à Petersbourg. Votre dévoué neveu Michel *.

5

16 августа 1820 г. Тульчин.

Августа 16-го дня, Тульчин.

Je m'empresse de vous annoncer, maman, que nous n'avons pas trouvé à Kieff le major, dont il a été tant question — il se trouve dans ce moment à son régiment cantonné à *Винница* où nous lui enverrons votre lettre aussitôt après notre arrivée à Odessa.— Il se trouve que la princesse Koutousof a été volée non dans une auberge — mais dans la maison du Commandant de la Ville. En passant de Kieff nous avons été à Uman voir le jardin de *Софьювка* dont on nous a tant parlé et dont nous vous enverrons la description detaillée aussitôt après notre arrivée. Après avoir passé une journée à Uman nous sommes arrivés à Toulchine — après avoir passé ici le Bug — qui dans ces environs n'est guère plus grand que la Fontanka. D'ici nous continuerons notre route par Balta et Dubossar et nous arriveront à Odessa — par le côté opposé à celui par lequel nous sommes arrivés l'année passée. Ici on reconnait le Midi; chaleur, verdure, rien ne nous manque. Bien de choses à toutes nos connaissances à Petersbourg — nos hommages à Alex. Nikol.— Adieu, chère maman, je baise vos mains avec les sentiments les plus affectueux. Votre fils N. Mouravieff

J'embrasse mon frère. Bien de choses à Serge.

Приписка Лунина:

Ma chère tante. Nous sommes déjà à Toulchine a 200 werstes d'Odessa. Notre voyage a été des plus agréables. Nikita se porte a merveille. Il a si bon appétit, qu'il me donne des envies et des jalousies toutes les fois que

---

* Любезная тетушка! Мы прибыли в Луку в добром здравии и без всяких помех в 4 часа пополудни. Едва мы выехали из Гатчины, начался дождь, но сейчас погода очень хорошая. Мы пообедаем на постоялом дворе и сразу же отправимся дальше. В Порхове мы намерены заночевать, чтобы немного отдохнуть. Прощайте, любезная тетушка. Целую ваши ручки и поручаю представлять мои интересы в Петербурге. Преданный вам племянник Михаил.

nous nous mettons à table. La gaieté nous tient fidèle compagnie. Après demain nous comptont être à Odessa, d'où nous vous écrirons au long. — Adieu, ma chère tante. Je vous baise la main et serai pour la vie votre tout neveu M. Lounynne.

Nous repartons a l'instant même.

Перевод:

Августа 16-го дня. Тульчин.

Спешу сообщить вам. маменька, что мы не нашли в Киеве майора, о котором столько говорили [1],— он находится в данное время при своем полку в Виннице* куда мы пошлем ему ваше письмо, как только приедем в Одессу. Оказывается, княгиню Кутузову [2] обокрали не на постоялом дворе, но в доме коменданта города. Выехав из Киева, мы отправились в Умань, чтобы осмотреть парк Софьювка * [3], о котором нам столько рассказывали и подробное описание которого мы пошлем вам также по приезде. Проведя день в Умани, мы прибыли в Тульчин — переправившись через Буг, который в этих краях не шире Фонтанки. Отсюда мы продолжим наш путь через Балту и Дубасары и приедем в Одессу — со стороны, противоположной той, с какой въезжали в прошлом году. Здесь уже ощущается юг — жары и зелени хватает. Кланяйтесь всем нашим петербургским знакомым. Наше почтение Алекс‹андре› Никол‹аевне› [4]. Прощайте, любезная маменька, целую ваши ручки с глубокой преданностью. ваш сын Н. Муравьев.

Обнимаю брата. Кланяйтесь Сергею.

Приписка Лунина:

Любезная тетушка. Мы уже в Тульчине, в 200 верстах от Одессы. Наше путешествие было весьма приятно. Никита чувствует себя превосходно. У него такой аппетит, что я завидую ему всякий раз, как мы садимся за стол. Веселость — наш верный друг [5]. Послезавтра рассчитываем быть в Одессе, откуда напишем подробнее. Прощайте, любезная тетушка. Целую ручку и остаюсь навеки вам преданный племянник М. Лунин.

Мы уезжаем сию минуту.

6

4 сентября 1820 г. Одесса.

Сентября 4-го дня. г. Одесса.

Любезнейшая Маменька, в прошедшем письме моем я известил уже вас, что все вещи наши отыскались [1], даже и те, которые мы забыли в объявлении нашем. Губернатор из 50-ти рублей денег затруднился переслать их к нам — и они уже нам теперь вовсе не нужны — мы их адресовали в Петербург 〈с〉 тем, что они никак бы нас уже не нашли. Здесь мы нашли искусного французского и даже парижского портного г〈осподин〉а Teissié, который нас и одевает. С ним же держит магазейн и одна lingère **. Итак, вы видите, что об нас нечего беспокоиться. Мы здесь по-старому приделали к коляске крепкий сундук сзади. Я, кажется, писал уже к вам, что рука хищников не прикоснулась розовой фуфайки. Что же касается до

* В оригинале название по-русски.
** белошвейка (*франц.*).

последней книги г⟨осподин⟩а Шатобриана, то я не сужу ее строго — я вижу ум, фразы — картины — но не вижу ни деяний, ни человека, ни жизни. Буду ли я вам говорить о той главе, которую он наполнил забавным арифметическим расчетом несчастных дней? О том, что он видел в Италии женщин, одетых в зеленом платье,— о том, что он своим прибытием возвеличил развалины....... Рима! [2] Я вам напомню множество фраз, вроде следующей, весьма странной: «Vient l'infortuné Louis XVI qui jette des pins sur les rochers, comme des voiles de douleur — et l'on vit un Pape prisonnier dans les bocages ou Louis XIV avait aimé La Vallière...»* Но что же это доказывает? Так ли пишут жизнь кого бы то ни было? У Саши находится перевод Тацита, в первом томе оного вы найдете Жизнь Агриколы [4], сравните их и решите. Je vous cite cette *vie d'Agricola* pour vous prouver que je ne critique pas tout indifféremment et que je me rends à la Superiorité d'un écrivain quand je l'aperçois. Dans ma grande armoire vitrée vous trouverez une autre traduction française, meilleure que celle que possède mon frère — c'est celle de Dureau de Canalle.— Là vous ne trouverez pas de verbiage — pas d'ornements ridicules et beaucoup de sensibilité vraie — et non factice **. Кумласа [6] я еще не видал — но надеюсь быть на днях у него и исполнить ваше поручение. Ланжерон [7] уехал в Крым. Третьего дня г. Толль [8] давал нам обед в немецкой колонии *Lustdorf* в 12 верстах от городу. Место прекрасное на берегу моря — у каждого немца виноградник. Мы встретились с г. Dessmette [9] и с его женою. Все они вам свидетельствуют свое почтение. Dessmette имеет теперь особый хутор, на котором он теперь живет. Он мне сказал, что вы прислали ему с гр. Ланжероном *отрезки*, а не *семена* дерев, и что он с ними ничего сделать не может. Он весьма сожалеет, что Владимир сыграл ему такую злую шутку [10] и говорит, что это с ним уже второй раз случается. Он поручил мне вас благодарить за то, что вы вспомнили об нем.

Дядюшка никак не может себе представить, как мы прошлого лета не имели никакой рыбы, кроме *бычков*,— у него каждый день за обедом прекрасная рыба — осетры ужасные, des maquereaux, сгомбры, des raies *** и весьма вкусные *кефали* — есть даже и небольшие стерляди — словом, всякая морская и речная рыба. Раки величины ужасной — каких я и не видывал. Прощайте, любезнейшая маменька. Целую тысячу раз ваши ручки. Вас любящий сын Н. Муравьев. P. S. Mon oncle et ma tante me chargent de vous dire mille choses. Hélène et Hyppolite Vous présentent leurs respects affectueux ****.

* Является несчастный Людовик XVI, бросающий сосны на скалы, словно траурный покров,— и мы видим Папу пленником в той самой роще, где Людовик XIV любил Ла Вальер (*франц.*) [3].

** Я упоминаю эту жизнь Агриколы, чтобы доказать вам, что я не браню все подряд и отдаю дань величию писателя, когда таковое вижу. В моем большом застекленном шкафу вы найдете другой французский перевод; он лучше того, что у моего брата, это перевод Дюро де Каналь [5]. Там вы найдете не болтовню и смешные прикрасы, но много подлинной, естественной чувствительности (*франц.*).

*** макрель, скумбрия, скаты (*франц.*).

**** P. S. Дядюшка и тетушка [11] просили меня передать вам наилучшие пожелания. Елена и Ипполит [12] свидетельствуют вам свое глубокое почтение (*франц.*).

Приписка Лунина:

Любезнейшая тетушка! Я в хлопотах не успел к вам писать на сей почте. Мы, слава богу, здоровы и веселы. Собираемся в Крым. Прощайте. Целую ваши ручки и остаюсь навек вам преданный

М. Лунин.

7

10 октября 1820 г. Одесса.

Октябрь 10-го дня. Г. Одесса. Суббота [1].

Я уже писал к вам, любезнейшая маменька, что в Одессе мы нашли графа Сенпри [2], который недавно прибыл из Парижа совершенно здоровым. Мы у него обедали в середу — а сегодня собираемся ехать с ним на его хутор. Он весьма приятного обхождения человек. Старший сын его поэт и пишет очень недурные французские стихи, меньшой также имеет много способностей. В Симферополе мы видели Бетанкура [3], который свидетельствует Вам свое почтение. Здесь погода стоит прекрасная. Мы остановились на квартире Сергея Волконского [4]. Мои переговоры насчет займа еще не кончены [5]. Лишь только мы будем обеспечены с этой стороны, то пустимся домой. Коляска требует некоторых починок, впрочем все находится в исправности. Третьего дни мы обедали у госпожи Калиновской [6], где была графиня Витт с дочерью [7]. Вчера были в Итальянской опере, здешняя prima donna Ариси, которая не играла очень долго по причине болезни, появилась опять на сцене, хотя голос ее много потерял. Здесь мы видимся почти каждый день с графом Воронцовым (сын Арины Михайловны, кажется), который учился в Вене [8]. Он разъезжал нынешнее лето по России в сопровождении Геракова [9], известного под наименованием молодого грека. Они оба только что приехали из Крыма. Гераков читал нам превысокопарное описание Крыма — я делал ему критические замечания, а М⟨ихаил⟩ С⟨ергеевич⟩ защищал его. Вы не можете себе представить этой сцены? Невероятно, сколько здесь строят домов нынешнее лето; торговли было мало; цены на работников и на материалы спали чрезвычайно. Камень, который стоил 24 копейки, теперь стоит только 8 копеек, и все принялись за строение. В 3 года здесь построено 380 домов. Что ж касается до приобретения земли в здешних краях, то оно тем выгодно, что если и оставить землю пустую, то в продолжение 10 лет ее цена сама собою удвоится, потому что соседние разрабатываются и что она многим понадобится. Хлебопашество, овцеводство представляют здесь верные источники доходов. Я забыл вам сказать, что в Симферополе я видел Аббата Millio, который жил у Прасковьи Николаевны Ланской в Москве и ходил часто к М. Petra [10] — если вы помните. Добрый старик мне весьма обрадовался, мы долго вспоминали о временах протекших, но я не имел духа известить его о смерти его ученика [11]. Целую тысячу раз ваши ручки и желаю вам здоровья и спокойствия.

Вас любящий сын Никита Муравьев.

Всем родным и знакомым прошу от меня кланяться.

Приписка М. С. Лунина:

Любезная тетушка. Я писал к вам вчерась большое письмо [12]. Теперь уведомлю токмо, что мы слава богу здоровы, собираемся в дорогу — и предполагаем выехать отсель во вторник. Прощайте. Целую ваши ручки тысячу р⟨аз⟩.

М. Лунин.

8

13 октября 1820 г. Одесса.

Одесса. Октября 13 дня.

До сих пор еще я не мог достать здесь тысячи рублей, без коих не хочу пускаться, но сегодня мне обещали их доставить через час, и тогда я приступлю к приготовлениям дороги. У нас погода тихая, теплая, я хожу и даже езжу в одном фраке — даже по вечерам. Вчерась я много ходил и принужден был часто останавливаться от теплоты солнца. Вчерась я провел вечер у Сенпри [1], который меня весьма много расспрашивал о Петербурге. На днях мы были на его хуторе. Местоположение живописное — но работы много. Он посадил несколько десятков тысяч дерев, но все сие едва приметно. Мы проводим время довольно приятно, хотя на днях лишились поэта г⟨осподин⟩а Геракова — он отправился в Москву. Здесь находится еще московский какой-то князь Волконский, адъютант Бахметева, он женат на племяннице Высоцкого, того, кому принадлежит Свирлово [2]. Вы, верно, ее помните — она собою смуглая. Они живут в Новосильцовых доме, в комнатах Анны Петровны Полторацкой [3], а граф⟨иня⟩ Калиновская [4], у которой мы почти всякий день бываем, живет вверху в тех комнатах, которые вы занимали. Вчерась я получил из Витебска новый запрос — куда отправить найденные наши вещи, которые я полагал теперь уже в Петербурге. Я не распространяюсь сегодня, потому что надеюсь вскоре вас увидеть.

Прощайте, любезнейшая маменька, целую тысячу раз ваши ручки.

Вас любящий сын
Никита Муравьев.

Обнимаю любезного Сашу.

Приписка Лунина:

Любезная тетушка! Мы замешкали в Одессе, потому что братец еще не нашел занять денег на дорогу. Не без труда будет нам пробираться на север в глубокую осень по дурным дорогам. Но мы возьмем все нужные предосторожности. По ночам не хотим ехать. Запасемся провизиями и теплым платьем. Если застанет снег, то приделаем полоски под коляску. Не беспокойтесь о нас. Мы опытные путешественники. Благодаря бога, мы оба здоровы, и время проводим здесь довольно приятно в ожидании приятнейшей минуты свидания с вами.

Прощайте, любезнейшая тетушка. Целую тысячу раз ваши ручки. Ваш покорный племянник М. Лунин.

9. П. Ф. СОКОЛОВУ (?)

1822 г. (?) Спб. (?)

Monsieur!

Agréez je vous prie, l'expression de la plus vive reconnoissance, pour la bonté que vous avez eu de vous occuper de mon Portrait. Je suis au désespoir que mes foibles moyens m'empêchent de vous prouver combien je sais apprécier un talent comme le vôtre; mais j'espére, en même temps, que par amitié pour moi vous ne refuserez pas la petite bagatelle, que je prends la liberté de vous envoyer.—

J'ai l'honneur d'être avec une parfaite estime et une reconnoissance sans bornes votre devoué serviteur

Michel Lounynne.

Samedi 15.

Перевод:

Милостивый государь!

Соблаговолите принять выражение глубочайшей признательности за доброту, которую вы проявили, занявшись моим портретом. Я в отчаянии, что не в силах выразить, как я ценю ваш талант, но надеюсь в то же время, что по дружбе ко мне вы не откажетесь принять маленькую безделицу, которую осмеливаюсь вам послать.

Имею честь оставаться с совершенным почтением и бесконечной благодарностью ваш покорный слуга

Михаил Лунин.

Суббота 15.

10. Е. С. УВАРОВОЙ

13 марта 1836 г. Петровский завод.

Петровский завод, ce 13 Mars 1836.

Je me charge avec un plaisir réel de Vous transmettre, Madame, les paroles suivantes de la part de Monsieur Votre frère.

«Ma chère et respectable Sœur, j'ai reçu Votre lettre № 351 du 24 Janvier 1836, la somme de 2178,66 k. et la nouvelle des démarches que v⟨ou⟩s avez faites au sujet de ma colonisation. Je vois dans tout cela des preuves réitérées de Votre amitié, et je v⟨ou⟩s en suis très reconnaissant, quoique rien ne m'était nécessaire à l'exception de Votre lettre. L'argent m'est inutile, parce que mes besoins sont bornés; le lieu de la colonisation m'est indifférent, parce que avec l'aide de Dieu on se trouve également bien partout. Soyez tranquille à mon égard et surtout ne faites plus de démarches. Je v⟨ou⟩s adresserai une lettre détaillée aussitôt qu'il me sera permis d'écrire.

J'embrasse Vos enfants.

Votre devoué frère et ami M. L.»

Je n'ai rien à ajoutcr à ces mots; j'étais heureuse d'avoir été chargée de v⟨ou⟩s les transmettre.— Votre frère se porte bien. Serge l'a vu hier;

tout est emballé chez lui; ses livres, les différents objets, auxquels il tient et qui lui viennent de Vous. Il est, comme toujours, d'une disposition d'esprit fort aimable et presque gaie, enchanté, quand on vient le voir, mais ne mettant pas les pieds hors de son numéro, si ce n'est pour l'ouvrage d'obligation et sa promenade dans la cour.

Je v⟨ou⟩s dis adieu, bien brusquement, Madame, ayant beaucoup tardé.

Croyez aux sentiments de dévouement et de profonde estime que vous porte

Marie Wolkonsky

Перевод:

Петровский завод, 13 марта 1836.

С искренним удовольствием я берусь передать вам, сударыня, следующие слова вашего брата:

«Дорогая и уважаемая сестра, я получил твое письмо № 351 от 24-го января 1836 г., 2178 р. 66 коп. денег и сообщение о твоих хлопотах насчет моего поселения [1]. Я вижу во всем этом новые доказательства твоей дружбы и очень признателен за все, хотя необходимо мне было только твое письмо. Деньги для меня бесполезны, ибо потребности мои ограничены; место поселения для меня безразлично, потому что с божьей помощью человеку одинаково хорошо везде. Не беспокойся обо мне, а главное больше не хлопочи. Я пришлю тебе подробное письмо, как только мне будет позволено писать.

Обнимаю твоих детей.

Твой преданный брат и друг М. Л⟨унин⟩».

Мне нечего прибавить к этим словам; я была счастлива, что мне поручили передать их вам. Ваш брат чувствует себя хорошо. Сергей [2] видел его вчера; у него все упаковано: книги и разные предметы, которыми он дорожит и которые получены от вас. Он, как всегда, в приятном и почти веселом настроении духа, рад, когда приходят его навестить, но переступает за порог своего номера только для обязательной работы и прогулки во дворе.

Я прощаюсь с вами так скоро, ибо очень запоздала.

Верьте чувствам преданности и глубокого уважения, которые питает к вам

Мария Волконская.

11—13. И. Д. ЯКУШКИНУ

11

17 июня 1836 г. Урик.

17 Juin 1836.

Monsieur, je vous suis très reconnaissant pour l'affaire du conseiller jocrisse. Il vient de m'envoyer un chien qui promet beaucoup. Dans tous les cas je le conserverai comme un souvenir agréable de votre obligeance. Agréez la respectueuse expression de mon dévouement.

M. Lounynn.

Перевод:

17 июня 1836.

Сударь, я вам очень признателен за дело простофили советника [1]. Он только что прислал мне собаку [2], которая много обещает. Во всяком случае, я сохраню ее как

приятное напоминание о вашей любезности. Примите почтительнейшее выражение моей преданности.

М. Лунин.

12

1836. Не позже августа (?). *Урик.*

Monsieur! Sachant l'intérêt que vous prenez à Balzac, je vous envoye deux N° de la Revue Etrangère, ou vous trouverez son comte Chabert. J'ai l'honneur de vous saluer.

M. Lounynn.

Перевод:

Сударь! Зная об интересе, который вы питаете к Бальзаку, посылаю вам два № «Revue Etrangère», где вы найдете его графа Шабера [1]. Имею честь вас приветствовать.

М. Лунин.

13

25 декабря ⟨*1839 г.* (?)⟩. *Урик.*

Dec. 25.

Monsieur, comme vous avez désiré relire les pamflets ci-joints, je m'empresse de vous les communiquer. J'ai l'honneur de vous saluer.

M. Lounynn

Перевод:

25 дек⟨абря⟩.

Сударь, коль скоро вы пожелали перечесть прилагаемые памфлеты, спешу их вам переслать. Имею честь вас приветствовать.

М. Лунин.

14. А. Н. ЕВСЕВЬЕВУ

27 февраля 1837 г. Урик.

Ваше превосходительство!
Милостивый государь!
Александр Николаевич!

Сестра моя К. Уварова рассудила прислать ко мне из Петербурга служителя своего Петра Давыдова, не отобрав предварительно моего согласия, как ваше превосходительство можете усмотреть из нашей переписки. Не имея нужды в услугах присланного человека; не имея притом средств к приличному его содержанию из ограниченной суммы, которая назначена мне ежегодно, покорнейше прошу отправить его обратно в Петербург на мой счет. Потребная по назначению вашему сумма на прогоны и путевые издержки будет немедленно доставлена мною из денег, полученных на обзаведение. Если ваше превосходительство усмотрите какое-нибудь затруднение в отправлении обратно присланного ко мне человека, то покорнейше прошу представить просьбу мою и побудительные причины ее на разрешение высшего начальства.

Имею честь быть с совершенною преданностию и глубоким почитанием.

Вашего превосходительства
милостивого государя
покорный слуга
Михаил Лунин.

Урик. Февраля 27 1837.

15. Е. С. УВАРОВОЙ

21 октября 1837 г. Урик.

N *63. Siberie, 21 octobre 1837.*

Charissima soror! Après trois semaines d'attente je reçois à la fois vos NN 426, 427 et 428, avec un accompagnement bleu et deux rouges. Le plaisir que me causent toujours vos lettres, a été nuagé par la nouvelle de l'accident arrivé au colonel D... Je sens combien sa position est pénible, mais je trouve que vous prenez tous les deux la chose trop à cœur. On n'est nullement déshonoré par l'attaque d'un brigand. Il n'est pas au pouvoir des hommes de nous flétrir quand nous ne le méritons pas. J'ai été sous la potence, et j'ai porté les fers. Croyez vous que je sois déshonoré par là? Mes adversaires politiques ne le pensent pas. Ils ont été obligés d'employer la force matérielle, parce qu'il n'y avait pas d'autre moyen pour réfuter les idées progressives que j'ai mis en avant. Voilà tout. Quant au colonel D..., il peut maintenant donner un nouvel éclat à une vie de probité et d'honneur, en sollicitant la grâce de son assassin, ou en lui fournissant le nécessaire pour vivre s'il est déjà condamné par la loi. Noli vinci a malo, sed vince in bono malum. L'arme à feu n'arrive pas. Il y a mésentendu. J'ai beau réclamer. On ne répond pas. Le nouveau secours que vos lettres annoncent (3 m⟨illes⟩) est également retenu. Il ne me parviendra jamais, à moins que vous ne fassiez de nouvelles et décisives démarches à ce sujet. Il fallais plutôt suivre mes indications. Je n'ai pas encore de réponse à mon № 39. Relisez-le avec attention. Dans quel monde vivez vous si les informations que je demande sont difficiles à recueillir? Vous parlez sans cesse de vos cousines et cousins à la mode de Bretagne, et vous ne dites pas un mot des personnes qui m'intéressent. Mais je suis trop content de vous pour vous faire la guerre. Si le succès de vos démarches est paralysé en Sibérie, il n'y a pas de votre faute. Les distances sont trop grandes, le climat trop froid etc. Verbum sapienti. Envoyez je vous prie le cours des thèmes grecs, adaptés à la grammaire de Burnouf, trois parties formant un vol. in 8°. L'étude de la langue grecque est mon seul lien avec le monde poétique. Salve mea charissima atque dulcissima. Mes tendresses pour vous sont en latin parce que cette langue n'a pas été profanée par moi comme les autres. Je vous embrasse en idée et suis votre frère et ami Michel.

Перевод:

№ 63, Сибирь, 21 октября 1837 г.

Charissima soror *! После трех недель ожидания я получил сразу твои письма №№ 426, 427 и 428, сопровождаемые синей и двумя красными бумажками [1]. Удовольствие, которое мне всегда доставляют твои письма, было омрачено известием о несчастии, постигшем полковника Д. [2]. Я понимаю, насколько тягостно его положение, но нахожу, что вы оба слишком принимаете это к сердцу. Нападение разбойника никого не бесчестит. Не во власти людей позорить нас, когда мы того не заслуживаем. Я был под виселицей и носил кандалы. Разве ты почитаешь меня опозоренным? Мои полити-

* Дражайшая сестра (*лат.*)

ческие противники так не думают. Им пришлось употребить грубую силу, ибо не было иного средства опровергнуть прогрессивные идеи, мною высказанные [3]. Вот и все. Что же касается полковника Д., то он может теперь сообщить новый блеск с честью прожитой жизни, испросив помилование своему убийце или доставив ему средства к существованию, если он уже осужден законом. Noli vinci a malo sed vince in bono malum *. Ружье не получил. Тут недоразумение. Как я ни требовал, не отвечают. Новая помощь, о которой говорят твои письма (3 т⟨ысячи⟩), также задержана. Она до меня никогда не дойдет, если ты не сделаешь для этого новых и решительных шагов. Лучше было следовать моим указаниям. Я еще не имею ответа на мой № 39 [4]. Перечти его внимательно. В каком мире ты живешь, если трудно собрать сведения, о которых я прошу. Ты беспрестанно говоришь о твоих двоюродных сестрах и братьях, по бретонскому обыкновению, но ни слова об интересующих меня лицах [5]. Однако я слишком доволен тобою, чтобы с тобою ссориться. Если успех твоих начинаний рушится в Сибири, то это — не твоя вина. Расстояния слишком велики, климат слишком холоден и т. д. Verbum sapienti **. Пришли, пожалуйста, курс греческих тем, приспособленных к грамматике Бурнуфа, три части в одном томике в 8° [6]. Изучение греческого языка — единственная моя связь с миром поэзии. Salve, mea carissima atque dulcissima ***. Мои нежности к тебе я пишу по-латыни, ибо этот язык не был осквернен мною, как другие. Мысленно обнимаю тебя и остаюсь твоим братом и другом. Михаил.

16. М. И. БЕРЕЗОВСКОМУ

6 января 1838 г. Урик.

Милостивый государь!
Матвей Иванович!

Покорно прошу доставить прилагаемые при сем двадцать пять рублей известной вам особе, не упоминая, кем они посланы. Примите выражение совершенной преданности и уважения, с которыми имею честь быть ваш

покорный слуга
Михаил Лунин.

Урик. Генваря 6 дня 1838.

17. Е. С. УВАРОВОЙ

26 мая 1838 г. Урик.

26 mai 1838 — № 94.

J'ai reçu votre № 452 du 12 Mars avec accompagnement bleu. Vous négligez mes indications. Les initiales ne se trouvent ni sur Platon, ni sur la caisse de thé, ni etc. J'ai mes raisons pour insister là dessus. Puisque l'affaire du fusil a manqué, envoyez je vous prie une bonne ligne avec hameçons. Il faut

---

* Не дай злому победить себя, а лучше победи зло, таящееся и в добром (*лат.*).
** Слово мудрому (*лат.*).
*** Будь здорова, моя дражайшая и сладчайшая (*лат.*).

espèrer que cette arme n'éprouvera pas les mêmes obstacles. On ne voudra pas interdire à un pauvre exilé de pêcher un poisson pour son souper. Les provisions ne s'achettent qu'en ville. Je n'ai pas la faculté d'y aller, personne pour envoyer, et pas toujours la possibilité d'acheter, car tout est fort cher. A l'aide du fusil j'avais eu du gibier dans mon pot, pour le moins deux fois par semaine. Restons au régime végétal: pommes de terre et gruau. Quand je me décide à demander quelque chose (excepté à vous qui êtes ma charissima) c'est l'absolu nécessaire, l'indispensable. On refuse, je me résigne. Au fond c'est un service qu'on me rend, en abrégeant indirectement le peu de jours qu'il me reste à vivre. Detruisez toutes mes lettres, sans les communiquer à personne, pas même à vos enfants. Elles sont rédigées avec trop de négligence, et pour vous seule. Je ne tiens pas compte des curieux qui les lisent avec de mauvaises intentions. Je n'ai pas encor⟨e⟩ les renseignements au № 39. Relisez - le avec attention. Peut être que je me trompe de №, en comptant trop sur ma mémoire. J'ai été charmé d'apprendre que vous ne négligez pas votre talent pour la musique. Les dames russes négligent tout à un certain âge. Sans les beaux-arts la vie n'est qu'un mécanisme, comme celui de mon horloge. Nous avons eu des tourbillons de neige ses jours-ci. Les vents et le froid continuent. Cela ne promet rien de bon pour mon agronomie.

Перевод:

26 *мая 1838 — № 94.*

Я получил твой № 452 от 12 марта, с синим вложением [1]. Ты пренебрегаешь моими указаниями. Инициалов нет ни на Платоне [2], ни на чайной коробке и т. д. У меня были основания на этом настаивать. Так как дело с ружьем не удалось, пришли, пожалуйста, хорошую удочку с крючками. Надо надеяться, что подобное оружие не встретит тех же препятствий. Не захотят же запретить бедному ссыльному удить себе рыбу на ужин [3]. Провизию можно достать только в городе. Я не имею возможности ходить туда, посылать некого, и не всегда могу купить, так как все очень дорого. При помощи ружья я добывал бы себе дичи к обеду, по крайней мере дважды в неделю. Останемся на растительной пище: картофель да каша. Когда я решаюсь просить что-нибудь (кроме как у тебя, ma charissima *), то исключительно самое необходимое. Мне отказывают, я смиряюсь. В сущности мне оказывают услугу, сокращая этим немногие дни, которые мне осталось жить. Уничтожай все мои письма, не показывай их никому, даже своим детям. Они составлены слишком небрежно и для тебя одной [4]. Не беру в расчет любопытных, которые читают их с дурными намерениями [5]. У меня еще нет сведений о № 39 [6]. Перечти его внимательно. Может быть, я ошибаюсь номером, слишком полагаясь на свою память. С радостью узнал я, что ты не пренебрегаешь своим музыкальным дарованием. Русские дамы в известном возрасте забрасывают все. Без искусства жизнь превращается в механизм, подобный моим часам. Эти дни у нас была снежная вьюга. Ветер и холод продолжаются. Это не предвещает ничего хорошего для моего земледелия.

---

* моя дражайшая (*лат.*). Часто употребляемое Луниным обращение к сестре. Далее не переводится.

18. Е. С. УВАРОВОЙ

15 сентября 1838 г. Урик.

N°: 110. Sibérie. 15 Septembre 1838.

Ma bonne Charissima! J'ai reçu vos №№: 464, 465 et 466, avec trois accompagnements rouges. Le succès de votre procès est douteux. Il ne suffit pas d'avoir les preuves et le droit pour soi: il faut avoir de l'argent, et vous n'avez pas le sol. Un compromis avec le prince L... est encor⟨e⟩ plus douteux. Je connais mon homme. Il a été Polonois, quand il n'y avait pas de Pologne: et il est devenu Russe, depuis qu'il y a une Pologne. Verbum sapienti. J'ai reçu le Code des loix, mais tellement abymé qu'il n'y a pas moyen d'en tirer parti. C'est un tas de chiffons. Le drap est également endommagé. Tâchez de réclamer le prix des objets que l'Administration des Postes * abyment. Cet abus de la confiance publique, provenant de l'inéptie des employés, doit nécessairement être tiré au clair et puni. Il y a des vérités qu'on ne sauroit trop redire — le vin nouveau éxige des vaisseaux neufs. La vieille école n'est propre qu'à administrer le spectacle des marionnettes. Le service problématique qu'elle rend une fois de sa vie en se mêlant d'une enquête politique, ne compense pas le mal qu'elle fait tous les jours de sa vie, en se trouvant à la tête des affaires. La perte du Code m'est d'autant plus sensible, que je m'étoit proposé de l'analyser dans le courant de l'hiver. Le plan de mes études se trouve dérangé, et le travail préparatoire perdu. Adieu, ma Charissima. Votre affectionné frère Michel.

Перевод:

№ 110. Сибирь 15 сентября 1838.

Моя милая Charissima! Получил твои №№ 464, 465 и 466 со вложением трех красненьких. Успех твоей тяжбы сомнителен. Недостаточно иметь доказательства и права сами по себе, надо иметь деньги, а у тебя нет ни гроша. Соглашение с князем Л... еще более сомнительно [1]. Я знаю этого человека: он был поляком, когда не было Польши, и сделался русским с тех пор, как образовалась Польша. Verbum sapienti **. Я получил Свод законов, но он так испорчен, что пользоваться им невозможно. Это куча лоскутков. Сукно также повреждено. Постарайся стребовать стоимость вещей, испорченных Почтовым департаментом. Это злоупотребление общественным доверием, происходящее от бестолковости чиновников, должно быть непременно обличено и наказано. Есть истины, которых нельзя не повторять; новое вино требует новых мехов. Старая школа способна лишь управлять театром марионеток. Сомнительная услуга, которую она один раз в жизни оказала, взявшись за следствие по политическому делу, не возмещает зла, которое она делает ежедневно, находясь во главе всех дел [2]. Потеря Свода законов для меня тем более чувствительна, что я предполагал в течение зимы заняться его разбором. План моих занятий нарушен, и подготовительная работа пропала [3]. Прощай, моя Charissima. Твой любящий брат Михаил.

---

* Далее зачеркнуты одно или два слова.
** Слово мудрому (*лат.*).

19. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ — Е. С. УВАРОВОЙ
(По поручению Лунина)

23 марта 1839 г. Урик.

Ce 23 mars 1839. Ourika.

Je ne puis jamais v⟨ou⟩s assurer exactement la réception de vos lettres, bonne Madame Ouvaroff, vu que votre frère me les enlève à mesure que je les reçois. Je sais toutefois qu'il s'agissait d'un concert et de lettres de recommandations données à la jeune artiste pour Petersbourg, une dans le nombre à M — r Sakovicz que j'ai été toute ébahie de trouver parmi les mélomanes de la capitale; cela nous a beaucoup fait rire. De plus force amabilités pour moi, des éloges tant soit peu exagerés si j'ose m'exprimer ainsi et qui me rendent quasi ridicule à mes propres yeux; du reste, je me suis dit qu'il vaut mieux être louée que grondée: cela v⟨ou⟩s rend meilleur, je v⟨ou⟩s assure, vous mettant dans la nécessité de tâcher de les justifier, tandis que les reprimandes v⟨ou⟩s découragent, aigrissent le caractère.

Venons en à Votre frère, j'ai été hier chez lui avec mes enfans pedestrement par une boue épouvantable, c'était p⟨ou⟩r prendre ses ordres pour la poste. «Que voulez Vous que j'écrive à Madame votre Sœur aujourd'hui?» «Vous lui parlerez de vos enfans en premier lieu, ensuite v⟨ou⟩s toucherez légèrement d'artiste du piano, puis celui du journal de Sophie Tchernichoff et v⟨ou⟩s lui demanderez de la musique pour le chant».

Voyons ce que j'ai à v⟨ou⟩s dire des enfans. Nono va assez bien, mais elle est pâle, étiolée menant une existence factice, vu qu'elle garde la maison depuis plusieurs mois; le printems est perfide ici p⟨ou⟩r les constitutions délicates. Monsieur Wolf la soigne, la chérit comme son enfant, il la préserve de toute souffrance phisique et morale, il la suit de l'œil et comprend parfaitement tout ce qui se passe dans son noble et charmant petit être. Ses uniques passe-temps sont la lecture, le dessin, et la société de Nellinka tous les Dimanches. De temps en temps elle l'envoye chercher dans la semaine p⟨ou⟩r se distraire de son genre de vie monotone et triste. Je me prête avec joie à ce désir de sa part, charmée que je suis de lui confier ma fille; elle s'en occupe en grande personne tout à fait. Nous tâchons tous à l'envie de l'amuser, au point que dernièrement Никита Михайлович, moi, votre frère, Дядя Poggio, Alexandre, nous avons joué toute une après dinée aux quatre coins parce qu'elle y prenait plaisir. Каролина Карловна aussi s'y prête volontiers.

Quant à Micha, Nelli, ils vont fort bien par la grâce de Dieu; v⟨ou⟩s me reprochez de soigner trop peu le premier, à la suite de la description que je v⟨ou⟩s ai faite de notre retour d'Irkouts⟨k⟩ en bateau — c'est que j'avais envie de v⟨ou⟩s dire que la pluie et l'eau dans le bateau n'étaient que pour moi: le parapluie p⟨ou⟩r sa petite tête, et mon Crispin, article essentiel de ma gravure, p⟨ou⟩r ses pieds. Nellinka grandit, embellit beaucoup; votre frère commence à lui donner le palme sur son frère et je prévois le moment, dans dix ans d'ici, où toutes les belles choses adressées à Madame Kozmine, sa nièce et moi, passeront à ma fille; v⟨ou⟩s pouvez v⟨ou⟩s figurer la bonne grâce qu'aura Votre Benjamin à le faire.— L'espoir d'avoir bientôt un piano

le flatte agréable ⟨ment⟩; pour la musique qu'il v⟨ou⟩s demande, n'en faites rien, je v⟨ou⟩s prie,— v⟨ou⟩s avez bien d'autres déboursées à faire, mais ne manquez pas d'envoyer le journal.

J'oubliais de v⟨ou⟩s dire encore, qu'il me prie de v⟨ou⟩s donner la description d'un lit de fer que Serge lui a donné et qui l'amuse beaucoup.

Il faut v⟨ou⟩s dire que votre Benjamin a trouvé les lits de fer de mes enfants parfaits; Serge veut lui faire une surprise, il en commande un, mais le nom de Михаил Сергеевич cause un qui pro quo: on s'imagine que c'est p⟨ou⟩r Micha, on le fait juste de la même dimension avec un dais p⟨ou⟩r soutenir le rideau. Arrive ce fameux lit, votre frère l'essaye et le trouve trop court, on y remédie, mais je fais conserver le dais, j'y adapte des draperies — et voilà le Benjamin condamné à s'en servir. Il n'y manque que peu de chose, à ce qu'il v⟨ou⟩s fait dire, un matelas, des oreillers, des draps — c'est à vous à y remédier.— Assez plaisanter, parlons de choses, qui me tiennent plus à cœur. Donnez moi des nouvelles de ma chère Вера Алексеевна, je lui porte une constante estime et un attachement rèel. Je l'ai peinée bien malgré moi, pouvai - je changer un mot à la confection de lettres, qu'on relisait souvent à mon insu p⟨ou⟩r se persuader de mon exactitude. Et quelquefois on nous faisait écrire, Alexandrine, Catache et moi, toutes à la fois, sans nous en douter le moins du monde, rien que p⟨ou⟩r persuader à la bonne et respectable Вера Алексеевна, que nous étions toutes à vouloir l'attirer parmi nous, tandis que nous connaissions parfaitement sa position et l'impossibilité de venir.— Mais une fois l'amour propre piqué on n'épargne aucun moyen de venir à ses fins, et c'était le cas de votre cousin. Lorsque j'ai démêlé tout — je me suis refusée d'écrire contre mes propres convictions. Dites lui donc à ma bonne Véra que je lui porte un intérêt constant et la respecte de tout cœur. Si v⟨ou⟩s savez quelque chose de la destination du cousin, dites le nous; il ne sait rien de positif encore. Adieu, n'oubliez pas nos conditions. Votre annonce d'envoi est arrivée, mais pas de provisions encore. Elles ont probablement le sort de celles des Mouravieff, qui sont arrêtées à moitié chemin, vu le manque de vivres p⟨ou⟩r les rouliers et celui du foin.

Votre frère vous aime et vous bénit.

Marie Wolkonsky.

Перевод:

23 марта 1839. Урика.

Я никогда не могу точно удостоверить получение ваших писем, милая госпожа Уварова, ввиду того, что ваш брат отбирает их у меня по мере получения. Я знаю все-таки, что речь шла о концерте и рекомендательных письмах в Петербург, данных молодой пианистке и в том числе одно — к г-ну Саковичу [1]. Я была крайне удивлена, найдя его в числе столичных меломанов; это нас очень насмешило. Кроме того, масса любезностей по моему адресу, похвалы, смею сказать, несколько преувеличенные и делающие меня почти смешной в собственных глазах; впрочем, я сказала себе, что лучше, когда хвалят, чем когда бранят; поверьте: это делает нас лучше, заставляя стараться оправдать похвалы, тогда как выговоры отнимают мужество и портят характер.

Теперь о вашем брате; вчера я была у него с детьми [2]. Мы ходили пешком по ужас-

ной грязи, чтобы получить его распоряжения насчет почты. «Что вы хотите, чтобы я написала вашей сестре сегодня?» — «Напишите ей, во-первых, о своих детях, затем коснитесь слегка пианистки, затем дневника Софи Чернышевой [3] и попросите у нее нот для пения».

Вот что я имею сообщить вам о детях. Ноно [4] довольно здорова, но бледна, бескровна, так как ведет нездоровую жизнь, не выходя из дома уже несколько месяцев. Весна здесь коварна для хрупких натур. Ее лечит г. Вольф [5]; он любит ее, как собственного ребенка, оберегает от всякого страдания, физического и нравственного, не спускает с нее глаз и великолепно понимает все, что происходит в этом благородном и прелестном маленьком существе. Единственные ее занятия — чтение, рисование, и по воскресеньям общество Неллиньки. Иногда она посылает за ней среди недели, чтобы отвлечься от своей однообразной и печальной жизни. Я с радостью иду навстречу ее желанию и довольна, что могу доверить ей дочь, с которой она занимается совершенно как взрослая. Мы наперебой стараемся ее забавлять, так что недавно после обеда Никита Михайлович, я, ваш брат, дядя Поджио, Александр [6], все играли в четыре угла, потому что это доставляло ей удовольствие. Каролина Карловна [7] тоже охотно принимает в этом участие.

Что касается Миши, Нелли, то они милостию бога совершенно здоровы. Вы упрекаете меня, что я слишком мало забочусь о первом, судя по тому, как я вам описала наше возвращение из Иркутска на лодке; но я хотела вам сказать, что дождь и вода в лодке доставались только на мою долю: дождевой зонт защищал Мишину головку, а мой капюшон — существенная часть моего костюма — его ноги. Неллинька растет и очень хорошеет; ваш брат начинает отдавать ей пальму первенства перед ее братом, и я предвижу, что лет через десять все комплименты, расточаемые госпоже Козьминой, ее племяннице [8] и мне, перейдут к моей дочери; вы можете себе представить, с каким удовольствием будет делать это ваш Вениамин [9]. Надежда скоро иметь пианино очень ему приятна [10]; что касается нот, которые он у вас просит, пожалуйста, не надо — у вас много других издержек, но непременно пришлите журнал [11].

Я забыла сказать еще, что он просит меня описать вам железную кровать, которую ему подарил Сергей и которая ему очень нравится.

Надо вам сказать, что ваш Вениамин нашел железные кровати моих детей великолепными: Сергей [12] захотел сделать ему сюрприз; он заказал еще одну, но имя Михаила Сергеевича * повело к недоразумению: вообразили, что речь про Мишу, и сделали кровать точно такого же размера, с навесом для полога. Получив эту замечательную кровать, ваш брат примерил и нашел, что она слишком коротка; ее исправили, но я велела сохранить навес, я пристроила к нему занавески; и вот Вениамин вынужден этим пользоваться. Он велит сказать вам, что в кровати не хватает очень немногого: матраса, подушек, простынь, и вам предстоит пособить горю.

Довольно шутить, поговорим о вещах, которые мне ближе к сердцу. Известите меня о дорогой Вере Алексеевне * [13], к которой я питаю неизменное уважение и истинную привязанность. Я ее огорчила совершенно невольно: могла ли я изменять хоть одно слово в письмах, которые часто перечитывали без моего ведома, чтобы убедиться в моей точности? Иногда нас заставляли писать, Александрину [14], Каташу [15] и меня, всех одновременно, когда мы о том и не подозревали, и только для того, чтобы убедить добрую и уважаемую Веру Алексеевну, что мы все желали привлечь ее к нам, хотя

---

* В оригинале эти имена по-русски.

очень хорошо знали ее положение и невозможность приехать. Но раз задето самолюбие, люди ни перед чем не останавливаются, чтобы добиться своего,— именно так и было с вашим кузеном [16]. Когда я догадалась, в чем дело, я отказалась писать против своих убеждений. Скажите же моей доброй Вере, что я питаю к ней неизменный интерес и уважаю ее от всего сердца. Если вы знаете что-нибудь о назначении кузена, сообщите это нам; он не знает еще ничего положительного. Прощайте, не забывайте наших условий. Извещение о посылке получено, но самой провизии пока еще нет. Ее постигла, вероятно, та же судьба, что и посылки Муравьевых, которые остановились на полдороге из-за недостатка припасов для возчиков и сена.

Ваш брат вас любит и благословляет.

Мария Волконская.

20. Е. С. УВАРОВОЙ

15 сентября 1839 г. Урик.

Exil. 15 September 1839.

Ma bonne Charissima! Vous recevrez ci - joint deux Cahiers. Le premier contient les lettres de la première série qui ont été retenues, et quelques lettres de la seconde qui auront probablement le même sort. Vous aurez soin de faire circuler ces lettres et d'en multiplier les copies. Leur but est de rompre l'assoupissement général. Le second Cahier contient un Aperçu sur la Société occulte. Cet écrit rédigé par moi dans la vue de replacer la question dans son véritable jour, doit être imprimé à l'étranger. Je voudrais qu'il parut en même temps en français et en anglais, sans la moindre altération. Vous pouvez l'envoyer à Nicolas Tourgeneff, par la voie de son frère Alexandre: ou le confier à quelque personne sûre parmi les étrangers attachés aux légations française, anglaise ou américaine. Dans les deux cas prenez les précautions nécessaires: ne mettez pas les amis et les parents dans la confidence: n'ayez que des relations orales, entre quatre yeux avec les personnes qui offriront des garanties suffisantes: si par hazard quelque chose transpire bornez vous à soutenir que vous n'en savez rien. J'espère que vous remplirez ma volonté, sans vous laisser influencer par les craintes puériles qui dominent chez nous les hommes encore plus que les femmes et qui réduisent les uns et les autres à la condition d'un troupeau de moutons. Les embarras de ma position augmentent avec l'âge et les infirmités. Entravé par un régime exceptionnel, qui dans le fait n'est qu'un emprisonnement aux colonies, je n'ai pas le moyen de gagner mon pain et de m'assurer une existence indépendante par le travail. On m'a donné un champ. Mais pour s'occuper avec profit de l'agronomie, il faut vendre les produits au marché, et circuler dans le pays pour acheter les choses nécessaires. C'est strictement défendu. Le catalogue des défenses, basé sur une instruction secrète, est si grand qu'on risque de l'enfreindre à chaque pas à son insu. Par exemple il m'est défendu d'entrer en relations avec les personnes suspectes. Quel moyen ai-je de savoir si quelqu'un est suspect ou s'il ne l'est pas? Tout le monde a l'air suspect dans ce pays, depuis les autorités jusqu'à moi. Cela devrait vous engager à réaliser les mesures en ma faveur, qui vous occupent depuis 13 ans. En profitant de

l'autorisation que vous avez obtenu de placer un capital vous ne dérangez en rien vos affaires: ce n'est qu'un prêt sans intérêts pour une époque limitée car je n'ai plus longtemps à vivre. Cependant je puis vous survivre, et être réduit au pain de l'aumône. Prenez cela en considération. Si cette lettre arrive à temps n'envoyez rien de ce que l'excellente M... a demandé pour moi dans ses lettres, à l'exception du Journal des Débats. Elle est loin de se douter de mes embarras, et de ce qu'il faut pour en sortir. Comme c'est probablement la dernière occasion secrète et sûre qui se présente, j'en profite pour vous parler sur l'important sujet de la Religion. Mon frère et moi avons été élevés dans la Foi Catholique Romaine. Il avait eu l'idée d'embrasser la vie monastique, son vœu a été miraculeusement accompli: car il a été porté, baigné dans son sang, du champ de bataille au Couvent des frères Mineurs, où il est mort comme un enfant qui s'endort sur le sein de sa mère. Resté seul dans ce monde j'ai éprouvé toute sorte de revers et je suis heureux. Ce que Dieu m'envoit dans l'exil surpasse tout ce que j'ai demandé et imaginé pendant une réclusion de dix années aux cachots. Jugez de l'arbre d'après les fruits. Mon intention n'est pas d'influencer vos opinions religieuses. Je me borne à dire ce qui est. Dieu dans sa miséricorde infinie fera le reste.— La conduite de votre fils aîné est pitoyable, mais à qui la faute? Ne reculons pas devant les premières conséquences d'un mal qui a été prévu et prédit. Faites publier de suite dans les gazettes que vous ne répondez pas pour ses dettes. Faites un acte pour le deshériter de votre fortune et de la mienne. La raison, la justice, l'humanité exigent impérieusement cette dernière mesure, pour sauver vos pauvres paysans du malheur d'appartenir à un joueur. Ce n'est pas tout. Envoyez de suite votre fils cadet à une école publique. Si vous tardez un instant le mal sera également grave. Ce que j'ai prédit pour l'aîné, s'accomplira rigoureusement pour le cadet. Cependant ne perdez pas l'espérance. Peut-être que les malheurs qui vous arrivent et ceux qui vont suivre, ne sont qu'un moyen dont la Providence se sert pour * ramener au sein de la véritable Eglise sa pauvre brebis égarée. Adieu ma Charissima, je vous embrasse en idée de tout mon cœur et suis pour la vie votre frère et véritable ami.

Michel.

Перевод:

Ссылка. 15 сентября 1839 г.

Милая моя Charissima! Ты получишь две приложенные при сем тетради. Первая содержит письма первой серии, которые были задержаны, и несколько писем второй, которых, очевидно, ждет та же участь. Ты позаботишься пустить эти письма в обращение и размножить их в копиях. Их цель — нарушить всеобщую апатию. Вторая тетрадь содержит «Взгляд на Тайное общество» [1]. Эта рукопись, составленная мною, чтобы представить вопрос в настоящем свете, должна быть напечатана за границей. Мне бы хотелось, чтобы она вышла одновременно на французском и английском языках, без малейших изменений. Ты можешь отослать ее Николаю Тургеневу через его брата Александра [2] или поручить ее какому-нибудь верному человеку из иностранцев, прикомандированных к английскому, французскому или американскому посольствам.

* Далее зачеркнуто одно слово.

В обоих случаях прими необходимые предосторожности: не посвящай в эту тайну родных и друзей; сговаривайся только устно, с глазу на глаз, с людьми, внушающими полное доверие. Если случайно что-нибудь обнаружится, ограничься утверждением, что ты ничего не знаешь. Надеюсь, что ты исполнишь мое желание, не поддаваясь ребяческим страхам, которым мужчины подвержены у нас более, чем женщины, и которые уподобляют тех и других стаду баранов. Тягости моего положения увеличиваются с возрастом и болезнями. Стесненный особым режимом, который в сущности является колониальной тюрьмой, я не имею возможности зарабатывать свой хлеб и обеспечить себе независимое существование. Мне отвели поле, но чтобы с пользою заняться сельским хозяйством, нужно продавать продукты на рынке и разъезжать по округу для закупки необходимых предметов. Это строго запрещено. Перечень запретов, основанный на секретной инструкции, так велик, что рискуешь невольно нарушить его на каждом шагу. Например, мне запрещены сношения с подозрительными лицами. Откуда мне знать, кто подозрителен, а кто нет? В этом краю все выглядят подозрительными, начиная с властей и кончая мною. Все это должно было бы побудить тебя к осуществлению тех мер в мою пользу, которыми ты занята вот уже 13 лет. Используя полученное разрешение поместить некоторый капитал, ты нисколько не расстроишь свои дела: это лишь беспроцентная ссуда на ограниченный срок, так как мне недолго осталось жить. Но все-таки я могу пережить тебя, и тогда останусь совершенно нищим [3]. Прими это во внимание. Если это письмо придет вовремя, не посылай ничего из того, о чем просила для меня в своих письмах милая М..., за исключением «Journal des Débats» [4]. Она не подозревает о моем тяжелом положении и не знает, что нужно для выхода из него. Так как это, вероятно, последний представляющийся мне тайный и верный случай, я воспользуюсь им, чтобы поговорить с тобой на важную тему — о религии. Мой брат и я были воспитаны в римско-католической вере [5]. У него была мысль уйти в монастырь, и это желание чудесно исполнилось, ибо он был унесен с поля битвы, истекающий кровью, прямо в монастырь братьев-миноритов, где и умер, словно младенец, засыпающий на груди матери [6]. Оставшись один на свете, я претерпел всякого рода невзгоды, и я счастлив. То, что бог посылает мне в ссылке, превосходит все, о чем я просил и мечтал в течение десятилетнего заключения в тюрьме. Судите о дереве по его плодам. Я не желаю влиять на твои религиозные убеждения. Я только говорю о том, что есть. Бог в бесконечном милосердии своем сделает остальное. Поведение твоего старшего сына дурно, но кто в этом виноват? Не надо теряться перед первыми последствиями зла, которое предвидели и предсказали. Напечатай немедленно в газетах, что ты не отвечаешь за его долги. Сделай завещание, лишающее его права наследовать твое и мое состояние. Разум, справедливость и человеколюбие повелительно требуют этой последней меры, чтобы спасти твоих бедных крестьян от несчастья принадлежать игроку. Это еще не все. Немедленно отдай твоего младшего сына в закрытое учебное заведение. Если ты упустишь момент, произойдет столь же тяжкая беда. То, что я предсказывал относительно старшего, неминуемо случится и с младшим [7]. Все-таки не теряй надежды. Быть может, несчастия, которые на тебя обрушились, и те, что еще тебе предстоят,— лишь средство, которым провидение пользуется для возвращения бедной заблудшей овцы в лоно истинной церкви. Прощай, моя Charissima, мысленно обнимаю тебя от всего сердца и остаюсь на всю жизнь твоим братом и истинным другом.

Михаил.

21. Е. С. УВАРОВОЙ

22 октября 1839 г. Урик.

3 ноября/22 октября 1839 г.

Письмо 4-е. Ссылка. 1839 г. Сестра моя. Я получил пятьдесят два еженедельных письма, которые ты посылала мне в течение того времени, когда я был принужден к молчанию. Это твое постоянство не удивляет меня. Ты поступала так же во время моего 10-летнего тюремного заключения. Во все периоды моей бурной жизни твоя дружба не переставала сиять, как радуга среди облаков [1]. Принимая во внимание положение твоих домашних дел, размер долга и неправильное движение процессов, я с болью замечаю, что в результате всего этого задержится освобождение крестьян. Но препятствия не должны приводить тебя в уныние по поводу дела, имеющего целью благо твоей семьи, твоих домашних и твоего края. Самая эта оттяжка не будет бесполезной, если ты употребишь это время на выполнение предварительных мер, указанных в моем завещании [2].

22. Е. С. УВАРОВОЙ

1 декабря 1839 г. Урик.

Exil. 13/1 Décembre. 1839.

Ma bonne Charissima! La personne qui veut bien se charger de cette expédition, m'a constamment donné des preuves de bienveillance, et m'a rendu des services qui prouvent une véritable amitié. C'est elle qui m'a fait avoir la Bible, que vous aviez confié à un maître de poste ivrogne et voleur. Elle est venue également à mon secours, en vendant une partie des provisions annuelles, lorsque je me trouvais dans un dénuement absolu d'argent. Tachez de lui exprimer ma sincère gratitude pour ces bons offices. Elle vous transmettra verbalement tout ce qui me concerne. Suivez ses conseils pour mes petites affaires. Il est temps d'assurer mon sort de manière ou d'autre. Dans le cas de votre mort, qui doit être prochaine, je prévois les plus grands embarras, à moins que le Gouvernement ne se charge d'assurer mon sort, en me fesant coffrer ou tuer.

On vous remettra, ci-joint, *l'Examen*, texte français et traduction russe. Je viens de rédiger cet écrit, pour réfuter le pamphlet, publié et répandu par le gouvernement en 1826. Je vous prie de le faire passer à l'étranger, par les moyens indiqués dans ma précédente lettre, pour le faire imprimer à Paris, en français et en russe. On imprime le russe à Paris. Faites aussi circuler quelques exemplaires manuscrits, parmi vos connaissances et vos amis en Russie. Le plus sûr moyen d'atteindre notre but, serait: que vous fassiez vous même un voyage à l'étranger au printemps, sous prétexte de prendre les eaux. Les communications sont devenues tellement faciles, qu'il en coûte moins de voyager, qu'à rester en place comme vous le faites, sans aucune utilité, ni pour vous, ni pour vos enfants.

Par la première occasion secrète vous aurez soin de m'envoyr:

a) tous les imprimés du gouvernement concernant notre affaire;

b) Tous les journaux et imprimés étrangers qui ont paru dans le temps, concernant le même sujet, etc.
c) La liste nominale des membres de la Haute Cour Criminelle, avec leurs votes, etc.
d) Les protocoles des séances, les actes et autres papiers officiels, concernant la procédure, qu'on pourra tirer des archives moyennant quelques sacrifices.
e) Les traditions orales que vous pourrez recueillir en fesant jaser les vieilles ganaches qui ont figuré dans cette Cour.
f) Les détails officiels et autres sur l'exécution, l'enterrement des corps, les prières publiques et les fêtes qui suivirent.

J'ai besoin de ces documents pour la rédaction d'un écrit sur *la Haute Cour Criminelle*, qui formera un tout avec *l'Examen* et *l'Aperçu*.

J'espère que vous remplirez religieusement la volonté d'un frère exilé, qui vous donne une preuve d'estime et d'amitié en vous associant à ses travaux, de préférence à d'autres personnes. Le peu de jours que nous avons à rester dans ce monde ne sera pas perdu, si nous l'employons à servir la cause de la vérité. Ne vous laissez pas embêter par la bavardage de ceux *, qui prêchent la prudence, pour déguiser leur crétinisme. Le comble de la prudence pour un homme dans les circonstances actuelles, serait de se faire gendarme et espion de police: mais cela n'empêchera pas le diable de ** l'emporter au bout de sa carrière. Qu-aura-t-il gagné? Au revoir, ma bonne Charissima, je vous embrasse en idée de tout mon cœur, et suis pour toujours votre affectionné frère Michel.

+ NB. Le Journal des Débats, les provisions pour l'an 40, le chien annoncé, n'arrivent pas et courent risque de ne jamais arriver. Vous n'êtes pas heureuse dans le choix de vos conseillers et agents. Ne soyons pas si expansifs dans nos lettres: l'éloge poussé à un certain degré avoisine la satire. La belle M... n'est qu'une bonne et excellente femme, embêtée depuis 13 ans dans l'exil par un entourage d'imbéciles. Faites vous payer par sa famille de poltrons, les mille Roubles que je lui ai prêté à Petrovsk, et envoyez moi cette somme au plutôt. Répandez les lettres et l'Examen parmi vos connaissances en commençant par les ministres. On lit et on copie mes lettres dans les bureaux: vous n'êtes pars responsable de l'indiscrétion des bureaucrates. Quant à l'Examen vous pouvez répondre dans le cas d'une investigation, que cet écrit rédigé par moi vous a été transmis par le commandant de Wibourg, le défunt général Berg. On n'ira pas lui faire son procès dans l'autre monde. D'ailleurs vous êtes ma sœur, et par conséquent étrangère au sentiment de la crainte comme moi.

Prenez des informations au sujet de la famille Potoska de Warsovie: Alexandre Potosky, le grand écuyer etc. etc, fils du fameux patriote Stanislas P. Sa première femme, actuellement Madame Wonsowitch, sa seconde femme Isabelle Potoska, sa fille *Natalie Potoska*. Je désire surtout savoir ce qu'est devenue cette dernière. Combien de fois n'ai-je pas demandé de ses nouvel-

* Это слово написано над зачеркнутым словом.
** Далее зачеркнуто одно или два слова.

les! Mais vous ne me parlez que des bourgeois de votre quartier, dont personne ne s'embarrasse.

Remerciez bien la bonne M. W., de ce qu'elle a rempli votre désir relativement au 18 Décembre mon jour de naissance. Ma fête est le 29 Septembre, l'apparition de l'Archange Michel, mais n'en parlez pas dans vos lettres, car cela m'attire du monde, au quel je ne puis offrir que du mauvais thé, ce qui forme un contraste défavorable avec la manière dont je suis traité chez les autres. Je vous prie d'insérer les deux lettres ci-joint à la suite de la seconde série, par ordre de N°. Multipliez les copies et faites les circuler sans crainte. Je compte sur vous et vous embrasse en idée de tout mon cœur, ainsi que les vôtres. Michel.

Notes de ce qu'il * faut envoyer par poste ou par occasion à diverses époques.

Le porteur de cette depêche mérite toute votre confiance. Confiez lui tout et croyez ce qu'il dira verbalement de ma part.

1. Un peu d'argent comptant, en réduisant les provisions annuelles à la moitié.

2. Les mille Roubles, que la famille R. a dû rembourser: expédiez cette somme de suite.

3. Des conserves, les verres un peu plus faibles que celui qu'on vous remettra.

4. Six chandeliers en cuivre, pour ma chapelle.

5. Le Bréviaire que j'ai demandé.

6. Directorium horarum Canonicarum et Missarum etc. On réimprime cette Rubrique tous les ans. Il faut l'expédier vers le commencement de la nouvelle année.

7. Missale Romanum pour ma Chapelle.

8. Le Rapport à l'Etat de la Louisiane, et le Code pénal de cet Etat, rédigé par Ed. Livingston.

9. Les Codes pénals Français et Anglais. Code Napoléon etc. etc.

10. Un habit bleu ou noir, car ma gravure montre déjà la corde.

11. Le Journal des Débats. Il se trouve sur le Catalogue des journaux étrangers: donc il n'est pas prohibé comme vous l'annoncez dans la lettre à... Il ne faut pas demander l'autorisation. En fesant de pareilles demandes on met les autorités dans la nécessité de refuser. Vous n'avez pas demandé d'autorisation pour les accompagnements rouges. Envoyez de même les Numeros du journal. Меньше слов, больше дела.

12. Un fusil français ou anglais, à deux coups et à pistons, valeur inférieure, de 100 à 150 Roubles: au Magasin anglais. C'est pour faire cadeau à une personne ** qui m'a rendu des services.

13. Suspendre les démarches en faveur de Gromnisky.

14. Soigner d'avantage l'emballage des objets: ce que je reçois est presque toujours abymé.

---

* Отсюда и до конца письма написано более мелким почерком.

** Далее зачеркнуто одно слово.

15. Si les donneurs d'avis et la crainte empêchent d'envoyer le Journal des Débats, qu'on m'envoie la somme nécessaire pour cet objet: je trouverai moyen de le faire venir d'ici sans compromettre personne.

16. Un petit baril de poudre fine, de chasse, recouvert de feuilles de laiton, fermant hermétiquement: envoyer par occasion sûre. Grosse et menue dragée, idem.

17. Si le Journal des Débats manque, comme c'est probable malgré mes instances, qu'on m'envoie du moins la Gazette de Berlin.

18. Le Dictionnaire de Théologie par l'abbé Bergier. 1823.

19. Un dictionnaire italien et français et une grammaire italienne.

Перевод:

Ссылка. 13/1 декабря 1839.

Милая моя Charissima! Особа, берущая на себя доставку этой посылки, постоянно давала мне доказательства своего расположения и оказала мне услуги, свидетельствующие об истинной дружбе. Это она достала мне библию, которую ты доверила почтмейстеру, пьянице и вору. Она также пришла мне на помощь, продав часть моих годовых запасов, когда я сидел совершенно без денег. Постарайся выразить ей мою искреннюю благодарность за эти ее услуги. Она передаст тебе на словах все, что меня касается. Следуй ее советам во всем, что относится к моим мелким делам [1]. Настало время так или иначе обеспечить мою судьбу. В случае твоей смерти, которая, вероятно, близка, я предвижу величайшие затруднения, если только правительство не возьмется обеспечить мою судьбу — упрячет в тюрьму или убьет.

Тебе передадут при сем *Разбор* — французский текст и русский перевод. Я только что составил эту рукопись [2], чтобы опровергнуть памфлет, опубликованный и распространенный правительством в 1826 году. Прошу тебя переправить ее за границу способами, указанными в моем предыдущем письме, чтобы напечатать в Париже на французском и русском языках. В Париже печатают на русском языке [3]. Пусти также в обращение несколько рукописных экземпляров между своими знакомыми и друзьями в России. Вернейшим способом достичь нашей цели было бы, чтобы ты сама поехала весной за границу под предлогом лечения на водах. Сообщение стало настолько легким, что дешевле путешествовать, чем сидеть на месте, как ты это делаешь без всякой пользы для себя и детей.

Не забудь при первом тайном случае послать мне: a) все напечатанное правительством о нашем деле; b) все иностранные газеты и печатные издания, появившиеся за это время и относящиеся к тому же вопросу; c) поименный список членов Верховного уголовного суда, их мнения и т. д.; d) протоколы заседаний, акты и другие официальные бумаги, касающиеся процесса, которые можно извлечь из архивов, затратив на это некоторые средства; e) устные рассказы, которые ты сумеешь собрать, заставив болтать старых олухов, присутствовавших на этом суде; f) официальные и другие подробности казни, погребения трупов, публичных молебствий и последовавших за этим торжеств.

Эти документы нужны мне для статьи о Верховном уголовном суде, которая составит одно целое с *Разбором* и *Взглядом* [4].

Я надеюсь, что ты свято выполнишь волю сосланного брата, который доказывает тебе свое уважение и дружбу, привлекая к своим трудам, предпочтительно перед другими лицами. Тот краткий срок, какой осталось нам прожить на этом свете, не пройдет впустую, если употребим его на служение правому делу. Не позволяй морочить себя

болтовней тем, кто проповедует осторожность, чтобы скрыть свой кретинизм. Верх осторожности для мужчины при данных обстоятельствах — сделаться жандармом и полицейским шпионом, но это не помешает дьяволу завладеть им в конце его жизни. Что же он выиграет? До свидания, милая моя Charissima, мысленно обнимаю тебя от всего сердца и остаюсь навсегда твой любящий брат Михаил.

NB. «Le Journal des Débats», провизия на 40-й год, обещанная собака и проч. и проч. не прибывают и рискуют никогда не прибыть [5]. Ты неудачно выбираешь советников и помощников. Не будем столь экспансивны в наших письмах: похвала, доведенная до известного предела, приближается к сатире. Прекрасная М... [6] добрая и превосходная женщина, которой вот уже 13 лет докучают в ссылке окружающие ее болваны. Заставь ее трусливое семейство уплатить тысячу рублей [7], что я одолжил ей в Петровске, и поскорее пришли мне эту сумму.

Распространяй Письма и Разбор среди твоих знакомых, начиная с министров. Мои письма читают и копируют на почте: ты не отвечаешь за нескромность чиновников. Что касается Разбора, ты можешь в случае расследования заявить, что это мое сочинение было тебе передано комендантом Выборгской тюрьмы, покойным генералом Бергом [8]. С того света его не привлекут к ответственности. Наконец, ты — моя сестра и, следовательно, так же, как и я, не подвержена чувству страха.

Разузнай о семье Потоцких из Варшавы: Александр Потоцкий, обер-шталмейстер и т. д. и т. д., сын знаменитого патриота Станислава II. Его первая жена, ныне г-жа Вонсович, его вторая жена Изабелла Потоцкая, его дочь *Наталья Потоцкая*. Я особенно желаю знать, что случилось с этой последней [9]. Сколько раз я о ней справлялся! Но ты рассказываешь только о мещанах вашего квартала, до которых никому нет дела.

Поблагодари добрую М. В. [10] за то, что она выполнила твое желание относительно 18 декабря, дня моего рождения. Мои именины 29 сентября, в день явления архангела Михаила, но не говори об этом в твоих письмах, ибо это привлекает гостей, которым я ничего не могу предложить, кроме плохого чая, а это создает неблагоприятный контраст с приемом, какой я встречаю у других.— Прошу тебя включить оба письма, при сем приложенные, во вторую серию в порядке №№ [11]. Размножь и распространяй их без боязни. Я на тебя рассчитываю и мысленно обнимаю тебя от всего сердца, как и всех твоих. Михаил

〈Приложение〉

Список того, что нужно выслать почтой или оказией в разные сроки.

Податель сего послания заслуживает полного твоего доверия. Доверь ему все и верь тому, что он устно передаст от моего имени.

1. Немного наличных денег, сократив наполовину годичный запас провизии.
2. Тысячу рублей, которые семейство Р. должно было вернуть [1]; выслать эту сумму немедленно.
3. Очки-консервы, стекла немного слабее тех, которые тебе передадут.
4. Шесть медных подсвечников для моей часовни.
5. Требник, который я просил.
6. «Directorium horarum Canonicarum et Missarum» [2]. Он переиздается ежегодно. Необходимо переслать его к началу нового года.
7. «Missale Romanum» [3] для моей часовни.
8. Отчет штату Луизиана и Уложение о наказаниях этого штата, составленное Эд. Ливингстоном [4].

9. Уложение о наказаниях, французское и английское (Кодекс Наполеона и т. д.).

10. Черный или синий костюм, так как мой совершенно протерся.

11. «Le Journal des Débats» [5]. Он находится в каталоге иностранных журналов, значит, не запрещен, как ты заявляешь в письме к.... Не нужно спрашивать разрешения. Такой просьбой ты вынуждаешь власти отказывать. Ты ведь не спрашивала разрешения на красные вложения [6]. Пришли также номера журнала. Меньше слов, больше дела *.

12. Французское или английское двуствольное пистонное ружье, недорогое, от 100 до 150 рублей, в английском магазине. Это для подарка человеку, оказавшему мне услуги.

13. Приостановить хлопоты в пользу Громницкого [7].

14. Лучше упаковывать вещи: то, что я получаю, почти всегда повреждено.

15. Если советчики и боязнь мешают выслать мне «Journal des Débats», пусть вышлют мне необходимую для этого сумму; я найду способ получить его здесь, никого не компрометируя.

16. Маленький бочонок охотничьего мелкого пороха, окованный латунными листами и герметически закрывающийся, вышлите с верной оказией; крупную и мелкую дробь, idem **.

17. Если «Journal des Débats» не найдется, что вероятно, несмотря на мои настояния, пусть мне вышлют по крайней мере «La Gazette de Berlin».

18. Богословский словарь аббата Бержье [8], 1823 г.

19. Словарь итальянский и французский и итальянскую грамматику.

23. Е. С. УВАРОВОЙ

16—18 января 1840 г. Урик.

Exil. 28/16 Janvier 1840.

Ma bonne Charissima! Vous avez dû recevoir: I°. *l'Aperçu*, 2°. *les Lettres de Sibérie*, 3°. *L'Examen*. Je vous prie d'accuser la réception de ces trois écrits, en insérant leurs titres dans une ou plusieurs phrases consécutives de vos lettres officielles. J'espère que ma volonté concernant la publication de ces écrits sera réligieusement remplie. Je m'attends à quelque nouvelle persécution pour les *lettres de Sibérie*, qui ont été adressées directement aux autorités. Mais je m'en soucie fort peu. Dans ma dernière lettre officielle je déclare que la permission conditionnelle de correspondre ne me convient pas, et qu'en conséquence je préfére ne plus écrire du tout. C'est pour prévenir la défense formelle, qui doit nécessairement survenir. Vous n'y perdez pas grand chose. Des lettres contraintes ne sont pas des lettres. Il vaut mieux ne pas écrire, que de mutiler sa pensée et peser chaque parole en écrivant à une sœur. Les co-exilés vous donneront de mes nouvelles régulièrement. Je profiterai des occasions secrètes, qui ne manquent pas, pour vous écrire. Le mauvais état de vos affaires m'empêche d'insister au sujet du placement. Cependant il est urgent de faire quelque chose, pour garantir et assurer mon sort dans l'exil.

* Последняя фраза в оригинале по-русски.

** То же самое (*лат.*).

Ce que vous redoutez pour moi de la part du gouvernement n'est rien, en comparaison des embarras qui m'attendent dans le cas de votre mort, qui peut être prochaine. La personne qui vous remettra cette lettre appartient au haut Commerce, et jouit d'une confiance générale. Vous pouvez lui confier telle somme que vous voudrez en toute sûreté. J'ai de grandes obligations à cette respectable famille, pour les preuves d'amitié qu'elle n'a cessé de me témoigner. J'ai reçu le drap noir et les 800 Roubles, dont j'avais grand besoin. Nous tâcherons de traîner avec cette somme à travers l'an 40. Réclamez donc à la famille Raewsky les mille roubles, que j'ai prêté à leur sœur à Petrowsk. Elle a dû leur écrire à ce sujet. Vous confierez cette somme au porteur, qui me la fera remettre ici. Je n'ai pas reçu les 100 roubles envoyés à la St Michel russe: les accompagnements rouges ne me parviennent plus aussi régulièrement. Comprenez bien ma position: ce n'est pas l'exil seul: c'est l'exil et la captivité. Sans cette dernière clause je n'aurais pas été embarrassé de gagner ma vie: car il y a plusieurs branches d'industrie honnête dans ce pays. Mais le régime * exceptionnel de colonisation, et la surveillance active dont je suis entouré, me lient les bras. Si le gouvernement voulait bien, après 14 ans de persécution, me laisser tranquille, je serais parfaitement content de ma situation. Ma seule peine maintenant est de vous être à charge, et de ne pouvoir gagner ma vie par le travail. Mais que faire? Nous serions trop heureux dans ce monde, si tous nos vœux pouvaient se réaliser. Que de choses se sont accomplies au delà de mes désirs! Au fond des cachots ils se bornaient à posséder un fusil de chasse ordinaire et un misérable petit barbet. Voilà que je reçois un magnifique le Page à deux coups, et Lœtus digne de figurer parmi les sommités de mon ancienne meute. On me défend de quitter le village: je passe des jours et des nuits au fond des forêts avec cette noble arme et ce bel animal. Il faut être chasseur pour comprendre le charme attaché à cette existence, composée de hazards, de fatigues, de périls et de combats. J'ai demandé dans mes précédentes lettres une paire de chiens courants, et un mousqueton à piston. Le porteur, qui dispose d'immenses moyens, se chargera peut-être de les expédier. Pour tous les détails concernant les chiens et les armes, il faut consulter un chasseur qui entende son métier. Le Journal des Débats pour l'année 39 et l'année actuelle n'arrive pas. A en juger d'après l'hésitation que vous avez montré dans cette affaire du journal, on dirait que vous êtes sous l'influence de ces cretins ** qui craignent ou espérent encore quelque chose du gouvernement. Mettez vous bien dans l'esprit que si le gouvernement voulait faire quelque chose pour moi, il ne le pourrait pas. Je me trouve, par ma situation politique, à l'abri et au dessus de ses faveurs.

Je ne parle plus de vos affaires, parce que j'en ai déjà trop parlé et inutilement. Vous avez fait tout le contraire de ce que j'ai indiqué. Mais je ne puis m'empêcher de revenir sur vos enfants. Tâchez de leur inspirer par votre exemple le goût de l'étude et des occupations intellectuelles. Une mère est capable de tout. Je voudrais trouver dans les journaux étrangers ou russes un article redigé par vos enfants. Ce serait *** le moyen de faire leur connais-

* Далее зачеркнуто три слова.
** Далее зачеркнуто одно слово.
*** Далее зачеркнуто одно слово.

sance. Aussitôt que vous avez placé votre cadet dans une école publique, entreprenez un voyage à l'étranger. On économise en voyageant *. Le voyage pourra être utile à nous tous **. Nos vœux et nos prières vous suiveront dans vos courses. Adieu, ma bonne Charissima, je vous embrasse en idée ainsi que les vôtres de tout mon cœur, et suis pour la vie votre affectionné frère.

Michel.

NB. *30/18 Janvier*. Votre piano est arrivé à Irkutsk. Je me suis empressé de l'offrir à Marie W..., qui à son tour s'est empressée d'en disposer en faveur de la famille Ushnewsky. En m'envoyant, argent comptant, la moitié de la somme qu'a coûté cet instrument et son transport, vous m'auriez rendu un bien grand service.

Перевод:

Ссылка. 28/16 января 1840.

Моя милая Charissima! Ты должна была получить: 1) *Взгляд*, 2) *Письма из Сибири*, 3) *Разбор*.

Прошу уведомить меня о получении этих трех рукописей, включив их названия в одну или несколько последовательных фраз в твоих официальных письмах. Я надеюсь. что мое желание об издании этих рукописей будет свято выполнено. Жду новых преследований из-за *Писем из Сибири*, которые были непосредственно обращены к властям [1]. Но это меня весьма мало заботит. В моем последнем официальном письме я заявляю, что условное разрешение вести переписку меня не устраивает, и поэтому предпочитаю вовсе не писать [2]. Это чтобы предупредить формальное запрещение, которое непременно последует. Ты не много от этого потеряешь. Несвободные письма — не письма. Лучше не писать, чем искажать свою мысль и взвешивать каждое слово, адресованное сестре. Соизгнанники будут регулярно сообщать обо мне. Чтобы писать тебе, буду пользоваться секретными случаями, в которых нет недостатка.

Плохое состояние твоих дел не позволяет мне настаивать на ссуде. Между тем крайне необходимо что-нибудь сделать, чтобы обеспечить мою судьбу в ссылке. То, чего ты опасаешься для меня со стороны правительства,— ничто в сравнении с затруднениями, ожидающими меня в случае твоей смерти, которая, быть может, близка [3]. Лицо, которое передаст тебе это письмо, принадлежит к крупным коммерсантам и пользуется общим доверием [4]. Ты можешь совершенно спокойно доверить ему любую сумму, какую пожелаешь. Я весьма обязан этой уважаемой семье за доказательства дружбы, которую она постоянно ко мне проявляла. Я получил черное сукно и 800 руб., в которых так нуждался. Мы постараемся протянуть с этой суммой до конца 40-го года.

Потребуй же с Раевских тысячу рублей, одолженных мною их сестре в Петровске [5]. Она должна была писать им об этом. Ты доверишь эту сумму подателю, который доставит мне ее сюда. 100 рублей, посланные мне к русскому дню св. Михаила, я не получил; красные приложения больше не доходят до меня столь регулярно. Пойми хорошенько мое положение: это не только ссылка, это — ссылка и заключение. Иначе мне было бы не так трудно заработать на жизнь, ибо в этих местах есть немало возможностей чест-

* Далее зачеркнуто одно слово.
** Далее зачеркнуты три слова.

ного заработка. Однако исключительные условия поселения и усиленный надзор, коим я окружен, связывают мне руки. Если бы правительство согласилось после 14-летнего преследования оставить меня в покое, я был бы вполне доволен своим положением. Единственное мое огорчение теперь — это быть тебе в тягость и не иметь возможности зарабатывать на жизнь трудом. Но что делать? Мы были слишком счастливы на этом свете, если бы все наши желания могли сбываться. Чего только не случалось сверх моих желаний! В тюрьме они сводились к владению обыкновенным охотничьим ружьем и каким-нибудь жалким пуделем. И вот я получаю великолепный двуствольный «Лепаж» и Летуса, достойного фигурировать среди знаменитостей моей бывшей своры [6]. Мне запрещают покидать деревню, а я провожу дни и ночи в чаще лесов с этим благородным оружием и прекрасным животным. Нужно быть охотником, чтобы понять прелесть такого существования, сплетенного из случайностей, усталости, опасностей и битв. В своих прошлых письмах я просил пару гончих и пистонное ружье. Податель, который располагает громадными возможностями, возьмется, быть может, их доставить. О всех подробностях, касающихся собак и оружия, надо посоветоваться со знающим свое дело охотником.

«Journal des Débats» за 39-й год и за нынешний не приходит. Судя по нерешительности, которую ты проявила в деле с газетой, можно подумать, что ты находишься под влиянием тех кретинов, которые все еще боятся или надеются на что-то от правительства. Пойми хорошенько — если бы правительство и хотело что-нибудь для меня сделать, оно не имело бы возможности. Я нахожусь вследствие своего политического положения в безопасности и выше его милостей.

Не говорю больше о твоих делах, потому что я о них уже слишком много и тщетно говорил. Ты поступила противно тому, что я советовал. Но я не могу удержаться, чтобы не вернуться снова к вопросу о твоих детях. Постарайся внушить им своим примером любовь к ученью и к умственным занятиям. Мать все может сделать. Мне хотелось бы найти в русских или иностранных журналах статьи твоих детей. Это был бы способ познакомиться с ними. Как только ты поместишь своего младшего сына в закрытое учебное заведение,— поезжай за границу. Путешествуя, сберегают средства. Это путешествие может быть полезным для всех вас. Наши пожелания и наши молитвы будут вам сопутствовать в странствиях.

Прощай, моя милая Charissima. Мысленно обнимаю тебя и твоих от всего сердца и остаюсь на всю жизнь любящим тебя братом.

Михаил.

NB. 30/18 января. Фортепиано твое прибыло в Иркутск. Я поспешил его предложить Марии В..., которая, в свою очередь, поспешила предоставить его Юшневским [7]. Послав мне наличными деньгами половину суммы, затраченной на этот инструмент и его перевозку, ты оказала бы мне большую услугу.

24. М. И. БЕРЕЗОВСКОМУ

4 мая 1840 г.

1840. Майя 4. Урик.

В число отправленных из России на имя г. генерал-губернатора для доставления мне посылок, и полученных мною в феврале сего года не находится 4 п⟨уда⟩ 10 ф⟨унтов⟩ сахару, означенного в условии подрядчика

Степ⟨ана⟩ Тюменского. Покорнейше прошу вас принять нужные меры для разыскания, кто принимал посылки от подрядчика, кто дал ему в оных расписку, где находится означенный сахар и почему он ко мне по сие время не доставлен. Приведение этих вопросов в ясность необходимо для прекращения беспорядков и усыпления по делам службы. Честь имею быть и т. д.

25—36 (1—12) *
⟨ПИСЬМА ИЗ АКАТУЯ⟩
С. Г., М. Н., М. С. ВОЛКОНСКИМ

1. М. Н., М. С. и С. Г. ВОЛКОНСКИМ

30 января 1842 г.

1842, 30 Janvier.

Ma chère Sœur de l'exil! J'ai reçu vos deux lettres à la fois. J'ai été d'autant plus sensible à cette preuve de votre amitié, que je vous accusais d'oubli et surtout de ce que vous n'avez pas écrit à ma Charissima, qui de son côté se plaignait de votre silence. Adressez lui encor⟨e⟩ une ou deux lettres, à tout hasard, pour la rassurer sur mon sort. Un mot de votre part fera plus d'effet, que si moi-même je pouvais écrire, car les femmes se comprennent mieux et le don de consoler leur appartient. Le soin que vous prenez de mon pauvre Warka, de mes effets et de mon ménage, prouve une sincère et active amitié. Je vous en suis bien reconnaissant. Je vous remercie également pour le gilet chaud, dont j'avais grand besoin, ainsi que pour les médecines dont je n'ai pas besoin, car ma santé de fer résiste à toutes les épreuves. Si vous pouvez m'envoyer des livres: je vous serai obligé. Ce que vous dites au sujet de l'helléniste n'est pas un obstacle. Où trouver des hommes parfaits? D'ailleurs la plupart des hommes parfaits sont des ignorants ou des imbéciles. Faites toujours venir le docteur allemand. Il donnera sa leçon en votre présence et le reste du temps il n'a qu'à faire ce qu'il veut. En attendant il faudrait à mon avis commencer par les leçons de latin. Si vous et votre mari approuvez mon idée, adressez vous de ma part à Nikita et dites lui que je lui demande, comme une preuve de son amitié de se charger des leçons de latin. Je suis sûr, qu'il ne me refusera pas une prière adressée du fond du cachot.

Les lettres des enfants m'ont fait grand plaisir. Je me suis transporté en idée au milieu de votre paisible cercle, où les mêmes romances retentissent toujours avec un nouveau charme et les mêmes choses se redisent avec un nouvel intérêt.

Mes amitiés à Messieurs Poggio et à tous ceux des nôtres, qui demanderont de mes nouvelles. J'ai trouvé ici le brave Wissotsky, qui me témoigne une amitié et un dévouement exemplaire. C'est lui qui a soin de mon ménage. Il ne tient aucun compte des dangers aux quels il s'expose pour m'être utile.

---

* Внутренняя нумерация писем из Акатуя (1—12) далее предпочтена общей нумерации (25—36). Это сделано для удобства и ввиду известной условности определения хронологической последовательности писем.

C'est aussi à lui, que je suis redevable de la faculté de vous écrire. Il m'a procuré les éléments nécessaires. Ses compatriotes en général me témoignent le même zèle. Jamais je n'aurais soupçonné autant de vertus au fond de la S. P.

J'aurais encor⟨e⟩ mille et mille choses à vous dire, mais le temps manque. On me presse de finir à cause d'une nouvelle sentinelle qui n'est pas sûre.

Adieu ma bonne sœur de l'exil, que Dieu et ses bons Anges vous protègent, ainsi que votre famille. Votre tout dévoué.

Michel.

My dear Master Michael! I thank you for your good letter, and am very happy to see, that you have made some progress in the English language. Go on in the same way, do not lose your time and you will soon become a clever fellow, and I will love you a good deal more for it. I kiss your little Sister's hand, and am for ever your good friend Michael.

La plume est si mauvaise, que je doute qu'il pourra même déchiffrer.

Mon cher Сергей Григорьич! L'architecte du château d'Akatouï a sûrement hérité de l'imagination du Dante. Mes cachots précédents étaient des boudoirs en comparaison de celui que j'occupe. On me garde à vue. Des sentinelles à la porte, aux fenêtres, partout. J'ai pour compagnons de ma captivité une 50-ne de meurtriers, d'assassins, de chefs de brigands et de faux-monnayeurs. Du reste nous nous convenons parfaitement. Ces braves gens m'ont pris en affection. Je suis le dépositaire de leurs petits trésors, acquis Dieu sais comment, et le confident de leurs petits secrets, qui appartiennent décidément à la littérature galvanique.— Il parait qu'on me juge, à mon insu, dans quelque coin de l'Empire. Je reçois de temps à autre un cahier d'interrogations, auxquelles je réponds toujours négativement. Le *scélérat* a bavardé. Si vous en avez l'occasion dites lui que je suis mécontent de lui. En même temps envoyez lui les 25 Roubles ci-joint de votre part: car il doit être sans le sol. Tout ce que j'ai lu dans votre lettre m'a fait grand plaisir. Je m'attendais à ces nouvelles preuves de notre ancienne amitié et je pense qu'il est inutile de vous dire combien j'y suis sensible. Ayez bien soin de mon pauvre Warka, ne lui donnez que du pain et surtout rien de chaud. Si je ne suis pas pendu ou fusillé, tâchez de me l'envoyer avec quelque occasion sure. Présentez je vous prie mes respects à Марья Казимировна et à Алексей Петрович. Je suis très reconnaissant pour leur amical souvenir. Mille choses aimables à Artamon, ainsi qu'à ceux qui m'ont reconduit et qui j'ai trouvé au bivouak sur la grande route. Adieu, cher ami, je vous embrasse en idée et suis pour la vie votre affectionné.

Michel.

Перевод:

1842, 30 января.

⟨М. Н. Волконской⟩

Дорогая сестра по изгнанию! Оба ваши письма я получил сразу. Я был тем более растроган этим доказательством вашей дружбы, что обвинял вас в забывчивости и особенно в том, что вы не написали моей Charissima [1], которая со своей стороны жаловалась

на ваше молчание. Пошлите ей еще одно-два письма, на всякий случай, чтобы успокоить ее на мой счет. Одно слово от вас произведет больше действия, чем если бы я сам мог писать ей, ибо женщины лучше понимают друг друга, им принадлежит дар утешения. Забота, которую вы берете на себя о бедном моем Варке [2], о моих вещах и хозяйстве [3], доказывает искреннюю и деятельную дружбу. Я вам за нее весьма признателен. Равным образом благодарю вас за теплый жилет, в котором я очень нуждался, а также и за лекарства, в которых нужды не имею, так как мое железное здоровье выдерживает все испытания. Если вы можете прислать книги, я буду вам обязан. То, что вы говорите об учителе греческого языка [4], не может служить препятствием. Где найти людей совершенных? К тому же большинство людей совершенных — невежды или глупцы. Выпишите все же доктора-немца. Он будет давать уроки в вашем присутствии, в остальное же время пусть делает, что хочет. А покуда следовало бы, по моему мнению, начать с уроков латыни. Если вы и ваш муж одобряете мою мысль, обратитесь от моего имени к Никите [5] и скажите ему, что я прошу, в доказательство его дружбы, взять на себя уроки латыни. Уверен, что он не откажет в просьбе, обращенной из глубины темницы.

Письма детей доставили мне большое удовольствие [6]. Я мысленно перенесся в ваш мирный круг, где все те же романсы звучат с новою прелестью и те же вещи говорятся с новым интересом.

Передайте мои дружеские чувства господам Поджио [7] и всем тем из наших, кто спросит обо мне. Я нашел здесь славного Высоцкого [8], который выказывает мне дружбу и примерную преданность. Это он заботится о моем домашнем житье-бытье и нисколько не считается с опасностями, каким подвергает себя, стараясь быть мне полезным. Ему обязан я возможностью писать к вам. Он раздобыл мне все необходимое для этого. Его соотечественники постоянно проявляют ко мне то же усердие [9]. Никогда не мог я предположить столько добродетелей в недрах С. П. [10].

Мне надо бы сказать вам еще тысячи вещей, но нет времени. Меня торопят кончать — из-за нового часового, на которого нельзя положиться.

Прощайте, добрая моя сестра по изгнанию, пусть бог и его добрые ангелы хранят вас и ваше семейство. Совершенно Вам преданный Михаил.

⟨Мише Волконскому⟩

Дорогой мой Миша! Благодарю тебя за доброе твое письмо; счастлив видеть, что ты сделал некоторые успехи в английском языке. Продолжай так и дальше, не теряй времени — и скоро станешь умным мальчиком, а я полюблю тебя за это еще больше, Целую руку твоей сестренке и остаюсь навсегда твой добрый друг Михаил.

Перо так скверно, что я сомневаюсь, сможет ли он разобрать.

⟨С. Г. Волконскому⟩

Дорогой мой Сергей Григорьевич *! Архитектор Акатуйского замка, без сомнения, унаследовал воображение Данта. Мои предыдущие казематы были будуарами по сравнению с тем, какой я занимаю. Меня стерегут, не спуская глаз. Часовые у дверей, у окон — везде. Мои товарищи по заточению — полсотня душегубов, убийц, разбойничьих атаманов и фальшивомонетчиков [11]. Впрочем, мы отлично сошлись. Эти добрые люди полюбили меня. Они дают мне на хранение свои маленькие сокровища, приобретенные бог ведает как, и поверяют свои маленькие тайны, принадлежащие, конеч-

* В оригинале имя по-русски.

но, к литературе гальванической [12]. Кажется, меня, без моего ведома, судят в каком-то уголке империи. Я получаю время от времени тетрадь с вопросами, на которые отвечаю всегда отрицательно. Негодяй проболтался [13]. Если представится случай, скажите ему, что я им недоволен. В то же время пошлите ему прилагаемые 25 рублей — от вашего имени,— ибо он наверняка без копейки. Все, что прочел я в вашем письме, доставило мне большое удовольствие. Я ожидал этих новых доказательств нашей старинной дружбы и полагаю, что незачем говорить вам, как они меня трогают. Позаботьтесь хорошенько о моем бедном Варке, не давайте ему ничего, кроме хлеба и, в особенности, ничего горячего. Если я не буду повешен или расстрелян, попытайтесь прислать его ко мне с какой-нибудь верной оказией. Передайте, пожалуйста, мое почтение Марье Казимировне и Алексею Петровичу *[14]. Я очень признателен за их дружеское воспоминание. Тысяча любезностей Артамону [15], равно как и тем, кто провожал меня и кого я встретил на привале на большой дороге [16]. Прощайте, дорогой друг, мысленно обнимаю вас и остаюсь на всю жизнь ваш преданный

Михаил.

2. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

1 апреля 1842 г.

1 avril 1842.

Mon cher ami, je vous prie de présenter mes hommages à Madame, et lui faire agréer mes félicitations à l'occasion de sa fête. Ce jour est une époque de bonheur pour toutes les personnes auxquelles la Princesse veut bien s'intéresser, et même pour un pauvre prisonnier comme moi, dont le souvenir est probablement éffacé de sa mémoire. Quoiqu'il en soit, je lui porte un dévouement inaltérable, et les vœux que je fais pour son bonheur ne le cèdent à ceux de personne.— Je vous salue. Mes tendres amitiés à Михаил Сергеевич.

M. Lounynn.

Перевод:

1 апреля 1842.

Дорогой друг, прошу вас засвидетельствовать мое глубокое почтение Мадам и просить ее принять мои поздравления с днем ее ангела [1]. Этот день — счастливый для всех, кем княгиня изволит интересоваться, и даже для несчастного узника, воспоминание о котором, по всей вероятности, стерлось из ее памяти. Как то бы ни было, я питаю к ней неизменную преданность, и мои пожелания ее счастия не уступят ничьим. Приветствую Вас. Мой нежный привет Михаилу Сергеевичу **[2].

М. Лунин.

3. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

1843 г. Начало (?)

Mon cher ami! Les livres, les effets et les provisions, expédiés avec le Révérend Père, me sont parvenus au mois de septembre 1842. J'ai de suite

* В оригинале эти имена по-русски.
** В оригинале имя по-русски.

reconnu les chandeliers de ma bonne Sœur de l'exil. Ils m'ont fait le même plaisir qu'une lettre, par un tas de souvenirs de la vie d'Ourika. Remerciez la bien pour cette preuve de son amitié. Parmi les effets et les livres il y a des choses de trop: par exemple la batterie de cuisine, le bavardage de la Mennais, la porcelaine etc. etc. Mon cachot est tellement encombré, qu'il n'y a plus moyen de s'y retourner. Du reste toutes vos dispositions à l'égard de ma fortune naufragée sont parfaites. Je suis particulièrement reconnaissant pour vos soins de mon pauvre Warka. On peut lui donner de la viande froide, deux ou trois fois par semaine, pour adoucir ses vieux jours. Vous ne dites rien des frais de transport? Ecrivez à ma Sœur pour qu'elle rembourse ce que l'envoi des neuf caisses a exigé. Cette pauvre femme se trouve à Berlin, où son fils embête Humbolt et tous les savans de l'Université avec son Arabe. Vous m'obligerez en m'envoyant *la pendule au memento mori*, et *l'image de la Ste Vierge*. Il parait qu'on me réserve une mort lente au cachot, en place d'une prompte sur la place publique. Je suis également préparé pour l'une et l'autre.

Passons à vos affaires qui m'intéressent autant que les miennes. Avez vous fait venir le pédagogue allemand pour Micha? C'est de toute nécessité. La moralité du pédagogue ne doit pas nous impressionner. J'ai eu un maître de philosophie (Kurulf), qui a fini par être pendu en Suède. Cela ne m'a pas empêché d'apprendre la philosophie. La moralité est sans contredit une qualité éminente: mais on peut l'acquérir à tout âge, et sans étude, tandis qu'il n'y a qu'un âge pour développer l'esprit et acquérir des connaissances positives. Nous avons des vertus du reste: ce sont les sciences qui nous manquent. Micha doit posséder le latin et le grec en perfection avant l'âge de 16 ans. Les autres sciences viendront facilement à la suite. Il nous faut donc le pédagogue, quand même. Soumettez ces considérations à votre femme, et tâchez de dissiper ses préventions.

Un second point de la même importance, est le développement des forces physiques. Il n'y a encor⟨e⟩ qu'un âge pour cela — l'adolescence, et qu'un moyen — la chasse. Donnez un bon fusil à Micha et laissez le courir dans les marais et les forêts durant la belle saison. Ses études n'en souffriront pas et sa santé y gagnera.

Le Révérend Père, qui m'a proposé d'écrire et m'en a fourni les moyens, est un brave homme. Recevez-le amicalement: A son premier voyage il a été embêté par Scheidowitch. Vendez quelques effets ou quelques livres, pour lui faire un petit cadeau. Cela dissipe la simplicité. Adieu, mon cher ami, saluez les vôtres et tous ceux qui se rappelent encor⟨e⟩ de moi. Je vous remercie cordialement pour les preuves de votre inaltérable amitié et suis pour la vie votre tout dévoué Michel.

Перевод:

Мой дорогой друг! Книги, вещи и провизия, посланные со святым отцом, дошли до меня в сентябре месяце 1842-го [1]. Я тотчас узнал подсвечники моей доброй сестры по изгнанию. Они мне доставили такую же радость, как если б то было письмо,— столько воспоминаний пробудили они о жизни в Урике. Поблагодарите ее хорошенько за это доказательство дружбы. Среди книг и вещей есть лишние, как, например, ку-

хонная утварь, болтовня Ламенне, фарфор и т. д. и т. д. [2] Моя темница до того переполнена, что негде повернуться. Впрочем, все ваши распоряжения о моем погибшем состоянии безукоризненны. Особенно я благодарен за заботы о моем бедном Варке. Ему можно давать холодное мясо два-три раза в неделю, дабы скрасить его старость. Вы ничего не пишете о расходах по пересылке. Напишите моей сестре, чтобы она возместила стоимость пересылки девяти ящиков. Эта бедная женщина сейчас в Берлине, где ее сын надоедает Гумбольдту и всем университетским ученым своим арабским языком [3]. Вы мне доставите большое удовольствие, прислав стеновые часы с memento mori *[4] и образ пресвятой девы. По-видимому, мне суждена медленная смерть в тюрьме вместо мгновенной на эшафоте. Я равно готов к той и другой.

Перейдем к вашим делам, которые интересуют меня столько же, сколько мои. Выписали ли вы немецкого педагога для Миши? Это необходимо. Нравственность педагога не должна нас волновать. У меня был учитель философии (Кирульф) [5], кончивший жизнь на виселице в Швеции. Это не помешало мне изучать философию. Нравственные качества бесспорно важны; но их можно приобрести во всяком возрасте и без учения, тогда как для умственного развития и усвоения положительных знаний есть лишь один возраст. Добродетели у нас достаточно; не хватает знаний. Миша должен до 16 лет в совершенстве овладеть латынью и греческим. Другие науки после этого дадутся ему легко. Следовательно, учитель необходим, что бы там ни было. Представьте эти доводы вашей жене и постарайтесь рассеять ее предубеждения.

Второй столь же важный вопрос — развитие физических сил. Для этого также существует лишь один возраст — отрочество, и только один способ — охота. Дайте Мише хорошее ружье, и пусть он бегает по болотам и лесам в лучшее время года. Занятия его от этого не пострадают, а здоровье выиграет [6].

Святой отец, который предложил мне писать и снабдил для этого средствами, хороший человек. Примите его дружески [7]. Во время первой его поездки ему досаждал Шейдович [8]. Продайте что-нибудь из вещей или книг, чтобы сделать ему небольшой подарок. Это убавит ему простодушия [9]. Прощайте, мой дорогой друг. Поклонитесь вашим и всем, кто еще меня помнит. Сердечно благодарю за доказательства неизменной дружбы и остаюсь навсегда вашим преданным другом. Михаил.

4. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

1843 г. январь — май.

Mon cher Ami! Je viens de recevoir votre lettre de l'an passé, où vous me demandez une autorisation par écrit, à l'égard de la fortune naufragée. Mais vous oubliez que je suis au secret, gardé à vue, privé de tout moyen d'écrire. Vous ignorez peut-être qu'il a été question de me fusiller, et que cette peine a été commuée en détention au cachot à vie ce qui revient au même. Le moyen de donner un plein pouvoir officiel et légal dans une position aussi dramatique? Disposez donc de la maison comme vous le jugerez à propos. Si vous la vendez que le produit de la vente soit employé au profit de Wassilitch et de sa famille. Je n'ai pas reçu l'image de la Ste Vierge. La pendule se trouve chez les Polonais. Il fallait s'entendre avec les autorités pour m'expédier ces effets. Concertez vous avec la Simplicité pour me

---

* помни о смерти (*лат.*).

faire parvenir la pendule officiellement. C'est une grande privation pour moi d'ignorer l'heure, durant les longues nuits blanches du cachot. Envoyez aussi le reste des livres, en exigeant que les fraix de transport soient prélevés sur les fonds à moi, déposés au Zawod de Nerchinsk. Ma santé se soutient, en dépit des mesures qu'on prend pour la détruire. Je suis en général content de ma situation: только нет Варки! Ce calembour n'est pas une plaisanterie, mais une triste verité. Il m'arrive de voir en songe les excellents repas qui j'ai fait chez vous et chez les Troubetskys. Un morceau de viande est une rareté dans ce pays. Le thé sans sucre, le pain, l'eau, quelquefois du gruau, voilà mon régime journalier. Adieu, mon cher et respectable ami, saluez de ma part tous les nôtres, et croyez à la sincère amitié et à la parfaite reconnaissance de votre dévoué Michel.

Перевод:

Мой дорогой друг! Я получил сейчас ваше прошлогоднее письмо, в котором вы просите письменного полномочия заботиться о моем погибшем состоянии. Но вы забываете, что я содержусь в одиночном заключении, под неусыпным надзором и лишен всякой возможности писать. Вы не знаете, быть может, что меня собирались расстрелять, и наказание было заменено пожизненным заключением [1], что одно и то же. В подобном трагическом положении как могу я дать официальную и законную доверенность? Располагайте домом, как сочтете нужным. Если вы его продадите, пусть выручка будет употреблена в пользу Василича и его семьи. Образ пресвятой девы я не получил. Стенные часы находятся у поляков. Надо бы снестись с властями, чтобы эти вещи ко мне препроводили. Договоритесь с Простодушием, чтобы часы были мне пересланы официальным порядком. Для меня большое лишение не знать времени долгими бессонными ночами в тюрьме. Пришлите мне также оставшиеся книги, требуя, чтобы расходы по пересылке были оплачены из моих денег, находящихся в Нерчинском заводе. Мое здоровье сносно, несмотря на меры, принимаемые к его разрушению. В общем я доволен своим положением: только нет Варки *! Этот каламбур не шутка, но печальная истина. Мне случается видеть во сне отличные обеды, которые я ел у вас и у Трубецких. В этом краю кусок мяса — редкость. Чай без сахара, хлеб, вода, иногда каша — вот моя ежедневная пища. Прощайте, мой дорогой и уважаемый друг, поклонитесь от меня всем нашим и верьте в искреннюю дружбу и глубокую благодарность преданного вам Михаила.

5. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ

1843 г., не ранее мая.

Vos lettres, Madame, m'arrivent régulièrement et contribuent à adoucir les rigueurs de ma captivité. Je vous aime à l'égal de ma Sœur, pour ces preuves de votre constante amitié. Il y a un mérite, chez nous, à être en relations avec un adversaire du Pouvoir. La Simplicité a fait de siennes. Imaginez que la pendule est en pièces, l'ambre en poudre, les provisions en compote, etc, etc. Elle prétend que c'est la faute de l'emballage, mais je n'en crois rien. Il aurait mieux valu s'entendre avec les autorités locales, et expédier

* В оригинале последние три слова по-русски.

les effets par poste.— Les études de Micha me donnent à penser au fond du cachot. Le principal objet pour le moment est la linguistique. Outre le Français et l'Anglais, le *Latin* et l'*Allemand* sont d'une nécessité absolue. Ses quatre langues sont les clefs de la civilisation contemporaine. Il y a encor⟨e⟩une clef: le Grec, mais cela viendra plus tard. Je vous conjure de parler toujours français ou anglais à Micha, et jamais russe. Cela vous gênera un peu au commencement, mais vous finirez par vous y faire et il en retirera le plus grand profit. Une causerie vaut dix leçons. Votre frère Alexandre est sans doute au courant des ouvrages scientifiques, adoptés dans les écoles primaires à l'étranger; et surtout en France où l'éducation publique est la mieux entendue à notre époque. Demandez lui un choix de ces ouvrages pour l'histoire, la géographie, les mathématiques etc. etc. A l'aide des sources on peut faire d'aussi bonnes études en Sibérie, qu'en Allemagne ou en France. Ce ne sont pas les maîtres qui donnent l'esprit et le jugement: c'est le bon Dieu. Il y a presque autant d'universités et d'écoles que d'auberges dans le monde. Cependant le monde est rempli d'ignorants et de pédants. La mort de mon cher Nikita est une perte immense pour nous. Cet homme valait à lui seul une Académie. Il m'est impossible de consentir à la vente des Bollandistes, que ma Sœur a fait venir pour moi à grands frais de l'étranger. Cet ouvrage est une source précieuse de notions historiques, relatives au moyen age. Le Révérend Архиерей vous propose un marché d'Arlequin. Le plus prudent serait d'éviter toute espèce de relation avec ces Messieurs, qui ne sont que des gendarmes déguisés. Vous connaissez la part qu'ils ont pris à notre procès. Il faut tout pardonner: mais rien oublier.

Pour se faire une idée de ma situation actuelle, il faut lire les Mystères d'Udolphe, ou tel autre roman de M-me Radcliffe. Je suis plongé dans les ténèbres, privé d'air, d'espace et de nourriture, entouré de brigands, d'assassins et de faux-monnayeurs. Mon unique distraction est d'assister au supplice du Knout, dans la cour du Château. Au milieu de cette situation dramatique, calculée pour abréger mes jours, ma santé se soutient à merveille, et mes forces loin de décroître semblent augmenter. Je soulève neuf pouds d'une main sans effort. L'épreuve actuelle m'a pleinement convaincu, qu'on peut être heureux dans toutes les situations de la vie: et qu'il n'y a que les sots et les bêtes de malheureux dans ce monde. Adieu ma bonne sœur d'exil. Agréez l'assurance de la parfaite amitié que vous porte votre tout dévoué Michel.

Перевод:

Ваши письма, сударыня, приходят ко мне регулярно и скрашивают суровость моего заточения. Я люблю вас не меньше, чем мою сестру, за эти доказательства неизменной дружбы. У нас почитается заслугой быть в сношениях с противником власти Простодушие натворил бед. Представьте себе, что часы разбиты в куски, янтарь превратился в порошок, провизия — в кашу и т. д. Он утверждает, что виновата упаковка, но я не верю. Было бы лучше договориться с местными властями и отправить вещи по почте [1]. Мишины занятия дают мне пищу для размышлений в темнице. Главное сейчас — это изучение языков. Помимо французского и английского, необходимы безу-

словно *латынь* и *немецкий*. Эти четыре языка — ключи современной цивилизации. Есть еще один ключ — греческий язык, но это придет позднее [2]. Заклинаю вас всегда говорить с Мишей по-французски или по-английски и никогда по-русски. Вначале это вас будет несколько стеснять, но вы постепенно привыкнете, а он извлечет из этого величайшую пользу. Одна беседа стоит десяти уроков. Ваш брат Александр [3], без сомнения, в курсе учебных руководств, принятых в начальных школах за границей, особенно во Франции, где народное образование в наше время поставлено лучше всего. Попросите его выслать подбор таких руководств по истории, географии, математике и т. д. При помощи подобных источников можно заниматься так же хорошо в Сибири, как в Германии или во Франции. Разум и суждение даются нам не учителями, а богом. В мире почти столько же университетов и школ, сколько постоялых дворов. И тем не менее, мир полон невежд и педантов. Смерть моего дорогого Никиты — огромная потеря для нас. Этот человек один стоил целой академии. Я никак не могу согласиться на продажу Болландистов [4], которых моя сестра выписала для меня из-за границы с большими издержками. Этот труд — драгоценный источник исторических сведений, относящихся к средним векам. Преосвященный Архиерей *[5] предлагает вам смехотворную сделку. Разумнее всего избегать всякого общения с этими господами, которые не что иное, как переодетые жандармы. Вы знаете роль, которую они сыграли в нашем процессе [6]. Надо все прощать, но ничего не забывать.

Чтобы составить себе понятие о нынешнем моем положении, нужно прочесть «Удольфские таинства» или иной роман г-жи Радклиф [7]. Я погружен во мрак, лишен воздуха, пространства и пищи, окружен разбойниками, убийцами и фальшивомонетчиками. Единственное мое развлечение — присутствовать при наказании кнутом во дворе тюрьмы. В этом драматическом положении, рассчитанном на то, чтобы сократить мои дни, здоровье мое находится в великолепном состоянии и силы мои, вместо того чтобы убывать, кажется, увеличиваются. Я поднимаю без усилия девять пудов одной рукой. Нынешнее испытание совершенно убедило меня, что можно быть счастливым во всех жизненных положениях и что в этом мире несчастливы одни лишь глупцы и скоты. Прощайте, добрая моя сестра по изгнанию! Примите уверения в совершенной дружбе, которую питает к вам всецело преданный Михаил.

6. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

1843 г. не ранее мая (?)

My dear master Michael!

I have been much pleased with your last letter, and warmly recommend to you the study of the English language. It is not so very easy, and requires a good deal of attention and diligence: but you are no more a child, and will, I hope, overcome all difficulties as a man. Remember, my dear, that your progress in knowledge is the best proof you can give me of your friendship.— Do not read all sort of books, that may fall in your hands. You must know that the world is full of foolish books, and that the number of useful books is very small. As soon as you recieve a new book, the first thing is to consider of what utility it may be to you. If you find that it contains nothing else,

* В оригинале слово по-русски.

but empty stories or dull reasoning, throw it directly away, and take up your grammar or some other good book, that offers positive instruction. Time is precious at your age. Every hour lost in babbling or reading nonsense, will require several days of labour. Part of summer may be spent in walking, sporting etc. etc. but the whole winter must be employed in studying from morning till evening. Farewell my dear master Michael, kiss your mamma's and sister's hand, and believe me for ever your faithful friend Michael.

Перевод:

Мой дорогой Миша! Твое последнее письмо доставило мне большое удовольствие, и я от души советую тебе изучать английский язык. Это не так легко и требует много внимания и прилежания; но ты уже не ребенок и, я надеюсь, справишься со всеми трудностями как мужчина. Помни, мой дорогой, что твои успехи в науке являются лучшим доказательством твоей дружбы ко мне. Не читай всякую книгу, какая может попасть тебе в руки. Знай, что мир полон глупых книг, а число полезных книг очень мало. Получив новую книгу, ты первым делом должен подумать, какую пользу может она принести тебе. Если ты не найдешь в ней ничего, кроме пустых рассказов или скучных рассуждений, отбрось ее сразу же и возьмись за свою грамматику или какую-нибудь другую хорошую книгу, которая дает положительные сведения. В твои годы время дорого. Каждый час, потерянный в болтовне или в чтении чепухи, потребует потом нескольких дней работы. Часть лета можно употребить на прогулки, занятия спортом * и т. д., но зима должна быть полностью посвящена занятиям с утра и до вечера.

Прощай, дорогой мой Миша. Поцелуй руку у твоей матери и сестры и верь, что я навсегда твой верный друг Михаил.

7. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

1843 г. май — декабрь.

En m'adressant à vous, cher ami, je mets de côté l'expression des sentiments, et j'aborde directement les affaires. Si ma maison convient à Mr. Mrozowsky vous conviendrez du prix et la lui céderez. Le produit de la vente sera employé au profit de Wassilitch et de sa famille, de la manière dont vous jugerez convenable. Envoyez moi le reste des livres, ainsi que l'image de la Ste Vierge, par la voie des autorités, en exigeant que les frais de transport soient prélevés sur les sommes à moi, qui pourrissent improductivement dans les caisses du gouvernement. Ma santé se soutient à merveille. A moins qu'on ne s'avise de me pendre ou fusiller, je suis capable de vivre cent ans. Mais j'ai besoin de drogues et de médecines pour les pauvres compagnons de ma captivité. Envoyez de quoi traiter les fièvres, les refroidissements et les blessures du Knout et des baguettes militaires. Les dépenses à ce sujet seront également remboursées sur mes fonds. J'ai quelques milliers de Roubles ici: mais c'est tout comme si je n'avais rien, à cause de la détention au secret. Adieu mon très cher ami. Si vous tenez à avoir des lettres plus longues et

* Лунин употребляет в то время еще не привившееся в России англ. слово «sporting».

plus détaillées, envoyez du papier et de la poudre à encre. Mes amitiés à ceux qui se rappellent de moi et me comprennent. Votre dévoué, Michel.

Перевод:

Обращаясь к вам, дорогой друг, я оставляю в стороне выражения чувств и прямо приступаю к делу. Если мой дом подходит г. Мрозовскому [1], столкуйтесь о цене и уступите дом ему. Деньги, вырученные от продажи, употребите в пользу Василича и его семьи тем способом, какой найдете удобным. Пошлите мне оставшиеся книги и образ пресвятой девы чрез посредство властей, требуя, чтобы издержки по пересылке были удержаны из принадлежащих мне денег, которые бесплодно гниют в правительственных кассах.

Здоровье мое удивительно. Если только не вздумают меня повесить или расстрелять, я способен прожить сто лет [2]. Однако мне нужны и лекарства и лекари для бедных моих товарищей по заключению. Пришлите средства от лихорадки, простуды и от ран, причиняемых кнутом и шпицрутенами. Издержки на это будут также возмещены из моих средств. Здесь у меня есть несколько тысяч рублей, но это все равно, как если б у меня ничего не было из-за того, что я содержусь в одиночке. Прощайте, мой дражайший друг. Если хотите получать более длинные и подробные письма, присылайте бумагу и чернильный порошок. Мои дружеские приветы всем, кто меня помнит и понимает. Преданный вам Михаил.

8. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

Начало 1844 г.(?)

Mon cher ami! Votre lettre du 5 Novembre 1843 m'apprend des choses tristes aux quelles il faut se résigner, puisqu'il ne dépend pas de nous de les changer. Elles changeront d'elles-mêmes par la suite; car il n'y a rien de stable et de permanent dans ce monde, dont la figure passe. De mon côté je n'ai que de bonnes nouvelles à vous donner. Ma santé se soutient à ravir, malgré les rigueurs de la détention et les privations de toute espèce. Mes études progressent dans la solitude et le silence du cachot. Durant les deux dernières années, je me suis principalement appliqué au grec, à l'aide des livres, que ma Sœur m'a envoyé, comme par inspiration, de Berlin. Mes études ont eu pour objet les doctrines religieuses d'Homère. L'on est surpris en parcourant le monde traditionnel qu'il dévoile, d'y trouver à chaque pas l'autel au Dieu inconnu. Les fictions et les fables dont le poète entoure les verités de la Révélation primordiale, n'en offusquent pas l'éclat et ne sont à leur tour que l'abus de quelque vérité.

Cette partie n'a été qu'effleurée par les nombreux commentateurs d'Homère et elle échappe à l'analyse dans toutes les traductions. J'ai recueilli un nombre considérable de matériaux à cet égard. Mais malheur à moi, si mon griffonnage Grec tombe entre les mains des Autorités. Elles seraient capables de me brûler vif, comme un nécromancier. Чернокнижник.

Vous vous plaignez de ma Sœur, et elle se plaint de vous. Il est assez étrange, que vos lettres réciproques s'égarent. Une lettre de vous, avec un mot indirect sur mon compte lui ferait un grand plaisir. Cette pauvre fem-

me est comme une poule, qui a couvé des canards. L'un donne dans le militaire, l'autre dans la science. Elle ne sait plus après le quel courir, ni où donner de la tête.

L'image de la S—te Vierge n'arrive pas. Je l'attends avec une vive impatience. Adressez vous aux autorités d'Irkoutsk, pour m'envoyer le reste de mes livres. Elles ont reçu des ordres à cet égard. Les frais de transport seront prélevés, d'après votre demande, sur les sommes à moi, déposées au Zawod de Nerchinsk.

Le soin, que vous prenez de Wassilitch et de sa famille, prouve à la fois Votre excellent cœur et votre constante amitié pour moi. Qui voudrait se charger d'une pareille corvée? ne pouvant rien faire pour ces pauvres gens du fond du cachot, je remets leur sort entre vos mains. Achevez une bonne œuvre, que vous avez commencé et continué avec tant de succès. Ne pourrait-on pas leur créer une occupation ou leur trouver une place, dont le produit suffirait à leur entretien? Si la maison n'est pas confisquée, vous pouvez la vendre pour en employer le prix à leur établissement. Concertez-vous à ce sujet avec ma Sœur, qui s'empressera, j'en suis sur, de réaliser vos idées, malgré l'état critique de ses finances. Warka m'est devenu encore plus cher depuis qu'il est estropié. Je donnerais la moitié de ce que je possède pour revoir ce compagnon inséparable de mes courses aventureuses dans les forêts Sibériennes. Ayez soin de bien nourrir le pauvre invalide. Que sont devenus les autres chiens: Morga, Formosa, Audax, les deux Dianes, Togratch et Placsa? Tachez de racheter ma noble arme. Ma sœur vous remboursera. On ignore ici le prix de cette arme, qui a été payée 3 mille francs à Paris.

Adieu, mon cher et respectable ami. Saluez de ma part tous ceux qui se rappelent de moi et croyez à la sincère amitié de votre dévoué et reconnaissant Michel.

Перевод:

Мой дорогой друг! Письмо ваше от 5 ноября 1843-го сообщает мне о печальных вещах, которым следует покориться, ибо не от нас зависит изменить их. Они изменятся сами впоследствии: ибо нет ничего устойчивого и постоянного в этом мире, формы которого преходящи [1]. С своей стороны я могу сообщить вам лишь добрые вести. Здоровье мое превосходно, несмотря на суровость заточения и всевозможные лишения. Мои занятия идут отлично в тюремной тиши и уединении. В течение двух последних лет я занимаюсь более всего греческим языком, с помощью книг, которые сестра прислала мне, словно по внушению, из Берлина. Занятия мои имеют предметом религиозные верования у Гомера [2]. Обозревая раскрываемый им мир преданий, удивляешься, когда находишь на каждом шагу алтарь в честь неведомого бога. Вымыслы и мифы, которыми поэт окружает истины первоначального Откровения, не затемняют его блеска и сами являются лишь искаженным изображением некой истины. Все это было лишь слегка затронуто многочисленными комментаторами Гомера и ускользает от разбора во всех переводах. Я собрал значительное количество материалов по этому поводу. Но горе мне, если моя греческая мазня попадет в руки властей [3]. Они будут способны сжечь меня живым, как колдуна, чернокнижника *.

* В оригинале это слово по-русски.

Вы жалуетесь на мою сестру, а она жалуется на вас. Довольно странно, что ваши взаимные письма пропадают. Письмо от вас с одним косвенным намеком на мой счет доставило бы ей большое удовольствие. Эта бедная женщина похожа на курицу, высидевшую утят. Один ударился в военщину, а другой — в науку [4]. Она не знает, ни за кем ей бежать, ни что делать.

Образ пресвятой девы еще не дошел. Ожидаю его с живым нетерпением. Обратитесь к иркутским властям, чтобы мне выслали остальные книги [5]. Они получили насчет этого распоряжение. Расходы по пересылке будут удержаны, по вашему требованию, из моих денег, находящихся в Нерчинском заводе.

Ваши заботы о Василиче и его семье свидетельствуют одновременно и о вашем добрейшем сердце, и о постоянной ко мне дружбе [6]. Кто пожелал бы взять на себя подобные тяготы? Не имея возможности ничего сделать для этих бедных людей из глубины моей темницы, я вручаю их судьбу вам. Довершите доброе дело, начатое и продолжаемое вами с таким успехом. Нельзя ли придумать им какое-нибудь занятие или найти место, дохода с которого хватало бы на их содержание? Если дом не конфискован, вы можете продать его, чтобы вырученную за него цену употребить на их устройство. Столкуйтесь по этому вопросу с моей сестрой, которая не замедлит, я в том уверен, осуществить ваши мысли, несмотря на критическое состояние ее финансов. Варка сделался мне еще дороже с тех пор, что стал калекой. Я отдал бы половину того, чем владею, чтобы вновь увидеть этого неразлучного товарища моих рискованных походов по сибирским лесам. Позаботьтесь хорошенько кормить бедного инвалида. Что сталось с другими собаками: Моргой, Формозой, Аудаксом, двумя Дианами, Тограчом и Плаксой? Постарайтесь выкупить мое благородное оружие. Моя сестра возместит ваши расходы. Здесь не знают цены этому оружию, за которое было заплачено в Париже 3 тысячи франков [7].

Прощайте, мой дорогой и почтенный друг. Приветствуйте от меня всех, кто меня помнит, и верьте искренней дружбе вашего преданного и признательного Михаила.

9. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Конец 1843 — начало 1844 г.

My dear master Michael! I have told you in my last letter that the number of good and truly useful books is very small. You must also know, that the best of them are not quite free from faults and errors, and that they should consequently be read with great circumspection. The Work which I send you (Tales of a Grandfather), and which is justly held in high esteem, may serve as a proof of what I am saying. It is full of solid knowledge and rational views, concerning the Scottish and English history: but it contains also some useless and false reasoning about the Protestant religion. The worthy author, instead of exposing simply the origin and progress of the English churches, endeavours to vindicate their tenets, and assumes the character of a preacher. As those matters are somewhat hard to understand at your age, and may easily induce you in error, you will do well to pass over the paragraphs, which I have noted down, and direct your attention to the rest of the work. The news I receive about you, my good friend, are very satisfactory. They tell me that you read, and understand, and even speak French

and English. But I am especially glad to know that you are learning Latin. This language is of an absolute necessity, for your future progress in knowledge. There is no way of becoming a good scholar without Latin. Farewell, my dear master Michael, Kiss your sister's hand for me, and believe me for ever your very affectionate Michael.

Перевод:

Мой дорогой Миша! Я говорил тебе в моем последнем письме [1], что количество хороших, истинно полезных книг весьма невелико. Тебе следует также знать, что и лучшие из них не совсем свободны от ошибок и погрешностей и что поэтому их должно читать с большой осмотрительностью. Книга, которую я тебе посылаю (Рассказы дедушки) [2] и которая по справедливости высоко ценится, может послужить доказательством моих слов. Она полна основательных знаний и разумных взглядов на шотландскую и английскую историю; но в ней есть также некоторые бесполезные и ложные рассуждения о протестантской религии. Вместо того чтобы просто изложить происхождение и развитие английских церквей, почтенный автор стремится отстоять их догматы и принимает позу проповедника. Так как предметы эти довольно трудно понять в твоем возрасте и они могут легко ввести тебя в заблуждение, ты хорошо сделаешь, если пропустишь отмеченные мною параграфы и сосредоточишь внимание на остальных частях книги. Вести, которые я получаю о тебе, мой милый друг, весьма утешительны. Мне сообщают, что ты читаешь, понимаешь и даже говоришь по-французски и по-английски. Но особенно был я рад узнать, что ты изучаешь латынь. Этот язык совершенно необходим для твоих дальнейших успехов в науке. Без латыни невозможно стать хорошим ученым. Прощай, мой дорогой Миша, поцелуй за меня ручку у твоей сестры и верь, что я навсегда любящий тебя Михаил.

10. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ

1844 г. сентябрь — октябрь (?)

Vos lettres, Madame, et les nouvelles que je reçois de vous par la voie des voyageurs, contribuent à adoucir et charmer ma captivité. Le projet de m'envoyer Warka, et vos démarches à cet égard, sont des preuves d'amitié dont je suis profondément touché, et qui ne s'effaceront jamais de ma mémoire. Cependant il est heureux que ce projet n'ait pas réussi. Car je n'ai ni où loger, ni de quoi nourrir ce pauvre animal. Mon cachot est si humide, que les livres et les habits moisissent: mes repas sont si modiques, qu'il n'en reste pas de quoi nourrir un chat. C'est plus que la vie monastique.— Passons au sujet qui m'intéresse principalement dans notre correspondance. L'Anglais m'a dit que Micha comprend passablement l'anglais, et qu'il a une excellente prononciation. C'est une preuve que vous n'avez pas négligé les leçons depuis mon départ. L'amour maternel est capable de tout comme la foi. Continuez je vous prie, en adoptant la méthode suivante. Que Micha vous lise une page d'anglais à haute voix, en traduisant les phrases les unes à la suite des autres verbalement à l'aide du dictionnaire pour les mots inconnus. Après cela vous lui lirez la même page de suite, mais bien lentement et distinctement. De cette manière les mots et les locutions se

gravent dans la mémoire par la vue et l'ouïe à la fois. Cet exercice n'exige qu'une heure par jour, et vous serez étonnée du resultat, obtenu au bout de l'année. J'espère que le docteur (sourd) vous a transmis mes idées, concernant l'éducation physique et hygiénique. Il faut que Micha sache courir, franchir les fossés, escalader les murs, grimper au haut des arbres, nager, faire les armes, monter à cheval etc. etc. Ne vous alarmez pas des contusions et des blessures qu'il pourra attraper par ci, par là: c'est inévitable, et cela dégourdit. La belle saison, si courte dans ce climat, doit être presque exclusivement employée à ces exercices. Ils procurent la santé et la force corporelle, sans les quelles l'homme n'est qu'une poule mouillée. Votre tout devoué Michel.

Перевод:

Ваши письма, сударыня, а также известия о вас, которые я получаю от приезжих, скрашивают и услаждают мое заточение. Проект отправить мне Варку и ваши попытки в этом направлении являются доказательствами вашей дружбы, коими я глубоко тронут и которые никогда не изгладятся из моей памяти. Но хорошо, что этот проект не удался. Ибо я не знаю, ни где поместить, ни чем кормить это бедное животное. Темница моя так сыра, что книги и платья покрываются плесенью; пища так умеренна, что не остается даже чем накормить кошку. Это жизнь более, чем монастырская. Перейдем к вопросу, более всего интересующему меня в нашей переписке. Англичанин сказал мне, что Миша сносно понимает по-английски и что у него отличное произношение [1]. Это доказывает, что вы не пренебрегали уроками после моего отъезда. Материнская любовь, как и вера, способна на все. Продолжайте, прошу вас, приняв следующий метод. Пусть Миша читает вам вслух страницу английского текста, переводя устно одну фразу за другой, для неизвестных слов пользуясь словарем. После этого вы ему прочтете ту же страницу, но очень медленно и внятно. Таким образом слова и выражения запечатлеваются в памяти одновременно и через зрение и через слух. Это упражнение требует не более часа ежедневно, а к концу года вы будете поражены результатом. Надеюсь, что доктор (глухой) [2] передал вам мои мысли о физическом и гигиеническом воспитании. Нужно, чтобы Миша умел бегать, прыгать через рвы, взбираться на стены и лазить на деревья, плавать, обращаться с оружием, ездить верхом и т. д. и т. д. Не тревожьтесь из-за ушибов и ран, которые он может время от времени получать,— они неизбежны и развивают ловкость. Хорошее время года, столь короткое в нашем климате, должно быть почти исключительно посвящено этим упражнениям. Они дают здоровье и телесную силу, без которых человек просто мокрая курица. Преданный вам Михаил.

11. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

1844 г. октябрь (?)

Mon cher Ami! Ce que j'écris à la Sœur d'exil concernant l'éducation de Micha, s'adresse également à vous. Si vous approuvez mes idées , je vous prie de veiller à leur réalisation. La méthode que je propose pour l'étude de l'anglais, pourrait être également appliquée avec fruit au latin.— La visite des Messieurs de la Commission m'a procuré une agréable distraction. Ils

ont l'air de jouer un vaudeville avec leurs vues administratives, législatives et philantropiques. Nous attendons l'arrivée du Sénateur ambulant, et de la primadonna de la troupe. Ces Commissions inutiles, ridicules et onéreuses au pays, servent de demonstrations aux vérités que j'ai énoncé, et qu'on affecte de ne pas comprendre. Ma santé est toujours dans le même état. Je me baigne en Octobre, par 5 et 7 dégrès de froid, dans un ruisseau qui coule à quelques pas du Château, et dont on brise la glace à cet effet. Ces bains froids me font le plus grand bien. Les études languissent, parce que les livres et tous les accessoires nécessaires, manquent. Michel.

Перевод:

Дорогой друг! То, что я пишу моей сестре по изгнанию о воспитании Миши, обращено также и к вам. Если вы одобряете мои мысли, прошу вас проследить за их осуществлением. Метод, предлагаемый мной для изучения английского языка, можно было бы применить с той же пользой и к латинскому.

Визит господ из Комиссии доставил мне приятное развлечение [1]. Со своими административными, законодательными и филантропическими намерениями они словно разыгрывают водевиль. Ожидаем прибытия кочующего сенатора и примадонны труппы [2]. Эти комиссии, ненужные, смешные и дорого стоящие стране, доказывают истины, которые я провозглашал и которых будто бы не понимают. Здоровье мое все так же. Я купаюсь в октябре при 5—7 градусах мороза, в ручье, протекающем в нескольких шагах от тюрьмы, в котором для этой цели делают прорубь. Эти холодные купанья приносят мне огромную пользу. Занятия идут вяло, потому что не хватает книг и всех необходимых принадлежностей. Михаил.

12. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Michael L. Michaeli V. S. D.

Jamdiu epistolam a te non accepi, sed ex litteris matris tuae, te diligentem offici ac studiis litterarum addictum esse intelligo. Id mihi valde gratum est. Honor te ut discas, quo expectationi parentum, amicorumque satisfacias. Quod ad me attinet: valeo, applico me studiis, te amo, a te amari et quid agas certior feri volo. Praeterea rectissime sunt apud me omnia. Carissimum Varkam Meum, valde tibi commendo, et rogo ut sit semper copiose nutritus. Vale.

Перевод:

Михаил Л⟨унин⟩ *Михаилу В*⟨олконскому⟩ *шлет привет.*

Давно уже не получал я от тебя письма, но из писем твоей матери знаю, что ты охотно занимаешься и усердно учишься. Это меня очень радует. Учись, чтоб оправдать надежды родителей и друзей. Что касается меня, то я здоров, много занимаюсь, люблю тебя и желаю быть любимым тобою, а также получать более точные известия о том, что ты поделываешь. В остальном все у меня в высшей степени благополучно. Моего дорогого Варку вполне поручаю тебе и прошу, чтобы он всегда был накормлен вдоволь. Будь здоров.

ДОПОЛНЕНИЯ

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ М. С. ЛУНИНА
〈ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ〉

1. До погашения казенных и партикулярных долгов состоять крестьянам и дворовым людям под опекою гг. душеприказчиков, коим в управлении всего имения руководствоваться моими установлениями без малейшего изменения.

2. Немедленно по погашении долгов все крестьяне и дворовые люди обоего полу с их семействами освобождаются от крепостных прав, получая вечную волю на основании указа [1].

3. Все движимое и недвижимое имущество крепостных людей остается за ними, и сверх того уделяется им по 6 сороковых десятин пахотной земли в окружности их селений [2].

4. Побочной сестре моей девице NN[3] отказываю все недвижимое мое имение, все наличные деньги, которые после меня останутся, триста десятин пахотной земли и двести десятин строевого лесу Тамбовской губернии Кирсановского уезда в окрестностях села Сергиевского, Ржавинье тож.

5. Управляющему моими поместьями г. NN[4] отказываю триста десятин пахотной земли и пятьдесят десятин строевого лесу в Тамбовской губ. Кирсановского уезда в окрестностях села Земленого с тем условием, чтоб он продолжал управление моим имением и после моей смерти до погашения всех долгов, буде оные окажутся. Сверх того, чтоб он, а по нем его наследники содержали по смерть на своем иждивении вольноотпущенную девицу NN[5].

6. За исключением сих отказов все доходы с земли, с лесу, с фабрики и т. д. назначаю на сооружение и содержание вольного народного училища в селе Сергиевском, под руководством гг. душеприказчиков.— Желаю также, чтоб построена была богадельня при училище для призрения тех из дворовых людей, кто не в силах снискать себе пропитания [6].

Михаил Лунин.

Учинил в Москве февраля 29 дня 1818 года [7].

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
〈ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ〉

Лета 1819 марта 27 дня. Во имя отца и сына и святого духа, я, нижеподписавшийся, отставной гвардии ротмистр и кавалер Михаил Сергеев сын Лунин, находясь в совершенном здоровье и полном разуме, но убежденный неизвестностью смертного часа, который постигнуть может и

в самых молодых летах, по собственной воле делаю сие мое духовное завещание в следующем:

1-е. На основании указа 1714 года марта 23 дня [8], все доставшееся мне после покойного родителя моего и после покойной родительницы моей недвижимое и движимое имение, в разных губерниях состоящее, также и денежные капиталы, все предоставляю двоюродному брату моему, камер-юнкеру 5 класса Николаю Александрову сыну Лунину, одного со мной рода и фамилии, и делаю его единственным по себе наследником.

2-е. Имея в виду благосостояние крестьян моих и сохранение в целости наследственного имения в нашем роде, завещаю брату моему, Николаю Александрову сыну Лунину, пещись о благе всего достающегося ему имения, не продавать его ни порознь, ни в целости, не закладывать, не дарить, и в другой род ни под каким предлогом не выпускать, а в течение пяти лет со дня моей смерти, войдя в подробное рассмотрение свойств того имения и средств получения доходов, непременно уничтожить в оном право крепостное над крестьянами и дворовыми людьми, не касаясь земель, лесов, строений, имуществ вообще и прочих угодий.

3-е. Уничтожение крепостного права на крестьян и дворовых людей должно последовать, во-первых, по распоряжению наследника моего, брата Николая Александрова сына Лунина, не далее пяти лет от дня моей смерти; условия с крестьянами, образ освобождения их от крепостного состояния, предоставление им прав и обязанность крестьян в отношении доставления доходов избираемому мною ныне наследнику зависит от воли его, брата моего Николая Александрова сына Лунина, который в сем случае может руководствоваться правилами, ему от меня внушенными; во-вторых, с утверждения правительства. Но крестьяне и дворовые люди должны находиться в непосредственном брата моего повиновении до того времени, пока не уничтожится законным образом, по прошению брата моего, крепостное над ними право, и в сем случае главнейшее основание должно быть распоряжение оного брата моего.

4-е. По смерти брата моего Николая Александрова сына Лунина, буде у него останутся дети, сыновья, то сие отдаваемое мною имение должно принадлежать старшему его сыну или тому из сыновей его, которому он сам назначит, но все сие завещаемое мною имение вообще и в целости, которое имение никаким образом и ни в каком случае раздробляемо быть не должно. Если же у него сыновей не будет, а будут дочери, в таком случае сие имение, также в целости и не подвергаясь никакому раздроблению, должно идти в приданое одной из дочерей,— но с тем, чтобы будущий зять его принял герб нашего рода и фамилию. Наследники брата моего Николая Александрова сына Лунина обязываются сохранять в точности силу всех значащихся в сем завещании пунктов, и сие завещаемое мною имение в нашем роде и потомстве обращаться должно не инако, как на изложенных в сем моем завещании условиях, и без малейшего раздробления.

5-е. По смерти моей брат Николай Александров сын Лунин немедленно вступает во владение моего имения.

6-е. Прошу брата моего выдать, единовременно, в течение года от дня

кончины моей, девице Прасковии Михайловой 20 000 рублей государственными ассигнациями. Коллежскому регистратору Евдокиму Федорову сыну Суслину 10000 рублей государственными ассигнациями, буде он, Суслин, по день кончины моей останется управляющим всего моего имения, если тот Суслин умрет в сей должности при моей жизни, тогда сии 10000 рублей выдать его детям. Если же по какому случаю он, Евдоким Федоров сын Суслин, будет мною удален от управления сей должности, тогда ни ему, ни его детям сего награждения не выдавать.

7-е. Тех дворовых людей, кои по старости или немощи не будут в состоянии пропитать себя, прошу тебя, брата моего, их призреть. Вольноотпущенную девку Анну Соколову, по смерть ее, оставить в селе Сергиевском, буде того пожелает, на том же основании, как она теперь находится; буде же она пожелает куда удалиться, то определить ей содержание приличное и сообразное ее потребностям, по твоему, брата моего, благоусмотрению.

8-е. Сестре моей родной Екатерине Сергеевне, жене камергера статского советника Федора Александрова сына Уварова, доставлять ежегодно, по смерть ее, по десяти тысяч рублей государственными ассигнациями, начав тот платеж чрез год от дня моей смерти, то есть за первый год после моей смерти сестра не может требовать той суммы.

9-е. 10000 рублей государственными ассигнациями употреблять ежегодно на поддержание вольного народного училища, которое имеет быть учреждено в селе Сергиевском и после моей смерти должно зависеть от непосредственного распоряжения брата моего Николая Александрова сына Лунина.

10-е. Все доходы с сего завещаемого мною имения должны принадлежать брату моему Николаю Александрову сыну Лунину как единственному после меня на основании сего завещания наследнику.

11-е. Поелику главнейшие предметы сей моей духовной состоят в том, чтоб после смерти моей устроить благосостояние крестьян и оставить имение нераздельным в нашем роде, то я надеюсь, что брат мой обратит все свое внимание на сии два предмета, сохранив собственные выгоды и тем содействуя к поддержанию нашей фамилии, составит счастье крестьян и дворовых людей освобождением их от крепостного состояния на том основании, которое он признает за благо, и, дав тем опыт своей благодарности за мою к нему дружбу, успокоит прах мой и соделает память мою для крестьян и потомства нашего священной.

И потому, любезный брат, прошу тебя, несмотря ни на какое лицо, сие мое духовное завещание, как согласное с законами, привесть в непременное исполнение. А вас, почтеннейшие друзья, как свидетелей сего добровольного моего завещания, прошу удостоверить пред лицом правосудия, что изложенное здесь есть точно моя воля, коей цель есть освобождение от крепостного состояния и вообще устройство благосостояния крестьян и сохранение имения нераздельным в роде предков наших.

К сему духовному завещанию отставной гвардии ротмистр и кавалер Михаил Сергеев сын Лунин руку приложил.

ПУБЛИКАЦИИ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА*

ВЗГЛЯД НА ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ (1816—1826)

Тайное общество принадлежит истории. Правительство его верно оценило, говоря, что дело его есть дело целой России и что оно располагало судьбами народов и правительств. Оно образует лучезарную точку в русских летописях, подобно уложению великой Хартии в летописях британского королевства. Десять лет его скрытного существования при подозрительном и враждебном правительстве доказывают мудрость его действий и народное к нему сочувствие. Главная доля его трудов была совершена в этот период времени, посреди опасностей и препятствий. Действуя влиянием разумной силы на массу народа, оно сумело направить мысли, чувства, даже страсти различных сословий к органическому преобразованию самого правительства. Существенные задачи конституционного образа правления были поставлены и определены так, что их решение становилось неизбежно в более или менее отдаленном будущем. Общество сделалось выражением народных интересов, требуя, чтобы законы, управлявшие страною и остававшиеся неизвестными даже судам, обязанным соображать с ними свои решения,— были собраны и изданы, после разумной кодификации; чтоб гласность в делах государственных заменила призрак канцелярской тайны, которым они окружены и который мешает их ходу, скрывая от правительства и от народа злоупотребления чиновников; чтоб судопроизводство было быстро, а потому устное, открытое и даровое; чтоб администрация была подчинена твердым правилам на место личного произвола; чтоб дарования, в каком бы сословии они ни обнаружились, вызывались к содействию на общее благо; и чтоб выбор должностных людей определялся общественным голосом, замещая ими невежд и взяточников; чтоб в назначении и употреблении казенных сумм отдавался гласный отчет; а откупная монополия, ведущая к развращению и нищенству низших сословий, была заменена другой системой налогов; чтобы обращено было внимание на судьбу защитников отечества, количество войска уменьшено, срок службы сокращен, а жалованье солдата увеличено в соразмерности с его нуждами; чтобы военные поселения, недостигающие первоначальной цели, беззаконные в своем основании, были уничтожены, в отвращение новых злодейств и пролития крови; чтобы торговля и промышленность освободились от произвольных постановлений и устарелых разграничений, препятствующих движению; чтоб, наконец, положение духовенства, вполне обеспеченное, сделало его независимым и способным к исполнению своих обязанностей.

---

* «Разбор Донесения тайной следственной комиссии в 1826 году Никиты Муравьева» — см. русский текст «Разбора» в наст. изд., 67—75 и примечания — с. 75—82, также примечания к публикации «Разбора» в Вольной русской типографии.

Развитие образованности было усилено новыми началами, которые тайное общество влило в народную мысль. Оно рассеяло почти общее предубеждение о невозможности иного порядка вещей и внесло в массы сознание той истины, что подчинение себя другим людям должно быть заменено повиновением закону. Оно искало доказать преимущества взаимной поруки, обращающей дело каждого в общее дело; важность суда присяжных в гражданских и уголовных исках и его внутреннюю связь с гражданской свободой; необходимость гласности без ограничений, которая не только должна быть допущена, но наложена как обязанность и обеспечена как право; злоупотребления сословных различий, источник зависти и озлоблений, разъединяющий людей, на место сближения. Тайное общество обратилось от факта к праву, указывая на пределы всякой власти, поставленные провидением: нравственность, разум, правосудие и общую пользу, различные проблески одной и той же истины. Разлитие просвещения вообще рассматривалось им как путь к внутреннему порядку и справедливости, к внешнему уважению и могуществу. Чтобы достичь этой цели, оно обратилось ко всем сословиям, и они поняли его язык. Часто, но без последовательности повторявшиеся усилия правительства в деле просвещения были заменены упрощенной методой, не требующей издержек и основанной на небольшом числе правил, которые, смотря потому, были бы они ошибочны или верны,— не имели бы вредных последствий, или бы господствовали в будущем.

Тайное общество отстаивало независимость греков, покинутых почти всеми европейскими государствами; оно подняло голос против рабства и торга русскими, несовместного с божьими и человеческими законами; в заключение, оно обнаружило самим существованием своим и общностью своих стремлений, что самодержавие не соответствует уже настоящему положению народа и что правительство, основанное на законах справедливости и разума, одно в состоянии поднять его на степень, указанную ему в семье народов образованных.

В переходные эпохи, переживаемые обществами посреди таинственного движения к преобразованию их быта, встречаются обстоятельства, когда становится необходимым вмешательство политических людей, к какому бы сословию они ни принадлежали, чтобы вызвать правительства и народы из застоя, порожденного дурным общественным устройством и предрассудками, укоренившимися в течение веков. Если такие люди вышли из верхних слоев, то гражданская деятельность становится для них долгом, который они платят употреблением умственных сил — низшим сословиям за свое превосходство перед ними, купленное их трудом и усилиями. Они пролагают новые пути к совершенствованию для возникающих поколений; направляют народные стремления к общей пользе; сосредоточивают умственную работу, совершенную одиноко, без взаимного воодушевления; поддерживают борьбу мнений, необходимую для общей гармонии, и становятся сами властями по праву и на деле, в силу их воссоздающей мысли и нравственного влияния на сограждан. Идеи их оплодотворяют страну, которую орошают, как завоеватели опустошают страну, куда вторгаются; ибо добро и зло для общества приходит от отдельных людей.

Жертва, на которую они себя обрекают, свидетельствует об их высшем призвании, о верности их начал и о законности их власти.

Тайное общество отвечало всем этим условиям как в основе своего устройства, так и в своих целях и в способе действия. Нравственный толчок от распространенных им идей был так силен, что император Александр счел нужным обещать, что дарует конституцию русским, как скоро они будут в состоянии оценить ее пользу. (Речь при открытии варшавского сейма, 15 марта 1818 г.). Тайное общество встретило такое обещание с любовию и доверием, которое заслуживал высокий сан обещавшего. Это был политический залог; освящая цели общества, он придал ему новое рвение. Оно собрало и устремило все силы, чтоб данное обещание сделать независимым от временной воли лица, и научило нацию понять, оценить блага свободы и их удостоиться. Важность его подвига такова, что стремления общества, даже по его прекращении, встречаются в каждой правительственной мере, внутри каждого заметного события последних лет.

Ошибки неизбежны в таком колоссальном предприятии, которое, по сознанию самого правительства, должно бы удивить даже тех, кто его задумал. Они были значительны. Отсутствие принудительной силы, способной ввести порядок в общее движение, сделалось заметно в самом начале. Общество, состоявшее наперед из небольшого числа основателей, испытало потом другое неудобство от умножения своих членов. Взросшие в мертвящей среде, в умственной праздности, они с трудом могли держаться в уровень с высоким своим призванием. Приходилось умерять ревность одних, подстрекать других, успокоивать третьих и охранять общее согласие. Единство в действии было нарушено. Тайное общество подразделилось на Северное и на Южное по причине расстояний, заставивших учредить два центра деятельности. Первый из этих отделов встретил затруднения со стороны новых членов, которым было поручено на время управление делами; второй же расширил сферу занятий и тем самым удвоил трудности своего положения, соединившись с тайным обществом Славян и войдя в переговоры с польским обществом, которого виды и побуждения, отчасти несходные, требовали умеряющего образа действия. Между тем измена глухо подкапывала основу здания. В то самое время — смерть императора Александра, два отречения от престола, две разноречащие присяги одна за другой, секретное завещание, найденное в архиве, — все это смутило умы и вызвало событие 14 декабря в Петербурге, а на Юге отважное движение одного полка первой армии.

Враждебная партия ловко воспользовалась этими ошибками. Она состояла из той части дворян, которая боялась лишиться крепостных и своих прав, да из служащих иностранцев, которые боялись потерять свои оклады. Вожатаи этой партии поняли, что конституционный дух — новое вино, для которого нужны и меха новые; что падение самодержавия повлечет за собой потерю их мест, заставит их сложить с себя титлы и ордена, подобно актерам по окончании неудавшейся пьесы. Ни одно средство не было упущено, чтоб отклонить удар. Им удалось уверить правительство, что цель тайного общества — цареубийство и анархия. Но торжествующая партия впала сама в ошибку, общую всем партиям: она неуме-

ренно воспользовалась успехом. Более шестисот человек было арестовано и брошено в казематы. При следствии, производимом тайной комиссией, на основании придуманного по сему случаю положения, некоторые из содержавшихся были закованы в кандалы, посажены в темные ямы и пытаны голодом; другие — спутаны попами, присланными выманить на исповеди для доноса их признание, или поколеблены слезами своих обманутых родных; почти все — подкуплены лживым обещанием всепрощения. Назначен был верховный уголовный суд из сенаторов, военных, моряков и духовенства. Это судилище, опираясь на доклад тайных следователей и обсуживая не каждого обвиняемого отдельно, а по разрядам, приговорило: пятерых к четвертованию, тридцать одного к отсечению головы, семьдесят два к каторжной работе и к ссылке, наконец, девятерых к разжалованью в солдаты; и приговор свой произнесло оно, не допросив, даже не видав никого. Оно спешило покончить дело, потому что наступали празднества коронации. Правительство заменило смертную казнь тридцати одного — каторжною работой в сибирских рудниках, с содержанием в казематах; а верховный суд, которому была предоставлена судьба пятерых, счел милосердием заместить колесование виселицей. Приговор над ними был исполнен исподтишка на гласисе крепости, в которой производился призрак суда, и под прикрытием военной силы, собранной наскоро. Невежество или смущенье палачей продлило муку осужденных, из которых трое, сорвавшись с ослабленной петли, упали и расшиблись до крови, а потом были опять повешены. Все пятеро спокойно поддались своей участи, в твердой уверенности, что смертью скрепляли истину своих слов и действий. Родным повешенных были отказаны их тела *, которые брошены ночью в яму с растворенной известью; а на следующий день церковь возблагодарила Бога за пролитую кровь.

После этого государственного подвига его главные деятели, столь повредившие правительству, успели стать во главе правления.

Но господствующая партия, по-видимому, ограничивает свою деятельность одними полумерами и внешними изменениями. Она ищет сделать правительство еще более самодержавным, чем в сущности, а народ более национальным, чем на деле. Теперешняя власть, у которой на все доставало смелости, дошла до того, что ей надо всего бояться. Ее общий ход не что иное, как постепенное отступление, под защитой корпуса жандармов, перед духом тайного общества, который обхватывает ее со всех сторон. От людей можно отделаться, но от их идей нельзя. Сердца молодого поколения обращаются к сибирским пустыням, где великие ссыльные блистают посреди мрака, в котором хотят их скрыть. Жизнь в изгнании есть непрерывное свидетельство истины их начал. Сила их речи заставляет и теперь не дозволять ее проявления даже в родственной переписке. У них все отнято: общественное положение, имущество, здоровье, отечество, свобода...... но никто не мог отнять народного к ним сочувствия. Оно обнаруживается в общем и глубоком уважении, которое окружает их скорбные семейства; в религиозной почтительности к женам, разделяющим

* У Лунина: «Родным запретили взять тела повешенных». См. наст. изд., с. 57.

ссылку с мужьями; в заботливости, с какою сбирается все, что писано ссыльными в духе общественного возражения. Можно на время вовлечь в заблуждение русский ум, но русского народного чувства никто не обманет.

ИЗ ПИСЕМ М. ЛУНИНА

(С французского)

I

Шефу жандармов, 1839, 15/27 сентября.

Ваше сиятельство.

По свойству моих сношений с сестрой мне иногда приходится в письмах своих касаться вопросов, с виду не имеющих прямой связи с моим теперешним положением. У нее нет в мире иного друга, кроме меня, который бы навел ее на правду и подал должную помощь при затруднениях, происходящих от расстроенного состояния, от наследственных тяжеб и от освобождения ее крестьян. В ответ на многократные вопросы я должен был войти в объяснения отечественных постановлений, представить вкратце движение образованности, истолковать законы, на которых основывается ее право, указать на злоупотребления и лихоимства, которыми поражена сила тех законов, и вызваны, со стороны того же судебного места, в том же деле, два противоречащих решения, как это она испытала на опыте. Мне стоило усилий отвлечь свою мысль от занятий, составляющих мое утешение в изгнании, и обратить ее на мирские треволнения. Но я думал тем исполнить долг перед сестрою, которая в продолжении моего десятилётнего заключения не переставала писать ко мне каждую неделю, даже без надежды получить от меня ответ.

Соболезную глубоко о приказании прекратить мне переписку и желая вперед избежать этого несчастия, я беру смелость обратиться к вашему сиятельству с просьбою, чтоб благоволили предписать начальствам, коим поручена передача моих писем, просматривать их предварительно и исправлять или уничтожать те из них, которые окажутся неудобосообщаемыми, вопреки всем предосторожностям при изложении моих мыслей.

Таким образом я не подвергался бы тяжелой ответственности за невольные отклонения или за неуместную искренность; а последствия строгой меры не падали бы на невинного, и моя сестра не оставалась бы без существенной для нее помощи и утешения. Испрашивая для своих семейных писем ценсуры, какой подлежат у нас сочинения, назначаемые к печати, я полагаю, что тем не отклоняюсь от законов справедливости и разума.

Имею честь быть, и пр.

II

Ссылка, 15/27 сентября, 1839.

Сестрица, воспрещение мне переписываться имело неблагоприятные последствия для хода ваших дел; почему я считаю обязанностью пояснить побудительные причины моих действий и те обстоятельства, которые разорвали между нами последнюю связь в этом мире. Я был вынужден касаться важных предметов по поводу ваших наследственных тяжеб и освобождения крестьян. В первом случае я исполнял долг перед вами, во втором — долг перед человечеством. Невзирая на откровенность моей речи, я всегда старался соблюдать законы строгого приличия и не упускал случая, когда, по моему душевному убеждению, мог принести дань уважения за действия власти. Моя похвала, в себе самой незначительная, имеет, однако, некоторую цену, если вспомнить, что она одна, может быть, совершенно бескорыстна. Пусть мне укажут на закон, воспрещающий излагать в частных письмах политические вопросы. Его нет в нашем своде. Да он и не найдется ни в каком законодательстве: политика таится в глубине всех нравственных, научных и литературных вопросов; а потому такой закон равнялся бы запрещению мыслить.

Заблуждение свойственно всем людям. Можно ошибаться без малейшего личного расчета — в изгнании, как и в высших общественных сферах. Приведем положительные свидетельства. Я намекал, что медленность наших успехов на Кавказе происходила от людей старой школы: как скоро новые люди показались в рядах армии, мы тотчас подвинулись вперед. Я подверг разбору министерство просвещения в конце прошлого года; в начале нынешнего университет св. Владимира был временно закрыт, а несколько месяцев спустя приняты ограничительные меры для Дерптского. Я упомянул о министерстве государственных имуществ, которое уже ... и проч.

Я не случайно предвидел эти события: они скорее указывают на то, что была же доля правды в сущности мыслей, которые выразил я в своих письмах. Но у меня нет намерения оправдываться. Я, напротив, желал бы изъявить глубокое сожаление о том, что своей искренностию, в виду вашего блага, вызвал строгости властвующих, к которым питаю искреннее уважение.— Ваш любящий брат...

III

Charissima Soror *, чистая прибыль от моей земледельческой деятельности прошлого года доходит до рубля, не считая озимой ржи, которая подает большие надежды. Благодарение Богу, есть чем жить. Это первый

* Следующие письма из ссылки, обратив на себя внимание правительства, вызвали предписание прекратить переписку в продолжение целого года. Запрещение выражать мысли свидетельствует об их значении и о той боязни, которую вообще внушает людям первая встреча с истиной, прежде чем они поймут ее и полюбят. Моя цель была указать на жизненные вопросы общества и на то, как необходимо разрешить эти вопросы, доселе отстраненные и остающиеся в тени, в то самое время, когда дела второстепенной важности и мелочные предметы занимают умы. Такая задача не без

год моего поселения, и, говоря вообще, неурожайный год. Моей деятельности мешают задержка денег, запрещение ездить и опасения, которые я внушаю властям. Но, с другой стороны, я избавлен от податей и барщины. Одно вознаграждается другим. По правде сказать, главная помеха — это мои книжные занятия. Платон и Иродот не очень то ладят с плугом и бороною. Вместо того чтоб надсматривать над работниками в поле, я забавляюсь смотром своих книжонок. Впрочем, много уже совершено в 18 месяцев. Невозделанная, болотистая земля, покрытая терновником и вереском, теперь поднята, обработана, огорожена, превращена в луга и в нивы. У меня есть английский сад для прогулки, швейцарская хижина с пастбищами вокруг и огород, доставляющий годовой запас овощей. Сверх того, есть и красивый эрмитаж, где запоздалый путник может найти пристанище, бедняк — кусок хлеба, а разбойник сопротивление. Мне весело сообщать вам такие подробности, потому что это скорее ваше создание, чем мое. Вы доставили к тому средства, а я употребил только небольшое старание. Мне остается познакомить вас с моими домочадцами: Васильичем, его женой и четырьмя детьми. Бедняжке Васильичу 70 лет; но он силен, веселого нрава, исполнен рвения и деятелен. Его жизнь была такая же бурная, как и моя, только в другом роде. Сначала его отдали в приданое, потом заложили в ломбард и в банк. По выкупе из обоих он был проигран в щелкушку (bilboquet), затем променян на борзую собаку и, наконец, продан с аукциона вместе с скотом и разной рухлядью на нижегородской ярмарке. Последний барин, рассердясь за что-то, сослал его без дальнего суда на поселение. Жизнь и деятельность Васильича в продолжение этих беспрестанных изменений подернуты завесой, которую было бы нескромно раскрыть. Прочитав где-то, что причиной моей ссылки было какое-то задуманное преступление, которое могло бы исполниться, и намерение издать книги, которые могли бы быть написаны, он следует примеру моих скромных судей и старательно избегает расспросов об этом предмете. Мы совершенно понимаем друг друга, несмотря на некоторое различие в привычках и наклонностях. В эти два года, как судьба сблизила нас в сибирских пустынях, ни малейшее облако не затмило нашего взаимного согласия. Жена его смирная женщина, занятая лишь кухней, стиркою белья, да уходом за крикливыми детьми. В дополнение картины упомяну еще о белой лошади, которая цветом шерсти напоминает красивого коня, убитого подо мной в сражении под Можайском, да о шести со-

---

пользы в переходную эпоху, при отсутствии основ для разумной оппозиции и печатного слова, безмолвного в деле истины, служащего лишь к выражению бездушной лести. Дым ладана, окружающий правительство, создает призраки, которые своими фантастическими образами вводят в заблуждение все партии. В течение десятилетнего заключения я не переставал размышлять о пользах отечества. Мои уединенные досуги были посвящены на руководство людей, исказивших мои намерения. Я снова поднял вопросы в своем изгнании, как скоро обстоятельства сделали это возможным. Многие из моих писем, пересланных через канцелярию е. в., ходят уже по рукам. Последнее желание изгнанного Фемистокла было, чтоб его бренные остатки перенесли и зарыли в родную землю; мое последнее желание, посреди сибирских пустынь, чтоб мои политические убеждения, во сколько они согласны с истиной, распространились и утвердились в уме моих сограждан. *Прим. ав.*

баках, с пеной у рта, заступающих место коноводов псарни. Мое теперешнее положение, с такими слабыми товарищами, в местности, наполненной разбойниками, по сущности то же, в каком находился Алкивиад в своем Вифинском изгнании. У меня есть предчувствие, что одинакий род смерти дополнит сходство с этим удивительным человеком.

IV

С. S. В последнее время мои занятия обращены были на исторический обзор кодификации русских законов, составленный по подлинным актам, хранящимся в архиве II отделения собственной канцелярии императора. В первой части этого труда встречаются замечательные признания. В 1700 наше законодательство состояло из весьма неполного Уложения и из огромного числа указов, нередко разногласных и по большей части явно противуречащих духу самого Уложения. В юриспруденции не было связи, ни единства, что́ запутывало и самое применение законов (стр. 10). С того времени десять комиссий, одна за другою, назначенные для исправления этих недостатков, ровно ничего не сделали в продолжение 126 лет, сколько вследствие дурного устройства, столько и по неспособности их членов (стр. 10 и след). Таким образом в 1826 году русская земля находилась относительно законодательства точно в таком же положении, как и в 1700. Вот правда, и может быть не вся правда. Но к чему ее высказывать? Никто того не требовал. Истина, как и заблуждения, имеет свою строгую последовательность. Так как правительство не умело в продолжение столетия слишком удовлетворить самым безотлагательным нуждам народа, управляемые поневоле должны были прибегнуть к собственным средствам, чтоб достичь цели. Ни в каком случае нельзя их обвинить в нетерпении и поспешности. Правительство, делая без надобности такие признания, защищает косвенно дело тайного общества, которое уже нашло вооруженных защитников справедливости своих мнений относительно польского вопроса. Вторая часть обзора не чисто исторического содержания. Она заключает в себе род диссертации об основных началах кодификации, судопроизводства, правоведения и пр. Посреди этой ученой выставки является канцлер Бэкон, к которому редакторы имеют, по-видимому, непреложную веру. Не только перевод, но и отрывки самого подлинника, не взирая на плохую латынь канцлера, приводятся в книге. Выбор извлечений замечателен; например: Бэкон говорит, что следует исключить из кодекса отмененные законы; что не следует повторяться, необходимо сокращать то, что́ растянуто, и т. д. (стр. 102 и след.). Спрашиваю вас, да разве это не было тысячу раз сказано прежде и после Бэкона? Его авторитет приводится даже и там, где от него отклоняются. Канцлер требует, чтоб из законов, друг другу противоречащих, был выбран лучший; мы же выбираем позднейший, не разбирая, лучший ли он (стр. 106). Пределы письма не позволяют мне заняться опровержением органической части обзора, в которой редакторы стараются доказать, что мы ничего не заимствовали у иностранцев, что все наше законодательство имеет источником народные обычаи и опытность (стр. 82). Они, по-видимому, не знают, что почти все наши обычаи переняты, что наша опытность тоже чужая, что, наконец,

истина не изобретается, а передается одним народом другому как величавое свидетельство их общего начала и судеб. Словом, эта книга — низкая дверь к обширному зданию. Надо нагнуться, чтоб войти.

V

C. S. Я сделал прогулку по берегу Ангары, с сосланной, которой имя уже внесено в отечественные летописи. Ее сын бежал впереди нас, срывал цветы и, возвращаясь, отдавал матери. Когда мы прошли часть леса, постепенно поднимаясь в гору, нам вдруг представилось обширное пространство, замыкаемое на западе синеватыми горами и перерезанное на все протяжение рекою, которая казалась серебряным змеем, лежавшим у наших ног. *Его* невидимые совершенства сделались видимыми чрез понимание, которое дают о нем его творения. Но величественное зрелище природы было только обстановкой для той, с кем я прогуливался. Она осуществляла мысль апостола и своей личной грацией, и нравственной красотою своего характера. Устав от долгого пути между кустарником, она прилегла на траву, чтоб собраться с силами. Разговор зашел о смерти, с которой свыкалась мысль людей, проживших бурно. На пути домой мы заметили между деревьями бедную женщину, с мешком под мышкой, искавшую набрать корней. На что этот корень? спросил я. «Дети будут пить вместо чаю», отвечала она. Ее избавили от труда. Встреча с сосланной в лесу доставила помощь ее семейству, как встреча ангела в пустыне доставила Агари воду для ее сына.

VI

C. S. Моя жизнь проходит попеременно между видимыми существами, которые меня не понимают, и существом невидимым, которого я не понимаю. Египетский мрак скрывает его от моих глаз; но я угадываю его красоту. Я слышал шелест его крыльев в ту минуту, как убийственный свинец притупился в моем теле; я провидел отблеск его взора, когда острие меча отклонилось от моей головы. Кто сопутствовал мне на дно темниц? Кто облегчил тяжесть моих цепей и исцелил мои раны? Невидимое существо, бодрствующее над моей судьбою. В ожидании, когда явится передо мной после моей смерти, оно окружает меня знаками своего присутствия. Хижина в изгнании имеет для меня всю прелесть родительского крова; я спокоен посреди опасностей, независим в неволе, счастлив в уединении. Теперь я истинно сознаю, что господь ниспослал своего ангела, что он освободил меня от руки Ирода и от всех преследований народа израильского.

VII

C. S. По мере того, как идеи зреют в народе, его внимание естественно обратится к истории тайного общества. Общественное мнение развивается быстро, когда над ним лишь надзирают, не направляя его. Скоро придется воспретить косвенную похвалу, как для виду было воспрещено порицание, о котором никто не думал. Это естественный ход в политике. Когда вопрос не разрешен, а только замят или обойден, то он всплывает опять, порож-

дая неожиданные затруднения, в начале вовсе не существовавшие. Внушите своим сыновьям, чтоб избегали споров об этом предмете; особенно, чтоб не было речи обо мне в их разговорах: молчание единственный ответ, приличный суду гроба *. Политика такая же специальность, как и медицина. Бесполезно вмешиваться в нее без призвания, нелепо увлекаться ею. После лекаря против воли нет ничего смешнее как политик против воли. Между нами есть такие. Не зная, за что́ приняться, они разыгрывают раскаянье. Как будто можно допустить раскаянье в науке! Люди раскаиваются в пороке, недостатке, слабости, а не в идее, которую стоит исправить, если доказательства достаточны. Прежде думали, что солнце вертится, пока наконец открыли, что вертится земля. Последняя система была принята всеми, и никому не вошло в голову раскаиваться. Что́ касается до кающихся, о которых речь, они не могут вменить себе в заслугу даже перемену мыслей, потому что у них никогда не было мысли ясной и установившейся. Я до сих пор не понимаю, как мы могли и из чего искали обманывать себя на их счет. Это избиение младенцев. Укажем на другой род людей, на помилованных по нашему делу. Их тактика, сшитая на живую нитку, может быть опасна для неопытности. Одни берут на себя роль угнетенных патриотов и возбуждают к себе удивление в своем околодке изданием книг, которых никто не читает, и попечительством над школами живописи. Иные, заняв высшие места, роняют правительство своей неспособностию, или рвением отступника, раздражающим умы. Эти люди вообще заслуживают жалость и забвение. Я сорвал с них личины, чтоб показать их моим племянникам, подобно тому, как выставляли напоказ пьяных илотов перед спартанской молодежью.

VIII

С. S. Я одобряю ваше намерение послать старшего сына на Кавказ в действительную службу. Южные границы в числе наших жизненных вопросов. Из глубины ссылки моя мысль переносится часто на берега Черного моря и пробегает три боевые линии, начерченные русскими штыками в стране, которую некогда опустошал римский меч. Русским, призванным к не менее важной роли, представлялся в 1557 выбор между двумя направлениями для развития их материальных сил: на север и на юг. Дав предпочтение первому, правительство приобрело прибрежье двух второстепенных морей и мало удобного океана. Второе направление вело к более существенным результатам. Это была мысль Адашева и Сильвестра. Ее исполнение начало расширяться с полвека тому назад, постепенными завоеваниями, отодвигавшими южную границу. Каждый новый шаг на север заставляет нас входить в сношения с европейскими державами; каждый новый шаг на юг заставляет эти державы входить в сношения с нами. В политическом отношении взятие Ахалцыка, важнее взятия Парижа. Если дела замедляются на Кавказе, то это надо приписать неспособности людей, стоявших один за другим во главе войска и управления. Победитель эриванский один отделяется по своим военным способностям от тех людей

* Надо читать: «толпы» (см. наст. изд., с. 10).

старой школы. Но не довольно еще одержать победу, надо организовать страну. А система, принятая с этой последней целью, по-видимому, ошибочна, ибо она не удалась ни в западных равнинах, ни на юге в горах. Не имея разумного основания, она в силах лишь спаять раздробленные части. Как бы ни было, служба на Кавказе представляет вашему сыну случай изучить военное искусство в его различных отраслях и принять деятельное участие в деле высокой важности для будущих судеб его земли.

IX

С. S. Мое прозвище изменялось во время тюремного заключения и в ссылке, и при каждой перемене становилось длиннее. Теперь меня прозывают в официальных бумагах, *государственный преступник находящийся на поселении*. Целая фраза при моем имени. В Англии сказали бы просто такой-то из оппозиции. Ведь таково в сущности мое политическое значение. Я не участвовал в возмущениях, приличных гробу *, ни в заговорах, приличных рабам. Мое единственное оружие — мысль, то согласная, то в разладе с правительственным ходом, смотря по строю, который по ней придется. В последнем случае не из чего пугаться. Оппозиция свойственна всякому политическому устройству. И при теперешнем порядке вещей в России есть своя оппозиция; только обнаруживается она поездками за границу или жительством в Москве, и состоит из людей, доказавших свою неспособность или наворовавших на службе. Надеюсь, вы меня не смешиваете с этими господами, что бы ни вздумали сказать, написать, или напечатать на мой счет. Хотя я не гоняюсь за мнением света, но по свойству наших сношений должен ценить ваше.

X

С. S. Министерство народного просвещения обращает на себя наше внимание рвением, какое обнаруживает оно в различных отраслях своего управления, и блистательными результатами, какие себе приписывает в своих изданиях. Так как единственным подтверждением его слов служит число вновь устроенных школ и учащихся в них, то необходимо обратиться к органическим началам для уразумения хода современной образованности. Министерство объявляет, что его основной мыслью есть одновременное развитие православия, самодержавия и народности. Но оно не сочло нужным упомянуть, что эта мысль не нова. Лет пятьдесят тому назад один профессор Московского университета поместил ее в учебной книжке для руководства в своем классе. Ученый муж сделал это спросту. Он философствовал, как мещанин во дворянстве говорил прозой, сам того не подозревая. Но вот его мысль, потонувшая в забвении, вдруг всплывает и обращается в критериум для министерства народного просвещения. Постараемся разобрать три заключающиеся в ней начала и определить их взаимные отношения.

Религия не дает предпочтения ни самодержавию, ни иному образу правления. Она одинаково допускает все формы и очищает их, проникая своим духом. Она стирает народности, как и всякое различие между людь-

* Надо читать: «толпе».

ми, ибо объемлет весь род человеческий, не отличая рабов от свободных, Израиля от язычников. К тому же у религии свои служители, которым исключительно вверено ее распространение; и светская власть, присвоивающая их обязанность навлекать на себя наказание. Перейдем к самодержавию. Эта политическая форма имеет и свои выгоды, и неудобства. Остается доказать, почему она для русских предпочтительней других правлений, и всегда ли они одинаково будут ее предпочитать. Народы, которые нам предшествовали на поприще образованности, начали также с самодержавия и кончили тем, что заменили его конституционным правлением, более свойственным развитию их сил и успехам просвещения. Так как усилия министерства клонятся к тому, чтоб сравнять нас с этими народами и даже превзойти их, то весьма может статься, что те же преобразования, по тем же причинам, сделаются необходимостию для русских. В таком случае следовало бы отложить в сторону одно из основных начал образованности. Принцип народности требует пояснения. Если под нею разумеют общность обычаев, нравов, законов, всего общественного устройства, то она изменялась сообразно различным эпохам нашей истории. Баснословные времена, монгольское иго, период царей и потом императоров образуют столько ж различных народностей. Которой же из них дадут ход? Если последней, то она скорей чужая, чем наша. Вывод из этих общих размышлений тот, что три начала, составляющие теперешнюю систему образованности, разнородны, бессвязны и противоречивы по своим результатам. Их бы можно заменить одним началом. Это было бы религиозней, потому что скромнее; самодержавней, потому что болтливость противна духу самодержавия; наконец народней, потому что выражено народной поговоркой.

XI

C. S. Пожар в деревне, где стоит ваш гусар, случай весьма обыкновенный, о котором вы перестанете думать, когда получите это письмо. Он едва бы мог занять место эпизода в моем бурном существовании. Ваш сын исполнил долг, вынеся, с опасностью жизни, ваш портрет из пламени. С живым сожалением узнал я о смерти моего политического противника, председателя государственного совета, гр. Новосильцова. Я восставал против принятой им системы, когда он управлял делами в Варшаве, системы, имевшей такие печальные последствия для царства и для империи. Но разность политических мнений не мешает мне отдать ему справедливость. У него было много ума, большой навык в управлении и пламенное рвение к народному делу. Какая противуположность в наших судьбах! Для одного — место казни и история; для другого председательское кресло в совете и адрес — календарь. Упоминая о нем в этом письме, я открываю для его имени единственную возможность перейти в потомство.

XII

C. S. После долгого заточения память производит лишь неясные и бесцветные образы, подобно планетам, отражающим лучи солнца, но не передающим его теплоты. Однако у меня сохранились сокровища в прошед-

шем. Я помню наше последнее свидание в галерее — N⟨ского⟩ замка. Это было осенью, вечером, в холодную и дождливую погоду. На *ней* черное тафтяное платье, золотая цепь на шее, а на руке браслет, обставленный изумрудами, с портретом предка, освободителя Вены. Ее девственный взор, блуждая вокруг, как будто следил за причудливыми сгибами серебряной тесьмы моего гусарского долмана. Мы шли вдоль галереи молча; нам не нужно было говорить, чтоб понимать друг друга. Она казалась задумчивой. Глубокая грусть проглядывала сквозь двойной блеск юности и красоты, как единственный признак ее смертного бытия. Подойдя к готическому окну, мы завидели Вислу; ее желтые волны были покрыты пенистыми пятнами. Серые облака пробегали по небу, дождь лил ливнем, деревья в парке колыхались во все стороны. Это беспокойное движение в природе, без видимой причины, резко отличалось от глубокой тишины вокруг нас. Вдруг звук колокола потряс окна, возвещая вечерню. Она прочла ave maria, протянула мне руку и исчезла. С этой минуты счастье в здешнем мире исчезло также. Моя жизнь, потрясенная политическими бурями, обратилась в беспрерывную борьбу с людьми и обстоятельствами. Но прощальная молитва была услышана. Душевный мир, которого никто не может отнять, последовал за мною на место казни, в темницы и ссылку. Я не сожалею ни об одной из своих потерь. Правнука воина является мне иногда в сновидениях, и чувство, которое бы ей принадлежало исключительно, растет и очищается, распространяясь на моих врагов.

XIII

С. S. Рота солдат пришла вчера вечером в деревню и остановилась на ночлег. Она конвоирует одного осужденного на смерть, которого гонят пешком из Иркутска на Александрийскую фабрику, где совершится казнь. Сегодня с рассветом отправился я в острог. Осужденный сидел в заднем каземате, на земле, с кандалами на ногах, прикрытый лишь грязной и изношенной рубахой. У него даже не было соломы для изголовья. Он голодал, и обрадовался при виде завтрака, который я принес. Но ему мешали есть и слушать мои слова утешения. Я готовился встретить у него священника, и нашел одних солдат, да казаков. Видя, что страже хотелось меня удалить, он сказал: поминайте меня в ваших молитвах. Между тем барабан собирал роту, рассеянную по деревне. Час спустя она выступила, продолжая свое погребальное шествие. Через два дни страдания и жизнь приговоренного кончились вслед за экзекуцией. У нас нет внимания к человеку, осужденному законом. Мы забываем, или скорей — не ведаем, что приговором над ним он очищен перед обществом, и что его смерть так же нужна, как и жизнь его судьи. Роды казни, в употреблении у нас за высшие преступления, отзываются варварством времен прошедших. Это тоже смертная казнь, только исподволь. Она оскорбляет разум, возмущает человеческое чувство и унижает судебную власть, подчиняя степень приговора произволу палача. Если для очищения уголовного судопроизводства нужно время и успехи просвещения, для перемены рода наказаний нужно лишь действие разумной воли. Первый шаг к этой цели есть указ,

воспрещающий уродовать человека. Вторым шагом было бы постановление разом лишать его жизни и не длить страшных и бесполезных предсмертных мучений. В то время как ареопаг молчит, слабый голос раздается из глубины ссылки, отстаивая права человечества. Vox.

XIV

C. S. Вещи и книги, полученные мною, пришли перепорченными по небрежности или тупоумию почтового департамента, которому вы их вверили. Такое нарушение общественного доверия происходит от того, что эта важная отрасль управления превращена в синекуру и отдана на кормление царедворцу старой школы, который при нескольких государях занимал с большим или меньшим успехом должность шута. Старая школа вообще ни к чему не годна. Вверьте ей армию, она ее загрязнит; поручите дворец, она его сожжет; предоставьте поезд*, она его изгадит. Слышу, что некоторые из наших политических ссыльных изъявили желание служить рядовыми в Кавказской армии, в надежде помириться с правительством. По моему, неблагоразумно идти на это, не подвергнув себя наперед легкому испытанию. Следовало бы велеть дать себе в первый день пятьдесят палок, во второй сто, а в третий двести, что бы в сложности составило триста пятьдесят ударов. После такового испытания уже можно провозгласить dignus, dignus est intrare in isto docto corpore.

XV

C. S. Министерство государственных имуществ представляет собой величавое зрелище развития жизненных начал и свободных учреждений. Круг его деятельности объемлет все степени общественной лестницы и простирается на весь народ, начиная с крестьян в общине и нисходя до племен, кочующих в сибирских пустынях. По свойству вещей оно придет к двум положительным результатам: к увеличению материального благосостояния страны, во сколько это возможно при сложном управлении, облеченном неограниченной властью, на место политических ручательств; и, — что еще гораздо важней, — к приготовлению народа для принятия тех ручательств, вследствие огромного числа идей, которые чрез новые меры войдут в обращение. Бросим взгляд с этой двойной точки зрения на составные части нового министерства. Повсеместный недостаток нашей администрации повторяется и тут: число центральных чиновников доходит до 618. Умственная работа совершается не с помощью толпы. В избежание подробностей, мы ограничимся замечанием, что число врачей безмерно, один на 154 1/2 чиновника. В войсках, где болезни часты, не считая ран, обыкновенно бывает один лекарь на тысячу человек, нередко даже один на две тысячи. На водах, куда изо всей Европы съезжаются больные, не бывает столько врачей. И, несмотря на то, еще устроивается госпиталь для чиновников. Заботливость «мнимого больного» о сбережении своего здоровья не заходила так далеко. Судебная часть кажется несовместной с исполнительной властью. Как судилище министерство становится судьею

* Надо читать: «доверьте посылку» (см. наст. изд., с. 36, 40).

в своем собственном деле или средней инстанцией, лишь замедляющей производство. В большей части отделений встречаешь с удивлением: отделение мундиров о бок с отделением веры, нравственности о бок с тайной перепиской. Наконец, есть и ученый комитет, который обходится в 40 тысяч рублей и которого цель недостаточно определена; ибо, в сущности, его занятия заключаются в распространении необходимых сведений между чиновниками; в наблюдении за ходом политической экономии, для сообщения министру; в представлении задач и в заранее условленной плате за истины, в которых оказывается надобность. Очевидно, что при назначении образованных чиновников и министра, который бы не нуждался в сообщаемых сведениях, министерство само бы могло открывать истины, не покупные ни в каком случае, и тем значительно бы сократило годовые расходы. Общий бюджет простирается до 1,216,694 рублей, считая жалованья министру и его совету. То, что было бы сбережено из этой суммы, пошло бы на пользование больных чиновников, на починку старой мебели и на покупку новой. Все это не очень утешительно. Так как я был особенно близок с теперешним министром, то я прошу вас прислать все, что касается до его действий, а также журнал министерства, когда он станет выходить, для того, чтоб я мог следить за общим ходом дел. Мысль... * меня сильно занимает.

XVI

C. S. Моего друга *Вайну* ** ужалила змея в последний раз как мы охотились в лесу. Теперь он лежит у моих ног, с пеной у рта, с трудом переводя дыхание; но при моих словах виляет хвостом и на меня смотрит, словно понимает мою речь. Имя друга приличнее этому животному, чем людям, которые его себе присвоивали. Люди испугались, когда гроза разразилась над моей головой, и убежали от меня, поджав хвост. Идея общественного возрождения смутила и другов, и недругов. Ослепленные внезапным светом, они не заметили, что в ней скрыто их общее благо. Я боролся против системы, принятой в Польше, и обнаружил ее гибельные последствия. Меня осудили на смерть. Четыре года спустя Польша восстала, власти низвергнуты, крепости сданы, русские войска прогнаны. В это самое время держали на запоре человека, который предсказал грозу и мог ее отвлечь.

XVII

C. S. Удовольствие, всегда доставляемое вашими письмами, было помрачено вестью о случившемся с полковником Д. Положение трудное; но вы слишком берете его к сердцу. Нападение разбойника вовсе не наносит бесчестия. Не во власти людей позорить нас, когда мы того не заслуживаем. Я был под виселицей и носил кандалы. И что ж, разве я тем опозорен? Мои политические противники не того мнения. Они были вынуждены употребить силу, потому что не имели иного средства для опровержения моих

* Далее: «о кадастре» (слово, не разобранное переводчиком текста в ПЗ).
** Надо читать: «Варку».

мыслей об общественном улучшении. Что же касается до полковника Д., он может теперь окружить новым блеском прямоту свою и честь, испросив помилование убийце, или дать ему средства существования, если уж он осужден законом. В замену ваших житейских треволнений я могу вам сообщить добрые вести. Мои часы проходят в тишине кабинета или в созерцании красот сибирских лесов. Удивительная постепенность счастья! Чем ближе к цели своего плаванья, тем попутнее становятся ветры. Нечего тревожиться, если облака снова собираются на горизонте. Эта буря пройдет, как и все другие, и только ускорит мой вход в гавань.

XVIII

С. S. Министерство народного просвещения верует в самодержавие как в догмат и, располагая мощными средствами, двигает ими для его укрепления. Оно не перестает проповедывать, что этот образ правления был во все времена господствующею мыслию народа и что он единственный путь к спасению в настоящем и единственное ручательство для будущего. Писатели на жалованьи сочиняют книги в пользу этого предположения, а полиция подкрепляет их своими рукоплесканиями. Но нужен иной язык, иные доказательства, а пуще всего — иное управление, чтоб заставить 50 миллионов людей принять начала, которые нам нравятся. Ибо народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание. Доказательством, что он мыслит, служат миллионы, тратимые с целью подстеречь мнения, которые мешают ему выразить. То, что прежде всего представляется уму, есть необходимость поверить, точно ли провозглашения министерства согласны с прошедшим. Император Александр, даруя полякам конституцию, обещал перед лицом Европы распространить благодеяния представительного образа правления на все народы, вверенные провидением его заботам. Эта высокая надежда русских получила значение нравственной достоверности после манифеста 12 декабря, 1825. Проникнутые чувством благодарности за щедроту своих царей, они ожидали с безграничным доверием исполнение дважды обещанного. Но вот министерство просвещения объявляет им, что более уже нечего ждать, что теперешнее устройство достаточно, и что желать иного есть преступление; причем оно даже не намекает, каким актом воля двух государей была отменена. Когда события говорят так громко, бесполезно пояснять их. По какому праву министерство, присвоивая себе законодательную власть, похищает у народа самые дорогие его надежды? Если поляки и злоупотребили благодеяния своих царей, то следует ли из этого подвергать русских одному с ними наказанию? Наконец, внушая им недоверие к царскому слову, думает ли оно тем приучить их к самодержавию? Впрочем, министерство право, отвергая представительный образ правления, ибо голос ссыльного, затерянный теперь в сибирских пустынях, раздался бы тогда на трибуне, чтоб уличить его в нарушении пределов власти — когда оно вмешивается в дела религии; в уничтожении плода собственных усилий — когда делает неспособными возникающие поколения пользоваться благами, которые правительство им готовит; в проповедании русской народности на языке вовсе не русском.

XIX*

Милостивая государыня, письмо, которое вам угодно было написать, возбудило во мне чувства, сыздавна чуждые моему сердцу. Если неожиданное счастье имеет над ними столько власти в обыкновенных случаях жизни, то судите, что я испытал, получив посреди сибирских пустынь такое драгоценное свидетельство вашей ко мне дружбы. Я радуюсь, что мои письма к сестре вас занимают. Они служат выражением тех убеждений, которые повели меня на место казни, в темницы и в ссылку. Я смею надеяться, что вы, судя беспристрастно, найдете их не только не разрушительными, но, напротив, клонящимися к упрочению основ общественного порядка, через очищение от посторонней примеси, и вместе с тем ищущими разъяснить жизненные вопросы, которых решение существенно важно для благосостояния государства. Гласность, какою пользуются мои письма чрез многочисленные списки, обращает их в политическое орудие, которым я должен пользоваться на защиту свободы. Ваша лестная память обо мне будет служить для меня могучей подпорой в этой опасной борьбе.

⟨ЛУНИН О СОБЫТИЯХ 1825 ГОДА⟩

ИЗ «ОБОЗРЕНИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ» М. А. ФОНВИЗИНА

Мне рассказывал покойный М. С. Лунин, бывший очевидцем, следующее обстоятельство: в Варшаве, когда в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Константин получил известие о смерти императора Александра, он, верный своему отречению, намеревался на другой день собрать полки Литовского корпуса, гвардейские и армейские, бывшие тогда в Варшаве, чтобы привести их к присяге имп⟨ератору⟩ Николаю [1]. Начальники этих войск, любимцы в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩, никак не хотели допустить того, желая видеть его самого императором, чтобы пользоваться его милостями и благоволением. Накануне принесения присяги все эти господа собрались у больного генерала Альбрехта [2] и приняли единогласно решительное намерение заставить все полки вместо Николая присягнуть Константину и насильно возвести его на трон. На это дал согласие и д⟨ействительный⟩ т⟨айный⟩ сов⟨етник⟩ Новосильцев [3], который тогда заведывал высшей администрацией Царства. Но бывший в собрании русских генералов граф Красинский [4] тайно предупредил цесаревича об этом намерении и помешал приведению его в исполнение. Сам великий князь на другой день лично приводил к присяге Николаю I все полки [5]. А без этого план генералов непременно бы состоялся. М. С. Лунин сам присутствовал при этом совещании.

---

* К кому относится это письмо, в рукописи не сказано (примеч. редакции ПЗ).

Е. С. УВАРОВА — И. С. ГАГАРИНУ
‹ПИСЬМО-ВОСПОМИНАНИЕ О М. С. ЛУНИНЕ›
(перевод с французского)

Вы спрашивали у меня, князь, сведений о моем возлюбленном незабвенном брате!.. Увы, я могу дать вам лишь прилагаемые стихи, которыми его несчастье вдохновило мою престарелую музу!

Ведь я была далека от мысли, что такой литератор, как вы, князь, такой, одним словом, человек, как вы, соблаговолит предпринять шаги к реабилитации его памяти и изданию его биографии [1], что было бы источником утешения для его несчастной сестры! — Соблаговолите принять весьма недостаточные выражения самого глубокого уважения, которое вы внушаете преданной вам

Екатерине Уваровой

Четверг, 9 февраля

Я не помню года рождения моего брата Михаила Лунина, но вот его число:

В этот день — декабря восемнадцатого
Родился мой любимый брат [2],—
Каким этот день был для нас некогда праздником!
Гордо и радостно подымал голову отец:
Он гордился подобным сыном,—
Помню, как будто это было вчера.
Я также посвятила ему культ
В сокровенном храме своего сердца.
Вскоре в нем заблестели
Все умственные дары — тысяча прелестей:
Молодая душа была благородна, нежна и горда,
Лицо было красиво, внушительно и строго;
Манера говорить была краткая и резкая,
Ум — глубокий и живой.

Пятнадцати лет поступив в кавалергарды, он в семнадцать лет проделал Аустерлицкую кампанию и имел горе видеть смерть своего младшего брата Никиты, смертельно раненного под Аустерлицем; затем он проделал славные кампании 1812, 1813 и 1814 годов. Следуя обычаю того времени, у него было несколько дуэлей, но он никого не убил. Однажды за обедом с несколькими товарищами, в том числе графом Алексеем Орловым, кто-то высказал предположение, что, так как граф за сто шагов тушит свечу, никто не пожелает с ним драться, после чего Михаил вызвал графа, говоря, что он принужден с ним драться из боязни быть сочтенным за труса. Дуэль состоялась на следующий день, и Орлов пронзил его шляпу и отрезал прядь волос [3]. От его последней дуэли у него осталась в теле пуля, которую докторам так и не удалось отыскать, а он, посмеиваясь, говорил им: «ищите, ищите хорошенько, вы не найдете денег». Будучи уволенным вслед-

ствие этой дуэли [4], он просил великого князя Константина снова принять его на службу, на что великий князь предложил ему вступить в армию в том же чине капитана; это заставило Михаила (согласившегося на предложение) сказать: «Еще одна милость, и я стану б у т о ч н и к о м» *. Позднее великий князь перевел его в гвардию в гродненские гусары [5] и оказывал ему всевозможные милости; именно тогда великий князь дважды предупреждал его о том, что он будет арестован (говорят даже, что он обещал ему спасти его, если он назовет некоторых товарищей). Михаил отказался и в Петропавловской крепости сказал мне, что не захотел воспользоваться случаем бежать [6]. Он никогда не вербовал новых членов и перенес свое несчастье не только без ропота, но со смехом! Он просил графа Закревского, тогда управляющего Швецией, дать ему зонтик, чтобы защитить себя от дождя в своей тюремной камере в Свеаборге, в которой он провел два года в ожидании очной ставки с поляками [7]. Будучи отведен в Сибирь в кандалах, он говорил: «Видно, что государь любит музыку, п о т о м у ч т о о н м н е п р и в я з а л т а к и е к у р а н т ы» *. По прибытии в Сибирь он не захотел воспользоваться данным всем остальным разрешением не работать и продолжал молоть на мельнице. Ни его веселое настроение, ни постоянные шутки — ничто не мешало его товарищам избирать его судьей во всех их разногласиях. Получив разрешение писать мне, он взял перо лишь для того, чтобы поддержать свое дело; ему запретили мне писать в течение года, по прошествии этого времени он продолжал писать с еще большим рвением; наконец, одна из его работ была перехвачена и представлена государю,— и мой брат подвергся второму изгнанию в изгнании! Его перевели в А к а т у й на китайскую границу! Он гулял там по коридору, в котором преступники были прикованы к стене! Он употреблял свое природное красноречие на то, чтобы утешать их, проповедовать им религию, пробуждать в них укоры совести и давать им надежду на лучшую жизнь! Смерть настигла его 3 декабря 1845 г. Утром он охотился; вернувшись к себе, он лег, чтобы уже более не вставать: слишком рано закрыли печку, и он угорел! [8] Незадолго до этого католический священник [9] приносил ему святые дары.

Бывают воспоминания о смерти,
Погружающие сердце в тьму,
Которые ничто не может вычеркнуть,
Но я люблю представлять их себе,—
Увы! это последнее мрачное достояние,
Оставшееся мне от прошлого!
Без них мое одинокое сердце
Станет еще более неутешным!
У меня был отец: его нежность
Сделала мою юность счастливой;
У меня было два брата,—
Я обожала их и гордилась ими.
Они были добры, были храбры,
Прекрасное не имело для них препон

* В оригинале эти слова по-русски.

И в основе наших отношений
Лежала нежнейшая привязанность.
Ребенок-мученик, мой младший брат
Пал жертвою войны *.
И скорбь моя была горька!
Другой был приговорен к изгнанию.
Имя этого брата было Михаил.
Он был славой для своего отца:

Природа в изобилии одарила его многочисленными дарами:
Высокого роста, с благородным лицом,—
На нем была печать гения
И ему принадлежали сердца всех.
Михаил — имя магическое,
Звучное и поэтическое,
Смысл его возвышен и глубок
И мысль им смущается!
Переведенное на еврейский,
Этот пророческий язык,
Имя Михаил означает «равный богам»,—
Можно ли носить более блистательное имя?
Его жизнь была безупречна
До той прискорбной поры,
Когда ум его был охвачен
Увлечением демагогией.
Он мечтал для всех себе подобных
О свободе на основе твердых законов.
Он посвятил все свои усилия,
Все доводы красноречия
Победе и славе
Святейшей из истин.
Увы, оплачем несчастную судьбу его
Слезами, подобающими его памяти!
Будучи приложима в других местах,
У нас эта система была недопустима
И для нашей родной страны
Была бы только роковой.
Его мысли были подслушаны,—
И позднее так полно им искуплены!
Но он показал все свое достоинство,
Перенося свое ужаснейшее несчастье
С совершенным стоицизмом
И героизмом христианина.
Он подвергся бесславному наказанию

* Мои братья поступили в кавалергарды: старший — Михаил, 15 лет, а второй — Никита, 14 лет! Этот последний был смертельно ранен под Аустерлицем и похоронен в Голице в Моравии в бернардинском монастыре; он умер 16 лет 9 месяцев.

Полного лишения прав;
Но эта тяжелая судьба
Не произвела на него иного впечатления,
Как только увеличила его гордое мужество;
Заброшенный в дальние места,
Он сумел завоевать там сердца всех
И даже найти там счастье.
Небо положило конец его существованию,
Чтобы прекратить его страдания.
Войдя в его печальную тюрьму,
Его увидели со склоненной главой
Перед распятием обожаемого Христа:
Смерть застигла его во время молитвы,
Он ушел ждать меня на небе!

Эпитафия на могилу моего брата Михаила Лунина, умершего в Сибири 3 декабря 1845 года[10]

Увы! простой холм
Указывает место, где он был положен,
Не освещенный молитвой,
Не посещаемый своими друзьями!..
Но ночью внезапно там виден
Блестящий свет,
Там слышен шум,
Точно от прохладных фонтанов.
Это журчат слезы,
Проливаемые небесными духами,
Этот блестящий свет указывает,
Где покоятся останки святого мученика.
Как имя этого мученика?
Увы! увы, я должна умолчать о нем!
Немой холмик, обложенный дерном,
Скрывает урну с его прахом.
Где же место его могилы,
Место, покинутое его друзьями?
Это место называется Сибирью,
Здесь свирепствуют морозы.
Место пустынное — ужасное место изгнания,
Недоступное для путешественников,
Таково место, где он был положен,
Место, запретное для его друзей.
Около этого места нет даже храма,
Одни только ангелы охраняют его,
С высоты небес бог на него взирает,
И посередине стоит крест.

Его сестра Екатерина Уварова,
рожденная Лунина.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Ф. УВАРОВА

Бесхарактерность, к несчастию, кажется, характер наших добрых декабристов, а, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, характер нашей

козлиными брадами
Лишь пресловутой стороны *.

Сегодня 16/28 сентября

мы были у Нарышкиных (ул. Эльдер, 8). Какой прекрасный и добрый старик Мих⟨аил Михайлович⟩ ** Нарышкин — что за славная старушка его жена, урожд. гр. Коновницына [1].— Нарышкин не молчалив как С. Волконский и Валерьян Голицын (и, к сожалению, несколько поверхностен). Супруги говорили наперебой — но как трудно узнать от них что-либо существенное, и если только история их стремлений вообще возможна, как необходимо искать другие источники! Все же лучше мало, чем ничего! Начнем с того, чем начали они! Это мой замечательный дядя Лунин, о котором они сохранили яркие воспоминания. Нарышкин был с ним сперва в Чите, а затем в Петровском остроге. Они были на каторжных работах, летом таскали песок, зимой мололи зерно. Они это делали, чтобы не заслужить даже тени упрека — но это вовсе не требовалось, их начальником был добрый Лепарский [2], который, говоря с ними, всегда обнажал голову и задавал тон всем окружающим. В течение 1 1/2 лет они носили цепи — кандалы на ногах, прикрепленные к поясу. В Чите они жили в тесноте, по 6 человек и более в одной камере, но Петровский ⟨завод⟩ был уже подготовлен заранее и здесь каждый имел свою камеру. Жены их жили по соседству. В Чите они виделись 2 или 3 раза в неделю. Тогда товарищи мужа, которого посещала жена, покидали камеру — но свидание происходило в присутствии офицера. Обычно офицеры, вышколенные Лепарским, так же покидали комнату свидания. Однако один из них, некий Дубинин, однажды не сделал этого во время свидания Никиты (Мих⟨айловича⟩) Муравьева с женой Александрой Григорьевной (урожд. гр. Чернышевой). Супруги беседовали по-французски. Дубинин потребовал, чтобы говорили по-русски. Тогда Муравьева предпочла расстаться раньше времени с мужем — она простилась с ним тоже по-французски и пошла к двери; Дубинин хотел взять ее за руку — она уклонилась... В соседней комнате слышен был шум этой борьбы; Захар, брат г-жи ⟨Муравьевой⟩, вышел мертвенно-бледный в коридор, Нарышкин с ним, они увидели г-жу Муравьеву, тоже побледневшую; Захар бросился на Дубинина, Нарышкин вытолкнул его наружу и воззвал к благоразумию грубияна (впрочем, Нарышкин и жена его говорят, что вообще-то он был славным малым), и к счастью — потому что, в отсутствие Лепарского, эта сцена, имей она какие-нибудь

* Стихи по-русски.
** В тексте ошибочно Мих⟨аил⟩ Ник⟨олаевич⟩.

последствия, могла бы попасть в журнал несчастных и отразиться на их будущем [3]. Это единственный случай, похожий на проявление недостаточного уважения и даже сочувствия к этим благородным обездоленным.

Мой дядя Мишель выходил мало; нужно было постучать в дверь, прежде чем войти к нему. Слышно было, как он читает молитвы. Он всегда открывал,— и перед вами был добрый товарищ, светский человек, религиозность его никак не проявлялась (он не ел ни мяса, ни рыбы — говорил, что без такой диеты на стены лез бы; в своих дуэлях раскаивался).

Он рассказывал о своем пребывании в Париже [4]. После того, как он принял вызов вел. кн. Константина (этот вызов был ему брошен в Петербурге; Кржинский [5] в свое время говорил о каком-то месте вблизи Лейпцига), он оставил службу вопреки воле своего отца. Тогда покойный Сергей Михайлович (упокой, господи, его душу) завещал ему только свою библиотеку — по словам Нарышкина, очень хорошую, насчитывавшую 3000 томов. Мишель разыграл ее в лотерею, распространил билеты среди своих товарищей и выручил что-то около 12000 р. (асс.). Он пустился в плаванье, противные ветры забросили его в Швецию. В Германии, пока хватало денег, он носил свою фамилию — во Франции у него уже не осталось ни гроша и он стал называть себя Сен-Мишель. Он жил в пансионе у некоей мадам Мишель, которая привязалась к нему. За столом она дала ему место рядом с собой — и каким столом! Тарелки, ножи, вилки — все это было приковано цепями,— тут впервые Мишель с ними столкнулся (цепи были сняты с заключенных * по случаю смерти Марьи Федоровны [6], да помилует ее господь). Он зарабатывал иногда по 10 франков в день писанием писем — он сделался публичным писцом и возил по бульварам свою будку на колесах. Он рассказывал, как ему случалось писать любовные письма для гризеток. Затем он переводил коммерческие письма с французского на английский. Он писал их, завернувшись в одеяло, не имея дров в своей мансарде. Наконец, однажды, когда он был за столом, послышался стук кареты по мостовой, привыкшей лишь к более или менее целым сапогам мирных пешеходов. Входит Лафитт, спрашивает у него имя, вручает ему 100000 франков. Лунин приглашает весь ошеломленный табльдот во главе с мадам Мишель на обед за городом, везет их туда в экипаже, дарит мадам кольцо — и по окончании обеда прощается с ними навсегда.

Один русский — кажется, Полторацкий [7] — приходит в исправительный суд, и кого же он там видит — Мишеля (он скрывался от русских), разглагольствующего в пользу кучера, привлеченного по обвинению в том, что он задавил прохожего. Мишель давал показания как свидетель в оправдание кучера, причем с таким красноречием, что бедный кучер был признан невиновным.

В тюрьме — как слышали Нарышкины в Урике — Мишель был очень занят своими мемуарами. Что с ними сталось — никто не знает. То, что я видел (смотри кн. XXVI, 119 и сл. [8]). Они должны были быть отосланы

* На полях: декабристов.

матушке — матушка никогда их не получала: она узнала об их существовании только от Бенкендорфа, который вызвал ее в 3-е отдел⟨ение⟩ и сообщил ей о новом преступлении Мишеля; [преступник Михайло Лунин, как (если не ошибаюсь) он был назван в уже упоминавшемся мною письме, в котором 3-е отд⟨еление⟩ сообщало матушке, что оно вынуждено запретить Мишелю всякое писание на один год и один день; — «преступник» — это канцелярский способ выражаться; Корваль [9] видел паспорт одного молодого человека, где тот был назван «сыном преступника» (политического)] * ей было сказано, что он подлежал расстрелу, но что это наказание заменено вторым заключением в Акатуйск. Говорят, что Мишель давал переписывать свои мемуары (которые должны были быть очень объемистыми) какому-то мелкому чиновнику; что тот начал хвастать своей работой, всюду ее показывать, и все открылось [10].

Нарышкины рассказывали еще, как Мишелю представлялись два случая к бегству. Вел. князь Константин уже получил приказ об его аресте, но тут Мишель попросил отпуск на неделю, чтобы поохотиться. Вел. кн⟨язь⟩ разрешил; когда Лунин уехал, адъютант вел. кн⟨язя⟩, грек Курута [11] упрекнул его за это разрешение, ввиду полученного приказа. «Я знаю Лунина, он не захочет бежать»,— ответил вел. кн⟨язь⟩. При отъезде Лунина вел. князь велел сказать ему, чтобы в знак старой дружбы он взял его собак. Вследствие этого, узнав о кончине вел. кн⟨язя⟩, Мишель сказал, что в знак благодарности закажет в Риме De profundis на год — что матушка, полагаю, и выполнила [12]. Матушка послала ему также крест с папским благословением, который он очень почитал. Мы получили его во время нашей поездки в Рим, через Зинаиду Волконскую [13]. Нарышкин, следовательно, ошибается в дате и не этот крест был из серебра, а библия с серебром в окладе, библия, которую матушка передала ему через Акулину [14].

У дяди в Свеаборге был еще один случай бежать. Местный комендант предлагал ему побег, но Мишель отказался, представив ему опасности, в которые его великодушие ввергнет его самого и его семейство. Причину первого отказа Нарышкин (и особенно его жена, часто его перебивавшая) видел в том, что Мишель боялся своим бегством поставить под угрозу судьбу своих товарищей и однодельцев [15]. Что касается других, то им, кажется, никогда не представлялась возможность бегства. Я заговорил на эту тему, желая привести пример того отважного поляка (Бениовского, кажется), который дошел до Мадагаскара [16] — но Нарышкин меня остановил. Куда он мог бежать? В Китай — но китайцы (как и персы) немедленно выдали бы их властям [17]. Один только Анненков — этот мог бы бежать. Его бегство готовилось умелыми руками, существом, прибывшим из страны, где конспирировать умеют, где умеют целеустремленно действовать и для самых дурных целей умеют выбрать средства поразительной глубины и энергии. Француженка, которая была к нему так привяза-

* Квадратная скобка от слов «преступник Михайло Лунин» до «политического» принадлежит автору.

на, сговорилась с капитаном американского судна об устройстве побега своему возлюбленному. Сторговались на 50 000 р. асс. Она обратилась к матери Анненкова, женщине, любившей одни только наряды, и с головой, набитой аристократическими предрассудками. Она никогда не пожелала увидеть молодую француженку. На этот раз, на просьбу о деньгах она ответила афоризмом, своей невероятностью достойным увековечения: «Невиданное дело, чтобы кто-то из Анненковых бежал». И сын ее пошел дорогой изгнания и каторжных работ [18].

Мой дядя Мишель хорошо знал различные языки, но не русский. На такой-то русский язык он вбил себе в голову перевести св. Августина. Но, по замечанию г-жи Нарышкиной, он не умел подбирать подходящие слова, напр. hortus он переводил как огород, не зная, по-видимому, слова вертоград (и припомнив польский ogrod, потому что польский, по словам Иск⟨андера⟩, (который, я думаю, узнал это от Кржинского) он знал в совершенстве, а стихами соперничал с самим Мицкевичем) [19].

Неужели невозможно что-нибудь найти из этого драгоценного наследия?

Наконец, они нам рассказали еще о его свидании с Пущиным Сергеем Ивановичем, прибывшим в их края в качестве инспектора. Кажется, это было уже в Акатуйске, а может быть, еще в тюрьме? Во всяком случае, Мишель принял его сперва очень холодно,— но когда С⟨ергей⟩ Ив⟨анович⟩ сказал ему, что пришел не как чиновник, что в этом качестве ему нечего здесь видеть, что он пришел приветствовать старого друга и товарища, Мишель бросился ему на шею [20].

Наконец, они рассказали нам о смерти моего дорогого дяди приблизительно так, как я об этом писал (XXVI, 104) [21].

В заключение Мих. Мих. сказал о нем, что он обладал исключительной силой характера, а Лизавета Петровна — что он пришел слишком рано. В общем супругам (и вообще большинству декабристов) в высшей степени свойственно умаление себя — эта столь типическая русская черта. Они оправдываются молодостью, неизвестно чем. Возражают они только против действия Комиссии [22]. И вот образцы. И прежде всего образец того, как был на скорую руку состряпан весь этот заговор.

Мих. Мих. Нарышкин учился (без мундира) на колонновожатого в Москве у Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩ Муравьева (покойного, отца монстра) [23] 100 дней. Его брат Нарышкин устраивает его в свой полк — Псковский пехотный. Они прибывают после битвы при Ватерлоо. Восторг, вызванный новыми идеями (а не тайными обществами, как говорится в донесении Комиссии). Вернувшись в Москву перед отъездом в Петербург в Семеновский полк (прежний), Мих. Мих. обратился к Александру Ник⟨олаевичу⟩ Муравьеву (здесь он высказал какие-то чувства по отношению к нему, которые я забыл) с просьбой дать ему какие-нибудь рекомендации к будущим товарищам — ему теперь 62 года, тогда ему должно было быть, посмотрим

1859	62	
1815	44	самое большее 18.
44	18	

Алекс⟨андр⟩ Ник⟨олаевич⟩ рекомендовал его Бурцову, кавказскому герою[24], и тот принял его в Общество Благоденствия. Устав общества, знаменитая Зеленая книга (многие статьи которой составлены Мих⟨аилом⟩ Ник⟨олаевичем⟩ Муравьевым — но где она, эта книга?)[25] — это выражение энтузиазма той эпохи по отношению к другим порядкам — впрочем, в ту эпоху вряд ли можно было даже представить себе режим Николая: присягу не приносили — достаточно было честного слова не раскрывать установлений общества — впрочем, все знали о его существовании. Кроме Бурцова, поплатившегося лишь потерей полка, которым он командовал в дни декабря, все, все сколько-нибудь порядочные люди были там. Так, впоследствии Нарышкин служил на Кавказе под командой своих старых товарищей Граббе, Вальховского[26], тоже членов этих обществ. Помимо беззакония судопроизводства Комиссии, она действовала непродуманно, и кроме случайных помилований, это была лотерея, в которой никто не выигрывал.

Они брали на себя обязательство продвигать друг друга на службе для блага государства, подготовлять лучшие порядки, углублять свое образование. По вечерам они посещали лекции лучших профессоров права (он мне назвал некоторых, нужно переспросить у него имена). Ко времени события Мих. Мих. был уже два года в Москве, женат (не знаю, где он служил). Он был взят и прибыл в Петербург, в феврале 1826. Его доставили между двумя жандармами в Манеж, находившийся тогда вблизи Зимнего дворца. Из Манежа как раз выходили

Царствует, а где же?
Целый день в Манеже *[27]

Многие его узнали, кто-то (опять провал в памяти) бросился к нему и несмотря на его предупреждение: «Я зачумлен, берегись», обнял его и начал с ним разговаривать. Затем их повезли в З⟨имний⟩ дворец к самому Николаю, который также разыгрывал следователя; царь встретил его словами: «Я рад, что недолго служил с Вами; я Вас тогда уже дознавал» (в каком полку они служили вместе — Измайловском — обман мундиров и полков, надо признать вместе с Огаревым,— явление древнее. Например, история вызова, принятого Луниным, происходит от того, что вел. кн. Константин ненавидел Кавалергардский полк и был привязан к Конной гвардии[28]). Отсюда его доставили в крепость, где он был заключен в синий павильон (под знаменем)[29]. Почти каждую ночь его вызывала Комиссия, он туда ездил закутанный в попону. Чтобы установить для него вину — ему, например, предъявили обвинение в цареубийстве, и на каком основании — потому что однажды Ник⟨ита⟩ Мих⟨айлович⟩ Муравьев пришел к нему совершенно растерянный и сказал, что некоторые предлагают расправиться с августейшей семьей! Он, следовательно, ⟨обвинялся⟩ на основании слов, услышанных им с неодобрением два года назад! Но формула

* Стихи по-русски.

присяги включает в себя донос на все, что против казенного интереса.

Я осведомлялся у него о действиях духовенства. Он имел дело только с порядочными священниками. Он даже подружился с некоторыми из них. Тот, что увещевал его в тюрьме, убеждал его ничего не бояться, а советоваться только со своей совестью и не выдавать своих товарищей. Тот, кто присутствовал при казни, пришел в слезах рассказать о ней заключенным [30]; даже подручные на площади были растроганы — С. Муравьев-Апостол, сорвавшись с виселицы, весь окровавленный от ушибов при падении, бросился на колени и молился за Россию и за того, по чьему приказу он должен был умереть. Бенкендорф, видя, что принимаются снова вешать этих несчастных, которых случай, казалось, должен был освободить, воскликнул: «Во всякой другой стране...» и оборвал на полуслове [31]. Руководил этим актом грубейшего варварства Чернышев, впоследствии князь,— на эту роль его назначили по праву.

Этот самый Чернышев, при помощи имп. Николая, потратил немало труда на то, чтобы получить майорат Чернышевых — так как законный наследник был на каторге, к кому же, как не к нему должен он был перейти. К счастью, случай политической смерти был предусмотрен основателем майората (кажется, дедом Захара,— маршалом времен Екатерины),— Чернышев просчитался. Ему пришлось проглотить презрение аристократии. Одна из самых знатных дам закрыла перед ним свои двери, тем не менее Чернышев втерся в ее салон; все сделали вид, что его не замечают. Хозяйка дома, в присутствии Чернышева, вызвала своего дворецкого и, указывая пальцем на этого господина, сделала ему строгий выговор за то, что его пропустили, несмотря на ее ясный приказ [32].

В ту же пору Чернышев посетил Меншикова [33], тогда еще бывшего в начале своей карьеры, сделавшей его признанным шутом Николая; он нашел его с ногами, обернутыми фланелью: «Это подагра, мой семейный майорат; а Вы, граф, любитель майоратов, этого бы не хотели?»

Надо было бы написать ист⟨орию⟩ наших казней. Вот одна, которую мне сообщил Корваль, должно быть, достоверная. Герой ее — лифляндец Крюднер. Это было еще в царствование Александра I; Крюднер служил в какой-то полицейской должности и руководил в этом качестве казнью нескольких несчастных. Они все были наказаны кнутом, потом начали было клеймить лица каленым железом (в других странах клеймят руку, спину,— у нас и у татар — лоб!). До этого момента все было заранее для него расписано — но тут оказалось, что третьей операции, вырыванию ноздрей, должна была подвергнуться только половина (4), а для остальных следовало ограничиться каленым железом... Забыли только отметить имена тех, кому предоставлялась привилегия сохранить орган обоняния... Экзекуцию задержали, чтобы справиться — не тут-то было! Г. Крюднер велел вырвать ноздри всем! Об этом случае довели до сведения императора, который, ужаснувшись, запре-

тил вырывание ноздрей — но клеймение осталось, и пощечина тоже (во всяком случае, палач применил ее к Павлову — убийце, мстителю за свою поруганную сестру, к Арбузову — в те времена это было лишь ⟨1—2 слова нерзб., текст расплылся⟩ способа, которым палач осуществлял право довершать посрамление!).

Но вернемся. Нарышкин и другие были под эшафотом, где с них сорвали эполеты и т. д.

И так пошел в страшные края*.

Мих. Мих. дает трогательные подробности о жизни, которую они вели в ссылке. Они образовали кассу для тех, у кого не было никого в России, или отвергнутых родными. Установили сумму в 500 р. асс. на расходы для одного человека в течение года. Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩ Пущин управлял этой кассой и пользовался таким доверием, что те, кто был помилован или кого лучшая доля перенесла на Кавказ, посылали ему деньги для бедных ссыльных в его полное и безоговорочное распоряжение. Кстати об Ив. Ив. — он умер; его брат С⟨ергей⟩ Ив⟨анович⟩ — о нем я говорил; другой его брат Мих⟨аил⟩ Ив⟨анович⟩ служил в саперных войсках (понтонеры), был отличаем императором Николаем и не принадлежал ни к какому обществу. 25 декабря он не пожелал присоединиться к своему полку — его разжаловали в солдаты и отправили на Кавказ[34].

Некоторые уточнения относительно Сибири. Молодой Коновницын уверил меня, что никто из его семьи не был расстрелян. Кроме того, в книге Огарева по поводу смерти Юшневского ошибка. Он умер внезапно на похоронах Вадковского (а не Н. М. Муравьева), позже кончины последнего[35].

Еще одна необыкновенная смерть — это смерть Ивашева. (Кстати, об Ивашеве. Его сыновья артиллеристы. Один оставил службу и окунулся в дела. В нынешнем или прошедшем году — мне об этом рассказывал Смельский, друг Ивашева — последний попросил у него свой паспорт,— или же, делать это ему было незачем,— Долгорукий[36] вызывает его самолично в 3-е отделение и предлагает дать подписку в том, что он не будет искать встречи с Искандером и даже не поедет в Англию. Ивашев возражает, что путешествие это предпринимается им для изучения английского искусства и английских авторов, но, как он ни отговаривался, вынужден был подписать, в Англию же он, разумеется, все же поедет. Кстати, о Долгоруком, его великолепно разыграл один студент — я это знаю от кн. Дмитрия Львова, который слышал об этом от Философова[37], одураченного вместе с Долгоруким. Этот студент посещал одно кафе в Петербурге и держал там зажигательные речи — повторив эту проделку в течение нескольких дней сряду, он однажды утром обращается к аудитории своих монологов (Дидро) и предлагает ей прочесть «Колокол» — он опускает руку в карман — и тотчас его арестовал некто из толпы его слушателей. Некто доставляет его прямо в 3-е отделение. На допросе у Долгору-

* Стихотворение по-польски: «I takim poszedł do strasznych guberni».

кого студент ничего не отрицает; на вопрос, откуда у него «Колокол», студент отвечает — от сестры, воспитанницы Смольного. Долгорукий потрясен—придя в себя, он просит, он приказывает студенту предъявить ужасное произведение, змею, сумевшую вползти в голубиное гнездо прославленного монастыря (о нравах голубятни — потом), и студент предъявляет... «Колокол»—перевод шиллеровского «Колокола», сделанный Ольденбургом! И что еще тут хорошо — кроме того, что натянули нос полиции, и студент нисколько не пострадал за свою шалость.

Стало быть — Ивашев. Его мать и сестры (одна из сестер была за Языковым, братом бессмертного поэта, человеком мрачным и грубым) делали для него все — вплоть до того, что не прикасались к плодам своих парников и посылали их ему засахаренными в Сибирь [38]. Они вспомнили, что дочь их гувернантки г-жи Дантю в свое время была неравнодушна к их брату. Эта страсть в добрый час разгорелась снова. Г-жа Ладыженская вспомнила даже об изнурительной болезни юной Клементины, болезни, которую она как будто рассматривает как драму, состряпанную мамашей Дантю. Девушка, якобы, призналась матери, что ее болезнь — сердечного свойства; что прежде, когда Ивашев был блестящим гвардейским офицером, она могла себя побороть — но теперь, зная, что он несчастен и т. д. Короче — ее отправили в Сибирь со всей возможной роскошью, и Ивашев на ней женился. На поселении — кажется, в Кургане — он имел несчастье ее потерять. Через год, как раз в день годовщины этой жестокой разлуки, он заказывает панихиду на ее могиле и внезапно умирает. Помилуй бог этих славных людей и прости их свирепого тирана! [39]

Мих. Мих. Н⟨арышкин⟩ был на поселении тоже в Кургане с З. Чернышевым и другими — всего, думаю, 8 человек. Его жена, кажется, совершила поездку в Россию для свидания со своей матерью. Между тем объявляют, что наследник, нынешний имп. Алекс⟨андр⟩ II, прибудет в Курган с В. А. Жуковским. Жандармский офицер (Нар⟨ышкин⟩, человек не злопамятный, забыл его фамилию), желая прислужиться, отдал приказ посадить всех ссыльных в острог на все время пребывания наследника. Но городничий (имени которого я не запомнил) на это не согласился, и, наоборот, Нар⟨ышкин⟩, пользуясь доверием головы, уговорил его поселить Жуковского напротив их дома, чтобы облегчить сношения. Были еще большие опасения — сколько пробудет наследник? К счастью, будущий самодержец ⟨остался⟩ на завтрашнюю литургию (это была Троица). У обедни его окружали декабристы — вел. кн. между Жуковским и Кавелиным (безумец и преобразователь), среди жертв отцовской жестокости проливал слезы [40] — впоследствии он их будет проливать в комнатах фрейлин, глухих к его вздохам! — А игра, которой он предавался — в чем его обвиняли (я слышал об этом от матушки) — в то самое время, когда отец его расправлялся с декабристами! Ах, как все изменчиво! Наконец, проходят месяцы, прибывает брат г-жи ⟨Нарышкиной⟩, гр. Коновницын, с новостью о помиловании и о том,

что все поселенцы Кургана будут посланы солдатами на Кавказ. Нар⟨ышкину⟩ было тогда 39 лет — это было, вероятно в 1839.

26			
14	1859	62	
	66	39,	нет 1837.
	23	23	
	37		

Какая христианская душа у Нар⟨ышкина⟩! Он сам научил нашу Акулину читать и молиться. Сам он православный. О Мих. Сер. Лунине он говорит, что тот спасался в Римской церкви, а жена его, (помимо ее убеждения, что Лунин пришел слишком рано — кстати, он был в Париже в 1817 и 1818 гг.),— что почти воспитанный иезуитами, он не знал нашей церкви. ⟨1 слово нрзб.⟩ Но покойная Полина (слышавшая об этом, кажется, от Лежницкого, а, может быть, от г-жи Кузьминой, о которой говорили, что она влюблена в Никиту Муравьева) [41] уверяла меня, что эти господа,— что бы там ни утверждали по этому поводу оба сына покойной К⟨атерины⟩ Ф⟨едоровны⟩,— никогда не ходили к обедне [42].

Я расспрашивал М⟨их⟩. Мих. о Якушкине (Иване Дмитриевиче) в связи с эксцентрическими мнениями, которые ему приписывает Огарев в «Разборе к⟨ниги⟩ бар. Корфа» — он уверил меня, что это не так, что у Якушкина были свои идеи, но не такой прискорбной силы, как можно было вообразить, судя по указанной мною книге [43]. О Якушкине можно судить по фактам. Он основал школу в Ялуторовске (близ Кургана), где был на поселении, и школа эта лучшая, какую только можно увидеть. Мих. Мих. говорит, однако, что Якушкину принадлежит честь идеи, а средства и исполнение — другим, а именно их тамошнему духовнику [44] — и он прибавил: «Только об нем не надо говорить».

Играло ли там духовенство иную роль, чем духов⟨ного⟩ квартального — или же трепетность воспоминаний заставляет его так говорить?[45]

Я сказал, что он лишен желчности. Настолько, что он не питает никакого отвращения ни к Мих⟨аилу⟩ Николаевичу Муравьеву, ни к знаменитому Якову Ростовцеву. Он говорит даже, что Ростовцев предупредил будто бы этих господ, что он их выдаст, и что они — такой был энтузиазм — нашли его поведение благородным, и что его приветствовали [46].

По-моему, я пришел к концу моих материалов о декабристах — ах да! Еще о Лунине. Он и некоторые его товарищи, хорошие музыканты, вздумали в свое время устраивать серенады императрице Елисавете Алексеевне. Они были посажены под арест, но императрица поблагодарила их на первом же придворном бале, где она увидела моего дядю.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. Я. Эйдельман

М. С. ЛУНИН И ЕГО СИБИРСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

> Эти мысли, созревшие в тишине темниц, не отвергнутся теми, которые в простоте сердца ищут истины и которые понимают, что обязанность говорить ее для общего блага независима ни от каких обстоятельств нашей скоротечной жизни.
>
> *М. Лунин.*

Научное, академическое издание сочинений Лунина осложняется их чрезвычайным своеобразием, предельной неакадемичностью.

В этом убеждает едва ли не каждая попытка необходимых для такого издания изучений и определений. Сравнительно простой представляется, например, проблема датировки: сибирские труды Лунина создавались между 1836 и 1841 гг., и естественным кажется соотнести их с одновременными историко-литературными событиями: это последние годы Пушкина, период лучших стихотворных и прозаических сочинений Лермонтова, время работы Гоголя над первым томом «Мертвых душ»; это годы внешней стабилизации николаевского режима; время, следующее за прогремевшей публикацией «Философического письма» Чаадаева и отраженное в книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839-м году»; наконец, это эпоха первых «ошибок» западников и славянофилов, когда все громче звучат голоса Станкевича, Белинского, Герцена, Грановского, Аксаковых, Хомякова.

Историко-политические сочинения Лунина сами по себе — отклик на современное состояние его страны; но при всем том синхронность лунинских трудов и многих перечисленных событий в значительной степени иллюзорна. То, что представлялось столь важным в Петербурге и Москве, часто и не достигало Восточной Сибири или попадало туда с большим опозданием и преображением. Огромные расстояния, разделявшие ссыльно-каторжный мир Прибайкалья и Европейскую Россию, искусственные преграды, воздвигнутые правительственным надзором,— все это порождало причудливую, трагическую ситуацию, когда тысячеверстные расстояния определяли многолетние опоздания, когда мысль и слово сосланных декабристов, несомненно принадлежавшие русской культуре, были от нее отъединены.

Случалось, история ставила своеобразные эксперименты, вроде перемещений ряда осужденных декабристов из Сибири на Кавказ. При этом оказывалось, что «сибиряки» сохранили взгляд на вещи, который в центре страны немало изменился после 14 декабря,— и поэтому первые встречи немолодых декабристов с новой российской молодежью (Лермонтов и др.) были непросты. Хотя постоянно происходило взаимное обогащение, неминуемое сближение лучших представителей старой и новой генерации, однако молодые казались часто более усталыми, печальными, «старыми», нежели декабристы, сохранившие запас юношеского идеализма.

Лунин не попал в число переведенных на Кавказ, но судьба его товарищей оттеняет ту относительность хронологической одновременности, о которой идет речь. 1836—1841 гг. на «сибирских часах» — время, лишь отчасти совпадающее со всероссийским календарем. Еще одно подтверждение тому — узкое, сибирское распространение лунинских сочинений. Замечательные произведения, создававшиеся для читателей 1840-х годов,— достигают адресата в изданиях Вольной печати Герцена только двадцать лет спустя, в иную историческую эпоху.

Начав с датировки, мы попали в сложнейшее переплетение эпох, от последних лет XVIII до 60-х годов XIX-го столетия.

Еще труднее жанровые характеристики.

Традиционно литературная форма «писем», наблюдаемое в разных лунинских трудах смешение жанров — политического трактата, исторического исследования, мемуарных и дневниковых записей, религиозно-философских эссе — все эти определения смещаются, отступают перед внелитературными обстоятельствами. Ведь лунинское творчество — это смелый революционный акт, открытое политическое выступление уже осужденного человека. «В России два проводника,— записывает декабрист,— язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга». Тот же, кто продолжает писать и в заточении, должен быть готов к новым наказаниям вплоть до лишения жизни. Поэтому в привычные литературоведческие оценки вторгаются необычные «жанровые уточнения»: необходимость сопоставления лунинских сочинений с агитационными листками, вольными прокламациями, потаенной словесностью. Обычные изыскания о соотношении личности, биографии автора и содержания его работ здесь определяются тем, что лунинские труды не только творческое действие, но важнейший внелитературный факт биографии, «характеристический поступок», ярчайшее выявление оригинальной, активной, одаренной личности.

Поэтому анализ, комментирование лунинских трудов требует бóльшего, чем в других случаях, сопоставления изучаемых текстов и авторской биографии; понимания того, насколько органично спаяны лунинские работы с его жизнью. Работы, оплаченные жизнью.

ЛИЧНОСТЬ ЛУНИНА

Михаил Сергеевич Лунин родился в декабре 1787 г. в Петербурге [1]. Среди видных деятелей тайных обществ он моложе только В. К. Тизенгаузена (р. 1781), В. И. Штейнгейля (р. 1783), А. П. Юшневского (р. 1786). Примерно в одном возрасте с Луниным М. А. Фонвизин, С. Г. Волконский, М. Ф. Орлов. Н. И. Тургенев моложе Лунина на два года, С. П. Трубецкой на три, Якушкин и Пестель на шесть, Рылеев на восемь, Никита Муравьев на девять; большинство же деятелей тайных обществ принад-

---

[1] По записи в метрической книге М. С. Лунин родился 29 декабря 1787 г. (см. публикацию Л. Бройтман: Вечерний Ленинград. 1986, 22 мая). Однако и сам декабрист, и его сестра Е. С. Уварова указывают на 18 декабря (см. наст. изд., с. 245, 286).

лежало, можно сказать, к другому поколению, включившись в движение незадолго перед 14 декабря [2].

Лунин успевает еще многое увидеть в уходящем XVIII в. и вступит на самостоятельное поприще с первыми годами XIX в. Он довольно рано становится героем полулегендарных или легендарных рассказов, о нем ходят анекдоты, трудно отличимые от были; он совершает действительные поступки, похожие на небылицы, начиная с дерзких проказ, дуэлей в первые годы службы (совпадающие с первыми годами нового века) и кончая издевательскими шуточками над следователями в 1826 г.[3]

Более 20 лет Лунин — живая легенда, кумир молодежи; не случайно Пушкин много лет спустя, как дорогое воспоминание юности, сохранит прядь волос декабриста. 17 апреля 1836 г. сестра сообщила Лунину, что его дела «на устах у всех, от гвардейского полка до салонов и даже дворца... Материалов больше чем достаточно для нескольких томов мемуаров» (*Павлюченко*, с. 117). Все это как будто признаки исключительной натуры, резко отличающейся от своего окружения. Однако сам факт увлечения многих современников яркой личностью — признак сродства; доказательство того, что поклонники находят в ней предельное выражение собственного идеала. Подобно другим тогдашним кумирам (Денис Давыдов, Якубович, Ермолов), Лунин прежде всего храбр, остроумен, дерзок с высшим начальством (большая часть «лунинских анекдотов» выявляет как раз эти черты). Куда менее заметны и понятны современникам другие выдающиеся свойства декабриста. Лишь узкому кругу друзей и единомышленников импонируют серьезные занятия, глубокие нравственные поиски — то, что, например, восхитило Сен-Симона в его молодом собеседнике. Понятно, сотни юных гусар, гвардейцев не столько думали, сколько пили, дрались, волочились «по-лунински». Интеллектуальные достоинства Лунина получали широкое признание в той степени, в какой они реализовывались необыкновенным поведением, поступками знаменитого офицера. Своеобразный поступок определяет социальную репутацию Лунина, так же, например, как Пушкин на долгие годы будет человеком дерзких «умственных поступков», прежде всего — своих запрещенных стихов. Продолжением сложившейся биографии-легенды Лунина станут его дела в крепости и Сибири после 1825 г. Легенда при особых обстоятельствах реализуется и в выдающихся лунинских «сочинениях-поступках», его самоубийственных работах, созданных в сибирской ссылке.

По вычислениям современного исследователя, «офицеры — участники тайных обществ 1825 г., а также офицеры, не входившие в общества, но принимавшие активное участие в вооруженных выступлениях, составляют

---

[2] См.: *Лурье Л. Я.* Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России.— В кн.: Освободительное движение в России, вып. VII. Саратов, 1978, с. 61—71.

[3] Биография Лунина за последние десятилетия разрабатывалась в специальных трудах *(Окунь, Эйдельман)*, что позволяет в данном издании ограничиться более общими характеристиками.

всего около 0,6% от всех офицеров и генералов русской армии того времени (169 декабристов на 26 424 офицера и генерала)» [4].

Если же исходить из известного Алфавита декабристов, включающего около 600 имен, и принять во внимание десятикратное число «сочувствующих» (о чем не раз толковали и декабристы и их враги) — тогда получится, что в движении была замешана заметная доля взрослого мужского дворянского населения страны.

Ю. М. Лотман в ряде работ справедливо отмечает, что главным итогом русской культуры XVIII — начала XIX в. было именно формирование нового просвещенного, прогрессивного человеческого типа. Именно эти люди двигают вперед, живят российское просвещение, учат и учатся в первых университетах, лицеях. Это они — «дети 1812 года», разделившие с солдатами все тяготы двухлетней кампании, увидевшие на Западе многое (по мнению начальства, слишком многое) и ожидающие перемен в собственной стране. Это они — активные читатели Истории Карамзина, ранних стихов Пушкина.

Общественное значение мыслящего меньшинства умножалось разнообразными формами дружеских, литературных, политических объединений, в которых они участвовали (Арзамас, Зеленая лампа, Вольные литературные общества, лицейские, полковые содружества, «артели», масонские ложи, наконец, первые тайные общества). Это были люди той эпохи, о которой Чаадаев позже скажет «время надежд».

Появление на исторической сцене такого яркого, энергичного слоя и для многих современников и для позднейших наблюдателей-исследователей казалось неожиданным, отчасти загадочным.

«Богатыри не вы!» — восклицает лермонтовский герой, противопоставляя сегодняшних — вчерашним; и сам Лермонтов, понятно, согласен, что к людям 1812—1825 гг. не применимо его «толпой угрюмою...». Все, что угодно, только не угрюмость. Девиз той эпохи — в пушкинских строчках:

Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой...

Большинство декабристов не бралось оценить феномен своего поколения. И. Д. Якушкин, например, пишет о предшественниках, «старичках»: «Мы ушли от них на сто лет вперед»,— и объяснит это тем, что «в продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбу народов» (*Якушкин*, с. 9). Предпосылок, исторических причин, отчего новое поколение стало таким,— он не разбирает, считая их понятными: великие события мировой и русской истории.

Пестель также называл первопричиной «происшествия 1812, 1813, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен»,

---

[4] *Лурье Л. Я.* Указ. соч., с. 60.

Пушкин восклицал в неоконченном послании 1836 г., обращенном к лицейским друзьям —

Чему, чему свидетели мы были!

На великие события разные народы, однако, откликнулись по-разному, и вопрос — откуда вдруг взялись декабристы, Пушкин, удивительная дворянская молодежь начала XIX в.— требовал дальнейших размышлений. Герцен позже прямо провозглашает загадку столь бурного, внезапного явления новых людей «на этих грядах между Аракчеевыми и Маниловыми»: «А именно между ними развились люди 14 декабря, фаланга героев ... Но кто же их-то душу выжег огнем очищения, что за *непочатая сила* отреклась в них-то самих от *своей* грязи, от наносного гноя и сделала их мучениками будущего?» (*Герцен*, XVI, с. 171).

Для полного объяснения, как сформировалось это поколение, пришлось бы представить главные направления российской истории, общественной мысли, литературы начиная с Петра I. Не претендуя на решение подобных задач, отметим лишь несколько главных особенностей дворянского просвещенного быта и мышления, которые формировали такие характеры, как Лунин.

Первым, «от младых ногтей», опытом Лунина можно считать опыт родительский, клановый: отсюда будущий декабрист получит и усвоит дворянские добродетели — понятие о военной храбрости, определенном кодексе чести, собственном достоинстве. Разумеется, распространялись и дворянские «аксиомы» насчет своих крепостнических прав и высшего авторитета самодержавия.

В российской жизни второй половины XVIII в. в той или иной степени происходило разделение дворянства на три основных группы — пересекающиеся, взаимопроникающие, но все же достаточно заметные. Первую из них можно условно назвать просветителями: широкий круг образованного дворянства, в той или иной степени веривший в российский прогресс на путях просвещения.

Вторая группа, которую мы условно назовем «цинической», включала в себя значительную часть правящего слоя. Это люди, стремившиеся совместить несовместимое — успехи просвещения с крепостничеством и неограниченным абсолютизмом (что и вело в конце концов к определенному уровню цинизма).

Третья группа, представлявшая патриархально-консервативное начало, уповала на возвращение к старинным отношениям, институтам, желала известных «контрреформ» против петровского просветительства.

В роду Луниных, как и во многих других, крепостническая верноподданническая тенденция (отец декабриста С. М. Лунин, обладатель 1200 крепостных душ [5], дядя А. М. Лунин, один из активных подавителей пугачевского бунта) соседствует с возвышенно-просвещенными понятиями матери Ф. Н. Луниной, ее брата М. Н. Муравьева и других лиц; старшие

5 Список службы статского советника Сергея Михайловича Лунина. ПБ, ф. 1000, 1949. 87.

Лунины дружили с Г. Р. Державиным, родственник и друг младших — К. Н. Батюшков.

Михаил Лунин был отделен уже целой исторической эпохой, четвертью века, от закона о вольности дворянской; за два года до его рождения дворянские вольности были подтверждены «Жалованной грамотой», закрепившей за благородным сословием вместе с правом на крепостных крестьян разнообразные личные права.

Естественно, что без Луниных, Муравьевых, которые просвещаются, никогда бы не явились Лунины, Муравьевы, «которых вешают». Прямо из времен Бирона никогда бы не явились Пушкин и декабристы.

Таков исторический, социальный, «сословный» контекст лунинской личности.

Вторым же существенным элементом декабристского воспитания было знание народа. Это отчасти связано с «прозрачной», относительно простой социально-политической структурой российской жизни: в стране слабо развитого «третьего сословия» верхи и низы неприкрыто, более резко, чем на Западе, противостоят друг другу. Обнаженность противоречий помогает ясному, трезвому мышлению, в будущем скажется на политическом и художественном сознании. «Прозрачность» российского воздуха помогала дворянину-душевладельцу хорошо видеть народ. Удаленность дворянских революционеров, дворянского просвещения от народа надо понимать как отсутствие реальных идейных, политических связей между помещиками и крестьянами. Однако это обстоятельство нельзя смешивать с тем, что просвещенный российский дворянин в среднем знал народ не хуже, чем более поздняя демократическая разночинная интеллигенция: помещик в деревне, офицер в армии постоянно имеют дело с крестьянином-землепашцем или крестьянином в военной форме. Разумеется, от знания народного быта до понимания народных идеалов — дистанция немалая, но можно смело сказать, что прогрессивное лунинское поколение иногда прямо, чаще косвенно, незаметно для себя, питалось народной стихией; эта же стихия многое определит и в развитии великой русской литературы — при естественном знании народной жизни Пушкиным, Гоголем и другими великими мастерами.

Самосознание прогрессивного дворянства, понимание народной жизни будет необыкновенно усилено опытом 1812 г. Формула М. И. Муравьева-Апостола «мы дети 1812 года» часто понимается односторонне — только в связи с предысторией 14 декабря. Между тем недавно разработанная статистика русских мемуаров показывает, что многие грамотные жители России, дворяне и даже разночинцы, прежде и не мыслившие о ценности своих воспоминаний, о соотнесении своей личности с историей страны, с общенародными судьбами,— начинают писать, печатать, «мыслить вслух» именно после 1812 г.[6] Эти данные, как и ряд других наблюдений, обрисовывают тот факт, что определенная часть русского дворянства и других сословий как бы проснулась для исторической жизни: они открыли самих себя, по-новому увидели народ, развили национальное чувство,

[6] См.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

причем этот процесс не угасает с победой в войне. Он еще более усиливает прежде начавшуюся напряженную внутреннюю работу, происходившую среди тех, кого Кюхельбекер назовет «лицейские, ермоловцы, поэты».

Пушкинское «чему, чему свидетели мы были» кратко определяет исторический опыт, уроки, преподанные образованному человечеству с 1789 по 1820-е годы: Великая французская революция и ее судьба, победы Наполеона, Тильзитский мир, эпопея 1812 г., поход в Европу, «русский царь — глава царей», военные поселения и европейская реакция, новый тур европейских революций... Любопытно, что ряд молодых декабристов, отвечая на следствии об источниках своих идей, часто приводили названия книг, стихов; более же зрелые (например В. И. Штейнгейль) ссылались на такой «художественный» элемент, как ход мировой истории за последние десятилетия. Необыкновенно ускорившаяся мировая история демонстрировала в течение жизни одного-двух поколений богатейшую смену политических форм, крушение тысячелетних устоев, зарождение новых, неслыханных, головокружительных идей. Все это было существенным элементом мировой культуры, Лунин же и его поколение воспринимали эту культуру непосредственно, событиями, и косвенно — чтением.

Здесь уместно обратиться к важному культурному опыту, сильно повлиявшему на формирование личности будущего автора «Писем из Сибири»: знание языков, европейский уровень просвещения снимали препятствия для высокого культурного обмена. Мы видим Лунина в беседе с социалистом Сен-Симоном и реакционером Жозефом де Местром; он знакомится с польской католической мыслью и европейскими карбонариями; кроме французского языка достаточно знает английский, польский, латинский, греческий.

Все это необыкновенно расширяет, разнообразит палитру российского просвещения и определяет характерную черту русского освободительного движения — богатство международных связей.

Одновременное воздействие крепостничества и просвещения имело результатом появление в российском дворянстве конца XVIII — начала XIX в. противоречивых, парадоксальных характеров. У многих духовный мир по существу и сводился к причудливости, чудачеству. «В России,— писал Герцен,— люди, подвергнувшиеся влиянию этого мощного западного веяния, не вышли историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы дома, иностранцы в чужих краях, праздные зрители, испорченные для России западными предрассудками, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись в искусственной жизни, в чувственных наслаждениях и в нестерпимом эгоизме» (*Герцен*, VIII, с. 87).

Знаменитые проделки, чудачества Лунина, конечно, связаны с отмеченными обстоятельствами. Однако он и его друзья нашли силы и способы сделаться не только «людьми оригинальными», но и «людьми историческими».

Важнейшей школой для подобного превращения стал опыт тайных обществ, реальная десятилетняя практика участия в русских тайных

союзах, знакомство с освободительной борьбой в Польше, Италии, Франции: здесь подтвердилась мысль, позже не раз сформулированная К. Марксом и В. И. Лениным, о том, что революционное движение учит само себя; что несколько лет сражений стоят десятилетий мирного воспитания.

Сам акт вступления Лунина и его товарищей в революционный противоправительственный союз был явлением, прежде совершенно немыслимым: перевороты и заговоры XVIII в. в основном не выходили за рамки сохранения господствующей системы и отнюдь не свидетельствовали о враждебности заговорщиков существующему строю. Между тем именно в 1812—1825 гг. обозначается крутой поворот в российском прогрессивном мышлении. Речь идет о ситуации, описанной Герценом: «Революционных идей почти ⟨до 1812 года⟩ не встречалось ... Но власть и мысль, императорские указы и гуманное слово, самодержавие и цивилизация не могли больше идти рядом. Их союз даже в XVIII столетии удивителен» (*Герцен*, VII, с. 122).

Российский «ренессансный» оптимизм начала XIX в. был порожден немалой еще степенью общности, незавершенным идейным размежеванием образованного дворянства. Разумеется, смешно сводить сложный поворот общественной мысли к узким хронологическим рамкам: и до 1812 г. звучал голос Радищева, нарастала оппозиционность поступков и мыслей Лунина, его друзей; также и после 1812 г. далеко не все представители прогрессивной российской мысли и культуры решительно противопоставляют себя власти. Историческая верность герценовского тезиса, однако, несомненна: просвещенное дворянство XVIII — начала XIX в. в общем было на стороне власти, и в этом единстве — важнейшая причина российских успехов и побед той поры.

Пройдет два-три десятилетия, и тот же исторический тип, который активно действовал в армии и управлении около 1800 г., окажется в опале, ссылке (как Лунин), под домашним арестом (как Чаадаев), в подозрении (как Пушкин).

В конце XVIII — начале XIX в. тип «лишнего человека» неизвестен: не было лишних (хотя мы можем угадывать их зарождение, например в уходе Лунина со службы в 1816 г.). В те же годы, когда Лунин пишет свои сибирские сочинения, этот тип уже существует и в своем художественно-литературном воплощении (Онегин, Печорин), и в реально-человеческом: после объявления Чаадаева сумасшедшим, замечает Герцен, он «сделался праздным человеком», после гонений на Ивана Киреевского тот «сделался лишним человеком» (*Герцен*, XIV, с. 325).

Реформы Петра породили уникальный просвещенный тип — фигуру нераздвоенную, достаточно цельную, при всех жизненных тяготах оптимистически верящую в некий положительный исход. Выработка положительного, прогрессивного сознания в какой-то момент подводила к вопросу о соотношении слов и дела. Умудренному, зрелому деятелю тайного союза в этом случае не удавалось уйти от необходимой критики и контркритики. Умственное, душевное состояние Лунина (и, конечно, не его одного) требует для 1820-х годов особого разбора.

В сильно упрощенном виде главное противоречие в сознании декабриста было следующим: с одной стороны, он понимал или чувствовал неслучайность, органичность российской социально-политической системы; понимал — и с годами все более,— что перемена этой системы неимоверно трудная задача, не решаемая «гусарским наскоком». Но при том весь накопленный нравственный опыт — честь, достоинство, свобода, нераздельность слова и дела — требовал борьбы с этой системой, освобождения страны и себя самих от крепостного права, самодержавия, рекрутчины, военных поселений, зловещей судебной системы и т. п.

Мыслитель лунинского типа довольно рано осознает два рода опасности: с одной стороны, эпикурейское слияние с сущим, надежда на грядущие перемены и получение максимальных радостей в настоящем; с другой — чрезмерное упование на быстрые насильственные перемены, связанные с пугающими признаками якобинского террора и бонапартистской диктатуры.

Иначе говоря, требовалось найти наиболее естественный, органичный путь для ликвидации неестественностей русской жизни.

Отсюда и ряд внешне противоречивых, а внутренне совершенно закономерных коллизий в отношениях Лунина с тайными обществами.

Лунин — один из основателей Союза спасения, Союза благоденствия, пытающийся расширить деятельность тайного общества путем литографирования его материалов и документов [7]; в последние же годы перед восстанием он сравнительно пассивен.

Пестель, очевидно, предназначал Лунину место во главе «обреченной когорты», которая должна обезвредить или убить царя и великого князя Константина, а затем взять вину на себя (тайное общество же, имея в виду еще не изжитые монархические иллюзии у большинства населения, должно отмежеваться от «цареубийц»). У нас нет, однако, убедительных данных, будто Лунин знал об этом плане или соглашался с ним.

Назревает русско-польский революционный союз; Лунин, находящийся в Варшаве,— важная для подобных контактов фигура. По отдельным, косвенным, данным, по тем суждениям о Польше, которые будут высказаны позже в сибирских работах декабриста, можно осторожно определить характер общественной деятельности Лунина в Варшаве. Он свободно владеет польским языком, близок к наиболее просвещенным кругам страны; в любом случае, сам образ мыслей Лунина, его особый взгляд на Польшу объективно способствовали революционному сближению двух славянских народов. Вспоминая в «Письмах из Сибири» Н. Н. Новосильцева, Лунин сообщал: «Когда он был главою дел в Варшаве, я противодействовал принятой им системе, от которой возникали также скорбные результаты для королевства ⟨Польского⟩ и империи». Из того же текста видно, что систему Новосильцева отличала «пламенная ревность к исключительным пользам России». Понятно, Лунин отстаивал «ревность» также и к «пользам» польского народа; по всей видимости, надежды, иллюзии

---

[7] *Оксман Ю. Г.* Из истории агитационной литературы 20-х годов.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, с. 465—467.

Лунина насчет улучшения дел в Польше, нового ее сближения с Россией связывались с фигурой великого князя Константина Павловича (см. наст. изд., с. 285). В то же время декабрист (как можно судить по его позднейшим откликам) предостерегал поляков против неподготовленных бунтов.

В 1826 г. Лунина осудят в основном за план цареубийства 1816 г.: ни одной «крамолы» позже 1822 г. власти не нашли; но он сам не откажется от декабризма — и на следствии ведет себя как активнейший член тайного общества, не желающий никаких послаблений, если за них надо платить покаянием, унижением.

Противоречивость лунинского самосознания (надо выступить — нельзя *так* выступать) является фоном религиозных настроений декабриста: с годами он все больше склонялся к тому, что противоречия духа могут быть преодолены на религиозно-этическом уровне. Обширные религиозные рассуждения в «Записной книжке» относятся к позднейшему периоду и могут быть лишь с должными коррективами использованы при объяснении лунинской веры вообще, его католичества, в частности. Эта сторона лунинского мышления, где причудливо сочетаются общественно-политические, религиозные и личные мотивы, к сожалению, почти не разработана. Между тем именно здесь — важный ключ к пониманию личности декабриста. Противоречивы даже данные о времени обращения Лунина к католичеству. Позже, в Сибири, он в догматах католицизма ищет обоснование своему решению — встать на путь жертвенности; в начале же 1820-х годов с помощью веры искал выход из тупика политических размышлений (*Трубецкой*, с. 303; *Эйдельман*, с. 94—103).

КРЕПОСТЬ, КАТОРГА, ССЫЛКА

1826 г. навсегда разделил биографию Лунина на период *до* и *после*. *До* был гвардейский подполковник, воин, бреттер, светский лев, кумир и предмет подражания дворянской молодежи. *После* — «лишенный прав состояния» узник нескольких крепостей, затем — каторжник, ссыльный, переведенный из столиц в чудовищно удаленный мир дикости и гибели, навсегда исключенный из привычного гвардейского, светского, элитарного быта. Столичные салоны, военные товарищества, широкое общение с культурным слоем России, Польши, Западной Европы — все это отныне заменено кругом товарищей по несчастью, казалось бы, обреченных на затухание без связи с «большой Россией».

Однако внешняя канва лунинской биографии представляется на удивление неизменившейся. Снова каждому этапу жизни (тюрьмы 1826—1828 гг., каторга — 1828—1835 гг., ссылка — 1836—1841 гг., последняя тюрьма — 1841—1845 гг.) соответствуют резкие, экстравагантные поступки, которые со временем станут легендарными. В этот период задумываются и создаются сибирские сочинения декабриста.

Впоследствии он запишет: «Мир, которого никто отнять не может, следовал за мною на эшафот, в казематы, в ссылку...»

Между тем в 1826—1845 гг. изменился не только общественный статус Лунина: менялась эпоха. На воле — николаевские «заморозки», гонения, сужение и прежде достаточно малой сферы личных свобод.

«При Екатерине,— писал Пушкин,— караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны — а гвардия была в своем цветущем состоянии» (*Пушкин*, XII, с. 315).

Упадок достоинства великий поэт-историк отмечал как в Дневнике, так и в знаменитом последнем письме к П. Я. Чаадаеву, сочиненном примерно тогда же, когда Лунин начинал свои наступательные действия.

«Действительно,— писал Пушкин Чаадаеву 19 октября 1836 г.,— нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко» (*Пушкин*, XVI, с. 172, 173 подл. на франц. яз.).

П. А. Вяземский в 1830 г. находил, что «народ омелел и спал с голоса»; «мы не вовремя родились, желал бы я родиться шестьдесят лет ранее или сто лет позже» [8].

Изменения, происшедшие в военной, гвардейской среде, констатировал позже и Герцен: «Прозаическому, осеннему царствованию Николая нужны были агенты, а не помощники, исполнители, а не воины».

Те проделки, что более или менее сходили Лунину при Александре I, теперь оканчивались тюрьмой или другими формами гибельной опалы, и все это на фоне куда более запуганного, пассивного общества, нежели в преддекабрьскую эпоху.

Еще более «неуместными», несоответствующими времени и обстоятельствам могли показаться подобные эскапады в замкнутом, поднадзорном мире сибирской ссылки.

Если в 1800—1820-х годах Лунину подражают, толкуют его поступки восторженно или доброжелательно, то теперь на воле хоть и вспоминают, рассказывают легенды, но обычно как о приметах иного мира, иного века. Многие «благонамеренные люди» считают Лунина и ему подобных безнадежно пропавшими: мало отличают смерть политическую от смерти физической; в ссыльно-каторжном же мире близ Байкала лунинское поведение даже некоторым товарищам по заключению представляется неуместным, «не ко времени».

По мнению И. Д. Якушкина, Лунин, «государственный преступник в 50 лет, позволяет себе выходки, подобные тем, которые он позволял себе в 1800 году, будучи кавалергардом; конечно, это снова делается из тщеславия и для того, чтобы заставить говорить о себе. Он для меня всегда был и есть Копьев нашего поколения» (*Якушкин*, с. 286).

Копьев, известный офицер-шутник, наказанный Павлом I за пародирование тогдашней формы путем доведения ее до уродливо-смешного

---

[8] *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 203, 208.

предела (коса до икр, треуголка огромной ширины, перчатки до локтей). В устах серьезного декабриста «Копьев» — это формула осуждения: неуместная бравада при несоответствующих ей условиях.

Якушкин не одинок в своей критике: «Лунин лих, забавен и весел и больше ничего»,— писал Ф. Ф. Вадковский [9].

И. И. Пущин, С. П. Трубецкой видели в Лунине добровольного мученика, полагая, что «в поступках его много участвует тщеславия, но им одним нельзя объяснить важнейших его действий, тут побудительная причина скрывалась в каком-нибудь более сильном чувстве» (*Трубецкой*, с. 303).

Итак, ряд поступков Лунина, которые очевидно представлялись ему самому как продолжение «старого»,— теперь нередко оценивается как анахронизм, архаизм.

Рассудить это противоречие должен был суд исторический: если в самоубийственной «игре» Лунина действительно преобладает копьевщина — тогда ей суждено забвение, которому подвергся в конце концов насмешник над павловской формой. Если же оригинальность, парадоксальность лунинской позиции есть величие духа, движение вперед — тогда все это будет оценено в будущем, найдет свой круг читателей и последователей.

Интерес нескольких следующих поколений к личности и сочинениям Лунина, необходимость издания его работ означает, что слово и дело декабриста признаны историей.

СОЧИНЕНИЯ ЛУНИНА

Когда же в голове «государственного преступника», каторжника и ссыльного, возникла идея наступательных действий («Я опять начал...»)? Когда рождается замысел сочинений о своем деле и в своем духе? С. Б. Окунь находил, что это произошло одновременно с выходом декабриста на поселение — в 1836—1837 гг. (*Окунь*, с. 140). Первые стимулы к будущим действиям должны быть, однако, отнесены к более раннему периоду. Сам Лунин заметил, что, «заключенный в казематах, десять лет не преставал ... размышлять о выгодах родины».

Потаенный мир духовной жизни на каторге, в Чите, в Петровском заводе, нам известен еще недостаточно, несмотря на авторитетные свидетельства (Бестужевы, Басаргин, Розен и др.). Запрет писать близким (под диктовку Лунина писала обычно М. Н. Волконская), достаточно строгий тюремный режим (при всех послаблениях коменданта Лепарского), постоянная угроза обыска — все это крайне затрудняло возможность составления сколько-нибудь значительных рукописей до перехода на поселение. В то же время коллективное общение в течение нескольких лет, «каторжная академия», где происходил постоянный обмен мнениями и воспоминаниями, достаточное время для активного чтения и обдумы-

[9] Декабрист Вадковский в его письмах к Е. П. Оболенскому.—Неизданные материалы и статьи. М., 1925, с. 214.

вания (множество книг и газет, присылаемых из столиц, регулярные письма родных), несомненное существование конспиративных путей связей, возможность разнообразных оказий благоприятствовали зарождению и созреванию лунинского замысла. И. Д. Якушкин помнил, что на каторге «все более и более пояснялось значение нашего общества, существовавшего девять лет вопреки всем препятствиям, встретившимся при его действиях; пояснялось также и значение 14 декабря» (*Якушкин*, с. 109). Эти строки определяют основные темы будущих лунинских трудов.

Крайне важно и интересно, что в далеком сибирском декабристском мире потребность в теории, теоретическом осмыслении эпохи возникла одновременно с подобным же явлением в европейской мысли, где 1830-е годы — время Гегеля, утопических социалистов, сложнейших философских и религиозных исканий.

В России освободительное движение 1830—1840-х годов, развивающееся преимущественно в русле новой мысли, литературы, философии, представлено кружками Станкевича, Герцена, последними трудами Пушкина, стихами Лермонтова, статьями Белинского, Чаадаева. Мысль-поступок — вот одна из возможных формул общественного движения этой эпохи. Лунинские мысли-поступки внутренне родственны, обращены к тем же проблемам.

Непросто говорить о влиянии московских и петербургских духовных исканий на мир уриковской ссылки. На каторге, естественно, горячо воспринимались, постоянно обсуждались вести, почерпнутые из писем родственников. Лунин не знал, конечно, что его имя, как и друзей, единомышленников, попало в зашифрованные строфы X главы «Евгения Онегина» («Там Л⟨унин⟩ дерзко предлагал...»); однако он имел впечатляющую информацию от Е. С. Уваровой, как Пушкин, признавшись (в 1835 г.), что хранит прядь волос Лунина, воскликнул: «Михаил Лунин — человек поистине замечательный!» [10].

Подобные известия вызывали у декабристов представления (пусть порою и преувеличенные), которые позже сам Лунин сформулирует в финале своего «Взгляда на русское Тайное общество»: «Желание нового поколения стремится к сибирским пустыням, где знаменитые изгнанники светят во мраке ... не могли отнять у них любовь народную. Она обнаруживается благоговением, которым окружают их огорченные семейства; религиозным чувством, которое питают к женам, разделяющим заточение мужей своих».

С другой стороны, Лунин постоянно пишет о «всеобщей апатии» в стране; совершенно независимо от него Вяземский в 1829 г. говорит об «общем оцепенении умственной деятельности» [11], Пушкин констатирует «отсутствие общественного мнения, равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной...».

---

[10] Звезда, 1940, № 8—9, с. 261—266.
[11] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1879, с. 105.

Противоречие оптимистических формул («любовь народная... благоговение») и пессимистических приговоров было мнимым, ибо заключало в себе стимул к активной деятельности.

Отмечая (в «Записной книжке»), что «общество в России являет собою однообразное зрелище мелких людей, мелочных интриг и ничтожных результатов», Лунин тут же поясняет, что в нравах «не было или почти не было гражданских и политических предрассудков». Иначе говоря, рабство, деспотизм нравами не овладели, и значит по-прежнему существует обширное поле деятельности для мыслителя, революционера.

Понятно, речь шла о пропаганде своих идей среди образованного меньшинства: в одной из первых записей, после выхода на поселение, в заслугу тайному обществу ставится то, что оно «никогда не помышляло о сомнительном и опасном опыте обращения к страстям и буйству народа».

Поиски формы для наилучшего действия привели вскоре после выхода на поселение к идее сочетания «полулегальных» писем к сестре с рядом чисто конспиративных работ.

Хотя и план «действий наступательных» и его исполнение в основном были делом чисто лунинским, однако в каждом из его трудов можно, с большей или меньшей вероятностью, найти факты, обобщения, почерпнутые из бесед с другими каторжанами и ссыльными: то, чему сам Лунин не был свидетелем.

Казематские рассказы послужили, как известно, основой для многих воспоминаний деятелей тайных обществ, записанных позже, когда тот или иной повествователь уже не был рядом с мемуаристом. Особо здесь следует выделить работы, сходные по замыслу с лунинскими: речь идет о фиксировании, обсуждении таких декабристских тем, как история Общества соединенных славян, восстание Черниговского полка; все это было позже соединено в известных записках И. И. Горбачевского, тоже в значительной степени составленных в стенах «каторжной академии». Начинали собирать материалы в каземате, даже набрасывали мемуарные фрагменты А. Е. Розен, Н. А. Бестужев, Н. М. Муравьев, И. И. Пущин, М. А. Фонвизин.

Михаил Бестужев отмечал, что в определенную эпоху на каторге «у нас многое писалось» (*Бестужевы*, с. 286). Завалишин находил, что «в каземате Петровского завода наступил уже период мышления: там писались уже ученые, философские, исторические, а преимущественно экономические трактаты» [12].

Портретная галерея декабристов, созданная Бестужевым на каторге, была также без сомнения важным видом мемуарного, исторического, художественного закрепления их дела.

Наконец, имеются сведения, хотя и очень скудные, о первых мемуарных опытах самого Лунина. Среди записей племянника Лунина С. Ф. Уварова, сделанных в 1858—1859 гг. со слов декабриста Нарышкина и его жены, находится следующая: «В тюрьме — как слышали Нарышкины...—

---

[12] *Житомирская С. В.*, *Мироненко С. В.* От Союза благоденствия к «Русскому социализму» (Идейный путь декабриста М. А. Фонвизина). См. *Фонвизин*, II, с. 9.

Мишель был очень занят своими мемуарами. Что с ними сталось — никто не знает». Возможно, от С. Ф. Уварова попало в герценовский «Колокол» (15 февраля 1859 г., № 36) сообщение о мемуарах Лунина, которые велись на каторге. Д. И. Завалишин утверждал, что Лунин сам ему говорил: «Вести правдивые записки есть обязанность всякого общественного деятеля» [13]; тот же мемуарист, как известно, сообщал о коллективном замысле, родившемся в Чите,— писать историю 14 декабря [14]. Публикуемые впервые в настоящем издании лунинские заметки о мемуарах констатируют факт сожжения каких-то записок и Дневника декабриста 15 марта и 29 апреля 1838 г. Следом лунинского замысла вероятно являются датированные (1836 и 1837 гг.), имеющие дневниковый характер строки в «Записной книжке». Нельзя исключить, что столь активная мемуарная деятельность сразу по выходе на поселение имела предысторию в период тюрьмы и каторги. К сожалению, архив Лунина содержит очень мало материалов, которые отражали бы время до 1836 г.: кроме писем Е. С. Уваровой следует выделить три басни, переписанные рукою Лунина; первые две, «Брага», «Дитя и пятно», известны как сочинение декабриста П. С. Бобрищева-Пушкина [15]. Третья басня «Кляча, дрова и дровни» очевидно того же автора. Текст их вероятно скопирован Луниным в период совместного пребывания с Бобрищевым-Пушкиным в Чите и Петровском заводе (автор басен переведен на поселение 8 ноября 1832 г.). В басне «Брага» хмельной напиток разрывает бочку, в которую его заключили; этого не произошло, «... если бы крестьянин был умней/И сколько надобно дал браге бы свободы». «Дитя и пятно» — призыв не пятнать совесть хотя бы единожды; после же первого пятна — легко дальше грязниться «об столы, об стулья, печки и полы». Наконец, в басне «Кляча, дрова и дровни» лошадь и дровни завидуют праздным пассажирам, дровам; те же отвечают: «Вы верно горя не видали,/Вы знаете ль зачем везут нас?.. Жечь!» Лунина вероятно привлекло аллегорическое сходство его положения и мыслей с мотивами басен. Не исключено также, что он думал о возможности агитационного распространения подобных текстов. Давние планы литографирования материалов Союза благоденствия, конечно, не были забыты, но требовали трансформации в новых сибирских условиях.

Кроме дискуссий о былом, первых мемуарных попыток, на каторге кипели и постоянные споры о тех проблемах, которые узники должны решать в связи с появляющейся свободой выбора, жизнью на поселении.

Ряд сохранившихся высказываний Лунина, записанных вскоре после отъезда из Петровского завода, звучит полемически: сквозь них без труда угадываются голоса оппонентов; доносятся отзвуки казематских дискуссий.

---

[13] Исторический вестник, 1880, № 1, с. 139.

[14] ЛН, т. 59, с. 748.

[15] *Зензинов М. М.* Декабристы. Материалы для характеристики. М., 1907; *Штрайх*, I, с. 107—108.

«Одни женятся, другие пойдут в монахи, третьи сопьются».

«Политика такая же специальность... как медицина. Бесполезно предаваться ей без призвания... После роли лекаря поневоле самая смешная: политик поневоле. Есть такие между нами... Непонятно, как могли или — для чего хотели ошибиться насчет их. Это — избиение младенцев — политиков».

«Политические ссыльные составляют среду, находящуюся вне общества. Следовательно они могут быть выше или ниже его. Дабы быть выше, им необходимо объединение и хотя бы видимость полного между ними согласия.

Это личности сильные и славные...

Не следует смешивать их с честолюбиями, стремлениями, порывами, политическими течениями (это благородные, но мгновенные порывы) ... бурлящими на поверхности общества...» и т. д.

Лунин полагает, что его товарищам было «трудно удерживаться на высоте своего призвания», так как они взращены «в дремотной гражданственности, основанной на бездействии ума»; он решительно осуждает тех, кто просится на Кавказ «замаливать грехи».

Число участников коллективных обсуждений постепенно уменьшалось, одни за другими оканчивали свой каторжный срок декабристы четвертого, третьего, наконец, второго разряда. К концу 1835 — началу 1836 г. в Петровской каторжной тюрьме останется только 23 заключенных по I разряду. Объединенные тюремной стеной, общим правительственным приговором, единством судеб, декабристы уходили на поселение в разном умонастроении. Попытаемся определить несколько наиболее заметных групп по типу жизни в ссылке.

Путь служебный (по лунинской терминологии «раскаяние»): С. М. Семенов, А. Н. Муравьев и некоторые другие, осужденные по сравнительно невысоким разрядам.

Путь кавказский — А. А. Бестужев, А. И. Одоевский, М. М. Нарышкин, Н. И. Лорер, М. А. Назимов, В. Н. Лихарев и некоторые другие декабристы, прежде побывавшие в Сибири; наконец, друг и родственник Артамон Муравьев, безуспешно просивший в эти годы о переводе в Кавказский корпус.

Путь «земледельческий» — юридически приравнивавший декабристов к государственным крестьянам (Волконский, В. Раевский). Здесь, действительно, многие женились, но, вопреки лунинскому предсказанию, почти никто не спился.

Путь культурнической, легальной активности (иногда связанный с сочинительством): Михаил и Николай Бестужевы, Пущин, Якушкин, М. Фонвизин.

Путь религиозного смирения («пойдут в монахи»), который с немалыми оговорками относится, например, к биографиям П. Бобрищева-Пушкина, Оболенского.

Это были разные варианты «жизни в обороне», иногда близкой, порою далекой от прежних идеалов, но — за редчайшими исключениями — жизни чистой, честной.

Наконец, *путь активно-наступательный*: ярчайший и трагический пример дал И. И. Сухинов, попытавшийся поднять восстание и погибший в Зерентуйском руднике в 1828 г. Другой, более обдуманный и соответствующий обстоятельствам, но не менее опасный способ наступления выбрал Лунин, опираясь на помощь и сочувствие некоторых друзей: создание ряда сочинений, в которых декабрист предельно выразился и этим обрек себя на мучение и гибель.

В июне 1836 г. Лунин был водворен на поселение в селе Урик близ Иркутска. В конце марта 1841 г. арестован там во второй раз и отправлен в Акатуй. За пять без малого лет были завершены и отделаны несколько работ и начато или задумано их распространение: «Письма из Сибири», «Взгляд на русское Тайное общество» (и вероятное приложение к этой работе — «Розыск исторический»), «Разбор Донесения тайной следственной комиссии», «Взгляд на польские дела», «Общественное движение в России в нынешнее царствование».

Сверх шести работ (если «Розыск» считать отдельным произведением) сохранились фрагменты, наброски, черновики, планы, часть которых относится к предыстории, «лаборатории» завершенных трудов, другая же часть свидетельствует о незавершенных или только задуманных сочинениях.

«ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ»
(1836—1840)

Основным сочинением, работа над которым шла в течение почти всего периода ссылки, были «Письма из Сибири». Перед вторым арестом Лунина сложилась поздняя редакция этого труда: авторское предисловие и 16 писем к сестре составили первую серию «Писем», письмо к шефу жандармов и 10 писем к сестре — вторую серию. Основные хронологические и текстологические проблемы, связанные с историей этой работы, будут рассмотрены ниже (см. наст. изд., с. 353). Здесь же ограничимся некоторыми общими соображениями.

С. Б. Окунь убедительно обосновал невозможность смешения всего комплекса писем, написанных Луниным в Сибири, и особого, глубоко продуманного труда «Письма из Сибири».

Располагая копиями писем к сестре, родственникам, властям, Лунин тщательно группировал их, меняя порядок расположения внутри каждой серии, наконец, редактировал тексты и явно вводил в свое сочинение «эпистолярные фикции», т. е. письма, которые на самом деле в отдельности никогда к сестре не отправлялись и были написаны специально для задуманного труда.

Работа над «Письмами» шла в направлении большей строгости, стройности сочинения за счет сокращения недостаточно типических, характеристических деталей (см. *Окунь*, с. 144—176).

Выбор Луниным эпистолярного жанра как формы действий наступательных определялся особой ролью переписки для ссыльных декабристов. Это был единственный канал (не считая нелегальных оказий), связывавший сибирское декабристское сообщество с привычными куль-

турными центрами и ценностями. Умение передать важную информацию на волю так, чтобы не подвергнуться новым репрессиям, выработало особый род эпистолярного искусства, к чему тонкий стилист Лунин имел несомненную склонность. Литературно-эпистолярная форма была привычна Лунину и его поколению по ряду известных образцов, таких, как «Новая Элоиза» Руссо, «Письма русского путешественника» Карамзина и многие другие. Разумеется, «литературные письма» узника, процеживаемые через жандармскую цензуру,— такой жанр как будто не имел прецедентов; но именно острота, новизна, так же, как и любимое ощущение опасности, риска стимулировали «государственного преступника, находящегося на поселении», попробовать свои силы в новом роде словесности. При этом автор опирается на внимательное чтение прессы, журналы Министерства народного просвещения, материалы новообразованного Министерства государственных имуществ; на лунинском рабочем столе постоянно — Свод законов, исторические и политические сочинения, выходящие в столицах. «Письма из Сибири» по существу затрагивают все темы, представленные в других сочинениях декабриста. Самым же постоянным, «растворенным» едва ли не во всех сюжетах, является мотив декабризма; исторической правоты носителей освободительной идеи. В то же время особенности эпистолярного жанра требовали хотя бы внешнего соблюдения «легальных рамок», учета почти абсолютного запрета, наложенного властями на историю 14 декабря. Это событие более прямо и подробно освещено в других сибирских трудах Лунина.

Первым завершенным конспиративным историческим сочинением Лунина С. Б. Окунь считал «Розыск исторический». Мы же находим, что это не самостоятельное сочинение, но род комментария к другому, несравненно более известному, законченному очерку.

«ВЗГЛЯД НА РУССКОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО С 1816 ДО 1826 ГОДА»

Первое сочинение Лунина об истории декабристов было завершено в сентябре 1838 г. под непосредственным впечатлением от запрещения переписки с сестрою на год (см. *Окунь*, с. 179). Ответы Лунина на допросах 1841 г., будто он составил этот труд еще в Петровском заводе, по просьбе покойного коменданта Лепарского, скорее всего имеют целью «замести следы» (*Окунь*, с. 178).

Лунинский «Взгляд на русское Тайное общество» — первая история декабризма; здесь ясно и определенно перечислено, чего действительно хотело Тайное общество (а не то, что ему приписывалось согласно официальной версии): «Оно,— пишет Лунин,— протестовало противу рабства и торга русскими, противных законам божиим и человеческим. Наконец, своим учреждением и совокупностию видов оно доказало, что система самодержавия уже не соответствовала настоящему состоянию России, что основанное на законах разума и справедливости правительство одно может доставить ей права на знаменитость среди народов просвещенных».

Переход от полулегальных «Писем из Сибири» к определенно нелегальному «Взгляду» ознаменовался и переменой стиля, языка, появлением куда более ясных, резких определений того, на что в «Письмах» только намекалось. Быстрым, сжатым изложением, почти полным отсутствием отсылок к документам, горячим обличительным пафосом «Взгляд», задуманный как историко-политическое эссе, по сути приближается к революционной прокламации. Новое в декабристской мысли, даже терминологически — это явное усиление во «Взгляде» темы народа. Разумеется, и до восстания декабристы постоянно говорили о народности своей программы, но Лунин разбирает этот вопрос подробнее, многостороннее — и уже с учетом позднейшего исторического опыта. Задолго до народнического взгляда о «неоплатном долге» интеллигенции народу здесь сформулирована мысль об обязанности «высших сословий» — «платить за выгоды, которые доставляют им совокупные усилия низших сословий». Лунин изучает также вопрос о народном сочувствии, возможной поддержке движения. Он, отчасти искренне, отчасти агитационно, «завышает» осведомленность народа о 14 декабря, но в то же время надеется, что такие события «пробивают новые пути к совершенствованию настоящих поколений, направляют усилия народа к предметам общественным».

Народ представлен Луниным как некое единое, неразделимое множество людей, объединенное сходными условиями существования, культурой, типом мышления. Понимание того, что этот вопрос главнейший, было связано с новостями, что шли из «большого мира»: все более усиливающееся обсуждение проблемы народа в русской литературе и печати, попытки правительства создать идеологию «официальной народности».

Понимая недовольство основной массы населения, декабрист видит перспективу не в освобождении еще спящего народа без участия самого народа (как надеялись тайные общества перед 14 декабря), а в постепенном пробуждении народного сознания: «на время могут затмить ум русских, но никогда их народное чувство».

Особый характер, предельная откровенность «Взгляда», возможно, связаны и с его предназначением заграничному читателю: «Письма из Сибири» были понятны образованному русскому; для Запада же следовало создавать произведения более последовательно излагающие факты. Вот почему, пересылая в сентябре 1839 г. сестре «Взгляд на Тайное общество» и часть «Писем из Сибири», Лунин настаивал, чтобы «Взгляд» она попыталась напечатать за границей, а распространение «Писем» ограничила размножением в рукописных копиях. В то же время «Взгляд» распространялся и переписывался в Прибайкалье, и перехват этого сочинения властями в 1841 г. сыграл роковую роль в судьбе декабриста.

«РОЗЫСК ИСТОРИЧЕСКИЙ»

В том, что эта работа задумана в связи со «Взглядом на русское Тайное общество» и является своеобразным расширенным комментарием, дополнением к нему, убеждают следующие соображения:

время создания «Взгляда» и «Розыска» совпадает: лето — осень 1838 г. (*Окунь*, с. 178—180);

«Розыск» сохранился в единственной рукописи, где он следует прямо за «Взглядом» — даже без перехода на другую страницу, что оттенило бы самостоятельное значение «Розыска»;

между главками «Розыска» нет ясной логической связи: первые две касаются первых веков русской истории — до конца династии Рюриковичей; третья — внезапно переходит к английской истории XIII в. (производится сравнение ее с русской историей XIX в.). Такая структура была бы странной для отдельного сочинения, но вполне логична для комментария-приложения;

мотивы, затронутые в «Розыске», являются как бы эхом некоторых строк «Взгляда».

В начале «Взгляда» объявляется, что «Тайное общество принадлежит истории... Общество озаряет наши летописи, как союз Рюнимедский бытописания Великобритании».

Как видим, летописное и недавнее прошлое России сопоставлено здесь с историей английских вольностей — точно так, как в «Розыске историческом». В то же время «Розыск», вместе с другими историческими материалами и рассуждениями Лунина, обозначал стремление декабриста дать свободный очерк не только истории, но и предыстории первого революционного движения в стране.

Задача работы «Розыск исторический» ясно сформулирована самим автором: «История должна служить не только для любопытства или умозрений, но путеводить нас в высокой области политики. Наши учреждения очевидно требуют преобразования».

Лунин, опираясь на «Историю государства Российского» Карамзина и другие исторические, официальные источники, защищает резко выраженную антикарамзинскую теорию русского исторического процесса. Споры декабристов с историком известны: основным возражением Никиты Муравьева на формулу Карамзина «История народа принадлежит царю» был афоризм — «История народа принадлежит народу». К этому ответу приходили и другие декабристы, независимо друг от друга (например Н. И. Тургенев).

Проходят годы, и в сибирской ссылке Лунин верен старой критике: отрицательный взгляд на князей, в частности, на Рюрика; скепсис по отношению к исторической миссии Москвы; интерес, порою сочувствие к литовскому распространению на Русь в XIII—XIV вв.

Общий вывод Карамзина о прогрессивной роли самодержавия резко оспорен формулой: «Корнем зла было самодержавие. Оно сбивает с толку, приписывая неограниченную способность человеку, который законами природы во всем ограничен».

Новым в «Розыске» (как и во «Взгляде») было усиление темы народа, народности; делался вывод, внешне сходный с карамзинским, но внутренне совершенно иной: только благодаря «народным свойствам русских и вере» самодержавие так долго держится в России; «народное мнение» трактуется очень сходно с тем глубочайшим взглядом, что выражен

Пушкиным в «Борисе Годунове»:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помогой,
А мнением; да! мнением народным.

«Взгляд» (вместе с «Розыском») был первой частью «декабристской истории», сочинявшейся Луниным в ссылке.

«РАЗБОР ДОНЕСЕНИЯ ТАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ»

«Разбор», завершенный Луниным и Никитой Муравьевым в ноябре 1839 г., содержал декабристский анализ итогов политического процесса над первыми революционерами.

Летом 1826 г., сначала в газетах, затем в виде отдельной книжки, по-русски и французски, было опубликовано «Донесение Следственной комиссии. Печатано по Высочайшему повелению. В военной типографии Главного штаба Его императорского величества». Автором-составителем «Донесения» был Д. Н. Блудов, человек из круга Жуковского и Карамзина, в прошлом арзамасец, в будущем — видный сановник, министр Николая I; главным же «редактором» документа был сам царь. В течение тридцати с лишним лет эта книжка была по существу единственным печатным документом о 14 декабря. Документ тенденциозный, направленный к принижению, очернению декабризма, умалчивавший о главных целях, идеях революционеров,— он при этом содержал известную информацию: «Донесение» включало большие извлечения из следственных дел и документов, что позволяло проницательным умам увидеть за официальной версией и нечто большее — то, о чем пытались умолчать.

Опираясь в немалой степени на «Донесение», Пушкин писал потаенную X главу «Евгения Онегина» [16].

Позже декабристы не раз обращались к этому документу, оспоривая его как официальную фальсификацию (Фонвизин, Розен, В. Толстой и др.). Однако первое по времени, главное выступление было лунинским.

Не случайно правительство, почувствовав, что даже «Донесение» документ опасный, позже не переиздавало его, предпочитая полное молчание о 14 декабря какому бы то ни было разговору; через 20—30 лет после 1825 г. этот официальный свод сделался библиографической редкостью.

В 1840-х годах появилось верноподданное, апологетическое сочинение М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Родственное по своему духу «Донесению Следственной комиссии», но дополнившее его рядом новых фактов, оно было дважды издано, в 1848 и 1849 г., но «не для публики», а только для императорской фамилии и других высокопоставленных лиц. Лишь в 1857 г. появилось третье издание и «первое

[16] См.: *Гессен С.* Источники десятой главы «Евгения Онегина».— В кн.: Декабристы и их время, т. 2. М., 1932. В библиотеке поэта, как известно, сохранился экземпляр «Донесения». См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина.— В кн.: Пушкин и его современники, кн. IX—X. СПб., 1910, с. 36, № 130.

для публики». Опровергая Корфа, Герцен и Огарев в книге «14 декабря 1825 и император Николай» между прочим перепечатали и сочинения, заимствованные «во вражеском лагере» — блудовское «Донесение» 1826 г. и материалы Верховного уголовного суда над декабристами. Другими документами или мемуарами о 14 декабря Вольная печать в ту пору еще не располагала, Герцен же (в предисловии к первому изданию книги) заметил: «Донесение следственной комиссии приходит в забвение, его трудно достать в России, а протвердить его молодому поколению необходимо. Пусть оно посмотрит на эти сильные и могущественные личности, даже сквозь темное сердце их гонителей и судей — и подумает, что же они были, когда и такие живописцы при всем желании, не умели исказить их благородных черт?» (*Герцен*, XIII, с. 70).

За 20 лет до Герцена и Огарева определенную ценность «Донесения» как исторического источника ясно осознал и Лунин.

Декабрист как бы перехватывал камень, брошенный судьями, и отправлял его обратно: с хорошо заметной иронией Лунин хвалит Комиссию за «беспристрастие», когда она «умалчивает об освобождении крестьян, долженствовавшем возвратить гражданские права нескольким миллионам наших соотечественников. Она ничего не говорит о новом Уложении, об устройстве судной власти, об исправлении судопроизводства, о преобразовании войска, об уничтожении военных поселений, о свободе торговли и промышленности, об оказании помощи угнетенной Греции»; Лунин доказывает — пользуясь даже теми цитатами и характеристиками, что приведены в «Донесении»,— как благородны и сильны были Рылеев, Каховский, Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол, Пестель. Опираясь на официальный текст, критик апеллирует ко многим образованным читателям, которые могли без особого риска перечитать «Донесение» и воспринять декабристский разбор.

Можно говорить о трех способах обращения декабриста к официальному тексту. Во-первых, только что продемонстрированное использование «во здравие» тех же фактов, что в «Донесении» приводятся «за упокой». Второй способ — опровержение, отрицание отдельных выводов «Донесения». Третий — дополнение односторонней или ложной информации другими, более объективными сведениями.

Сам Лунин, разумеется, опирается в своих рассуждениях не только на «Донесение»: в его «Разборе» имеются цитаты из документов Верховного уголовного суда (которые декабрист умело сталкивает с «Донесением» по делу декабристов, находя между ними очевидные противоречия); использована также известная варшавская речь Александра I в 1818 г., где сам царь провозглашал благодетельность конституционного строя.

Определяя одну из причин «заблуждений, вкравшихся в доклад», декабрист говорит о «недостатке письменных свидетельств, которые состояли только из Зеленой книги, из двух предначертаний Конституций, литературного отрывка под названием «Разговор любопытный», частных писем и песен». Здесь, полагаем, Лунин прозрачно намекал своим читателям на существование других источников, письменных и устных, в декабристской среде.

В «Разборе» (как прежде во «Взгляде») воспоминания самого Лунина и его товарищей, можно сказать, присутствуют постоянно. Не всегда их можно выделить «в чистом виде» из разнообразных версий происшедшего, однако декабристские мемуары ощутимы в строках, посвященных междуцарствию, технике допросов в Следственном комитете, истории «шумных совещаний» Северного общества накануне 14 декабря.

«Донесение» скрывает имя «агента генерала графа Витта», но Лунин со слов товарищей (прежде всего Волконского) знает, что это был А. К. Бошняк; сведения о Соединенных славянах, высокая оценка их деятельности могли основываться, между прочим, на сообщениях участника конспиративной деятельности Лунина Петра Громницкого. Антикритика по поводу нападок «Донесения» на конституцию Никиты Муравьева, понятно, была результатом постоянных консультаций с самим Н. М. Муравьевым, кузеном Лунина, сосланным в то же село Урик. Традиция, приписывающая Муравьеву исторический комментарий к «Разбору»,— лишь одно из подтверждений этих связей.

Вопрос о совпадении и расхождении политической позиции двух выдающихся декабристов требует особого изучения. Представляется, во всяком случае, преувеличенной мысль Н. М. Дружинина, поддержанная С. Б. Окунем, о «кардинальном различии» воззрений (см. Дружинин, с. 219—220; *Окунь*, с. 218). То, что известно об отношениях Лунина и Муравьева в 1830—1840-х годах, свидетельствует о постоянной дружбе, отсутствии сколько-нибудь заметных недомолвок, противоречий. Горестное восклицание Лунина, узнавшего о смерти Н. М. Муравьева — «этот человек один стоил целой академии»,— ярчайший итог их совместной деятельности. Известные различия, по-видимому, относились только к внешним формам политической активности: Н. Муравьев, на руках у которого была единственная постоянно болевшая дочь, держался в тени, прямо не участвуя в вызывающих, самоубийственных акциях своего кузена.

В блудовском «Донесении» Лунин находил по меньшей мере четыре группы фактов, которые правительство не «сочинило», но выделило из куда более широкого контекста декабристских документов, показаний; выделило — с целью воздействия на неискушенное общественное мнение и создания искаженного образа первых революционеров.

Во-первых, это версия о произвольных действиях Тайного общества, будто бы незаконно взявшего на себя права и функции говорить от имени народа.

Во-вторых, многочисленные факты, тщательно и однозначно вычлененные из всех показаний о планах или даже мимолетных разговорах насчет цареубийства (сам Лунин был обвинен в 1826 г. в основном за давний разговор 1816 г. о возможном нападении на Александра I).

Третье обвинение такого же рода — о якобы изменнических сношениях декабристов с польскими заговорщиками.

Четвертое обвинение — планы, будто бы ведущие к децентрализации, распаду страны, анархии.

Спокойно, документированно Лунин разбирает одно обвинение за другим, показывая, что в каждом содержится доля правды, реальности, но — раздутая, искаженная и таким образом переходящая в свою противоположность.

С самого начала декабрист пишет не для защиты, но для утверждения; не оправдываясь, но наступая; не сводя дело к мелочной антикритике, но поднимая важнейшие, принципиальные проблемы.

Постоянно, неуклонно Лунин вместе с Н. М. Муравьевым отстаивает мысль, что декабризм не случаен, но исторически обусловлен, естественен, закономерен и, стало быть, находится в «природе вещей». Это доказывается и ссылками на предысторию — древние традиции вольности, русские конституционные идеи XVIII в.: «Надлежит сознаться, что Тайный союз не отдельное явление и не новое для России. Он связуется с политическими сообществами, которые одно за другим, в продолжение более века, возникали с тем, чтобы изменить формы самодержавия; он отличается от своих предшественников только большим развитием конституционных начал. Он только вид того общественного преобразования, которое уже издавна совершается у нас и к торжеству которого все русские содействуют, как сподвижники, так и противники оного».

Необходимость гражданских преобразований, усиление прямого народного участия в управлении аргументируется и сходными событиями в разные периоды мировой истории (Древний Рим, современная Франция) и, наконец, практикой, признаниями самой верховной власти, которая (Александр I) прямо и не раз говорила о важности коренных реформ.

Идее естественной закономерности тайных обществ соответствует особый лунинский стиль, язык, которым написан «Разбор».

Он сочинен как бы «отстраненно»: прямых признаков авторства в тексте нет; только в последних строках говорится о «симпатиях народа» к сибирским узникам, но и здесь можно вообразить благожелательные толки о декабристах некоего «третьего лица». В этом одно из существенных отличий «Разбора» от более раннего «Взгляда», где образ автора-декабриста сомнений не вызывает.

Темы обоих сочинений Лунина сходны: тайное общество и его историческое значение. Тем интереснее две работы сравнить.

Можно сказать, что «Взгляд» левее, формально опаснее.

Одна из центральных идей «Разбора» — естественность, закономерность появления тайных обществ,— конечно, представлена и во «Взгляде», но там резче подчеркнута субъективная роль декабристов, их высокая историческая миссия. «Взгляд» рассчитан на более узкий, радикальный круг российских читателей, нежели «Разбор»: ведь «Донесение Следственной комиссии» формально имели право читать все, и поэтому «Разбор» имеет хотя бы призрачную легальность; «Взгляд» же представляет более прямую апологию тайных обществ.

Создавая «Разбор», Лунин, понятно, не думал отказываться от «Взгляда». Возможно, он рассматривал эти сочинения как обращение к разным группам читателей. Анонимность конспиративных рукописей Лунина легко позволяла автору как бы менять углы зрения и выступать то страст-

ным, резким обличителем зла, готовым к жертве, то сравнительно умеренным, объективным критиком «Донесения».

«Разбор» был рассчитан на достаточно широкий круг — пусть не разделяющий декабристскую идею, но обладающий здравым смыслом; как и «Взгляд», он предполагает читателей русских и заграничных: в отличие от других наступательных сочинений, представленных на одном или двух языках,— «Разбор» единственный был подготовлен Луниным на трех языках — французском, английском и русском.

Лунин справедливо обвинял суд 1826 г. в стремлении обратить умы вспять и «отвлечь общее внимание от откровений будущего». Напомнить *откровение будущего*, о котором декабристы говорили еще в 1820-х годах,— как раз главная задача лунинского «Разбора». Это был новый исторический этап освоения декабристского наследия; преодолевалась однозначность, сиюминутность прежнего горячего предреволюционного времени — и как бы предоставлялось место более широким, вечным категориям.

Расширяя критические завоевания, уриковский ссыльный осмысляет не только десятилетие тайных обществ и огромную предысторию той эпохи, но и общественное движение другого славянского народа.

«ВЗГЛЯД НА ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА»

Наступательные работы декабриста несколько раз обращались к польскому вопросу. Воспоминания Лунина о его жизни и борьбе в Польше, размышления о событиях в этой стране, о судьбе польских ссыльных включены в «Письма из Сибири»; не обойдены эти проблемы и в работе «Общественное движение в России...». В 1840 г. была завершена и специальная работа «Взгляд на польские дела».

Сверх того в бумагах декабриста, изъятых во время второго ареста, сохранились рукописи на польском языке — согласно жандармской описи, «возмутительные о Польше стихи и молитвы» (см. *Штрайх*, I, с. 108). Вопрос о происхождении этих рукописей, их значении для формирования польской темы в сочинениях декабриста требует специального изучения. По всей видимости, эти тексты интересовали Лунина определенным созвучием с его положением и мыслями; не исключено, что некоторые документы, сохранившиеся в нескольких экземплярах, предназначались для распространения [17].

Среди польских стихотворений, записанных неизвестной рукой, находился «Гимн к богу», сочинение архиепископа Воронича, где, согласно жандармскому описанию, «вспоминая о прежнем величии и славе своего отечества, автор жалуется на настоящее его положение». Стихотворение «Кузнец» Станислава Старжинского и все следующие бумаги также пересказываются «экспертом» III отделения: «старик кузнец, поощряя детей своих к работе, говорит, что Польша была прежде молотом, судьба обратила ее в наковальню, но завтра враг ее должен испытать ту же участь».

[17] ЦГАОР, ф. 109, эксп. 1, № 61, ч. 61. Приложение 134 з.

Ода «Юность» («К молодости») А. Мицкевича характеризуется как сочинение «возмутительного содержания»: «патриот, заключенный в оковы, жалуется в темнице на бедствия своего отечества и, ожидая казни, говорит, что он и в аду произведет возмущение». Песня «К ласточке» — «также патриота, вспоминающего об отечестве».

Кроме стихов среди польских бумаг Лунина сохранилась «Молитва на 3 мая о даровании мужества и терпения полякам»; на другом листе, рукою Лунина, по-польски переписана «Молитва царя иудейского Манассии об освобождении из плена вавилонского».

Лунин по своему положению, знанию, биографии был уникальной, исключительно важной фигурой в истории русско-польских культурных и общественных связей. Независимо от того, насколько глубоким было его конспиративное сотрудничество с польскими тайными обществами 1820-х годов, декабрист без сомнения стоял за сближение, объединение в общей борьбе.

Другой вопрос — формы этого объединения, тактика и стратегия русских и польских освободительных обществ: известия о польском восстании 1830—1831 гг. и его подавлении пришли к Лунину и его друзьям в Петровском заводе. Позже в Забайкалье начали прибывать партии польских ссыльных: встречи, беседы с ними отразились в последующих сочинениях декабриста.

Реакция русского общества на польское восстание здесь не может быть рассмотрена подробно. Пушкин, Чаадаев, Жуковский, Лермонтов, Бакунин и многие другие художники, мыслители в силу очень сложных исторических причин заняли позицию, наиболее ярко выраженную в стихах Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина»: неодобрение, отрицание «Варшавского мятежа» и сочувствие победам российского оружия. В то же время Вяземский, Александр Тургенев были недовольны «шинельными стихами», воспевающими победы Николая. «Наши действия в Польше,— писал Вяземский,— откинут нас на 50 лет от просвещения европейского... Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что ... у нас *от мысли до мысли* пять тысяч верст...» [18].

Наконец, в некоторых кругах образованного общества, особенно среди московской молодежи, преобладал дух сочувствия к подавляемой Польше.

Противоречивыми были и отклики декабристов на события в Варшаве. Сохранились сочувственные повстанцам стихи А. И. Одоевского («Еще, друзья, мы сердцем юны...») и противоположные высказывания А. А. Бестужева.

Спустя 30 лет (в связи с польским восстанием 1863—1864 гг.) Герцен вспомнит о 1830 г.: «Польский вопрос был смутно понимаем в то время. Передовые люди,— люди, шедшие на каторжную работу за намерение обуздать императорское самовластие, ошибались в нем и становились, не

[18] *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 1963, с. 213—214.

замечая того, на узкую государственно-патриотическую точку зрения Карамзина. Стоит вспомнить факты, рассказанные Якушкиным, негодование М. Орлова, статью Лунина и пр. У них была своего рода ревность к Польше; они думали, что Александр I больше любил и уважал поляков, чем русских» (*Герцен*, XVII, с. 93).

Упоминаемая в приведенной цитате «статья Лунина» — «Взгляд на польские дела» — была получена около 1860 г. Вольной печатью Герцена, но не опубликована. Редакторам «Колокола», исповедовавшим лозунг: «Мы за Польшу, потому что мы за Россию»,— казалось недостаточным то, что писал по этому поводу Лунин; они боялись задеть польских друзей.

Между тем статья заслуживает особого, исторического подхода: она интересна как раз не сходством, а различием с другими декабристскими текстами о Польше. Кроме того требует особого изучения разница двух главных лунинских обращений к польской теме.

Письмо «Поляки», вошедшее в цикл «Писем из Сибири», было завершено в ноябре 1839 г.; «Взгляд на польские дела» содержит авторскую помету «1840 год».

Пафос первого документа — судьбы польских повстанцев 1830 г., резкое осуждение царских репрессий, которые — «потеря для Польши без малейшей пользы России». Высказана мысль, что именно политика Петербурга была главным стимулом к мятежу. Декабрист желает союза двух народов — «поляки — братья нам по происхождению, наша передовая стража по географическому положению и естественные союзники, несмотря на домашние ссоры между нами».

Письмо «Поляки» в основном целит в российскую власть, хотя звучат и мотивы (позже усилившиеся в работе «Взгляд на польские дела») о слабостях, ошибках польских мятежников, о том, что в Варшаве восстало меньшинство, «увлекая массы, неспособные рассуждать».

Статья «Взгляд на польские дела» внешне кажется куда более критической по отношению к польским повстанцам: Лунин приводит многочисленные примеры из недавнего прошлого, когда неудачная, близорукая политика польских лидеров в одних случаях поощряла, в других давала повод для агрессивных действий соседних держав. В 1830-х годах эмигрантский национальный комитет («Отель Ламбер»), по мнению декабриста, стремится «возбуждать умы, вызывая меры строгости, и разжигать семейные раздоры в угоду западным державам, скорее враждебным, чем равнодушным к славянским народам, объединения которых они страшатся». Именно полемикой с этой организацией, возглавлявшейся А. Чарторыйским, С. Б. Окунь объяснял особый тон лунинской статьи (см. *Окунь*, с. 223—226).

Соглашаясь с этим, добавим, что, по всей видимости, предполагаемым адресатом «Взгляда на польские дела» была общественность Западной Европы. Если в «Письмах из Сибири», предназначенных для «внутреннего хождения», естественной была защита побежденных, то во «Взгляде» требовалась более широкая, общая оценка: поэтому «Взгляд» начинается не с 1830 г., а разбирает предысторию восстания, в частности — события

в Царстве Польском, свидетелем которых был Лунин. Односторонней защите польской позиции декабрист противопоставляет довольно объективный анализ ошибочности, авантюрности многих повстанческих действий.

Размышляя о восстании, Лунин пытается встать над схваткой, взглянуть шире: «Дело поляков, как и дело русского правительства, находит до сего времени одних лишь адвокатов. Обоим недостает искреннего друга, способного рассеять их общие заблуждения и указать на происхождение гибельных раздоров».

Попытка вырваться из плена односторонних сочувствий ощущалась в то время и у некоторых других мыслителей, русских и польских: Хомяков, Тютчев, Мицкевич проклинали вражду и кровь, однако Лунин, кроме эмоций, представляет целую систему политических размышлений, подобную которой в тогдашней полемике почти невозможно отыскать.

Хорошо зная Польшу 1820-х годов, декабрист компетентно разбирает причины восстания и приходит к выводу смелому и спорному: Россия виновна, но Польше не следовало восставать. Понятно, с этим заключением не могли согласиться и те, кто не видел российской вины, и поляки, утверждавшие, что революции 1830 г. во Франции, Италии и других местах обнадеживали и что надо было восставать, только решительнее!

Лунин соглашался, что конституция 1815 г. все время нарушалась Александром I, Николаем I, Константином, Новосильцевым,— «но Конституция давала законные средства протестовать против незаконности этих актов, в то же время подчинялась им. Такой способ действий, пассивный, но действенный, был бы достаточен, чтобы доказать существование прав, а затем и заставить их уважать, дав им двойную опору — принципа и прецедента».

Даже урезанный конституционный сейм, по Лунину, был слишком важным завоеванием, чтобы азартно ставить его на карту. Одобряя англичан, не восставших против Тюдоров преждевременно и дороживших своим парламентом, он, разумеется, помнил, что позже английский парламент возглавил восстание против Стюартов, и король Карл I лишился головы. «Бывают эпохи,— замечал декабрист,— когда стечение благоприятных обстоятельств дает шансы на успех даже самым рискованным предприятиям». Однако 1830—1831 гг., по Лунину, не такая эпоха: Россия только что успешно закончила две войны (с персами и турками), в польском движении он находит больше «одушевления», чем твердой программы действий и т. п. «Взгляд на польские дела» констатирует, что «непосредственными результатами восстания были: потеря всех прав, разорение городов, опустошение селений, смерть многих тысяч людей, слезы вдов и сирот... Оно причинило еще большее зло, скомпрометировав принцип справедливого и законного сопротивления произволу власти. Именно с такой точки зрения на него будут указывать будущим поколениям как на соблазн, которого следует избегать, и как на печальное свидетельство духа нашего времени».

Кроме неподготовленности восстания Лунин, вероятно, подразумевал и повод, который правительство Николая I нашло в событиях 1830—

1831 гг. для усиления реакции, отказа от предполагавшихся реформ в России.

В конце статьи «Взгляд на польские дела» Лунин размышляет о выходе из кризиса. Между прочим, брошена очень интересная мысль: «Не связанные своим прошлым как другие европейские народы, они (русские и поляки.— *Ред.*) ничего не должны ломать и расчищать, прежде чем строить... Они точно предназначены начать новую социальную эру, освободив основные начала от повсюду их заслоняющих разнородных элементов; и одухотворить политическую жизнь, вернув вольности, права и гарантии к их истинному источнику».

В этих строках угадываются контуры будущих теорий Герцена и народников о «преимуществах отсталости», позволяющих миновать некоторые экономические и политические формы, свойственные западноевропейским народам. Лунин уверен, что «только дружески подав друг другу руки, смогут они ⟨русские и поляки.— *Ред.*⟩ овладеть ... средствами взаимного влияния, которое народы оказывают друг на друга для прогресса человечества». В то же время декабрист довольно трезво смотрит на чрезвычайную сложность, мучительность, медленность подобных исторических процессов: «Народы и правительства не так легко сходят с ложных путей, куда завлекают их интересы партии или собственные страсти. Впереди еще неравная борьба, пагубные действия и бесполезные жертвы. Меч насилия и меч правосудия будут снова обнажены в угоду заблуждениям и предрассудкам».

В конце 1820-х годов Пушкин и Мицкевич мечтали о времени, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Лунин по-своему также постоянно ратует за этот союз: для того, собственно, пишет свою работу и начинает ее распространение.

«ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В НЫНЕШНЕЕ ЦАРСТВОВАНИЕ. 1840»

Вероятно, это последнее сочинение Лунина, завершенное в уриковской полуневоле и посвященное уже не предыстории или истории 14 декабря 1825 г., но исключительно последующему периоду.

Подводя итог полутора десяткам николаевских лет, Лунин одновременно отмечал пятнадцатилетие декабристских тюрем и ссылок, пятнадцатилетие казематских размышлений.

Один из самых беспощадных, резко обличительных лунинских памфлетов близко, «генетически» связан как с идеями лунинского «Взгляда на Тайное общество» и «Разбора», так и с «Заметками о тайном обществе» Никиты Муравьева (см. *Дружинин*, с. 216—220; *Окунь*, с. 207—219). Возможно, Н. М. Муравьев был соавтором Лунина и при составлении «Общественного движения». Не исключено также, что в доме Никиты Муравьева в Урике списки или фрагменты «Общественного движения» были сожжены, когда пришла весть об аресте Лунина.

Статья Лунина является обзором едва ли не всех сторон русской жизни: крестьянского, польского дела, внешней политики, печати,

голода, пожаров, эпидемий, рекрутчины, финансов, армии, полиции, суда.

Поражает осведомленность декабриста, интенсивное использование важных сведений, добытых из русской и заграничной прессы, различных официальных документов, а также из рассказов, разговоров, слухов и других неофициальных источников.

Это была единственная бесцензурная история страны за 1825—1840 гг., написанная современником, находящимся в России, в Сибири. Отдельные публикации за границей (Кюстин, Шницлер и др.) были «взглядом со стороны», где ряд ценных фактов и соображений сочетался с неведением, тенденциозностью. Позже первым русским историком запретного николаевского царствования станет Герцен: гениальный свидетель былого, он, тем не менее, опишет 1820—1840-е годы с определенной исторической дистанции, 15—20 лет спустя. Лунин же писал как бы изнутри событий, находясь в самой гуще, подвергаясь лишениям и репрессиям.

Главные мысли последнего завершенного труда декабриста — историческая правота Тайного союза; непрерывное ухудшение экономического, политического, морального состояния страны: то, что современная историография определяет как кризис социально-политической системы. Признавая отдельные «полезные распоряжения» правительства, Лунин четко, логически неумолимо предсказывает крушение этого строя.

К сожалению, из ссыльно-каторжной дали он почти не видит общественных сил, которые в будущем успешно могут противостоять режиму; оптимистическая беспощадность лунинской оценки соединяется с трагическим пессимизмом изгнания: так, сознавая, что в стране идет невидимая умственная работа, декабрист полагает в то же время, что с 1825 по 1840 г. «не появилось ни одного сколько-нибудь значительного литературного или научного произведения ... периодические издания выражают лишь ложь или лесть».

Между тем за эти годы были созданы «Медный Всадник», «Герой нашего времени», «Ревизор»; журнал «Телескоп» был закрыт за «Философическое письмо» Чаадаева; пушкинский «Современник» и «Отечественные записки» печатали отнюдь не «ложь и лесть».

«Общественное движение» Лунина — историко-художественный труд, создававшийся по памфлетным законам; ошибаясь в частностях, декабрист был прав в целом. Его вопрос — «что сделали вы для блага народа за эти пятнадцать лет?» — был приговором.

Лестные надежды на личность царя, вдруг выраженные в конце статьи, как уже отмечалось исследователями, совершенно противоречат общему ее ходу. С. Б. Окунь видел здесь обычную иронию Лунина (*Окунь*, с. 219).

Полагаем, что, кроме полускрытой насмешки, была и определенная тактика.

Подобно тому, как «Разбор» имел в виду достаточно широкий круг читателей, отнюдь не обязательно разделяющих декабристские воззрения,— так и «Общественное движение» предполагало завоевание, убеждение тех, кто честен, смутно сознает неустройство, но еще не может сформулировать основное обвинение.

Поскольку Лунин в приписке к рукописи велит сестре «поступить с этим согласно предыдущим указаниям», можно заключить, что речь идет о распространении текста в кругу петербургских знакомых и за границей. Хорошо зная, как часто критика российской системы замирала пред необходимостью «задеть» монарха, Лунин идет «навстречу читателю»; ведь и без того, императорской фамилии брошены обвинения в обращении с народом как «с семейной собственностью»; сказано — «мы исповедовали культ закона, вы же исповедуете культ личности». Возможно также, что «смягчающие строки» тактически введены в финал под влиянием Никиты Муравьева, несколько более, чем Лунин, полагавшегося на «естественный ход вещей».

Важным дополнением к завершенным, предназначенным для распространения шести лунинским работам являются незаконченные или фрагментарные сочинения, заметки, а также записная книжка и письма, не вошедшие в цикл «Писем из Сибири». Они помогают представить замысел наступательных действий Лунина во всей его целостности.

Многообразие начинаний декабриста в период его ссылки — примечательный признак активности, поиска разных форм действенной пропаганды.

«ПЛАН НАЧАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ ...»

Впервые публикуемый в настоящем издании план обучения Миши Волконского (сына близких друзей, С. Г. и М. Н. Волконских) прекрасно воплощает несколько генеральных идей декабриста, заметных и в ряде других сочинений. Вместе с педагогическими советами, позже постоянно приходившими к Волконским от Лунина, заточенного в Акатуе, «План» представляет глубоко продуманные принципы воспитания, формирования гармонической, свободной личности в нелегких, несвободных условиях. Прежде всего по советам, которые дает Лунин, восстанавливаются некоторые автобиографические подробности (круг чтения, учителя, изучение иностранных языков, физические упражнения). Легкость, «обыкновенность» перехода от самых общих проблем к личным и обратно, столь характерная для «Писем из Сибири», присутствует и в педагогических мыслях Лунина. Образ Марии Волконской и ее сына «рафаэлевской красоты», столь мастерски обрисованный в «Письмах», как бы дополняется рассуждениями о воспитании этого сына. Программа чтения для разных лет обучения поражает огромной осведомленностью, эрудицией декабриста. Кроме ряда русских и иностранных авторов, с которыми Лунин очевидно познакомился еще на свободе, в его список включены имена и книги, получившие известность уже тогда, когда декабрист находился в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Таков труд Г. Брума «Удовольствия и выгоды от наук», сочинения сестер Тейлор, Ж. Буйи и других авторов; в период пребывания Лунина на каторге впервые было полностью издано и упоминаемое им «Сказание князя Курбского» (1833).

В то же время отбор литературы для сына Волконских свидетельствует о своеобразии, порою — тенденциозности литературных установок Лу-

нина. Внеся в список рекомендуемых русских авторов князя Курбского, он также вписал, но затем вычеркнул Крылова; отсутствует имя Карамзина и других современников декабриста.

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ»

При издании собрания сочинений и писем Лунина в 1923 г. приводился лишь финал этого сочинения и сообщалось, что оно представляет «ряд выписок» из древних авторов (*Штрайх*, I, с. 139—140).

Написанные примерно в 1840—1841 гг. «Этюды», очевидно, рассматривались Луниным как часть более обширного исторического труда, о чем свидетельствует «№ 4», выставленный декабристом возле заглавия; несомненна типологическая близость этой работы с «Розыском историческим», рядом исторических фрагментов в «Записной книжке». В то же время беловой, внешне завершенный характер рукописи, запись в лунинском перечне сибирских работ (составленном около 15 октября 1839 г.) «История Греции» — все это позволяет рассматривать «Этюды» как сочинение достаточно автономное и вероятно в будущем предназначавшееся для распространения наряду с другими «наступательными» работами. Действительно, «Исторические этюды» не простой конспект, а своеобразный, яркий лунинский труд. Уже первый «рецензент», начальник III отделения Дубельт, охарактеризовал его как «историческое сочинение о древней Греции с описанием гонений, понесенных великими ее мужьями за любовь их к отечеству» (*Штрайх*, I, с. 107).

Ссылаясь на 15 древних авторов, Лунин представляет более 10 знаменитых, хорошо известных его читателям исторических деятелей, группируя выписки и свои краткие комментарии таким образом, что возникает эмоциональное ощущение единства судеб, трагической «нормальности» изгнания, непризнания,— удела выдающихся деятелей, патриотов как древней Греции так и самодержавной России.

Продолжая старую освободительную традицию — обращение к античным образцам,— Лунин возвращается к истории древних героев при совершенно особых обстоятельствах, в ссылке, борьбе, накануне гибели. В «Письмах из Сибири» декабрист прямо сопоставляет свою биографию с судьбой Алкивиада и Фемистокла; в «Этюдах» подобных прямых сопоставлений нет, и очень вероятно, что здесь вырабатывалась еще одна форма легальной активности — собрание цитат, выписок из древних авторов; то, что в случае обыска, допроса формально можно трактовать как «безобидное конспектирование».

Вполне вероятно, что в Акатуе, занимаясь «религиозными верованиями у Гомера» и опасаясь, что «греческая мазня» попадет в руки властей, Лунин продолжал разрабатывать древние мотивы применительно к современности и своему положению.

«ЗАПИСНАЯ КНИЖКА»

«Записная книжка» — обширный комплекс разнообразных записей, делавшихся в течение всего уриковского периода. Значительная их часть — вероятные черновые фрагменты сожженного в 1838 г. дневника. В конце

1836 и в 1837 г. подобные записи постоянны: 1, 2, 3, 7, 10, 14 и 25 декабря 1836 г.; в 1837 г.—1, 20, 25, 30 января; 1, 10, 15, 20, 25, 26, 27 февраля; 1, 7, 15 марта; 9, 15, 16, 18 апреля; 1, 7, 15, 16, 17 июня; 1, 17 июля; 1, 27 августа; 1, 29 сентября; 14 октября, 1 ноября. Затем постоянная датировка почти исчезает: среди записей 1838 г. имеется лишь текст, помеченный 4 февраля, а также три-четыре датированных черновика писем к сестре; в 1839 г.— записи 18 июля, 16 октября; в 1840 г. 25 мая, 26 августа и 10 октября.

«Записная книжка» является особым, бесценным документом, связанным в той или иной степени со всеми трудами Лунина, помогающим проникнуть в неповторимый внутренний мир декабриста.

Предпринятая в 1923 г. публикация фрагментов из «Записной книжки», чередуемых краткой аннотацией ряда разделов, явно недостаточна (см. *Штрайх*, I, с. 12—28): даже простые выписки из летописей, священного писания, исторических трудов выполняют у Лунина определенную историко-литературную функцию. В самом интимном, предназначенном лишь для самого себя документе невозможность разделения текстов на существенные и второстепенные особенно очевидна. На первом же листе «Записной книжки» Лунин поместил три эпиграфа, два латинских и один русский, скрепляющие, подчеркивающие единство всего, что за тем следует: после латинского изречения «Я возлюбил справедливость и возненавидел несправедливость, поэтому я в изгнании» следует латинский текст из первого послания апостола Павла евреям: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще».

И все это замыкается русской поговоркой, резко переводящей высокий пафос латинских строк на уровень «низкого быта», тюрьмы, насмешки над тюремщиками: «В России два проводника: язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга».

При всем огромном разнообразии записей можно условно выделить несколько наиболее заметных пластов, где легко обнаруживаются мотивы первых двух латинских эпиграфов и «проза» третьего, русского.

Важнейшим постоянным элементом «Записной книжки» являются черновики, фрагменты лунинских сочинений. Таковы отдельные письма, вошедшие в комплекс «Писем из Сибири», другие письма к сестре, к иркутскому исправнику, английские строки эпистолярных обращений к неизвестному лицу. В «Записной книжке» сохранился ряд набросков к работе «Общественное движение...» и довольно много исторических рассуждений, выписок, относящихся к русской, английской, античной истории; там легко угадываются идеи, фрагменты «Розыска исторического», «Исторических этюдов» и других эссе, по-видимому, связанных единством замысла с завершенными историческими работами декабриста. Особое место среди творческих черновиков и планов занимают «темы для разработки» и роспись второй серии «Писем из Сибири».

Несмотря на стремление декабриста уничтожить свои дневниковые записи, ряд страниц заполнен автобиографической прозой, родственной

лучшим текстам «Писем из Сибири». Таковы записи о пении Марии Волконской, воспоминания о жизни в Польше; особый интерес имеют суждения Лунина об изучении иностранных языков. Важнейшей автобиографической характеристикой является запись от 14 октября 1837 г.: «Не будем смешивать смирение и самоуничижение. Первое возвышает нас, второе принижает. Когда речь зайдет о добродетелях, займем последнее место; когда коснется ума, займем то, которое назначило нам провидение».

Неоднократно в книжке упоминается Тайное общество и его деятели. Лунин разрабатывает несколько мыслей, представленных в его завершенных трудах: о фактической виновности властей, правящих кругов, вызвавших возмущение своей политикой и близорукостью; о благородной естественности декабристских идей («через несколько лет те мысли, за которые приговорили меня к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни»). В «Записной книжке» присутствуют характеристики ссыльных как «личностей сильных и славных», которые «кровью своей скрепили дело свободы». Не забывая об ошибках и слабостях декабристов, Лунин замечает, что «природа предпринятого ими дела позволяет относиться к ним без той бережности, какую, казалось бы на первый взгляд, требует их положение ссыльных». В то же время в «Записной книжке» резче, чем в какой-либо другой работе, отразилось характерное декабристское неприятие активной массы как возможного союзника, отказ от вовлечения в революцию «черни». Постоянные размышления о роли народа, о необходимости учитывать народное мнение и критика декабристов за явную его недооценку — все это отнюдь не означало перехода Лунина на позиции народной революции. Одним из путей для успеха, овладения общим мнением декабрист считал путь религиозный.

АПОСТОЛЫ СВОБОДЫ

Обращение Лунина к религии вообще, к католичеству в частности, проанализировано нами в другой работе (см. *Эйдельман*, с. 94—102). Среди причин этого явления был назван распространившийся после Великой французской революции и наполеоновских войн «кризис разума», известное разочарование мыслящих кругов в материалистической философии; принятие же Луниным именно католичества связано прежде всего с определенным типом воспитания (влияние в детстве католического аббата Вовилье, пребывание во Франции и Польше, беседы с видными теоретиками католицизма, в том числе с политическим антиподом, но талантливым проповедником Жозефом де Местром). Эти отношения развили у Лунина склонность к католической эстетике, убежденность в связи определенных форм изящного с высшей истиной.

Другая причина лунинского католицизма — подчиненное положение православной церкви по отношению к самодержавию («служители церкви в то же время прислужники государя»). Наконец, для Лунина католицизм был одним из элеметтов освобождающего просвещения. Деятельная

сторона этой церкви (создание монашеских орденов, постоянное участие в политике), очевидно, соответствовала общественному темпераменту декабриста.

Значительная часть «Записной книжки» наполнена рассуждениями о догматах, богословских доводах в пользу католицизма. С этим, однако, постоянно, причудливо сочетается мысль о связи истинной веры с истинным освобождением. Лунин страстно, тенденциозно старается показать, что политическая, гражданская, личная свобода утверждалась именно на основе католического мировоззрения. Любопытно, что из этого религиозного тезиса выводится мысль о благе для России, заключающемся в отсутствии связей между православием и освободительным движением («лучше спотыкаться на верном пути, нежели бежать по ложному»).

Для Лунина высокая нравственность, жертвенность декабристов есть духовный акт, родственный религиозному подвигу, который рано или поздно приведет и к обретению истинных, по его мнению, форм веры и церкви. Лунин не торопит этот процесс, который ему представляется естественным: в его завершенных, предназначенных к распространению трудах нет почти никаких признаков религиозной, католической агитации; лишь в некоторых рассуждениях о красоте, природе, непостижимости можно угадать мотивы, постоянные в сочинении только для самого себя — «Записной книжке».

Древние тексты, религиозные формы в книжке постоянно сплетаются здесь со злободневным, современным. Таковы, например, рассуждения Лунина о неточности русского перевода фрагмента из «Деяний апостолов», где апостол Павел говорит римскому прокуратору Феликсу: «как я знаю, что ты многие годы *справедливо* судишь сей народ, то *тем свободнее* могу я говорить в защищение себя». Лунин уверен (и в этой уверенности отчетливо проявляется личность декабриста), что апостол, зная Феликса, не мог одобрить его управления и сказать: ты судишь справедливо. Это была бы малодушная лесть со стороны подсудимого. Говоривший всегда свободно, иногда слишком свободно не мог сказать: «Тем свободнее могу я говорить».

Религиозная проблематика «Записной книжки» завершается примечательным выводом о декабристах: «Можно говорить о заблуждениях и проступках этих апостолов свободы, как Писание говорит о дани, которую отдавали людским слабостям апостолы веры».

Апостолы свободы — лунинская автохарактеристика и определение движения в целом. В этих словах скрыто и стремление к жертве, страданию — то, чего Лунин добьется, создавая и распространяя свои сочинения.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Сохранившиеся письма Лунина, не вошедшие в цикл «Писем из Сибири», отнесены в настоящем издании к основному корпусу текстов прежде всего из-за близости, порою неразделимости частных и общественно-политических посланий декабриста. Двадцать шесть писем, составивших

позднюю редакцию «Писем из Сибири», создавались в одно время, в одном историческом контексте с двадцатью семью сохранившимися сибирскими письмами Лунина к разным адресатам. Эти послания, а также несколько додекабрьских писем выявляют роль эпистолярной традиции, эпистолярного мастерства в жизни и творчестве Лунина. Ряд посланий к Е. С. Уваровой, имеющих самое непосредственное отношение к судьбе, распространению сибирских сочинений, объективно, независимо от воли декабриста, также являются своеобразным потаенным циклом.

Особое значение имеет последний, акатуйский, цикл.

Лишенный с весны 1841 г. права переписки, оторванный от сибирских друзей, декабрист в течение почти пяти лет делит заключение в самой страшной каторжной тюрьме Сибири с группой польских повстанцев и множеством уголовников-рецидивистов. Однако в Акатуе, в наихудших за всю жизнь условиях, на грани гибели Лунин продолжает прежнюю борьбу, хотя и в иных формах. Кроме нескольких смутных легенд, скупых данных Нерчинского архива (в основном расписки за полученные от сестры посылки) [19], сохранился уникальный источник о жизни Лунина в акатуйском аду, замечательный исторический и человеческий документ — двенадцать писем 1841—1845 гг. к С. Г., М. Н. и М. С. Волконским, впервые соединяемые воедино в настоящем издании.

Написанные вопреки строжайшему запрету, они сегодня производят сильнейшее впечатление одним своим внешним видом. Величие и сила этих писем заставляет признать в них один из самых примечательных российских эпистолярных памятников. Хорошо понимающий свое назначение, Лунин мог увидеть и в этих листках цельный, единый цикл, хотя никаких указаний к его распространению, естественно, не давал.

Двенадцать акатуйских писем являются эпилогом, завершающим замечательный сибирский комплекс лунинских сочинений.

СИБИРСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ЛУНИНА КАК ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

Краткий разбор отдельных элементов лунинского наследия необходимо заключить общими соображениями об историко-публицистическом значении лунинских сибирских трудов в целом.

В середине николаевского царствования близ Иркутска складывается один из центров российского вольнодумства. В течение четырех с половиною лет Лунин, с помощью нескольких друзей и сочувствователей, завершает и готовит ряд художественно-публицистических сочинений. На огромном расстоянии от привычного столичного общества, журналистики, на втором десятилетии насильственной изоляции он не только сохраняет лучшие традиции декабристского мышления и поведения, но и движется вперед, значительно расширяя и обогащая прежние идеи.

---

[19] ГАЧО, ф. 31, оп. 1, № 1331, 1372, 1568, 2854.

При всем разнообразии сибирских трудов Лунина, они, как отмечалось, представляют целостное единство. Вряд ли в самом начале наступательных действий у Лунина был уже четкий, сложившийся план определенной серии работ, но, когда с течением времени рождались и осуществлялись новые замыслы,— их связь, взаимодействие, естественно, осознавались автором. Позднейший список (1839 г.), озаглавленный Луниным «Темы для разработки», охватывал восемь мотивов, в основном осуществленных в ряде работ. Настоящее издание, где впервые собраны воедино практически все законченные, неоконченные, черновые, едва намеченные тексты Лунина, в полной мере помогает ощутить всю значительность, величие общего замысла.

В основе его лежало постоянно и широко толкуемое декабристом понятие традиции, «Предания». В «Записной книжке» этому посвящены несколько важных текстов. Таковы рассуждения декабриста о «мертвых языках» как особом носителе *Предания*; о поэмах Гомера, значение которых не в «поэтических красотах», но в сохранении, передаче существенной, глубинной истины, составляющей основу истории и человеческого существования. Понятие *Предания*, как видим, применено в последнем случае к художественному произведению, сочиненному за много лет до появления христианства.

Во всем многообразии исторических событий Лунин видит некоторые незыблемые идеи, которые обнаруживают и передают человечеству носители *Предания*. Не сомневаясь в божественном происхождении естественных идей, Лунин видит и в своей деятельности стремление к отысканию, воплощению Предания. «Итак, братия, стойте и держите *Предания*» — эти строки из священного писания Лунин поместил сразу вслед за планом «Писем из Сибири». Выбрав за образец Гомера, Тацита, он находит реализацию *Предания* и в событиях последующих веков, тысячелетий; старается проследить генеральную идею исторически.

Наиболее древние исторические темы лунинских работ связаны с античностью: в Акатуе писался недошедший к нам труд о Гомере; древности посвящены «Исторические этюды», а также наброски этюдов о Риме I—II вв. в «Записной книжке».

В ряде лунинских работ рассматривается история средних веков: «Розыск исторический» сравнивал принципиально отличающиеся, по понятиям декабриста, естественные и неестественные исторические условия Англии и России. Великая хартия вольностей, рождение английского парламента и т. п. представлены как естественные, соответствующие *Преданию* формы движения человеческой истории, завоеванные в нелегкой борьбе с противниками свободы. Российская же история трактуется как отклонение, искажение, длительная победа самодержавия и деспотизма над первоначальной вольностью.

Для 1830—1840-х годов, когда уже существовала французская историческая школа и дух историзма все больше утверждался в науке и литературе (в России одним из ярчайших его носителей был Пушкин), подобный взгляд на ход истории был довольно архаичным и соответствовал нормам XVIII — начала XIX в. В ту пору в трудах западных историков

эпохи Просвещения, в «Истории государства Российского» Карамзина, в декабристской историографии (Никита Муравьев и др.),— в этих сочинениях, написанных с разных общественно-политических позиций (декабристы, например, противостояли Карамзину), об исторических, нравственных законах говорилось обычно как о неизменных в течение тысячелетий. В то же время некоторые историки старой школы в своей практической деятельности постоянно «оспаривали» сами себя, прибегая к стихийному историзму. Это вполне относится и к Лунину, который отнюдь не догматичен: он тонко и верно оценивает смену исторических обстоятельств, историко-политический контекст разных событий, удаленных на века. Более того, столкновение в трудах Лунина общих, «вечных» принципов *Предания*, а также реальных лиц, страстей и событий создает особый художественный фон, диалектику «высокого» и «низкого», вечного и повседневного: как в трех эпиграфах к «Записной книжке»...

Следует признать, что устаревшие принципы исторического подхода не устаревали для Лунина и его друзей как гибкая форма аккумуляции прогрессивных, освободительных идей. Это особенно видно в лунинских работах, посвященных более близким временам.

Ближайшей предысторией декабрьских событий были обширные примечания Н. Муравьева к лунинскому «Разбору» — по существу первая краткая история освободительного, «конституционного» движения в России XVI—XIX вв. Здесь, на русской почве, демонстрировалась борьба свободы с деспотизмом: регулярное возрождение первой и временные успехи последней. Само возобновление подавленного свободолюбия было для декабристов признаком естественности, неодолимости прогрессивной идеи.

Центром, сердцевиной лунинского замысла были, конечно, работы о тайных обществах.

Интерес к истории вызывал у декабристов и их современников обостренное чувство возможной потери, исчезновения важнейших свидетельств. Вообще усилившееся в общественной мысли 20—40-х годов историческое самосознание вызвало известное определение И. В. Киреевского: «История в наше время есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития: направление историческое объясняет все» [20].

Касаясь материалов о Народной войне 1770-х годов, Пушкин замечал: «Дело о Пугачеве, доныне не распечатанное, находилось в государственном санкт-петербургском архиве вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы. Государь император по своем восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило» (*Пушкин*, IX, с. 1).

20 лет спустя Герцен, только что создавший Вольную типографию, взывал к соотечественникам: «Мы в *третий* раз обращаемся с просьбой

---

[20] *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979, с. 59—60.

ко всем грамотным в России доставлять нам списки Пушкина, Лермонтова и др., ходящие по рукам известные всем ...

Рукописи погибнут наконец — их надобно закрепить печатью» (*Герцен*, XII, с. 270).

Во «Взгляде», «Разборе», «Письмах из Сибири» развита декабристская версия десятилетней истории тайных обществ, восстания, расправы над восставшими. Из писем Лунина к сестре (1839—1840) видно, что декабрист задумал вслед за «Взглядом» и «Разбором» третью специальную работу о 14 декабря — подробную историю следствия и суда 1825—1826 гг., но написать не успел.

Экскурсы Лунина в древность, средневековье, декабристскую эпоху были для 1840-х годов современны «как вчерашняя газета» (этими словами Пушкин оценивал «Историю» Карамзина); часть же лунинских работ была непосредственно посвящена недавним событиям, развернувшимся уже в период декабристской каторги и ссылки. Таковы «Письма из Сибири», «Взгляд на польские дела», «Общественное движение в России в нынешнее царствование» — первый свободный исторический обзор новейшей эпохи, 1825—1840 гг.

В целом историко-художественный замысел Лунина, даже не осуществленный полностью, является сам по себе значительным достижением российской культуры, свободной мысли. Внутри этой огромной конструкции — множество живых, актуальных мыслей, наблюдений: первая история декабризма; своеобразная историко-политическая теория развития русского освободительного движения; оригинальная концепция польского вопроса, поднявшаяся над характерной односторонностью и предрассудками века; новый взгляд брошен на проблему народа, народного мнения, народных потребностей. Наконец, все сочинения Лунина пронизаны высокой идеей свободной личности — бесстрашной, ироничной, всегда внутренне свободной, объективной к врагам и друзьям, готовой к жертве, лишенной страха. В отличие от прежней, рылеевской, жертвенности, Лунин не предлагает конкретных коллективных действий. Концепция свободы направлена более внутрь, чем вовне, он демонстрирует готовность умереть ради сохранения личного достоинства и исповедания того, что считает истиной.

Ярчайшее личностное начало и важнейшие историко-политические задачи — все это соединилось и воплотилось в особых художественных формах лунинской публицистики.

ЛУНИН — ХУДОЖНИК

Лунин писал в разных жанрах: «Письма из Сибири» — художественно-публицистический, эпистолярный комплекс; «Исторические этюды» — можно сказать художественно-публицистический конспект. Количественно преобладают историко-публицистические трактаты, но рядом — фрагменты мемуарно-дневникового типа.

В поисках наилучшего способа «пробуждения апатии» декабрист идет несколькими путями. Его общественный темперамент реализуется то в

научных по форме попытках взглянуть на горячие общественные явления отстраненно, то в предельно опасных оценках современности вкупе с ясно представленной личной программой.

Во всем этом многообразии условно можно выделить два основных типа лунинских трудов: одни, как бы «в первом лице», с прямым авторским участием; другие — более объективные по форме — «в третьем лице».

К первой группе относятся «Письма из Сибири» вместе с другими сибирскими письмами составляющими их фон, а также дневниковые фрагменты «Записной книжки».

Вторая группа включает бо́льшую часть сибирских сочинений: личность автора и здесь проявляется ярко, постоянно, но более замаскированно.

Судя по сохранившимся рассказам современников, декабрист был с юности склонен к литературным занятиям. И. Оже рассказал о романе «Лже-Дмитрий», над которым работал Лунин; в семье Уваровых знали о польских стихах Лунина, сочиняя которые, он будто бы соперничал с Мицкевичем.

Регулярное общение с русскими литераторами, прекрасное знание европейской словесности, постоянное чтение в Сибири вырабатывали определенный оригинальный лунинский взгляд на роль литературы и разных литературных течений. 7 июня 1837 г. в «Записную книжку» внесено: «Литература во Франции пережила своего рода революцию, коей придают излишнюю важность. Перемена свойственна заблуждению. Новую школу, названную романтической, поносят столь же неосновательно, как и восхваляют прежнюю, или классическую... Классическая школа имела целью изобразить совершенного человека, который не существует, ибо природа наша греховна. Мысль эта унаследована от язычества. Отсюда рабское подражание древним, преувеличения, сухость, педантизм и все недостатки, за которые упрекают эту школу».

Продолжая свои размышления, Лунин характеризует романтиков, очевидно имея в виду под этим наименованием набирающее силу реалистическое направление в западной литературе (о русской словесности речи как будто нет): «Наконец наступает пресыщение воображаемым совершенством. Принимаются изображать столь же лживо, в формах и красках самых ярких, несовершенство человеческой природы. Искусственную красоту заменило искусственное уродство. Таково происхождение романтической школы. Она погружается в грязь, как предшественница ее терялась в облаках. Результат остается тот же; но влияние ее, вероятно, будет менее длительным и менее вредным, ибо дьявол скорее внушает отвращение, если видны его рога, чем представая в образе светлого ангела».

Таким образом, обе литературные школы не устраивают Лунина, хотя первая «менее вредна».

Сатира, особенно литературно-сатирическое использование священного писания, декабристом не приемлется решительно, и он обрушивается на «Потерянный рай» Мильтона.

Каков же его литературный идеал?

«Одна страница Тацита,— записывает Лунин,— лучше знакомит с римлянами, нежели вся история Роллена или мечтания Гиббона. Читать и изучать сочинения древних следует не для того, чтобы открыть в них идеал красоты, как утверждают риторы, но чтобы уловить гармонию целого вместе с диссонансами, добро и зло, свет и тени».

Итак, Тацит, гармония целого со всеми противоречиями — вот один из образцов для Лунина. В «Плане начальных занятий» среди авторов, которых рекомендует декабрист, сравнительно немного «чистых» прозаиков, поэтов, драматургов: преобладают художественные публицисты, эссеисты, мастера эпистолярного жанра (Севинье, Честерфилд, Брум, Руссо, древнеримские и английские историки). Художественная публицистика, история — те жанры, в которых Лунин и выступал,— очевидно представляются ему самым действенным путем открытия и осмысления *Предания*. Можно сказать, что Лунин хотел стать Тацитом своей эпохи: следуя манере великого римлянина, представить окружающий мир, осветить его своим взглядом, присутствием своей личности и в конце концов рассказать потомкам то, чего «не сможет» (по его мнению) заметить ни классик, ни романтик.

Подобные претензии могли бы при других обстоятельствах показаться наивными. Однако во глубине Восточной Сибири ссыльный без прав, оригинальный и талантливый мыслитель историческими параллелями самого себя вдохновляет, подвигает на деятельность и жертву.

Латинская и греческая традиции — то, что Лунин сам сознавал и не уставал подчеркивать,— действительно, один из источников его творчества. Многое в его писаниях — краткость, сдержанность, афористичность, стиль, который Пушкин назвал бы «важным»,— роднит с творениями Тацита, Фукидида и других историков-писателей древности. Старая декабристская свободолюбивая традиция, обращенная к античным героям (Аристид, Катон, Брут) находит в Лунине достойное завершение. Его сочинения, поступки, подвиги, гибель были во многом сознательно ориентированы на древние образцы.

Античные мастера были, конечно, не единственными предшественниками Лунина. Разрабатывая важнейшие проблемы своего века, декабрист и в решении чисто литературных задач совпадает с рядом своих современников. У Лунина оригинальны, глубоко индивидуальны особые формы соединения личного с общим; динамика «Писем из Сибири» и других сочинений отличается неожиданными, поражающими читателя быстрыми переходами из области абстрактной мысли к проблемам любви, и вдруг, как бы между прочим, к проблемам общественным. Воспоминания о далеких годах, проведенных в Польше, дополняются «сибирским дневником» (встречи с Марией Волконской, замечательный эпистолярный портрет слуги Василича). Параллельно вводятся цитаты из прессы, официальных документов — и снова личность, личные обстоятельства автора.

Подобное свободное смешение было хорошо знакомо Лунину и его читателям по многим образцам. Таковы, между прочим, «Мои темницы» Сильвио Пеллико (1832); таковы разнообразные произведения европейской и русской критики, публицистики 1830—1840-х годов. Быстрота,

легкость, ирония, свободная плавность лунинского изложения позволяют видеть в «Письмах из Сибири» один из подступов к тому жанру, который через 15—20 лет блистательно осуществится в «Былом и думах» Герцена.

Нельзя, конечно, отрицать прямого или косвенного литературного влияния на Лунина русской, европейской публицистики, но не менее важны идейные, стилистические совпадения у Лунина и неизвестных ему современных авторов: подобное явление порождалось общностью времени, общностью мыслей и тревог.

Очень интересно в этой связи хотя бы кратко сопоставить сочинения Лунина и Чаадаева. Вполне вероятно, что декабрист знал «Философическое письмо», но никаких откликов в его рукописях не имеется.

Налицо как черты сходства, так и любопытнейшие отличия многих элементов в «Письмах из Сибири» и «Философических письмах».

Оба автора, Лунин и Чаадаев, принадлежат одному, декабристскому, поколению; в 1826 г. Лунин попал в тюрьму, затем на каторгу, в ссылку, Чаадаев — в опале, под надзором.

Каждый написал религиозно-философские сочинения, посвященные главнейшим проблемам современности. Дата публикации «Философического письма» (1836) совпадает с началом лунинских наступательных действий.

Оба мыслителя поплатились за свою смелость: Лунина второй раз арестовали и отправили в тюрьму, Чаадаев подвергнут домашнему аресту, объявлен сумасшедшим.

Первое «Философическое письмо» было опубликовано, остальные сочинения Чаадаева многие десятилетия оставались под спудом. Лунину при жизни опубликовать ничего не удалось, его рукописи также надолго исчезают.

Оба публициста писали по-французски. При этом Лунин сам и перевел большинство своих трудов на русский язык, в результате чего складывался его оригинальный «двуязычный» слог. Чаадаев сам не переводил свои труды, но постоянно размышлял о языковой стихии, призывая, между прочим, Пушкина писать к нему по-русски («Вы должны говорить на языке своего призвания») (*Пушкин*, XIV, с. 176 [21]).

Оба мыслителя обладают блестящим литературным дарованием. Манера Чаадаева более объективна, абстрактна. Лунин — более свободен в вариациях формы, более конкретен, историчен.

Наконец, идеи: у обоих ощутимо предчувствие новой эпохи, огромных переворотов; у Чаадаева профетический мотив пожалуй сильнее, Лунин — более рационален.

И Лунин и Чаадаев, размышляя о России, придают большое значение религиозному сознанию, связывают достижения Европы с благотворным, по их мнению, влиянием католицизма; Чаадаев, однако, беспощадно отрицает античную культуру, мешающую познать «тайну века», Лунин же придерживается противоположного мнения, и в этом с ним солидарен Пушкин, который в письме к Чаадаеву (6 июля 1831 г.), в частности, заступался за Гомера (см. *Пушкин*, XIV, с. 188).

[21] Пушкин «отказал» Чаадаеву и продолжал с ним переписку по-французски.

Чаадаев (как видно по его письмам И. Д. Якушкину и некоторым другим материалам) отрицает необходимость, закономерность 14 декабря, рассматривает это событие как случайность, как эпизод в стороне от генерального движения к «тайне века». Лунин, неоднократно досадуя на ошибки восставших, в отличие от Чаадаева, находит в самом факте декабристского движения важнейший исторический симптом.

Общий взгляд Лунина и Н. Муравьева на русскую историю в целом оптимистичнее чаадаевского. Философ, живший на свободе, порою приходил в отчаяние, отрицая прошлое, настоящее и будущее своей страны, Лунин после многих лет тюрьмы и Сибири не хуже Чаадаева видит темные, умирающие формы российской жизни, «всеобщую апатию» — однако верит в неоспоримость *Предания*, в прогресс, пусть медленный и незримый. Он сам и его товарищи, «апостолы свободы»,— живое предсказание будущего.

Исторические судьбы чаадаевских и лунинских идей различны. Заслугой этих и других современных им российских мыслителей был страстный, ценой свободы и жизни, поиск освобождающей истины. Именно с 1840-х годов, со времени этих поисков, В. И. Ленин отсчитывал период, когда «передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области» [22].

СУДЬБА ЛУНИНА

Лунин стремился распространить свои труды, его помощники (Н. Муравьев, Громницкий, Волконские) знакомят с текстами других декабристов, сохраняют копии ряда сочинений. Позже лунинские тексты оказались в распоряжении и декабристов, находившихся в Западной Сибири (Пущин, Якушкин, Муравьев-Апостол, Фонвизин). Этот сравнительно узкий круг читателей сыграет первостепенную роль в последующей судьбе лунинских сочинений.

Другая возможность для распространения была реализована в определенном кругу сибирской интеллигенции. Как выяснило следствие 1841 г., работы Лунина переписывали, хранили и читали его духовник ксендз Гатицкий, учитель иркутской гимназии Журавлев и его жена, казачий офицер Черепанов, кяхтинский учитель Крюков, кяхтинский священник Добросердов, полицмейстер иркутского солеваренного завода Василевский; вероятно также смотритель училищ Голубцов, священник Горяинов, учитель Яблонский. Сверх того, существовал круг полуосведомленных, любопытствующих лиц вроде чиновника-ревизора Л. Ф. Львова, свидетеля второго ареста Лунина.

Стремясь ознакомить со своими сочинениями не только единомышленников, декабрист в конце концов стал жертвою доноса, поданного П. Н. Успенским, чиновником особых поручений при иркутском генерал-губерна-

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

торе. Надо думать, что еще несколько тайных помощников Лунина ускользнуло от следствия. Не была раскрыта и система конспиративных связей декабриста с Петербургом и Москвой, те «оказии» (торговые каналы нескольких влиятельных иркутских купцов), с помощью которых работы и письма Лунина доставлялись Е. С. Уваровой.

В посреднической деятельности сестры Лунин видел третий важнейший путь распространения своих текстов.

Овладев необходимой конспирацией, декабрист требовал и от Уваровой подобных действий, желая приобщения к своей миссии новых адептов, столичных и заграничных. Существовала версия о пересылке лунинских сочинений за границу (во Францию или Англию), сохранилось прямое указание Лунина на будто бы существующее парижское издание «Разбора»; в разное время о том были опубликованы смутные свидетельства. Теперь, однако, вопрос можно считать решенным: усилиями С. Я. Гессена и С. Б. Окуня показана недостоверность всех сведений о заграничных публикациях. К тому же во втором лунинском деле отсутствуют какие бы то ни было намеки на подобную возможность (см. *Окунь*, с. 230—237).

Оспоривая факт зарубежных лунинских изданий начала 1840-х годов, нужно, тем не менее, отнестись к этому слуху как к важной, тревожной для властей и ободряющей друзей молве, возможно распускаемой Луниным сознательно — в ожидании действительных заграничных публикаций в недалеком будущем. Это преувеличение некоторых желаемых мотивов вообще один из лунинских приемов: таковы, например, строки в ряде его работ о «всеобщем сочувствии» к декабристам и их семьям.

Сестра декабриста Е. С. Уварова, по всей видимости, не выполнила указаний насчет конспиративной рассылки рукописей: во-первых, она боялась ухудшить участь брата; во-вторых, была оторвана от живых общественных сил, которые могли бы оценить, впитать лунинские идеи, подвинуть их к новым читателям.

Уварова не прибегла к бесцензурным изданиям, но все же не уничтожила опаснейшие письма и статьи брата. Лунин требовал их показать Александру и Николаю Тургеневым, распространять «среди знакомых, начиная с министров». Уварова пробует — и Александр Тургенев (в дневнике) ее бранит:

31 марта 1840 г.: «Обедал с Чаадаевым у Катерины Федоровны Муравьевой. Дружеская беседа, главным образом о Лунине. Тараторка-сестра вредит ему, а он — другим, ибо и их почитает того же мнения».

18 июня 1840 г.: «С Уваровой — выговаривал ей болтовню ее» [23].

Из «министров» откликнулась «кавалерственная дама» Екатерина Захаровна Канкрина. Троюродная сестра Лунина и родная сестра декабриста Артамона Муравьева была женою министра финансов Е. Ф. Канкрина; прочитав одно или несколько сибирских писем, она отправила в Урик ободряющее послание, а свой ответ Канкриной Лунин (не называя адресата по имени) включил в раннюю редакцию «Писем из Сибири»: «Я счастлив был узнать, что мои письма к сестре вас интересуют. В них

[23] Звезда, 1940, № 8/9, с. 264—265.

изложены мысли, приведшие меня на эшафот, в каземат и в ссылку... Гласность, какую приобретают мои письма благодаря усердному их переписыванию, обращает их в политическое оружие, коим я должен пользоваться для защиты дела свободы. Мысль о вашем ко мне расположении, сударыня, будет мне мощной поддержкой в этой опасной борьбе».

В архиве Канкрина лунинские бумаги, однако, не сохранились; А. И. Тургенев не уничтожил переданную ему рукопись лунинского «Взгляда на Тайное общество», но автографический список был похоронен в его бумагах. Надежды Лунина, что его труд будет отправлен на Запад, декабристу-эмигранту Николаю Тургеневу, не осуществились.

Хождение в 1840-х годах «Писем из Сибири», «Разбора», «Взгляда» как за границей, так и в столицах маловероятно.

«Людям 40-х годов» — Герцену, Огареву, Грановскому, Белинскому, Ивану Тургеневу, Анненкову, Кетчеру, Коршу, Кавелину, Аксаковым, Хомякову, Киреевским, а также сотням читателей, единомышленникам этих людей очень не хватало декабристского голоса с Востока: сочинения Лунина, можно сказать, ходили «поблизости» — ведь А. И. Тургенев был знаком с Герценом и многими другими передовыми мыслителями; герценовским приятелем был и кузен Лунина А. П. Полуденский. Сходство взглядов у многих столичных свободолюбцев и уриковского ссыльного было велико, разница вызвала бы важные споры.

Личность Лунина, его положение, мысли, древняя важность слога, живые переходы от общего к личному, твердая уверенность в необходимом пробуждении от апатии — все это вошло бы в культуру и мысль 1840-х годов. «Письма из Сибири», «Разбор Донесения», «Взгляд на Тайное общество», «Взгляд на польские дела», «Общественное движение в России» так или иначе отразились бы в десятках серьезных книг, статей, лекций — как это случилось с «Философическим письмом» Чаадаева.

Однако «люди 40-х годов» Лунина, по всей видимости, не прочитали. Точнее, получили его сочинения 20 лет спустя, в 1860-х годах.

В столицах наиболее ранние списки лунинских сочинений, обнаруженные в архивах С. Д. Полторацкого и П. И. Бартенева, относятся к 1850-м годам (ПЗ, IX, с. 107).

Тяжелые условия ссылки, постоянная опасность, апатия и страх, сковавшие многих,— все это свело круг прижизненных читателей Лунина в лучшем случае к нескольким десяткам вольных и подневольных жителей Сибири. Следует отметить и продуманную тактику властей, отыскавших два способа изоляции Лунина от его потенциальных читателей. Первый способ — карательный: Лунина, Громницкого, нескольких читателей-сибиряков арестовали; их запугивали и в большинстве случаев добились нужных признаний (сам Лунин, конечно, не в счет). Рукописи декабриста были захвачены, отвезены в Петербург и упрятаны в архиве III отделения.

Другой же правительственный путь — умаление значения лунинского дела. Понимая, что крупные репрессии могут усилить интерес у многих, не слыхавших о тайной деятельности декабриста, Николай I, Бенкендорф

и Дубельт в условиях сравнительно спокойного, внешне стабильного внутреннего положения в начале 1840-х годов пришли к выводу о пользе максимального умалчивания, создания впечатления о незначительности происшедшего.

Лунин справедливо допускал, что за продолжение противоправительственных действий в Сибири его может постигнуть любая кара, вплоть до смертной казни (как это было с И. И. Сухиновым); однако его отправили в Акатуй без приговора и огласки, административным порядком, до новых распоряжений из Петербурга. Громницкий, уличенный в сотрудничестве с Луниным, был оставлен на прежнем месте ссылки под надзором. С другими арестантами-сибиряками обошлись сравнительно мягко; имея сведения о вероятном соучастии Н. Муравьева, о помощи Лунину со стороны Волконского и других ссыльных декабристов, власть не сочла нужным привлекать их к делу. Более того, она как бы не желала замечать, сколь разнообразные тексты конфискованы у Лунина. Дубельт и его «эксперты», разобрав захваченные бумаги, хорошо поняли (как это видно из соответствующих документов), что в их руках — несколько сочинений: «Письма из Сибири», «Взгляд», «Розыск исторический», «Разбор», «Исторические этюды», «Записная книжка» и сверх того разные «возмутительные тексты» других авторов. Многие из захваченных работ к тому же были представлены в нескольких экземплярах. Однако по пути от экспертизы тайной полиции до решения по делу Лунина и его помощников первоначальные сведения Дубельта удивительно трансформировались. В последующих официальных бумагах везде фигурирует лишь одно лунинское сочинение — «Взгляд на Тайное общество»; других — как будто и не бывало. Именно ко «Взгляду» относился донос Успенского, и власть следует исключительно этому доносу, не желая выходить за его пределы.

Год спустя, 27 февраля 1842 г., в кратком резюме об итогах всего дела Бенкендорф передавал военному министру А. И. Чернышеву без всяких комментариев вымышленную версию Лунина, будто «сочинение «Взгляд на Тайное общество» было написано им без участия других, во время нахождения его в Петровском заводе в угодность уже умершего коменданта сего завода Лепарского, желавшего иметь ближайшее понятие о существовавшем тайном обществе, и сочинения сего кроме Лепарского и государственного преступника Иванова, также уже умершего, никому он не показывал».

Далее Бенкендорф перечислил нескольких сибиряков, замешанных в этом деле, и «благодушно» заметил: «Ничего более для пояснения сего дела не открыто и, кроме отобранных у означенных лиц и доставленных ко мне экземпляров сочинений Лунина, других по Восточной Сибири вновь не обнаружено, и вообще не представилось повода заключить, чтобы в настоящем деле существовало какое-либо сообщничество» [24].

3 декабря 1845 г. декабрист «скоропостижно скончался» в Акатуе, немного не дожив до своего 58-летия.

---

[24] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, № 13197. л. 3—4.

Распространение легенд и рассказов о его убийстве (по тайному приказу свыше или по инициативе «акатуевских стражей»), подозрительная неясность официальных документов — все это в высшей степени характерное завершение необыкновенной биографии необыкновенного человека, где реальность и легенда порою трудно различаются, а иногда и совершенно неотделимы (см. *Эйдельман*, с. 335—344). Началась сложная посмертная судьба лунинского наследия. Лунинские сочинения навсегда остались одним из лучших образцов сибирской декабристской публицистики, созданном и (пусть в очень узком кругу) распространенном. Это было первое активное декабристское выступление после сухиновского дела.

Без сомнения сам факт этого выступления и содержание лунинских работ имели значительное влияние на эволюцию декабристской мысли в Сибири.

Первые впечатления многих товарищей по ссылке были скептическими, даже негативными. Расправа с Луниным, согласно декабристским письмам и воспоминаниям, вызвала у ссыльных ожидание широких репрессий: некоторые мемуарные замыслы были отложены, кое-какие опасные бумаги уничтожены [25]; но мысли, поступки Лунина теперь навсегда существовали в сознании его товарищей, так или иначе воздействуя на их новые замыслы. Позже, в 1850—1870-х годах, основной формой деятельности для декабристов станут воспоминания (Якушкин, Пущин, Бестужевы, Розен, Оболенский, Лорер, Горбачевский и многие другие). Историческое же обозрение, теоретическое осмысление первого русского революционного движения в основном возьмут на себя Герцен и Огарев, затем деятели следующих революционных поколений.

Однако до того, как начался период мемуаров, т. е. в 1830—1840-х годах, самими декабристами были сделаны важнейшие попытки теоретических обобщений. Два начинания особенно значительны. Первое, раннее — это письма и статьи Лунина с участием Никиты Муравьева; второе — недавно открывшаяся в полном объеме (благодаря исследованиям С. В. Житомирской и С. В. Мироненко) литературная деятельность М. А. Фонвизина. Главные труды Фонвизина, при всех отличиях от лунинских, также имели преимущественно историко-публицистический характер; декабрист без сомнения знал труды предшественников, между прочим, опирался на краткую историю русского освободительного движения, приложенную Н. Муравьевым к лунинскому «Разбору».

Следующий этап в истории лунинского наследия связан с публикациями Вольной русской типографии. В конце 1850-х и в 1860-х годах в «Полярной звезде», «Колоколе», сборниках «Записки декабристов» впервые публикуются «Разбор Донесения», «Взгляд на Тайное общество», «Письма из Сибири», а также некоторые воспоминания о Лунине и его деятельности; основными источниками вольных публикаций явились списки лунинских трудов и воспоминания, сохраненные в декабристском кругу.

---

[25] См.: *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов. ЛН. т. 59, с. 754.

Значение Герцена и его печати как продолжения, развития декабристских традиций общеизвестно. Герцен и Огарев постоянно говорили о первых революционерах как о «фаланге героев», «богатырях, кованных из чистой стали с головы до ног». Касаясь ошибок, слабостей движения, в первую очередь его удаленности от народа, Герцен не расширял эту тему, представляя своим читателям правду о декабризме с элементом известной идеализации, легенды. Одним из главных стимулов для подобного подхода, полагаем, было то обстоятельство, что первый пласт декабристских материалов, попавший в Вольную типографию, был связан с Луниным.

15 февраля 1859 г. в 36-м листе «Колокола» появилась анонимная публикация «Из воспоминаний о Лунине», где впервые была обрисована неповторимая личность декабриста. Ряд подлинных историй, вперемежку с полулегендарными и недостоверными версиями, явно восходил к информации лунинских друзей. С. Я. Штрайх полагал, что статья прислана Д. И. Завалишиным, но этот факт был позже оспорен в комментариях к герценовскому собранию сочинений (см. *Герцен*, XIV, с. 591). Не исключено авторство племянника Лунина С. Ф. Уварова.

Герцен проявил исключительный интерес к этому материалу и, редактируя, очевидно ввел в текст несколько фраз, прибавил знаменательную концовку: «Да, славен и велик был наш авангард! Такие личности не вырабатываются у народа даром...» [26]. Отозвался Герцен и в редакционном примечании к публикации: «Бесконечно благодарим мы приславшего нам эту статью» (*Герцен*, XIV, с. 362). В этом же примечании издатель «Колокола» сообщал, что располагает рядом лунинских работ, которые и были вскоре опубликованы в «Полярной звезде».

Первая встреча с Луниным, по-видимому, многое определила в декабристской концепции Герцена. Позже доставленные в Лондон материалы Якушкина, Пущина, Бестужевых, Штейнгейля, Трубецкого и других декабристов обогатили, расширили взгляды Герцена и Огарева на дворянских революционеров, создали основу для многостороннего исторического подхода; и все же то обстоятельство, что именно Лунин «явился» к Герцену и Огареву первым, было сильнейшим впечатлением издателей «Колокола» и «Полярной звезды», действительно встретившихся с «героем, богатырем из кованой стали». Герцен после того не раз отзовется о Лунине и его поколении: «гордая, непреклонная, подавляющая отвага Лунина»; «Лунин — один из тончайших умов и деликатнейших»; «〈«Разбор»〉 — превосходная статья»; наконец: «Что это было за удивительное поколение, из которого вышли Пестели, Якушкины, Фонвизины, Муравьевы, Пущины».

Так началась вторая жизнь лунинских сочинений — при почти не осуществленной первой жизни.

В течение полувека лондонские публикации были несколько раз переизданы за границей; только 1905 год снял запрет с лунинского слова в России: через 60 лет после смерти декабриста его сочинения, по тексту герценовских изданий, были несколько раз напечатаны на родине.

---

[26] Колокол, л. 36, 15 февраля 1859 г., с. 293.

Первые лунинские публикации в советское время также основывались на текстах Вольной русской типографии, и только с 1923 г. вводятся в оборот рукописи декабриста.

Неполные, не всегда точные издания лунинского наследия — с опозданием на несколько десятилетий — ввели труды необыкновенного декабриста в русло российской прогрессивной мысли и культуры. Параллельно на страницах исторических журналов прорывалась декабристская тематика, где заметное место занимали мемуары о Лунине. В 1860—1900-х годах были напечатаны рассказы М. Бестужева, Завалишина, Свистунова, Басаргина, Лорера, Гангеблова, Волконского, Розена, Н. Н. Муравьева, И. Оже, других авторитетных свидетелей [27]. Новые сведения о личности, «анекдоты» о Лунине выходили на свет интенсивнее, чем новые тексты декабриста. Тем не менее после 1860-х годов прежде почти забытый образ этого человека постоянно привлекает внимание писателей, мыслителей.

Ф. М. Достоевский, рассуждая о герое «Бесов» Николае Всеволодовиче Ставрогине, использовал фигуру Лунина для важных, острых характеристик и размышлений [28].

Сохранились разнообразные свидетельства об интересе Л. Н. Толстого к фигуре декабриста. В 1878 г. писатель спрашивал о Лунине у П. Н. Свистунова [29], записывал (очевидно для повести «Декабристы») «приметы» Лунина — «рыжий, высокий» [30]; согласно свидетельству С. А. Берса, «декабрист Лунин удивлял Льва Николаевича Толстого своей несокрушимой энергией и сарказмом».

Для полного обозрения дореволюционной литературы о Лунине необходимо было бы проанализировать всю полемику вокруг декабристов. Любопытно, что парадоксальная личность Лунина привлекала публицистов, писателей, историков разных направлений, от революционеров до Мережковского [31], представители враждующих течений в лунинских противоречиях часто искали и находили свое. Так, издатель «Русского архива» и замечательный собиратель исторических материалов П. И. Бартенев, к 1863 г. человек уже довольно умеренных славянофильских воззрений, отделял Лунина и еще немногих декабристов от других, по его мнению, «слепых» противников власти. Заметив в «Полярной звезде» слова Огарева — «юридически — рациональный протест Лунина» (ПЗ, VI, с. 347),— Бартенев пишет на полях собственного экземпляра VI книги альманаха: «Из этого конгломерата протестов только протест Лунина можно назвать трезвым и совершенно выдержанным. Лунин займет высокое место в истории революционных обществ в России, слишком бедных такими личностями, как его, Пестеля, Муравьева и Рылеева; впрочем, людей, подобных им, никогда не считают десятками» [32].

---

[27] Краткий обзор литературы о Лунине см. *Штрайх*, I, с. 116—121.
[28] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т., т. X. Л., 1974, с. 165.
[29] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 62, с. 45.
[30] Там же, т. 17, с. 463.
[31] Лунин является персонажем пятой части его романа «Александр I».
[32] ОПИ ГИМ, ф. 368, № 65.

Злободневность декабристской, лунинской темы сказывалась, между прочим, в том, что одновременно с упоминаниями о декабристе в серьезных исторических трудах (А. Н. Пыпин, В. И. Семевский) — его рукописи оставались под запретом; рассказы о Лунине множились в печати — но очерк о нем и некоторых других декабристах, подготовленный С. А. Панчулидзевым для «Сборника биографий кавалергардов», не появился в печати даже в 1906 г.

В конце XIX — начале XX столетия вышли работы В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, посвященные проблемам революционного наследия. Страницы Ленина о трех поколениях русского освободительного движения, об исторической роли декабристов отдавали должное и всему движению в целом, и каждому из первых революционеров, в частности [33]. В статье «Памяти Герцена» Ленин с одобрением и признанием процитировал высокие слова Герцена о декабристах, как «фаланге героев» [34]; выше уже отмечалось, что подобная точка зрения Герцена на предшественников в немалой степени сложилась под влиянием первой встречи с декабристской мыслью, с произведениями и личностью Лунина.

Новый этап посмертной судьбы декабриста, естественно, начинается в 1917 г.

В 1920—1930-х годах, благодаря возможности использовать прежде недоступные комплексы лунинских бумаг, выходит ряд новых статей и книг о нем: это был форменный переворот в освоении наследия замечательного декабриста-писателя. Одновременно с обнародованием сочинений и следственных документов открывались интересные материалы и в Сибири, вводились в оборот неизвестные прежде биографические материалы, ценные воспоминания других декабристов о Лунине.

Вот хронологический перечень наиболее важных публикаций.

1923 г. Выход книги «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма». Редакция и примечания С. Я. Штрайха.

Это издание — основное для последующих нескольких десятилетий; несмотря на его немалые недостатки, здесь впервые напечатаны, по автографам, тексты четырех лунинских работ («Письма из Сибири», «Разбор», «Взгляд», «Розыск»), а также большие извлечения из «Записной книжки» декабриста и важные документальные приложения.

1925 г. В книге Б. Г. Кубалова «Декабристы в Восточной Сибири» публикуются письма Лунина, фрагменты его второго следственного дела (1841).

1926 г. Выход второго сборника работ Лунина под редакцией и с примечаниями С. Я. Штрайха — «Общественное движение в России. Письма из Сибири».

1926 г. В III книге сб. «Атеней», а также книге С. Я. Гессена и М. С. Когана «Декабрист Лунин и его время» печатаются письма Лунина из Акатуя и другие материалы.

---

[33] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 93—94.
[34] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 255.

1926 г. В сб. «Декабристы на каторге и в ссылке» М. Муравьев впервые публикует лунинскую статью «Взгляд на польские дела».

1927 г. В III томе документальной серии «Восстание декабристов» напечатано следственное дело Лунина (1825—1826).

1930 г. В. С. Манассеин публикует опись сибирской библиотеки Лунина и статью о книжном собрании декабриста (в журнале «Библиотековедение и библиография», 1930, № 1—2).

В 1934 г. подготавливалось, но, к сожалению, не осуществилось новое издание сочинений декабриста (в серии «классики революционной мысли домарксового периода») [35].

Крупным событием в освоении лунинского наследия было появление в те годы интереснейшей темы Лунин и Пушкин — в связи с расшифровкой потаенной X главы «Евгения Онегина» и другими материалами [36].

Достижения 1920—1930-х годов создавали возможности, стимулировали необходимость монографического исследования жизни и творчества Лунина. Задача была исключительно сложна ввиду специфических особенностей биографии, трудностей многостороннего охвата лунинского наследия. С. Я. Штрайх, С. Я. Гессен, Б. Г. Кубалов и другие декабристоведы, публикуя важнейшие лунинские документы, сопроводили их очерками личности декабриста, его идейной жизни.

В последующие десятилетия выходят монографические исследования (С. Б. Окунь, Н. Я. Эйдельман), обобщаются накопленные материалы и вводится ряд новых, осуществляются повторные публикации ряда сочинений декабриста по текстам, напечатанным С. Я. Штрайхом в 1923—1926 гг.[37]

Общественный интерес к движению декабристов, особенно возросший в связи со 150-летним юбилеем 14 декабря, сопровождался усилением интереса к личности и борьбе Лунина: о нем выходят новые исследования, пишутся романы, повести, пьесы, стихотворения. В эту же пору лунинские труды переиздаются и изучаются на Западе [38].

Как это часто бывает, новый этап освоения прошлого, опираясь на уже сделанное, в то же время выявляет слабости, пробелы прежнего изучения и настоятельно требует новых публикаций, исследований. Недостатки ранее напечатанного о Лунине очевидны: во-первых, рассеянность статей и документов по разным, в основном редким, труднодоступным книгам и журналам. Достаточно сказать, что для ознакомления с 12 письмами из Акатуя нужно, например, соединить четыре разновременных издания.

Второй пробел — отсутствие должным образом апробированного текста лунинских работ — сначала на языке подлинника (чаще всего фран-

---

[35] Сообщение А. Ратнера.— Книжное обозрение, 16 мая 1980 г.

[36] См.: *Гессен С.* Лунин и Пушкин.— Каторга и ссылка, 1929, № 6 (55), с. 86—94.

[37] См.: Мемуары декабристов Северного общества. М., 1981 («Записки М. С. Лунина» на с. 279—306); «И дум высокое стремленье» (биб-ка рус. худ. публицистики). М., 1981 и др.

[38] См.: *Barratt G. R.* M. S. Lunin: A catholic, decembrist. P., 1976.

цузском), потом — в переводе. Многоязычная культура замечательного писателя, мыслителя, революционера может быть достаточно полно представлена только соединением в одном издании как русских, так и иностранных текстов Лунина.

По этому поводу сам декабрист тонко заметил, что «помощь перевода недостаточна. Он передает только мысль, никогда [не передавая] чувства во всей его свежести и полноте».

Исследователи творчества Лунина не раз отмечали то прискорбное обстоятельство, что вследствие ограниченного объема прежних изданий его работы воспроизводились только по-русски. Авторитетными специалистами критиковались и недостатки имеющихся переводов. Так, М. К. Азадовский писал 30. IX 1931 г. С. Я. Гессену: «Когда будете издавать Лунина, позаботьтесь о переводах. Настойте пред издательством, чтобы был приглашен для перевода какой-нибудь крупный художник. Я даже не знаю, кто сможет по-настоящему передать обаяние стиля Лунина». Относительно имеющихся переводов автор письма находил, что «в них нет того шарма, который всегда отличает лунинские писания».

Третьим существенным минусом прежней «лунинианы» является отсутствие или недостаточность текстологических и реальных комментариев к сочинениям декабриста.

Издание, предпринятое в серии «Литературных памятников», должно, насколько это возможно, преодолеть пробелы предыдущих публикаций.

Тексты Лунина печатаются по автографам на языке подлинника, с заново выверенными переводами. Лунинское наследие впервые объединено в одной книге. Научный комментарий к изданию составлен с учетом того, что достигнуто за последние десятилетия при изучении биографии и творчества декабриста.

Разумеется, составители-комментаторы отдают себе отчет — как много белых пятен в изучении Лунина останется и после настоящего издания.

Неизвестна судьба некоторых сочинений декабриста, требуются специальные розыски, связанные с его библиотекой, много загадок едва ли не в каждом периоде его биографии; место лунинской деятельности в истории русского освободительного движения — многосложная проблема, которая, несомненно, в будущем может быть уточнена.

При всем при том составители-комментаторы настоящего издания надеются, что современный читатель найдет в нем богатые материалы о России 1830—1840-х годов, уникальные сводки о Сибири и сибирских ссыльных, большой пласт декабристской публицистики, истории, мемуаристики, важные проблемы российской историографии, тему польско-русских отношений и связей.

Наконец, сам образ Лунина — величественное проявление человеческого духа, высокий полет вольной, прекрасной мысли.

И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ М. С. ЛУНИНА. СОСТАВ ИЗДАНИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

Лунинское заглавие «Письма из Сибири» трактуется в настоящем издании в двух планах: узком и широком. В узком смысле — это открывающий книгу эпистолярно-публицистический цикл: письма к сестре, Е. С. Уваровой, отобранные и обработанные Луниным.

В широком же смысле все сибирские сочинения и письма декабриста, как завершенные, так и черновые, взаимосвязаны, составляют единый художественно-тематический цикл, создававшийся почти одновременно. Основной текст книги составляют шесть завершенных сочинений Лунина, три работы, имеющие характер заметок, набросков, а также «Записная книжка» декабриста и 36 сохранившихся его писем (не считая тех, что вошли в «Письма из Сибири»). В раздел «Дополнения» включены две редакции «Духовного завещания» Лунина, тексты двух лунинских работ (из числа вошедших в основной корпус книги) — в переводе, опубликованном в «Полярной звезде» Герцена и Огарева, а также три мемуарных документа, восходящих к рассказам Лунина и его близких родственников.

Сочинение Лунина «План начальных занятий», а также четыре его письма и три приписки к письмам Н. М. Муравьева публикуются в настоящем издании впервые. «Исторические этюды» и «Записная книжка» Лунина прежде печатались фрагментарно, теперь они воспроизводятся полностью.

Сочинения Лунина, написанные на иностранных языках (французском, английском, латинском), а также большая часть писем публикуются не только в переводе, но и впервые на языке подлинника (только «Взгляд на польские дела» и некоторые письма были в свое время опубликованы по-французски и в русском переводе); уточнены все прежние переводы на русский язык.

Книга «Письма из Сибири» не является полным собранием сочинений и писем Лунина: некоторые документы и деловые бумаги декабриста только цитируются или упоминаются в комментариях.

При всем том настоящее издание является самой обширной научной публикацией лунинского наследия.

При его подготовке были изучены и сопоставлены лунинские материалы, сосредоточенные в ряде хранилищ СССР.

I. РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛУНИНА

Сложная, трагическая судьба декабриста отразилась и на судьбе его рукописей.

I. Самый значительный массив материалов — в архиве III отделения, куда были доставлены бумаги Лунина, конфискованные после его второго

ареста (1841). Они хранятся в деле «О государственном преступнике Михаиле Лунине» (ЦГАОР СССР, ф. 109, I экспедиция, 1826 г. ед. хр. 61, ч. 61). Этот свод документов формировался в течение длительного времени. В «Реестре бумагам, находящимся в этом деле» первым значится письмо Е. С. Уваровой к графу А. Х. Бенкендорфу от 24 марта 1832 г. Последний документ дела — уведомление Л. В. Дубельта о «действительной смерти» Лунина, направленное Уваровой 18 апреля 1846 г. Дело имело сплошную нумерацию листов от л. 1 до л. 134, после чего шли не включенные в нумерацию приложения, обозначенные в конце «Реестра» как «Пакет с бумагами, принадлежащими Лунину» и «Пакет с бумагами, отобранными у государственного преступника Лунина» (второй пакет был помещен между лл. 87 и 88 дела, первый — в конце его). Надпись на первом пакете не уточняла его содержимого: «К делу 1826 года № 61, часть 61-я. Бумаги Лунина (10 и 1 книжка)», но оно выясняется из жандармской записки, составленной для доклада царю (которую он «изволил читать» 25 мая 1841 г. см. *Штрайх*, I, с. 106). Здесь значилось восемь «примечательных» документов и групп документов, которые при первом просмотре были пронумерованы Л. В. Дубельтом (не все цифровые пометы сохранились). Управляющий III отделением обозначил первым номером «писанный на французском языке рукою Лунина «Взгляд на Тайное общество в России от 1816 по 1826 год»». Вторым — «Разбор Донесения тайной следственной комиссии», написанный Луниным на английском языке. Третьим в записке были отмечены вписанные Луниным в особую книжку «мысли религиозные и политические,— замечания о законах и разных мерах правительственных», четвертым — «его же рукою — историческая записка об Анадырском остроге, построенном за полвека тому назад для обуздания непокорных чукочь». «Историческое сочинение о древней Греции с описанием гонений, понесенных великими ее мужьями, за любовь их к отечеству» имеет отметку Дубельта «5». Далее в записке под № 6 перечислялись три басни, переписанные лунинской рукой (но Лунину не принадлежащие), письмо к Лунину И. И. Завалишина (7); наконец — «возмутительные о Польше стихи и молитвы»: «четыре бумаги», написанные разными неизвестными почерками на польском языке (8).

Все перечисленные рукописи, кроме «Исторической записки об Анадырском остроге», хранятся и сейчас в «Деле» Лунина, хотя не в особом пакете. При переформировании «Дела» в 1923 г. рукописи были извлечены из пакета, частично расшиты и перемещены в начало с новыми литерными номерами. Рукописи из второго пакета остались на прежнем месте между листами 87 и 88. Возможно с этим расформированием «Дела» связано исчезновение из него записки об Анадырском остроге. Первый советский биограф Лунина С. Я. Штрайх утверждал, что «Записка об Анадырском остроге представляет собой ряд выписок, не интересных (?!) для характеристики историко-политических взглядов Лунина (*Штрайх*, I, с. 107). Можно полагать поэтому, что он его видел, и до 1923 г. это не дошедшее до нас сочинение декабриста еще хранилось в его «Деле». Обращает на себя внимание несовпадение числа «бумаг Лунина», указанных на па-

кете, с числом их, вытекающим из жандармской записки при любом способе подсчета ее данных (если следовать номерам, то «бумаг» 7 и 1 книжка, если считать отдельные документы, то их 12 и 1 книжка). Возможно, таким образом, что в жандармской записке были указаны не все содержавшиеся первоначально в пакете документы. Второй пакет «с бумагами, отобранными у государственного преступника Лунина», как выясняется из «Дела», содержал две тетрадки. В одной из них были «Письма из Сибири» (так называемая «Запрещенная тетрадь» — название это введено в литературу С. Я. Штрайхом, заимствовавшим его из подзаголовка тетради: «Запрещены 15 сентября 1838 года» — *Штрайх*, I, с. 122), в другой — «Взгляд на русское Тайное общество с 1816 до 1826 года» и «Розыск исторический». Они переписаны не рукой Лунина и были отобраны не у него, а у офицера Черепанова, получившего их от учителя Журавлева, который, в свою очередь, был связан с декабристом Громницким («Дело», лл. 80, 80 об., 64). Почерк первой тетради неизвестен. Вторая тетрадь, по всей видимости, переписана Журавлевым (почерк сходен с подписью Журавлева на его показаниях) и его женой Еленой Журавлевой, которая в 1841 г. показала: «Копию с рукописи под именем «Взгляда на Тайное общество» я помогала писать мужу. Содержание я понимала плохо. Оригинал был русский, формат был в поллиста, рукою Громницкого» (ГАИО, ф. 24, оп. 3, № 6, кар. 30, л. 20). См.: *Перцева Т. А.* К вопросу о распространении рукописей Лунина.— В кн.: Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975.

В ЦГАОР СССР хранятся и другие материалы Лунина, подлинные и копийные. В фонде 48 находится его дело Следственной комиссии 1826 г. (ВД, т. III. М.— Л., 1927, с. 111—130). В архиве семьи Волконских отложился комплекс документальных материалов о декабристах, собранных М. С. Волконским (ЦГАОР СССР, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 1964, 2050). Особый интерес к личности Лунина побудил Волконского, в ту пору высокопоставленного сановника, заказать копии с ряда официальных документов, отложившихся в III отделении и других архивах. М. С. Волконский свидетельствовал, что документы «взяты частью» из Архива Главного Управления Восточной Сибири и архивов Петровского и Нерчинских заводов [1]. Документы из архива III отделения легли в основу первого собрания сочинений декабриста: «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма» под редакцией и с примечаниями С. Я. Штрайха (Пг., 1923); широко использовались соответствующие материалы и в исследованиях С. Я. Гессена, М. С. Когана, С. Б. Окуня и др.

II. Большой комплекс лунинских рукописей сосредоточился у его сестры, Е. С. Уваровой. В 1925 г. часть их поступила в Музей революции СССР. 22 декабря 1925 г. в книгу поступлений музея под порядковым номером 1733 были записаны купленные у А. Н. Тихомирова за 500 рублей «Документы из архива декабриста Лунина: письма, статьи и другие документы — все автографы Лунина (11 экземпляров)». Из описи

[1] См.: Записки Сергия Григорьевича Волконского. 2-е изд., 1902, с. III (предисловие М. С. Волконского); ЦГАОР, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 2050 (л. 166—176).

приобретенных материалов, составленной бывшим владельцем архива и хранящейся в настоящее время в отделе учета Музея революции, можно понять, что в составе этих документов были: 1. «Взгляд на русское Тайное общество» (французский автограф Лунина); 2. «Письма из Сибири» (французский автограф Лунина); 3. «Разбор Донесения тайной следственной комиссии» (французский автограф Лунина); 4. Примечания («Notes») к «Разбору», французский автограф Лунина (ошибочно принятый составителем описи за самостоятельное сочинение); 5. «Письма из Сибири», вторая серия (составителем описи названы «Письма к сестре»), список русского перевода рукою Громницкого (владелец архива ошибочно написал: «Косьминского»; он же неоправданно полагал, что примечания в текст вписаны рукой Лунина); 6. «Взгляд на польские дела» (французский автограф Лунина); 7. «Общественное движение в России в нынешнее царствование» (французский автограф Лунина); 8. Три письма к сестре от 15 сентября 1839, 13/1 декабря 1839, 28/16 января 1840 (французские автографы).

Всем этим комплексом рукописей пользовался С. Я. Штрайх. В своей второй книге «Декабрист М. С. Лунин. Общественное движение в России. Письма из Сибири» (М.; Л., 1926) он впервые опубликовал хранившиеся в Музее революции, никогда не печатавшиеся ранее три письма Лунина к сестре и вынесенную в заголовок книги статью декабриста «Общественное движение...» Остальные рукописи Музея революции он подробно описал в особом послесловии. В их числе под № 5 был детально описан французский автограф «Писем из Сибири» (№ 2 по описи Тихомирова), вошедший с тех пор в литературу как «музейный» экземпляр. Ученый свидетельствовал (*Штрайх*, II, с. 46—50), что в тетрадке в восьмую писчего листа, на 44 страницах, были переписаны декабристом письма первой серии (предисловие и 17 писем) и 4 письма второй серии (к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, к сестре от 15/27 сентября 1839 г., «Поляки» и «Рабы»).

В 1944 г. часть документальных материалов из коллекций Музея революции, и в их числе бумаги Лунина, были переданы в Государственный Исторический музей. Передача комплекса сочинений Лунина была документирована очень глухо. В описи, приложенной к акту передачи, под № 926 значились «Рукописи Лунина М. С. на фр. яз. 7 док. (61+13 лл.)» и отдельно под № 291 «Письма М. С. Лунина к сестре и письмо к Бенкендорфу (12+2 лл.)», т. е. вторая серия «Писем из Сибири», переписанная Громницким (№ 5 по описи Тихомирова). Подсчет листов французских автографов Лунина, хранящихся и сейчас в Отделе письменных источников ГИМ, показывает, что туда поступили из Музея революции все рукописи этого комплекса, кроме «музейного» автографа «Писем из Сибири». В Музее революции его также обнаружить не удалось.

III. Другая часть материалов Лунина, сохранившихся у потомков Е. С. Уваровой, попала в Рукописный отдел библиотеки АН СССР в Ленинграде, оттуда была передана в Отдел рукописей Пушкинского Дома и составила основу хранящегося там фонда декабриста (ф. 368). В этом фонде отложились и письма Е. С. Уваровой к Лунину (всего 179), оче-

видно, возвращенные ей из Сибири после второго ареста и смерти брата. Небольшой архив племянника декабриста, С. Ф. Уварова, где находятся ценные его дневники, поступил в Румянцевский музей вместе с библиотекой Уварова от родственника Уваровых С. Ф. Красильщикова (Записки ЛБ, вып. 36. М., 1975, с. 114).

IV. Важный комплекс лунинских документов сохранили С. Г. и М. Н. Волконские, друзья и фактически главные душеприказчики декабриста; из семьи Волконских рукописи перешли в распоряжение Б. Л. и Л. Б. Модзалевских и ныне находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ПД, ф. 187, собрание Б. Л. и Л. Б. Модзалевских). Здесь сосредоточились письма из Акатуя к Волконским («Письмы от покойного моего друга Михаила Сергеича — из его Акатуйского заточения»,— написал С. Г. Волконский на пакете); сверх того — «Письма из Сибири» (первая и вторая серия, автограф Лунина на французском языке), «Разбор Донесения тайной следственной комиссии» (автограф на русском языке; примечания рукой Громницкого), «Взгляд на польские дела» (автограф на французском языке) и французский список «Взгляда на русское Тайное общество», сделанный С. Г. Волконским. Из записки Б. Л. Модзалевского неизвестному лицу, сохранившейся в этом фонде ПД, видно, что ученый знал о существовании французских автографов двух лунинских работ — «Общественное движение в России в нынешнее царствование» и «Взгляд на польские дела г-на Иванова, члена тайного общества Соединенных славян». Трудно сказать, шла ли речь о рукописях, которые затем были проданы Тихомировым в Музей революции, или о каких-то других. Несомненно одно, что эта записка была написана раньше, чем в распоряжении Б. Л. Модзалевского оказались лунинские автографы из собрания Волконских. Именно от Волконских, по всей видимости, ведут свое происхождение разные копии «Разбора Донесения...», «Взгляда на Тайное общество», «Писем из Сибири», «Взгляда на польские дела», попавшие к декабристам и другим собирателям, распространителям (подробно о списках лунинских сочинений см. в наст. изд. в комментариях к соответствующим работам). В свою очередь, эти копии явились важнейшим первоисточником для первых печатных публикаций лунинского наследия, появившихся в Вольной печати Герцена в конце 1850-х — начале 1860-х годов.

V. В Архив II отделения собственной канцелярии после 1830 г. попали из Варшавы документы канцелярии великого князя Константина Павловича, среди которых — бумаги Лунина, изъятые у него при аресте в 1826 г. (ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, № 1408[е], 10 пакетов). Здесь представлены его хозяйственные, служебные бумаги, 40 писем к Лунину жены полковника Глазенапа и др. Тематически это собрание в основном осталось за пределами данного издания, посвященного литературно-политической деятельности декабриста.

VI. Официальные материалы, связанные с пребыванием Лунина в сибирской каторге и ссылке, в частности документы второго следствия о нем (1841 г.), отложились, во-первых, в упомянутом выше «Деле» III отделения (ЦГАОР, ф. 109); во-вторых, в Государственном Архиве Иркут-

ской области в фонде Главного управления Восточной Сибири (Ф. 24); эти документы были частично опубликованы Б. Г. Кубаловым в сборнике «Декабристы в Восточной Сибири» (Иркутск, 1925).

VII. Документы Лунина во время его заточения в Акатуе, а также дело о его смерти — в Государственном Архиве Читинской области, ф. 31 (Архив Нерчинского горного правления, оп. 1, д. 1331). О лунинских документах, оставшихся после смерти декабриста в Акатуе, сведений мало. Аукцион, состоявшийся летом 1850 г. в Нерчинском заводе, разделил остатки его имущества между десятками покупателей. Больше других приобрел поручик Виктор Федосеевич Янчуковский. Купленные им 120 лунинских книг и какой-то портрет до сей поры не обнаружены (см. *Эйдельман*, с. 344—345).

Краткий обзор «лунинских бумаг» почти исчерпывает известное нам рукописное наследие декабриста. Выявлены лишь отдельные письма Лунина к нескольким адресатам (см. наст. изд., с. 220), что оставляет далеко не решенным вопрос о судьбе весьма значительной части его эпистолярии. До нас не дошли многие письма к декабристу его товарищей по каторге и ссылке, почти ничего неизвестно о литературной работе Лунина в Акатуе. Тем не менее главнейшие сочинения уцелели и могут дать полное представление о Лунине — публицисте, писателе, мыслителе.

II. СОСТАВ ИЗДАНИЯ

Особые обстоятельства, в которых жил и работал Лунин, неповторимое своеобразие его авторской манеры и целей его сибирской литературно-публицистической деятельности — все это придает исключительное значение творческой истории его произведений, проблемам происхождения и назначения различных автографов и списков их, связи его заметок, черновых записей, конспектов, писем, даже деловых документов с сочинениями завершенными, подготовленными к распространению. Необходимость представить читателям наследие Лунина в возможно большей полноте и во всех взаимосвязях отдельных его частей определила состав настоящего издания.

Основной корпус его включает в себя не только шесть законченных сочинений Лунина — «Письма из Сибири», «Взгляд на русское Тайное общество», «Розыск исторический», «Разбор Донесения тайной следственной комиссии», «Взгляд на польские дела», «Общественное движение в России...», но и тексты «Плана начальных занятий», «Исторических этюдов», лунинские заметки о мемуарах, «Записную книжку».

Эпистолярное наследие декабриста — от первого сохранившегося письма 1814 г. к Артамону Муравьеву до последнего потаенного послания из Акатуя в 1845 г.— также неразделимо с его литературно-политическими сочинениями.

Основной корпус лунинских работ сопровождается «Дополнениями». Их открывают две редакции «Духовного завещания» Лунина, документа, хронологически значительно более раннего (1818—1819), чем все сибир-

ские работы, но очень важного для всей последующей биографии и общественного поприща декабриста.

Следующий раздел «Дополнений» посвящен тем лунинским сочинениям, которые были напечатаны в 1859—1862 гг. Вольной печатью А. И. Герцена и Н. П. Огарева: 1) «Письма Лунина к сестре» («Полярная звезда», кн. VI. Лондон, 1861 г.); 2) «Взгляд на Тайное общество в России»; 3) «Разбор Донесения тайной следственной комиссии» (сначала в «Полярной звезде», кн. V. Лондон, 1859 г., затем — в «Записках декабристов», кн. I—II. Лондон, 1862 г.) [2].

Необходимость публикации этих текстов, несмотря на то, что названные произведения в нашем издании представлены в подлинниках и переводах, диктуется обстоятельствами историческими, текстологическими и лингвистическими. Лунинские страницы Вольной русской печати более 60 лет были по существу единственными обнародованными текстами декабриста и сыграли особую роль в знакомстве нескольких поколений с его наследием: некоторые особенности публикаций Вольной русской печати позволяют предположить, что они (более всего — «Письма из Сибири») восходят к утраченным автографам или авторским спискам сочинений Лунина; наконец, русский язык первых опубликованных переводов Лунина хотя и не является адекватным русской речи декабриста, но отражает языковую стихию, отделенную от лунинской сравнительно небольшим временем.

«Дополнения» завершаются воспоминаниями, принадлежащими декабристу М. А. Фонвизину, Е. С. Уваровой и ее сыну С. Ф. Уварову. В рассказах этих людей, записанных прямо или косвенно со слов Лунина, слышится живой голос их героя; в них содержатся, пусть в устной, посреднической передаче, свидетельства самого декабриста о важнейших эпизодах его жизни. Необходимость помещения этих мемуаров в настоящем издании определяется также малой известностью и неизученностью по сравнению с другими воспоминаниями современников о Лунине (Басаргин, Розен, Трубецкой и др.).

III. ХРОНОЛОГИЯ

Одна из основных проблем издания — максимально точная датировка разных этапов лунинской работы над его сибирскими сочинениями. Вопрос представляет немалые трудности, ибо декабрист постоянно — по-видимому, до самого своего ареста в 1841 г.— продолжал «шлифовку», перевод, переработку, комментирование тех произведений, которые уже прежде начал распространять. Поскольку для самого Лунина сибирские сочинения составляли определенное единство, всякая новая работа декабриста как-то влияла на судьбу остальных. Поэтому можно говорить, что в известном смысле все лунинские сибирские сочинения создавались одновременно, в 1836—1841 гг. Некоторые же основные хронологические вехи внутри этого периода таковы:

[2] Текст «Разбора», опубликованного в наст. изд. по русскому автографу Лунина, в «Дополнениях» только комментируется.

Июнь 1836 г.— Лунин, водворившись на поселение в селе Урик (в 18 верстах от Иркутска), получает с этого времени право самостоятельно писать сестре.

Почта из села отправлялась один раз в неделю; судя по всему, в первые месяцы своего поселенного житья Лунин почтового дня не пропускал: письмо сестре от 29 сентября 1836 г. помечено Луниным «№ 8», письмо от 1 мая 1837 г.— «№ 38»; 30 писем ровно за 30 недель. Таким образом, можно вычислить, что первое послание из Урика в Петербург к Е. С. Уваровой — собственноручное (а не продиктованное Волконской, как прежде, на каторге) — очевидно отправлено 11 августа 1836 г.

29 сентября 1836 г. письмо № 8 — самое раннее из тех, что позже будут включены в «Письма из Сибири».

Ноябрь — декабрь 1836 г.— первые тексты, внесенные в «Записную книжку».

1836—1837. В ряде писем к сестре формируется замысел Лунина — формально легально, через почтовую цензуру, распространить свободные суждения по целому кругу общественно-политических и этических сюжетов. Несколько позже Лунин выразит убежденность, что «многие из писем моих, переданных через императорскую канцелярию, уже читаются». В «Записную книжку» вносится ряд текстов, имеющих дневниковый характер и, вероятно, связанных с мемуарным замыслом Лунина.

16 декабря 1837 г. Первая реакция властей: Бенкендорф сообщает Е. С. Уваровой, что ее брат «мало ... исправился в отношении образа мыслей и ... мало по сему заслуживает испрашиваемых для него милостей» (*Окунь*, с. 145).

15 марта, 29 апреля 1838 г.— сожжение Луниным записок и дневника (см. «Заметки о мемуарах», наст. изд., с. 162).

Первая половина 1838 г.— работа Лунина над «Взглядом на русское Тайное общество» и «Розыском историческим» (*Окунь*, с. 178—179).

5 августа 1838 г. Очередные письма сестре от 26 мая, 2 и 16 июня 1838 г. вызывают новые неудовольствия III отделения, которое находит в посланиях Лунина «дерзкие мысли и суждения, не соответственные его положению» (*Окунь*, с. 146). Следствием этого является специальное письмо управляющего III отделением А. Н. Мордвинова от 5 августа к иркутскому генерал-губернатору Руперту.

15 сентября 1838 г. Руперт вызывает Лунина и запрещает ему переписку на год.

Сентябрь 1838 г. (после 15). Завершение работы над «Взглядом на русское Тайное общество»: в последних строках этого сочинения говорится о запрещении выражать мысли «даже в простых письмах к родным» (наст. изд., с. 57).

Июль — сентябрь 1838 г. Лунин знакомит гостящего у него П. Ф. Громницкого со «Взглядом», а также с подборкой писем к сестре. Громницкий снимает копию первой серии из 16 писем 1836—1838 гг. (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 61, л. 82 об.).

Конец 1838—1839 г. Запрещение переписки стимулирует Лунина к более активным действиям. Письма первой серии редактируются, заду-

маны новые письма. Начало работы над «Разбором» в сотрудничестве с Никитой Муравьевым.

Лунин набрасывает «План начальных занятий» для М. С. Волконского.

15 сентября 1839 г. Формальное возобновление права на переписку с сестрою. Этим днем датированы три послания Лунина — одно Бенкендорфу и два сестре. Письмо шефу жандармов и одно из писем к сестре включаются позже в цикл «Писем из Сибири» в качестве предваряющего введения. Другое письмо к сестре носит явно нелегальный характер и, очевидно, передано с оказией как сопроводительное к двум тетрадям «Писем из Сибири» (первая серия и четыре письма, которые чуть позже войдут во вторую). Лунин призывал сестру в этом послании: «Ты позаботишься пустить эти письма в обращение и размножить их в копиях. Их цель — нарушить всеобщую апатию». Совпадение дат, 15 сентября 1839 г., может быть фиктивное.

Ок. 15 октября 1839 г. В «Записную книжку» вносится план предполагаемых тем для разработки, где упоминается «История Греции» («Исторические этюды»).

Ноябрь 1839 г. Лунин завершает «Разбор Донесения тайной следственной комиссии» (вместе с Н. М. Муравьевым), а также вторую редакцию первой серии «Писем из Сибири»; в новую редакцию не включены два письма из прежней; циклу предпослано новое предисловие, датированное *17 августа 1839 г.* Наконец, происходит превращение «одночастного произведения в двухчастное» (*Окунь*, с. 153). Громницкий копирует сочинения Лунина.

1 декабря 1839 г. Отправка сестре французского текста и русского перевода «Разбора» (русский перевод «Разбора», посланный Уваровой, неизвестен, и это заставляет задуматься о том, не использован ли он ею для еще одной попытки выполнить волю брата о распространении его сочинений). Просьба к Е. С. Уваровой — прислать материалы для задуманной работы о Верховном уголовном суде.

Декабрь 1839 г.— январь 1840 г. Завершение второй серии «Писем из Сибири» (10 посланий). Некоторые письма, возможно не отправленные по почте, присоединяются к прежнему комплексу как «эпистолярная фикция». Из сочинения полулегального «Письма из Сибири» все более превращаются в нелегальное.

10 января 1840 г. Дата последнего из посланий к сестре, составляющих «Письма из Сибири»: письмо, сообщающее о прекращении регулярной переписки ввиду распоряжения Бенкендорфа насчет лунинских «непозволительных суждений о посторонних предметах».

Конец января 1840 г. очередная оказия: текст двух серий «Писем из Сибири» отправлен к сестре (судя по помете Е. С. Уваровой, получен ею 1 марта 1840 г.).

Первая половина 1840 г. Завершен «Взгляд на польские дела».

10 октября 1840 г. Последний датированный текст в «Записной книжке».

Конец 1840 г.— начало 1841 г. Завершена работа «Общественное движение в России в нынешнее царствование» (возможно в сотрудничестве с Н. М. Муравьевым): о пятнадцатилетии царствования Николая I в

очерке говорится как о свершившемся «юбилее», что позволяет датировать работу концом 1840 г.— началом 1841 г. Это подтверждается также указанием Лунина на голод 1840 г., о чем его подробно извещала сестра в июне и июле 1840 г. (см. наст. изд., с. 433).

Вторая половина 1840 г.— март 1841 г. Оказия, с помощью которой Лунин доставляет сестре «Взгляд на польские дела» и «Общественное движение...»

IV. РУКОПИСИ, РЕДАКЦИИ

В настоящем издании все сочинения Лунина публикуются по автографам декабриста или авторитетным спискам. Наличие для ряда сочинений Лунина нескольких редакций, причем некоторые из них представлены рядом отличающихся друг от друга автографов, а также списков, сделанных под наблюдением автора, существование параллельных текстов на русском, французском, английском языках создает ряд непростых эдиционных проблем.

Иноязычные писатели обычно печатаются в «Литературных памятниках» по достоверным, оригинальным текстам, но в русском переводе. Однако лунинский случай уникален: публикуются сочинения русского писателя, мыслителя, для которого основной литературный язык — французский. В прежних изданиях, за некоторыми исключениями, оригинальный текст не воспроизводился, и читатели знакомились только с переводами на русский язык. В настоящем издании помимо русских текстов Лунина и переводов воспроизводятся иноязычные оригиналы. Большинство произведений Лунина написано по-французски; некоторые тексты — по-английски, латыни (не говоря об отдельных итальянских, греческих, польских вкраплениях).

27 февраля 1837 г. декабрист занес в «Записную книжку»: «Мысли проявляются мне на французском и русском языках, религиозные иногда на латинском».

Переводы своих сочинений на русский язык Лунин осуществлял сам, о чем свидетельствует ряд русских автографов декабриста. В то же время часть русских текстов, находившихся в распоряжении Лунина, была переписана рукою П. Ф. Громницкого.

Подготовка настоящего издания потребовала сложного текстологического анализа. В ходе его решались следующие вопросы:

1) выяснение самого процесса работы Лунина и его помощников, главным образом П. Ф. Громницкого, над размножением текстов;

2) выяснение творческой истории каждого произведения и установление в результате последовательности редакций;

3) для каждой редакции — выбор наиболее авторитетного и отвечающего последней воле автора текста (причем далеко не всегда это автограф Лунина).

Особенность творческой истории сочинений Лунина состоит в том, что термин «редакция» по отношению к каждому этапу работы декабриста над данным произведением приходится применять с известной долей

условности в отличие от обычного содержания этого термина — текстуальной авторской правки. Здесь редакция состояла преимущественно в изменениях набора писем и их композиции.

«Дело» Лунина (ЦГАОР) позволяет представить процесс работы Лунина — Громницкого и получить некоторые сведения о примерном количестве списков сочинений Лунина, сделанных Громницким (плюс «копии с копии», снятые, по-видимому, А. и Е. Журавлевыми). При этом необходимо учесть противоречивость показаний Громницкого и полное отрицание его причастности Луниным.

Из «Дела» известно, что во второй приезд в Урик в июле 1838 г. Громницкий копировал «Письма из Сибири» (первая серия), «Взгляд на русское Тайное общество» и «Розыск» под диктовку или с «тетрадки собственной руки Лунина» (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 61, л. 82 об.).

В третий приезд в 1839 г. «Громницкий списывал тоже частию под диктовку Лунина, а частию с разных лоскутков его руки остальные сочинения, как то: Разбор донесения Следственной комиссии и второй отдел писем, а равно, вновь вчерне, и прежний манускрипт: Взгляд на тайное общество, исторический розыск и письма I-го отдела... В продолжение этих же месяцев были списаны: один экземпляр всех вообще означенных сочинений самим Луниным с чернового списка Громницкого, а потом Громницким, уже со списка Лунина, для Лунина набело пять экземпляров, из коих четыре остались у Лунина, а один отдан Луниным Громницкому» (л. 82 об.).

Итак, последовательность работы Лунина — Громницкого следующая: 1. Громницкий пишет под диктовку Лунина или частично списывает с его черновиков (тетрадки его руки, «разных лоскутков его руки») новые сочинения и старые, переработанные декабристом. 2. С этих черновых списков Громницкого Лунин делает новые копии. 3. С последних лунинских копий Громницкий снимает набело для Лунина по пять экземпляров списков.

Таким образом, согласно материалу второго следствия над Луниным, «кроме писем в книжке и тетрадке, с которой Лунин диктовал Громницкому Взгляд на тайное общество и исторический розыск», а также «лоскутков руки Лунина», было переписано по восемь экземпляров «Писем» первой серии, «Взгляда» и «Розыска»; по семь экземпляров «Разбора» и «Писем» второй серии.

Наиболее сложна творческая история «Писем из Сибири». Первая из дошедших до нас редакций «Писем» — текст, напечатанный в «Полярной звезде». Не только автограф этой редакции, но и список, с которого печатал Герцен, не сохранились. Очевидно, однако, что эта первая из известных редакций была на самом деле далеко не первой: следы ранней работы Лунина имеются в «Записной книжке», кроме того, в июле — сентябре 1838 г. Громницкий скопировал комплекс писем иного состава (эта копия до нас не дошла). Если текст ПЗ состоял из 19 писем — 17, впоследствии составивших «первую серию» (16 посланий к сестре и одного к Е. З. Канкриной без указания ее имени), а также двух писем (к Бенкен-

дорфу и сестре от 15/27 сентября 1839 г.), то копия Громницкого 1838 г. содержала 16 писем. Предисловие к письмам в ПЗ публиковалось не в виде отдельного документа, а как примечание к письму I. Следовательно, редакция ПЗ была фактически второй, а может быть и третьей. Мы все же называем ее первой, так как рассматриваем в дальнейшем изложении редакции, состав которых нам известен.

Вторая редакция — «музейная»: текст (французский автограф Лунина), поступивший в Музей революции из семейного архива Уваровых и описанный С. Я. Штрайхом (см. *Штрайх*, II, с. 46—50). На этом этапе «Письма из Сибири» состояли из предисловия (Préface) и 21 письма: 17 писем первой серии в том же порядке, как в «герценовской» редакции, но с некоторыми разночтениями (в частности, назван адресат письма 17, *Е. З. Канкрина*); четырех писем второй серии — после двух из них (Бенкендорфу и сестре), идентичным первым двум письмам текста ПЗ, следовали письма о поляках и крепостном праве (в более поздних редакциях они озаглавлены «Поляки», «Рабы»).

Третья редакция — «муравьевская», сведения о которой не совсем ясны: нет ни соответствующего лунинского автографа, ни непосредственно с него сделанных списков. Сохранились лишь данные о списке иного состава, чем предыдущие редакции. В 1850-х годах список из 26 писем (17 — первой серии и девять — второй на франц. яз.) был сделан в Иркутске Е. Н. Муравьевой [3]: ее муж, в то время восточно-сибирский губернатор Н. Н. Муравьев (Амурский), был двоюродным племянником Лунина, находился в дружеских отношениях с А. В. Поджио и семьей Волконских. Можно предположительно идентифицировать «муравьевскую» редакцию с копией французского текста девяти писем второй серии, сделанной по неизвестному протографу Н. К. Шильдером (ПБ, ф. 859, 18.5).

В перечне, составленном самим Луниным в его «Записной книжке» и озаглавленном «Nouvelle série», перечислено как раз девять писем второй серии. По сравнению с окончательным составом из десяти писем в этом перечне отсутствует письмо, посвященное С. Муравьеву-Апостолу. Возможно, это и есть «муравьевская» редакция.

Четвертая редакция — автограф Лунина на французском языке из собрания Волконских, хранящийся в ПД. Впервые об этой рукописи сообщил С. М. Волконский, нашедший в архиве деда декабриста тетрадку, куда Лунин сам вписал «Сибирские письма» (*Волконский С. М.*, с. 78—79). Четвертая редакция состоит из предисловия и 27 писем (франц. яз.): 17 писем первой серии (порядок и текст идентичен «музейной» редакции) и десяти писем второй серии. Кроме увеличения числа писем (сравнительно с предшествующими редакциями), письма «Рабы» и «Поляки» поменялись местами, а их тексты несколько отличны от более ранних.

Редакция Волконских является самым полным и авторитетным текстом «Писем из Сибири», завершающим определенный период лунинских работ над этим сочинением. Движение от «герценовской» редакции к

[3] Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925, с. 265—266.

редакции Волконских заключалось в увеличении числа писем (от 19 до 27) и в некоторых переменах их последовательности. При этом 17 писем первой серии переходят из редакции в редакцию, не меняя своего порядка и с незначительными разночтениями.

Отмеченные особенности рассмотренных редакций позволяют видеть в них последовательные этапы формирования комплекса «Писем из Сибири», который является их *ранней редакцией.*

Продолжая переработку своих «Писем из Сибири», Лунин в конце 1839 — начале 1840 г. создает *позднюю редакцию* своего сочинения, при этом изменениям подверглась только первая серия «Писем». Первая серия писем поздней редакции известна только в русском переводе и в единственном списке неизвестной рукой — «Запрещенной тетради», изъятой у Лунина при аресте 27 марта 1841 г. и отложившейся в «Деле» III отделения. Эта поздняя редакция первой серии состоит из предисловия и 16 писем. Соотношение этого комплекса с 17 письмами первой серии в редакции Волконских иллюстрируется следующим сопоставлением (в обоих случаях указаны порядковые номера писем — в автографе ПД и в данной публикации ЗТ).

Ранняя редакция (автограф из собрания Волконских)	*Поздняя редакция* (Запрещенная тетрадь)
1 (первая половина письма)	6 значит. переработано
1 (вторая половина письма)	7 переработано
2	12
3	8
4	3
5	11
6	16 переработано
7	2
8	14
9	4
10	9
11	отсутствует
12	5 значит. переработано
13	13
14	10 переработано
15	1 значит. переработано
16	15
17	отсутствует

Таким образом, два письма ранней редакции первой серии в поздней отсутствуют, одно письмо «разделилось» и превратилось в два (с немалой переменой текста); четыре письма — перенесены в новую редакцию с изменениями, порою значительными.

Вторая серия сохранилась в одной редакции: французский текст 10 писем (автограф Лунина в собрании Волконских ПД) и принадлежащий самому Лунину русский перевод этих писем в двух списках рукою Громницкого. Один из них, так называемая «Тетрадь Громницкого» (ТГ), хранится в деле III отделения (ЦГАОР), второй, который мы назовем «Списком Уваровой» (СУ) — в ОПИ ГИМ. «Тетрадь Громницкого» явно отредактирована Луниным (имеются вставки его рукой), в «Списке Ува-

ровой» следов его правки нет. Тем не менее разночтения между этими текстами указывают именно на второй список как на последнюю авторскую волю (подробнее см. наст. изд., с. 370, 371).

Вывод из предшествующего анализа определяет выбор текстов и их последовательность в настоящем издании. Как основная печатается поздняя редакция: первая серия «Писем» по ЗТ, вторая — по СУ. Затем публикуется ранняя редакция «Писем из Сибири» из собрания Волконских.

Издавая «Письма», мы не можем рассматривать раннюю редакцию как текст вторичный. Основания, по которым ранняя редакция воспроизводится наравне с поздней, таковы: 1) «редакция Волконских» написана рукой Лунина; 2) эта редакция на разных рассмотренных выше ее этапах копировалась декабристами, некоторыми друзьями и знакомыми Лунина; в течение 80 с лишним лет к читателям попадали именно эти тексты — решающую роль здесь играла печать Герцена; 3) «редакция Волконских» объединена не только авторским почерком, но и сохранением обеих серий в одном месте, среди бумаг Волконских: именно в таком виде автор «Писем из Сибири» счел нужным передать свое сочинение ближайшим верным людям. Первая серия, как мы показали ранее, представлена тут не в той последней редакции, русский текст которой находится в ЗТ; вторая серия приведена в окончательной редакции, той, которая в русском переводе была послана Луниным сестре. Тем не менее, весь этот французский текст, объединяющий два разные этапа работы над «Письмами», воспроизводится нами как цельный комплекс, ибо таким он был, несомненно, в какой-то момент. Те письма ранней редакции, которые потом не вошли в позднюю редакцию, либо были серьезно переработаны декабристом (их русским авторским текстом мы, следовательно, не располагаем), печатаются далее в современных русских переводах.

Публикация большинства других материалов не потребовала столь сложного анализа редакций. Лунинские работы «Розыск исторический», «Общественное движение в России...», «Исторические этюды», «План начальных занятий», «Заметки о мемуарах», а также письма и тексты, включенные в раздел «Дополнения»,— все это сохранилось в единственных экземплярах.

Два дошедших до нас французских автографа статьи «Взгляд на польские дела» идентичны, кроме незначительных разночтений. Предпочтение при публикации отдано списку Уваровой, явно предназначенному Луниным для распространения.

При публикации «Разбора Донесения...» были приняты во внимание следующие обстоятельства:

1. Сохранились автографы на трех языках — русском (основной текст — рукою Лунина, примечания — рукою Громницкого — в собрании Волконских), французском (в архиве Е. С. Уваровой) и английском (в «Деле» ЦГАОР), а также авторитетная русская копия, целиком выполненная Громницким (ЦГАОР).

2. Собственно текст «Разбора» на всех языках представляет одну редакцию, однако русский текст является результатом не только перевода,

но и последующего редактирования и, следовательно, отражает последнюю авторскую волю.

3. Тексты отличаются системой примечаний: 16 пространных примечаний сопровождают русский и французский тексты «Разбора» — наиболее вероятным их автором был декабрист Н. М. Муравьев; сверх того, в русском автографе имеется пять кратких примечаний, в списке Громницкого — шесть; английский же текст содержит 12 кратких примечаний (подр. см. в наст. изд., с. 410).

Таким образом, в издании публикуется русский автограф Лунина, затем следуют французский и английский тексты, смысловые же их разночтения представлены в комментариях.

Более сложен вопрос о выборе и передаче текста «Взгляда на русское Тайное общество». При его издании следовало учесть три французских автографа Лунина (два беловых, один черновой), а также русский перевод, переписанный с копии Громницкого, по-видимому, А. Журавлевым или его женой Е. Журавлевой.

Два беловых автографа Лунина на французском языке идентичны и были одновременно отосланы им сестре. Они представляют, следовательно, одну редакцию. Русский перевод был несомненно сделан самим Луниным, не стремившимся, однако, к точной передаче французского оригинала, а вносившим в ходе работы ряд смысловых разночтений. Таким образом, именно он, очевидно, является последним авторским текстом и его основной редакцией. Черновой автограф, имеющийся в «Деле» Лунина, содержит две вставки, отсутствующие в других текстах; неизвестно, однако, является ли это результатом предшествующей или последующей работы декабриста.

В связи со всем сказанным при издании «Взгляда» принят нами следующий порядок: печатается русский текст Лунина (по списку Громницкого — Журавлева), затем французский текст, сохранившийся в архиве Уваровой. В комментариях отмечаются смысловые отличия русского и французского текстов, там отмечены также существенные особенности ряда позднейших списков «Взгляда», принадлежавших декабристам И. И. Пущину и С. Г. Волконскому и сыгравших свою роль в последующей судьбе лунинского сочинения.

Сходные эдиционные принципы соблюдены и при публикации других лунинских сочинений 1836—1841 гг. В тех же случаях, где русские переводы, выполненные или авторизованные самим Луниным, отсутствуют («Взгляд на польские дела», «Общественное движение...», «Исторические этюды» и др.),— издательская задача иная: французские тексты декабриста публикуются вместе с современным переводом, соотнесенным, насколько было возможно, с лексикой второй половины XIX в., языковым миром Лунина.

V. ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

Тексты Лунина воспроизводятся в соответствии с современной орфографией, но с учетом особенностей и своеобразия лунинского правописания и его авторской воли. В настоящем издании в русских текстах не

сохраняется очень характерное для Лунина написание многих слов с прописной буквы. Декабрист придавал особый смысл словам, которые несли значительную идейную нагрузку: Вера, Истина, Разум, Нравственность, Провидение, История, Отечество, Мученики и др.

Лунин постоянно начинает прописной буквой и такие слова, как Политика, Власть, Правительство, Православие, Самодержавие, Народность, Нация, Церковь, Правосудие, Порядок, Престол, Правление, Королевство, Конституция; так же пишутся чины, звания, обращения к правительственным лицам, названия месяцев, некоторые прилагательные, в том числе означающие национальную принадлежность (Русский, Польский), названия национальностей, народов.

Французский и английский тексты Лунина воспроизводятся точно, со всеми особенностями его орфографии и пунктуации, хотя они в отдельных случаях отступают от современных норм этих языков. Во французском тексте отчетливо прослеживаются архаические черты орфографии XVIII в: *oi* вместо *ai* в глагольных окончаниях (*étoit*, *étoient* и т. п.) и суффиксах существительных и прилагательных (*anglois* и т. п.); *e* вместо *ai* в формах глагола faire (*fet*, *fesons*); раздельное написание сложных союзов (*par ce que* и т. п.), относительных местоимений (*le quel*, *les quels* и т. п.). Нет регулярности в воспроизведении непроизносимых конечных гласных (*encore* — *encor*) и согласных (*enfant* — *enfan*, *temps* — *tems*). Есть и другие отклонения от современного правописания (*bled* вместо *blé*, *horison* вместо *horizon* и др.). Постановка надстрочных (диакритических) знаков не всегда совпадает с принятыми нормами (*éxil* и *exil*, *intérêt* и *interêt* и т. п.). Сохраняются двоеточия, которыми Лунин пользуется очень широко, употребляя их там, где теперь ставятся точки, запятые, точки с запятой. Двоеточие означает в лунинских текстах также сокращения слов, как это было принято тогда в русском языке. В тех случаях, когда двоеточие мешает восприятию структуры, смысла фразы, оно заменяется знаками, употребляемыми современным правописанием. В орфографии и пунктуации Лунина исправляются лишь явные описки.

Лунинские переводы собственных иноязычных текстов публикуются без всяких оговорок. Словом «перевод» обозначаются современные переводы или переводы, сделанные в советское время и отредактированные для данного издания. Иноязычные вкрапления в тексте — отдельные слова, выражения и фрагменты — отмечаются звездочкой под строкой. Под строкой помещаются также примечания Лунина, часто вынесенные им на поля и обозначенные латинскими литерами.

Работа Лунина над рукописью представлена в издании путем выявления зачеркнутых и исправленных текстов. Зачеркнутые слова, а также существование непрочтенных фрагментов отмечены в подстрочных редакционных примечаниях. Подобных примечаний лишен черновой текст «Записной книжки», имеющий множество не прочитываемых зачеркиваний и выскабливаний. Разобранные слова и фрагменты помещены в тексте в угловых скобках. Все подчеркнутое в рукописях Луниным, Громницким, Н. Муравьевым выделено в издании курсивом.

Цитаты из Ветхого и Нового завета даются в соответствии с текстом

Лунина, который не всегда совпадает с каноническим переводом. Лунин не считал себя связанным правилами точного цитирования. В публикуемом тексте орфография, пунктуация и ссылки на Ветхий и Новый завет даются так, как у Лунина. Явные описки Лунина оговорены в примечаниях.

Те материалы из раздела «Дополнения», которые прежде печатались в иноязычных подлинниках, повторяются только в русских переводах.

Современные переводы с французского, а также редактирование французских и английских текстов выполнены З. Е. Александровой, переводы и редактирование латинских текстов — Г. С. Кнабе (в некоторых случаях учитывались прежние переводы). В переводе и редактировании иноязычных текстов приняли участие составители данного издания.

Составители приносят особую благодарность С. В. Житомирской, рецензенту издания, за ценные замечания, советы и непосредственную помощь в работе; пользуются возможностью поблагодарить М. И. Перпер за участие в реконструкции библиотеки М. С. Лунина, а также сотрудников архивов, библиотек и музеев, оказавших составителям всяческое содействие в сложных архивных разысканиях, в особенности Н. Б. Быстрову, И. С. Калантырскую, Н. Б. Панухину (ОПИ ГИМ), З. И. Перегудову (ЦГАОР СССР), сотрудников Музея революции СССР, Института русской литературы АН СССР, Государственного Литературного музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

ПОЗДНЯЯ РЕДАКЦИЯ

Первая серия «Писем» печатается по русскому тексту «Запрещенной тетради» (ЗТ) — ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 61, лл. 88—106 об.; тетрадь в 1/4 писчего листа (16 писем 1836—1838 гг. и предисловие 17 августа 1839 г.). Текст переписан неизвестной рукой. На листе 88 — титульная надпись «Письма из Сибири; запрещены 15 сентября 1838 года».

Письма второй серии печатаются по русскому тексту списка Е. С. Уваровой (СУ) — ОПИ ГИМ, ф. 282 (коллекция Музея революции), ед. хр. 302, лл. 103—114 (10 писем). Беловая рукопись, переписанная П. Ф. Громницким; рукою сестры Лунина на л. 103 зафиксирована дата получения: «1 Mars. 1840. Moscou». В этой рукописи очень четко, каллиграфически выделены примечания (подстрочные и в тексте), что было явно предназначено для будущих переписчиков и наборщиков. Экземпляр, посланный сестре, предназначался для распространения, а в будущем для публикации. Громницкий копировал сочинения Лунина в его доме и, конечно, согласно указаниям автора делал шрифтовую разметку текста. Четко выписанные примечания, напоминающие руку Лунина, ввели в заблуждение исследователя, решившего, что вставки сделаны самим Луниным (см. *Штрайх*, II, с. 50).

Второй авторитетный список второй серии содержится в так называемой «тетради Громницкого» (ТГ), обнаруженной властями в период второго следствия над Луниным в 1841 г. В ТГ (в 1/8 писчего листа) 10 пронумерованных, датированных писем. На ее титульном листе помета начальника III отделения Л. В. Дубельта: «удержано у Громницкого». Тетрадь вошла (как и ЗТ) в число приложений к делу «О государственном преступнике Михаиле Лунине» (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 61, лл. 29—41).

В этой тетради, переписанной П. Ф. Громницким (во время его пребывания в Урике, с конца ноября 1839 г. до середины января 1840 г.), тексту «Писем» предшествует перевод «Разбора Донесения тайной следственной комиссии» и примечаний к нему (см. наст. изд., с. 67—82). Лист 29 ТГ занят титульной надписью «Письма из Сибири 1839 и 1840 годов». Ниже — карандашная помета рукой Л. В. Дубельта: «Письма эти переведены с французского, с переменами содержания; а некоторые вовсе не были посылаемы к сестре». Десять писем второй серии, списанные по указанию Лунина, им же отредактированы. Его рукой вставлено примечание на л. 31 об.: «(а). Петр I, Екатерина II».

Хотя текст ТГ содержит прямые признаки авторского редактирования, следует все же предпочесть рукопись СУ как наиболее позднюю редакцию текста: сам факт отправки этой рукописи Е. С. Уваровой для последующего распространения — достаточно убедительный довод в пользу прямого участия Лунина в ее редактировании. Кроме того, характер разночтений между СУ и ТГ говорит об уточнении, улучшении текста, посылаемого Уваровой, по сравнению с рукописью, оставшейся в распоряжении Лунина.

В письме № 2 (л. 103 об.) после слов: «...не находится в Своде законов» в СУ имеется вставка, отсутствующая в ТГ: «Он не может находиться ни в каком Своде законов»; некоторые сокращения в списке Громницкого развернуты в СУ, предназначенном для распространения: «около 20 000 человек» (л. 107) — вместо «около 20 000», Тайное общество — вместо Т. о. и др.

Другие разночтения

СУ	ТГ
Наст. изд. с. 18	
Впечатленные от колыбели примером после слов: «Наши книги» вставлено: «обратившиеся в предмет торговли»	Впечатленные примером
с. 22	
получить награду	заслужить награду
с. 24	
хотел бы истребить	хотел бы уничтожить
с. 27	
но внятно	не внятно

О творческой истории «Писем из Сибири» и различиях редакций см. наст. изд., с. 317, 318, 362—366.

Впервые тексты ЗТ, ТГ и СУ использовал С. Штрайх (см. *Штрайх*, I). Однако при публикации «Писем из Сибири» помещались искусственно скомпонованные, сводные тексты.

Письма первой серии сохранились и в последней из ранних редакций (автографы Лунина на франц. яз.— предисловие и 17 пронумерованных, недатированных писем: ПД, ф. 187, № 77). Письма второй серии (там же, № 76, автографы Лунина на франц. яз.—10 писем) в той же редакции, что и русские переводы их в ТГ и СУ (см. наст. изд., с. 5—27). Обе серии публикуются в настоящем издании в едином комплексе — с. 28—53.

Русский текст поздней редакции «Писем из Сибири», близкий французскому тексту ранней редакции, в то же время имеет определенные смысловые отличия. Это обстоятельство было отмечено еще в жандармской аннотации на титульном листе ТГ («Письма эти переведены... с переменами содержания»).

Отличия текстов в поздней и ранней редакциях «Писем» представлены в комментариях к ним. Не оговариваются лишь вежливые, прощальные фразы, которыми сопровождается каждое лунинское письмо поздней редакции в отличие от ранней. В ранней редакции Лунин не выставлял на письмах дату и место написания. Эти разночтения в комментариях также не оговариваются.

Первая серия

Авторское предисловие

(с. 5)

Печатается по ЗТ, лл. 89—90. В конце предисловия, предпосланного письмам первой серии, выставлена дата: «1839 года. Августа 17. Иркутск». Перевод, сделанный самим Луниным (ЗТ), значительно отличается от перевода, опубликованного Герценом в ПЗ (см. наст. изд., с. 274—275).

Текст предисловия из ЗТ впервые опубликован С. Я. Штрайхом (I, 29). Он содержит важные акценты, отсутствующие в ранней редакции предисловия и усиливающие политическое звучание документа. В ранней редакции нет текста, соответствующего в поздней редакции острой реплике Лунина по поводу запрещения переписки: «Такое запрещение в политике обыкновенно невыгодно действует для власти, от которой происходит, рождая мысль о недостатке доказательств, могущих оправдать излагаемые идеи». Фраза из ранней редакции —«J'ai repris l'initiative» (буквально — «Я снова проявил инициативу») — переведена в ЗТ Луниным как «...я опять начал действия наступательные».

[1] *Генерал-губернатор... не писать в течение года.*— Уже в конце 1837 г. письма Лунина вызвали недовольство III отделения. После ряда предупреждений декабристу 15 сентября 1838 г. была запрещена переписка на один год.

[2] *Такое запрещение в политике ... оправдать излагаемые идеи.*— В ранней редакции после слов «La défense... à la comprendre et à l'aimer» («запрещение... пока не узнают и не полюбят ее») эта фраза отсутствовала.

[3] *Облако фимиама... имеет обманчивое действие призраков фантастических.*— Соответствующий текст в предисловии к ранней редакции: «Le nuage d'encens dont on entoure le gouvernement produit l'effet d'un mirage, qui trompe tous les partis par des images fantastiques» («Облако фимиама, которым окружают правительство, создает некий мираж, обманывающий все партии своими фантастическими призраками»). Возможно, Лунин в поздней редакции снял мысль о «всех партиях», рассуждая о разных выгодах, получаемых от «фимиама» правительственной, дворянской «партией».

[4] *Многие из писем моих... читаются.*— После выхода на поселение Лунин использовал предоставленное ему право переписки, которая велась под контролем сибирской администрации и III отделения. Декабрист рассчитывал, что письма к сестре, содержавшие многие разоблачения, заинтересуют чиновников-канцеляристов и ради любопытства будут ими скопированы и распространены. Подчеркивая предоставленную ему легальную возможность для выражения своих мыслей, Лунин не имел на самом деле почти никаких данных о чтении, распространении писем, прошедших через «императорскую канцелярию». Притом декабрист, естественно, надеялся и на другие пути распространения своих сочинений (с помощью сестры, товарищей по ссылке и др.).

[5] *Последним желанием Фемистокла...*— Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.), знаменитый афинский политический деятель, вождь демократической группировки, полководец и стратег, в период греко-персидских войн был изгнан из родной страны, служил персидскому царю и, согласно преданиям, покончил жизнь самоубийством, не желая воевать с соотечественниками. Лунин посвятил биографии Фемистокла также и фрагмент «Исторических этюдов» (см. наст. изд., с. 158). Среди греческих историков шли споры о подробностях кончины и местонахождении гробницы Фемистокла. Декабрист очевидно опирался на версию Фукидида: «Останки Фемистокла, как говорят, были его близкими тайно преданы земле в Аттике: открыто его нельзя было похоронить в родной земле, так как он был изгнан за измену» (*Фукидид.* История, кн. I, гл. 138).

Письмо 1*

(с. 5—6)

Печатается по ЗТ, лл. 90 об.—91, № 6.

Выставленная декабристом дата 7 апреля 1838 г. довольно условна. Данная редакция письма явилась результатом радикальной переработки письма № 15 ранней редакции (его перевод впервые напечатан в ПЗ, VI, с. 58, письмо XVII). При составлении письма № 15 ранней редакции Лунин использовал фрагменты своего еще более раннего письма к сестре, от 21 октября 1837 г. (см. наст. изд., с. 231—232). При переработке письма для поздней редакции Лунин снял все рассуждения относительно полковника Д. (явившиеся поводом для ранней редакции письма и занимавшие примерно половину текста).

Текст, перевод и примеч. к письму 15 ранней редакции «Писем из Сибири» см. наст. изд., с. 38, 40, 400.

Исключенные строки Лунин заменил в поздней редакции несколькими фразами о празднике и радости, завершив отрывок, которого не было в ранней редакции, фразой: «В первый день праздника были у меня заточенные, в которых ты принимаешь участие».

---

* Для удобства пользования ЗТ, где хронологическая последовательность писем сознательно нарушена самим Луниным, каждое письмо, помимо старых авторских номеров, получает новый «редакционный» порядковый номер.

В результате письму, теперь открывавшему первую серию, был придан более обобщающий характер; оно не отягощено частными подробностями, усилен также мотив высокого оптимизма.

1 *Любезная сестра!* — Следующие письма к сестре Лунин начинает сокращенным обращением Л. с. (так же, как в ранней редакции С. S. «Charissima Soror» — дражайшая сестра, *лат.*). Далее в тексте писем обращение дается сокращенно.

2 *В первый день праздника... заточенные...*— Лунин подчеркивал постоянную связь с кругом своих старых друзей по тайному обществу. В Урике жили: семья Никиты Муравьева, его брат Александр Муравьев, С. Г. Волконский с семьей и Ф. Б. Вольф. Тогда же или несколько позже поблизости поселились декабристы Артамон Муравьев, Трубецкие, Юшневские, Вадковский, Якубович, Громницкий, Свистунов, Панов.

3 *Не надо беспокоиться... сбираются на горизонте.*— Лунин предвидел, какую бурю вызовет его антиправительственная деятельность, пусть даже облеченная в легальную форму, и был готов к последствиям. Эта героическая готовность была одной из постоянных тем в разговорах и сочинениях Лунина.

Письмо 2

(с. 6)

Печатается по ЗТ, л. 91—91 об., № 7, дата «16 июня 1838». В последней из ранних редакций (ПД) под тем же номером, в напечатанной в ПЗ — под № IX. В архиве III отделения сохранилась французская копия этого письма, имевшего в Лунинском оригинале № 97 (ЦГАОР, ф. 109, ед. хр. 61, ч. 61, л. 16). Разночтения французских текстов из ПД и ЦГАОР крайне незначительны. Перевод, опубликованный в ПЗ, VI (с. 50—51), содержит некоторые неточности, связанные, очевидно, с неисправностью списка, находившегося в распоряжении Герцена. Слово «tourbe» ошибочно прочитано как «tombe», а потому вместо «aux émeutes qui conviennent à la tourbe» («в мятежах, свойственных толпе») — в ПЗ: «...возмущениях, приличных гробу». См. Дополнения, наст. изд., с. 279.

Данное письмо — последнее из трех писем, послуживших поводом к лишению Лунина права переписки с сестрой на один год (см. *Окунь*, с. 146).

1 *Я не участвовал... в заговорах, приличных рабам.*— Подразумеваются дворцовые перевороты, а также стихийные народные восстания, не освещенные политической идеей: Лунин не считает возможным причислить их к оппозиции (см. *Окунь*, с. 155, 156).

2 *Надеюсь... могут сказать или написать обо мне.*— Лунин говорит о «салонной оппозиции», представления о которой получал, в частности, из писем сестры, постоянно сообщавшей о различных светских новостях. Характерную ироническую отповедь Е. С. Уваровой в письме от 21 октября 1837 г. см. наст. изд., с. 231—232. Судя по аналогичным высказываниям в других трудах Лунина (особенно в статье «Общественное движение в России в нынешнее царствование»), он преувеличивал «всеобщую апатию» в стране, недооценивал прогрессивную молодежь 30—40-х годов, освободительную роль русской литературы.

Письмо 3

(с. 6)

Печатается по ЗТ, лл. 91 об.—92, № 8, дата 29 сентября.

В «Записной книжке» (с. 73) французский текст начинается со слов: «№ 8. Sibérie, 29 Septembre 1836. La St Michel» (день св. Михаила). В последней из ранних редакций (ПД) под № 4, без даты.

Разница двух французских текстов — лишь в некоторых сокращениях, произведенных Луниным при подготовке последней из ранних редакций. Так, например, предпоследняя фраза письма, в ЗК написанная по-латыни («Nunc scio vere, quia misit Dominus Angelum suum et eripuit me de manu Herodis, et de omni exspectatione plebis

judaeorum») с подстрочным французским переводом, в автографе ПД приводится только по-французски. Туда не вошла также заключительная фраза из ЗК, обращенная к сестре: «Votre affectionné frère Michel» («Любящий тебя брат Михаил»). С. Штрайх (I, с. 30) использовал оба русских перевода из ЗТ и ПЗ (VI, с. 48, письмо № VI).

1 *Невидимый хранитель судьбы моей.*— Глубоко религиозный Лунин, сообщая читателю о значении божественного провидения в его судьбе, намекает на раны («свинец»), полученные в походах и дуэлях, а также на эшафот («лезвие меча»), тяготы тюрьмы и каторги.

2 *...избавил меня от руки Ирода и от всех ожиданий народа иудейского.*— Чудесное избавление от опасностей, «от руки Ирода», трактуется Луниным как знак свыше, требующий от него подвига и самопожертвования (Ев. от Матф., гл. 2).

Письмо 4

(с. 7)

Печатается по ЗТ, л. 92—92 об., № 9. Год 1838 устанавливается по упоминанию письма № 453 от сестры (см. примеч. 1). В последней из ранних редакций (ПД) тот же номер 9. Обе редакции имеют смысловые различия (см. ниже в примеч. к наст. письму, а также к письму № 9 ранней редакции). В редакции, опубликованной впервые в ПЗ (VI, с. 53) письмо имеет № XI.

1 *Я получил от тебя № 453-й.*— В письме № 9 ранней редакции (ПД) адекватная французская фраза в начале письма отсутствует. В письме к А. Х. Бенкендорфу от 27/15 сентября 1839 г. Лунин писал, что сестра его, Уварова, «в течение десятилетнего заключения моего в казематах еженедельно писала ко мне без надежды получить ответ». Это подтверждается нумерацией писем Уваровой к брату: последнее из сохранившихся писем Е. С. Уваровой — № 593 от 8 января 1841 г. Часть писем была возвращена Уваровой: в 1925 г. 179 ее писем к брату поступили в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук; ныне — ПД, ф. 368, оп. 1, № 16—24 (см. *Павлюченко*, с. 110—125). Письмо № 453 не сохранилось, однако предшествующее ему письмо, № 452,— от 12 марта 1838 г. (ПД, ф. 368, оп. 1, № 22).

2 *Сын твой .... исполнил свой долг.*— У Е. С. Уваровой было два сына — Сергей Федорович (1820—1896), впоследствии историк, и Александр Федорович (1816—1869) (о котором речь в письме) — впоследствии гусарский полковник (см. подробнее «Из дневника С. Ф. Уварова» и примеч. к нему,— наст. изд., с. 290—298, 476).

3 *... о смерти Новосильцова...*— Николай Николаевич Новосильцев (Новосильцов) скончался 8 апреля 1836 г. В ранней редакции имя Новосильцева сопровождалось снятым в поздней редакции указанием на его должность и титул «le Président du Conseil d'Etat. Comte Novossilzoff» («Председатель Государственного совета граф Новосильцов»). См. также примеч. 5.

4 *...он имел много ума... к исключительным пользам России.*— Соответствующая фраза во французском тексте ранней редакции — «Novossilzoff avoit ... un zèle ardent pour la cause nationale» («Новосильцов имел... пламенную ревность ко благу отечества») переведена затем Луниным с важной переменой смысла: новосильцевская «ревность ко благу отечества» представлена как «ревность к исключительным пользам России»; подразумевается, конечно, ограничение независимого Царства Польского в пользу Российской империи. См. примеч. 5.

5 *Как противоположен наш жребий... адрес-календарь.*— Лунин сопоставляет свою участь каторжника и государственного преступника с участью Н. Н. Новосильцева, одного из государственных деятелей в царствование Александра I, игравшего в 1815—1830 гг. видную роль в управлении Царством Польским. В Варшаве Лунин неоднократно встречался с ним. Взгляд Лунина на «польские дела», представленный в ряде его работ, сильно отличался от великодержавной руссификаторской системы Новосильцева, ускорившей польское восстание 1830—1831 гг. (см. *Аскенази Ш.* Царство польское, 1815—1830. М., 1915; *Гессен, Коган*, с. 206—208; наст. изд., с. 325—329). В то же время под руководством Новосильцева в 1820 г. в Варшаве был составлен проект «Уставной грамоты», конституции Российской империи, при введении которой польская конституция подлежала бы упразднению. Несмотря на

чрезвычайную секретность этого документа, о нем знали декабристы и, конечно, Лунин (см.: *Кутанов Н.* Декабрист без декабря.— В кн.: Декабристы и их время, кн. II. М., 1932. Подробнее см. ИС, II, с. 191—238).

В декабре 1825 г. Лунин и Новосильцев, по-видимому, действовали заодно при попытках возвести на российский престол великого князя Константина Павловича, даже против его воли (см.: *Фонвизин*, II, с. 190; наст. изд., с. 286).

При Николае I Новосильцев был возведен в графское достоинство (1833), а в следующем году назначен председателем Государственного совета. «*Адрес-календарь*» — ежегодно составлявшийся список военных и гражданских чинов Российской империи — Лунин противопоставляет *истории*, воздающей совсем по иной шкале ценностей.

[6] Вместо завершающего «прощай» — в письме № 9 ранней редакции была фраза, впоследствии снятая Луниным: «La mention que je fais de lui dans cette lettre, est l'unique chance qui pourra transmettre son nom à la postérité» («Упоминание о нем в этом письме — вот единственный его шанс остаться в потомстве»).

Письмо 5

(с. 7)

Печатается по ЗТ, л. 93—93 об., № 10. Год 1838 устанавливается по упоминанию письма № 76, которое было получено Е. С. Уваровой 5 марта 1838 г. (как это видно из ее письма брату от 12 марта того же года; см. ПД, ф. 368, оп. 1, № 22: п. 452). Соответствующее письмо ранней редакции (ПД) имеет № 12. Оно значительно переработано Луниным (см. ниже, в примеч. к наст. письму, а также письму № 12 ранней редакции). В редакции, напечатанной в ПЗ (VI, с. 55—56), письмо имеет № XIV. Штрайх (I, с. 31—32) публиковал обе редакции, ошибочно датируя текст 1837 г.

Работа Лунина над текстом письма шла по линии максимального обобщения конкретных фактов, отсечения недостаточно характеристических деталей. Так, тема «тупости» почтового ведомства, отданного на кормление неспособному царедворцу «старой школы», в поздней редакции лишилась многих конкретных реалий, непосредственно связанных с личностью престарелого «шута» князя А. Н. Голицына. Критика все больше адресовалась не лицу, а системе в целом. Переходя от ранней редакции к поздней, Лунин также изъял фразу о декабристах, выразивших «желание служить рядовыми в кавказской армии, чтобы вернуть себе милость правительства». Это очевидно было связано с желанием декабриста повысить общественный авторитет членов Тайного общества: как раз в период создания поздней редакции «Писем» завершались и распространялись другие работы Лунина, специально посвященные истории декабристского дела («Взгляд на русское Тайное общество», «Разбор Донесения следственной комиссии»).

Мысли о «старой школе» и «злоупотреблении общественным доверием» встречаются в ряде писем Лунина. Сохранилось также близкое по содержанию и стилистике письмо Лунина к сестре, не вошедшее в цикл «Писем из Сибири» и сопровождаемое датой «15 сентября 1838 года» (см. наст. изд., с. 234).

[1] *На последней неделе... в № 76.*— В марте 1838 г. сестра, выполняя просьбу Лунина, послала Лунину часы, «чей звон столь же правилен, как все часы твоей прекрасной жизни» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 22; п. 452, франц. яз.).

[2] *...мнений своих о его управлении.*— А. Н. Голицын в качестве главноначальствующего над Почтовым департаментом организовал перлюстрацию всех писем декабристов, и Лунин резонно рассчитывал, что содержание его критики очень скоро станет известно министру.

[3] *Неспособность и мистицизм не оправдывают.*— Этой фразой завершается начальная часть письма, сильно переработанная по сравнению с соответствующим письмом № 12 ранней редакции (см. наст. изд., с. 36, 40).

[4] *...поручи армию, она завязит ее...*— Возможно имеется в виду фельдмаршал Дибич, неудачно действовавший во время польской кампании 1830—1831 гг.

[5] *...поручи дворец — сожжет...*— Имеется в виду пожар Зимнего дворца 17 декабря

1837 г. Петербургским генерал-губернатором в это время (1830—1842) был П. К. Эссен.

6 *...поручи посылку — изгадит.*— Здесь кончается текст, адекватный соответствующему письму № 12 ранней редакции. В поздней редакции Лунин продолжает развивать идеи о беспорядке «как в малых, так и в больших вещах», в то время как вся вторая половина письма № 12 ранней редакции посвящена тем декабристам, которые изъявили желание служить рядовыми в кавказской армии (см. наст. изд., с. 36, 40).

7 *Анализ силы* — это сочинение неизвестно.

Письмо 6

(с. 7)

Печатается по ЗТ, лл. 93 об.—94 об., № 1. Год 1838 устанавливается по содержанию письма, где подводятся итоги «агрономических занятий» Лунина в 1837 г. Ранняя редакция письма и в ПД (там № 1) и опубликованная в ПЗ (VI, с. 43—45, п. № III), отличается от поздней: там имеется продолжение, текст которого в ЗТ составляет самостоятельное письмо. См. ниже, письмо № 7.

С. Штрайх публиковал обе редакции письма как самостоятельные (I, с. 37, 41). Однако его предположение, будто оба документа в списке, попавшем к Герцену, были помещены рядом, а потому и приняты за одно письмо, ошибочно (там же, с. 129). В окончательной редакции Лунин сознательно выделил два письма: в первом высказывается общая мысль о неэффективности крепостнического хозяйства, происходящей не столько от плохих урожаев, сколько от препятствий, чинимых помещиками и властью. Следующее письмо (№ 7) иллюстрирует пороки крепостнической системы уже на конкретном примере — судьбе слуги Василича.

В ранней редакции отсутствует также несколько ключевых фраз, имеющихся в ЗТ: «Что делать? Ум требует мысли, как тело пищи», «В хлопотах забыл написать... Толпа удивляется тому, чего не понимает» (см. наст. изд., с. 8).

1 *Оценив потребленное и проданное... надежду.*— Подводя финансовые итоги года и считая их вполне удовлетворительными, Лунин не заботился о дальнейшем увеличении доходности своего хозяйства. С. Б. Окунь справедливо считает, что «ему чуждо было постоянное экспериментаторство в области сельского хозяйства, присущее Никите Муравьеву, равно как и коммерческое предпринимательство, свойственное его брату — Александру Муравьеву» (*Окунь*, с. 137). Благосостояние Лунина поддерживалось постоянными денежными и вещевыми посылками сестры. Так, с 1 июля 1834 по 1835 г. она получила с двух имений, Сергиевского (Тамбовской губернии) и Анина (Саратовской губ.), около 73 000 рублей дохода (ПД, ф. 368, оп. 1, № 27).

2 *...Платон и Геродот — не ладят с сохой и бороной.*— Главной помехой на хозяйственном поприще Лунина были его книжные занятия. В библиотеке декабриста в Урике, насчитывавшей около 400 книг, был хороший подбор сочинений древних авторов. Лунин не раз сообщал сестре об успешном их изучении. Наряду с восьмитомным Платоном у Лунина были сочинения Геродота, Цицерона, Тацита, Юлия Цезаря и др. (см.: *Манассеин*, с. 104—106; *Гессен*, *Коган*, с. 112). Сохранился более поздний реестр вещей и книг Лунина, отправленных ему из Урика в Акатуй в 9 ящиках в июне 1842 г. Среди книг — Платон и Геродот (см.: *Цуприк*, с. 116).

3 *...домик с пристройками...*— Получив предварительное разрешение восточносибирских властей на строительство деревянного дома «в длину на 6-ти, а в ширину на 3-х саженях», Лунин поселился в нем в ноябре 1836 г. Согласно сообщению иркутского гражданского губернатора, «дом этот со всеми принадлежностями, как то: амбаром с пересеком на две половины, погребом, конюшней, завозней (каретным сараем.— *ред.*) и сенником, банею с горницей и тесовым заплотом, обнесенным кругом всего строения, стоит не менее двух тысяч рублей ассигнациями» (*Окунь*, с. 137).

4 Следующие строки письма имеются только в поздней редакции: в соответствующем же письме № 1 ранней редакции далее — текст о слуге Лунина Василиче и его семье. См. письмо № 7 первой серии поздней редакции и примеч. 1 к нему.

5 *...болтовню доброго Сократа перед его смертью.*— Лунин перечитывает знаменитое описание смерти Сократа из диалога Платона «Федон». В списке книг Лунина, составленном после его второго ареста, в 1841 г., значится восемь книг «Platonis opera в 14 долю» (*Манассеин*, с. 105).

Письмо 7

(с. 8)

Печатается по ЗТ, л. 94 об.—95 об., № 2. Год 1838 устанавливается по содержанию этого и предыдущего писем. О редакциях этого письма см. примеч. к предыдущему письму № 6.

1 *Василич* — В услужении у Лунина, со времени его выхода на поселение в 1836 г., находился Федот Васильевич Шаблин. В 1841 г. ему было 78 лет; «из господских людей помещицы генеральши Марии Татищевой пришел в Сибирь на поселение в зачет рекрута в 1819 г. зимой в октябре месяце. Жил в Урике во флигеле дома Лунина с 1836 года». Кроме Ф. В. Шаблина хозяйством Лунина занималась также его жена Василиса (в 1841 г.—39 лет), их 16-тилетняя дочь и два сына — двенадцати и девяти лет. Лунин нанимал также старика Осипа Малых с роднею (см. *Кубалов*, с. 126; ГАИО, ф. 24, он. 3, № 6, карт. 30, лл. 172—180).

2 *бильбокет...*— Суть игры заключается в том, чтобы попасть шариком, привязанным на шнуре к стержню, в чашечку, прикрепленную к тому же стержню. Н. А. Мельгунов перевел название этой игры как «щелкушка» (ПЗ, VI, с. 45).

3 *...променен на борзую...*— В ранней редакции (письмо № 1) Лунин писал, что Василич «troqué contre une levrette» («променен на левретку»).

4 *... в Можайской битве...*— Во время войны 1812 г. «в Можайской битве» (т. е. Бородинском сражении) Лунин сражался у Семеновских флешей, а затем у батареи Раевского и «за оказанное отличие» был «пожалован золотою шпагою с надписью за храбрость» (*Окунь*, с. 18).

5 *Предчувствую... необыкновенным человеком.*— Алкивиад (ок. 450—404 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец, был предательски убит персами в Вифинии (Битинии) по настоянию преследовавших его афинских властей. Гибель Алкивиада описана у Плутарха: «Войти в дом убийцы не решились, но окружили его и подожгли. Заметив начавшийся пожар, Алкивиад собрал все, какие удалось, плащи и покрывала и набросил их сверху на огонь, потом, обмотав левую руку хламидой, а в правой сжимая обнаженный меч, благополучно проскочил сквозь пламя, прежде чем успели вспыхнуть брошенные им плащи... Никто не посмел преградить ему путь или вступить с ним в рукопашную,— отбежав подальше, они метали копья и пускали стрелы. Наконец Алкивиад пал, и варвары удалились» (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1961, т. 1, с. 300).

Письмо 8

(с. 9)

Печатается по ЗТ, лл. 95 об.—96, № 3. Год 1837 указан в черновой авторской записи (ЗК, письмо под № 46) — см. наст. изд., с. 204—205. Последняя из ранних редакций (ПД, под № 3) та же, что в ЗТ, а от черновика отличается лишь некоторыми сокращениями: отсутствуют слова «d'une beauté Raphaélique» («красоты Рафаэлевской»), которые затем войдут в окончательную редакцию ЗТ. В тексте этой редакции — «красоты Рафаэльской».

В тексте письма ЗК имеется латинская фраза: «Invisibilia Ipsius per ea quae facta sunt, intellecta, conspiciuntur», которая в ранней редакции (ПД) передана по-французски и соответствует (в поздней редакции) словам: «Невидимое его ⟨совершенство⟩ видели чрез рассматривание творения».

Письмо в ЗК имеет также отсутствующую в других вариантах концовку «Adieu ma charissima. Votre affectionné frère M⟨ichel⟩» («Прощай, моя дражайшая. Любящий тебя брат М⟨ихаил⟩»).

Текст, впервые опубликованный в ПЗ (VI, с. 47—48) под номером V, соответствует редакции ПД и ЗТ, хотя перевод несколько отличен от ЗТ.

Письма, повествующие о личных переживаниях Лунина, чередуются с разоблачительными материалами других посланий. Взгляд Лунина на назначение человека был связан с его убеждением о роли внутреннего освобождения личности в борьбе за общественные идеалы; поэтому всякая его личная тема неотрывна от общих вопросов. 24 августа 1837 г. Е. С. Уварова письмом «№ 426» отвечала Лунину на его письмо «№ 40» от 27 июня (а также «№ 47» от 4 июля): «Первое письмо прекрасное и принесло мне невообразимое счастье! Какая картина развернулась пред моими глазами, когда я читала его! Эта прогулка по берегу Ангары, которую ты описал столь красноречиво,— она одна стоит всех радостей нашего века, предназначенных для бедных духом ... Это прекраснейший из шедевров Создателя, образец морального и христианского совершенства. Сердце этой возвышенной женщины и твое должны, по счастливому выражению одного из наших поэтов, заключать в себе «нескончаемый праздник» ... Читая это простое описание, я обрела спокойствие мне незнакомое, ибо мир и душевное спокойствие удалены от нас еще дальше, чем наши *дорогие изгнанники*. Ты, который рисует, не мог бы послать мне портрет этого ребенка, по твоим словам, «Рафаэлевской красоты»? Кроме всего прочего, он вызывает у меня живой интерес и тем, что носит твое имя и отчество» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 22, п. 426, франц. яз.).

1 *...с изгнанницей, чье имя уже в наших патриотических летописях.*— Речь идет о М. Н. Волконской (1805—1863), жене кн. С. Г. Волконского, старого друга и бывшего однополчанина Лунина. Волконские жили на поселении в Урике одновременно с Луниным.

С. М. Волконский, внук декабриста, пишет, что Лунин был «глубоким почитателем княгини»: «У меня была целая тетрадочка, исписанная его рукой; это была копия с его знаменитых писем сестре... Среди этих философских рассуждений одно письмо — как небольшой рассказ. Прогулка по лесу, вдвоем с «нею»; с первых слов видно, что это Мария Николаевна» (см. *Волконский С. М.*, с. 101—102).

Лунин очевидно был увлечен Марией Волконской, не скрывал в «Письмах» своего чувства и стремления к его преодолению (см. *Эйдельман*, с. 253—254).

2 *Сын ее — красоты Рафаэльской...*— Михаил Сергеевич Волконский (1832—1909), сын Волконских, родившийся в Сибири, впоследствии товарищ министра народного просвещения, член Государственного совета. Лунин любил мальчика, немало занимался его воспитанием. Сохранились две записки малолетнего Миши Волконского, написанные громадными буквами и пересланные, вероятно, из одного конца села Урика в другой: «Лунин! Посылаю тебе булку, которая тебе напомнит город, где твой полк формировался. Кушай седлетскую булку. Что ты к нам не едешь? Миша Волконский».

На другой записке: «Любезному другу Лунину». «Любезный Лунин, благодарю
3 за утки. Я буду у тебя в субботу, да ты прежде к нам приезжай. Друг твой Миша» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 10).

4 *Она существила мысль апостола... нравственным совершенством.*— В «Первом соборном послании ап. Петра» (III, 3—4): «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы, не наряды в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленном *украшении* кроткого и спокойного духа...»

Мукыр.— Название местное, народное (мунгыр) разновидности дикого лука.

5 *...как Агарь... нашла воду для своего сына.*— Библейский сюжет об изгнании Агари и ее сына Измаила, а также о бедствиях их в пустыне по дороге в Египет. Неминуемая гибель скитальцев от жажды предотвращена появлением ангела, показавшего им колодец (Бытие, 21, 14—19).

Письмо 9

(с. 9—10)

Печатается по ЗТ, лл. 96—97, № 4, дата — 1 мая 1837. В последней из ранних редакций (ПД) — под № 10. В редакции, опубликованной в ПЗ (VI, с. 53—54), письмо под номером XII. Текст обеих ранних редакций идентичен тексту ЗТ, хотя перевод

ПЗ иной. В публикации 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 30—31) использованы оба старых перевода, но предпочтение отдано тексту ПЗ. Еще более ранние варианты письма сохранились в ЗК (см. наст. изд., с. 176, 204). Первый фрагмент из ЗК — черновая дневниковая запись под 1 марта 1837 г., без обращения; текст ее обрывается после первого абзаца и далее следует авторская отсылка к с. 69 ЗК, где это письмо под № 38, с датой 1 мая 1837 г. В первом фрагменте отсутствуют слова «errant au hasard» («блуждающий бесцельно»). Вслед за ним в ЗК помещен текст (запись 7 марта), имеющий внутреннюю связь с письмом (см. наст. изд., с. 176).

Во втором фрагменте ЗК есть концовка, отсутствующая в редакции ПД. «Votre affectionné frère Michel» («Любящий тебя брат М⟨ихаил⟩»).

1 *...предка, освободившего Вену.*— Лунин вспоминает о своей встрече и прощании с Натальей Потоцкой (1807—1830), чей предок польский король Ян Собеский в 1683 г. освободил Вену от турецкой осады. Лунин встречался с ней в Варшаве в 1820-х годах, когда служил в Гродненском гусарском полку. Впоследствии декабрист не раз справлялся у сестры о судьбе Н. Потоцкой. Среди бумаг Лунина, отобранных при аресте, сохранилось несколько любезных записок, помеченных 1824 и 1825 гг.,— приглашения от матери Н. Потоцкой, владелицы замка Виланов, известной мемуаристки графини Анны Потоцкой-Вонсович; см. *Сливовская*, *Эйдельман*, с. 138—139; там же — воспроизведение двух акварельных портретов Н. Потоцкой. Лунин в 1838—1840 гг. еще не знал о том, что 23-летняя Н. Потоцкая (в замужестве Сангушко) умерла 17 ноября 1830 г. Подробнее см. примеч. 9 к письму Лунина Уваровой от 13 декабря 1839 г.

Письмо 10

(с. 10)

Печатается по ЗТ, лл. 97—98, № 11, дата — 21 июля. Год 1838 устанавливается по содержанию. С. Я. Штрайх, сначала датировавший письмо 1840 г. (на основании дневниковой записи о Варке, помещенной под 1840 г.— см. *Штрайх*, I, с. 136), позже, на основании «музейного автографа» «Писем из Сибири», передатировал документ и отнес его к 1838 г. (см. *Штрайх*, II, с. 48). Ранняя редакция (ПД под № 14) идентична опубликованной в русском переводе в ПЗ (VI, с. 57—58), под номером XVI. Поздняя редакция ЗТ имеет некоторые смысловые различия с ними. Вводя в ЗТ фразу (отсутствующую в редакции ПД) о развитии идеи общественного возрождения, которая «разольется и без меня, несмотря на препятствия», Лунин вновь убеждал читателя в жизненности декабристских идеалов.

1 *Последние испугались, когда гроза грянула надо мною...*— Говоря о «грозе», Лунин мог подразумевать, во-первых, гонения, которые обрушились на него после подавления восстания, а также первое предупреждение властей насчет его переписки, последовавшее уже в конце 1837 г. и несомненно ставшее известным в декабристской среде. Вскоре после того (август 1838 г.) Лунину будет запрещена переписка на год.

2 *...убежали, поджав хвост.*— Лунин, вероятно, намекает на поведение бывших сослуживцев, некогда близких к Тайному обществу, а также и на некоторых товарищей по сибирскому заточению. Часть декабристов не сочувствовала антиправительственной деятельности Лунина, не желая в ней участвовать (см. *Окунь*, с. 138—141; *Эйдельман*, с. 246, 282, 283, 292—294). Известно, что в сравнительно большой колонии декабристов, живших близ Иркутска, только Н. Муравьев, С. Волконский и П. Громницкий приняли участие в лунинских «действиях наступательных».

3 *Опытность не изменила, но переладила мои чувства.*— Подобной мысли не было в соответствующем письме № 14 ранней редакции. Там было: «L'idée de la régénération a troublé à la fois les amis et les ennemis» («Идея возрождения смутила и друзей и врагов»).

4 *Нет нужды... Факты сильнее слов.*— Эти мысли представлены только в поздней редакции и отсутствуют в письме № 14 ранней редакции — после слов «au fond de cette idée» («во глубине этой мысли»).

5 *...опровергал систему, принятую в делах польских.*— О взглядах Лунина на польский вопрос см. наст. изд., с. 325—329, а также письмо № 4 второй серии («Les Polo-

nais») и «Взгляд на польские дела», наст. изд. с. 20—23, 46—49, 108—124. «Опровержение системы, принятой в делах польских» связано с конфликтом Лунина и Н. Н. Новосильцева. См. письмо № 4 первой серии поздней редакции и примеч. 5 к нему.

6 *Спустя четыре года... войска вытурены.*— Речь идет о польском восстании 1830—1831 гг.

Письмо 11

(с. 10—11)

Печатается по ЗТ, лл. 98—99, № 12, дата — 1838. Письмо написано до сентября, когда Лунину была на год запрещена переписка. Поздняя редакция письма несколько сокращена по сравнению с ранней (ПД, под № 5), идентичной редакции ПЗ (VI, с. 48—49, письмо № VII). В публикации 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 44) использованы оба русских перевода (ЗТ и ПЗ).

1 *Внуши сыновьям...*— О сыновьях Е. С. Уваровой — Александре и Сергее см. примеч. 2 к письму № 4 первой серии.

2 *Не зная, за что ухватиться, они принялись за раскаяние.*— Лунин подразумевает прежде всего тех декабристов, которых простили, дав им разрешение отправиться на Кавказ. В другом письме (№ 12 ранней редакции) он иронизировал насчет необходимости приучать себя к покаянию особым испытанием — в «триста пятьдесят палочных ударов» (см. наст. изд., с. 36, 40). Некоторые декабристы, жившие в Сибири, порицали А. И. Одоевского за покаянные письма и стихи. 11 ноября 1836 г. Ф. Б. Вольф (живший на поселении вместе с Луниным в селе Урик близ Иркутска) писал М. А. и Н. Д. Фонвизиным: «Одоевский ... кажется не перенес судьбы своей, прибегнул к унижениям и ласкательствам и попрал ногами то, за что несколько лет тому назад жертвовал жизнью. Мы расстались дружески, но, кажется, недовольными друг другом. Душа его горяча только в стихах...» (В сердцах Отечества сынов/Сост. и ред. С. Ф. Коваль. Иркутск, 1975, с. 281).

3 Вслед за тем Лунин опускает иллюстративный пример, находившийся в соответствующем месте ранней редакции ПД. «On a toujours pensé que le soleil tournait, avant de découvrir que c'est la terre qui tourne. Le dernier système a été généralement adopté, et personne ne s'est repenti» («Всегда думали, что солнце вращается, пока не открыли, что вращается земля. Последнее было признано всеми, и никто в том не раскаивался»).

4 *Одни прикидываются... покровительствуя школы живописи.*— Речь идет о Михаиле Федоровиче Орлове (1788—1842), генерал-майоре, герое Отечественной войны, известном государственном и общественном деятеле, настойчиво проводившем в армии демократические идеи. Один из основателей первых тайных декабристских обществ, Орлов был помилован Николаем I после разгрома восстания 1825 г. вследствие настойчивых просьб брата — Алексея Орлова, активно действовавшего 14 декабря на стороне властей. Под сочинениями, которых никто не читает, очевидно подразумевается книга М. Ф. Орлова «О государственном кредите» (1833). Орлов также занимал место директора Художественного класса школы ваяния и живописи. В 1835 г. был опубликован «Отчет Московского художественного класса за 1834/5 год, читанный в годичном собрании директором Михаилом Федоровичем Орловым» — «Московский наблюдатель», 1835, кн. 2, с. 161—174.

Мнение о Михаиле Орлове Лунина и некоторых декабристов (И. Д. Якушкина и др.) страдало односторонностью, подозрения насчет его «отступничества» были неосновательны. См. об этом полемику Н. М. Орлова и Е. И. Якушкина — РС, 1872, V, 775—781; 1872, XI, 597—602; 1873, III, 371—375; *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа; Политич. соч.; Письма/Изд. подг. С. Я. Боровой, М. И. Гиллельсон. М., 1963; *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований... М., 1975, с. 179—195.

5 *Другие... вредят правительству... отступническим рвением, раздражающим умы.*— Говоря об «отступниках», сделавших карьеру, Лунин, вероятно, подразумевает М. Н. Муравьева и других лиц, занимавших важные должности при Николае I, а прежде причастных к деятельности тайных обществ.

6 *Илоты* («Взятые в плен») — рабы в древней Спарте, неоднократно поднимавшие восстания против своих поработителей. Для воспитания воли и жестокости у спартанских юношей им показывали илотов в самом неприглядном виде. Плутарх пишет, что «вообще спартанцы обращались с ними грубо и жестоко. Они заставляли илотов пить несмешанное вино, а потом приводили их на общие трапезы» (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1961, т. 1, с. 74).

Письмо 12

(с. 11)

Печатается по ЗТ, лл. 99—101, № 13, дата — 28 апреля 1838.

Ранняя редакция (ПД под № 2) и соответствующая ей редакция ПЗ (VI, с. 45—47, письмо № IV) имеет некоторые смысловые отличия по сравнению с поздней редакцией ЗТ. Ссылавшийся на ЗТ С. Я. Штрайх (I, с. 35, 36, 126) фактически дал сводный, не очень точный перевод, более совпадающий с текстом ПЗ.

1 *Давно не извещал тебя о моих учебных занятиях.*— Подобная фраза в начале письма № 2 ранней редакции отсутствует.

2 ... *о Историческом обозрении свода законов, в двух частях.*— В ранней редакции (письмо № 2) пояснялось, что «Обозрение» «основывается на подлинных актах, хранящихся в архивах 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии» («tiré des actes authentiques déposés dans les archives de la 2-e section de la Chancellerie particulière de S. M. l'Empereur»).

«Обозрение исторических сведений о своде законов», составленное под руководством М. М. Сперанского, вышло в свет в С. Петербурге в 1833 г. Это было одним из результатов активной деятельности II отделения с. е. и. в. канцелярии, издавшего «Полное собрание законов Российской империи» (45 томов, 54 книги), а также «Свод законов Российской империи» в 15 томах (1833).

15 сентября 1838 г. Лунин сообщал сестре о получении Свода законов: по недосмотру почтового ведомства он обратился в «кучу тряпья», которым невозможно пользоваться.

При всех недостатках и несообразностях кодификация законов (фактически — первая после «Соборного уложения» 1649 г.) имела известное прогрессивное значение. Лунин же, сосредоточившись на предыстории русского законодательства, фиксирует официальную критику предшествующего (до 1826) состояния дел: критику, временами совпадающую с декабристской и тем подтверждающую ее правоту, но временами — неточно передающую существо проблемы.

3 *Законодательство бессвязное... в прилежании законов (стр. 11).*— Лунин имеет в виду следующий текст о новом законодательстве: «Действуя совместно с Уложением, оно в некоторых случаях служило ему пояснением и дополнением, но более и чаще затрудняло и тяготило его своим разнообразием и противоречием» («Обозрение», с. 10—11).

4 *Следовательно, в 1826 году... как в 1700-м.*— Вывод Лунина о бездеятельности десяти комиссий, занимавшихся кодификацией в продолжение 126 лет, сформулирован в «Обозрении» не столь резко и относится к трудам лишь первых девяти комиссий, не распространяясь на десятую комиссию 1804 г. (*Окунь*, с. 160—161). «Между тем,— говорится в «Обозрении»,— по общему ходу нашего просвещения, в комиссиях до 1804 года существовавших, соединение теории с опытностью случалось редко. Отсюда смешение в планах, непрестанное колебание в их исполнении. Вопросы, самые простые и давно уже в теории разрешенные, представлялись сим комиссиям преступными» («Обозрение», с. 57—58).

Говоря о «неспособности членов», Лунин имеет в виду следующий текст: «Обстоятельствам времени должно приписать, что правительство по необходимости употребляло к сему делу людей, большею частью занятых, обремененных другими делами. Отсюда происходило, с одной стороны, что они не могли в него углубиться постоянно, а с другой, что, следуя порядку их службы, они часто перемещались и оставляли комиссию, едва ознакомясь с ее делами ... Таким образом, каждая комиссия начинала дело снова и ни одна не продолжала...» («Обозрение», с. 55).

[5] *И заблуждения... в строгой последовательности.*— В соответствующем месте письма № 2 ранней редакции эта мысль изложена иначе: «Les vérités comme les erreurs se tiennent par un enchaînement rigoureux» («Истины, равно как и заблуждения, держатся тем, что прочно меж собою сцеплены»).

[6] *...доказали уже поляки вооруженною рукою.*— Лунин видит в правительственных признаниях насчет чрезвычайной медленности необходимых государственных мер оправдание декабристам и польским повстанцам, вынужденным прибегнуть к революционным средствам.

[7] *Не только перевод его текста... (Эпиграф; ст. 82 и другие).*— Сперанский приводит эпиграф из «Афоризмов» Френсиса Бэкона (Бакона) (1561—1626), знаменитого английского философа, лорд-канцлера при короле Якове I: «Structura nova veterum legum» («Форма нова, закон стар») (*Baco*. Aphor., 62).

На с. 82 «Обозрения» следующий текст: «Когда законы,— говорит канцлер Бакон,— нарастая одни над другими, умножаются до такого количества, или придут в такое смешение, что представляется необходимым сделать им в самом существе их разбор и устроить их в другой лучший и удобнейший состав: то да будет сие первым делом, важнейшим подвигом законодательства».

[8] *... стр. 105 и другие.*— На с. 105 «Обозрения» находится цитата из «Афоризмов» Бэкона (у Лунина передана не точно): «Исключить все повторения, и вместо многих постановлений, одно и то же гласящих, принять в свод одно из них, полнейшее» (Aphor., 60).

[9] *...стр. 109.*— На с. 109 «Обозрения» вновь цитата из Бэкона: «Из законов противоречащих избрать тот, который лучше других» (Aphor., 60). Далее идет текст Сперанского (который излагает Лунин): «У нас на сие есть другое правило: из двух несходных между собою законов надлежит следовать позднейшему, не разбирая, лучше ли он, или хуже прежнего: ибо прежний считается отрешенным тем самым, что постановлен на место его другой; и сего одного правила положено в Своде держаться со всею точностию».

[10] *На чей же счет хотят оправдаться редакторы?* — В ранней редакции (ПД, № 2) адекватного текста не было — после слов «nous choisirons la plus récente sans chercher à distinguer si elle est la meilleure» («мы изберем позднейший, не доискиваясь, лучший ли он»).

[11] *... стр. 85.*— На с. 85 «Обозрения» Сперанский сравнивал законодательство России и Европы: «Из наследства Римского нам ничего не досталось. Законодательство наше должно было все почерпать из собственных своих источников».

Письмо 13

(с. 12—13)

Печатается по ЗТ, лл. 101—102 об., № 14, дата — 2 июня. Год 1838, устанавливается по французской копии ранней редакции, на которой выставлена полная дата (вместе с № 95) (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, ед. хр. 61, ч. 61, л. 15—15 об.). Поздняя редакция ЗТ имеет смысловые отличия по сравнению с текстами ранних редакций, идентичными друг другу (французская копия ЦГАОР, последняя из ранних редакций ПД под № 13 и редакция ПЗ, VI, с. 56—57, письмо № XV), см. наст. изд., с. 36—37, 282—283. Публикация 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 38) неправильно объединила две редакции письма.

[1] *Образование Министерства... и либеральных учреждений...*— Министерство государственных имуществ, призванное руководить переустройством государственной деревни, было учреждено указом от 26 декабря 1837 г. в составе трех Департаментов, Совета министров и Ученого комитета (подробн. см.: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.— Л., 1946, т. 1; *Штрайх*, I, с. 127—128; *Окунь*, с. 161—162).

[2] *...которых не осуществили еще и просвещеннейшие народы.*— Подобная фраза отсутствовала в соответствующем месте письма № 13 ранней редакции. Зато вместо нее там находился текст, изъятый Луниным при подготовке поздней редакции: «La sphère de son action embrasse tous les degrés de la vie sociale, et s'étend depuis

les paysans de la Couronne jusqu'au tribus nomades qui parcourent les Solitudes Sibériennes» («Сфера его действий объемлет все ступени общественной лестницы и простирается от государственных крестьян до племен, кочующих в сибирских пустынях»).

3 *Оно необходимо будет иметь два результата: прямой и косвенный.*— Соответствующая фраза в письме № 13 ранней редакции такова: «D'après la nature des choses il aura deux résultats positifs» («Согласно природе вещей, оно достигнет двоякого положительного результата»).

4 *С этих двух сторон... министерства.*— Сведения о структуре и программе Министерства государственных имуществ Лунин почерпнул из Полного собрания законов Российской империи. Собр. 2-е, т. XII, отд. 2. СПб., 1838, № 10834 «Высочайше утвержденное Министерство государственных имуществ», а также из «Высочайше утвержденного штата Министерства государственных имуществ». Все сведения и цифры здесь и далее взяты Луниным из этих документов. Ссылки Лунина из ПСЗ почти всегда точны (неточности оговорены ниже).

5 *...госпиталь для чиновников.*— В письме № 13 ранней редакции подобная фраза сопровождается отсылкой «Rem⟨arque⟩ ⟨примечание⟩ 5, стр. 50», которой нет в поздней редакции.

6 *Ревность мнимого больного... не так далеко простиралась.*— Аргон, «мнимый больной» — главный герой из одноименной комедии Мольера — символ маниакального ревностного стремления к лечению и исцелению, использован в публицистике Лунина неоднократно.

7 *...гл. II, § 46, гл. III, § 10.*— В § 46 гл. II говорится: «Отделение судное состоит из четырех столов». Вторая отсылка («гл. III, § 10») в поздней редакции неточна. В ранней редакции письма было — «гл. III, § 70».

8 Лунин излагает следующие параграфы: «Гл. II ст. 21. Во второй стол поступают следующие дела:

§ 1. По сохранению Веры в казенных селениях и по улучшению содержания сельского духовенства».

«§ 3. По сохранению народной нравственности».

Ссылка на гл. VIII неточна; надо: гл. V. Статья не 107, а 117 («Во втором столе производятся дела: 4. По всем конфиденциальным сношениям с начальником корпуса жандармов»).

9 *Я был в особенной дружбе с чиновником, находящимся теперь во главе министерства...*— Гр. Павел Дмитриевич Киселев (1788—1872), занимавший должность министра до 1856 г., был товарищем Лунина по Кавалергардскому полку (с 1806) и участвовал вместе с ним в Отечественной войне. В кругу Л. Н. Толстого считали, что Лунин был осужден в Сибири во второй раз и «прикован к тачке навсегда», ибо «в одном из писем... к своей сестре, находившейся в Петербурге, он осмеял назначение министром графа Киселева» (*Берс С. А.* Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Смоленск, 1893, с. 47—48).

10 *Идея кадастра много занимает меня.*— Речь идет о земельном кадастре, т. е. сборе сведений о землеустройстве, что входило в программу Министерства государственных имуществ.

Письмо 14

(с. 13—14)

Печатается по ЗТ, лл. 102 об.—104, № 15, дата — 1838. Письмо очевидно написано до 15 сентября 1838 г., когда Лунину была временно запрещена переписка. Помещено в ЗТ раньше сентябрьского письма № 15, которое несомненно является продолжением № 14. Ранняя редакция (ПД под № 8) соответствует тексту ЗТ. Разночтения двух русских текстов — ЗТ и ПЗ (VI, с. 51—52, письмо № XIII) объясняются особенностями двух переводов, сделанных в разное время, но с одного французского оригинала. Публикация 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 41—42, 129) воспроизводит перевод ПЗ, внося в него некоторые исправления по ЗТ.

Письмо № 14, как и следующее, посвящено критическому разбору теоретических основ николаевского абсолютизма. Объектом рассмотрения Лунина на этот раз яв-

ляется деятельность Министерства народного просвещения, возглавлявшегося в 1833—1849 гг. С. С. Уваровым. Разоблачение уваровской триады в качестве основополагающего принципа развития русского народа и государственности Лунин начинает с сомнения в «естественности» самодержавного строя в России и приходит к выводу о неизбежной замене его формами конституционными. Эти взгляды декабрист развивает также во «Взгляде на русское Тайное общество» и «Разборе Донесения тайной следственной комиссии».

1 *...в печатных листах.*— Речь идет об изданиях Министерства народного просвещения, в частности «Журнале МНП», выходившем с 1834 г. под редакцией А. В. Никитенко.

2 *...в одновременном развитии православия, самодержавия и народности...*— В декабре 1832 г. во всеподданнейшем отчете Уварова по поводу командирования его в Московский университет для «искоренения крамолы» были провозглашены «истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества» (*Барсуков*, IV, 83). Вскоре «триада» православие, самодержавие, народность стала официальной программой николаевского правительства.

3 *...профессор Московского университета... для своих учеников.*— Кого имел в виду Лунин — установить не удалось. Некоторые идеи николаевского самодержавия были предвосхищены политикой правительства Павла I; С. Б. Окунь находил предысторию уваровской триады в политической программе Н. М. Карамзина (см. *Окунь*, с. 163).

4 *... как мещанин во дворянстве прозу без своего ведома.*— См. комедию Мольера «Мещанин во дворянстве» (действие II, явление VI).

5 *Озия* — иудейский царь, который, согласно Библии, фактически принял на себя функции священника, «ибо вошел в храм Господен, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном». Священники воспротивились («не тебе, Озия, кадить Господу, это дело священников...»), и царь был поражен проказою (2-я книга Паралипоменон, XXVI, 16—23).

Лунин неоднократно обращался к теме подчинения русской церкви самодержавным государством.

6 *... она более иностранная, чем русская.*— Под народностью Лунин очевидно подразумевает господствующую форму культуры и подчеркивает, полемически завышает европейский, «иностранный» характер дворянской культуры XVIII—XIX вв. для обоснования искусственности, неорганичности народности в уваровской трактовке.

Письмо 15

(с. 14)

Печатается по ЗТ, лл. 104—105 об., № 16, дата — сентябрь 1838. Последняя из ранних редакций (ПД под № 16) в основном соответствует тексту ЗТ. Более ранняя редакция ПЗ (VI, с. 58—60, письмо № XVIII), содержит разночтения с двумя позднейшими.

Публикация 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 43, 130) основана на тексте ПЗ.

Это письмо, связанное с предыдущим, продолжает критику уваровской «триады».

1 *Наемные писатели... полиция осыпает их своими хвалами.*— Лунин очевидно подразумевает постоянное восхваление уваровского курса в «Журнале Министерства народного просвещения», а также общественно-политическую позицию Булгарина, Греча и других реакционных литераторов.

2 *Император Александр... народы, провидением ему вверенные.*— Развивая критику «триады» и считая необходимым показать, насколько нынешние «прокламации» Министерства не согласны с прошедшими, Лунин использует неожиданный полемический прием. Он утверждает, будто уваровские принципы противоречат воле российских монархов, а значит направлены против абсолютизма. В качестве доказательства приводится ссылка на известную речь Александра I в Польском сейме (1818),

созванном на основании дарованной Польше конституции. Огромное впечатление на русское общество произвело начало этой речи, которую и пересказывает Лунин: «Образование, существовавшее в вашем крае, дозволило мне немедленно ввести то устройство, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законносвободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, в которых спасительное влияние, надеюсь, при помощи божьей, распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные» («Северная почта», 1818, № 26).

3 *...манифестом 12 декабря 1825 года.*— Лунин, как и другие декабристы, стремящиеся придать формальную законность своей деятельности, причисляет к монархам, обещавшим конституции России, и Николая I. С. Б. Окунь отмечает (с. 163—164), что Лунин апеллирует к заключительным строкам манифеста о вступлении Николая I на престол от 12 декабря 1825 г. (а не 1826, как ошибочно в ЗТ): «Да будет царствование наше токмо продолжением царствования его (Александра I) и да исполнится все, чего для блага России желал тот, коего священная память будет питать в нас и ревность и надежду, стяжать благословение божие и любовь народов наших».

4 *...настоящее устройство для них достаточно...*— Вслед за этим в соответствующем месте письма № 16 ранней редакции следовали слова, опущенные в поздней: «et que c'est un crime de désirer autre chose...» («и что ожидать чего-либо иного преступно»).

5 *Если поляки... русские должны быть причастны их наказанию?* — Подразумевается польское восстание 1830—1831 гг., во время которого Николай I был «детронизирован», т. е. лишен польской короны.

6 *...оно проповедует русскую народность языком не русским.*— Лунин подразумевает трудность, фактическую недоступность для народа официального языка, изобилующего галлицизмами и другими иностранными формами. Этим еще раз подчеркивается мысль о «ненародности» господствующей культуры, см. письмо № 14 первой серии в наст. изд., с. 13, примеч. 6.

Письмо 16

(с. 15)

Печатается по ЗТ, лл. 105 об.— 106 об., № 16, дата — 1838, написано вероятно до середины сентября, когда Лунину была запрещена переписка на год. Ранние редакции (ПД под № 6) и (ПЗ, VI, с. 49—50, письмо № VIII) в основном совпадают. Поздняя редакция имеет смысловые отличия от них: текст ЗТ содержит важные уточнения прежних формулировок; к тому же редакция ПД более маскирует авторскую личность (в ней отсутствуют обороты типа «объяснимся», «все мои мысли»). Публикация письма в 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 45, 131) опиралась в основном на текст ЗТ (с некоторыми вкраплениями из ПЗ).

Письмо № 16, завершающее позднюю редакцию первой серии «Писем из Сибири», посвящено присоединению Кавказа и Кавказским войнам. Разбор разных аспектов внутренней политики, который был произведен в предшествующих письмах, теперь логически завершается внешнеполитической темой.

1 *В № 453... Объяснимся.*— Лунин нарочито усиливает «личностный» характер документа. В начале соответствующего письма № 6 ранней редакции нет отсылки к посланию Е. С. Уваровой «№ 453» и прямого обращения к сестре — «объяснимся». Начало письма № 6: «J'approuve l'idée du service actif au Caucase pour votre fils aîné» («Я одобряю идею действительной службы на Кавказе для твоего старшего сына»).

О нумерации писем Е. С. Уваровой к Лунину, а также о племянниках декабриста см. примеч. 1, 2 к письму № 4 первой серии поздней редакции.

2 *Постоянными усилиями и пожертвованиями оно достигло своей цели.*— Подобная фраза в соответствующем месте письма № 6 ранней редакции отсутствует.

3 *Главная выгода... в приобретении... двух второстепенных морей и океана неудобоходного.*— Речь идет о борьбе России за выход к Балтийскому морю, начавшейся

в Ливонской войне 1558 г., а также освоении торгового пути в Европу через Архангельск, Белое море и Северный Ледовитый океан.

4 *Адашев* Алексей Федорович (ум. 1561) — государственный деятель, стольник Ивана Грозного; *Сильвестр* (конец XV в.— ок. 1566 г.) — политический церковный деятель.

Кружок Адашева — Сильвестра, игравший большую политическую роль в конце 1540-х — начале 1550-х годов, разработал обширную внешнеполитическую программу, в центре которой была восточная политика (завоевание Казани). Однако в ходе осуществления этих планов активизировалась борьба с Крымским ханством и другими государствами, расположенными к югу и юго-востоку от Москвы. В результате к России была присоединена Астрахань, значительно усилилось ее влияние на Северном Кавказе.

5 *Сохранясь силою... свойственною идеям органическим...*— Подобный оборот отсутствует в соответствующем месте письма № 6 ранней редакции. Появление его в поздней редакции знаменательно: Лунин пользуется еще одним случаем для повторения одной из своих любимых мыслей — о силе, неодолимости идей «органических», естественных, вытекающих из «природы вещей». Такими идеями он считал планы и цели декабристских тайных обществ.

6 *...взятие Ахалциха важнее взятия Парижа.*— Лунин формулирует декабристскую точку зрения на кавказский вопрос. Войны с Персией (1826—1828) и Турцией (1828—1829) были популярны среди декабристов. В частности в Османской империи они видели угнетательницу балканских славян, поработительницу Греции и других христианских народов. Взятие сильной крепости Ахалцих (август 1828) в глазах Лунина символизирует успех России на том направлении, которое максимально отвечает потребностям ее экономического, культурного и политического развития.

7 *...вождями войск и правителями края.*— М. К. Азадовский справедливо заметил, что «признавая правильным общий смысл кавказской политики правительства, Лунин ни на одну минуту не изменил своего общеотрицательного отношения и к правительственной системе в целом и к личности «монарха—властелина»» (см. *Бестужевы*, с. 672). Неспособность правительства к решению кавказского вопроса неоднократно подчеркивалась Луниным, но в оценке некоторых проводников этой политики он расходился с другими декабристами. В частности Лунин подвергал критике А. П. Ермолова, близкого к декабристам и пользовавшегося популярностью в их среде. Отрицательный взгляд на Ермолова высказывал кроме Лунина также декабрист Н. Р. Цебриков (см. ИС, II, с. 239—247, III, с. 160—163). После смещения Ермолова, подозреваемого Николаем I в связях с декабристами (1827), Отдельным кавказским корпусом командовали И. Ф. Паскевич (1827—1830), И. П. Панкратьев (1831—1832), Г. В. Розен (1832—1837), Е. А. Головин (1837—1842). Смещение Розена по личному приказу Николая I за якобы допущенные на Кавказе злоупотребления (осень 1837) было последним крупным «переворотом» в управлении краем и, вероятно, подразумевалось Луниным, писавшим вскоре после этого события. См. также наст. изд., примеч. 20 к «Общественному движению в России...».

8 *Один покоритель Эривани... старой школы.*— Имеется в виду И. Ф. Паскевич. Военные таланты его в письме идеализируются. Многие успехи этого полководца были обеспечены участием в военных действиях высланных на Кавказ членов тайных декабристских обществ, о чем позже писал сам Лунин (см. примеч. 12, 15 к «Общественному движению в России...»).

9 Следующие две фразы не имеют аналога в соответствующем французском тексте ранней редакции ПД, где находятся строки, позже исключенные Луниным: «N'ayant pas de base rationelle, il n'est propre qu'a souder les parties ajoutées» («Не имея под собою разумной основы, она годится лишь для того, чтобы скрепить присоединенные части»).

10 *Verbum-sapienti.*— Мысль Лунина состоит в том, что разумеющему и сказанного достаточно. Соображения Лунина о недостаточности чисто военного решения кавказских проблем близки к мыслям Пушкина, высказанным в «Путешествии в Арзрум» — о необходимости развития материальной и духовной культуры, просвещения

как действенного средства сближения кавказских народов с Россией (см. *Пушкин*, VIII, с. 449).

11 ... *будущей судьбы отечества.*— На этом оканчивается соответствующее письмо № 6 ранней редакции ПД. В нем отсутствуют последние три фразы письма № 10, столь же усиливающие личностный характер письма, как и его начало.

Вторая серия

Письмо 1

(с. 16)

Печатается по тексту СУ (ОПИ ГИМ. ф. 282, ед. хр. 302, л. 103 и об). Датировано 27/15 сентября 1839 г. Подлинное письмо Лунина на франц. яз. к А. Х. Бенкендорфу хранится в «Деле» Лунина (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, ед. хр. 61, ч. 61, л. 19), там же писарская копия с него (л. 30—30 об.). На письме малоразборчивая карандашная помета Бенкендорфа. Кроме того, автограф письма в составе последней из ранних редакций имеется в комплексе Волконских (ПД). Французские тексты ЦГАОР и ПД незначительно отличаются друг от друга. В автографе из «Дела» после слов «J'ai l'honneur d'être» («Имею честь быть») следует: «Monsieur le Comte. votre respectueux serviteur, Michel Lounine» («Остаюсь, господин граф, вашим почтительным слугою, Михаил Лунин»). Эти слова зачеркнуты в редакции Волконских (ПД). Русский перевод впервые опубликован в ПЗ, 1861 (кн. VI; с. 41—42); см. наст. изд., с. 273. С. Штрайх (I, с. 45) использовал в публикации русские переводы ТГ и ПЗ.

Письмо к А. Х. Бенкендорфу — своеобразное предисловие ко второй серии «Писем из Сибири», перекликающееся с предисловием к первой серии (см. наст. изд., с. 5).

1 ... *нет друга, кроме меня...*— После этого в соответствующем месте французского автографа (ПД) следовали слова: «pour éclairer sa religion» («наставлять ее в вере»), опущенные в русском тексте СУ и ТГ.

2 ...*и освобождения крестьян.*— По второму духовному завещанию от 27 марта 1819 г. Лунин, передавая все свое движимое и недвижимое имущество в распоряжение двоюродного брата — Н. А. Лунина, обязывал его, в частности. через пять лет после вступления в наследство отпустить крестьян на волю (текст завещания см. наст. изд., с. 266—268). В 1826 г. завещание было оспорено Е. С. Уваровой, а затем по решению Комитета министров и вовсе отменено. Странная и неожиданная претензия Е. С. Уваровой по отношению к осужденному брату объяснялась лишь волей ее мужа Ф. А. Уварова (не воспользовавшегося, однако, приобретенными правами из-за своего внезапного исчезновения в 1827 г.— см. наст. изд.. с. 470—471). После того отношения родственников в связи с наследством Лунина были в основном урегулированы, и Н. А. Лунин согласился на мировую с Уваровой при условии выполнения ею воли брата-декабриста. Подробнее о взглядах Лунина на крестьянский вопрос и путях его решения в собственных имениях см. *Штрайх*, I, с. 140—144; *Гессен, Коган*, с. 219—240; *Греков*, с. 481—520; 623—648.

3 ...*для сестры... без надежды получить ответ.*— См. примеч. 1 к письму № 4 первой серии поздней редакции.

4 ...*прекратить на время переписку.*— О прекращении переписки на один год, 15 сентября 1838 г. см. наст. изд., с. 360.

5 ...*я испрашиваю... к печати.*— С. П. Трубецкой вспоминал, что в письме к Бенкендорфу Лунин «изъяснял, что он по незнанию, что именно могло не нравиться правительству в прежних его письмах, может снова навлечь на себя опалу, почему просит графа взять на себя труд лично просматривать его письма. Это письмо к Бенкендорфу он написал по-французски в самых вежливых выражениях. Разумеется, ответа он не получил никакого...» (*Трубецкой*, с. 301).

С. Б. Окунь справедливо заметил, что «уподобление писем «государственного преступника» всей русской подцензурной печати и просьба применить... равный к ним подход звучало не столько «просительно», сколько «обличительно»» (*Окунь*, с. 167). В следующем письме, обращенном к сестре, Лунин развивал свою мысль о противозаконности запрета касаться в родственных письмах политических вопросов.

Письмо 2

(с. 16—17)

Печатается по СУ, лл. 103 об.—104, № 2, дата 27/15 сентября 1839. В «Деле» Лунина кроме ТГ хранится французский оригинал письма, задержанного властями и не доставленного Уваровой (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, ед. хр. 61, ч. 61, л. 20). Текст его, адекватный обеим редакциям «Писем из Сибири», завершается в отличие от них, полной подписью автора — «Michel». Во французском автографе ПД — указание на место написания: «Exil» («ссылка») и подпись-инициал — «М», отсутствующие в тексте письма СУ и ТГ. После слов «le ministère des domaines» («министерство государственных имуществ») в оригинале из «Дела» отсутствуют слова «qui déjà» («которые уже»). Публикация письма в ПЗ (VI, с. 42—43, под номером II). С. Штрайх (I, с. 48) при публикации использовал русские тексты — ТГ и ПЗ.

Письмо к сестре, написанное, как это видно по дате, одновременно с посланием к Бенкендорфу, составляло с ним как бы одно целое и было яркой формой возобновления лунинских наступательных действий; тем же днем 15 сентября 1839 г. датируется еще одно конспиративное письмо Лунина к сестре (см. наст. изд., с. 238—240), несомненно отправленное с оказией как сопроводительное к двум тетрадям «Писем из Сибири», предназначенным для распространения.

1 *... он не может находиться ни в каком Своде законов...*— Эта фраза, пропущенная в ТГ, в СУ точно соответствует французским автографам Лунина.

2 *Заблуждения свойственны всем.*— Соответствующий текст (ПД) — «L'erreur est également commune à tous les hommes» («Заблуждение равно свойственно всем людям»).

3 *...люди... совершили важный шаг.*— См. письмо № 16 первой серии и примеч. 6 и 7 к нему.

4 *Я разобрал... в конце прошлого года.*— См. письма № 14 и 15 первой серии (наст. изд., с. 13—14).

5 *...закрыт университет Владимирский...*— «Высочайший указ Правительствующего сената» от 9 января 1839 г. (в связи с делом С. Конарского и связанных с ним польских конспираторов) приостанавливал чтение лекций в Киевском университете св. Владимира на один год, все студенты были удалены, управление изменено, проведена жесточайшая чистка профессуры. См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* История имп. университета св. Владимира. Киев, 1884, т. 1, с. 161—210.

6 *...Дерптский навлек на себя меры запретительные.*— Дерптский университет при Николае I не раз подвергался насильственной русификации. «Высочайшим повелением» от 16 декабря 1836 г. новое жесткое положение об учебных округах было распространено и на Дерптский округ, состоявшая при университете училищная комиссия упразднена. Ограничены и регламентированы студенческие корпорации (см.: Обзор деятельности имп. Дерптского университета. Дерпт, 1866, с. 171; История Тартуского университета. 1632—1982/Под ред. проф. К. Сийливаска. Таллин, 1982, с. 85).

7 *Я сказал... о Министерстве государственных имуществ...*— См. письмо № 13 первой серии (наст. изд., с. 12—13).

8 Во французском тексте (ПД) имеется концовка «Votre affectionné frère M.» (Любящий тебя брат М.), отсутствующая в русском переводе.

Письмо 3

(с. 17—20)

Печатается по СУ, л. 104—107, № 3, дата — 3 ноября/22 октября 1839 г.

В ЗК, где находится лунинский собственноручный перечень писем, зафиксирована иная дата этого письма: «Exil. 10 Nov./20 Oct. 1839. N 3. Les esclaves» («Ссылка. 10 нояб./29 окт. 1839. № 3. Рабы»). Возможно, разные даты фиксируют разные этапы переработки текста. Во французском автографе ПД — без номера и даты, но также под заголовком, отсутствующим в СУ и ТГ — «Les esclaves» («Рабы»). В нем отсутствует примечание (а), позже собственноручно вставленное Луниным в русский текст ТГ и затем повторенное Громницким в СУ, нет некоторых ссылок на источники, позже уточ-

ненные в ТГ и СУ; примечания расположены слева, на полях и в тексте, в то время как в СУ и ТГ — под строкой. Русский текст СУ незначительно отличается от ТГ, см. наст. изд., с. 371.

Судя по описанию С. Штрайха, в «музейном автографе» это письмо значилось под № 4, не имело заглавия и открывалось несколькими вступительными строками, обращенными к сестре; при оформлении цикла писем декабрист счел необходимым их опустить (этот фрагмент текста см. наст. изд., с. 241).

Впервые письмо № 3 опубликовано С. Штрайхом (I, с. 47—50) по тексту ТГ (ЦГАОР). Это письмо, как и следующее за ним, резко выделяется своей величиной, оба они представляют собой по существу политические трактаты, посвященные острейшим проблемам российской жизни. Маловероятно, что они действительно были отправлены Уваровой по почте. Письмо № 3 — одно из самых ярких обличений крепостничества в первой половине XIX в.; обоснование того, что крестьянский вопрос — главнейший в русской жизни и все другие определяются его решением; наконец — четкое объяснение того, что именно крепостничество — главная причина возникновения тайных обществ в стране.

1 *Рабство ... с законами божественными и человеческими.*— Положение о «случайности» крепостничества характерно для воззрений Лунина. Н. Муравьева, Н. Тургенева и некоторых других декабристов, еще до 1825 г. полемизировавших с Карамзиным о происхождении свободы и рабства в России. См. раздел «Декабристы— критики «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина» (ЛН, 59, кн. 1, 557—598).

2 *...указ... который препятствовал свободному переходу крестьян из одного места в другое.*— Справедливо считая временем окончательного юридического оформления крепостного права на Руси середину XVII в. («Соборное уложение» 1649 г.), Лунин в других работах отмечал элементы «рабства» уже в «Русской правде» (см. наст. изд., примеч. 15 к «Розыску историческому»), констатировал, вслед за Карамзиным, особую роль в закрепощении крестьян политики Бориса Годунова.

Законами, препятствовавшими свободному переходу крестьян, были указ о Юрьевом дне (1497), временное (1581), а затем бессрочное запрещение крестьянского выхода (1592—1593), подкрепленное указом 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых; после ряда законов XVII в. об удлинении этого срока — Соборное уложение, провозгласив бессрочность сыска, юридически завершило процесс закрепощения крестьян.

3 *Петр I, Екатерина II.*— Примечание, отсутствующее в соответствующем месте первоначального французского автографа (ПД), внесенное в ТГ рукою Лунина и оттуда скопированное Громницким для СУ.

4 *...в Своде законов нет начала, узаконяющего рабство.*— Это мнение Лунина основано на его убеждении в слишком широком толковании закона о запрещении крестьянских переходов. В Своде законов было немало статей о помещиках и крепостных крестьянах, но не было общего положения, обосновывающего этот порядок вещей.

5 *...цена людей... дешевле теленка (b).*— Во французском тексте указана только сумма (11 рублей) без ссылки на 707 статью IX тома Свода законов, где приводятся размеры компенсации помещикам за крестьянских детей, рожденных до перевода их родителей в разряд военных поселян (статьи 707—711).

6 *Тайный союз первый прервал молчание.*— Лунин вероятно знал «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, известное в декабристской среде. С. Б. Окунь полагал, что в данном случае Лунин «имел в виду не публицистический протест против рабства, а конкретные проекты его отмены» (*Окунь*, с. 170).

7 *...ни Следственная комиссия... ни в приговоре.*— Своеобразный публицистический прием Лунина для убеждения читателя в закономерности постановки Тайным обществом вопроса об освобождении крестьян (см. *Окунь*, с. 172). Лунин и в других своих сочинениях отмечал, что главные цели декабристов не были упомянуты в официальном «Донесении Следственной комиссии» и тем самым скрыты от народа. См. наст. изд., с. 55, 73—74.

8 *Отличая даже могилу негра, эти поборники равенства уничижают ближнего и за пределами земной жизни.*— В соответствующем месте французского текста (ПД) говорится: «Ces partisans de l'égalité... vont fouiller parmi les cadavres, pour établir

l'inégalité entre les tombes du cimetière («Эти поборники равенства... готовы рыться на кладбищах, чтобы утвердить неравенство могил»). Речь идет о разных формах негритянского неравноправия в южных штатах США.

9 *Оно совершилось... без малейшего потрясения.*— Личное безземельное освобождение крестьян в Польше (1807 г., в период наполеоновского владычества), а также в Эстляндии и Лифляндии (указы 1804, 1816, 1819 гг.) не соответствовали проектам декабристов, выдвигавших разные формы освобождения крепостных с землей; тем более весомо замечание Лунина, что, даже не получив земли, крестьяне Польши и Прибалтики не взбунтовались и, стало быть, ложен крепостнический довод о неизбежности «потрясения основ» при освобождении.

10 *Донесение... 13 июля 1826 года.*— Во французском тексте, в отличие от русского, ссылка на «Манифест 1826 года» дана без указания числа (13 июля).

11 *...сановник в обнародованном... сочинении...*— См. примеч. 2 к письму 12 первой серии «Писем из Сибири».

Письмо 4

(с. 20—23)

Печатается по СУ, л. 107—110 об., № 4, дата — 17/15 ноября 1839 г. В собственноручном перечне Лунина, находящемся в ЗК, письмо имеет ту же дату, № 4 и заглавие: «Les Polonais» («Поляки») — см. наст. изд., с. 218. Во французском автографе ПД — без обращения к сестре, с тем же номером и заглавием «Les Polonais» («Поляки»); на полях помета, отсутствующая в СУ и ТГ: «Rédigé à la chasse pendant la neige 17 avril 1839» («Составлено на охоте во время снегопада 17 апреля 1839»). Разные даты, по-видимому, отражают разные этапы работы над составлением этих писем. Во французском тексте ПД и русских текстах СУ и ТГ по-разному расположены примечания: в автографе ПД — на полях, слева (x), в СУ и ТГ — под строкой с латинскими литерами. Впервые по русскому тексту ТГ письмо опубликовано в 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 51—54).

Польскому вопросу декабрист вскоре после того посвятил отдельное сочинение «Взгляд на польские дела» (см. наст. изд., с. 108—124). О позиции Лунина в польском вопросе см. *Ольшанский*, с. 192—224; *Эйдельман*, с. 231—239, а также статью в наст. изд., с. 325—329.

Вероятно, по поводу этого письма, полученного нелегально, Е. С. Уварова сообщала Лунину (из Тамбова 2 февраля 1840 г.): «Ссыльный поляк Пельховский говорил мне о тебе с энтузиазмом, который меня больше не удивляет, так как Польша наполнена памятью о тебе. На другой день он нанес визит, и, когда я рассказала о твоем *последнем* письме, он вскрикнул как одержимый — «Как он видит!» — его чувство высказалось в слезах и наградой было обещание — выслать ему твой литографированный портрет» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 23, п. 545, франц. яз.).

1 *Говорим о поляках... революции 1830 года.*— О польских ссыльных 1830-х годов см.: Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917 гг. М., 1976, с. 119—129.

2 *Около 20 000 человек.*— В ТГ рукой Лунина «около 20 000»; при переписке письма в СУ примечание (а) было уточнено.

3 *... многими мерами предыдущего царствования.*— Подразумевается противоречивость политики Александра I в 1815—1825 гг., когда меры прогрессивные (конституция 1818 г. и др.) сочетались с репрессиями и ограничениями, главным вдохновителем которых был Н. Н. Новосильцев. См. письма № 4 и 10 первой серии, а также примеч. к ним.

4 *...первыми революционными действиями... приглашавшими русских к собратству и проч.*— После того, как повстанцы, 29 ноября 1830 г., овладели Варшавой, русским войскам во главе с вел. кн. Константином Павловичем была дана возможность уйти из города; депутация в Петербург была направлена диктатором Хлопицким в декабре 1830 г., но Николай I отказался вести переговоры. 25 сентября 1831 г. в Варшаве были торжественно отслужены панихиды по казненным декабристам и впервые провозглашен лозунг «за нашу и вашу свободу». В «Манифесте» революционного сейма подчеркивалось, что поляками «не руководит никакая национальная

ненависть к русским»; все это произвело сильное впечатление на декабристов — узников Петровской тюрьмы, в частности А. И. Одоевский сочинил стихи «При известии о польской революции».

5 *...неспособности фельдмаршала... судьба войск...*— Речь идет об И. И. Дибиче-Забалканском (1785—1831), потерпевшем ряд поражений от польских повстанцев и умершем в ходе кампании от холеры.

6 *Они угасают... в безмолвии казематов.*— Имеется в виду Петр Высоцкий, один из героев Варшавского восстания 1830 г., будущий товарищ Лунина по Акатую (см. наст. изд., с. 252); он был приговорен к двадцатилетней каторге и отправлен на Александровский винокуренный завод, откуда 22 июля 1835 г. совершил побег с несколькими товарищами, чтобы пройти через Сибирь и Туркестан до Индии, но был схвачен. Лунин пишет об отягчающих обстоятельствах, которые нашел суд в действиях Высоцкого и его товарищей. Высоцкого приговорили к 1000 палочных ударов, его соратников к разному числу палок и розог, все были затем отправлены в Акатуевский рудник. Николай I был недоволен «слабым» приговором. См. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976, с. 120—122.

7 *Недавно враги... без выкупа и промена.*— Ироничные строки Лунина о событиях 1812 г. в этом месте перекликаются с пушкинскими стихами «Клеветникам России» (при том, что взгляды на польский вопрос Лунина и Пушкина сильно отличались).

8 *Паскаль верил свидетельству идущих на смерть.*— Подобные соображения высказаны Б. Паскалем в его «Мыслях» («Pensées»). Французское издание имелось в библиотеке Лунина в Урике. В этом издании (под № 694) Паскаль рассуждает о «предсказаниях», которым обязательно верит приговоренный, когда ему осталось жить не более недели. Лунин несколько переиначивает мысль Паскаля, приближая ее к своему положению и общественной борьбе.

Письмо 5

(с. 23—24)

Печатается по СУ, л. 110—111, № 5; дата — 3 декабря/21 ноября 1839. Французский автограф ПД — с тем же номером, под заглавием «L'exil» («Ссылка»), но без даты. Конец письма: «Adieu, votre affectionné M.» («Прощай, любящий тебя М.») — отсутствует в русском тексте. Слева на полях французского автографа начало католической молитвы «ave Maria». В ЗК сохранился французский фрагмент письма № 5 со слов: «Le type du beau idéal...» («Идеал красоты...»), кончая словами: «Le calme qui résulte de cette...» («Спокойствие, происходящее от этой...») (ЗК — см. наст. изд., с. 212). Этот отрывок, сопровождаемый датой 16 октября 1839 г., очевидно — один из ранних, так как «письмо № 5» окончательно оформлено Луниным только 21 ноября 1839 г. Русский перевод письма по ТГ (со вставленными обращением и концовкой, взятыми из французского текста ПД) впервые опубликован в 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 54—55).

1 *Скоро исполнится четвертый год моего заточения.*— Указом от 14 декабря 1835 г. Лунин в числе 18 декабристов освобождался от каторжных работ в Нерчинских рудниках и отправлялся к месту своего поселения. В Иркутск Лунин прибыл 16 июня 1836 г., а несколько позже обосновался в с. Урик.

2 *Красота для меня... иероглиф необъяснимый.*— В ЗК — рассуждение Лунина о красоте как изнанке истины.

3 *...пророк оставил... на берегах Иордана.*— Свободно интерпретированный Луниным библейский сюжет о пророке Моисее и Иисусе Навине (Второзаконие. 31. 1—30) привлечен декабристом для косвенного описания своей борьбы и ожидаемой трагической развязки.

Письмо 6

(с. 24—25)

Печатается по СУ. л. 111—112, № 6, дата — 27/15 декабря 1839. Во французском автографе ПД (под тем же номером, с той же датой). Последняя фраза письма «Adieu. M. L.» («Прощай. М. Л.») также отсутствует в русском переводе. В собственноручном

перечне писем Лунин отмечает: «Exil. 27/15 Decembre 1839. N 6. Le procès» (Ссылка, 27/15 декабря 1839. № 6. Процесс»). Письмо впервые опубликовано по ТГ (*Штрайх*, I, с. 55—56).

Последовательно и свободно разобрав ряд коренных проблем русской жизни и государственного управления — крестьянский, польский, кавказский вопросы, деятельность министерств народного просвещения и государственных имуществ,— Лунин в этом письме дает краткую, острейшую характеристику российской законности и судебной системы, т. е. обращается к одному из объектов постоянной декабристской критики.

1 *Письмо твое... бесконечные злоупотребления.*— Письмо Е. С. Уваровой от 7 октября 1839 г. не сохранилось.

2 *Common law* — английское действующее обычное право, которое фактически является английской конституцией.

3 *Мы... не должны делать худого с сознанием.*— Лунин намекает на легкую «обычную» возможность — выиграть дело незаконными путями и обличает безнравственность самой этой ситуации.

Письмо 7

(с. 25—26)

Печатается по СУ, л. 112 и об., № 7, дата — 3 января 1840/22 декабря 1839. Во французском автографе ПД — под тем же номером, с иной датой — 31/19 декабря 1839 и местом написания: «Exil», без обращения к сестре и с тремя примечаниями, вынесенными на поля (в СУ и ТГ — одно примечание в тексте). В перечне Лунина в ЗК значится: «Exil. 3 Janvier 1840/22 Décembre 1839. N 7 (нрзб.)... Pestel» (см. наст. изд., с. 218). Колебания Лунина в датировке письма объясняются, вероятно, тем, что письмо, действительно написанное (как это видно по первоначальному наброску ЗК) 3 января/22 декабря. декабрист решил поместить перед следующим письмом (№ 8), датированным 1 января 1840 г. (и по смыслу своему связанному с новым годом). Сначала, в ранней редакции ПД, Лунин решил передвинуть «назад» дату письма № 7, дабы не нарушать хотя бы иллюзорную хронологическую последовательность; при переводе на русский язык, однако, было решено восстановить истину, пусть и ценой известного «нарушения порядка»,— когда письмо № 7 создается после письма № 8. Письмо впервые опубликовано по ТГ (*Штрайх*, I, с. 57—58).

Тема декабристского наследия, поднятая в связи с анализом «Донесения Следственной комиссии», делает письмо № 7 ярким дополнением к уже сочиненному в это время лунинскому «Разбору Донесения следственной комиссии».

1 *Но эта небрежность... ученость еще не доказана.*— Лунин стремится опровергнуть попытку Следственной комиссии (1826 г.) дискредитировать вождя Южного общества П. И. Пестеля. Имя его в письме не названо (только в ЗК), но Лунин именует его «сотрудником» и автором «Русской Правды». Д. Н. Блудов, автор «Донесения...», иронизировал над системой административного деления, предложенной Пестелем в «Русской Правде», не вникнув в существо дела и допуская явные передержки (см. *Окунь*, с. 174—175, а также наст. изд., с. 72). На процессе декабристов обсуждался вопрос о планах Пестеля — привлечь Лунина для организации «обреченного отряда» цареубийц, однако Пестель это не подтвердил. В марте 1825 г. в ответ на вопросы Лунина о Пестеле Е. Ф. Муравьева сообщала: «Paul Pestel был прошедшего года в Петербурге на короткое время, ему дан полк, который находится недалеко от Одессы» (ПД, ф. 187, № 84, л. 4).

2 *...однако ж содержание ее нам вовсе неизвестно.*— Лунин намекает на сокрытие властью важнейшего программного документа декабристского движения — «Русской Правды» Пестеля. В «Донесении....» приводились лишь отрывки, второстепенные подробности. Зарытая в декабре 1825 г. близ деревни Кирнасовки на Украине «Русская Правда» была затем доставлена в Петербург и запечатана в секретном архиве до начала XX в. Только в 1906 г. стала возможна первая публикация пестелевской «Конституции»; в советское время осуществлено полное научное издание документа (см. ВД, VII).

[3] *Что касается до неточности... в официальных бумагах.*— Мелочным придиркам к сочинению Пестеля Лунин противопоставляет бесспорные нелепости в географических наименованиях и политических обоснованиях, обнаруженные им в официальном «Донесении ...».

Письмо 8

(с. 26)

Печатается по СУ, л. 112 об.—113, № 8, дата — 1 января 1840/20 декабря 1839. Во французском автографе ПД — с тем же номером и датой, с указанием «Exil» и концовкой, обращенной к сестре: «Je vous embrasse en idée de tout mon coeur M.» («Обнимаю тебя мысленно, от всего сердца М.»). На полях: «Ave M⟨aria⟩». Разночтение: «новый год» (русский текст — СУ и ТГ) «L'an quarante» («сороковой год») (французский автограф ПД). В собственноручном перечне Лунин обозначил это письмо: «Exil. I Janv. 1840/20 Decembre 1839. N 8. Letus» (имя собаки, обозначающее по-латыни «радостный, веселый»). Впервые опубликовано по ТГ (*Штрайх*, I, с. 56—57).

[1] *...ты недовольна́, когда мне случается говорить о политике.*— Очевидно те, кто доставили собаку, привезли Лунину и тайное послание от сестры, где она пыталась уговорить брата не подвергать себя новым опасностям. Имелось в виду, возможно, и отправленное с оказией письмо к сестре от 15 сентября 1839 г. (см. наст. изд., с. 238—240). Можно предположить, что тот же посредник, который доставил сентябрьское письмо, в конце года сумел вернуться в Иркутск с ответом Е. С. Уваровой. О тайных помощниках Лунина известно немного — см. наст. изд., с. 344.

Письмо 9

(с. 26—27)

Печатается по СУ, л. 113—113 об., № 9, дата — 13/1 января 1840. Во французском автографе ПД — с тем же номером и датой, с местом написания «Exil», без обращения к сестре. Впервые опубликовано немецким историком Т. Шиманом в кн. «Убиение Павла I и восшествие на престол Николая I», Берлин, 1902, по-русски и в немецком переводе (с. 386, 234), с неверной датой 19 января 1840 г. Ряд материалов по истории России Т. Шиман получил от русского историка Н. К. Шильдера; именно Шильдер имел копию письма также с датой 19 января. Однако С. Я. Штрайх заметил при сравнении текстов, что «только у Шимана есть фраза... не соответствующая смыслу остального текста» и «что этой фразы нет и у Шильдера» (см. ниже, примеч. 2, также *Штрайх*, I, с. 59, 135).

Французский текст стихотворения С. И. Муравьева-Апостола впервые опубликован в ПЗ, кн. V, 1859, с. 73 (как примечание к статье «Разбор Донесения Тайной Следственной комиссии в 1826 году», см. наст. изд., с. 82).

[1] *Сергей Муравьев-Апостол* — троюродный брат Лунина. Они не виделись с 1820 г. 6 марта 1825 г. Е. Ф. Муравьева в ответ на вопрос Лунина о подробностях жизни «Матюши и Сережи» (т. е. Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов), сообщала, что «первый в отставке и живет в деревне, Сережа в полку генерала Рота, около Киева» (ПД, ф. 187, № 84, л. 4).

Приведенное стихотворение встречается в записках декабристов и в статьях о Муравьеве-Апостоле начиная с 1850-х годов: по-русски в разных редакциях и по-французски — в одной.

Je passerai sur cette terre
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu.
Ce n'est qu'au bout de ma carrière
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu.

Незначительные разночтения — только в четвертой строке: «Ce n'est qu'à fin de ma carrière». Однако вариант Лунина точнее, что подтверждается и текстом

М. И. Муравьева-Апостола, приведенным в его «Воспоминаниях и письмах» (П., 1922). Об истории и времени написания этого стихотворения существуют разные мнения. В примечаниях к другому сочинению Лунина — «Разбор Донесения тайной следственной комиссии» — дата создания стихотворения отнесена к 1824 г., когда декабристы съехались в Каменку, имение В. Л. Давыдова (см. наст. изд., с. 82). «Для отечества,— писал декабрист А. Е. Розен,— он [Муравьев-Апостол] готов был жертвовать всем; но все еще казалось до такой степени отдаленным для него, что он иногда терял терпение; в такую минуту он однажды на стене Киевского монастыря карандашом выразил свое чувство. В. Н. Лихарев открыл эту надпись...» (*Розен*, с. 179). Об этих стихах см. также *Лорер*, с. 398. П. А. Вяземский внес эти стихи в свою записную книжку в период между 1827—1831 гг. Первые строки в его записи — «Je passerai sur cette terre toujours triste et solitaire» (см. *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 139).

[2] Согласно Шиману, здесь пропущены слова «...хотел меня утешить». Однако эта конъектура не находит никаких подтверждений в имеющихся текстах письма и вероятно ошибочно введена кем-то из переписчиков, решивших «уточнить» мысль Лунина.

Письмо 10

(с. 27)

Печатается по СУ, л. 113—114, № 10, дата — 10/22 января 1840. Во французском автографе ПД — с тем же номером и датой; указанием «Exil» и подписью — «Michel», отсутствующими в СУ и ТГ. В собственноручном перечне Лунина (ЗК) письмо значится: «Exil. 10/22 Janvier 1840. N 9. Renonc⟨ement⟩ à écrire + Ave Maria gratia plena» («Отказ писать более + дева Мария, благодати исполненная») (франц., лат.). Русский текст по ТГ впервые опубликован в 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 59).

На просьбу Лунина (15.IX 1839 г.; см. наст. изд., с. 16) «о дозволении ему возобновить прекращенную переписку его с сестрою», Бенкендорф ответил 18 октября 1839 г. через восточно-сибирского генерал-губернатора В. Я. Руперта; последний сообщил Лунину 10 января 1840 г., «чтобы он впредь отнюдь не осмеливался в письмах своих употреблять непозволительных в положении его суждений о предметах, кои до него ни в коем случае относиться не могут» (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, ед. хр. 61, ч. 61, л. 21). С такими условиями декабрист согласиться не мог и демонстративно прекратил свою «легальную переписку» с сестрой. Очевидно он ограничивался только краткими, не сохранившимися сообщениями сестре о получении писем и посылок. Е. С. Уварова в ряде писем 1840 г. сетовала на это обстоятельство: «Другая на моем месте сказала бы тебе, что прекращает переписку с тобой до тех пор, пока ты не возобновишь переписку сам. Но я не люблю насильственные средства ... Я ожидаю, что твои братские чувства проснутся...» (письмо 582, 23 октября 1840 г. ПД, ф. 368, оп. 1, № 23, на франц. яз.).

В одном из последних писем перед вторым арестом Лунина Уварова умоляет брата написать «хорошее, дельное письмо, которое бы могло констатировать пред лицом всего мира, что состояние твоего разума не уступает ни в чем Катону или Сенеке» (письмо 590, 18 декабря 1840 г., там же, франц. яз.). Здесь Уварова, по-видимому, намекала на необходимость убедить власти («весь мир») в нормальности и лояльности брата; Лунин, меж тем, все более сосредотачивался на нелегальной деятельности (см. письма к сестре 1839—1840 гг., не вошедшие в цикл «Писем из Сибири», наст. изд., с. 238—249.

LETTRES DE SIBERIE

РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ

Публикуется по французским автографам ПД, ф. 187 (собрание Б. Л. и Л. Б. Модзалевских из архива С. Г. и М. Н. Волконских). Первая серия (№ 77) занимает тетрадь в 1/8 писчего листа, включающую предисловие (Préface) и 17 недатированных писем; в заглавии Лунин выставил дату — 1838.

Вторая серия (№ 76) занимает тетрадь (в 1/2 и 1/4 писчего листа), включающую 10 пронумерованных, датированных писем (кроме третьего по счету письма, озаглавленного «Les esclaves», не имеющего даты и номера и письма № 5 без даты). Крайние даты — 15/27 сентября 1839 г. и 22/10 января 1840 г.

История формирования редакций «Писем из Сибири» и их последовательность подробно изложена в статье см. наст. изд., с. 362—366, а также в примечаниях к «Письмам» поздней редакции.

Большое значение для истории и текстологии лунинского труда имеют списки «Писем из Сибири»; все они восходят к разным этапам формирования ранней редакции. Таковы тексты, переписанные С. Г. и М. Н. Волконскими. С. Г. Волконский, получив от Лунина автограф писем первой серии на французском языке, списал все письма с большой точностью. Копия включает предисловие (Préface) и 17 писем последней из ранних редакций (ЦГАОР, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 320: в тетради на лл. 1—23). В той же тетради (лл. 24—43) рукой М. Н. Волконской неполный список обеих серий (первая — в той же ранней редакции): в первой серии пропущено четыре письма: № 3 (о самой Волконской), № 9 (о Н. Н. Новосильцеве), № 10 (о Н. Потоцкой), № 14 (о Варке); в копии второй серии, как и в «муравьевской» редакции, отсутствует одно письмо № 9 (о С. И. Муравьеве-Апостоле — см. наст. изд., с. 30—31, 34—35, 37, 53). Отличия от автографа Лунина и некоторые поправки, внесенные переписчицей, не велики.

Предисловие (Préface) Волконская сопроводила пояснением: «Préface de l'Auteur de ces lettres» («Предисловие автора этих писем»); возле первого письма поставила дату — 1838. К последнему письму, обращенному к графине Канкриной, приписала: «née Mouravieff» («рожденной Муравьевой»).

Письмо «Рабы» из второй серии получило в списке М. Н. Волконской порядковый номер 3, отсутствующий в лунинском автографе; письмо 5, не имевшее заглавия, стало называться «Ave Maria!» Эти слова, записанные Луниным в углу листа, были перенесены Волконской в заголовок (возможно, по указанию автора). В тот же список внесены примечания, в оригинале Лунина отсутствующие (они помещены в скобках).

Два списка «Писем», сделанных рукою М. И. Муравьева-Апостола, также восходят к лунинскому автографу ранней редакции и к копиям Волконских. Сохранившаяся в ОПИ ГИМ (ф. 249, М. И. Муравьева-Апостола, № 3) переплетенная тетрадь, содержащая две серии «Писем из Сибири», «Разбор Донесения...» и «Взгляд на польские дела» имеет владельческую надпись: «Принадлежит Александру Илларионовичу Бибикову (родственнику Муравьевых-Апостолов.— *ред.*). Ялуторовск 1851 года. Писана Матвеем Ивановым Муравьевым-Апостолом». На лл. 8—23 тетради Муравьева-Апостола — 16 писем первой серии ранней редакции, по-французски (отсутствует письмо № 3 о Волконской); письма без дат, с обращением к сестре, как и в автографе Лунина. Но в конце предисловия поставлена дата — «1837» и указано место написания — «Ourika près d'Irkoutsk» («Урика, близ Иркутска») — подробности, отсутствующие в текстах Лунина и Волконских. К последнему письму первой серии, обращенному «к графине Канкриной», приписано, как и в копии Волконской: «рожденной Муравьевой». Вторая серия «Писем» (на лл. 27—60) включает все десять посланий декабриста.

В ЦГАОР — (ф. 1153 (Муравьевых), оп. 1, ед. хр. 108) — хранится тетрадь того же состава, что и тетрадь А. И. Бибикова: М. И. Муравьевым-Апостолом в 31-ю годовщину казни декабристов 13 июля 1857 г. переписаны (на лл. 23—40) — все письма первой серии (за исключением письма № 3 о Волконской) и на лл. 41—54 — девять писем второй серии (исключено письмо № 9 — о С. И. Муравьеве-Апостоле). Оба списка М. И. Муравьева-Апостола, сделанные им со значительным перерывом, несколько разнятся. В 1857 г. декабрист сокращает письма (письмо № 5 первой серии — переписано не полностью; в письме № 9 (по нумерации Лунина — 10) — списан только первый абзац). Письма сопровождаются небольшими пояснениями. Например, ко второй серии «Писем»: «Par ordre venu de Petersbourg il lui enjoint de suspendre pendant une année sa correspondance avec sa soeur». («По приказу, пришедшему из Петербурга, ему запрещена переписка с сестрой в течение года»).

Списки лунинских «Писем», восходящие к автографам и копиям ранней редакции, сосредоточившимся в семье Волконских, принадлежали также И. И. Пущину, М. А. Фонвизину и, вероятно, другим декабристам.

К лунинскому автографу из собрания Волконских восходит список 10 писем второй серии, по-французски, отложившийся в собрании А. И. Барятинского — ОПИ ГИМ, ф. 398 (П. П. Бекетова), № 38. По ряду характерных признаков родственной представляется копия П. В. Долгорукова — ЦГАОР, ф. 728 (Собрание Зимнего дворца), оп. 1, ед. хр. 1445; это тетрадь в плотном картонном переплете, на кожаном корешке которой вытиснено — «Исторические бумаги. 3». По всей видимости, эта тетрадь входила в ту часть «долгоруковских бумаг», которая была выкрадена за границей в 1870 г. III отделением у наследников П. В. Долгорукова, а затем поступила в рукописное собрание библиотеки Зимнего дворца (см.: *Кантор Р.* В погоне за Нечаевым. Л., 1925; *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. М., 1973, с. 295—328). В тетради Долгорукова (помимо «Разбора Донесения...») под заголовком «Lettres de Lounine» находится вторая серия «Писем из Сибири», по-французски, из 10 посланий, но расположенных в иной последовательности и с иными заглавиями, нежели в лунинской рукописи ПД. После двух писем, названных «Mémoire sur le servage» («Записка о рабстве»), «Mémoire sur les Polonais» («Записка о поляках») помещено письмо к графу Бенкендорфу и «семь писем к г-же Уваровой, сестре Лунина, посланные через посредство III отделения императорской канцелярии», пронумерованных римскими цифрами. В списке Долгорукова учтены все примечания Лунина, но сверх того имеются небольшие пояснения (уточнения дат, имен), отсутствующие в рукописи декабриста.

По одному из списков ранней редакции, восходящему к автографу Лунина и копиям Волконских, была осуществлена первая публикация «Писем из Сибири» в русском переводе Н. А. Мельгунова: ПЗ VI на 1861, с. 41—60 (17 писем первой серии и 2 письма второй); см. Дополнения, наст. изд., с. 273—285

Французские тексты ранней редакции «Писем из Сибири», публикуемые по лунинским автографам, в наст. издании большей частью не переводятся и не комментируются: каждый документ ранней редакции сопровождается отсылкой к соответствующему документу поздней редакции, т. е. русскому переводу французского текста, осуществленному самим автором, М. С. Луниным.

О своеобразии работы Лунина-переводчика, адекватности его французских и русских текстов см. наст. изд., с. 362—367.

Соответственно основные комментарии к французским письмам ранней редакции, указания на определенные смысловые различия в общем адекватных французских и русских текстов сосредоточены в комментариях к поздней редакции «Писем из Сибири».

Тем не менее в ряде случаев простая отсылка к поздней редакции «Писем» недостаточна:

1) Два письма ранней редакции, которые волею автора, Лунина, не вошли в позднюю (№ 11 и 17),— естественно, переведены и прокомментированы.

2) В письмах № 5 и 1 поздней редакции Лунин использовал лишь незначительную часть (соответственно) писем № 12 и № 15 ранней редакции. Эти документы также полностью переведены и прокомментированы.

3) Смысловые различия двух редакций (учтенные в комментариях к русскому тексту поздней редакции) кратко отмечены в примечаниях к ранней редакции в тех только случаях, когда тот или иной фрагмент французского текста не учитывался в русской редакции или воспроизводился там с переменою смысла

В примечаниях к письмам ранней редакции, однако, не оговаривается: 1) различия в нумерации и датировке адекватных писем; 2) отсутствие обычных для поздней редакции финальных концовок, обращенных к сестре («Прощай» и т п.);

3) Перевод обращения «vous» на франц. яз. как «ты» на русский.

Первая серия

Préface

(с. 28)

См. авторское предисловие к поздней редакции, наст. изд., с. 5 и примеч. к нему.

1 *La defense... et à l'aimer* («запрещение... не полюбят ее»).— См. там же, примеч. 2.

[2] *Le nuage d'encens... qui trompe tous le partis par des images fantastiques* («Облако фимиама... обманывающий все партии своими фантастическими призраками»).— См. там же, примеч. 3.

Lettre 1

(с. 28—29)

См. письма № 6 и 7 поздней редакции, наст. изд. с. 7—8 и примеч. к ним.

[1] *...je n'ai déployé qu'un peu d'activité* («я только действовал»).— До этого места текст адекватен письму № 6. См. примеч. 4 к нему.

[2] *Reste à faire connoitre le personnel de mon ménage.* («Остается познакомить с моими домочадцами»).— Здесь и далее текст адекватен письму № 7.

...contre une levrette («...на левретку»).— См. примеч. 3 к письму № 7.

Lettre 2

(с. 29—30)

См. письмо № 12 поздней редакции, наст. изд., с. 11—12, и примеч. к нему.

[1] *...tiré des actes authentiques... de S. M. l'Empereur* («...основываясь на актах... е. и. величества»).— См. письмо № 12, примеч. 2.

[2] *Les vérités...* se *tiennent par un enchaînement rigoureux* («Истины... держатся тем, что прочно меж собою сцеплены»).— См. там же, примеч. 5.

[3] *...nous choisirons la plus récente sans chercher à distinguer si elle est la meilleure* («мы изберем позднейший, не доискиваясь, лучший ли он»).— См. там же, примеч. 10.

Lettre 3

(с. 30—31)

См. письмо № 8 поздней редакции, наст. изд., с. 9 и примеч. к нему.

[1] *Son fils* («Ее сын»).— См. там же, примеч. 2.

Lettre 4

(с. 31)

См. письмо № 3 поздней редакции, наст. изд., с. 6 и примеч. к нему.

Lettre 5

(с. 31—32)

См. письмо № 11 поздней редакции, наст. изд., с. 10—11, и примеч. к нему.

[1] *...et personne ne s'est repenti* («...и никто в том не раскаивался»).—См. там же, примеч. 3.

Lettre 6

(с. 32—33)

См. письмо № 16 поздней редакции, наст. изд., с. 15, и примеч. к нему.

[1] *J'approuve... pour votre fils aîné* («Я одобряю... для твоего старшего сына»).— См. там же, примеч. 1.

[2] *N'ayant pas de base rationnelle... souder les parties ajoutées* («Не имея под собою разумной основы... скрепить присоединенные части»).— См. там же, примеч. 9.

[3] *...pour les destinées futures de son pays* («для будущей судьбы его отечества»).—См. там же, примеч. 11.

Lettre 7

(с. 33)

См. письмо № 2 поздней редакции, наст. изд., с. 6 и примеч. к нему.

Lettre 8

(с. 33)

См. письмо № 14 поздней редакции, наст. изд., с. 13—14 и примеч. к нему.

Lettre 9

(с. 34)

См. письмо № 4 поздней редакции, наст. изд., с. 7 и примеч. к нему.

1 *L'incendie... en lisant cette lettre* («пожар... читая это письмо»).— См. там же, примеч. 1.

2 *...le Président du Conseil d'Etat. Comte Novossilzoff* («председатель Государственного совета граф Новосильцев»).— См. там же, примеч. 3.

3 *... pour la cause nationale* («ко благу отечества»).— См. там же, примеч. 4.

4 *La mention... transmettre son nom à la postérité* («Упоминание ... остаться в потомстве»).— См. там же, примеч. 6.

Lettre 10

(с. 34—35)

См. письмо № 9 поздней редакции, наст. изд., с. 9—10 и примеч. к нему.

Lettre 11

(с. 35—36)

Сохранилось во французском автографе ПД под № 11, без даты. Во французской же записи автора помещено в ЗК, с. 81—82, с полной датой 1 мая 1838 г. Перевод (текст соответствует французскому автографу ПД) напечатан впервые в ПЗ (VI, с. 54—55, под номером XIII); последняя латинская фраза «vox clamantis in deserto» («глас вопиющего в пустыне») там обрывается на слове: «vox». В поздней редакции (СУ и ЗТ) текст письма отсутствует. По мнению С. Б. Окуня, оно «выпало» из цикла, так как в нем «речь идет о внимании к человеку, осужденному законом, а не о ломке этих законов» (*Окунь*, с. 151). Более вероятным представляется, однако, нежелание Лунина развивать свои мысли о суде и казни на примере преступника, чья вина в письме не названа: возможно, декабрист не сумел точно ее узнать (смертная казнь, мера исключительная по российским законам, могла быть назначена тому заключенному, который совершил убийство с целью побега). В других своих трудах («Взгляд на русское Тайное общество», «Разбор Донесения...») Лунин представляет свои мысли о суде и казни в связи с делом декабристов.

1 *Voyant que ces derniers ins staient pour que je sorte il me dit: «Souvenez vous de moi dans vos prières»*. «Видя, что те требуют, чтобы я ушел, он сказал мне: «Помяните меня в ваших молитвах»).— Эта фраза отсутствовала в черновом тексте письма, сохранившемся в ЗК (см. наст. изд., с. 208).

2 *Vox clamantis in deserto* («глас вопиющего в пустыне») — Лунин в Урике, а позже в Акатуе постоянно пытался помочь другим осужденным. Сохранилась записка некоего Василия Петрова от 10 февраля (б/г), извещавшая Лунина (явно по договоренности с декабристом), что «сего числа прибыла в Уриковское селение партия 9-ть человек» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 14).

Lettre 12

(с. 36)

Сохранилось во французском автографе ПД под № 12, без даты.

Перевод (текст соответствует французскому автографу ПД) напечатан впервые в ПЗ (VI, с. 55—56, под № XIV).

1 *...le rôle de buffon* («роль шута»).— Завершенная этими словами первая часть письма была сильно переработана Луниным в начале письма № 5 поздней редакции. См. наст. изд., с. 7.

А. Н. Голицын (1773—1844) еще мальчиком был представлен Екатерине II М. С. Перекусихиной, известной наперсницей императрицы; живость его характера, остроумие понравились великому князю Александру (будущему Александру I); в начале его царствования Голицын был известен как вольтерьянец, библиофил, светский человек, затем же, вместе с императором, впал в пиэтизм, мистику, всячески подчеркивал свое благочестие, чем вызывал постоянные насмешки прогрессивных кругов (Пушкин в своих стихах иронически обыгрывал разные прозвища и обращения к Голицыну — «святой отец», «благочестивая смиренная душа», «апостол Крюднерши» и др. См. *Пушкин*, II, 368, 915).

Лунин многое знал о потаенных сторонах придворной жизни: «Мы с любопытством слушали его рассказы о закулисных событиях прошедшего царствования и его суждения о деятелях того времени, поставленных на незаслуженные пьедесталы» (*Басаргин*, с. 133).

2 *La vieille école... elle vous l'abyme* («Старая школа... изгадят»).— Этой фразой оканчивается та часть письма № 12, которая в переработанном виде была включена Луниным в письмо № 5 поздней редакции. Далее тексты писем совершенно отличны. См. примеч. 6 к письму 5 поздней редакции.

3 *...pour se repatrier avec le gouvernement* («чтобы вернуть себе милость правительства»).— Часть декабристов, приговоренных к сибирской каторге и ссылке, подали прошение о переводе рядовыми в Кавказский корпус. В 1837 г. было разрешено отправиться на Кавказ В. Н. Лихареву, М. А. Назимову, И. Ф. Фохту, А. И. Черкасову, М. М. Нарышкину, А. И. Одоевскому. Некоторым из ссыльных было отказано в просьбе: так, в 1842 г. просился в солдаты и не получил разрешения А. Е. Мозалевский (см. *Эйдельман Н. Я.* Из декабристских архивов.— «Дружба народов», 1975, № 11, с. 229); о спорах в декабристской среде насчет перевода на Кавказ свидетельствует и неудачная попытка ближайшего к Лунину человека С. Г. Волконского: за него ходатайствовали столь влиятельные лица, как М. С. Воронцов, но Николай I отказал. См. ЦГАОР, ф. 1146, оп. 1, № 2050, л. 121. 14 декабря 1839 г. соответствующую просьбу без результата подал М. А. Фонвизин (см. *Фонвизин*, I, с. 78).

В кругу декабристов, поселенных близ Иркутска, особенный, по-видимому, резонанс имели прошение Одоевского, связанное с известным покаянием, а также неудачные ходатайства Е. З. Канкриной о переводе на Кавказ ее брата Артамона Муравьева. См. ЦГВИА, ф. 1, оп. 1/5, № 11507 (1837 г.) и № 11502 (1839 г.).

Чрезмерная односторонность лунинского суждения позже была возможно осознана и самим автором «Писем из Сибири», который снял в поздней редакции слова насмешки и упрека насчет товарищей, переводимых на Кавказ.

4 *...dignus, dignus est intrare in isto docto corpore* («достоин, достоин вступить в эту ученую корпорацию»).— Принятая старинная формула, сопровождавшая присвоение ученой степени в университетах.

Lettre 13

(с. 36—37)

См. письмо № 13 поздней редакции, наст. изд., с. 12—13 и примеч. к нему.

1 *La sphère de son action... jusqu'au tribus nomades qui parcourent les Solitudes Sibériennes* («Сфера его действий ... до племен, кочующих в сибирских пустынях»).— Об этой фразе см. примеч. 2 к письму № 13.

2 *D'après la nature des choses il aura deux résultats positifs* («Согласно природе вещей, оно достигнет двоякого положительного результата»).— См. там же, примеч. 3.
3 *Rem⟨arque⟩ 5. p. 50* («Прим⟨ечание⟩ 5, с. 50»).— См. там же, примеч. 5.
4 *Ch⟨apitre⟩ III, art⟨icle⟩ 70* («Гл⟨ава⟩ III, пар⟨аграф⟩ 70»).— См. там же, примеч. 7.

Lettre 14

(с. 37)

См. письмо № 10 поздней редакции, наст. изд., с. 10 и примеч. к нему.

1 *L'idée de la régénération... et les ennemis* («Идея возрождения... врагов») — См. там же, примеч. 3.
2 ...au fond de cette idée («во глубине этой мысли»).— См. там же, примеч. 4.

Lettre 15

(с. 37—38)

Сохранилось во французском автографе ПД под № 15.

Лунин использовал в поздней редакции для письма № 1 лишь финал письма № 15, по-видимому, опустив рассуждение о «полковнике Д.» как слишком частное. Перевод (текст соответствует французскому автографу ПД) напечатан впервые в ПЗ (VI, с. 58, под № XVII).

1 ...*Colonel D.* («полковник Д.»).— Полковник Данилевский. О нем не раз писала Лунину Е. С. Уварова, см. ПД, ф. 368, оп. I, № 22, п. № 393. См. также наст. изд., с. 231—232.
2 ...*en retour de vos tribulations mondaines* («в обмен на ваши светские огорчения»).— Этими словами завершается та часть письма, которая была опущена Луниным при работе над письмом № 1 поздней редакции. Следующие строки были переведены Луниным на русский язык и вошли в состав письма № 1. См. наст. изд., с. 6.

Lettre 16

(с. 38)

См. письмо № 15 поздней редакции, наст. изд., с. 14, и примеч. к нему.

1 ...*et que c'est un crime de désirer autre chose* («и что ожидать чего-либо иного преступно»).— См. там же, примеч. 4.

Lettre 17. A la Comtesse Kankrine

(с. 39)

Сохранилось во французском автографе последней из ранних редакций ПД под № 17, без указания точной даты, с обращением Лунина к его троюродной сестре, графине Екатерине Захаровне Канкриной (урожд. Муравьевой; 1796—1879), жене министра финансов Е. Ф. Канкрина и сестре декабриста Артамона Муравьева. В ряде списков (С. Г. и М. Н. Волконских, М. И. Муравьева-Апостола) адресат письма указан: «à la comtesse Kankrine née Mouravieff» («графине Канкриной, урожд. Муравьевой»). В конце письма обычная подпись Лунина «ML». Французский текст соответствует русскому переводу ПЗ (с. 60, письмо № XIX), помещенному там без инициалов Лунина и обращения к графине Канкриной. В позднюю редакцию (СУ и ЗТ) текст письма не вошел. Сопровождая раннюю редакцию общей датой 1838, Лунин помещает письмо в конце первой серии. Е. З. Канкрина действительно принимала участие в судьбе Лунина. В письмах Е. С. Уваровой троюродная сестра упоминается постоянно. 13 сентября 1837 г. Е. З. Канкрина послала Лунину тулуп (см. ПД, ф. 368, он. 1, № 22, п. 430); позже она восхищалась одним из писем, где Лунин отчитывает сестру за то, что она потчует его новостями о кузенах и кузинах «на бретонский манер» (см. там же, п. 446, 29 января 1838 г., а также наст. изд. с. 231, 232). Е. С. Уварова вместе с этим письмом послала Лунину какую-то сочувственную записочку («billet») от Канк-

риной; полученная в Урике не раньше апреля, она, вероятно, явилась поводом для лунинского письма (№ 17). Тот факт, что оно было адресовано «кавалерственной даме», жене министра, придавало письму особую остроту. По мнению С. Б. Окуня, письмо Е. З. Канкриной было удалено из поздней редакции, так как «нарушало целостность произведения, задуманного в форме писем к сестре», а также по сути повторяло мысли из авторского предисловия к первой серии (см. *Окунь*, с. 151).

Вторая серия

№ 1. Au Chef des gendarmes. 1839, 15/27 Septembre

(№ 1. Шефу жандармов. 1839, 15/27 сентября)

(с. 41—42)

См. письмо № 1 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 16 и примеч. к нему.

[1] *...pour éclairer sa religion* («наставлять ее в вере»).— См. примеч. 1 к письму № 1.

№ 2. Exil 15/27 Septembre 1839

(№ 2. Ссылка. 15/27 сентября 1839).

(с. 42—43)

См. письмо № 2 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 16 и примеч. к нему.

[1] *Elle ne peut se trouver dans aucun Code...* («Он не может находиться ни в каком Своде законов»).— См. примеч. 1 к письму № 2 второй серии поздней редакции.

[2] *L'erreur est également commune à tous les hommes* («Заблуждение равно свойственно всем людям»).— См. там же, примеч. 2.

Les esclaves

(Рабы)

(с. 43—46)

См. письмо № 3 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 17—20 и примеч. к нему.

[1] *...au pouvoir discrétionnaire des individus* («произволу частных лиц»).— См. там же, примеч. 3.

[2] *(11 roubles).* Code des Loix page: paragr⟨aphe⟩: «(11 рублей). Свод законов, страница: параграф⟨аф⟩:».— См. там же, примеч. 5.

[3] *Ces partisans de l'égalité... pour établir l'inégalité entre les tombes du cimetière* («Эти поборники равенства... чтобы утвердить неравенство могил»).— См. там же, примеч. 8.

[4] *Rapp⟨ort⟩ de Com⟨mission⟩. Manifeste 1826* («Донесение Следственной комиссии. Манифест 1826»).— См. там же, примеч. 10.

№ 4. Les Polonais

(№ 4. Поляки)

(с. 46—49)

См. письмо № 4 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 20—23 и примеч. к нему.

№ 5. L'exil

(№ 5. Ссылка)

(с. 49—50)

См. письмо № 5 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 23—24 и примеч. к нему.

[1] *Ave Maria.*— Слова католической молитвы возможно рассматривались Луниным как заглавие письма (именно так оценивала эту строку М. Н. Волконская, переписывая текст). См. наст. изд., с. 395.

№ 6. Exil. 27/15 Decembre 1839

(№ 6. Ссылка. 27/15 декабря 1839)

(с. 50—51)

См. письмо № 6 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 24—25 и примеч. к нему.

№ 7. Exil, 31/19 Decembre 1839

(№ 7. Ссылка. 31/19 декабря 1839)

(с. 51—52)

См. письмо № 7 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 25—26 и примеч. к нему.

[1] В поздней редакции письмо сопровождается датой «3 января 1840/22 декабря 1839 г.». См. наст. изд., с. 25.

[2] *Rap⟨porte⟩... p. 18* («Донесение... с. 18»).— Этой отсылки нет в соответствующем месте поздней редакции. См. там же, примеч. 1.

№ 8. Exil. 1 Janvier 1840/20 Decembre 1839

(№ 8. Ссылка. 1 января 1840/20 декабря 1839)

(с. 52)

См. письмо № 8 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 26 и примеч. к нему.

[1] *L'an quarante a commencé...* («Сороковой год начался...»).— В русском тексте «Новый год начался».

№ 9. Exil. 13/1 Janvier 1840

(№ 9. Ссылка. 13/1 января 1840)

(с. 53)

См. письмо № 9 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 26—27 и примеч. к нему.

№ 10. Exil. 22/10 Janvier 1840

(№ 10. Ссылка. 22/10 января 1840)

(с. 53)

См. письмо № 10 второй серии поздней редакции, наст. изд., с. 27 и примеч. к нему.

ВЗГЛЯД НА РУССКОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО С 1816 ДО 1826 ГОДА

(с. 54—62)

«Взгляд...» завершен в сентябре (после 15) 1838 г. О работе Лунина над «Взглядом...» см. наст. изд., с. 318, 319, 367.

Русский текст «Взгляда...» печатается по рукописи, вошедшей в дело «О государственном преступнике Михаиле Лунине» (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, ед. хр. 61, ч. 61, лл. 107—115 об.). Почерк рукописи неизвестен, но список безусловно сделан кем-то из тайных сибирских помощников Лунина; скорее всего это иркутский учитель Аристарх Журавлев или его жена Елена Журавлева (см. наст. изд., с. 355).

Русский перевод «Взгляда...» без сомнения осуществлен самим декабристом, как это было при создании русского текста «Писем из Сибири» и в других случаях. Работа Лунина над переводом «Взгляда...» видна и по тем дополнениям или сокращениям первоначального французского текста, которые возможны только при авторском редактировании.

Помимо русского перевода сохранились два автографа Лунина на французском языке. Оба они, очевидно, были посланы Луниным сестре вместе с письмом от 15 сентября 1839 г. (см. наст. изд., с. 238—240) и предназначались для распространения. Один из них сохранился в бумагах Е. С. Уваровой — ОПИ ГИМ, ф. 282 (коллекция Музея революции), ед. хр. 302, в тетради в 1/4 писчего листа, на лл. 27—33. Второй автограф, отправленный Луниным Е. С. Уваровой, предназначался для братьев Тургеневых и остался в бумагах А. И. Тургенева (ПД, ф. 309, № 900 в.). Оба эти автографа «Взгляда...» были изготовлены Луниным примерно в одно и то же время, написаны на бумаге одного и того же формата, с одним и тем же расположением текста. Однако текст ОПИ ГИМ переписывался Луниным уже с учетом правки, проделанной в тексте ПД (где имеется ряд зачеркнутых и выскобленных строк).

Кроме того, при аресте в 1841 г. у Лунина был изъят французский черновой автограф «Взгляда...», сохранившийся в «деле» Лунина (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, ед. хр. 61, ч. 61, лл. 1—6). В нем на л. 4 об. после слов: «avec reclusion aux cachots» («с заключением в казематы») Лунин начал вставку, которую, однако, зачеркнул и написал на полях: «il furent enchaînés, privés d'air, de lumière, livrés à l'arbitraire d'agents subalternes, soumis au régime de la force brutale dont ils voulaient affranchir leurs concitoyens, comme ces premiers chrétiens qu'on soumettait aux outrages, avant de les livrer aux bêtes féroces» («они были закованы, лишены воздуха, света, предоставлены произволу низших служащих, подчинены управлению грубых людей, сограждан, которых они хотели освободить; они были подобны первым христианам, которых подвергали оскорблениям перед тем, как предать диким зверям»). На л. 5 — другая вставка, отсутствующая в текстах ГИМ и ПД — после слов: «leurs maris» («их мужей») текст частично зачеркнут, частично выскоблен, сверху вставлены слова — «comme elles ont partagés leur captivité» («как они разделили их неволю»). Текст на л. 5 и его обороте полностью выскоблен, на л. 6 — зачеркнут сплошной чертой.

В настоящем издании публикуется французский текст ОПИ ГИМ, как отражающий последнюю авторскую волю.

«Взгляд...» впервые опубликован в ПЗ на 1859 г. (кн. V, с. 231—237) по списку с лунинского текста в русском переводе Н. А. Мельгунова. В 1923 г. был впервые напечатан по русскому тексту ЦГАОР (*Штрайх*, I, с. 61—66; 137).

В истории нелегального труда Лунина, его сохранения и позднейшего появления в печати большую роль играли списки «Взгляда», в частности, копия рукою И. И. Пущина (ЛБ, ф. 319, к. 5, № 20) и копия, переписанная рукой С. Г. Волконского (ЦГАОР, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 319), полностью тождественная автографам Лунина (ГИМ и ПД). В материалах, собранных М. С. Волконским (ЦГАОР, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 1964), сохранилась копия «Взгляда...», восходящая к черновому автографу, отложившемуся в ЦГАОР: при подготовке к печати мемуаров своих родителей С. Г. и М. Н. Волконских М. С. Волконский пользовался материалами секретных государственных архивов и, в частности, архива III отделения.

Другие разночтения французских текстов «Взгляда...»

Автографы ГИМ, ПД (Наст. изд.)	*Автограф ЦГАОР*
с. 58	л. 1
La Société occulte (Тайное общество)	La Société occulte de Russie (Русское тайное общество)
с. 62	л. 5
Elle se manifeste (Она обнаруживается)	Elle s'exprime (Она выражается)

Смысловые различия русского и французского текстов «Взгляда...»

Русский текст списка (ЦГАОР) (наст. изд.)	*Французский автограф Лунина* по уваровскому списку (ГИМ) и современный перевод. (наст. изд.)
с. 54	с. 58
строки 7—8 св.	строки 12—13 св.
Тайное 10-тилетнее существование доказывает, что...	Les dix années de son existence occulte en présence d'un pouvoir soupçonneux et hostile, prouvent qu'elle... («Тайное 10-тилетнее его существование при подозрительном и враждебном правительстве доказывает, что...»)
строка 12 св.	строки 18—19 св.
...даже страсти к цели коренного преобразования правительства.	...même les passions des diverses classes vers le but d'une réforme organique dans le Gouvernement. («даже страсти различных сословий к цели коренного преобразования правительства»)
Подстрочная ссылка отсутствует	Précis des notions... p. 135—140. (Обозрение исторических сведений о своде законов Российской империи, извлеченных из подлинных документов, хранящихся в архиве 2-го Отделения с. е. и. в. канцелярии. 1833. с. 135—140)
с. 55	с. 59
строки 10—11 св.	строки 21—22 св.
...образование совокупности народной доставит внутри порядок и правосудие...	La diffusion des lumières en général fut considérée comme moyen d'ordre et de justice au dedans... («Распространение просвещения вообще рассматривалось как путь к внутреннему порядку и справедливости»)
строки 22—23 св.	строки 14—15 сн.
...своим учреждением и совокупностию видов оно доказало...	...elle a prouvé par le fait de son institution et l'ensemble de ses vues... («своим учреждением и общностью своих стремлений оно доказало»)
строка 21 сн.	строка 9 сн.
Эпохи переходные, неизбежные...	Aux époques transitoires... («В переходные эпохи»)
с. 56	с. 60
строка 19 св.	строка 13 сн.
...по множеству своих голосов.	...par la quantité de ses membres («по множеству своих членов»)
с. 57	с. 61
строки 13—14 св.	строка 16 сн.
....112 к работе в рудники...	...soixante et douze aux travaux de force... («72 к каторжным работам»)
	с. 62
строка 3 сн.	строки 9—10 св.
Отделились от людей, но не отделяется от их идей	Car on s'est défait des hommes, mais non pas de leurs idées. («Ибо отделываются от людей, но не от их идей»).

[1] *...что дело его было делом всей России... Донесение След⟨ственной⟩ ком⟨иссии⟩, с. 21.*— Лунин ссылается на официозные правительственные документы о восстании 14 декабря 1825 г. Цитируемая декабристом фраза из царского манифеста от 13 июля 1826 г. подразумевает под «делом всей России» не Тайное общество, а судебную

расправу над его участниками. Ср.: «Дело, которое мы всегда считали делом всей России, окончено, преступники восприняли достойную их казнь» (ПСЗ, собр. 2-е, т. 1, № 465, с. 772). Лунин, однако, прибегает к нарочитому, полуироническому переосмыслению правительственного документа — прием, который неоднократно использован в его сочинениях.

2 *...союз Рюнимедский...*— договор, заключенный на лугу Раннимед (Рюнимед), близ Виндзора 15 июня 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным с восставшими против него баронами. Этот документ, названный Великой хартией вольностей, стал основой английской конституции.

3 *...10-тилетнее существование...*— Лунин ведет счет с момента возникновения первого тайного общества — «Союза спасения» (9 февраля 1816).

4 *Т. о. было глашатаем выгод народных...*— 26 января 1839 г. Лунин внес в ЗК мысль, близкую к тому, что написано во «Взгляде...» — о рождении и распространении политических идей, которые, в конце концов, «делаются народным чувством» (см. наст. изд., с. 174—175). Здесь и далее требования Тайного общества кратко изложены Луниным в духе программных установок Северного и Южного обществ (см. подробнее: *Окунь,* с. 189—191, а также статьи в «Приложениях» к наст. изд.).

Вопросы, по которым у северян и южан не было единства, Луниным сознательно обходятся: говоря о необходимости ликвидировать самодержавие, декабрист не уточняет, например, какой должна быть новая форма правления — конституционно-монархической или республиканской.

5 *... требуя, чтобы существующие законы... обнародованы...*— Важное место в программах тайных обществ занимал вопрос о судопроизводстве. Эта тема не раз затрагивается в «Письмах из Сибири». Требуя издания нового уложения, Лунин, очевидно, имел в виду использование опыта, накопленного Тайным обществом, в частности работами П. И. Пестеля, Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева и др. (см. подробнее *Гессен, Коган,* с. 142—145).

6 *...говорило языком, для всех понятным.*— Лунин неоднократно подчеркивает «народность» идей общества и ставит его успехи в прямую связь с борьбой «за народ». Этот новый взгляд декабриста в конце 1830-х годов — несомненный итог его постоянных раздумий о роли народных масс. При этом Лунин сознательно или невольно преувеличивает декабристскую ориентацию на народ, почти не касаясь того, как «страшно далеки» были от народа первые революционеры. Обращения декабристов «ко всем сословиям» на языке «для всех понятном», вероятно, подразумеваются как литературно-публицистические, легальные (например, на страницах «Полярной звезды» Рылеева и Бестужева) сочинения, так и рассчитанные на массовое восприятие (агитационные песни Рылеева и А. Бестужева, «Катехизис» С. И. Муравьева-Апостола и др.).

7 *Т. о. ходатайствовало за греков, оставленных... державами...*— Греческое восстание, начавшееся в 1821 г., пользовалось горячей поддержкой прогрессивной русской общественности (см.: *Арш Г.* Этеристское движение в России. М., 1970).

8 *..Александр обязался даровать конституцию русским... (Варш⟨авский⟩ сейм 1818 г. 15 марта).* На открытии Варшавского сейма Александр I говорил польским депутатам: «Вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю» *Шильдер Н К* Император Александр I, т. IV. СПб., 1898, с. 86.

В этот период Александр выступал сторонником конституционного правления во Франции, Испании и других государствах; в 1818—1820 гг. была подготовлена, но тщательно засекречена «Уставная грамота», проект российской конституции. См. также наст. изд., с. 374, 375.

9 *Т. о. ... проявляется в сущности каждого правительственного постановления... последнего десятилетия.*— Лунин неоднократно (в «Письмах из Сибири», «Разборе Донесения тайной следственной комиссии» и других трудах) оценивал некоторые меры правительства Николая I как вынужденную реализацию тех идей, что были выдвинуты декабристами (отмена военных поселений, кодификация законов, сравнительная популярность внешней политики и др.).

10 *В исполинском предприятии, которое, по сознанию самого правительства, должно было изумить даже тех, которые его постигли,— ошибки были неизбежны... присо-*

единив Т. о. славян...— Причины неудач Тайного общества сводятся во «Взгляде...» к тактическим ошибкам и организационным неполадкам. Лунинское недовольство разделением Тайного общества на Северное и Южное С. Б. Окунь объясняет стремлением декабриста «к полному единству организации» (*Окунь*, с. 192). В то же время во «Взгляде...» отразились очевидно и важные споры его товарищей, продолжавшиеся на каторге и в ссылке. Так, слова Лунина об отрицательном влиянии на Северное общество «новых членов» подразумевают прежде всего К. Ф. Рылеева и отражают точку зрения другого лидера северян, Никиты Муравьева, кузена Лунина, разделявшего с ним урикскую ссылку и участвовавшего в некоторых его нелегальных трудах.

Критика Южного общества за присоединение «славян» очевидно отражает дискуссии (в Чите и Петровском заводе) декабристов — основателей первых тайных обществ — с членами общества Соединенных славян (И. И. Горбачевским, бр. Борисовыми и др.). Притом активным помощником Лунина в его конспиративной деятельности был член «Славянского общества» П. Ф. Громницкий. Говоря о «затруднительности положения» южан, Лунин также, вероятно, подразумевает противоречия по тактическим вопросам между удаленными друг от друга управами Южного общества — Тульчинской и Каменской, с одной стороны (Волконский, Давыдов, Пестель), и Васильковской (С. И. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин), с другой (см. *Нечкина*, II, гл. XIII).

11 *...вступя в сношения с Польским обществом, которого виды... требовали противудействия.*— Тайные переговоры Южного общества декабристов и Польского патриотического общества происходили в 1824—1825 гг. В ходе переговоров, наряду с определенным единством взглядов, выявились большие разногласия, особенно по территориальным вопросам (о судьбе украинских и белорусских земель, некогда входивших в состав Речи Посполитой). До сих пор остается невыясненным реальная роль Лунина в этих переговорах. Одни авторы полагают, что декабрист, находившийся в Варшаве, был важным посредником между двумя революционными союзами (см. *Ольшанский*, с. 104; *Окунь*, с. 61—64); другие отмечают сравнительно большое удаление Лунина в 1824—1825 гг. от практической деятельности тайных обществ (см. *Эйдельман*, с. 74—82).

Критическое отношение автора «Взгляда...» к переговорам южан с польским тайным обществом, «которого виды отчасти различествовали и требовали противудействия», позволяет, с должной осторожностью, определить (по «Взгляду...» 1838 года) достаточно сложную лунинскую позицию в 1824—1825 гг.

12 *...измена втайне подрывала основание здания.*— Доносы на декабристов в 1825 г. сделаны унтер-офицером 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервудом (1798—1867), помещиком А. К. Бошняком (1786—1831) и капитаном Вятского пехотного полка А. И. Майбородой (ок. 1800—1844).

13 *... смерть имп⟨ератора⟩... два отречения, две присяги... тайное завещание, отысканное в архивах...*— После смерти Александра в Таганроге 19 ноября 1825 г. население России было приведено к присяге Константину, отречение которого от престола держалось в тайне. Манифест о передаче прав на престол Николаю и письмо Константина об отречении, приготовленные в 1823 г. по приказанию Александра I, были отданы на хранение в Сенат и Государственный совет, а также в Успенский собор в Москве. Новая присяга Николаю, не дождавшегося от Константина формального акта отречения, была назначена на 14 декабря 1825 г.

14 *...отважное движение одного полка на юге.*— Восстание Черниговского пехотного полка, начавшееся в г. Василькове 29 декабря 1825 г., подавлено правительственными войсками 3 января 1826 г.

15 *Правительство уверили, что целью Т. о. было цареубийство и безначалие.*— Официальная версия представляла события 14 декабря как ознаменованные «буйством немногих и знаками общего усердия, нелицемерной преданности к престолу», как «безналичие, коего ужасами они угрожали отечеству» (ВД, XVII, с. 57).

16 *Эту мысль распространили в сословиях малообразованных, которые верят всему... что приказано.*— Здесь анализируется официальное «Донесение Следственной комиссии», разбору которого посвящены особые работы Лунина, публикуемые в наст. изд.

17 *Более 600 человек были схвачены и брошены в казематы.*— Всего к следствию по делу декабристов было привлечено 579 человек (ВД, т. VIII, с. 13).

18 *...приговорило... не допросив и даже не видав заключенных.*— Верховный уголовный суд не допрашивал подсудимых, а вынес приговор на основании следственных документов, что и вызвало известную реплику И. И. Пущина во время оглашения приговора: «Как? Разве нас судили?» Суд приговорил 5 человек к «смертной казни четвертованием», 31 — «к смертной казни отсечением головы», 17 — к пожизненной каторге, 40 — к различным срокам каторжных работ (от 2 до 20 лет) с последующим пожизненным поселением в Сибири, 18 — к пожизненной ссылке в Сибирь и 9 — к разжалованию в солдаты (ПСЗ, собр. 2-е, т. 1, № 465). Эти меры наказания были затем несколько смягчены Николаем I.

19 *...трое выпали из слабо затянутой петли... вновь повешены.*— Казнь декабристов была совершена 13 июля 1826 г. Имена сорвавшихся с виселицы К. Ф. Рылеева, П. Г. Каховского и С. И. Муравьева-Апостола известны из донесения с.-петербургского генерал-губернатора Голенищева-Кутузова («Былое», 1906, № 3, с. 232).

20 *Водители партии... заняли частные места в управлении.*— Сведения, сообщаемые Луниным о суде, казни, тайных похоронах и торжественном «очистительном» молебне после окончания дела — точны и основательны. Кроме собственных воспоминаний, он очевидно ввел в свой труд то, что было рассказано товарищами по 12-летнему заключению и ссылке. Говоря о выдвижении при Николае I «водителей партии», т. е. главных следователей и судей по делу 14 декабря, Лунин подразумевает прежде всего А. Х. Бенкендорфа, А. И. Чернышева, Д. Н. Блудова и некоторых других министров из нового правительства.

21 *Их слово так сильно, что запрещают выражать его даже в простых письмах к родным.*— Лунин подразумевает как годичный запрет на его переписку (1838—1839), так и запрещение писать своим родным для тех, у кого не кончился каторжный срок (осужденным по «I разряду» — до 1839 года).

РОЗЫСК ИСТОРИЧЕСКИЙ

(с. 62—66)

Завершен в 1838 г. Печатается по списку, сохранившемуся в «деле» Лунина, в той же тетради, что и русский перевод «Взгляда на русское Тайное общество», переписан тем же неизвестным почерком (возможно иркутским учителем Журавлевым или его женой) (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, ед. хр. 61, ч. 61, лл. 116—123 об.). Текст несомненно восходит к оригиналу Лунина, до нас не дошедшему (см. наст. изд., с. 363).

Опубликован в 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 78—83).

В настоящем издании «Розыск» впервые рассматривается как своеобразный расширенный комментарий ко «Взгляду на русское Тайное общество». Подготовительные заметки Лунина к работе над «Розыском» сохранились в ЗК. См. наст. изд., с. 202—203, 205.

1 *Рюрик* — полулегендарный предводитель варяжской дружины (IX в.), по летописному преданию родоначальник русской княжеской династии Рюриковичей.

2 *Добровольное подданство народа своим врагам утверждают на свидетельстве монаха, писавшего в конце XI столетия... Последнее, кажется, вернее, потому что ближе к обыкновенному ходу событий.*— В вопросах возникновения государственности на Руси Лунин выступил противником норманнской теории, отвергая концепцию добровольного призвания варягов как исходного момента для «мирного» возникновения русского абсолютизма.

Лунин пришел к этому не сразу, о чем свидетельствуют предшествующие «Розыску» заметки в ЗК (см. наст. изд., с. 202).

Лунин следовал традиции М. В. Ломоносова и других критиков «варяжской легенды», внесенной около 1113 г. киевским монахом Нестором в «Повесть временных лет». Д. С. Лихачев считает, что «легенда о призвании варягов складывалась постепенно и искусственно» (*Лихачев Д. С.* Повесть временных лет. Историко-лите-

ратурный очерк.— В кн.: Повесть временных лет. Литературные памятники. М.— Л., 1950, с. 113).

3 *Русские историки усвоивают народу чувственную любовь к государям... Уделы, заведенные нордманами, укоренились по смерти Владимира.*— Здесь и далее Лунин заимствует факты из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.
Владимир — великий князь Киевский (980—1015).

4 *Край раздробили; народ разделили на участки... Народный дух, постепенно угасая, заменился равнодушием.*— В 1820-х годах, в связи с выходом «Истории...» Карамзина, в русском обществе живо обсуждали вопрос об исторических корнях самодержавия и вольности. Часть декабристов (М. Ф. Орлов и др.) полагали, что первоначальные свободы были сокрушены приходом варягов. См. ЛН, 59, кн. 1, с. 557—568. Н. М. Муравьев, идеализируя вечевой строй древней Руси, видел «корень зла» в монгольском нашествии. В своем сочинении «Любопытный разговор» он писал о свободах древней Руси: «Почему же сии вечи прекратились и когда? — Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти» (ВД, 1, 322). Лунин, однако, отказывается от «внешнего» объяснения, находя глубинные причины укрепления самовластия во внутреннем устройстве, междоусобицах, раздроблении уделов.

5 *С появлением монголов князья нордманского поколения пали к ногам завоевателей... Татарский приговор освящался равнодушием народным.*— Одна из главных лунинских мыслей, высказанная и во «Взгляде», см. примеч. 6 к нему.

6 *Князья литовские, а не потомки Рюрика, положили начало освобождению... Им стали подражать князья московские, усилившиеся во время смятений.*— См. наст. изд., с. 76—77.

7 *Однако ж, не слабостию монголов... не совершается коренных переворотов.*— Лунин полемизирует с концепцией Карамзина, отдававшей князьям, крепнувшему самодержавию главную роль в объединении и возвышении Руси.

8 *Ярослав* Мудрый (1019—1054), Владимир Всеволодович *Мономах* (1113—1125) — великие князья киевские, *Иван III* Васильевич — великий князь Московский (1462—1505).

9 *...препятствия встретились в Новгороде... с народами более образованными.*— Большинство декабристов симпатизировало республиканской истории древнего Новгорода, зачастую впадая в неисторическую идеализацию.

10 *Самодержавие... царя Бешеного... купался в крови подданных.*— Здесь Лунин, как и многие другие декабристы, разделяет концепцию Карамзина о царствовании Ивана Грозного, развитую в IX томе «Истории Государства Российского» (1821 г.).

11 *... с царем Слабоумным (Феодором Иоановичем).*— На последнем представителе «варяжской» династии Рюриковичей — Федоре Иоанновиче (1584—1598) Лунин заканчивает краткий обзор истории русского государства.

12 *Мнение, что Владимир ввел христианство, основано на свидетельствах неважных, сомнительных и подлежащих спору. ...Соборные послания патриархов Фотия и Игнатия свидетельствуют, что русские крестились в 867 году.*— Справедливо оспаривая мнение об исключительной роли князя Владимира в принятии христианства древней Русью, Лунин тщательно, но не всегда критически отыскивает в первом томе «Истории Государства Российского» доводы насчет более раннего проникновения новой веры без помощи «сильных земли» и таким образом стремится отделить торжество христианства от «корня зла», набирающего силу самовластия.

Ольга — княгиня Киевская, жена Игоря, правившая в малолетство своего сына Святослава. Около 957 г. приняла христианство. Противоборствующие константинопольские патриархи *Игнатий* (846—857 и 867—877) и *Фотий* (858—867 и 878—886) стремились распространить христианство среди восточных славян.

13 *Игорь* — великий князь киевский (ок. 912—945), сын Рюрика.

14 *Договоры... утверждались крестным целованием.*— В 941 г. Игорь предпринял неудачный поход в Византию; в 944 г. возобновил нападение. Мир, предложенный греческими послами, был заключен в Константинополе в 945 г. Лунин говорит о византийских императорах: Константине VIII Порфирородном, правившем в 912—959, и его соправителях — Романе I Лекапене (919—948) и Стефане (945—964).

15 *Русская правда... это наборное законосоставление несообразностью частей своих*

только замедлило движение общественное.— Декабрист солидаризируется с карамзинским определением «Русской правды» как сборника норманнского права («История государства Российского», т. II. СПб., 1818 с. 47); однако, в отличие от историка, в общем положительно расценивавшего закрепление правовых норм в древней Руси, Лунин находит в этих событиях XI—XII столетий мотивы, созвучные позднейшей эпохе: для него важнейший отрицательный признак «Русской правды», что это была «Правда Ярослава», позже — «Правда Ярославичей», т. е. кодекс, навязанный народу «сверху», от власти, но не исходивший из «движения общественного». Лунин ошибался в чисто историческом плане («Русская правда» — памятник достаточно сложный и отражавший реальные процессы, происходившие в обществе и государстве Киевской Руси), однако его взгляд характерен и естественен для декабристской идеологии.

16 В III разделе «Розыска исторического» Лунин сопоставляет русскую средневековую историю с английской. Фактические сведения об истории Англии заимствованы из работы Дж. Лингарда (Лингара): в ЗК есть заметка — «законодательная и судебная история Англии, извлечь из Лингарда» (наст. изд., с. 212). В перечне книг лунинской библиотеки, составленном после его вторичного ареста, под № 42 значится: «A history of England Lingarde в 14 книгах, в 8 долю» (Речь идет об «Истории Англии, начиная с первого вторжения римлян» Дж. Лингарда: «A history of England from the first invasion by the Romans»; см. также *Манассеин*, с. 105). Более всего в английской истории Лунина занимал отпор, полученный королем Иоанном Безземельным в его деспотических притязаниях (1215); в своих сочинениях он не раз упоминает «Раннимедский (Рюнимедский) союз» и Великую хартию вольностей.

17 *В правление англосаксов... до золотой иры.*— Генрих III (1216—1272), сын Иоанна Безземельного вел продолжительную борьбу за усиление королевской власти, однако вынужден был уступить сопротивляющимся сословиям (см. также примеч. 2 к «Взгляду на русское Тайное общество»).

18 *Эдмон, епископ Терберийский... иностранцев в своей родной земле.*— Речь идет о событиях 1234 г. Эдмунд (Эдмон) — архиепископ Кентерберийский.

19 *В 1801 году Правительствующий Сенат... чин тайного советника.*— Со времен Петра I (Постановление о «должности» Сената 27 апреля 1722 г.) необходимым условием поступления в сенаторы были чины действительного тайного (II класс Табели о рангах) и тайного советника (III класс).

Реформы Сената при Александре I, связанные с резким падением роли этого учреждения в царствование Павла I, начались с именного указа 5 июня 1801 г., которым Сенат приглашался составить доклад о своих правах и обязанностях. Только вследствие этого указа «О сочинении Сенату особого доклада о правах и обязанностях его» Сенат мог «просить» правительство о ряде мер, увеличивающих его значение. Однако просьба о назначении в сенаторы особ первых трех классов осталась без внимания (см. «История Правительствующего Сената», т. III. СПб., 1911, с. 242).

20 *Ман⟨ифест⟩ 13 июля 1826 г.*— Лунин нарочито толкует в нужном ему духе «Манифест» Николая I, подписанный 13 июля 1826 г., в день исполнения приговоров над декабристами (большая часть этого документа была посвящена обличению «мятежников»).

21 *Наконец правительство обязалось ввести конституцию... затрудняющих управление.*— Речь идет о конституционных декларациях Александра I, см. «Взгляд на русское Тайное общество», примеч. 8.

РАЗБОР ДОНЕСЕНИЯ ТАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ В 1826 ГОДУ

(с. 67—107)

«Разбор...» Лунина с примечаниями Н. М. Муравьева завершен в ноябре 1839 г. Впервые «Разбор...» опубликован в ПЗ на 1859 г., кн. V, с. 53—73, по неизвестному списку с текста Лунина и Н. Муравьева. В 1923 г. «Разбор...» был впервые напечатан по копии Громницкого из ЦГАОР (*Штрайх*, 1, с. 67—77).

О работе Лунина над «Разбором...» см. наст. изд., с. 321—325, 366, 367.

В настоящем издании «Разбор...» печатается по автографам Лунина: русский текст — по автографу из архива Волконских — ПД, ф. 187, № 73 (текст «Разбора...» — рукой Лунина, 16 примечаний — рукой Громницкого); французский текст по автографу из архива Е. С. Уваровой — ОПИ ГИМ, ф. 282, ед. хр. 302; английский текст — по автографу, сохранившемуся в приложениях к делу «О государственном преступнике Михаиле Лунине», ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, ед. хр. 61 ч. 61. Важное значение имеют копии. В «деле» Лунина (ЦГАОР) хранится копия русского текста, рукою Громницкого, сделанная, по-видимому, одновременно с русским автографом Лунина (см. наст. изд., с. 363). На обложке тетради с «Розбором» (так у Громницкого) помета Л. В. Дубельта: «Удержано у Громницкого». Оба русских текста почти полностью идентичны; они сопровождаются пространными примечаниями, которые в списке Громницкого обозначены латинскими литерами, а в автографе Лунина (ПД) — цифрами (их шестнадцать). Сверх того, последний имеет еще пять кратких примечаний на полях под латинскими литерами (которые в наст. изд. помещены под строкой). В списке Громницкого (ЦГАОР) этих примечаний шесть.

Разночтения двух русских текстов

Русский автограф Лунина ПД (наст. изд.)	*Копия Громницкого* (ЦГАОР)
с. 66	
29/17 декабря	29/27 декабря (описка Громницкого)
	л. 5
тревожил его дух	⟨тревожил⟩ смущал его дух
с. 69	л. 6 об.
суетные конгрессы	⟨пустые⟩ суетные конгрессы
	л. 7 об.
(Речь Императора Александра на Варшавском Сейме 1818 года. Пр. 10)	Эта ссылка — в виде подстрочной выноски, под литерой «с»
с. 70	л. 9
от междоусобных браней и от судебных убийств двух великих народов (с.) ⟨На полях — краткое примечание⟩ (с) Англия, Франция	от междоусобий и судебных устройств Это примечание под литерой «d» — под строкой. Далее в тексте примечания под литерами соответственно сдвинуты на одну букву.
с. 71	л. 10
среди уничижений	среди уничижения

Примечания английского текста разнятся от всех вышеназванных автографов и списков. Помещенные после текста «Разбора...» под латинскими литерами 12 кратких примечаний составляют своеобразный сжатый свод из некоторых кратких и распространенных пояснений, предусмотренный Луниным как необходимые пояснения для англоязычного читателя. Примечание (а) о составе Следственной комиссии введено Луниным только в английский текст; см. примеч. 1 к «Разбору...» Во французском автографе Лунина им опущены отсылки к пространным примечаниям.

Известны авторитетные списки «Разбора...» из декабристских архивов: М. И. Муравьева-Апостола, Н. М. и А. М. Муравьевых, Якушкиных, И. И. Пущина, М. А. Фонвизина. Все они несомненно восходят к русскому автографу Лунина. Отличаются эти копии лишь написанием отдельных слов и другими малозначительными деталями. Так, список из архива Якушкиных (ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 19), переписанный Е. И. Якушкиным и частично не известной нам рукой, отличается лишь размещением

кратких примечаний. Они помещены не как у Лунина (на полях), не как в экземпляре Громницкого (под строкой), а включены в текст, в скобках, без сносок.

Таким же образом краткие примечания представлены в двух списках М. И. Муравьева-Апостола (ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, ед. хр. 108, в тетради на лл. 2—22; ОПИ ГИМ, ф. 249, № 3). Список ЦГАОР сопровождается датами, отмечающими последовательность работы М. И. Муравьева-Апостола: он завершил копирование сочинений Лунина (помимо «Разбора...» в тетради —«Письма из Сибири» и «Взгляд на польские дела») в годовщину казни декабристов 13 июля 1857 г. Выставленная в конце списка «Разбора...» дата «20 июня» и дата, которой сопровождена публикация «Разбора...» в ПЗ — «10 октября 1857 г.» (кн. V, с. 71) — подобные особенности текстов позволили высказать предположение о причастности М. И. Муравьева-Апостола к появлению лунинского «Разбора...» в бесцензурной печати (см. ПЗ, IX, с. 106—107): возможно, что, закончив копировать «Взгляд...» (20 июня 1857 г.), М. И. Муравьев-Апостол принялся за новую копию, предназначенную для Герцена, а конец работы над ней, по своему обычаю, обозначил новой датой.

Известно, что Герцен располагал несколькими списками «Разбора...», пришедшими к нему по разным каналам. Русские копии «Разбора...», повторяющие лунинский оригинал, были в распоряжении П. И. Бартенева, посетившего Лондон в августе 1858 г. (см. ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 28; там же, оп. 2, ед. хр. 99). Бартенев, в свою очередь, очевидно, воспользовался копией С. Д. Полторацкого, у которого в эти годы списывал многие исторические материалы (см. ЛБ, ф. 233 (Полторацкого), п. 58, № 8). Особого внимания заслуживает второй список из архива Бартенева, каллиграфически скопированный переписчиком. Почти полностью идентичный публикации ПЗ, он повторяет ее заголовок. Авторство «Разбора...», как и в ПЗ, приписано Н. Муравьеву, но дата, завершающая публикацию Герцена, отсутствует. Возможно лондонские редакторы воспользовались двумя полученными списками, но внесли в присланные тексты вольные и невольные коррективы. Из-за пропуска одной из цифр примечаний в публикации ПЗ оказалось не 16, а 15 и т. п.

Заслуживает внимания еще одна копия «Разбора...» (ЦГАОР, ф. 728, Собрание Зимнего дворца, оп. 1, ед. хр. 1445, в тетради, на лл. 3—22), сделанная П. В. Долгоруковым. Однако текст ее отличается как от текстов Лунина — Громницкого, так и от публикации ПЗ: язык модернизирован, текст сильно сокращен, вместо 16 примечаний — 18, за счет включения кратких примечаний в систему примечаний пространных.

Настоящее издание текста «Разбора...» сопровождается тремя видами сносок: буквенные — типа (а) (b) и т. д.— которыми Лунин обозначал краткие примечания; числовые, в скобках — типа (1), (2) и т. д., которыми Н. Муравьев и Лунин обозначали пространные примечания; наконец, числовые отсылки — типа 1, 2 и т. д.— принадлежат комментаторам настоящего издания.

Для изучения творческой работы Лунина и Н. Муравьева имеет большое значение сопоставление французского, первоначального, текста «Разбора...» с русским. В то же время особенности английской рукописи (кроме характера сопровождающих ее примечаний) не носят принципиального смыслового характера. При публикации английского текста также не оговаривается довольно значительная авторская правка, отражающая затруднения и поиски Лунина в переводе своего сочинения на английский язык. Знание Луниным английского языка недостаточно.

Смысловые различия русского и французского текста «Разбора...»

Русский текст Лунина (наст. изд.)	Французский текст Лунина и современный перевод (наст. изд.)
с. 67 строки 4—5 св.	с. 82 строки 20—21 св.
...комиссия, учрежденная в С. Петербурге 29/17 декабря 1825 года...	La Commission... établie à St Petersbourg à la suite des événements du 26/14 Decembre 1825...

с. 68
строка 2 св.
...другие были только мнимыми откровениями

строки 20—21 св.
...предпринятые для возбуждения изысканий по сей отрасли нравственных наук...

с. 69
строки 3—4 св.
...для защиты своего достояния...

с. 70
строки 10—11 св.
Один из... проектов...

с. 71
строка 6 св.
...ни желать покушений на царствующие лица...

строки 17—18 сн.
Декабря 26/14, когда смятенные войска проникли во внутренность дворца...

строки 10—11 сн.
...комиссия утверждает, что оно намерено было располагать достоянием России, что оно условилось...

строка 5 сн.
Комитет после одиннадцатимесячных разысканий утверждает...

с. 72
строки 16—17 св.
...Конституция Никиты Муравьева разделяла Россию на независимые области...

строка 23 св.
...исполнительной власти (императорской)...

(«Комиссия... учрежденная в С. Петербурге в связи с событиями 26/14 декабря 1825»)

с. 83
строки 23—24 сн.
...les autres inspirés par le désir de servir la cause constitutionnelle, n'etaient que des demi-confidences... («другие, вдохновленные желанием послужить конституционному делу, были только полупризнаниями»)

с. 84
строки 7—8 св.
...rédigées dans la vue de répandre les connaissances spéciales... («составленными для распространения специальных сведений»)

строка 10 сн.
...pour la defense du territoire... («для защиты своей земли»)

с. 85
строка 9 сн.
L'un des deux projets... («Один из двух проектов»)

с. 86
строка 9 сн.
...ni chercher à produire des révolutions du palais... («ни желать дворцовых переворотов»)

с. 87
строки 21—23 св.
Pendant les troubles du 26/14 Décembre, lorsqu'une partie des troupes insurgées avait pénétré au palais... («Во время волнений 26/14 декабря, когда часть восставших войск проникла во дворец»)

строки 17—18 сн.
La Commission avance qu'elle a conçu l'idée du démembrement de l'Empire, qu'elle est convenue... («Комиссия утверждает, что оно намерено было расчленить империю, что оно условилось»)

строка 11 сн.
Elle dit positivement... («Она ⟨комиссия⟩ положительно заявляет»)

с. 88
строки 7—8 св.
...celle de Nikita Mouravieff partageait la Russie en plusieurs Etats indépendants... («Конституция Никиты Муравьева разделяла Россию на множество независимых государств»)

строка 15 св.
...le Pouvoir exécutif... («исполнительную власть»)

строки 20—21 сн.

...она ⟨конституция.— Ред.⟩ избавляла только исполнительную власть от посредничества между частными лицами...

строки 18—19 св.

...elle la déchargeait seulementi du soin des intérêts individuels... («она избавляла ее только от заботы об интересах частных лиц»)

строка 18 сн.

...столь гибельное...

строка 22 св.

...une des plaies principales... («одну из главных язв»)

строка 16 сн.

...неизвестной деревушки.

строка 25 сн.

...d'un hameau écarté... («отдаленной деревушки»)

с. 73

строки 1—2 св.

...Государственный Совет не привел в исполнение завещание покойного государя, которое ему было поручено охранять, и предоставил Правительствующему Сенату провозгласить...

строки 13—14 сн.

...le Conseil d'Etat au lieu le remplir la volonté du défunt Monarque, contenue dans le paquet confié à sa garde, s'empressa de proclamer... («Государственный совет вместо того, чтобы выполнить волю покойного государя, содержащуюся во вверенном ему пакете, поспешил провозгласить»)

строки 6—7 св.

...указа Правительствующего Сената и распоряжения святейшего Синода

строки 9—10 сн.

...d'un manifeste, émané des trois autorités suprêmes de l'Empire. («манифеста, исходившего от трех высших органов власти в империи»)

строка 25 сн.

Члены, увлеченные народными страстями...

с. 89

строка 9 св.

Les membres, entraînés par les passions du moment... («Члены, увлекаемые минутными страстями»)

строки 18—20 сн.

...войска... проводят часы в ожидании...

строка 17 св.

...à gagner du temps. («выиграть время»)

с. 74

строки 4—5 св.

Она ⟨комиссия.— *Ред.*⟩ ничего не говорит... об исправлении судопроизводства...

строки 12—14 сн.

Elle ne dit rien... de la refonte de la procédure civile et criminelle... («Она ничего не говорит... о коренной переделке судопроизводства гражданского и уголовного»)

строки 21—22 св.

...когда наполняются темницы и начались истязания.

с. 90

строка 11 св.

...que les arrestations et les poursuites commencent. («когда начинаются аресты и преследования»)

строки 14—15 сн.

Рылеев, виновник 14-го декабря...

строки 22—23 св.

Ryleieff, l'homme du 14 Décembre... («Рылеев, человек 14-го декабря»)

строки 5—7 сн.

Он ⟨Бестужев-Рюмин.— *Ред.*⟩... сражается, когда оружие заменяет Совет.

строки 15—17 сн.

Il... combat dans les rangs des insurgés. («Он... сражается в рядах восставших»)

с. 75 строки 18—20 св. ...свидетельствует о их политической важности, час от часу более и более возбужденном в пользу их соучастии ⟨так!⟩ народа...	с. 91 строки 11—12 св. ...un témoignage de leur importance politique, des sympathies nationales qui se prononcent toujours en leur faveur... («свидетельство их политической важности, народного сочувствия, все еще их окружающего»)
с. 75 примеч. 3. Суд избрал последний путь (не допрашивать)...	**Примечания** с. 91 примеч. 3. La Cour préféra le second moyen (de vérifier les signatures par des Commissaires au lieu de procéder à l'interrogatoire)... («Суд избрал второй путь (удостоверение подписей членами комиссии вместо допросов»)
примеч. 4 ...стат. 1227, 1228... ...обязанность доносить об исповеди...	примеч. 4. ...стат. 1228. . ...cette obligation... («обязанность эту»)
с. 76 примеч. 8 строка 6 св. Шуйского	с. 92 примеч. 8, строка 3 св. ...du Tzar Wassili Chouïsky (commencement du 17me siècle)... («царя Василия Шуйского (начало 17 века)»)
Строки 11—12 св. Последняя уступила 60-тысячному войску.	Эта фраза отсутствует.
строки 13—14 св. Сим опровергается ни на чем не основанное мнение, что русский народ не способен, подобно другим, сам распоряжаться своими делами.	Эта фраза отсутствует.
строка 21 св. Иоанн Грозный... каялся	строка 18 св. ...le Tzar Jean, le terrible, fit amende... de sa conduite passée... («царь Иван Грозный покаялся в прежних своих поступках»)
строка 22 св. В следующем году...	строка 20 св. Trois ans plus tard... («Три года спустя»)
Это слово отсутствует	строка 21 св. (Soudebnik) («Судебник»)
строки 19—20 сн. Иерей Сильвестр, святители, юродивые...	строки 21—22 сн. Les Evêques, les simples prêtres, les moines... («Епископы, простые священники, монахи»)
строка 3 сн. Москву	строки 20—21 сн. ...les Notables de Moskou... («московских бояр»)
строка 16 сн. Никола Юродивый	строки 17—18 сн. Un simple moine, affectant la folie... («Простой монах, прикинувшийся безумным»)
строка 15 сн. ...в 1556 году, третий раз в свое царствование...	строка 16 сн. ...en 1567 Дата ошибочна (*ред.*)

с. 77

строка 1 св.

...присягнул в 1606 году...

строка 4 св.

...Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин.

строка 15 св.

Дата отсутствует.

строка 20 св.

...с царствовавшим домом...

строка 23 св.

...исполнительной и судной власти...

строка 24 сн.

...присоединение Азова от казаков...

строка 22 сн.

Дата отсутствует.

строка 7 сн.

Надзиратели правительства— святители...

с. 77—78

строки 3 сн., 1 св. (с. 78)

...сослан в Корельскую обитель, на устье Северной Двины...

с. 78

строка 23 св.

...Михаилом Михайловичем (сподвижником Петра)

строка 6 сн.

...Голицыны... в Сибирь на службу.

с. 79

строка 1 св.

Граф Левенвольд.

строка 12 св.

...сослали.

строка 18 св.

Эти слова (после: «свободы») отсутствуют.

с. 93

строка 1 св.

дата отсутствует.

строка 5 св.

Имена и отчества отсутствуют.

строка 15 св.

...comme en 1598... («как и в 1598 году»)

строка 22 св.

...avec la famille éteinte des Tzars... («с угасшей царской династией»)

строка 22 сн.

...du pouvoir exécutif... («исполнительной власти»)

строка 20 сн.

...l'acceptation de la ville d'Azoff, enlevée aux Turcs et offerte au Tzar par les Cosaks... («присоединение города Азова, отбитого у турок и предложенного царю казаками»)

строка 18—19 сн.

...du Code de 1649... («Уложения 1649 года»)

с. 94

строки 1—2 св.

Les Evêques dépouillés de leur puissance morale... («Епископы, лишенные своего нравственного влияния»)

строки 5—6 св.

...relégua... dans un Couvent sur les bords de la mer Blanche... («сослала... в монастырь на берегу Белого моря»)

строка 21 сн.

два последние слова отсутствуют.

строка 1—2 сн.

Les Princes Galitzines... en Sibérie, où ils occupèrent des emplois jusqu'à leur mort. («Князей Голицыных... в Сибирь, где они послужили до самой своей смерти»)

с. 95

строка 5 св.

Эта фамилия отсутствует.

строка 17—18 св.

...fut exilé en Sibérie. («сослали в Сибирь»)

строка 20 сн.

...et au réveil des études historiques. («и ратовал за изучение истории»)

строка 19 св.

Эти слова (после: «ереси») отсутствуют.

строка 21 св.

...Радищев — автор Путешествия в Москву, претерпел ту же участь.

строка 19 сн.

Эти слова (после: «Панина удалили») отсутствуют.

строка 18 сн.

Панин — сын победителя Пугачева...

строка 14 сн.

...в докладе своем, прося нового устройства...

строки 10—11 сн.

Сперанский был сослан, по наущению шведа Армфельда и министра полиции Балашова...

с. 80

строки 15—18 сн.

Иноземцы: Меттерних...

строки 8—9 сн.

...Десять лет в изгнании..., изданном при жизни Александра.

с. 81

строка 1 св.

При внуке ее Иоанне... гибельная для России власть Бирона...

строки 9—10 св.

...и, несмотря на достоинство владетельного курляндского герцога...

строка 12 св.

Не с большим через год...

строки 16—18 св.

Елисавета... арестует офицера Грефса, вербует 300 гренадер, арестует министров...

строки 18—19 сн.

Ses collègues furent dispersés et poursuivis. («Его сподвижники были разогнаны и преследуемы».

строки 15—17 сн.

Radischeff, pour avoir protesté contre l'esclavage des paysans et l'autocratie dans un ouvrage sous le titre de Voyage à Moskou, subit le même sort. («Радищев, обличавший крепостное право и самодержавие в сочинении Путешествие в Москву, претерпел ту же участь»).

строки 5—6 сн.

Mais le Comte Panine fut exilé, et le projet manqua parce qu'il reposait sur un Prince incapable. («Панина удалили и проект не удался, потому что вверен был бездарному государю»)

строка 4 сн.

Последние три слова отсутствуют.

с. 96

строка 2 св.

Последние три слова отсутствуют.

строка 5—6 св.

Слова «по наущению... Балашова» отсутствуют.

Все перечисленные имена отсутствуют.

строка 6 сн.

Последние четыре слова отсутствуют.

с. 97

строка 5 св.

Pendant la minorité de son petit fils Jean... la chute du Régent Biron... («Во время малолетства ее внука Ивана... падение регента Бирона»)

строка 15 св.

Эти слова отсутствуют.

строка 17 св.

Quelques mois plus tard... («Несколько месяцев спустя»)

строка 24 сн.

Elle fait arrêter les ministres... («Она велит арестовать министров»)

строки 18—20 сн.	строка 14 сн.
(рота тела ее величества)	Эти слова отсутствуют.
строки 17—18 сн.	строки 10—11 сн.
Екатерина II... свергает с престола мужа своего... и вскоре лишает его жизни.	...Catherine II... force son mari d'abdiquer et finit par le faire étrangler. («Екатерина II... свергает с престола мужа своего и кончает тем, что велит его задушить»)
строки 12—13 сн.	строка 5 сн.
...заговор под руководством Александра лишает Павла престола и жизни, без пользы для России.	Последние четыре слова отсутствуют.
с. 82	
строка 16 св.	с. 98
...Стихи сочинены им в Каменке	Указание на Каменку отсутствует.

Во французском тексте Лунина (так же как и в английском) кое-где отсутствуют имеющиеся в русском тексте ссылки на источники, им используемые (чаще всего — указания соответствующих страниц).

1 *Тайная следственная комиссия... 29/17 декабря 1825 года.*— Речь идет о «Высочайше учрежденном тайном комитете для изыскания соучастников злоумышленного общества», образованном 17 декабря 1825 г. (у Лунина во французском и английском автографе — 14-го); незадолго до конца следствия он был переименован в Следственную комиссию. В кратких примечаниях к «Разбору...», на английском языке имеется пояснение: «Члены тайной комиссии: председатель — военный министр Татищев; члены: великий князь Михаил, действительный тайный советник князь Александр Голицын, генералы: Голенищев-Кутузов, Чернышев, Бенкендорф, Левашов, Потапов. Секретарь: Блудов» (перевод). На самом деле Д. Н. Блудов был привлечен лишь к составлению «Донесения Следственной комиссии» — в комитете никакой должности не занимал; правителем дел Следственной комиссии был А. Д. Боровков. Лунин в своем «Разборе...» постоянно ссылается на составленное 30 мая 1826 г. «Донесение следственной комиссии. Печатано по высочайшему повелению», официальный, единственный на много лет «разрешенный» документ о деле декабристов. Издание «Донесения...» (на русском языке), которое, судя по ссылкам, Лунин использует, напечатано в типографии Сената в 1826 г. Этот документ см. ВД, XVII, с. 24—61.

2 *...признания... не всегда были добровольны...*— Речь идет о следующем фрагменте «Донесения...»: «...изветы же сообщников и показания других свидетелей были по большей части только пособиями для улики и для распространения следствия и соображений при допросах» (ВД, XVII, с. 24).

3 *Первый из сих документов... в столь важном деле.*— Речь идет о «Зеленой книге» — первой части Устава Союза благоденствия, «Любопытном разговоре», составленном Н. М. Муравьевым в 1822 г. и двух конституционных проектах — «Русской правде» П. И. Пестеля и «Конституции» Н. М. Муравьева. «Частные письма», захваченные у декабристов, постоянно цитируются в «Донесении...»; «песни» — это агитационные сочинения Рылеева, А. Бестужева и др.

Любопытно замечание Лунина о том, что сохранившаяся часть «Устава тайного союза» не дает «полного понятия об устройстве оного»: декабрист подразумевает существование второй, «сокровенной», части «Устава» Союза благоденствия, спрятанной или уничтоженной после 1821 г.

4 *Комиссия приписывает основание Тайного союза духу подражания... к умножению членов (стр. 3, 13).*— Лунин имеет в виду следующие фрагменты «Донесения...»: «Главные черты сего *законоположения Союза благоденствия*, разделение, замечательнейшие мысли и самый слог ясно показывают, что оно есть подражание и даже большою частью перевод с немецкого» (ВД, XVII, с. 28).

«...в 1816 году несколько молодых людей, возвратясь из-за границы после кампаний 1813, 1814 и 1815 годов и знав о бывших тогда в Германии тайных обще-

ствах с политической целью, вздумали завести в России нечто подобное» (ВД, XVII, с. 25).

«Между тем присоединение новых членов к Союзу благоденствия продолжалось: многие могли быть прельщены рассеянными в Уставе, впрочем, весьма обыкновенными филантропическими и патриотическими мыслями; других завлекали побуждения дружбы. доверенность к некоторым людям или влияние моды, ибо есть мода и на мнения, а сим пользовались деятельнейшие в обществе, возбуждая в слабых боязнь сделаться смешными или суетное любопытство, а иных, буде верить некоторым показаниям, даже виды личной корысти» (ВД, XVII, с. 32).

5 *Он связуется с политическими сообществами... конституционных начал (8).*— Лунин оспаривает мысль о частных, случайных причинах Тайного союза. Эти соображения дали повод ему и Н. Муравьеву представить в большом примечании (8) краткий очерк предшествующих декабризму попыток ограничения самодержавия, поставить проблему исторической традиции, которой, при всем своем качественном отличии от предшественников, следовали первые революционеры.

6 *Это изречение вождя народного... на незыблемом основании.*— Ссылка на Варшавскую речь Александра I 15 марта 1818 г. о его намерении ввести со временем конституцию в России, т. е. указание на реформаторскую правительственную инициативу — частый прием, используемый и в других сибирских сочинениях Лунина.

7 *«Республиканское правление с президентом... от устройства представительства» (стр. 12).*— Лунин не совсем точно передает следующие цитаты из «Донесения...»: «По словам полковника Пестеля и других ... с самого учреждения первого общества... обнаруживались в основателях мысли конституционные, но весьма неопределительные и более склонные к монархическим установлениям» (ВД, XVII, с. 30); «Республиканское правление с президентом очень хорошо, но главное всегда зависит от устройства в народном представлении» (ВД, XVII, с. 31) — слова Н. И. Тургенева.

8 *Один из конституционных проектов писан в монархическом духе.*— Речь идет о «Конституции» Никиты Муравьева. «Он,— сказано в примечании к «Донесению...»,— предполагал монархию, но оставляя императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана президенту Североамериканских штатов...» (ВД, XVII, с. 35).

9 *Накануне восстания... для управления государством...*— Речь идет о подготовленном северянами «Манифесте к русскому народу», провозглашавшем созыв народных представителей с целью решить вопрос о форме будущего государственного устройства (ВД, XVII, с. 54).

10 *Ему следовало придумать способы... на будущее.*— Подразумевается учение Ж.-Ж. Руссо об общественном договоре между государями и народами.

11 *Обвинение в помысле на цареубийство... расстроенных умов (12).*— Среди декабристов не раз возникали проекты цареубийства как возможной формы коренных перемен в стране. Первый по времени проект был предложен в 1816 г. самим Луниным (см. ВД, XVII, с. 27). Однако автор «Разбора...» решительно оспаривает стремление «Донесения...» максимально раздуть эти планы, свести к ним почти всю деятельность тайных обществ, затушевать таким образом главные цели революционеров. См. также, ниже, примеч. 14.

12 *Некоторые из значительных членов... прощены под предлогом молодости и раскаяния.*— Лунин подразумевает прежде всего М. Ф. Орлова. Видный деятель тайных обществ, он был отдан лишь под надзор полиции благодаря заступничеству брата — А. Ф. Орлова, оказавшего царю важные услуги при подавлении восстания 14 декабря. См. также наст. изд., с. 380. Были прощены некоторые другие деятели (С. Шипов, И. Долгорукий, братья Перовские), некогда участвовавшие в ранних декабристских обществах.

13 *...письмо к Польскому обществу не было отправлено...*— Говоря о письме к Польскому патриотическому обществу, Лунин имеет в виду следующие слова «Донесения...» (ВД, XVII, с. 36): «... в 1824 Бестужев писал в Варшаву (сие письмо не доставлено князем Волконским), требуя смерти государя цесаревича Константина Павловича от членов тайного Польского общества, с коим он за несколько времени перед тем вступил в сношения и связи».

14 *...остальные два — суть опровержения мысли о цареубийстве (стр. 6, 19, 20).*—

Лунин, очевидно, говорит об упоминаемых в «Донесении...» документах: письме М. И. Муравьева-Апостола к брату Сергею от 3 ноября 1824 г. (см. ВД, XVII, с. 38), где М. И. Муравьев-Апостол старается удержать брата от всяких покушений; и о письменном мнении, присланном С. И. Муравьевым-Апостолом в Петербург, «что предположенное злодейство будет бесплодно» (ВД, XVII, с. 27).

15 *...брат государя явился истцом и судьею в собственном деле.*— Лунин иронизирует над нарушением элементарных норм законности, один из примеров которого — включение в Следственный комитет (комиссию) явно заинтересованного лица — великого князя Михаила Павловича.

16 *Тайная комиссия утверждает, что оно намерено было располагать достоянием России... Комитет... утверждает, что члены обоих обществ ни в чем не могли согласиться, не заключая никакого окончательного договора... о присоединенных к России областях (d).*— Следственный комитет в Варшаве занимался расследованием действий Польского патриотического общества (январь—ноябрь 1826 г.). Здесь Лунин не проставил отсылку к страницам «Донесения Варшавского следственного комитета», которым он также пользовался в своей работе.

На с. 49 речь идет о совещаниях русского и польского обществ, члены которых «не могли ни в чем согласиться».

На с. 51, в частности, говорится: «Следствием не открыто никаких обстоятельств, по коим было бы можно полагать, что Чарковский (поверенный Польского общества) имел переговоры с членами Русского общества и т. д.

Многие члены Русского общества считали сей проект (договора, написанного Бестужевым-Рюминым.— *ред.*) за настоящий, заключенный с Обществом польским. Но следствием, как в Петербурге, так и в Варшаве, доказано противное».

На с. 48: «Начались рассуждения о границах, которые предназначали Польше по совершении революции; но Бестужев прервал их, сказав, что сего решить еще нельзя, что мнения в Русском обществе на сей счет несогласны, что есть даже члены, требующие неприкосновенности нынешних пределов государства».

17 *...Тайный союз... помыслил созвать представителей Царства Польского... к сохранению единства державы (стр. 45).*— Сопоставляя «Донесение следственной комиссии» с «Донесением Варшавского следственного комитета» (Варшава, 1826), Лунин ссылается на последний документ, где говорится о совещании южан с представителями Польского патриотического общества в 1824 и в 1825 г. в Киеве («оно... не имело никаких последствий, равно как и первое, на коем действовал другой злоумышленник (Крыжановский))».

18 *...Конституция Никиты Муравьева разделяла Россию на независимые области, соединенные общим союзом... Таким образом, прекратилось бы смешение властей, столь гибельное в общественном устройстве России.*— Анализ Луниным «Конституции» Н. М. Муравьева особенно интересен тем, что автор «Разбора...» имел постоянную возможность обсуждать эти проблемы с самим Муравьевым. В суждении Лунина (Муравьева) видна, в частности, попытка определить возможные благие результаты в случае, если бы «Конституция» вступила в силу.

19 *Комиссия величается, что она отрыла Конституцию Пестеля... Об конституции Пестеля в Донесении сказано несколько слов... нежели заблуждения сочинителя.*— «Русская Правда», зарытая на Украине близ деревни Кирнасовки, была обнаружена властями в результате специальных розысков и раскопок; бегло просмотрев сочинение Пестеля и не найдя в нем никаких «эффектных» подробностей и цареубийственных планов и т. п., Николай I и Следственная комиссия утратили интерес к этому документу (увидел свет лишь в 1906 г.). Лунин придавал, очевидно, большое значение ознакомлению русского общества с конституцией Пестеля. Об этом он писал и в «Письмах из Сибири» (см. наст. изд., с. 25—26).

20 *Восстание 26/14 декабря было только неминуемым последствием тогдашних обстоятельств... произнести новую присягу в противность первой.*— Историю междуцарствия 1825 г. Лунин излагает как очевидец, находившийся в Варшаве и хорошо знакомый со всеми перипетиями событий как бы «со стороны Константина». Обсуждая «поспешность и изменчивость» решений, он, по всей видимости, оперирует аргументами, которыми в Варшаве старались переубедить Константина и заставить его все же принять корону. О событиях, предшествовавших междуцарствию, см. «Взгляд на русское Тайное общество» (наст. изд. с. 56) и примеч. 10—12 к нему.

[21] *Члены, увлеченные народными страстями... прибывающими сподвижниками.*— Эти строки Лунина, при всей осторожности его манеры, отражают споры о 14 декабря, продолжавшиеся и в казематах. Лунин подразумевает споры и противоречия накануне восстания между лидерами северян (Трубецкой, Рылеев, Батеньков, Якубович, Булатов и др.) относительно целесообразности и наилучших способов выступления. Из «новых сподвижников», прибывших в Петербург накануне восстания, наиболее значительным лицом был И. И. Пущин.

[22] *Обнародовав начала... не распоряжавшегося столь могущественными средствами гласности.* Единственным документом, дававшим информацию о событиях 1825 г., было «Донесение...». Лунин подчеркивает возможность узнать правду о декабристском деле даже из этого искажавшего истину правительственного документа, не переиздававшегося затем в течение десятков лет.

[23] *...Комиссия умалчивает об освобождении крестьян... Причина этих упущений находится в условиях, стеснявших действия Комиссии.*— Все отмеченные Луниным вопросы опущены в «Донесении следственной комиссии» по прямому приказу Николая: 15 мая 1826 г., ознакомившись с первоначальным вариантом «Донесения...», царь распорядился через Дибича: «Исключив из доклада, представить в особенном приложении: 1) о убавке срока службы солдатам, 2) о разделении земель, 3) освобождении крестьян, 4) о намерении возмутить военных поселян, 5) о государственных лицах, 6) о влиянии иностранных держав» (ВД, XVII, 257). Вскоре после того эти главнейшие вопросы были изложены в секретном приложении ко всеподданнейшему докладу комиссии, о котором было известно лишь немногим правительственным лицам. см. ВД, XVII, с. 65—68. Первая публикация этих материалов в 1875 г. (РА, № 3, с. 434—438).

[24] *...правительство знало... в бумагах покойного императора отысканы сочинения одного из членов (стр. 11).*— В начале 1821 г. Александр I получил через А. Х. Бенкендорфа донос на Союз благоденствия от члена Коренной управы этого общества М. К. Грибовского.

[25] *...покойный государь называл поименно главных двигателей оного.*—Лунин по своим связям многое знал о том, что говорилось и делалось при дворе, а в Чите и Петровском заводе постоянно сообщал своим товарищам закулисные подробности из истории нескольких последних царствований и сам живо интересовался «потаенной историей». Сведения, сообщаемые в «Разборе...» об Александре I и Тайном обществе, имеют поэтому значение серьезного источника, многократно обсужденного компетентными свидетелями.

[26] *Рылеев... пророческим изречением: «если кто заслужил смерть... это я»...*— В «Донесении следственной комиссии» приводились слова К. Ф. Рылеева: «Если кто заслуживал казнь, вероятно нужную для блага России, то, конечно, я, несмотря на мое раскаяние и совершенную перемену образа мыслей» (ВД, XVII, с. 50). Высоко оценивая личность Рылеева (ср. «Взгляд на русское Тайное общество», наст. изд., с. 57), Лунин прибегает к сознательному переосмыслению официального текста: он, разумеется, знал по рассказам декабристов и другим источникам также об иных словах, произнесенных или будто бы произнесенных Рылеевым перед смертью: «Рылеев умирает как злодей, да помянет его Россия!» (ПЗ, VI, с. 68, также с. 74).

[27] *Ему было только двадцать два года отроду во время казни.*— Лунин называет возраст Бестужева-Рюмина близкий к тому, который фигурировал в следственных документах. Теперь установлено, что декабрист родился не в 1803 г., как полагали ранее, а 23 мая 1801 г. (см. *Мачульский Е. Н.* Новые данные о биографии декабриста М. П. Бестужева-Рюмина. «Исторические записки», т. 96, М., 1975, с. 348).

[28] *Сходившие с ума... Поливанов.*— Батеньков (в тексте Батенков) отделенный от своих товарищей и подвергшийся многолетнему одиночному заключению в Алексеевском равелине, пытался в 1828 г. лишить себя жизни; вопрос о его «безумии» позже обсуждался царем и шефом жандармов А. Ф. Орловым. В период работы Лунина над «Разбором...» одиночное заключение Батенькова продолжалось, и сведения о его тяжелом состоянии просочились наружу.

Матвей Муравьев-Апостол, родственник Лунина, был на следствии в тяжелейшем душевном состоянии, усугубленном позже казнью его брата Сергея. Лунин не виделся с ним после тюрьмы (М. И. Муравьев-Апостол жил на поселении), но

сведения о нем и от него, конечно, приходили. Я. М. Андреевич (в тексте — Андриевич) и П. И. Фаленберг долгое время были товарищами Лунина по заключению. Свидетельство Лунина об этих людях, опирающееся на беседы с товарищами по Сибири (так же, как и об А. Ф. Фурмане и В. И. Враницком, сосланных в Сибирь несмотря на припадки душевной болезни) важны не столько буквальной точностью, сколько выражением определенного декабристского мнения о своих товарищах и их судьях.

29 *Обреченный... отряд, чтоб всех изгубить...* — Здесь подразумевается следующее место из «Донесения...»: «Пестель, как показывает Матвей Муравьев, хотел набрать из молодых отчаянных людей так называемую *cohorte perdue (обреченный на гибель отряд)* и поручить начальство оного Лунину, чтоб всех изгубить (pour faire main basse sur tous) Пестель в этом не сознается». (ВД, XVII, с. 27). В своих показаниях 1826 г. Лунин свидетельствовал: «Во все же время моего пребывания в Литовском корпусе и в Варшаве я не имел с Пестелем... по делам Тайного общества вообще никаких сношений... В рассуждение ж проекта о составлении *Когорты* я не помню даже где, когда и при ком Пестель сообщал мне об оном» (ВД, III, с. 126). На вопрос комиссии о группе избранных храбрецов во главе с Луниным, которым Пестель будто бы хотел поручить убийство Александра I, глава Южного общества ответил: «Я... никогда про Лунина не говорил и сего намерения в отношении к Лунину не имел и не мог иметь, ибо... не имел с самого 1820 года никакого известия о Лунине... Лунин же в начале общества, в 1816 или 1817 году, предлагал с таковою партиею с масками на лице совершить цареубийство на Царскосельской дороге, когда время придет к действию приступить...» (ВД, IV, с. 159). Далее Пестель пояснил, что «необходимым находил приуготовить наперед план конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений. Сие мнение мое побудило Лунина сказать с насмешкою, что я предлагаю наперед энциклопедию написать, а потом к революции приступить» (Там же, с. 179).

30 *Мысль явиться... с духовым ружьем...* — В «Донесении...» (ВД, XVII, с. 39) речь идет о намерении М. И Муравьева-Апостола совершить покушение на Александра I и о том, что он подговаривал на это Ф Ф. Вадковского, П. Н. Свистунова и А. З. Муравьева. Вадковский «думал для сего употребить бывшее у него духовое ружье». В «Донесении...» также отмечалось его намерение убить императора Александра I и всех членов фамилии «на каком-нибудь большом придворном бале и тут же провозгласить установление республики» (там же, с. 40). В «Разборе...» Лунин выявляет причины некоторых нелепых и фантастических признаний своих товарищей — см. наст изд. с. 67—68.

31 *Создать родовую аристократию...* — В «Донесении...» — ссылка на показание Батенькова о создании «Временного правления» в составе «одной духовной особы», самого Г. С. Батенькова и С. П. Трубецкого, которое бы осуществляло регентство при малолетнем Александре II. Далее Батеньков показал, что в будущем надеялся на разные меры, в том числе — «учреждение родовой аристократии» (ВД, XVII, с. 50—51).

32 *Произвести в Испании контрреволюцию без войны.* — Слова из показаний Д. И. Завалишина, приведенные в «Донесении...» (ВД, XVII, с. 46).

33 *Таинственный... орден восстановления.* — Ссылка в «Донесении...» (с. 46) на слова Д. И. Завалишина, уверявшего товарищей, «что принадлежит к таинственному *Вселенскому Ордену Восстановления*, который, будто бы имея членами важнейших людей в разных государствах, стремится к преобразованию всех правительств в Европе и Америке...». В своих показаниях Завалишин говорил, что «он еще в малолетстве, читая священное писание, имел таинственные откровения, назначавшие его для восстановления истины, и что он тогда же вздумал учредить Орден Восстановления». Он также показывал, что сочинил «Статуты Ордена наподобие мальтийских» и представлял их Александру I, но последний, похвалив его усердие, планов не принял» (там же).

34 *Проект вывезти... людей беспокойных, которые желают перемен и смятений...* — Речь идет о проекте Д. И. Завалишина. Цитата из его показаний приведена в «Донесении...» (ВД, XVII, с. 46): «Сперва, говорит он, я полагал целью одно торжество истин веры; после, быв в Англии и Калифорнии, присоединил к сему и виды политические ... хотел... будто бы для основания республиканских правительств

вне Европы, стараться вывезти из сей части света тех людей беспокойного ума, которые желают перемен и смятений».

35 *Сим опровергается... что русский народ не способен, подобно другим, сам распоряжаться своими делами.*— Эта фраза, являющаяся важным декабристским тезисом, во французском тексте отсутствует.

36 *В грамотах Шуйского впервые находим слово: самодержец, из подражания византийцам... Они чрез то изъявляли, что полагали необходимым условием участие народа в законодательстве.*— Исторический экскурс Н. Муравьева и Лунина опирается в немалой степени на сведения, почерпнутые из «Истории Государства Российского» Карамзина, но перетолкованные в декабристском духе. Н. Муравьев, прекрасный знаток русской и мировой истории, еще на свободе подготавливая критический анализ карамзинской истории, ознакомился и со многими первоисточниками, которыми пользовался Карамзин (см. вступ. ст. И. Н. Медведевой к публикации записки Никиты Муравьева «Мысли об Истории Государства Российского Н. М. Карамзина», ЛН, 59,1, с. 569—580). «История» Карамзина доходила до 1612 г. Более поздние сведения о «потаенных» главах русской истории, не подлежавших публикации или обсуждению в России, Н. Муравьев и Лунин черпали из разнообразных, большей частью заграничных источников, а также пользовались устными версиями, сохранявшимися в дворянской среде.

Интерес Муравьева и Лунина к прошлому, особенно к событиям XVIII—XIX столетий, совпадает по времени с историческими занятиями русским XVIII веком Пушкина и ряда других прогрессивных русских мыслителей. Сочинение Н. Муравьева и Лунина было использовано в более позднем декабристском историческом труде — «Обозрении проявлений политической жизни в России» М. А. Фонвизина (см. *Фонвизин*, II, с. 358—385).

Упоминаемые Н. Муравьевым и Луниным исторические лица:

Шуйский Василий Иванович (1552—1612), царь в 1606—1610;

Дмитрий Донской — Дмитрий Иванович (1350—1389), великий князь владимирский и московский;

Сильвестр — см. примеч. 4 к письму № 16 первой серии поздней редакции.

Филипп (в мире Колычев Федор Степанович) (1507—1569), московский митрополит;

Никола Юродивый — Николай Салос (ум. 1576);

Сигизмунд III Ваза (1566—1632), польский король (с 1587) и шведский король (1592—1604, фактически до 1599);

Шуйский Иван Петрович (ум. 1587), князь, воевода;

Самозванец — Лжедмитрий I (Дмитрий Самозванец, Григорий Отрепьев) (1582? — 1606); на московском престоле — в 1605—1606.

Годунов Борис Федорович (ок. 1552—1605), с 1598 — царь;

Голицын Василий Васильевич (ум. 1619), боярин, военный деятель конца XVI—начала XVII в.;

Куракин Иван Семенович (ум. 1632), князь, один из деятелей Смутного времени;

Владислав IV Сигизмунд (1595—1648), польский король с 1632, в 1610 частью русской знати провозглашен московским царем.

37 *... шести жен Ивана IV.*— У Ивана IV было семь жен. Последняя, Мария Федоровна Нагая (в иночестве Марфа, ум. 1612), пострижена в монахини.

38 *Михаил Федорович* (1596—1645), с 1613 первый царь из династии Романовых.

Алексей Михайлович (1629—1676), царь с 1645.

Федор Борисович Годунов (1589—1605), царь (апрель — май 1605).

39 *При вступлении на престол Петра I-го... Впоследствии Павел I-й...*— Упоминаемые Н. Муравьевым и Луниным исторические лица:

Петр I Алексеевич (1672—1725), царь с 1682, император с 1721 г.;

Екатерина I Алексеевна (1684—1727), императрица с 1725 г.;

Феодосий (в мире Феодор Яновский) (ум. в 1726), новгородский архиепископ;

Павел I Петрович (1754—1801), император с 1796 г.

40 *Меньшиков* (Менщиков, Меншиков) Александр Данилович (1673—1729), князь, полководец, государственный деятель, сподвижник Петра I.

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), герцог Курляндский, фаворит императрицы Анны Иоанновны, в 1740 регент Российской империи.

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803), граф, генерал-фельдмаршал, последний гетман Украины.

Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), граф, генерал-аншеф, фаворит Екатерины II.

Потемкин-Таврический Григорий Александрович (1739—1791), светл. князь, генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II.

Обольянинов Петр Хрисанович (1752—1841), генерал-прокурор в 1800—1801.

Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759—1834), граф, обер-шталмейстер Павла I.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834). граф, военный министр в 1808—1810, организатор и главный начальник военных поселений.

Герцог Голстинский (Голштинский) Карл Фридрих (1700—1739), муж дочери Петра I Анны Петровны, отец Петра III.

Блазевиц (Базевиц, Бассевич) Геннинг-Фридрих (1680—1749), граф, голштинский государственный деятель, резидент в России, автор известных «Записок».

41 *Другая партия в пользу в. к. Петра Алексеевича...*— Далее следует довольно подробное описание событий 1730 г.— заговора верховников и его краха, мало затронутых русской историографией и публицистикой.

Источниками познаний Никиты Муравьева и Лунина, кроме западных работ, устных преданий и редких рукописных трудов (освоенных Н. М. Муравьевым в 1810-х — 1820-х гг., во время его интенсивных работ по изучению русской истории), был, вероятно, труд Ф. Прокоповича «О смерти императора Петра II и восшествии на престол государыни императрицы Анны Иоанновны» («Московский вестник», 1830, ч. 1, № 1), а также иностранные издания — см. также *Фонвизин*, II, с. 368 (примеч.).

Упоминаемые исторические лица:

Анна Иоанновна (1693—1740), императрица с 1730.

Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737), князь, один из авторов Кондиций (направлены на ограничение самодержавия в пользу феодальной аристократии), предъявленных Анне Иоанновне в 1730 г. Верховным тайным советом;

Голицын Михаил Михайлович (1675—1730), князь, генерал-фельдмаршал; полководец петровского времени, сенатор и член Верховного тайного совета, участвовал в выработке Кондиций;

Долгорукие:

Василий Лукич (1670—1739), князь, дипломат, в 1730 г. сторонник Кондиций;

Василий Владимирович (1667—1746), князь, генерал-фельдмаршал, участник боярского заговора против Петра I, один из авторов Кондиций;

Михаил Владимирович (1667—1750), князь, сенатор, член Верховного тайного совета, один из авторов Кондиций;

Алексей Григорьевич (ум. 1734), князь, сенатор, член Верховного тайного совета.

42 *Долгорукие* — Сергей Григорьевич (ум. 1739), князь, дипломат; Иван Алексеевич (1708—1739), князь, фаворит Петра II.

43 *Левенвольде* Карл-Густав (ум. 1735), граф, сторонник императрицы Анны Иоанновны, русский дипломат.

44 *В борьбе с кровожадным и алчным временщиком погибли...*
Секретарь Зуда за перевод исторических книг для Волынского наказан плетьми и сослан в Камчатку.— Упоминаемые исторические лица:

Волынский Артемий Петрович (1689—1740), государственный деятель, кабинет-министр Анны Иоанновны.

Привлекавшиеся по делу Волынского.

Хрущев Андрей Федорович (1691—1740), капитан флота;

Еропкин Петр Михайлович (ок. 1690—1740), архитектор-градостроитель;

Мусин-Пушкин Платон Иванович, граф, сенатор;

Соймонов Федор Иванович (1682—1780), сибирский губернатор (1757—1763);

Эйхлер (Эйлер) Иван;

Зуда — Суда Иван.

45 *...Новиков — родной дядя члену Тайного союза ...распространял просвещение и идеи законной свободы. Он долго содержался в Шлиссельбурге*: *его обвиняли в ереси.*— Известный просветитель, журналист-сатирик и книгоиздатель Н. И. Новиков (1744—

1818), с 1775 г. становится масоном, а позднее мистиком-розенкрейцером. В 1792 г. Новиков был арестован и осужден не только за масонские связи, но, в сущности, за свою просветительскую деятельность, приобретшую подлинно общественный размах и сильно обеспокоившую Екатерину II. Его племянник — Новиков Михаил Николаевич (1777— после 1822), декабрист.

46 *Писатель Княжнин... Радищев... претерпел ту же участь.*— Этот слух, так же, как и рассказы о трагическом конце Я. Б. Княжнина (1742—1791), широко распространялись в декабристских кругах. Они были известны и молодому Пушкину, записавшему, что «Княжнин умер под розгами» (Пушкин, XI, 16). В 1836 г. в «Словаре достопамятных людей» Бантыша-Каменского сообщалось: «Княжнин, как уверяют современники, был допрашиван Шешковским». Меж тем, когда «Вадим» стал известен Екатерине II, его автора уже не было в живых. А. Н. Радищев (1749—1802) был арестован в 1790 г. и действительно допрошен Шешковским.

47 *Собранные в 1767 году... даровании прав крепостному состоянию.*— Комиссия по составлению нового уложения работала в Москве с 30 июля 1767 г. до февраля 1768 г., а затем в Петербурге — до января 1769 г. Наиболее острые речи и мнения, задевавшие крепостников, были высказаны дворянскими депутатами Г. Коробьиным и Я. Козельским, а также представителями однодворцев А. Масловым, казаков — А. Алейниковым, пахотных солдат — И. Жеребцовым и государственных крестьян — И. Чупровым.

48 *Павел... участвовал в намерениях графа Никиты Ивановича Панина... Панина удалили.*— В 1772—1773 гг., в связи с совершеннолетием и женитьбой великого князя Павла Петровича, партия его сторонников (братья Н. И. и П. И. Панины, Д. И. Фонвизин и др.) вынашивала далеко идущие планы против Екатерины II. Факт существования заговора в пользу Павла в это время признается не всеми исследователями, однако какая-то интрига в пользу Павла несомненно имела место. Возможно, что, ожидая замены Екатерины II ее сыном, Н. И. Панин (1718—1783) и Д. И. Фонвизин (1744—1792) начали работу над документом, который лег бы в основу аристократической конституции, ограничивающей нового монарха. Как известно, еще в 1762 г. Н. И. Панин предлагал реформу Сената и создание постоянного Императорского совета, что было сначала одобрено, но позже отвергнуто Екатериной II. После 1773 г. политическая роль Н. И. Панина уменьшается (ИС, 3, с. 147).

С конституционными проектами Паниных—Фонвизина декабристы были знакомы благодаря племяннику драматурга — М. А. Фонвизину (1788—1854). Именно Никита Муравьев особенно хорошо знал подробности, ибо еще до восстания переработал в декабристском духе «Рассуждение о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина (см. ЛН, 60, 1, с. 339—361; *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. М., 1973, гл. IV).

49 *В 1801 году граф Никита Петрович Панин... хотели водворить конституцию. Из заговорщиков... отдалены на век.*— После дворцового переворота 11 марта 1801 г., возведшего на престол Александра I, вдовствующая императрица Мария Федоровна и новый император Александр I стремились удалить из столицы непосредственных участников убийства Павла (см. ИС, II, с. 151—153). Среди высланных были и лица, о конституционных симпатиях которых ничего не известно; в то же время сохранились прямые и косвенные сведения о проектах ограничения самодержавия, составленных Н. П. Паниным, петербургским генерал-губернатором П. А. Паленом, П. А. Зубовым — лицами, действительно вскоре удаленными от трона. Сохранили же свое положение и покровительство Александра I Ф. П. Уваров, П. М. Волконский и некоторые другие участники переворота 11 марта 1801 г. (см. *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия, гл. 5; *он же.* Грань веков. М., 1982).

50 *...Зубов говорил в Государственном Совете... голос его был заглушен закоснелыми приверженцами старины.*— О конституционных проектах начала XIX в. см.: *Сафонов М. М.* Конституционный проект П. А. Зубова — Г. Р. Державина.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. X. Л., 1978.

51 *Сперанский был сослан по наущению шведа Армфельда и министра полиции Балашова...*— Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), государственный деятель, автор проекта государственных преобразований. См. также наст. изд., с. 11—12, письмо № 12 первой серии поздней редакции и примеч. 2 к нему. Армфельд Густав Мориц (1757—1814), граф, военный и государственный деятель на шведской и рус-

ской службе; Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837), министр полиции в 1810—1819 гг.

52 *...Капнист защищал свободу малороссиян... преобразование судебного устройства.*— Речь идет об «Оде на рабство», резком антикрепостническом стихотворении, написанном В. В. Капнистом (1757—1823) в 1783 г., после опубликования указа Екатерины II о закрепощении украинских крестьян. Его же обличения судебного устройства — в комедии «Ябеда» (1793).

53 *Державин требовал свободы... негодовал противу... невежества.*— Речь идет о стихотворениях и одах Г. Р. Державина «Изображение Фелицы», «Вельможа», «Властителям и судиям», «Видение мурзы» и др. Передаются слова оды «Изображение Фелицы», выброшенные цензурой из «Сочинений Г Р. Державина» 1798 г.: «Самодержавства скиптр железный Моей щедротой позлащу...».

54 *Писал о судебном устройстве... сближаясь к мысли о присяжных.*— Державин был автором проекта Устава третейского совестного суда (1801) — своеобразного предшественника суда присяжных.— См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 7. СПб., 1892, с. 348—376.

55 *В Сенате ... дело идет о свободе сограждан».*— Речь идет о нашумевшем в Сенате деле о землях, пожалованных в Саратовской губернии князю Потемкину и впоследствии купленных капитаном Шемякиным (см : *Грот Я.* Жизнь Державина, ч. 1. СПб., 1880, с. 649—650). На этих землях жило до 3 000 «малороссиян», которые давно поселились там и считали себя свободными Попытка Шемякина доказать свое право на владение ими как крепостными вызвала резкую отповедь Державина. Мнение его в Сенате не было, однако, поддержано большинством.

56 18(30) марта 1814 г. в Париже был заключен державами-победительницами (Россией, Англией, Пруссией и Австрией) мир с Францией.

57 *...дарованы права, отказанные русским под предлогом незрелости.*— В своей Варшавской речи 1818 г. Александр I говорил польским депутатам: «Вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важнейшего дела достигнут надлежащей зрелости» («Северная почта», 1818, № 26)

58 *Польша восстановлена под двойным наименованием... Учрежден Литовский корпус... находился вне состава русской армии и подчинен Варшавскому управлению.*— Право, предоставленное Александром I Царству Польскому, его «Варшавская речь» (см. примеч. 57), планы административного перераспределения западных губерний, с тем, чтобы они считались в составе Царства Польского,— все это вызвало критику со стороны русского общества. Карамзин в 1819 г. обратился к царю с посланием, критиковавшим его за чрезмерный либерализм в отношении поляков и призывавшим не ослаблять позиций самодержавия. Декабристы, со своей стороны, обвиняли царя в самовластном распоряжении судьбами целых областей, миллионов людей; непосредственной причиной покушения на Александра I, которое замышлял в 1817 г. И. Д. Якушкин, были как раз слухи о «польских намерениях» царя. Лунин и Н. Муравьев, как видно из комментируемых строк, развивают в «Разборе...» старинную линию декабристской критики, в то же время постоянно подчеркивая права польского народа, польского государства.

59 *...манифест поляков.. хотел присоединить к их королевству возвращенные от Польши губернии, не без основания* — Манифест 1831 г., изданный во время польского восстания, ссылался на волю Александра I к расширению Польши за счет украинских и белорусских земель. Декабристы были в свое время очень встревожены подобными слухами. См примеч 58.

60 *Конгрессы... Веронский и другие.*— Конгрессы Священного союза: в 1815 г. в Вене, в сентябре—ноябре 1818 г. в Аахене, в октябре—ноябре 1820 г.— Троппау-Лайбахе (в тексте Лейбахский) и в октябре 1822 г. в Вероне.

61 *Иноземцы... Винценгероде...*— в «Письмах из Сибири» и других сочинениях Лунин неоднократно писал о засилье иностранных политиков и ненормальном характере власти в России.

Упоминаемые исторические лица: Меттерних Клеменс (1773—1859), князь, австрийский государственный деятель и дипломат; Шварценберг Феликс (1800—1852), князь, австрийский государственный деятель; Анстет (Анстетен) Иван Осипович (1770—1835), барон, дипломат, на русской службе с 1789 г.; Поццо ди Борго

Карл Осипович (1764—1842), граф, родом с Корсики, русский дипломат, представитель России на Венском конгрессе, позже — посол в Англии; Каподистрия Иоаннис (1776—1831), граф, греческий государственный деятель, перешел на русскую службу в 1809 г.; один из руководителей внешней политики России в 1815—1822 гг.; Штейн Генрих Фридрих Карл (1757—1831), прусский государственный деятель, в 1809—1813 гг. был в России; Фуль (Фуле) фон Карл Людвиг Август (1757—1826), барон, генерал русской армии; Вольцоген фон Людвиг-Юстус-Фил-Адольф-Вильгельм (1774—1845), барон, прусский генерал-от-инфантерии, в 1807—1815 гг. был на русской службе; Паулуччи Филипп Осипович (1779—1849), итальянский дворянин, в 1807—1829 гг был на русской службе; Траверсе Жан-Франсуа (Иван Иванович) де (1754—1830) маркиз, русский морской министр, покинул Францию после 1789 г.; Ришелье Эммануил Осипович (Арман Эммануэль Софи Септимани дю Плесси) (1766—1822), герцог, французский государственный деятель, генерал-губернатор Новороссийского края в 1805—1814 гг.; Ланжерон Александр Федорович (1763—1831), граф, генерал-от-инфантерии, в 1815—1823 гг. главный начальник южных губерний России; Армфельд — см. выше, примеч. 51; Беннигсен (Бенигсен) Леонтий Леонтьевич (1745—1826), генерал-от-кавалерии, участник дворцового переворота 1801 г.; Винценгероде Фердинанд, Фердинанд Федорович (1770—1818), барон, генерал-майор, русский и австрийский военный деятель.

62 *...герцоги: Виртембергские, Ольденбургские, Мекленбургские, Кобургские и проч.*— немецкие династии, связанные узами родства с русским двором.

63 *В 1812 году император Александр, скрывая намерения свои от подданных, сообщил их г-же Сталь... Этот разговор находится в известном сочинении... изданном при жизни Александра.*— «Государь,— сказала я ему (де-Сталь Александру.— *Ред.*),— ваш характер служит вашей империи конституцией, а совесть ваша — ее гарантией».— «Если б это было так,— ответил он мне,— я был бы не чем иным, как счастливой случайностью» («Œuvres complètes de m-me Staël, publiées par son fils», v. XV, 1821, p. 313—314).

64 *Перевороты, коими изобилует русская история со времен Петра I-го... прискорбны для русского.*— Далее следует первая в русской нелегальной историографии краткая и довольно точная история борьбы за власть и государственных переворотов в 1725—1801 гг.

Упоминаемые исторические лица: Петр II Алексеевич (1715—1730), император, внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича; Иван (Иоанн) VI Антонович (1740—1764), император в 1740—1741 гг.; Миних Бурхардт Кристоф (Христофор Антонович) (1683—1767), граф, генерал-фельдмаршал; Манштейн Христофор Герман (1711—1757), офицер, мемуарист; Лесток Иоганн Герман (Иван Иванович) (1692—1766), граф, придворный лейб-медик, фаворит Елизаветы Петровны; Шетарди де ля Иоахим Жак Тротти (1705—1758), маркиз, французский посланник в России; Елизавета Петровна (1709—1761), императрица с 1741 г.; Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767), граф, дипломат, канцлер в 1758—1763 гг.; Анна Леопольдовна (1718—1746), принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская, регентша при малолетнем Иване (Иоанне) VI Антоновиче; Антон Ульрих (1714—1774), герцог Брауншвейг-Вольфенбюттельский, муж Анны Леопольдовны, отец Ивана (Иоанна) VI Антоновича; Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) (1686—1747), граф, государственный деятель; Левенвольде Рейнгольд-Густав (1693—1758), граф, обер-гофмаршал; Петр III (1728—1762), император в 1761—1762 гг.; Мирович Василий Яковлевич (1740—1764), подпоручик, казнен за попытку дворцового переворота в пользу Ивана (Иоанна) VI Антоновича.

65 *... заговор под руководством Александра лишает Павла престола и жизни, без пользы для России.*— Во французском тексте Лунина отсутствует эквивалент четырем последним словам фразы, формулирующим взгляд декабристов на события 1801 г.

66 *Тигр... фамилия не иголка — стр. 44 и пр.*— Снова отмечая, что «Донесение следственной комиссии» насыщено мелкими деталями, насмешками и «суетными оборотами» (заслоняющими главные намерения восставших), Лунин отсылает читателей к характерным примерам (к страницам отдельного издания «Донесения следственной комиссии»): «Князь Федор Шаховской, по словам того же Матвея Муравьева, изъявлял в сие время готовность на ужаснейшие преступления, и другой Муравьев, Сергей, не иначе называл его, как *le tigre...*» (ВД, XVII, с. 27). Сам Лу-

нин, присутствовавший на этом совещании 1817 г., показывал, что «наименования ж «le tigre», данного ему (Шаховскому.— *Ред.*)... Сергеем Муравьевым-Апостолом, я не помню» (ВД, III, с. 126).

Другой пример: «Александр Бестужев и Каховский показывали себя пламенными террористами, готовыми на ужаснейшие злодейства. Первый признается, что сказал: «*переступаю за рубикон, а руби-кон значит руби все, что попало...*» (ВД, XVII, с. 51); на стр. 55 (там же): «Ввечеру 13 числа, заметив, что на слове Рылеева о князе Трубецком: «Не правда ль, что мы выбрали прекрасного начальника?» Якубович отвечал, усмехнувшись: «*Да! он довольно велик!*» (подразумевая высокий рост Трубецкого). Наконец, слова А. Бестужева, приведенные в «Донесении...» (ВД, XVII, с. 52): «*Царская фамилия не иголка, не спрячется, когда дело дойдет до ареста*».

[67] *Отрывок из Рылеева поэмы «Наливайко», напечатанной в 1825 году.*— Опубликована в «Полярной звезде» на 1825 г. В предпоследней строке выпущены слова: «отец святой».

[68] *Сергей Муравьев-Апостол предчувствовал свой конец... Стихи сочинены им в Каменке, в конце 1824 года.*— См. примеч. 1 к письму № 9 второй серии «Писем из Сибири».

ВЗГЛЯД НА ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА Г-НА ИВАНОВА, ЧЛЕНА ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

(с. 108—124)

Датируется условно первой половиной 1840 г. Впервые печатается по французскому автографу Лунина из архива Е. С. Уваровой (ОПИ ГИМ, ф. 282, коллекция Музея революции, ед. хр. 302, лл. 73-96; тетрадь в $^1/_8$ писчего листа). Внизу титульного листа (л. 74) карандашная запись рукой Лунина: «Charissimae Sorori» («дражайшей сестре» — лат.). Примечания, помещенные Луниным на полях текста под латинскими литерами, в наст. изд.— под строкой. Заглавие содержит маскирующее указание об авторстве члена Общества Соединенных славян Иванова, отсутствующее в другом автографе и во всех списках, и поэтому можно считать этот текст предназначенным для распространения (И. И. Иванов скончался 26 декабря 1838 г.).

Второй французский автограф, несколько отличающийся от публикуемого (разночтения см. ниже), сохранился в архиве Волконских (ПД, ф. 187, ед. хр. 75).

Списком со «Взгляда на польские дела» располагал Герцен, однако в его печати «Взгляд...» не появился (см. наст. изд., с. 327). Известно также, что копия «Взгляда...» была с 1850-х гг. у Е. Н. Муравьевой. В 1925 г. эта копия, хранившаяся в семье потомков Муравьевых, явилась источником для первой публикации русского перевода «Взгляда...» (сб. «Декабристы на каторге и в ссылке», М., 1925, с. 270—280). В следующем году перевод был сделан непосредственно с автографа Лунина из собрания Волконских (*Гессен, Коган*, с. 243—264). В настоящее время местонахождение списка Е. Н. Муравьевой, переписанного в свое время (по свидетельству публикатора, М. В. Муравьева) «с оригинала, хранившегося у Волконских» («Декабристы на каторге и в ссылке», с. 266), неизвестно.

Другие списки «Взгляда...», распространившиеся в декабристской среде, также восходят к тексту из архива Волконских (ПД):

1) ОПИ ГИМ, ф. 249 (М. И. Муравьева-Апостола), ед. хр. 3, в альбоме А. И. Бибикова, рукой М. И. Муравьева-Апостола (Ялуторовск, 1851) на лл. 55—62, среди других текстов Лунина — «Писем из Сибири» (франц.) и «Разбора Донесения следственной комиссии» (русск.). Список Муравьева-Апостола (франц.) тождественен автографу Лунина (ПД). Небольшие разночтения — в системе подачи сносок, помещенных не на полях, как у Лунина, а в тексте, в скобках и без литер.

2) ЦГАОР, ф. 1153 (Муравьевых), оп. 1, ед. хр. 108; в тетради того же состава, что и альбом А. И. Бибикова; рукой М. И. Муравьева-Апостола на лл. 55—62 об. текст «Взгляда на польские дела», скопирован 8 июня 1857 г., со значительными пропусками и сокращениями. Можно предположить, что список 1857 г. предназначался для Вольной печати Герцена (так же как и список «Разбора Донесения...» — см. ПЗ,

IX, с. 106—107), а для того — специально сокращался и даже редактировался, модернизировался декабристом (изменялись выражения, слова заменялись синонимами).

3) Аналогичный «бибиковскому» — список рукой И. И. Пущина, в ЦГАОР, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 318. В ряде сносок нет указаний на страницу и параграф источника.

Разночтения автографов Лунина

ГИМ (страницы наст. изд.)	ПД (архивные листы)
Заглавие	Заглавие
с. 108	
Coup d'oeil sur les affaires de Pologne par Mr Ivanoff, membre de la Société secrète des Slaves réunis («Взгляд на польские дела г на Иванова, члена тайного общества Соединенных славян»)	Coup d'oeil sur les affaires de Pologne 1840. («Взгляд на польские дела». 1840).
с. 111	л. 7
в сноске (с): p. I, § 3	page 1, § 4
с. 112	л. 9
...leur conduite... («их действия»)	...sa conduite... («его действия»)
с. 113	л. 11
..dans le Royaume ainsi que les provinces soumises aux états limitrophes... («в Царство и покоренные провинции пограничных государств....»)	...dans le Royaume et dans les anciennes provinces... («в Царство и его бывшие провинции»)
...et fusiller... («и расстреливают»)	...et fusiller; ce que les transforme en martyres de la liberté aux yeux du vulgaire.-. («и расстреливают, делая их тем самым мучениками свободы в глазах толпы»)
с. 114 примеч. е. обозначено, но не записано	1772. Populations: Russie: Prusse: Autriche: Territoire idem: («1772. Население: Россия: Пруссия: Австрия: Территория:»)
	л. 12
..ils n'ont prétendu à une superiorité... («не претендовали на превосходство»)	...ils n'ont prétendu leur imposer des loix, et s'attribuer une superiorité... («не намеревались навязывать им законы и приписывать себе превосходство»)
	л. 12 об.
(h) Pestel, S. Mouravieff-Apostol, Bestoujeff-Rumine. Rap⟨port⟩ de la Com⟨mission⟩ d'enquêtes de Warsovie 1826. («(h) Пестель, С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин. Дон⟨есение⟩ Варшавской следственной комиссии. 1826».)	(h). Pestel, Serge Mouravieff-Apostol, Bestoujeff-Rumine. Voyez Rapport de la Commission d'enquêtes de Warsovie 1826. («(h) Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин. Смотри Донесение Варшавской следственной комиссии. 1826»)

с. 115	л. 14
...pour le progrès... («прогресса»)	...pour le progrès général... («всеобщего прогресса»)
с. 116	л. 15
...pour le rendre profitable... («чтобы сделать его выгодным»)	...pour le rendre solide et profitable... («чтобы сделать его прочным и выгодным»)

1 *...искреннего друга... гибельных раздоров.*— Польский вопрос с 1830 г. был постоянной темой выступления западноевропейских, особенно французских, парламентариев, журналистов, дипломатов. Однако никакой реальной помощи повстанцам оказано не было Французский премьер-министр К. Перье заявил: «Мы не можем служить какой бы то ни было революции». После поражения восстания министр иностранных дел Франции О. Себастьяни с парламентской трибуны объявил: «В Варшаве царствует порядок». См.: История Польши, 1, с. 549; *Киняпина Н.* Реакционная политика европейских держав в польском вопросе (1830—1831).— Вестн. Моск. ун-та, 1952, № 7, с. 71—86.

2 *Открытое со всех сторон... в самих предместьях столицы.* — На Венском конгрессе 1814—1815 гг. польский вопрос занял одно из центральных мест. Россия получила $^{4}/_{5}$ бывшего герцогства Варшавского в качестве конституционного Царства Польского под управлением русского императора. Значительные польские земли остались под прусским и австрийским владычеством. Население Царства Польского в 1830 г. составляло 4 млн. 200 тыс. человек (см. *Обушенкова Л. А.* Королевство Польское в 1815—1830 гг. М., 1979, с. 273). Лунин высчитывает долю польской территории и населения в пределах бывшей Речи Посполитой, включавшей сверх польских земель — литовские, белорусские и украинские. В Царстве Польском было две крепости — Модлин и Варшавская цитадель.

3 *...короны Пястов и Ягеллонов.*—Пясты — первая польская династия, княжеская и королевская, правившая с X по XIV в. Ягеллоны — польская династия в 1386—1572 гг. (с перерывами).

4 *...таковы деяния этого восстания... энтузиазм молодежи, его совершившей...*— Восстание в Варшаве началось вечером 29 ноября 1830 г. как военный переворот, быстро превратившийся в массовое движение. Лунин принимает официальную версию, которой придерживалось первоначально и Временное правительство восставшей Польши — о том, что восстание было «делом молодежи», а также о беспрепятственном выходе Константина и его войск в Россию. На самом деле и движущие силы восстания, и отношение к Константину были сложны и противоречивы. Константину и русскому отряду был открыт свободный проход к границам империи в обмен на разрешение оставшимся при нем польским частям возвратиться в Варшаву. См. История Польши, 1, с. 533—535; *Шильдер Н. К.* Император Николай первый. СПб., 1903, с. 325. *Брат императора* — Константин Павлович. Лунин здесь и далее ссылается на «Манифест польского народа», изданный революционным Сеймом. Об источниках информации Лунина см. примеч. 8.

5 *...неспособность военачальника, которому было затем поручено его подавление...*— фельдмаршал граф Иван Иванович Дибич-Забалканский (1785—1831). См. письмо № 5, наст. изд., с. 7, и примеч. к нему.

6 *Великое княжество Познанское... в нескольких шагах от его границы.*— После разделов Польши Галиция входила в состав Австрийской империи, Великое княжество Познанское — в состав Прусского королевства.

7 *...не попытав даже счастья в битве.*— Лунин верно представляет относительную инертность литовского, белорусского, украинского населения, а также польских крестьян, интересы которых почти не учитывались в программе польской «консервативной революции» 1830—1831 гг. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., М., 1955, т. 4, с. 492).

8 *Материальные средства восстания... из варшавского банка.*— Данные о силах и средствах восстания, несомненно, почерпнуты Луниным из газет, рассказов польских ссыльных и русских чиновников, а также в значительной степени — из книги: *Smitt F.* von. Geschichte des Polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830

und 1831. Bd. 1—2. B., 1839 (позже появился русский перевод: *Смит Ф.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. СПб., 1864): прямая ссылка на эту книгу, содержащую обширный фактический материал, имеется в работе Лунина «Общественное движение...», см. наст. изд., с. 127. Ф. Смит, военный историк, взятый в 1831 г. в действующую армию генералом К. Ф. Толем для составления известий о кампании для иностранной печати. См.: *Смит Ф.* Указ. соч. СПб., 1864, т. 3, с. XXI.

9 *...заключение славного мира...*— Адрианопольский мир, завершивший русско-турецкую войну 1828—1829 гг.

10 *...она была попрана Тюдорами.*— Лунин подразумевает абсолютистскую политику династии Тюдоров (1485—1603), которые урезали, стремились отменить некоторые вольности, утвердившиеся с XIII в. (когда в 1215 г. была провозглашена Великая хартия вольностей, а в 1265 г. созван парламент). Расчеты Лунина проделаны по «Истории Англии» Лингарда, находившейся в сибирской библиотеке Лунина (см. «Розыск исторический» и примеч. к нему).

11 *...жители этих провинций... взирали на их вторжение с равнодушием и удивлением.*— Речь идет об украинских, белорусских и литовских землях, которые до разделов Польши (1773—1795) входили в состав Речи Посполитой.

12 *Если после сказанного... предотвратить бесполезное кровопролитие...*— Лунин перечисляет основные этапы польского восстания 1830—1831 гг.: создание в начале восстания (5 ноября (н. ст.) 1830 г.) диктатуры генерала Хлопицкого, отказ от диктатуры (17 января 1831 г.) и последующие споры между разными политическими группировками. Переговоры с Николаем I Временное правительство пыталось вести в декабре 1830 — январе 1831 г., пока сейм 25 января 1831 г. не издал акт о детронизации Николая. 1 сентября 1831 г. русский главнокомандующий И. Ф. Паскевич прислал в Варшаву парламентеров с предложением начать переговоры. После того, как соглашение достигнуто не было, 6 сентября начался штурм Варшавы; 7 сентября переговоры возобновились и 8 сентября польская столица была сдана. См. *История Польши*, 1, с. 532—553.

13 *...войска стянули... когда необходимо было их сосредоточить...*— анализируются военные действия, шедшие в 1831 г. с переменным успехом. Весною 1831 г. раздробление сил русской армии, руководимой Дибичем, могло быть использовано польскими повстанцами (как это и предлагал генерал И. Прондзинский), однако этот план был провален польским главнокомандующим генералом Я. Скшинецким. Весной и летом 1831 г. польской армией были сделаны безуспешные, запоздалые попытки расширения театра военных действий (экспедиции в Литву и на Волынь). См. *История Польши*, 1, с. 540—546.

14 *...они кичатся... была его собственностью.*— Подразумевается Наполеон I, обещавший восстановить независимость Польши и тем стимулировавший польское войско к участию в его походах.

15 *...сооружение Варшавской цитадели...*— Александровская цитадель в Варшаве была заложена в 1832 г.

16 *...упразднение двух университетов... временно закрыть.*— Упразднены университеты Варшавский и Виленский, а также Кременецкий лицей. Вместо Варшавского университета разрешено было открыть при варшавской гимназии добавочные курсы по педагогике и юриспруденции (1840), но они вскоре были закрыты. Киевский университет в 1839 г. был закрыт на год.

17 *Раморино 20 тысяч чел⟨овек⟩* (у Лунина — Ромарино).— Корпус Д. Раморино 6 августа 1831 г. отправился в тыл армии Паскевича, осаждавшей Варшаву. После известия о падении столицы корпус ушел в Австрию, где и был интернирован. В Польше, России и за границей ходили более или менее достоверные слухи об измене, позволившей Паскевичу взять Варшаву до подхода войск Раморино.

18 *...под именем Польского национального комитета.*— Польский национальный комитет был образован в Париже в декабре 1831 г. во главе с И. Лелевелем и представлял в основном демократическую часть польской эмиграции. В конце 1832 г. комитет был распущен, произошел раскол между русскими группами эмиграции. Та организация, которую Лунин называет национальным комитетом, была создана в 1833 г. под названием «Союз национального единства» (с 1837 г.— «Общество третьего мая»), центром которого был Отель Ламбер в Париже: консервативно-

монархическая партия, возглавляемая А. Чарторыйским и стремившаяся к роли эмигрантского правительства (регулярно отправлявшая своих эмиссаров в Польшу и Россию).

19 *Проект первого раздела... при разделе...*— Лунин оставил место в соответствующем примечании (е) — оно имеется только в автографе ПД,— чтобы дать сведения о населении разных частей Польши, однако, по-видимому, не смог получить достоверных данных. В 1772 г., по первому разделу Польши, Австрия получила 83 тысячи км^2 территории с населением 2650 тыс. человек; Пруссия — 36 тыс. км^2 с населением 580 тыс. человек; Россия — 93 тысячи км^2 с населением 1300 тыс. человек.

20 *...конституция 91 года...*— Конституция 3 мая 1791 г., перед угрозой расчленения страны, объявила новое более прогрессивное и жизнеспособное политическое устройство Польши

21 *Наконец, третий и последний раздел... по праву войны.*— Польское восстание 1794 г. (март—ноябрь) проходило под лозунгом восстановления национальной независимости Польши, аннулирования первых двух разделов Польши, восстановления конституции 3 мая 1791 г. и прогрессивных реформ. Поражение польских войск во главе с Т. Костюшкой привело к третьему и последнему разделу страны между Россией, Пруссией и Австрией (1795 г.).

22 *...лишилась устья своей реки и побережья своего моря.*— В XVII—XVIII вв. Польша под давлением Швеции и Пруссии почти лишилась выхода к Балтийскому морю и низовьев Вислы.

23 *Никакой социальный прогресс... без каких-либо его относительных преимуществ.*— Государственный строй Речи Посполитой был фактически парализован рядом установлений, существовавших до 1791 г. и способствовавших шляхетской анархии: Лунин подразумевает право «liberum veto» («свободного запрета»), требовавшее единогласия при обсуждении государственных дел, так что закон не утверждался, если хотя бы один депутат сейма высказывался против него; кроме того, шляхта пользовалась правом конфедераций, т. е. политических объединений против центральной власти.

24 *Ян-Казимир* — польский король с 1648 по 1668 г., безуспешно боролся со своеволием магнатов и в конце концов должен был отречься от престола.

25 *Мы полагаем, что, сказав непритворную и беспощадную правду... но нас не поняли.*— Лунин служил в Слуцке близ Минска в 1822—1824 гг., а в Варшаве в 1824—1826 гг. «*При дворе короля*» — очевидно имеется в виду цвор Александра I и Константина Павловича; «*салоны вельмож*» — например, салон графини Потоцкой; см. наст. изд., примеч. 1 к письму № 9 первой серии поздней редакции. Среди его польских знакомых были и деятели Польского патриотического общества Яблоновский, Крыжановский, Мохнацкий, Ворцель, Зелионко (см. *Окунь*, с. 61—64). О сложной позиции Лунина в отношении как русских войск, так и польского подполья, см. наст. изд. с. 327—329.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В НЫНЕШНЕЕ ЦАРСТВОВАНИЕ. 1840

(с. 125—146)

Датируется второй половиной 1840 г. Печатается впервые по французскому автографу из архива Е. С. Уваровой (ОПИ ГИМ, ф. 282, коллекция Музея революции, ед. хр. 302, лл. 59—71). Текст в тетради большого формата, на обороте листа 71 надпись: «à ma Charissima soror, pour en agir d'après les indications précédentes» («моей дражайшей сестре, чтобы поступать с этим согласно предыдущим указаниям»). Примечания, написанные на полях и помеченные латинскими литерами, принадлежат Лунину. Впервые сочинение в русском переводе было опубликовано в 1926 г. (*Штрайх*, II, с. 13—29 (текст), с. 52—55 (примеч.).

1 *Почти все восшествия на российский престол... в интересах отдельных лиц.*— Аналогичные идеи развиты Луниным в «Разборе Донесения...», см. наст. изд., с. 71, 80—81.

2 *...как с семейной собственностью.*— См. «Взгляд на русское Тайное общество», наст. изд., с. 56.

3 *...допускаемые существующими законами... чтоб вырвать признания.*— В правительственных документах — Манифестах от 19 декабря 1825 г. (ПСЗ, собр. 2-е, т. 1, № 6) и от 1 июня 1826 г. об учреждении Верховного уголовного суда (там же, т. 1, № 381) говорится о соблюдении законности и «справедливости нелицеприятной». Не применяя прямых пыток при допросах декабристов, власть фактически подвергала их пытке длительным одиночным заключением; наиболее упорных и «дерзких» заковывали в ручные и ножные «железа» на длительные сроки (Якушкина, Бестужева-Рюмина, Горского и др.).

4 *Разбор Донесения тайной комиссии.*— Ссылка Лунина на собственный «Разбор Донесения» с указанными им конкретными выходными данными — не подтверждается. Несмотря на желание декабриста увидеть свой «Разбор...» напечатанным в Париже (см. письмо Лунина к сестре от 13/1 декабря 1839 г.— наст. изд., с. 244), ни это, ни другие его сочинения при жизни автора в печати не появились. См. *Окунь*, с. 230—237.

5 *...обратить внимание на этот государственный переворот...*— Лунин называет восстание не совсем обычным термином, подразумевая под государственным переворотом захват власти со стороны Николая I.

6 *...престижем военных успехов.*— Лунин излагает события русско-турецкой войны 1828—1829 гг., закончившейся Адрианопольским миром, и верно судит о желании правительства Николая I поднять свой престиж посредством военных успехов; декабристы и прогрессивная общественность России прежде порицали Александра I, не оказавшего военной поддержки грекам против турок. Популярность войны 1828—1829 гг. (так же, как русско-персидской 1826—1828 гг.) была отмечена А. С. Пушкиным, писавшим о Николае I (в стихотворении «Друзьям», 1828 г.): «Россию вдруг он оживил//Войной, надеждами, трудами.»

7 *В 1828 г. неудачный штурм Браилова... снятая после безрезультатной бомбардировки осада Силистрии.*— Браилов — крепость в Румынии на левом берегу Дуная. Ее неудачный штурм 3(15) июня 1828 г. стоил русской армии многих жертв. 7(19) июня турецкий комендант Браилова, лишившись надежды на помощь, все же сдал крепость. Блокада *Шумлы* завершилась отходом русских войск от крепости 3 (15) октября 1828 г. При *Эски-Стамбуле* — на севере Болгарии — русская армия потерпела частичное поражение 7(19) октября 1828 г. Русская армия и флот начали осаду *Варны* в июле 1828 г., и взяли ее после ряда сражений и значительных потерь 29 сентября. Осада *Силистрии* (на правом берегу Дуная) длилась с начала мая до конца июня 1828 г.

8 *...взятие Силистрии после тридцатидневного сидения в открытых траншеях.*— Упомянутые сражения: при Кулевче — 30 мая (11 июня) 1828 г.; при Айдосе — 13(25) августа 1829 г.; при Селимне — 20 июля (1 августа) 1829 г.; у Силистрии — 18(30) июня 1829 г.

9 *Тщеславное удовольствие от военной прогулки... за потерю этой славной армии.*— По мирному трактату, заключенному 2(14) сентября 1829 г. в Адрианополе, Россия, помимо территориальных приращений, получала и весьма значительную контрибуцию (1500 тыс. голландских гульденов, см. ПСЗ, собр. 2-е, т. 4, № 3128).

10 *...защитить границу от польских партизан.*— Речь идет о польском восстании 1830—1831 гг.

11 *Эти походы отмечены... областей Эриванской, Нахичеванской и Ахалцыхской.*— Эриванское и Нахичеванское ханства присоединены к России по Туркманчайскому миру с Ираном 1828 г., Ахалцыхская область — по Адрианопольскому миру с Турцией.

12 *Один из них умер в строю...— своего отряда...*— Излагая историю благоприятного хода военных действий на Кавказе, Лунин не ограничивается общей оценкой успешных действий Паскевича, как в «Письмах из Сибири» (см. наст. изд., с. 15), но привлекает информацию, полученную от немногих приезжих, из писем, а также, возможно, из иностранных газет — о роли генералов из «декабристского круга». Николай Николаевич Муравьев (Карский) (1794—1866), родственник многих декабристов, сын генерала Н. Н. Муравьева, создавшего «училище колонновожатых»— один из рассадников декабризма, в молодости состоял в ранних «преддекабристских»

обществах, а позже, отойдя от политической деятельности, поддерживал дружеские отношения со многими декабристами, членами тайных обществ (см. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому, т. 1. М., 1975). Генерал Николай Николаевич Раевский-младший (1801—1843), сын героя Отечественной войны генерала Н. Н. Раевского-старшего, брат М. Н. Волконской, находился в дружеских отношениях со многими декабристами; в 1826 г. был арестован по подозрению в причастности к заговору, но вскоре освобожден. Генерал Иван Григорьевич Бурцов (1794—1829) — один из руководителей первых декабристских союзов, в начале 1820-х годов фактически вышел из Общества, но был арестован, привлечен к следствию и в виде наказания отправлен в действующую армию на Кавказ. 23 июля 1829 г. в сражении с турками при Байбурте был смертельно ранен.

13 *Министра внутренних дел... вредную деятельность.*— Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), гр., с. 1828 г. министр внутренних дел. Для борьбы с появившейся в 1830 г. холерой отправился в юго-восточные губернии, на границах которых им были учреждены карантины, не остановившие эпидемию. В 1831 г. вынужден выйти в отставку. Лунин, уже осужденный, общался с А. А. Закревским, когда последний инспектировал Свеаборгскую крепость. См. наст. изд., с. 287, 293.

14 *Во время эпидемии вспыхнули бунты... в Санкт-Петербурге.*— «Холерные бунты» произошли в Севастополе (3—7 июня 1830 г.), в Петербурге (июнь 1831 г.) и в Новгородских военных поселениях (11—29 июля 1831 г.).

15 *Его преемник... закончил войну одним ударом.*— Речь идет об И. Ф. Паскевиче («Эриванском»), получившем за подавление польского восстания титул «князя Варшавского». Оценки Луниным событий 1830—1831 гг. ср. с работой «Взгляд на польские дела», написанной незадолго до статьи «Общественное движение...».

16 *Наконец, оно усугубило бедствие... этой недобросовестности.*— Сведения Лунина о голоде, особенно — неурожае 1840 г., основаны между прочим на информации, полученной от сестры: 26 июня 1840 г. Е. С. Уварова писала, что «умы находятся в брожении при виде полей, которые остались черными ... Едят мякину, снимают крыши. Крестьяне в отчаянии. Женщины и дети идут в Бессарабию, *где они думают, что млечные реки*» (ПД, ф. 368, он. 1, № 23; п. 565, франц. яз.; выделенная фраза по-русски). 3 июля Уварова возмущалась тем, что «прекрасная графиня Завадовская покупает миллионную мебель ... в спальне кровать Франциска I,— в то время как их крестьяне, так же как и другие, мрут от голода» (там же, п. 566, франц. яз.). 10 июля 1840 г. Е. С. Уварова обращалась к властям с просьбой о помощи голодающим крестьянам (см. п. 567); 17 июля писала: «Нищета наших деревень крайняя!» Уварова приказывает управляющему «продолжать кормить нуждающихся. Но потом что мы будем делать? Я закрываю глаза на это ужасное будущее, которое уж так приблизилось к нам! *Последний скирд начат*» (там же; п. 568, франц. яз., выделенная фраза по-русски).

В первой половине XIX в. (до 1854) было 35 неурожаев. В 1842 г. правительство констатировало, что неурожаи повторяются каждые 6—7 лет, продолжаясь по 2 года сряду.

Лунин говорит об особенно сильных неурожаях, например 1833 г., когда хлеб заменялся желудями и древесной корой, а муку смешивали с глиной.

17 *В 1838 году сгорел до тла Царский дворец.*— Пожар в Зимнем дворце был 17 декабря 1837 г.

18 *...армия потеряла половину своего состава... из-за самонадеянности командира, коему была вверена...*— Перовский Василий Алексеевич (1794—1857), гр., генерал-от-кавалерии, ген.-адъютант; в 1833 г.— оренбургский военный губернатор и командир отдельного оренбургского корпуса. Предпринятый им в 1839 г. поход на Хиву кончился крахом.

19 *... разорительная, убийственная война... все еще длится на Кавказе.*— Лунин подразумевает войны, которые велись на Кавказе начиная с Екатерины II: персидский поход 1795—1796 гг., завершенный при Павле I, русско-турецкая война 1806—1812, русско-персидская война 1805—1813 гг. С 1817 по 1864 г. велась война с горскими народами. С начала 1830-х годов обостряется война на Кавказе в связи с объединением ряда народов под лозунгом «священной войны» против России. В 1834—1859 гг. эту войну возглавил имам Шамиль.

[20] *Один из них был лишен командования... если и не пользовался ими лично...*— Г. В. Розен был отстранен в 1837 г. от командования армией на Кавказе формально из-за потворства злоупотреблениям. Однако ходили слухи и о доносах, настроивших Николая I против Розена за выдвижение прогрессивных, лояльных к декабристам военачальников (Н. Н. Раевского, В. Д. Вальховского и др.). В 1830—1831 гг. Розен участвовал в подавлении польского восстания, командуя шестым литовским корпусом, и неоднократно терпел поражения (под Вавром, Дембе-Вельке и Иганями в марте 1831 г.; в августе в районе Бреста его теснил корпус польского генерала Дж. Раморино). Источник, которым пользовался Лунин, в примечании не назван.

[21] *Никто из них, исключая победителя Эривани...*— Речь идет о И. Ф. Паскевиче, см. выше примеч. 12, 15.

[22] *... оно опять-таки обязано двум членам Тайного общества.... в Кавказской армии (h).* Генерал Граббе Павел Христофорович (1789—1875); в прошлом член Союза благоденствия. О Н. Н. Раевском см. выше, примеч. 12.

[23] *Государственный долг превышает миллиард рублей... наследственный недуг.*— Лунин хорошо осведомлен о состоянии экономики николаевской России. Акциз с табака был введен в 1838 г., выпуск новых бумажных денег привел к обесцениванию ассигнаций и постепенной их ликвидации начиная с 1839 г. Ежегодный рекрутский контингент с 1835 по 1854 г. составлял в среднем около 80 000 человек (см. *Зайончковский А.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908, т. 1, с. 476). Государственный долг России в начале 1840-х годов приближался к 2 млрд. руб. ассигнациями. Внешняя торговля в не малой степени осуществлялась благодаря посредничеству иностранных торговых фирм или русских компаний, возглавляемых иностранными подданными.

[24] *Эта задача... была выполнена благодаря заботам правительства за восемь лет.*— Лунин говорит о деятельности II отделения с. е. и. в. канцелярии по кодификации законов. Главную роль в этой работе играл М. М. Сперанский. Было собрано свыше 30 тысяч законов и указов, начиная с Уложения Алексея Михайловича (1649 г.) по 1825 г. В 1830 г. было издано «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах (54 книгах). В 1832 г. появился 15-томный «Свод законов Российской империи», включавший действующие законы. См. также «Письма из Сибири», наст. изд. с. 11—12.

[25] *Из этой несвязной массы они составили свод законов... более позднего (k).*— Ссылка на «Обозрение исторических сведений о своде законов Российской империи» (СПб., 1833), подготовленное М. М. Сперанским. Оценку этого сочинения см. также в «Письмах из Сибири»; наст. изд., с. 11—12.

[26] *Он указал и доказал необходимость... дабы воспрепятствовать краже и хищениям и т. п. и т. п.*— Указанные Луниным мероприятия, связанные с перестройкой армии, изложены Пестелем в «Русской правде», «Записке о государственном правлении», «Записке о составе войска» и других сочинениях (см. ВД, VII). Лунин и Н. Муравьев, очевидно, ознакомились с планами Пестеля во время своей поездки на юг в 1820 г. (см. наст. изд., с. 223—224, 449). О мыслях Лунина, что реформы должны быть произведены (Николаем I) главным образом по плану Пестеля, см. *Воспоминания и рассказы*, т. 1, с. 135. Подробное сопоставление идей Пестеля и соображений Лунина см. *Окунь*, с. 213—215. М. С. Лунин из тактических соображений постоянно подчеркивает сходство некоторых мер Николая I с идеями и проектами декабристов, обосновывая таким образом естественность, историческую необходимость требований тайных обществ.

[27] *...присоединение к Лондонскому договору...*— Лондонская конвенция по греческому вопросу, подписанная Россией, Англией и Францией 24 июня (6 июля) 1827 г., предусматривала ряд совместных мер против Турции.

[28] *...и морское сражение при Наварине...*— Турция, отвергнувшая предложения России, Англии и Франции по греческому вопросу, была разбита в морском сражении при Наваринской бухте (западное побережье Греции) 8(20) октября 1827 г. Это повлекло за собой русско-турецкую войну 1828—1829 гг.

[29] *...в пользу греков и в восточном вопросе* — Речь идет о борьбе греков против Турции (1821—1829) за национальную независимость. Поддержка этой борьбы правительством Николая I была популярна. Защита Греции многими рассматривалась как

выполнение требований прогрессивных кругов, прежде игнорировавшихся Александром I, см. выше, примеч. 6.

30 *Ее требование... размежевание общественных земель и т. д.*— Лунин продолжает компетентный критический разбор состояния российской экономики (см. примеч. 23), подчеркивая, что ряд положительных правительственных мер был уже значительно раньше предусмотрен декабристами. Действительно, в документах тайных обществ неоднократно отмечалась необходимость ликвидации стеснений для развития отечественной экономики. Так, Пестель, вообще сильно опасаясь «аристократии богатств», притом настаивал, что «каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься тою отраслею промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли ... Правительство должно конечно способствовать всеми мерами к усовершенствованию народного богатства...» (ВД, VII, с. 151).

Лунин в своей работе перечисляет ряд принятых правительством Николая I частных мер, объективно способствовавших буржуазному развитию России. «Устройство мануфактур» подразумевает образование в 1828 г. при Министерстве финансов (Департаменте мануфактур и внешней торговли) особого Мануфактурного совета, совещательного органа, куда назначались шесть представителей от дворянства, шесть — от купечества и два — от науки. Совет имел отделение в Москве, а в крупных промышленных центрах — мануфактурные комитеты. Соответственно, в 1829 г., при Министерстве финансов был образован совещательный Коммерческий совет.

С 1836 г. производилось размежевание общинных и чересполосных владений в ряде губерний (см. ПСЗ, собр. 2-е, т. 11, 1836, № 8763). Вопрос о «правах сочинителей» регулировался приложением к цензурному уставу 1828 г. (и законом от 8 января 1830 г.).

31 *Учреждение вне общей организации собственной канцелярии императора... ведает секретными делами.*— Собственная его императорского величества канцелярия, учрежденная в 1812 г., получила особенное развитие в царствование Николая I. В 1826 г. канцелярия стала называться первым отделением с. е. и. в. канцелярии; в том же году были учреждены второе и третье отделения, в 1828 — четвертое, в 1836 — пятое и в 1842 — шестое. Третье отделение, образованное указом Николая I от 3 июля 1826 г., было высшей политической полицией.

32 *Учреждение корпуса жандармов... вмешиваться в семейные дела.*— Корпус жандармов был образован в 1827 г. Он стал исполнительным органом III отделения.

33 *Создание министерства двора и уделов...*— Министерство двора и уделов было учреждено 22 августа 1826 г.

34 *Учреждение министерства государственных имуществ....*— Министерство государственных имуществ было учреждено в 1837 г. Критический разбор его деятельности Лунин предпринял незадолго перед тем в «Письмах из Сибири». см. наст. изд., с. 12—13, 38—39.

35 *Номинальное переустройство прежних военных поселений... в разных пунктах империи.*— В первые годы царствования Николая I некоторые округа военных поселений, учрежденных по инициативе Александра I, были увеличены за счет присоединения соседних казенных селений. Было основано несколько новых поселений в Витебской, Слободско-Украинской и Петербургской губ.; в ведомство военных поселений были также отчислены города Елисаветград и Ольвиополь. После восстаний военных поселян 1831 г. правительство, однако, взяло курс на переустройство и фактическую ликвидацию системы военных поселений. В частности, новгородские военные поселения были переведены в разряд «пахотных солдат» (фактически на положение государственных крестьян).

36 *Восстановление под другим названием почетных граждан... в предыдущее царствование.*— Почетные граждане — особый класс городских обывателей. Жалованной грамотой городам, данной Екатериной II (1785), был образован в среде городских обывателей класс именитых граждан, имевших ряд привилегий (кроме освобождения от телесных наказаний, им дозволялось иметь сады, загородные дворы, не запрещалось заводить и содержать фабрики, заводы и т. д.). В царствование Александра I указом 1 января 1807 г. звание именитых граждан было отменено для купечества и сохранено лишь для ученых и художников. Указ 10 февраля 1832 г.

вводил новую сословную категорию «почетных потомственных и личных граждан». Почетные граждане освобождались от рекрутской повинности, подушной подати и телесных наказаний.

37 *Меры по денационализации жителей Царства Польского... созданных в предыдущее царствование.*— Перечисленные Луниным меры против Польши (отмена конституции, упразднение Литовского корпуса) последовали после подавления восстания 1830—1831 гг. «Батальоны великого княжества Финляндского» — небольшие войсковые части, традиционно набиравшиеся из местного населения. Николай I, урезая автономию Финляндии, не созывал финский сейм, резко ограничивал публикацию книг на финском языке и опасался национальных финских формирований. Говоря о военных реформах Николая I, Лунин не совсем точно излагает подробности реорганизации Военного министерства, в ходе которой (1832) был упразднен Главный штаб (учрежденный Александром I в 1815 г.); еще ранее, в 1827 г., Свита его величества по квартирмейстерской части была переименована в Генеральный штаб.

38 *Разделение империи на два района... набора постоянного и общего.*— Периодический и частичный рекрутский набор проводился в мирное время по установленному законодательству с 1831 г. Россия была разделена на западную и восточную полосы, и набор шел каждый год в одной из полос. В военное время он перекрывался «чрезвычайными» общими наборами.

39 *Обмен нескольких тысяч удельных крестьян на равное число крестьян государственных... благоприятных условиях.*— В 1830-х годах удельные имения в 18 малоземельных губерниях поступили в казну, в то время как обширные государственные земли и свыше 200 000 крестьян Симбирской губернии были переданы удельному ведомству: акция, обогащавшая царскую фамилию за счет казны.

40 *Преобразование чувашской народности, доставшейся Удельному ведомству.*— По указу от 25 января 1835 г. около 200 тысяч душ государственных крестьян Симбирской губернии, среди которых было много чувашей, были переданы в удельное ведомство, вследствие чего положение их ухудшилось. Одновременно замена подушного оброка поземельным в удельных имениях привела к увеличению повинностей в несколько раз. В 1835—1840 гг. в Буинском, Алатырском и Курмышском уезде произошли массовые восстания удельных крестьян. См. История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966, т. 1, с. 125—126.

41 *Закрытие двух русских журналов и многих польских ввиду... направления.*— В 1832 г. запрещен журнал «Европеец», в 1834 г.— «Московский телеграф», в 1836 г.— «Телескоп». Перестал выходить после восстания 1830—1831 гг. польский журнал «Pamietnik Warszawski» и др.

42 *...закрытие двух университетов... закрыть и преобразовать.*— См. примеч. 16 к «Взгляду на польские дела».

43 *Перевод членов Тайного общества из Читинской тюрьмы... амнистий по отношению к ним.*— Декабристы-каторжане были переведены в 1830 г. из Читы в Петровский завод, на 600 с лишним верст западнее. «Амнистии», несколько сокращавшие сроки каторжных работ декабристов или переводившие досрочно с каторги на поселение, были проведены: 22 августа 1826 г. (коронация Николая I), в 1828 г. (после смерти императрицы Марии Федоровны) и 8 ноября 1832 г. Несколько членов тайных обществ были переведены из Сибири на Кавказ.

44 *Графские и княжеские титулы... сторонникам самодержавия.*— Из активных участников подавления восстания 14 декабря и следователей по делу декабристов были награждены титулами А. Х. Бенкендорф, В. В. Левашов, А. И. Чернышев, Д. Н. Блудов, В. А. Адлерберг. «Майораты, розданные сторонникам самодержавия»: система передачи «в вечное и потомственное владение» ряду представителей русской знати конфискованных имений. Эта практика осуществлялась на территории Царства Польского после царского указа от 4 октября 1835 г.

45 *Ограничение поездок за границу и запрещение воспитывать там детей.*— Правительство Николая I, опасаясь вредного влияния европейского просвещения, ввело ряд ограничительных мер насчет обучения русских подданных в западных университетах. См.: *Рождественский С. В.* Обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802—1902. СПб., 1902.

46 *Сооружение различных памятников... от идей будущего.*— Подразумевается торжественное возведение в Петербурге «Александровской колонны» (1834) и, воз-

можно, разнообразные сооружения, приуроченные к торжествам 1839 г., в память побед 1812—1814 гг.

47 *Католические и униатские священники, преследуемые за веру... за политические преступления.*— Перечисляется ряд репрессий, относившихся большей частью к участникам польского восстания 1830—1831 гг. Однако еще прежде, в 1826—1827 гг., по делу «Общества военных друзей», между прочим, проходили сестры Ксаверия и Корнелия Рукевич, наказанные заключением в монастыре.

48 *Дети, отнятые у родителей... по политическим делам.*— Правительство Николая I отрицательно относилось к домашнему воспитанию и приняло ряд мер по его ограничению, одновременно усиливая контроль над начальной и средней школой. Во время процесса декабристов и после него были случаи выдачи «виновных» детей родителями. 23 декабря 1825 г. царь писал брату Константину: «Здесь все усердно помогают мне в этой ужасной работе; отцы приводят ко мне своих сыновей...». Подобные факты произошли в семье Шереметевых, Ланских и др. См. *Пиксанов Н.* Дворянская реакция на декабризм.— Звенья, кн. II. М.— Л., 1933.

49 *Куда девались Боярская дума, Земский собор... по очереди управляли Россией?* — Земские соборы — сословно-представительные учреждения XVI—XVII вв., Боярская дума прекратила свое существование вследствие государственных реформ Петра I; Верховный тайный совет — высшее совещательное учреждение империи в 1726—1730 гг.; Тайная канцелярия — орган политического сыска в 1718—1726 и 1731—1762 гг. (в последнем случае точное название — «Тайная розыскных дел канцелярия»). Коллегии — государственные учреждения, введенные в 1717—1721 гг. и замененные в начале XIX в. министерствами.

50 *...водочная монополия... мелкими землевладельцами...*— Монополия на продажу крепких напитков была важным источником государственных доходов. С 1827 г. после десятилетнего периода казенной торговли вином казна возвратилась к системе откупов, дававшей ей к концу 1830-х годов около 40 млн. руб. серебром в год. Казна поступалась своими исключительными правами лишь в пользу помещиков, имевших монопольное право винокурения. См.: *Брандт Б.* Питейные сборы.— Энц. словарь «Брокгауз и Ефрон», кн. 46, с. 732—734.

51 *... серебряные и бумажные деньги... для столь серьезной операции.*— Денежная реформа, проведенная в 1839 г. Е. Ф. Канкриным, установила твердый курс обмена ассигнаций на серебряные рубли. Выпущенные кредитные рубли приравнивались по стоимости к серебряному. Обмен ассигнаций с последующим изъятием их из обращения проводился по курсу 3 р. 50 коп. за 1 серебряный рубль. Лунин предвидит, однако, в ближайшем будущем непоследовательные действия власти, которая вновь прибегнет к выпуску обесценивающихся бумажных денег (особенно в период Крымской войны).

52 *Много миллионов наших братьев... кроме Тайного общества.*— О взглядах Лунина на крестьянское дело см. «Письма из Сибири» (наст. изд., с. 17—20), а также «Духовное завещание» и примеч. к нему. По восьмой ревизии (1835) в России насчитывалось 10,9 млн. «крепостных душ» (или около 22 млн. человек обоего пола).

53 *Отказ от Договора, заключенного в Аахене.*— Речь идет о конгрессе Священного союза, состоявшемся в 1818 г. в Аахене (Э-ля-Шапель — французское название города). Там была подтверждена готовность ведущих европейских монархов противостоять революционному движению и при случае прямо вмешаться в европейские события. Лунин намекает на относительное невмешательство России в революционные события 1830—1831 гг. во Франции, Италии и Бельгии.

54 *Поэзия повесила свою лиру на вавилонские ивы...*— парафраз из 136 псалма («При реках Вавилона»): «На вербах посреди его повесили мы наши арфы». Лунин недооценивает важнейшие литературные явления 1830-х годов, в частности игнорирует деятельность Пушкина, очевидно не принимая его политической позиции.

55 *Министерство народного просвещения... обратить в столпы самодержавия.*— Имеется в виду уваровская «триада», три «спасительные начала» (православие, самодержавие и народность). О теории «официальной народности» Лунин писал неоднократно, см. наст. изд., с. 13—14.

56 *Тот, кто мог отказаться от престола... ради общего блага.*— Имеется в виду Николай I. С. П. Трубецкой писал, что Лунин «постоянно рассуждал о разных правительством предпринимаемых мерах и распоряжениях и не щадил лиц, занимав-

ших высшие правительственные места, не задевая, впрочем, нисколько высочайшей особы, а, напротив, подсылая ей иногда фимиам» (*Трубецкой*, с. 301). О сложной подоплеке тактического и в то же время ироничного «комплимента» в адрес царя см. *Окунь*, с. 218—219.

ПЛАН НАЧАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ, РАЗДЕЛЕННЫЙ НА 3 ЭТАПА С 8-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА ДО 14 ЛЕТ

(с. 147—150)

Печатается впервые по автографу ПД (французский текст с вставками на латинском и русском языках), ф. 368, он. 1, № 1, с. 127—133, пагинация Лунина, и в современном переводе.

«План» внесен Луниным в тетрадь (1/8 писчего листа), где на предыдущих листах находились дневниковые и мемуарные записи декабриста, уничтоженные весной 1838 г., см. наст. изд., с. 162.

План датируется 1838—1839 гг., исходя из указания Лунина на время сожжения предыдущих записей; Мише Волконскому, для кого разрабатывался план занятий, исполнилось 8 лет в 1839 г.; Лунин мог руководить воспитанием мальчика по своему плану до весны 1841 г., после чего был разлучен с десятилетним М. С. Волконским. Из Акатуйской каторжной тюрьмы декабрист, однако, продолжал постоянно интересоваться успехами ученика, см. наст. изд., с. 252, 255, 257—259, 263—265.

1 *Больше всего прилежания — к языкам ... ключ к знаниям.*— Лунин из Акатуя не только интересовался занятиями М. С. Волконского английским и латинским языками, но предлагал и свои методы их изучения. См. наст. изд., с. 252, 255, 257—259, 263—265.

2 *Ломоносов, Фонвизин, М. Н. Муравьев.*— Среди образцовых русских авторов (для «первого этапа» знакомства с языком) Лунин наряду с Ломоносовым и Фонвизиным называет Михаила Никитича Муравьева (1757—1807), своего дядю и друга, отца декабристов Никиты и Александра Муравьевых; о внимании этого литератора и видного общественного деятеля к своему племяннику см. *Эйдельман*, С. 12—21.

3 Среди французских авторов, рекомендуемых Луниным для «1-го этапа» — *Беркен* (псевд. Арно; 1750—1791), автор идиллий и романов, прославившийся главным образом шеститомным изданием «L'Ami des enfants» («Друг детей», 1784 г.); *Ж. Буйи* (1763—1842), драматург и детский писатель, автор книг «Les contes à ma fille» («Сказки для моей дочери», 1809 г.), «Conseils à ma fille» («Советы моей дочери», 1814 г.), «Les adieux du vieux conteur» («Прощание старого сказочника», 1835 г.) и др.; *М-м де Жанлис* (1746—1830), автор сентиментальных романов и нескольких десятков детских книг. Ламенне Ф.-Р. (1782—1854), франц. философ и публицист, представитель «христианского социализма».

4 Английские авторы: *Мария Эджуорт* (1767—1849), ирландская романистка, много занимавшаяся детским и женским образованием, автор дидактических рассказов для детей; *Мартин Паркер* (ок. 1600—1656), автор популярных стихов, широко распространившихся среди населения Англии; *Энн Тейлор* (1782—1866) и ее сестра *Джейн* (1783—1824) — детские писательницы, авторы популярных сборников стихов для детей, например «Rhymes for the Nursery» («Стихи для детской»); *Ричмел Мэнгнолл* (1769—1820), писательница, на сочинениях которой воспитывались английские дети начала XIX в., особенно известна ее книга «Mangnall's Questions» («Вопросы Мэнгнолл»). Грамматики Черчиля (*Churchill T. O.* A new grammar of the English language...) и Меррея (*Murray L.* Abridgement of Murray's English grammar); «Критический и объяснительный словарь английского произношения» Дж. Уокера («A critical pronouncing dictionary and expositor of the English language... John Walker») были в урикской библиотеке Лунина.

5 *Гимнастические упражнения... вкус к этому искусству.*— О необходимости физических занятий для М. С. Волконского Лунин несколько раз писал из Акатуя. см. наст. изд., с. 255, 259.

6 *Русские ... Курбский.*— Лунин, как видно, затруднялся в подборе лучших, по его мнению, русских авторов. Любопытно, что, зачеркнув имя Крылова, он внес в

список памфлет кн. А. М. Курбского (1528—1583) «О великом князе Московском», изданный впервые в 1833 г. под заглавием «Сказание князя Курбского»; в то же время ни в этом, ни в других разделах нет имени Карамзина, которого декабрист, очевидно, не хотел рекомендовать из-за существенной разницы воззрений. Из других рекомендуемых авторов — *Кантемир* Антиох Дмитриевич (1709—1744), кн., поэт-сатирик.

7 *Французские: Мад⟨ам⟩ Севинье, Гамильтон.*— Маркиза де Севинье (1626—1696), известная своими «Письмами к дочери» («Lettres de M-me de Sévigné à M-me la comtesse de Grignan, sa fille»). *Граф А. Гамильтон* (1646—1720), ирландец, писавший по-французски, автор сказок и других сочинений в духе «1001 ночи».

8 *Английские: Лорд Честерфилд, Брум, Локк (в отрывках)* — *Ф. Честерфилд* (1694—1773), автор известных «Писем к сыну» («Letters to his son»); Г. Брум (1778—1868), государственный деятель, лорд-канцлер, писатель; Лунин вероятно имеет в виду его труд «Удовольствия и выгоды от наук» (1832) («The pleasures and advantages of sciences»). Не разделяя материалистических воззрений знаменитого философа и писателя *Д. Локка* (1632—1704), Лунин тем не менее рекомендует его «в отрывках».

9 *Историки* — наиболее крупными представителями английской исторической школы XVIII — начала XIX в. были Д. Юм, Э. Гиббон, У. Робертсон и др.

10 *Корнелий Непот, Саллюстий... комментарии к Цезарю.*— Лунин рекомендует сочинения древнеримских историков и писателей — *Корнелия Непота* (ок. 100 — ок. 32 гг. до н. э.), автора «Хроники», «Примеров» и сборника биографий, экземпляр которого, находившийся в библиотеке Лунина, озаглавлен «De vita excellentium imperatorum» («О знаменитых полководцах); *Гая Саллюстия* (86 — ок. 35 гг. до н. э.), автора «Истории», «О заговоре Катилины» и др. сочинений; «*Комментарии к Цезарю*» — имеются в виду «Записки о гражданской войне» и «Записки о галльской войне» самого Цезаря.

11 *Русские* — Лунин, по-видимому, затруднялся в перечне лучших современных авторов или не считал возможным их перечислять ввиду богатства выбора.

12 *Французские... Ж. Ж. Руссо полностью.*— Лунин настороженно относится к материалистическим идеям французского просвещения (см. также примеч. 8 о Д. Локке) и очевидно разделяет декабристский взгляд на Вольтера и Руссо как на мыслителей «устаревших», не способных ответить на коренные вопросы нового времени.

13 *Немецкие. Классики ... опровергнуть их системы.*— Скептический взгляд Лунина на ряд современных ему философских школ развернут в ЗК, см. наст. изд., с. 198—199.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ. № 4

(с. 151—161)

Полностью печатается впервые по автографу на французском языке, сохранившемуся в «Деле» III отделения (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 61), и в современном переводе. «Etudes historiques» поместились на шести листах (12 страницах) большого формата; половину каждого листа составляют поля.

Начальник III отделения Л. В. Дубельт, чьею рукою на первом листе рукописи выставлена цифра «5», в докладной записке, представленной Николаю I в мае 1841 г., среди «примечательных бумаг», отобранных у Лунина, назвал «его же руки историческое сочинение о древней Греции с описанием гонений, понесенных великими ее мужьями за любовь к отечеству» (*Штрайх*, I, с. 107). Таким образом, жандармский генерал уловил основную мысль лунинского сочинения, конечно, обращенного декабристом к современным проблемам.

Отрывок (финал) «Исторических этюдов» был опубликован в русском переводе, в приложениях к первой публикации «Розыска исторического» (см. *Штрайх*, I, с. 139—140).

Лунинские «Этюды» возможно являются только частью его исторических заметок (свидетельством тому выставленный автором возле заглавия «№ 4»); по своему типу они близки к «Розыску историческому», историческим наброскам в ЗК; наконец, перекликаются с античными мотивами «Писем из Сибири».

Примерная датировка «Исторических этюдов» — 1840—1841 гг.: в списке предполагаемых тем для «разработки», составленном Луниным (ЗК; см. наст. изд., с. 211), значится «История Греции». О распространении этого сочинения ничего не известно, вероятно, Лунин не успел этого сделать.

В «Этюдах» имеется ряд ссылок на древних авторов; известная их часть была представлена в сибирской библиотеке Лунина. Сверх того, Лунин мог заимствовать древние тексты из различных трудов позднейших исследователей.

Список сочинений древних авторов, на которые ссылается Лунин

(В скобках указаны названия книг, находившихся в сибирской библиотеке Лунина и их порядковый номер в описи, составленной после второго ареста декабриста в 1841 г. см. *Манассеин*, 104—106.)

Геродот. История (№ 48 «Herodoti Historiarum libri», 1 кн.; а также № 66 «Herodoti Historiarum», 5 кн.).

Демосфен.— Речи, Речь против Лептина.

Диоген Лаэртский — Жизнеописания философов (В последнем русском издании: «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». М., 1979).

Диодор Сицилийский — Историческая библиотека.

Корнелий Непот — «О знаменитых полководцах» (Жизнеописание Кимона) (№ 92. Cornelius Nepos. «De vita excellentium imperatorum»).

Ксенофонт — Анабасис.

Его же — Анналы (так Лунин называет «Греческую историю»).

Лисий — Речи (Речь в защиту имущества Аристофана).

Пиндар — Пифийские оды.

Плутарх — Сравнительные жизнеописания (Жизнеописание Фемистокла).

Страбон — География.

Фукидид — История.

Цицерон — Сочинения (№ 32. «Ciceronis opera omnia»).

Эсхил — Персы.

Юстин — Сокращение истории Помпея Трога.

1 *Солон... угрожала ярость противников (Герод. кн. 1, гл. 29.* Прокл... к Тимею).— События, связанные с реформами политического строя Афин, проведенными Солоном в 594—593 гг. до н. э. Помимо «Истории» Геродота Лунин ссылается на философское сочинение Прокла (412—485), представляющее собой комментарий к «Тимею» Платона.

2 *Писистрат ... Алкмеониды ... свое изгнание...*— События в период правления в Афинах тирана Писистрата (560—537 гг. до н. э. с перерывами) и борьба против тирании, возглавляемая Клисфеном из рода Алкмеонидов. Результатом борьбы были реформы Клисфена, утвердившие в 510 г. до н. э. Афинскую рабовладельческую демократию.

3 *Аристид находился в изгнании ... дав ему прозвище Справедливого...*— Политическая борьба в Афинах в период греко-персидских войн между «партиями» Аристида (ок. 540 — ок. 467 гг. до н. э.) и Фемистокла вынудила сначала Аристида (в 483 г. до н. э.), а затем Фемистокла (в 471 г. до н. э.) удалиться в изгнание.

4 *Фемистокл ... память этого мудрого политика...*— См. примеч. 3. Судьбу Фемистокла Лунин сопоставил со своею собственной в «Письмах из Сибири», см. наст. изд., с. 5.

5 *Кимон ... до своей смерти...*— Кимон (ок. 507—449 гг. до н. э.) — афинский государственный деятель, изгнанный в 461 и возвращенный в родной город в 451 г. до н. э.

6 *Алкивиад ... погиб ... по наущению людей, оставшихся неизвестными...*— В гибели Алкивиада (афинского политического деятеля и полководца) Лунин видел прообраз своей собственной судьбы, о чем писал в «Письмах из Сибири», см. наст. изд., с. 8.

7 *Фрасибул ... звание Восстановителя республики ...*— Фрасибул (конец V в.— 388 г. до н. э.) — афинский политический деятель и полководец, возглавивший борьбу за

свержение олигархии («тридцати тиранов») и утверждение демократии в Афинах в 404 г. до н. э.

8 *Конон ... создать новый флот ...* — Конон (ок. сер. V в.— после 387 г. до н. э.) — афинский военачальник. После поражения при Эгоспотамах (405 г. до н. э.) добровольно ушел в изгнание; созданный им новый флот разбил спартанцев в 394—392 г. до н. э.

9 *Ксенофонт ... в битве при Мантинее (Грилл и Диодор).*— Ксенофонт (ок. 430—354 гг. до н. э.) — афинский политический деятель, историк. В битве при Мантинее (июнь 362 г. до н. э.) войска фиванского союза во главе с Эпаминондом разбили объединенную армию Афин и Спарты. *Грилл* — имя старшего сына Ксенофонта, о котором идет речь у Диодора.

10 *В изгнании же написал свою историю и Фукидид...*— Во время 20-летнего изгнания из Афин Фукидид (ок. 460—400 гг. до н. э.) проделал большую работу над своей «Историей», которую задумал еще на родине, писал же, по-видимому, до самой кончины.

ЗАМЕТКИ О МЕМУАРАХ

(с. 162)

Публикуется впервые по автографу на французском и латинском языках — ПД, ф. 368, он. 1, № 1. По пагинации Лунина — с. 67 (первая запись до фразы по-латыни включительно) и с. 108 (последняя запись). После этих записей на сохранившихся листах той же тетради (с. 127—133) находится лунинский «План начальных занятий, разделенный на 3 этапа с 8-летнего возраста до 14 лет». См. наст. изд., с. 147—150.

Примыкая по своему характеру к ЗК, запись о сожжении Дневника и Записок является важнейшим авторским свидетельством о подобных замыслах.

Сожжение записок и дневника в два приема (15 марта и 29 апреля 1838 г.) могло быть актом конспирации в связи с первыми поступившими к декабристу сведениями о недовольстве властей его письмами к сестре.

Ряд записей в ЗК (1836 и 1837 гг.), имеющих дневниковый характер, вероятно, являлись черновым, первоначальным пластом предполагаемого труда.

Сожжение записок и Дневника очевидно привело к тому, что более поздние записи дневникового характера в ЗК эпизодичны и немногочисленны.

Отказавшись от одних мемуарно-публицистических форм борьбы (Записки, Дневники), Лунин с 1838 г. сосредоточивается на «Письмах из Сибири» и других полулегальных и нелегальных сочинениях.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

(с. 163—219)

Впервые печатается полностью по автографу (на русском, французском, английском, латинском, греческом языках), сохранившемуся в «Деле» М. С. Лунина (ЦГАОР, ф. 109 III отделения, 1 эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 61). Тетрадь в 1/4 писчего листа, пронумерованная Луниным постранично (с. 1—154), содержит значительные пропуски. Очевидно самим декабристом изъяты следующие страницы: 33—38, 47—50, 77—80, 85—88. Этим объясняется незаконченность и отрывочность некоторых текстов. На с. 96—149 и 151—153, разлинованных Луниным, нет ни единой записи. ЗК заполнялась в 1836—1840 гг.: наиболее ранняя датированная запись — «1836. Зима. Декабрь. 1»; ей предшествует ряд недатированных текстов. Наиболее поздняя дата, встречающаяся в ЗК — «1840. Октябрь 10».

Впервые фрагментарно, в переводе на русский язык иноязычных текстов, ЗК опубликована в 1923 г. (Штрайх, I, с. 11—28).

О месте и значении ЗК в сибирском творчестве Лунина см. наст. изд., с. 332—334.

Список сочинений, на которые ссылается Лунин в ЗК

Сокращенное наименование (в скобках — иностранное)	*Полное наименование*
Анн. (Ann.)	Тацит. Анналы
Апок. (Apoc.)	Апокалипсис (Откровение) Иоанна Богослова
Быт. (Gen.)	Книга Бытия.
Гал. (Gal.)	Послание к галатам ап. Павла
Деян. Ап. (Acta Ap.)	Деяния апостолов.
Евр. (Heb.)	Послание к евреям ап. Павла
Еф. (Eph.)	Послание к ефесянам ап. Павла.
Иак. (Jac.)	Соборное послание ап. Иакова.
Иоан. (Ep. Joan.)	Соборное послание ап. Иоанна Богослова.
От Иоан. (Joan.)	Евангелие от Иоанна.
Иов (Job.)	Книга Иова.
Исп. (Conf.)	Бл. Августин. Исповедь.
Кол. (Col.)	Послание колоссянам ап. Павла.
Кор. (Cor.)	Послание коринфянам ап. Павла
Мак. (Mach.)	Маккавеи (книга Ветхого Завета, не вошедшая в канонический текст).
От Лук. (Luc.)	Евангелие от Луки.
От Матф. (Matt.)	Евангелие от Матфея.
Плиний (Ep. Plinii)	Письма Плиния Младшего.
Притчи (Prov.)	Книга притчей Соломоновых.
Рим. (Rom.)	Послание к римлянам ап. Павла.
Серап. (Ep. ad Serap.)	Послание к Серапиону.
Тим. (Tim.)	Послание к Тимофею ап. Павла.
Тит. (Tit.)	Послание к Титу ап. Павла.
Фесс. (Fes.)	Послание к фессалоникийцам ап. Павла.
Фил. (Phill.)	Послание к филиппийцам ап. Павла.

1 *Символ веры. Ник⟨ейский⟩, Конст⟨антинопольский соборы⟩* — На Вселенских соборах в Никее (325 г.) и Константинополе (381 г.) в борьбе с «арианской ересью» был выработан «*Символ веры*» — краткое изложение обязательных христианских догматов.

2 *Установление рыцарства... Лингард.*— «Историю Англии» Лингарда Лунин цитирует в «Розыске историческом». См. наст. изд., с. 65.

3 *26/14 дек⟨абря⟩ — всего лишь досадное столкновение.*— Свои взгляды на события 14 декабря Лунин подробно изложил во «Взгляде на русское Тайное общество», «Разборе» и других сочинениях.

4 *Жертвоприношение ... кончается смертию.*— Лунин подвергает философскому и богословскому исследованию вопрос о жертве, являющийся во всех религиях символом отношений между человеком и божеством.

5 *Если пшеничное зерно и т. д.*— В Ев. от Иоан. (XII. 24): «...если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а, если умрет, то принесет много плода».

6 *Европейские государства...*— Возможно, наброски к «Розыску историческому», где производилось сравнение исторического развития России и Европы.

7 *Греки и армяне... один монашеский орден.*— Символ веры католиков отличается от православной и грегорианской церквей одним словом filioque (и от сына). Западная церковь середины VII в. толковала об исхождении св. духа не только от бога-отца, но и «от сына», что не было принято Византией и Арменией. Эта разница в догматах послужила одним из главных оснований для разделения церквей. Лунин в ЗК противопоставляет католический обряд — другим: три литургии у восточных церквей — преждеосвященных даров, Иоанна Златоуста, Василия Великого; католическая литургия значительно короче, ее текст — в кн. Missale Romanum, находившейся в сибирской библиотеке Лунина.

Характерная особенность католической церкви — многочисленные монашеские ордена.

8 *...по сравнительному богослужению лютеранов, кальвинистов, сосинийцев...*— Лунин с католических позиций критикует более простые и аскетические обряды протестантов: храм, обряд у кальвинистов больше отличается от католического, чем у лютеран; сосинийцы (социниане) — последователи религиозного учения Л. Социна (1525—1562) и Ф. Социна (1533—1604) — отвергали догмат о троице, считали Христа не богом, а человеком, требовали веротерпимости. Представляя рационалистическое направление реформации, они придавали внешней обрядности сравнительно малое значение.

9 *Плиний Младший ... императору Траяну... Ep. Plinii. lib. X. 97* — Лунин сопровождает переписку древнеримского ученого Плиния Младшего (ок. 61—114) с римским императором Траяном (правил в 98—117) отсылками к текстам Нового Завета.

10 *В русском переводе ... а защищение себя.*— см. Деяния ап. XXIV, 10.

11 *Haller* — К.— Л. Халлер (Галлер) (1768—1854), швейцарский государственный деятель и ученый; после перехода в католицизм (1821) лишился кафедры в Бернском университете, сделался одним из теоретиков консервативного католицизма. Его книга «Lettres de m. Charles Louis de Haller...» (Письма К.— Л. Галлера) была в урикской библиотеке Лунина.

12 Далее следует франц. текст письма к Е. С. Уваровой. Перевод см. наст. изд., с. 9.

13 *Только среди католичек ... прообраз мадонны.*— Лунин писал о сыне М. Н. Волконской как о мальчике «красоты Рафаэльской». наст. изд., с. 9.

14 *Католическая истина... Св. Писания.*— См. примеч. 7.

15 *...следующих соборов ... в 1274 году.*— Лунин перечисляет ряд поместных соборов: в Толедо (Toletantis) происходил ряд национальных собраний Вестготского королевства, обсуждавших в VI—VIII вв. церковные и светские дела. Имеется в виду решение относительно символа веры I, III, IV, VIII, IX, XII и XIII Толедских соборов. Кроме того, упоминаются поместные соборы в Аахене (Aquisgranensis) — 809 г.; в Бари (Bariensis) — 1098 г.; Латеранский — 1215 г.; II Лионский — 1274 г.

16 *Florentini* в 1439 году.— На Флорентийском (Ферраро-Флорентийском) соборе была подписана флорентийская уния между католической и православной церквями (июль 1439): в условиях наступления турок и приближающейся гибели Византия признала главенство папы и католический символ веры. На соборе унию не подписал лишь Марк, епископ Эфесский. В дальнейшем уния была отвергнута православной церковью.

17 *Эфесский, Халкидонский, Константинопольский 2, 3 и 4...*— Подразумеваются обсуждения символа веры на вселенских соборах — Эфесском (431), Халкидонском (451), II, III и IV Константинопольских (553, 680, 869—870).

18 *К этому надо присовокупить ... авторитет равномерно признается отпадшими греками.*— Здесь и на предыдущих страницах Лунин ссылается на авторитет отцов церкви, писавших задолго до раскола христианства на католическое и православное: Афанасия (298—373), архиепископа александрийского, автора «Посланий к Серапиону» и «Речей против ариан»; Василия Великого (см. примеч. 66 и 67), автора книг «Против Евномия»; Епифания (ок. 315—403), епископа кипрского, автора «Панариона», яростно обличавшего еретиков. Возможно Лунин ссылается именно на это сочинение, обозначая его сокращенно — Haer. (Ерет.); Григория Никейского (Нисского) (ум. 394), автора книг «Против Евномия»; Кирилла Александрийского (ум. 444), архиепископа, автора послания «К Несторию» и сочинения «Защита христианства», направленного против восточных ересиархов; Максима «Исповедника» (582—662), автора трактата «О светоче пророке Захарии»; Иоанна Дамаскина (у Лунина — Дамаский) (ок. 675—753), автора «Точного изложения веры»; Августина (354—430), папы Льва I Великого (понтификат 440—461), папы Григория I Великого (понтификат 590—604).

19 *Восточная церковь ... является орудием политической власти.*— Лунин неоднократно писал о зависимости православного духовенства от самодержавия и находил здесь один из доводов в пользу католичества.

20 *Безумная, преступная суетность моей юности!* — Лунин вспоминает о своей любви к Наталье Потоцкой, см. наст. изд., с. 9, 245.

21 *Бродит вокруг аки лев рыкающий.*— О чувстве Лунина к М. Н. Волконской см. наст. изд., с. 378.

22 *Размышления... о⟨тца⟩ Лами*, ораторианца. *1678.*— Лами Бернар — (1640—

1715) — один из видных деятелей духовной конгрегации ораторианцев, французский философ и ученый.

23 *Остаюсь, дорогой сэр ... Ми⟨хаил⟩ Л⟨унин⟩.*— Возможно, начало английского письма к Мише Волконскому, которого Лунин обучал иностранным языкам.

24 *Дух прозелитизма ... от сомнений...*— Подразумевается обращение (прозелитизм) представителей других вероисповеданий в католичество. Лунин естественно говорит здесь и о самом себе.

25 *Ценой всех мук ... одну из этих душ.*— Лунин, вероятно, сожалеет о неверии или слабой вере многих его товарищей по изгнанию.

26 *Дорогая сестра ... преданный друг М⟨ихаил⟩.*— Родной сестре Лунин писал по-французски. Кому обращено письмо не ясно.

27 *Милостивая государыня ... Михаил Л⟨унин⟩.*— Обращение и концовка несохранившегося письма на английском языке неизвестному лицу.

28 *1840. Майя 4.* Г. исправнику...— Далее следует черновик письма, адресованного иркутскому исправнику Матвею Ивановичу Березовскому. См. наст. изд., с. 249—250.

29 *Переп⟨иска⟩ Лютера, Кальвина, Меланхтона.*— Лунин ссылается на неоднократно повторявшиеся мысли основоположников Реформации Лютера (1483—1546), Кальвина (1509—1564), Меланхтона (1497—1566) — о разных способах религиозного воздействия на образованных людей и простой народ.

30 *Несториане ... о едином лице.*— Лунин критикует с позиций ортодоксального католицизма учение несториан (основанное константинопольским епископом Несторием, ум. около 451),— утверждавшее, что Иисус — человек, который через наитие св. духа стал мессией (Христом). Евтихиане (монофизиты) — последователи константинопольского архимандрита Евтихия (V в.), защищавшего идею о единой божественной природе Христа. Лунин защищает как единственно верное — учение о Христе-богочеловеке.

31 *Протестанты ... в этом они еретики.*— Лунин критикует протестантское воззрение на причастие, более рационалистическое, нежели у католиков.

32 *Когда Великобритания ... конституционная монархия уже существовала.*— Англия перешла в протестантскую веру в XVI в.; основные формы сословно-представительной системы и конституционные элементы правления, утверждавшееся разделение трех властей (законодательной, исполнительной и судебной) — все это складывалось в течение долгой эпохи. Важнейшими этапами этого процесса была Великая хартия вольностей (1215), начало парламента (1265), однако Лунин явно недооценивает роль английской революции XVII в.

33 *Протестантская революция... потерпела поражение.*— Английская буржуазная революция привела к утверждению в Англии республики (1649), после которой последовала реставрация монархии (1660). Однако это отнюдь не означало поражения революции, ибо важнейшие ее завоевания сохранились.

34 *Одна лишь Голландия ... против Филиппа и австрийской династии.*— Лунин говорит о нидерландской революции (1565—1609), вспыхнувшей против господства Филиппа II Испанского, принадлежавшего к немецкой (австрийской) династии Габсбургов.

35 *Никакое благо ... из заблуждения.*— Стремясь связать католицизм с борьбой за свободу, Лунин допускает известные передержки: протестантское движение было идеологической формой прогрессивной борьбы нарождавшегося буржуазного мира.

36 *Это Мильтон.*— Лунин пристрастно критикует знаменитую поэму «Потерянный рай» английского классика Джона Мильтона (1608—1674). Колебания и противоречия Мильтона, замеченные декабристом, отражали сложные противоречия переходного времени между средневековьем и новым временем.

37 «*О несмысленные галаты!*» — см. Гал. III, 1.

38 *Платон ... кн. 8* — Лунин цитирует «Законы» Платона; 8 томов его сочинений (Platonis opera) находились в сибирской библиотеке декабриста.

39 «*Смешаем язык их*» — см. Быт., XI, 6, 7.

40 *Свобода печати... правда.*— В борьбе за свободу печати в России Лунин апеллирует к авторитету французского буржуазного историка А. Тьера (1797—1877).

41 *Те, кто переводил Гомера ... занимает в предании.*— Предание, особо защищаемый католический догмат (против распространенных среди протестантов принципов

исключительного авторитета писания). Предание постоянно осмыслялось Луниным как духовный, исторический прецедент последующего развития.

42 *Человек, повидавший города ... (Одиссея), нач⟨ало⟩.*— Прозаическое переложение начала поэмы Гомера. «Одиссея» начинается со слов:

> Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
> Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
> Многих людей города посетил и обычаи видел...
>
> *(Перевод В. Жуковского).*

43 Лунин делает сноски на книги: Тацит. «Жизнь Юлия Агриколы» и «Историю Англии» Лингарда см. примеч., 2, 45, 46.

44 *Добрый монах ... видимость законности.*— Излагая по летописям и «Истории ...» Карамзина внешнюю канву так называемого призвания варягов, Лунин восстает против «басни о добровольном подчинении» и тем самым решительно расходится с позицией Карамзина, видевшего в событиях 862 г. «начало благодетельного монархического правления». Критический взгляд на «варяжскую теорию», мнение о том, что вторжение иноземцев в IX в. было гибельным для свободы, находится в русле декабристской традиции (Н. М. Муравьев, М. Ф. Орлов). См. также «Розыск исторический» (наст. изд., с. 63) и примеч. 2, 4 к нему.

45 *78 г. н. э. ... Тац⟨ит⟩.*— Лунин кратко излагает содержание 18—24-й глав сочинения Тацита «Жизнь Юлия Агриколы», посвященного описанию разумной политики римского наместника в Британии. Возможно, Лунин собирался противопоставить принципы Агриколы системе российского управления XIX в.

46 *История ... Линг⟨ард⟩. 68.*— Лунин здесь, как и в других своих работах, цитирует 14-томную «Историю Англии» Лингарда, которая была у него в библиотеке.

47 *Линг⟨ард⟩, IX. 383* — см. выше примеч. 2, 46.

48 *Р⟨усские летописи⟩ ... Васили⟨й⟩.*— Нестор-летописец, создатель первой редакции «Повести временных лет» (ок. 1113), трудился в Киево-Печерском монастыре с 70-х годов XI столетия; Василий — автор летописного рассказа об ослеплении князя Василька (1097).

49 *В 1110 году: Сильвестр ... близ Киева.*— Игумен Михайловского Выдубецкого монастыря в Киеве Сильвестр был составителем второй редакции «Повести временных лет»: после неоконченной летописной статьи 1110 г. в «Лаврентьевской летописи» следует запись 1116 г. об авторстве Сильвестра.

50 *Имена неизвестны.*— Имена ряда летописцев сохранились.

51 *Степенная книга, при Иване Гр⟨озном⟩.*— Памятник русской исторической литературы, составленный в 1563 г., по инициативе митрополита Макария будущим митрополитом Афанасием (в то время царским духовником Андреем).

52 *Летопись Никоновская* — русский летописный свод XVI в.

53 *Синопсис ... Гизеля.*— Первая русская учебная книга по истории, составленная в Киеве в 1647 г. вероятно Иннокентием Гизелем. До середины XIX в. выдержала около тридцати изданий.

54 *Начинается критика ... Эверс ...*— Перечисляются ученые, изучавшие русскую историю в XVIII — начале XIX столетия: Г. З. Байер (1694—1738), Ф. А. Эмин (1735—1770), М. М. Щербатов (1733—1790), М. В. Ломоносов (1711—1765) и И. Н. Болтин (1735—1792), А. Шлецер (1735—1809), Г. Ф. Миллер (1705—1783), И. Эверс (1781—1830).

55 *Том 12, 396.*— Ссылка на «Историю Англии» Лингарда. См. примеч. 46.

56 *Возможны обстоятельства (как при Генрихе VI) ... на пользу последней.*— Лунин сравнивает различные перипетии войны Алой и Белой розы, начавшейся при короле Генрихе VI (1422—1461), чтобы представить «выгодность» для России движения декабристов.

57 *Первые невольничьи корабли ... 1567 г.*— Сведения о продаже рабов английскими колонизаторами Лунин извлек из «Истории...» Лингарда.

58 *Подделка денег ... государями.*— «Порча монеты», характерное явление в политике абсолютизма XV—XVIII в.

59 Далее следует подготовительный текст к «Розыску историческому», см. наст. изд., с. 62—66.

[60] *Наконец четвертое нашествие ...в Европе.*— В 1066 г. Англия была захвачена войсками герцога нормандского Вильгельма Завоевателя.

[61] *18 июля 1839 г. Письмо к исп⟨равнику⟩...— плохие последствия.*— Лунин неоднократно обращался к иркутскому исправнику М. И. Березовскому. См. наст. изд. с. 232. Письмо не сохранилось, содержание его неясно. В.— вероятно, Василич, слуга Лунина, или Волконские.

[62] *Темы для разработки... полит⟨ический⟩ экклезиаст...*— Важнейший документ плана наступательных действий Лунина, составленный (по положению в ЗК) между 18 июля и 16 октября 1839 г., скорее всего после возобновления переписки, 15 сентября. См. наст. изд., с. 361. План был в значительной степени реализован: «*в защиту ссыльных поляков*» — см. письмо № 4 («Поляки») второй серии «Писем из Сибири» и статью «Взгляд на польские дела»; «*в защиту писем*» — это письмо к Бенкендорфу, вступление ко второй серии «Писем из Сибири»; «*освобождение крестьян*», «*гласность*» — темы «Писем из Сибири» и других сочинений Лунина. «*Движение правительства с 1826 г.*» — это статья «Общественное движение в России в нынешнее царствование». Под «*политическим экклезиастом*» Лунин имел в виду, очевидно, собственную роль критика окружающего его «суетного мира», с позиций высшей мудрости. «*История Греции*» — «Исторические этюды». См. наст. изд., с. 20—23, 117—124, 137—146, 156—161.

[63] *О замысле цареубийства, приписываемом тай⟨ному⟩ общ⟨еству⟩.*— Стремление властей обвинить декабристов в планах цареубийства, при умолчании об их истинных целях, оспорено Луниным в его «Разборе...» Этот тезис, как и два последующие, примыкают к «темам для разработки.— См. наст. изд., с. 211.

[64] *...извлечь из Лингарда.*— Возможно, планы продолжения работы, связанной с «Розыском историческим».

[65] *Варка потерялся... Слава богу, его нашли.*— Любимая собака Лунина, о которой он писал в «Письмах из Сибири» и постоянно справлялся из Акатуя.

[66] *Св. Василий ... скончался в 379 году.*— Василий Великий (ок. 330—379), с 370 г. епископ Кессарийский (Цезарейский), автор многих богословских трудов, проповедник аскетизма, основатель ряда монастырей, противник арианства. Конфликт Василия с императором Валентом (Валенсом) (364—378) произошел в 372 г.: Василий отлучил от церкви ряд вельмож-ариан, император угрожал, но не решился с ним расправиться.

[67] *Литургией св. Василия ... копты Египта и Абиссинии и др.*— Василий Великий подверг пересмотру и сокращению древнюю «литургию апостола Иакова». Позже литургия Василия Великого подверглась новым переработкам, особенно на Западе; у греков, коптов, в Эфиопии и других ответвлениях восточной церкви литургия Василия Великого сохранилась, измененная в духе местных особенностей.

[68] *Немного картечи ... предотвратили бы потоки крови, пролитые топором террористов.*— Декабристы часто рассматривали якобинский террор как одно из проявлений тирании и самовластия (этот мотив в стихотворении Пушкина «Кинжал» и др.).

[69] *Выдающиеся люди... в сибирской ссылке... ничтожества во главе событий.*— Здесь и далее Лунин набрасывает мысли для своей работы «Общественное движение в России...»

[70] *...идиотическая простота ... перенесение праха ... Багратиона и т. д.*— В 1839 г. прах Багратиона, похороненный во Владимирской губернии, был торжественно перенесен на Бородинское поле. Эту и другие официальные церемонии Лунин критиковал в работе «Общественное движение в России...», наст. изд., с. 143.

[71] *В общем ... не было ... гражданских и политических предрассудков.*— Лунин говорит о высоком моральном статусе русского прогрессивного общества начала XIX в.

[72] *Можно говорить о заблуждениях и проступках ... апостолы веры.*— Лунин в «Письмах из Сибири», «Взгляде...», «Разборе...» постоянно обращается к проблеме исторической миссии декабристов.

[73] *Закон 840* — Источник, которым пользовался Лунин, не установлен.

[74] *Закон 840 относительно управляющих фабриками и т. д. и т. д.*— см. примеч. 73.

[75] *Новая серия ... Отказ писать более.*— Оглавление второй серии «Писем из Сибири». Лунин в январе 1840 г. демонстративно отказывается от переписки с сестрой под контролем III отделения. См. наст. изд., с. 27.

[76] Лунин свободно излагает важные для него мысли из II посл. к кор. (II. 4).
[77] *1840 ... сенокос.*— Хозяйственные записи Лунина, одни из последних в ЗК.

ПИСЬМА

(с. 220—265)

В настоящем издании, помимо «Писем», объединенных в циклы, печатаются все выявленные до сих пор письма М. С. Лунина и приписки декабриста к письмам других лиц.

Письма до 1826 г. характеризуют молодого Лунина главным образом в период декабристских тайных обществ. Среди писем 1826—1841 гг. особое место занимают девять сохранившихся писем к сестре, не вошедших ни в одну из редакций «Писем из Сибири». Семь писем написаны рукою Лунина, два — рукою М. Н. Волконской по указанию или под его диктовку. Письма многообразно связаны с первым лунинским «наступательным» сочинением: обращены к тому же адресату, Е. С. Уваровой, содержат ряд образов и мотивов, усиленных или развернутых в основном корпусе «Писем». Исключительный интерес представляют три конспиративных послания к сестре (от 15 сентября, 13/1 декабря 1839 г. и 28/16 января 1840 г.), где с предельной откровенностью выражен ряд важнейших политических идей и планов Лунина, относящихся ко всем его сибирским сочинениям.

Три записки декабриста к И. Д. Якушкину также освещают личность и деятельность Лунина в период создания его «Писем из Сибири». Эти записки (две — без даты) помещаются в комплексе (нарушая в единственном случае принятый при публикации писем хронологический принцип).

Особый массив составляют последние письма декабриста из его акатуйского заточения (1841—1845).

Большинство лунинских писем уже было опубликовано раньше, но несколько документов вводится в научный оборот впервые. Публикуемые письма несомненно — лишь незначительная часть обширной переписки декабриста. Еще 20 октября 1793 г. дед Лунина, Н. А. Муравьев, и дядя, М. Н. Муравьев, радовались «получением на нынешней почте первого письма от милого нашего Михаила Сергеевича» (ОПИ ГИМ ф. 241, № 35, л. 81). Лунину в ту пору не было еще и шести лет; однако вся его корреспонденция за детские и юношеские годы не обнаружена. Судя по косвенным сведениям, он переписывался с В. К. Кюхельбекером, Ф. Ф. Вадковским, С. П. Трубецким и другими декабристами. Не сохранилось почти никаких писем Лунина сестре (написанных им самим или М. Н. Волконской) за период Читинской и Петровской каторги. Даже в акатуйский период при почти полной невозможности общения с внешним миром маловероятным кажется отсутствие потаенных писем к сестре Е. С. Уваровой.

В настоящем издании не воспроизводятся лишь деловые письма, документы, расписки Лунина; такова переписка с его управляющим Е. Ф. Суслиным (см. *Греков*); в ПД сохранилось письмо Лунина Суслину от 2 октября 1823 г. при отправке лошади Санхо (ф. 187, № 83), ряд хозяйственных и служебных бумаг Лунина, в основном изъятых у него при аресте, сосредоточен ныне в ЦГИА (ф. 1409, оп. 1, № 1408-е; 1826 г.); см. также *Гессен*, *Коган*, с. 303; *Гессен С.* Новые материалы и исследования о декабристе Лунине.— Каторга и ссылка, 1928, № 7. В делопроизводственных бумагах сибирской администрации находится немалое число расписок Лунина при получении денег, посылок и т. п.

1. А. З. Муравьеву

(с. 220)

Печатается по подлиннику (ПД, ф. 605, архив А. З. Муравьева, из собрания РС, № 18). Дата устанавливается по упоминанию о встречах в Париже. Самое раннее из сохранившихся писем Лунина. Впервые опубликовано М. Муравьевым в статье «Декабрист Артамон Захарович Муравьев» (сб. «Тайные общества в России в начале XIX столетия». М., 1926, с. 106). Оригинальность, неповторимость лунинского эпистолярного стиля, проявившаяся уже в этом раннем послании, была быстро замечена и оце-

нена читателями печатной публикации. Ю. Н. Тынянов год спустя, в 1927 г., поместил во введении к своему новому роману «Смерть Вазир-Мухтара» известные строки: «Что такое тайное общество? Мы ходили в Париже к девчонкам, здесь пойдем на Медведя»,— так говорил декабрист Лунин.

Он не был легкомыслен, он дразнил потом Николая из Сибири письмами и проектами, написанными издевательски ясным почерком; тростью он дразнил медведя — он был легок».

1 *Артамон* (Артемон) Захарович Муравьев (1794—1846) — участник Отечественной войны и заграничных походов, троюродный брат Лунина, будущий член Союза благоденствия и Южного общества, осужденный по I разряду и разделявший с Луниным восточносибирскую каторгу и ссылку.

2 *... судьба соединила нас в Париже...*— После взятия Парижа и завершения кампании против Наполеона (31 марта 1814 г.) гвардейские полки в июне 1814 г. возвратились в Россию.

3 *В ... Тамбовской губернии.*— У Луниных там были имения: с. Сергиевское, с. Никольское Кирсановского уезда и др. Лунин был в отпуске, А. З. Муравьев — в служебной командировке (см. Муравьев М. Декабрист Артамон Захарович Муравьев, с. 106). Губерния была «опустелой, дикой» вследствие жертв и тягот, связанных с войною 1812—1814 гг.

2. А. З. Муравьеву

(с. 220)

Печатается впервые: по франц. подлиннику — ПД, ф. 605 (архив А. З. Муравьева), № 57. Письмо не датировано. Предположительно относится ко времени второго пребывания Лунина в Париже (между октябрем 1816 г. и маем 1817 г.). А. Муравьев в эту пору был прикомандирован к оккупационному корпусу кн. М. С. Воронцова. К этому периоду относится особое увлечение А. З. Муравьева медициной. Посещение лекций и клиник, знакомство с видными французскими медиками предоставляло Муравьеву возможность оказывать окружающим постоянную медицинскую помощь, о чем и говорится в письме. Содержание письма до конца не ясно, а лицо, в нем упомянутое, неизвестно. Лунин с А. Муравьевым были на «ты» (см. письмо № 1), поэтому французское «vous» («вы») здесь переводится русским «ты».

3. Ипполиту Оже

(с. 221)

Печатается впервые по французскому тексту Воспоминаний Оже, сохранившемуся в Остафьевском архиве П. А. Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5486). Текст письма на лл. 123 об.—124. Впервые опубликовано в русском переводе П. И. Бартеневым (РА, 1877, № 5, с. 59) в составе воспоминаний Оже. 10 сентября 1816 г. на корабле «Fidélité» («Верность») Лунин вместе с приятелем — французом Ипполитом Оже покинул Россию. В октябре они уже были в Париже. Письмо относится ко времени, когда, лишившись общества Оже, отправившегося к родным, Лунин остался в Париже в крайне бедственном положении (см. РА, 1877, № 5; *Эйдельман*, с. 34—53).

1 *Я все еще в постели.*— Болезнь Лунина усугубилась, очевидно, последствиями ранения, полученного на дуэли зимой 1815—1816 гг. (*Эйдельман*, с. 35).

2 *Я со своей стороны... Всякий труд почтенен... пользу обществу.*— В Париже Лунин не гнушался никакими занятиями — писал прошения, сочинял письма, поздравительные стихи, давал уроки французского и английского языков, математики и музыки (Из дневника С. Ф. Уварова, наст. изд., с. 291, *Эйдельман*, с. 50—53).

3 В воспоминаниях Оже к этому месту сделано примечание, не попавшее в печатный текст РА: «В то время, как русские армии еще оккупировали Францию, блестящий, умный кавалергардский полковник цитирует Эпаминонда и Цинцинната, толкуя о труде в ремесленной лавочке на пользу отечеству» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5486, л. 124, подл. на франц. яз.). *Эпаминонд* (ок. 418—362 до н. э.), фиванский полко-

водец, одержал знаменитые победы над спартанцами при Левктрах и Мантинее. *Цинциннат* — римский патриций, консул 460 г., диктатор 458 и 439 гг. до н. э. Образец скромности, умеренности и верности гражданскому долгу.

4—8. Н. М. Муравьев — Е. Ф. Муравьевой, с приписками М. С. Лунина

(с. 222—227)

Публикуемые пять писем написаны декабристом Никитой Михайловичем Муравьевым и его двоюродным братом Луниным Екатерине Федоровне Муравьевой, матери Н. М. Муравьева. Весной 1819 г. Е. Ф. Муравьева, значительно увеличившая свои обширные владения после смерти отца, сенатора Ф. М. Колокольцова, обратилась со всеподданнейшей просьбой о предоставлении отпуска ее сыну «не только для поправления здоровья, но и для объезда ее имений» (см. *Дружинин*, с. 96). В большом путешествии на юг (лето — осень 1820 г.) Н. М. Муравьева сопровождал Лунин. Первое из писем Муравьева и Лунина во время южной поездки датировано 5 августа 1820 г. и отослано из Луги, последнее — 13 октября, из Одессы. Из девяти сохранившихся писем Н. Муравьева к его матери, написанных летом-осенью 1820 г., пять имеют приписки М. С. Лунина и приводятся в наст. изд. полностью. Эти письма дают представление о некоторых важных моментах биографии Лунина в сравнительно малоизвестный период его жизни, в частности, о круге его чтения и общения. Хозяйственные цели путешествия и беспечный тон писем отражают лишь внешнюю, «легальную» сторону этой поездки, во время которой Муравьев и Лунин посетили Тульчин, виделись с Пестелем и вели важные конспиративные переговоры (см. *Дружинин*, с. 92—93; *Воспоминания и рассказы*, 1, с. 157—158).

4. 5 августа

(с. 222)

Публикуется впервые по подлиннику — ОПИ ГИМ, ф. 282 (коллекция Музея Революции), ед. хр. 285. Письмо Муравьева — по-русски, приписка Лунина — по-французски.

1 *...великолепную Луку.*— Муравьев и Лунин называли Лукой Лугу.

2 *...Бороздина с женою...*— сенатор Бороздин Андрей Михайлович (1765—1838), женатый на Софье Львовне Давыдовой, сестре декабриста В. Л. Давыдова, сводной сестре генерала Н. Н. Раевского.

3 *...обнимаю брата, Сережу, мое почтение Александре Николаевне, мой поклон Александру Акимовичу.*— Брат Н. Муравьева — Александр Михайлович (1802—1853), позже член Тайного общества, разделивший каторгу и ссылку с Н. Муравьевым и Луниным. Сережа — возможно, Сергей Иванович Муравьев-Апостол, Александра Николаевна — Батюшкова, сестра поэта К. Н. Батюшкова и родственница Муравьевых. Александр Акимович — лицо невыясненное.

5. 16 августа

(с. 223)

Печатается по подлиннику ПД, р. 1, он. 17, № 473.

1 *...майора, о котором столько говорили...*— о каком лице идет речь, установить не удалось.

2 *...княгиню Кутузову...*— личность не установлена.

3 *... парк Софьювка* — парк Софиевка, принадлежавший графу Потоцкому и названный в честь его жены — Софии Потоцкой.

4 *...Алекс⟨андре⟩ Никол⟨аевне⟩* — см. примеч. 3 к письму 4.

5 *Веселость наш верный друг.*— Беззаботный тон лунинских строк маскирует серьезные политические беседы, которые он и Н. Муравьев вели в Тульчине с Пестелем и его кругом. Позже Лунин не раз обращался в своих сочинениях и письмах к деятельности Пестеля, см. наст. изд., с. 25—26, 71—72.

6. 4 сентября
(с. 224)

Публикуется впервые по подлиннику — ОПИ ГИМ, ф. 282, ед. хр. 285.

[1] *...все вещи наши отыскались...*— В письме от 9 августа 1820 г. из Витебска (см. «*Воспоминания и рассказы*», 1, с. 143—144). Н. Муравьев сообщал о вещах, украденных в Витебске: «М. С. потерял все свои платья — и все белье — я потерял один фрак только ... Наш грабитель добрался до книг и, увидя их, остановился, полагая, конечно, что и внизу все книги. Это показывает, что просвещение здесь еще не распространилось — и что книжная торговля не в цветущем состоянии. Посылки Сережи уцелели ... Мне весьма досадно, что нащи вещи были отдельно расположены и что таким образом потеря нераздельно упала на М. С., у которого не осталось ни платья, ни белья. Войдя в дом содержателя Сеньковской станции, он увидел на стенах картины, коих сюжет взят из Илиады — и повторил тотчас слова Шатобриана — о Гомере — «Quel est donc cet homme que toute l'antiquité appelle à la chute des Empires — comme si rien ne pouvait être grand ni tragique sans la présence du chantre d'Hilion et d'Hector. Je dirais maintenant pour me servir de l'expression de ce général qui avait perdu la ville qu'il avait été chargé de defendre» («Каков же этот человек, к которому взывает вся античность в пору гибели государств, будто уж ничто великое и трагическое не может обойтись без этого песнопевца Трои и Гектора. Я скажу теперь, воспользуясь выражением полководца, сдавшего город, который было ему поручено защищать»).

[2] *Что же касается до последней книги г⟨осподин⟩а Шатобриана... он возвеличил развалины........ Рима!* — Н. Муравьев не раз возмущался ходульным фразерством Ф. Р. Шатобриана. В данном письме речь идет о его «Записках ... о жизни и смерти ... герцога Беррийского» («Mémoires ... touchant la vie et la mort de ... duc de Berry»), вышедших в Париже в 1820 г. О Риме — см. ч. I, кн. II, гл. V—VI.

[3] ... *несчастный Людовик ... любил Ла Вальер.*— О возлюбленной Людовика XIV Луизе Ла Вальер Шатобриан писал в «Записках...» (ч. II, кн. I, гл. X), см. примеч. 2.

Фраза, приведенная Н. Муравьевым, действительно странная. Имеется в виду приказание Людовика XVI засадить соснами скалы в период благоустройства Фонтенбло.

[4] *У Саши ... жизнь Агриколы...*— У брата Никиты Муравьева, Александра, было издание «Жизнеописания Юлия Агриколы» Тацита (написано в 97—98 гг.). В указ. выше «Записках...» (гл. V) также говорится об «Агриколе» Тацита.

[5] *Дюро де Каналь* — Dureau de Canalle, правильно Dureau de Lamalle. Н. М. Муравьев говорит о параллельном шеститомном издании Тацита на французском и латинском языках «Tacitus traduction nouvelle, avec le texte latin en regard; par Dureau de Lamalle. P., v. 1—6. 1817—1818. Этим изданием пользовался также А. С. Пушкин (Пушкин и его современники, СПб., вып. IX—X, 1910, с. 345—346). Об особом внимании и любви декабристов к Тациту см.: *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М. Л., 1958 (по указателю).

[6] *Кумлас* — личность не установлена.

[7] *Ланжерон* Александр Федорович (1763—1831), граф, главный начальник южных губерний России в 1815—1823 гг.

[8] *Толль* — возможно, генерал К. Ф. Толь, в это время начальник штаба 1-й армии.

[9] *Dessmette* — личность не установлена.

[10] ... *Владимир сыграл ему такую злую штуку...*— Личность не установлена. Неизвестно, о каком событии идет речь.

[11] *Дядюшка и тетушка* — Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1762—1851) отец трех сыновей-декабристов. Тетушка — Прасковья Васильевна (1780 — после 1847), вторая жена И. М. Муравьева-Апостола (урожд. Грушецкая).

[12] *Елена и Ипполит* — Ипполит Муравьев-Апостол (1806—1826), будущий декабрист, и его сестра Елена (в замужестве Капнист), дети И. М. Муравьева — брат и сестра декабристов Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов.

7. 10 октября

(с. 226)

Печатается по подлиннику ПД, р. 1, он. 17, № 473.

Письмо на двух листах. Сложено пакетом, на обороте адрес: «Ее Превосходительству Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой в Санкт-Петербурге. В собственном ее доме на Фонтанке близ Аничкова моста». Впервые опубликовано в сб. «*Воспоминания и рассказы*», с. 144—145.

1 *Октябрь 10-го ... суббота* — В наименовании дня недели ошибка: 10 октября 1820 г. приходилось на воскресенье.

2 *...мы нашли графа Сенпри.*— В письме от 7 октября 1820 г. Н. Муравьев писал о свидании с графом Карлом Францевичем де Сен-При (1782—1863), херсонским и подольским губернатором (см. Декабристы. Летописи Государственного Литературного музея, кн. III. М., 1938, с. 202—203).

3 *... мы видели Бетанкура...*— Об Августине Августиновиче Бетанкуре (1785—1824), главном директоре управления путями сообщения, Н. Муравьев также упоминает в указ. выше письме от 7 октября 1820 г.

4 *Мы остановились на квартире Сергея Волконского.*— Н. Муравьев познакомился с декабристом незадолго до этого свидания (Записки С. Г. Волконского. СПб., 1901, с. 410).

5 *... переговоры насчет займа еще не кончены.*— Н. Муравьев собирался занять 1000 рублей на обратную дорогу, см. письмо № 8.

6 *Калиновская* — возможно, графиня Эмилия Протовна, упомянута также в следующем письме от 13 октября.

7 *...графиня Витт с дочерью.*— Семья Ивана Осиповича Витта (1781—1840), графа, генерал-лейтенанта, командующего 3-м резервным кавалерийским корпусом и начальника военных поселений Херсонской и Екатеринославской губерний, в будущем организатора доносов, провокаций против декабристов, Пушкина. За Изабеллу Витт, дочь И. О. Витта, летом 1821 г. намеревался посвататься П. И. Пестель (см. *Нечкина*, 1, с. 353, 354, 465).

8 *... с графом Воронцовым (сын Арины Михайловны, кажется), который учился в Вене.*— По-видимому, Иван Илларионович Воронцов-Дашков (1790—1854), сын Ирины Михайловны (урожд. Измайловой).

9 *Гераков* Гавриил Васильевич (1775—1838), писатель, поэт.

10 *M. Petra* (Петра) — любимый гувернер Н. Муравьева.

11 *... Аббата Millio ... о смерти его ученика.*— Воспитанник аббата Миллио, сын Прасковьи Николаевны Ланской — Владимир Яковлевич Ланской, офицер л.-гв. гусарского полка, был 19 марта 1820 г. смертельно ранен на дуэли И. А. Анненковым (будущим декабристом).

12 *... большое письмо.*— Это письмо неизвестно.

8. 13 октября

(с. 227)

Печатается по подлиннику — ЦГАОР, ф. 1153 (Муравьевы), оп. 1, № 309. На с. 4 рукой Н. М. Муравьева: «Ее превосходительству милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой в Санкт-Петербурге. В собственном доме, на Фонтанке близ Аничкова моста». Впервые опубликовано в сб. «Декабристы. Летописи Государственного Литературного музея», кн. III. М., 1938, с. 203—204.

1 *Сенпри* — см. выше примеч. 2 к письму № 7.

2 *...князь Волконский... кому принадлежит Свирлово...*— Дмитрий Павлович (1794—1844) гвардии поручик, его жена — Анна Александровна, урожд. Высоцкая (1794—1864). Бахметев — Алексей Николаевич (1774—1841), генерал от инфантерии, подольский военный губернатор в 1814—1820 гг. и наместник Бессарабии в 1816 — 1820 гг. Высоцкий Николай Петрович, генерал-майор. Последнему принадлежала подмосковная усадьба Свирлово, или Свиблово.

[3] *Анна Петровна Полторацкая* (1772—1842) — дочь библиофила П. К. Хлебникова и мать библиографа С. Д. Полторацкого.

[4] *Граф⟨иня⟩ Калиновская* — упоминается в письме от 10 октября 1820 г.

9. П. Ф. Соколову (?)

(с. 228)

Печатается впервые по французскому подлиннику (ОПИ ГИМ, ф. 439, собрание «Автографы ГИМ», ед. хр. 1). Поступление — 1935 г. Датируется по содержанию. Письмо на одном листе. Слева в верхнем углу поздняя запись: «1800» и внизу, карандашом: «NB. *Михайло Сергеевич Лунин*». Письмо, возможно, адресовано П. Ф. Соколову, тончайшему акварелисту, известному автору целой галереи портретов людей пушкинской эпохи. Почти все, кто играл тогда сколько-нибудь значительную роль в общественной жизни России, портретировались у Соколова. В начале 1822 г. Лунин вернулся на службу, и тогда же художником был сделан его известный портрет. Столь высокий отзыв Лунина о таланте художника заставляет предположить, что письмо адресовано кому-то из незаурядных мастеров, среди которых одно из первых мест в России принадлежало П. Ф. Соколову. Другие портреты Лунина, написанные до восстания, не известны.

10. М. Н. Волконская — Е. С. Уваровой от имени Лунина

(с. 228)

Печатается по французскому подлиннику — ОПИ ГИМ, ф. 339 (Раевские и Бороздины), папка 3, Щукинская связка 514. Письмо написано М. Н. Волконской по-французски под диктовку М. С. Лунина, в то время, когда он еще не вышел на поселение и не имел права вести непосредственную переписку с родными. На об. л. 2 адрес, написанный рукой М. Н. Волконской и неизвестной рукой: «Ее превосходительству милостивой государыне Катерине Сергеевне Уваровой, урожденной Луниной. В С.-Петербурге. В Малой Морской в доме Кувшинникова». Сверху письма рукою адресата написано: «reçu I Mai jour de l'arrivée de Pauline» («Получено 1 мая, день приезда Полины»). О какой Полине идет речь, установить не удалось. Письмо впервые опубликовано на языке оригинала и в переводе в сб. «Труды Государственного Исторического музея». М., 1926, вып. 2, с. 39—40.

[1] *... я получил твое письмо № 351 ... насчет моего поселения.*— В письме к брату под № 351 (24 января 1836 г.) Уварова сообщала о поданной ею просьбе на имя Николая I выбрать для Лунина место поселения в Иркутске или вблизи этого города — там, где сухой климат и можно получить медицинскую помощь. Е. С. Уварова извещала Лунина, что «удостоилась высочайшего снисхождения» и прилагала к письму копию своей просьбы Восточносибирскому генерал-губернатору о лучшем устройстве брата (ПД, ф. 368, он. 1, № 21). После освобождения Лунина и некоторых других декабристов от каторжных работ (правительственный указ от 14 декабря 1835 г.) Бенкендорф 14 января 1836 г. переслал генерал-губернатору Восточной Сибири Броневскому просьбу Уваровой поселить ее брата рядом с Иркутском, вследствие чего он и был доставлен в Урик (18 верст от Иркутска).

[2] *Сергей* — декабрист Сергей Григорьевич Волконский (1788—1865). См. выше, примеч. 4 к письму № 7.

11—13. И. Д. Якушкину

(с. 229—230)

Три записки, написанные во время пребывания Лунина на поселении, печатаются по французским подлинникам, хранящимся в ЦГАОР, ф. 279 (Якушкины), он. 1, ед. хр. 74. Первые две записки публикуются впервые; третья — на языке оригинала и в переводе напечатана С. Гессеном: Судьба литературного наследия Лунина.— Каторга и ссылка, 1930, № 11, с. 96.

11. 17 июня 1836 г.

(с. 229)

[1] *...дело простофили советника.*— О ком идет речь, установить не удалось.

[2] *Он только что прислал мне собаку...*— Записка написана на другой день после доставки Лунина, Якушкина и еще восьмерых декабристов в Иркутск из Петровского завода (ГАИО, ф. 24, он. 3, № 283, к. 12, л. 37). В Урике близ Иркутска Лунин начинал обзаводиться собственным хозяйством. Приобретя некоторую свободу и получив от Е. С. Уваровой необходимые деньги, он сумел создать себе жизнь, отвечающую до некоторой степени его вкусам и привычкам. Через два года в письме к сестре он напишет «о шести собаках с пышащими мордами, заменяющих мою варшавскую псарню» (см. наст. изд., с. 8).

И. Д. Якушкин в это время еще находился в Иркутске: по указу 14 декабря 1835 г. был обращен на поселение в с. Олонки близ Иркутска, но затем переведен в Ялуторовск, куда прибыл 16 сентября 1836 г. (см. *Фонвизин*, 1, с. 410).

12. 1836 г., не позже августа /?/

(с. 230)

Записка не датирована, однако по ее характеру видно, что между автором и адресатом расстояние не велико, и передача журналов может быть произведена с помощью близкой оказии. Позже, отправленный в Ялуторовск, Якушкин удалился на огромное расстояние от Иркутска. Повесть О. Бальзака, впервые появившаяся в парижском журнале «Артист» в феврале — марте 1832 г. под заглавием «Мировая сделка», в том же году была переиздана под названием «Граф Шабер», а затем многократно переиздавалась под разными названиями. Упоминаемая Луниным публикация появилась в петербургском издании «Revue Etrangère de la littérature, des sciences et des arts».

13. 25 декабря

(с. 230)

Дата условно определяется по содержанию письма. Апогеем активных наступательных действий Лунина был конец 1839 г., когда он постоянно беспокоился о размножении и распространении своих уже готовых «памфлетов», направленных против властей. Поэтому наиболее вероятная дата письма — 25 декабря 1839 г. Якушкин в это время находился в Ялуторовске, Лунин же мог воспользоваться потаенным посредничеством, возможно, тех же лиц, которым доверил в конце 1839 г. передачу своих сочинений Е. С. Уваровой (см. наст. изд., с. 244). В архиве Якушкиных (ЦГАОР, ф. 279) сохранились политические сочинения Лунина (переписанные рукой С. Г. Волконского): «Письма из Сибири» и «Взгляд на Тайное общество в России 1816—1826»; «Взгляд на дела Польши» (переписан И. И. Пущиным); копия «Разбора донесения Тайной следственной комиссии государю императору в 1826-м году» была переписана сыном И. Д. Якушкина — Евгением Ивановичем, очевидно в 1850-х годах, с более раннего списка (в архиве не сохранившегося). В то же время к активной нелегальной деятельности Лунина Якушкин относился критически (см. *Якушкин*, с. 285—286).

14. А. Н. ⟨Евсевьеву⟩

(с. 230)

Печатается по подлиннику — ГАИО, ф. 24, оп. 3, ед. хр. 332, где сохранилось в деле канцелярии Восточно-сибирского генерал-губернатора. Впервые опубликовано Б. Кубаловым (без указания года): Сибирь и декабристы/Под ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева, Б. Г. Кубалова. Иркутск 1925, с. 149—150; вторая публикация с некоторыми уточнениями и комментариями — в статье Н. Эйдельмана «Из декабристских архивов» (Дружба народов, 1975, № 11, с. 229—231). Печаталось прежде как письмо к А. Н. Пятницкому. Письмо адресовано Александру Николаевичу Евсевьеву, в 1837 г. состоявшему в должности иркутского гражданского губернатора. В конце 1836 г. Е. С. Уварова обратилась со следующей просьбой к Восточно-сибирскому генерал-губернатору С. Б. Броневскому:

«Милостивый государь Семен Богданович!

Позвольте мне поздравить Ваше высокопревосходительство с наступающим Новым годом и пожелать Вам всевозможных благ! Прибегаю также к Вам с покорнейшею просьбою. Из писем несчастного брата моего я усматриваю, что он претерпевает ужаснейший во всем недостаток, а между тем 8 ноября не получал еще две тысячи, отправленные мною ему 19 сентября. За тем беру смелость просить Ваше высокопревосходительство предписать кому следует справиться о замедлении в доставлении ему сей суммы. Также я отправила к нему повара, который около 20 февраля должен прибыть в Иркутск. Когда он явится к В. высокопревосходительству, то покорнейше прошу Вас в скорейшем времени отправить его к брату моему, имеющему величайшую нужду в прислуге. Вы исполнением сей покорнейшей моей просьбы усладите хотя несколько горести сестры и присовокупите чувство неограниченной признательности к глубокому почтению и совершенной преданности, с коими имею честь быть...

Екатерина Уварова, урожд. Лунина».

Крепостной человек Лунина был отправлен в Сибирь вместе со слугами, посланными Е. Ф. Муравьевой для ее детей Н. М. и А. М. Муравьевых. В особом документе были перечислены «приметы»: «Петр Давыдов, 35 лет, лицо смуглое, волосы и брови черные, грамоты не знает». По прибытии Давыдова в Иркутск, генерал-губернатор распорядился «осмотреть как этого человека, так и находящиеся у него вещи со всевозможным тщанием и потом допустить его к Лунину, обязав при том подпискою, чтобы он пробыл у него не менее трех лет». В вещах крестьянина («чемодан белой кожи, трое подштанников холщовых») искали потаенные письма, недозволенные вложения. Сразу после того, как П. Давыдов прибыл в Урик, Лунин, уже успевший взять в услужение Ф. В. Шаблина (Василича, см. наст. изд., с. 8), написал наст. письмо А. Н. Евсевьеву. Письмо отличает характерная для декабриста форма вежливого издевательства над власть имущими: три восклицательных знака в конце каждой строки обращения; вскользь указано на постоянное вскрытие писем («... как ... можете усмотреть из нашей переписки») и ясно определено отношение к той сумме, «которая назначена ежегодно». Лунину, возможно, доставляло особенное удовольствие отказаться от присланного человека после того, как начальство его обыскивало и хлопотало. Этому не противоречит, впрочем, предположение, что Петр Давыдов все же сумел провезти нечто запретное.

26 мая 1837 г. Лунин получил сообщение о том, что П. Давыдову разрешается ехать обратно; однако «преступник Лунин отозвался, что он, не желая отправлять обратно этого человека к сестре, отдал его в услужение к государственному преступнику Волконскому, который находится в одном с ним селении». Поскольку вопрос был связан с тем, за чей счет будет возвращен Давыдов, иркутское начальство вынуждено было согласиться и с последним заявлением декабриста.

15. Е. С. Уваровой

(с. 231)

Печатается по французскому подлиннику — ПД, ф. 368, сп. 1, № 5; французский текст и русский перевод впервые опубликованы: Памяти декабристов. Л., 1926, с. 102—105.

Письмо Лунина сохранилось также во французской копии, сделанной для Бенкендорфа и посланной от его имени Е. С. Уваровой вместе с бумагой, объясняющей невозможность оказать декабристу «испрашиваемые» для него «милости». Приписка, сделанная Луниным на этой же бумаге: «т. е. пересылки собственного моего ружья и денег» объясняет характер этих «милостей».

Отрывок из письма в русском переводе, напечатанный С. Штрайхом (I, с. 34—35), ошибочно отнесен к 7 апреля 1838 г., как вариант письма с той же датой, см. наст. изд., с. 40.

1 *...письма №№ 426, 427 и 428, сопровождаемые синей и двумя красными бумажками.*— Письма Уваровой № 426 от 24 августа 1837 г. и № 428 от 4 сентября 1837 г. сохранились (ПД, ф. 368, оп. 1, № 22); письмо № 427 утрачено. Деньги, присланные сестрой: синяя — пятирублевка, красные — десятирублевки.

[2] ... *о случае ... с полковником Д.*— В письме № 428 4 сентября 1837 г. Уварова говорит о какой-то «катастрофе», случившейся с полковником Данилевским. Подробное описание происшествия было, очевидно, в утраченном письме № 427. Публикатор письма от 21 октября 1837 г. С. А. Щеглова сообщала, что «этому полковнику, под начальством которого служил, по-видимому, сын сестры Лунина, было нанесено оскорбление действием со стороны одного из группы офицеров, которые вели в полку крупную игру и вовлекали в нее неопытную офицерскую молодежь» (*Памяти декабристов*, с. 102). История с «полковником Д.» (т. е. Данилевским) затронута Луниным в ранней редакции «Писем из Сибири», см. наст. изд.. с. 40.

[3] *Им пришлось употребить грубую силу... прогрессивные идеи, мною высказанные.*— Одна из лунинских политических оценок, близкая к основной идее «Писем из Сибири» и других «наступательных» сочинений декабриста.

[4] ... *мой № 39* ...— Лунинское «письмо № 39» очевидно отправлено 8 мая 1837 г. (сохранилось предыдущее письмо № 38 от 1 мая 1837 г., см. наст. изд., с. 9—10, 204).

[5] ... *по бретонскому обыкновению... об интересующих меня лицах.*— В Бретани, где сохранились старинные патриархальные традиции, братья и кузены считались членами «Большой семьи», где еще играли роль пережитки «левирата» (обязанность члена «Большой семьи» взять в жены вдову умершего брата или кузена). Эти строки вызвали интерес троюродной сестры Лунина Е. З. Канкриной, которая просила Е. С. Уварову дать ей письмо: «Я Вам клянусь, что письмо не выйдет из моих рук. Я желаю сохранить его мнение, так хорошо выраженное, насчет «кузенов на бретонский манер». Не откажите мне, мой ангел» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 28, на франц. яз.; см. также примеч. к письму Лунина Е. З. Канкриной, наст. изд., с. 400—401).

[6] ...*курс греческих тем ... в одном томике в 8°.*— В библиотеке Лунина при его втором аресте имелась грамматика Ж. Л. Бурнуфа «Méthode pour étudier la langue grecque...» (Способ изучения греческого языка), а также книга неустановленного автора «Nouveau cours de thèmes...» (Новый курс тем). В Акатуе у Лунина была книга «Cours de thèmes...» (Курс тем). Возможно, это издание: Achaitre N. L. «Cours de thèmes et de versions grecques et latines...» («Список тем для изложений на греческом и латинском языках).

16. Матвею Ивановичу Березовскому

(с. 232)

Впервые опубликовано Б. Г. Кубаловым: Сибирь и декабристы, с. 139. Обращено, вероятно, к иркутскому земскому исправнику, имя, отчество и фамилия которого указаны в Адрес-календаре на 1838 г. (кн. 2, с. 317). Во всяком случае, записка не может быть адресована М. И. Муравьеву-Апостолу, как было принято считать в литературе. Матвей Муравьев-Апостол в это время находился в Ялуторовске, тогда как письмо явно обращено к одному из лиц, с которыми Лунин непосредственно общался близ Иркутска. К письму приложена расписка: «Двадцать пять рублей для доставления к Еланскому старосте принял крестьянин Алексей Киселев». Товарищи по каторге и ссылке не раз отмечали, что Лунин помогал нуждающимся, скрывая свое участие. См. также письмо № 24 и ЗК, наст. изд., с. 191, 249.

17. Е. С. Уваровой

(с. 232)

Печатается по французской копии III отделения в «Деле» Лунина (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 61, л. 15). Русский перевод с некоторыми неточностями напечатан в 1923 г. (*Штрайх*, I, с. 38).

Письмо от 26 мая — одно из трех писем, послуживших поводом к лишению Лунина права переписки с сестрой в продолжение одного года; см. наст. изд., с. 360.

[1] ... *твой № 452 от 12 марта, с синим вложением.*— Письмо Е. С. Уваровой № 452 было написано 12 марта 1838 г.; там Е. С. Уварова сообщала между прочим о получении двух писем брата «№ 76 от 20 и № 77 от 27 января»; оба письма неизвестны; о втором из них Е. С. Уварова писала: «Оно столь возвышенно, что персона, которой

особо доверено чтение твоих писем, просила меня скопировать его» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 22, на франц. яз.). По-видимому, речь идет о Е. З. Канкриной. Синее вложение — см. письмо 15, примеч. 1.

2 *... на Платоне...*— В числе книг, присланных Уваровой в Урик, были сочинения Платона (см. наст. изд., с. 8). Лунин не раз замечал в письмах к сестре, что на посланных ею вещах нет начальных букв его имени (см. наст. изд., с. 7).

3 *...рыбу на ужин.*— Лунин иронизирует по поводу запрещения иметь охотничье ружье. С 27 сентября 1837 г., когда на имя Лунина было получено ружье, велась переписка иркутских властей с III отделением, предписавшим (21 декабря 1837 г.) «означенного ружья Лунину не выдавать» («Дело» Лунина, л. 9). Тем не менее у Лунина были ружья, изъятые при втором аресте, 27 марта 1841 г.

4 *Уничтожай все мои письма ... для тебя одной.*— Просьба к сестре об уничтожении писем предназначена исключительно для непрошенных читателей из III отделения (см. предисловие к первой серии «Писем из Сибири», а также будущие указания Лунина сестре насчет распространения его писем; см. наст. изд., с. 5, 239—240, 244—245).

5 *Не беру в расчет любопытных ... с дурными намерениями.*— Выпад против III отделения и его чиновников, перлюстрирующих письма.

6 *... нет сведений о № 39.*— Упоминаемое письмо, вероятно, содержавшее конспиративные намеки, до нас не дошло. В цикл «Писем из Сибири» вошло письмо № 38, написанное Луниным 1 мая 1837 г. (поздняя редакция, первая серия, письмо № 9). Лунин справлялся о нем и прежде (см. примеч. 4 к письму № 15 от 21 октября 1837 г.).

18. Е. С. Уваровой

(с. 234)

Печатается по французскому подлиннику (с номером и датой) — ПД, ф. 368, оп. 1, № 6. Французский текст и русский перевод впервые опубликованы: *Памяти декабристов*, с. 105—106.

Последнее письмо, написанное сестре перед годичным запретом на переписку, который был сообщен Лунину именно в тот день, которым датируется письмо. По содержанию близко к другому посланию к сестре (7 июля 1838 г., попавшему в первую серию «Писем из Сибири»), где высмеивается деятельность «почтового департамента».

1 *Получил твои №№ 464, 465 и 466 ... соглашение с князем Л. ... еще более сомнительно.*— Письма № 464, 465 и 466 (куда были вложены «три красненькие», т. е. 30 рублей) не сохранились и поэтому не представляется возможным установить личность «князя Л.», а также характер тяжбы, которую вела Е. С. Уварова.

2 *Старая школа ... находясь во главе всех дел.*— Рассуждения о «старой школе», «стариковщине» почти дословно совпадают с текстом письма № 5 первой серии «Писем из Сибири» (наст. изд., с. 7). Политическое дело, в котором участвовала «старая школа»,— это расправа, следствие и суд над декабристами; заметную роль там играл А. Н. Голицын, в которого более всего метят удары Лунина.

3 *Потеря Свода законов ... подготовительная работа пропала.*— Лунин тем не менее нашел возможность вскоре подвергнуть тщательному анализу «Свод законов Российской империи». Его критика нашла отражение в работах 1839—1840 гг.: «Письмах из Сибири» (вторая серия, письма № 3, 6), а также в статье «Общественное движение в России в нынешнее царствование».

19. М. Н. Волконская — Е. С. Уваровой

(с. 235—238)

Письмо, написанное М. Н. Волконской по поручению Лунина, в то время, когда он был лишен права переписки на один год и вел ее через Волконских. Печатается по франц. подлиннику (ОПИ ГИМ, ф. 339 (Раевские и Бороздины), папка 3, Щукинская связка 514). Сверху письма рукой Е. С. Уваровой: «Катерине Сергеевне *Уваровой*, урожденной *Луниной*. «reçue le 14 mai. Троицын день, répondu le 20» (получено 14 мая ... отвечено 20). Впервые опубликовано на языке оригинала и в русском переводе: Труды Государственного Исторического музея, вып. II. М., 1926, с. 51—56.

[1] *... молодой пианистке... г-ну Саковичу.*— Об этих лицах сведений найти не удалось.

[2] *... я была у него с детьми.*— Дети Волконских — Миша (М. С. Волконский, 1832—1907) и Елена (Нелли) (Е. С. Волконская, в замужестве Молчанова, Кочубей, Рахманова, 1835—1916) неоднократно упоминаются в письмах Лунина.

[3] *...дневника Софи Чернышевой...*— Софья Григорьевна Чернышева, по мужу Кругликова, сестра декабриста Захара Григорьевича Чернышева и Александры Григорьевны, жены Н. М. Муравьева. Под ее «дневником», возможно, подразумеваются ее регулярные письма Н. М. Муравьеву (см. ЛН, т. 60, кн. 2, с. 224, 236).

[4] *Ноно* — Нонушка, Софья Никитична Муравьева (1826—1892), дочь декабриста Н. М. Муравьева и А. Г. Муравьевой (урожд. графини Чернышевой). Симпатичный облик Нонушки, безвременная смерть матери в 1832 г. вызывали к ней в среде декабристов особую любовь и внимание.

[5] *Вольф* — декабрист, член Южного общества (Фердинанд (Христиан) Богданович Вольф, 1792—1854), б. штаб-лекарь при главной квартире 2-й армии. С 1835 г. находился на поселении в Урике. Волконская хлопотала о назначении мужу места поселения вместе с Вольфом, чтобы он мог оказывать медицинскую помощь ее детям Среди населения Сибири Ф. Б. Вольф получил широкую известность как врач-гуманист, опытнейший медик.

[6] *... ваш брат, дядя Поджио, Александр...*— Кроме «брата Уваровой», т. е. Лунина, речь идет об Иосифе Викторовиче Поджио (1792—1848), декабристе, члене Южного общества, который с 1834 г. жил на поселении в Усть-Куде Иркутской губернии (8 верст от Урика); он был родственником М. Волконской (женат на ее двоюродной сестре М. А. Бороздиной, расторгшей брак после ареста мужа). Упоминается также Александр Михайлович Муравьев, который после отбытия 8-летнего каторжного срока остался в Петровском заводе вместе с братом Никитой. С 1835 г.— на поселении в Урике.

[7] *Каролина Карловна* — Кузьмина (в тексте Козьмина), гувернантка Нонушки Муравьевой. См. примеч. 40 к «Из дневника С. Ф. Уварова».

[8] *Госпоже Козьминой, ее племяннице...*— Жена А. М. Муравьева Жозефина Адамовна, урожд. Бракман (род. 1814), племянница К. К. Кузьминой.

[9] *... ваш Вениамин.*— Любовь и привязанность Е. С. Уваровой к брату вызвала у М. Н. Волконской сравнение Лунина с Вениамином, младшим любимым братом библейского Иосифа.

[10] *Надежда скоро иметь пианино ... приятна...*— О прибытии пианино см. в письме от 28/16 января 1840 г., наст. изд., с. 249.

[11] *... непременно пришлите журнал.*— Аналогичная просьба в письме от 15 сентября 1839 г. и др.

[12] *Сергей* — С. Г. Волконский.

[13] *Вера Алексеевна* — Муравьева (урожд. Горяинова), жена декабриста Артамона Захаровича Муравьева, не последовавшая за мужем в Сибирь. М. Н. Волконская касается здесь сложной и неясной истории отношений супругов Муравьевых.

[14] *Александрина* — Александра Григорьевна Муравьева (1804—1832), жена Н. М. Муравьева.

[15] *Каташа* — Екатерина Ивановна Трубецкая, урожд. графиня Лаваль (1800—1854), жена С. П. Трубецкого.

[16] *... так и было с вашим кузеном.*— 10 июля 1839 г. оканчивался каторжный срок осужденного по I разряду А. З. Муравьева и решался вопрос о месте его поселения. Просьбы декабриста (1837 и 1839 г. г.) об отправке его рядовым на Кавказ были отклонены; он был поселен в с. Малая Разводная близ Иркутска.

20. Е. С. Уваровой

(с. 238—240)

Печатается по французскому подлиннику М. С. Лунина, который воспроизводится впервые.

Это письмо, как и два следующих (от 13/1 декабря 1839 г. и 28/16 января 1840 г.), отложилось в архиве Е. С. Уваровой, (ОПИ ГИМ, ф. 282, ед. хр. 302). Русский перевод впервые опубликован в 1926 г. (*Штрайх*, II, с. 31—33).

Письмо от 15 сентября 1839 г. примыкает к двум другим лунинским письмам, которые датируются тем же днем и входят во вторую серию «Писем из Сибири» (см. наст. изд., с. 16—17). С. Я. Штрайх (II, с. 55) полагал, что настоящее письмо написано ранее упомянутых двух писем от 15/27 сентября, так как в «двойных датах» Лунин ставил первым число нового стиля. Однако в двух следующих письмах, как видно по подлиннику, Лунин сначала писал день по старому стилю и лишь потом дописывал сверху число «нового стиля»: это дает все основания считать, что в настоящем письме дата «15 сентября» приведена по старому стилю, а поправка на новый не сделана. Письмо посылалось без сомнения с оказией, и этим может объясняться совпадение дат еще двух посланий, отправленных вместе с ним. На первой странице письма сверху по-французски надпись рукою Е. С. Уваровой: «19 février Moscou. Jour de mon arrivée. Répondu dans la nuit du 19 au 20» («19 февраля, Москва, день моего приезда, отвечено ночью с 19 на 20»). Таким образом между написанием письма и его доставкой в Москву вместе с прилагаемыми материалами прошло более пяти месяцев. Это время заняло путешествие из Иркутска в Москву лунинского посредника (возможно, из иркутских купцов Кузнецовых), а также ожидание встречи с Е. С. Уваровой: в начале февраля 1840 г. сестра Лунина была еще в Тамбове (письмо № 545 от 2 февраля 1840 г.; ПД, ф. 368, оп. 1, № 23) и получила «оказию» во время возвращения в Петербург через Москву. Ответ Уваровой («в ночь с 19 на 20 февраля») был, очевидно, отправлен с тем же посредником, который доставил послание Лунина (письмо Уваровой не сохранилось).

1 *Ты получишь две приложенные при сем тетради... «Взгляд на Тайное общество».*— Вместе с письмом Лунин посылал сестре экземпляр «Писем из Сибири» — 17 писем первой серии и 4 письма второй, т. е. так называемый «музейный экземпляр», известный теперь лишь по описанию С. Штрайха (II, с. 46—50). Вторую тетрадку составили, очевидно, несколько экземпляров рукописи «Взгляда на русское Тайное общество» (один из них ныне в ОПИ ГИМ, ф. 282, № 302; см. *Штрайх*, II, с. 44, а также след. примеч.).

2 *Ты можешь отослать ее Николаю Тургеневу через его брата Александра...*— Судя по отложившимся в архивах Е. С. Уваровой и бр. Тургеневых двум аналогичным лунинским рукописям «Взгляда...» (тот же формат бумаги, одинаковое расположение текста), Лунин посылал сестре для распространения несколько экземпляров своего сочинения. Обнаружение текста среди бумаг архива бр. Тургеневых (ПД, ф. 309, № 900 в) подтвердило, что Уварова выполнила волю брата. Однако А. И. Тургенев не счел нужным способствовать дальнейшему распространению «Взгляда...». Вопрос о проникновении и публикации рукописей Лунина за границу при его жизни остается не до конца ясным, хотя после досконального анализа С. Б. Окуня эти публикации представляются маловероятными. См. наст. изд., с. 344—345.

Александр Иванович Тургенев (1784—1845), друг Пушкина, крупный правительственный чиновник, после осуждения брата Н. И. Тургенева не прервал с ним переписки; много путешествовал по Европе.

3 *... разрешение поместить некоторый капитал ... останусь совершенно нищим.*— «Дело» Лунина открывается письмом Уваровой к Бенкендорфу от 19 марта 1832 г. с просьбой о внесении 30 тыс. руб. на имя Лунина и ответом шефа жандармов о соизволении императора «на внесение в ломбард или заемный банк» этой суммы «с тем, чтобы проценты с оной . . ежегодно были употребляемы на содержание брата Вашего...» (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., ед. хр. 61, ч. 61, л. 3).

4 *... милая М. ... «Journal des Débats».*— Речь идет о М. Н. Волконской, писавшей за Лунина, когда декабристу была запрещена переписка (т. е. до его выхода на поселение и во время годичного перерыва, установленного властями с 15 сентября 1838 г.). Два письма М. Н. Волконской от имени Лунина публикуются в наст. изд., с. 228—229, 235—238.

В письме от 23 марта 1839 г., написанном по поручению Лунина, Волконская просит Уварову прислать «Journal des Débats» (наст. изд., с. 237).

5 *Мой брат и я были воспитаны в римско-католической вере.*— Лунин с детства был воспитан в католической вере. В то же время на следствии 1826 г. он счел нужным объявить о своем православном вероисповедании. По-видимому, до этого письма католичество Лунина было тайной для его сестры. О религии и церкви в жизни Лунина см.: *Эйдельман*, с. 93—103, 284.

[6] *... умер, словно младенец, засыпающий на груди матери.*— Никита Лунин (1789—1805), корнет кавалергардского полка, был смертельно ранен в бою под Аустерлицем 20 ноября/2 декабря 1805 г.

[7] *Поведение твоего старшего сына дурно... То, что я предсказывал относительно старшего, неминуемо случится и с младшим.*— Речь идет о сыновьях Уваровой — старшем Александре и младшем Сергее, оставившем любопытные дневниковые записи о Лунине (см. наст. изд., с. 290—298) и примеч. к ним.

Отношение Лунина к своим наследникам было еще до ареста определено в его завещании, см. наст. изд., с. 266—268.

21. Е. С. Уваровой

(с. 241)

Не попавшее в текст «Писем из Сибири» начало письма «Рабы» (письмо № 4 второй серии). Печатается в русском переводе (*Штрайх*, II, с. 49); французский автограф находился в утраченной «музейной редакции» (см. наст. изд., с. 355, 356, 364).

[1] *... твоя дружба не переставала сиять, как радуга среди облаков.*— В одном из писем, полученных Луниным еще в Петровском заводе, сестра писала брату: «За столом мы еще раз пили за твое здоровье, обращаясь к твоему портрету, который висит на почетном месте, над канапе в салоне, который служит одновременно гостиной и столовой, когда мы собираемся семьей. Ты находишься здесь между моей тетей и Никитой и Александром Муравьевыми» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 16, п. 172, на франц. яз.). Несколько позже: «Если было солнце, которое освещало мои счастливые дни, оно исчезло в роковом 1826 году!!» (ПД, ф. 368, оп. 1, № 17, п. 189, 20 апреля 1832 г., на франц. яз.).

[2] *...освобождение крестьян... указанных в моем завещании.*— Освобождение собственных крестьян было постоянным желанием Лунина в течение многих десятилетий. Завещание Лунина, формально отмененное после его ареста, было действительным для самого декабриста. В «Справке об именьях» с 1 июля 1834 г. по 1 июля 1835 г. приход по всем владениям составил 72 959 руб. 74 1/2 коп., а расход — 74 982 руб. (ПД, ф. 368, оп. 1, № 27, л. 1, 3 об.).

22. Е. С. Уваровой

(с. 241—246)

Печатается по французскому подлиннику Лунина (ОПИ ГИМ, ф. 282, № 302), который воспроизводится впервые. С. Штрайх, опубликовавший в 1926 г. перевод письма (II, с. 33—37), соединил его текст с лунинским «Списком того, что нужно выслать почтой или оказией в разные сроки», написанном на отдельном листке. В наст. изд. этот «список» (хранится там же) публикуется отдельно в качестве приложения к данному письму. Письмо от 13/1 декабря, отправленное Е. С. Уваровой по оказии, один из важнейших документов декабриста, проливающий некоторый свет на конспиративную сторону его наступательных действий. Возможно, и это письмо, так же как предыдущие, было получено Уваровой в Москве 19 февраля 1840 г., и тогда ее запись (на письме от 15 сентября) — «отвечено в ночь с 19 на 20 февраля» — относится к обоим конспиративным посланиям Лунина.

[1] *Особа, берущая на себя доставку... моим мелким делам.*— Письмо передано Уваровой, вероятно, одним из сибирских купцов, сочувствующих декабристам (Кузнецовым или кем-либо другим), см. примеч. к письму № 20.

[2] *Тебе передадут при сем Разбор... Я только что составил эту рукопись...*— Это указание Лунина важно для точного определения времени написания им «Разбора Донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году». Французский текст «Разбора...» сохранился в бумагах Е. С. Уваровой.

[3] *Прошу тебя переправить за границу... на русском языке.*— См. примеч. 2 к письму № 20.

[4] *... для статьи о Верховном уголовном суде, которая составит одно целое с Разбором и Взглядом.*— Лунин намеревался писать капитальную работу «Разбор деятель-

ности Верховного уголовного суда», которая должна была завершить серию работ о декабристском деле. Статья, вероятно, не была написана: ссылка в Акатуй разрушила замыслы декабриста.

5 *... обещанная собака... рискует никогда не прибыть.*— О прибытии собаки, Летуса, Лунин сообщил сестре в письме от 1 января 1840/20 декабря 1839; наст. изд., с. 26.

6 *Прекрасная М.*— М. Н. Волконская, постоянно упоминаемая в письмах Лунина, хотя отношение к ней декабриста, видимо, менялось (см. *Эйдельман*, с. 270—273).

7 *Заставь ее трусливое семейство уплатить тысячу рублей...*— Отрицательная лунинская оценка «трусливого семейства» вызвана поведением некоторых родственников М. Н. Волконской (Раевской) после ареста ее мужа. Предвидя исход дела, Раевские стремились скрыть правду от Марии Николаевны и уберечь ее от влияния родственников со стороны мужа.

О тысяче рублей Лунин упоминает также в приложенном к письму «Списке».

8 *...мое сочинение... покойным генералом Бергом.*— Постоянный лунинский конспиративный прием ссылаться на умерших (например, на члена Общества Соединенных славян И. Иванова, генерала Лепарского). Б. М. Берг, генерал, комендант Выборгской тюрьмы, где Лунин был заключен в 1827—1828 гг.

9 *Разузнай о семье Потоцких... что случилось с этой последней.*— В 1825—1826 гг. Лунин в Варшаве был близок с семьей Потоцких, влюблен в Наталью Потоцкую; ее родственники, дед Станислав Потоцкий (1752—1821), видный деятель польского освободительного движения 1790-х годов, один из наиболее активных и влиятельных министров Речи Посполитой, отец — Александр Потоцкий (1778—1845); мать — Анна, урожд. Тышкевич (1776—1867), известная мемуаристка; после развода Александр Потоцкий женился на Изабелле Мостовской (1807—1897), Анна Потоцкая вышла замуж за адъютанта Потоцкого графа Вонсовича. См. письмо Лунина от 1 мая 1837 г. (наст. изд., с. 9—10), где он вспоминает о последнем свидании с Натальей Потоцкой, а также примеч. к этому письму. Наталья Потоцкая 16 мая 1829 г. вышла замуж за Романа Сангушко. Согласно воспоминаниям матери жениха, тот женился не по любви, а по убеждению, что «Наталья Потоцкая для него самая подходящая женщина. Любовь родилась уже после свадьбы, соединившись с уважением, когда Р. Сангушко увидел, что его жена соединяет необычную красоту с прекрасным характером». Через год у них родилась дочь Мария, но спустя четыре дня после родов, 17 ноября 1830 г., двадцатитрехлетняя Наталья Потоцкая умерла.

Роман Сангушко принял участие в польском восстании 1830—1831 гг. Арестованный николаевскими властями, он отказался от возможности спастись, объяснив свое участие в восстании отчаянием после смерти жены. Сангушко заявил, что присоединился к мятежникам «по любви к родине», чтобы содействовать ее возрождению. По личному приказу царя он был лишен дворянства и всех прав состояния, отправлен в Сибирь, причем весь путь должен был пройти пешком в кандалах (маленькая дочь осталась у его родителей).

Вместе с декабристами и польскими повстанцами муж Натальи Потоцкой был сначала в Сибири (но с Луниным не встретился), а затем рядовым солдатом на Кавказе (см. *Сливовская*, *Эйдельман*, с. 139).

10 *М. В.*— Мария Волконская. В письме от 11 мая 1840 г. Уварова извещала брата о своих благодарственных письмах к Волконской (ПД, ф. 368, он. 1, № 23, п. 558).

11 *... во вторую серию в порядке №№.*— К письму (№ 20) от 15 сентября 1839 г., отправленному с оказией, были приложены 17 писем первой серии и 4 письма из второй серии «Писем из Сибири». С настоящим письмом пересылались еще два документа: речь, понятно, могла идти о письме № 5, написанном 3 декабря/21 ноября 1839 г. Что же касается следующего за ним письма № 6, то оно написано позже данного письма. Вернее предположить, что Лунин вновь посылает письма «Поляки» (№ 3) и «Рабы» (№ 4), но просит их расположить в новом порядке номеров («Рабы» № 3; «Поляки» № 4) — см. примеч. ко второй серии «Писем из Сибири».

Приложение

Список того, что нужно выслать почтой или оказией в разные сроки

1 *... семейство Р. должно было вернуть...*— Семейство Раевских, см. примеч. 7 к данному письму.

2 «Directorium horarum Canonicarum et Missarum».— Часослов был прислан Уваровой и находился в библиотеке Лунина.

3 «Missale Romanum»...— католический требник.

4 *Отчет штату Луизиана ... Эд. Ливингстоном.*— Эдуард Ливингстон (1764—1836), американский юрист, государственный деятель, наиболее известное его сочинение «System of penal law for the state of Louisiana» («Система уголовного законодательства штата Луизиана») было написано в 1821—1824 гг., погибло в огне, но было восстановлено и опубликовано в 1826 г.; одно из самых значительных в свое время юридических сочинений, оказавших влияние на законодательство США и других стран.

5 Le Journal des Débats — см. примеч. 4 к письму № 20.

6 *... красные вложения...* — см. примеч. 1 к письму № 15.

7 *Приостановить хлопоты в пользу Громницкого.*— О роли П. Ф. Громницкого в копировании и распространении сочинений Лунина см. наст. изд., с. 343, 362—364.

Известно, что до истории с сочинениями Лунина III отделение не проявляло интереса к личности Громницкого и в его «Деле» откладывалась лишь переписка властей с его матерью, постоянно просившей денежных пособий. Вероятно речь идет о хлопотах насчет перевода Громницкого в другую часть Сибири, что, в случае успеха, отняло бы у Лунина надежного сотрудника.

8 *Богословский словарь аббата Бержье...*— В описи лунинской библиотеки (составлена в 1841 г.) под № 87 значится «Dictionnaire de théologie par〈m. l'abbé〉 Bergier» (Богословский словарь г. аббата Бержье).

23. Е. С. Уваровой

(с. 246—249)

Публикуется впервые по французскому подлиннику Лунина (ОПИ ГИМ, ф. 282, № 302). Перевод напечатан в 1926 г. (*Штрайх*, II, с. 37—39). На первом листе письма рукой Е. С. Уваровой помета по-французски: «reçu le 1 Mars à Moscou» («получено 1 марта в Москве»). Последнее из трех обширных конспиративных «наступательных» посланий Лунина сестре, написанных сразу вслед за демонстративным объявлением декабриста, что он отказывается писать «на условиях» Бенкендорфа (10/22 января 1840 г., письмо № 10 второй серии «Писем из Сибири»).

1 *... из-за «Писем из Сибири», которые... обращены к властям.*— До получения «оказии» от 28/16 января 1840 г. Е. С. Уварова располагала «Взглядом на русское Тайное общество», «Письмами из Сибири» и «Разбором Донесения тайной следственной комиссии» (см. примеч. 1 к письму от 15 сентября 1839 г. и примеч. 2 к письму от 13/1 декабря 1839 г.). Вместе с данным письмом Лунин переправил сестре авторизованную копию десяти «Писем из Сибири», переписанную Громницким. Как свидетельствовал С. Штрайх, сделавший описание этой рукописи (до нас не дошедшей): «На} 3-й странице тетради, т. е. над первым письмом, пометка Е. С. Уваровой: «1 Mars 1840. Moscou» (*Штрайх*, II, с. 50), т. е. та же дата получения, что и данного письма. Таким образом, последнее из второй серии «Писем...» было завершено 22/10 января 1840 г.; через шесть дней «тетрадь Громницкого» была отправлена с надежной оказией, а еще через месяц с небольшим, 1 марта 1840 г., доставлена в Москву, где Уварова несколькими днями раньше (19 февраля) получила предшествующие оказии (см. примеч. к письмам № 20 и 22 от 15 сентября и 13/1 декабря 1839 г.).

2 *... предпочитаю вовсе не писать.*— В письме от 10/22 января 1840 г., завершающем вторую серию и непосредственно примыкающем к данному письму, Лунин сообщал сестре о своем нежелании продолжать переписку на условиях, предложенных властями.

3 *...твоей смерти, которая, быть может, близка.*— Подобные мысли декабриста см. и в предыдущих письмах (№ 21 и 22).

Лунина очень заботила и участь крепостных, освобождения которых он требовал еще в завещании 1819 г. В случае смерти сестры Е. С. Уваровой наследником оказывался ее старший сын, игрок, сделавший огромные долги (см. письмо № 20 от 15 сентября 1839 г.).

4 *Лицо... пользуются общим доверием.*— См. примеч. 1 к письму № 22 от 13/1 декабря 1839 г.

5 *Потребуй же с Раевских тысячу рублей... одолженных... в Петровске.*— О долге Раевских см. в письме № 22 от 13/1 декабря 1839 г.

6 *...Летуса... среди знаменитостей моей бывшей своры.*— См. примеч. 5 к письму № 22 от 13/1 декабря 1839 г.

7 *Фортепиано твое прибыло в Иркутск... поспешил его предложить Марии В. ... Юшневским.*— Речь идет о М. Н. Волконской, а также А. П. и М. К. Юшневских, живших на поселении в с. Малой Разводной близ Иркутска.

Лунин был первоклассным пианистом, и сестра, надо думать, хотела присылкою фортепиано отвлечь его от опасной деятельности.

24. М. И. Березовскому

(с. 249)

Печатается по черновому тексту ЗК. Местонахождение подлинника неизвестно. Сохранилось еще одно письмо иркутскому исправнику, см. наст. изд., с. 232. Отстаивание Луниным своих личных прав довольно близко по смыслу и духу к его обобщающим характеристикам русской администрации в «Письмах из Сибири». Впервые опубликовано С. Штрайхом (I, с. 125).

25—36 (1—12). Письма из Акатуя. С. Г., М. Н. и М. С. Волконским

(с. 250—265)

Письма из Акатуя были обнаружены С. М. Волконским, внуком декабриста, в семейном архиве в Петербурге весной 1915 г.: 12 писем Лунина, тайно переданных из акатуйской тюрьмы (9 писем по-французски С. Г. и М. Н. Волконским и три письма по-английски и латыни — мальчику Михаилу Волконскому), сопровождались запиской С. Г. Волконского: «Письмы от покойного моего друга Михаила Сергеича Лунина — из его Акатуйского заточения». Сам факт сохранения писем из Акатуя, а также запись С. Г. Волконского свидетельствуют о его глубоком уважении и любви к старому товарищу по службе в кавалергардах, по 1812 году, по тайным обществам и заточению. Высоко оценил последние лунинские сочинения внук С. Г. и М. Н. Волконских: «Начиная с почерка, крепкого, четкого, сильного, эти письма врезаются в память как что-то совершенно необыкновенное; сила духа, ясность мышления и точность выражения ставят его в совсем исключительное положение, не только выдвигая его в рядах современников, но вынося его за пределы своего времени» (*Волконский С. М.*, с. 101).

К сожалению, не сохранились ответные послания Волконских и других корреспондентов Лунина, так же как и все другие его бумаги за акатуйский период. В «Деле» Лунина имеется удержанное III отделением письмо Е. С. Уваровой брату из Берлина от 24 января/5 февраля 1843 г. (см. *Штрайх*, II, с. 57—58). Известно только, что на имя государственного преступника М. Лунина почти каждую неделю поступали письма, посылки или деньги, которые обычно накапливались и выдавались Лунину разом. Расписки в делах Нерчинской горной конторы свидетельствуют, что 29 июля 1841 г. он получил 6 писем, деньги, 3 посылки; 11 сентября 1843 г.—8 писем и деньги, 15 октября 1845 г.—8 писем, 5 посылок. 10 января 1845 г. Иркутский гражданский губернатор Пятницкий препровождал в Нерчинский завод «письмо на имя государственного преступника Лунина и при нем посылку в холсте, полученную мною от жены государственного преступника Волконской Марьи»; 2 февраля Лунин расписался в получении письма и посылки (ГАЧО, ф. 31, № 1568, л. 132). Всего за восемь месяцев 1841 г. Лунин получил 21 письмо, за 1842 г.—30, за 1843 г.— 32, за 1844 сведений не обнаружено; за 1845—30 писем (см. *Эйдельман*, с. 321—323; о судьбе бумаг и имущества Лунина — там же, с. 344—345; *Перцева Т. А.* Декабрист М. С. Лунин в Акатуе.— В кн.: Ссыльные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985, с. 148—161).

11 из 12 акатуйских писем были опубликованы в 1923—1926 гг., одно — в 1970 (см. ниже). В наст. изд. они впервые печатаются, соединенные воедино, на языке подлинника и в переводах. Сохранившиеся автографы — в ПД. Большинство писем не имеет даты, и время их написания устанавливается по содержанию. Некоторые датировки, предложенные в 1923—1926 гг., в наст. изд. заменены другими, однако и новая последовательность акатуйских писем все же остается в известной степени условной. В этой связи, а также для удобства пользования примечаниями в них используется исключительно внутренняя нумерация писем (№ 1—12) вместо принятой во всех других случаях общей последовательной нумерации (№ 1—24) с пометой «акат».

1. М. Н., М. С. и С. Г. Волконским

(с. 250—253)

Печатается по подлиннику ПД, (ф. 187, собр. Б. Л. Модзалевского, из архива кн. Волконских, № 87) на французском и английском языках. На об. л. 2 рукой Лунина по-французски: «Madame la Princesse Wolkonska» («Княгине Волконской»).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским по французскому и английскому подлинникам и в русском переводе («Атеней», кн. 3. Л., 1926, с. 14—17). Первое известное нам письмо, которое Лунин сумел переслать из акатуйской каторжной тюрьмы. До того, 1 сентября 1841 г., М. К. Юшневская сообщила И. И. Пущину: «Михаил Сергеевич получает от сестры утешительные письма» (Записки ЛБ, кн. 43, с. 140). Маловероятно, что здесь пересказывается информация, пришедшая из Акатуя; скорее Е. С. Уварова написала друзьям брата, что его не казнят (как опасались декабристы).

Письмо довольно откровенное: сопровождается точной датой, указаниями на поведение единомышленников и т. п. По-видимому, у декабриста позже не было столь верной оказии.

1 *... вы не написали моей Charissima...*— сестре Лунина Е. С. Уваровой.

2 *Забота ... о моем бедном Варке ...*— О своей любимой собаке, оставшейся в Урике, Лунин упоминает неоднократно.

3 *... о моих вещах и хозяйстве ...*— Лунин очевидно на словах передал Волконским свои распоряжения об имуществе. Позже он старался оформить их права письменно. Сохранилась расписка декабриста от 18 февраля 1842 г.: «Вследствие сообщенной мне местным начальством бумаги под № 66 от его превосходительства, исправляющего должность Иркутского гражданского губернатора, покорно прошу: все мое имущество и все мои вещи сдать Сергею Григорьевичу Волконскому и предоставить в полное его распоряжение. Подписал: Михаил Лунин» (см. ГАИО, ф. 24, оп. 3, № 6, к. 30, л. 216—217).

4 *... об учителе греческого языка ...*— Сын Волконских Миша учился греческому языку по настоянию Лунина.

5 *... обратитесь от моего имени к Никите ...*— Никита Михайлович Муравьев.

6 *Письма детей доставили мне большое удовольствие.*— Эти письма детей Волконских, Миши и Нелли (так же, как и другие письма, посланные в Акатуй), неизвестны.

7 *Передайте ... господам Поджио ...*— Братья-декабристы Александр и Иосиф Поджио, жившие в это время вместе в Усть-Кудинском близ Урика.

8 *Я нашел здесь славного Высоцкого ...*— Петр Высоцкий, подпоручик, один из активных деятелей польского восстания 1830—1831 гг., совершивший неудачный побег из Сибири и мужественно перенесший последовавшую экзекуцию; негласный старейшина каторжан-поляков в Акатуе. О его судьбе Лунин писал в «Письмах из Сибири»; см. наст. изд., с. 22, а также *Эйдельман*, с. 313—316; *Дьяков В. А.*, *Кацнельсон Д. Б.*, *Шостакович Б. С.*, Петр Высоцкий на сибирской каторге (1835—1856).— В кн.: Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1979, с. 3—30.

9 *Его соотечественники ... проявляют ко мне то же усердие.*— Кроме Высоцкого вместе с Луниным в Акатуе находилось еще пять повстанцев 1830—1831 гг., вторично осужденных в Сибири: Гиларий Вебер, Казимир Киселевский, Викентий Хлопицкий, Ксаверий Шокальский, Евстафий Рачинский. По всей видимости, именно заключенные поляки помогали Лунину переправлять на волю потаенные письма.

10 ... *в недрах С. П.*— Б. Л. Модзалевский предлагал расшифровку: S⟨ancta⟩ P⟨olonia⟩ — «святая Польша». Возможно и другое прочтение этих слов: S⟨ociété⟩ P⟨olonaise⟩ («Польское общество»).

11 *Мои товарищи по заточению ... фальшивомонетчиков.*— В июне 1842 г. на Акатуйском руднике числилось 130 заключенных (в том числе две женщины). Семь человек были прикованы к стене, шестеро «скованные ходили в работы» (ГАЧО, ф. 31, № 1380, л. 166; № 1394, лл. 5—7).

12 ...*к литературе гальванической.*— Пушкин в 1836 г. писал, что «словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр.— это словесность давно уже осужденная высшей критикою, начинает упадать даже во мнении публики» (*Пушкин*, XII, с. 70). Из контекста пушкинской статьи видно, что термин *гальванический* употреблен иронично как синоним «страшных историй о разбойниках, о мертвецах и пр.» (от *гальванизм*: 1. загадочная «жизненная» сила, действующая на живой организм, как ранее ошибочно понимались открытые Гальвани явления, вызываемые действием электричества; Словарь языка Пушкина. М., 1956, т. 1, с. 459).

13 *Негодяй проболтался.*— П. Ф. Громницкий, арестованный вслед за Луниным, дал слишком откровенные показания. О «втором процессе» Лунина см. *Кубалов*, с. 122—156; *Штрайх*, I, с. 102—109; 111—114.

14 *Марье Каземировне и Алексею Петровичу* — супруги Юшневские, находившиеся на поселении в деревне Малой Разводной близ Иркутска.

15 *Тысяча любезностей Артамону ...*— Артамон Захарович Муравьев.

16 ... *кто провожал меня и кого я встретил на привале на большой дороге.* Когда Лунина увозили в Акатуй (декабрист допускал и возможность смертного приговора), в Урике его провожали многие. Вместе с С. Волконским простились жители села: «Плакали, бежали за телегой, в которой сидел Лунин ... один крестьянин-старик даже ему в телегу бросил каравай с кашею»; в Иркутске почт-содержатель, «клейменый», отбывший уже каторгу старик 75 лет Анкудиныч, успел сунуть Лунину пачку ассигнаций; в 30 верстах от Иркутска с Луниным простились А. З. Муравьев, М. Н. Волконская, А. И. Якубович, Н. А. Панов (свидетелем всех этих событий был петербургский чиновник Л. Ф. Львов, см. РА, 1885, № 1, с. 367).

2. С. Г. Волконскому

(с. 253)

Печатается по французскому подлиннику ПД (ф. 57, архив С. Г. и М. Н. Волконских, оп. 1, № 215). Сверху листа пояснительная надпись рукой М. С. Волконского: «Письмо М. С. Лунина из Акатуя моему отцу». Первая публикация в русском переводе см.: *Эйдельман*, с. 319. Некоторые особенности этого лунинского письма говорят о затруднениях с оказией: поздравление передается не самой М. Н. Волконской, что было бы естественно, учитывая обычное стремление декабриста писать отдельно всем членам семьи Волконских; кроме того, на письме не выставлено имени адресата, С. Г. Волконского, как это делалось на большинстве подобных же записочек. Понятно, какой-то посредник рискнул передать одну очень короткую записку С. Г. Волконскому с максимальными мерами предосторожности.

1 ... *с днем ее ангела.*— Именины М. Н. Волконской — 1 апреля (день Марии Египетской).

2 ... *привет Михаилу Сергеевичу.*— Подразумевается Миша Волконский.

3. С. Г. Волконскому

(с. 253—255)

Печатается по французскому подлиннику ПД (ф. 187, собрание Л. Б. Модзалевского, из архива кн. Волконских, № 89). Впервые в русском переводе (с некоторыми сокращениями и неточностями) опубликовано: *Гессен*, *Коган*, с. 270—272. Письмо приблизительно датируется по упоминанию о вещах, полученных в сентябре 1842 г.: наиболее частая возможность оказии была у Лунина на рождество, когда в Акатуй из Иркутска приезжал католический священник (см. примеч. 1); в то же время, если

бы 1842-й год еще не кончился, Лунин скорее всего написал бы просто о прибытии вещей «в сентябре», без указания года.

1 *Книги, вещи и провизия ... в сентябре месяце 1842-го.*— Книги, вещи Лунина были сложены в девяти ящиках и по распоряжению властей отправлены из Иркутска с ксендзом Кирияком Филипповичем. 7 июня 1842 г. ящики прибыли в Нерчинский завод, Лунину же выданы в сентябре, см. *Цуприк*, с. 116. Ксендз Филиппович — единственный, кому было разрешено навещать Лунина в Акатуе. В документах Нерчинского горного правления сохранилась расписка Филипповича в получении письма (3 ноября 1843 г.; ГАЧО, ф. 31, № 1372, л. 528). 21 марта 1845 г. полковник А. Ф. Родственный просил распорядиться, чтобы ксендза Филипповича допускали к Лунину (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., ед. хр. 61, ч. 134, л. 248).

2 *Среди книг и вещей ... и т. д.*— В сохранившемся реестре вещам и книгам М. С. Лунина упоминаются четыре тома сочинений аббата Ф. Ламенне, французского мыслителя и христианского социолога. Вероятно речь идет о его сочинении «Essai sur l'indifférence en matière de religion» («Опыт о равнодушии в вопросах веры»), бывшем в урикской библиотеке Лунина.

Любопытно, что еще за несколько лет до того из Иркутска был разослан запрет на книги, «изданные на французском языке аббатом де Ламенне» (ГАИО, ф. 24, оп. 3, № 186, к. 9).

О библиотеке Лунина в Акатуе см.: *Цуприк*, с. 116—120.

3 *Эта бедная женщина ... арабским языком.*— В своих письмах к брату Е. С. Уварова постоянно извещала его об успехах сыновей, особенно С. Ф. Уварова (письма № 557 от 4 мая 1840 г., № 559 от 18 мая 1840 г., № 561 от 1 июня 1840 г. и др. ПД, ф. 368, оп. 1, № 23). Об успехах сына в ориенталистике она писала в последних письмах, полученных Луниным в Урике (№ 576 от 11 сентября 1840 г. и № 584 от 6 ноября 1840 г.; см. там же).

Говоря о Гумбольдте, Лунин вероятно подразумевал известного немецкого филолога Вильгельма Гумбольдта, который, однако, скончался в 1835 г. В России особой известностью пользовался его брат, Александр (1769—1859), естествоиспытатель и путешественник.

4 *... стеновые часы с memento mori ....*— Известна собственноручная расписка Лунина от 25 марта 1845 г.: «стеновые часы получил» (*Штрайх*, I, с. 115). Однако по всей видимости это были не те часы, о которых пишет здесь Лунин, см. примеч. 1 к акат. п. № 5.

5 *...учитель философии (Кирульф)...*— Шведа Кирульфа Лунин упоминал в числе своих воспитателей на допросах 1826 г. (см. ВД, III, 128).

6 *Занятия его... здоровье выиграет.*— Лунинский план занятий для М. Волконского, см. наст. изд., с. 149—150.

7 *Святой отец ... Примите его дружески.*— Ксендз Кирияк Филиппович, с именем которого связаны другие эпизоды нелегальных связей Лунина и Волконских, см. выше, примеч. 1.

8 *... досаждал Шейдович.*— Личность неизвестная, возможно, другой ксендз, более усердно служивший местным властям.

9 *Это убавит ему простодушия.*— В других письмах из Акатуя Лунин использует термин «Simplicité» как условное обозначение ксендза-посредника.

4. С. Г. Волконскому

(с. 255—256)

Печатается по французскому подлиннику ПД (ф. 187, № 89), надпись на обороте л. 2 «Сергею Григорьевичу Волконскому». Впервые опубликовано в русском переводе в кн. *Гессен, Коган*, с. 278—279. Датируется по связи содержания этого письма с акат. письмом № 3: последнее С. Г. Волконский очевидно получил и с тем же посредником («Простодушием») сумел ответить Лунину; Лунин же снова использует уже освоенный канал связи (по всей видимости, через ксендза Филипповича).

В письме № 4 развиваются некоторые мотивы, начатые в предыдущем: о доставке в Акатуй «стеновых часов» и «образа пресвятой девы», об «оставшихся книгах». Такова же и фраза «договоритесь с Простодушием...»

[1] *...заменено пожизненным заключением...*— Второй процесс над Луниным, в сущности, закончился в начале 1842 г. После разговора с Николаем I Бенкендорф распорядился (24 февраля 1842 г.): «Лунина оставить под строгим заключением...» (*Окунь*, с. 254).

5. М. Н. Волконской

(с. 256—258)

Печатается по французскому подлиннику ПД (ф. 187, № 87), на обороте листа надпись рукою Лунина: «Madame la Princesse Wolkonska» («Княгине Волконской»). Русский перевод, с некоторыми сокращениями и неточностями, впервые опубликован в кн.: *Гессен и Коган*, с. 272—275. Письмо датируется по упоминанию о смерти Н. М. Муравьева (28 апреля 1843 г.).

[1] *Простодушие натворил бед... отправить вещи по почте.*— Речь идет, вероятно, о ксендзе Филипповиче, см. примеч. 1 к акат. письму № 3. Посылка, доставленная с помощью «святого отца», была в таком жалком виде, что Лунин не упускает случая сказать об этом в ответном письме Волконским. Как и прежде, злоупотребления властей (в том числе почтовые неполадки) вызывали ответную реакцию декабриста; в числе расписок за полученные посылки сохранилась и следующая: «1842 года, майя 29, разбитый ящик, в котором разбитых картузов турецкого табака 14 фунтов, получил» (*Эйдельман*, с. 322—323). Расписка Лунина (25 марта 1845 г.) в получении «стеновых часов» показывает, что одни часы были доставлены ему с оказией и разбились, другие же пришли официальным путем, см. примеч. 4 к акат. письму № 3.

[2] *... греческий язык ... придет позднее.*— О занятиях с М. Волконским и о пользе языков, в том числе «мертвых языков», «ключа к высшему знанию», Лунин постоянно писал в письмах к Волконским, а также в ЗК (запись от 27 августа 1837 г.), наст. изд., с. 195.

[3] *Ваш брат Александр...*— Александр Николаевич Раевский (1795—1868), старший брат М. Н. Волконский, много занимавшийся в это время проблемами образования в связи с воспитанием своей дочери.

[4] *Я никак не могу согласиться на продажу Болландистов...*— Болландисты — монахи, принадлежавшие по преимуществу к иезуитскому ордену и занимавшиеся подготовкой издания «Acta Sanctorum» («Жития святых»); их собрание, начатое И. Болландом (Болландусом) издавалось в Антверпене в 1643—1762, затем в Брюсселе и Париже. Е. С. Уварова отправила Лунину 5 декабря 1836 г. 51 том (ПД, ф. 368, оп. 1, № 22, п. 393). Опись библиотеки Лунина в Урике, составленная при его аресте 27 марта 1841 г., согласно подсчетам Манассеина, включала 397 книг (123 названия) на латинском, греческом, французском, английском, немецком, польском и русском языках. В их числе 49 томов «Acta Sanctorum», хранящихся ныне, вместе с некоторыми другими книгами Лунина, в Научной библиотеке Иркутского гос. университета (см. *Манассеин*, с. 117, *Окунь*, с. 266). Внук декабриста Волконского утверждал, что часть книг Лунина (в том числе старинное издание Блаженного Августина), его отец, М. С. Волконский, приобрел в Москве, «где-то на толкучке» — см. *Волконский С. М.*, с. 98—99.

[5] *Преосвященный Архиерей...*— иркутский архиерей Нил, пытавшийся приобрести издание «Acta Sanctorum» за мизерную сумму.

[6] *Вы знаете роль... в нашем процессе.*— Лунин, очевидно, подразумевает лицемерное поведение в Верховном уголовном суде представителей духовенства, формально уклонившихся от голосования за смертную казнь, но фактически санкционировавших все правительственные меры. С. Гессен и М. Коган (с. 284) видели в этих строках намек на протоиерея П. Н. Мысловского, посещавшего заключенных в Петропавловской крепости; однако некоторые декабристы (Якушкин, С. Муравьев-Апостол) относились к Мысловскому положительно.

[7] *Удольфские таинства... г-жи Радклиф.*— Роман «Удольфские тайны» Анны Радклиф (1764—1823), английской писательницы, популярной в свое время благодаря «романам ужасов».

6. М. С. Волконскому

(с. 258—259)

Печатается по английскому подлиннику ПД (ф. 187, № 88). На обороте «Михаилу Сергеевичу Волконскому»; письмо предшествует другому английскому письму Лунина Мише Волконскому (см. ниже письмо, № 9), где Лунин ссылается на более раннее послание («я говорил тебе в моем последнем письме...»). Возможно № 6 было послано вместе с акатуйским письмом № 5 к М. Н. Волконской, где Лунин рассуждает о занятиях Миши иностранными языками; если в письме № 1 Лунин радовался «некоторым успехам» мальчика в английском, то теперь он советует матери говорить с ним «по-французски и по-английски»; соответственно, и английское послание, с которым Лунин обращается к юному Волконскому, теперь длиннее и сложнее, чем краткая, простая приписка в письме № 1. В детстве сам Лунин переписывался по-английски с дядей, М. Н. Муравьевым, см. ОПИ ГИМ, ф. 445, № 53, 55; ф. 241, № 35.

7. С. Г. Волконскому

(с. 259—260)

Печатается по французскому подлиннику ПД (ф. 187, № 89); на обороте листа «Сергею Григорьевичу Волконскому: Первая публикация (в русском переводе) — *Гессен*, *Коган*, с. 279—280). Датируется по связи содержания письма с другими акатуйскими письмами: 1) как и в письме № 4 повторяется мысль о продаже дома (но в более конкретной форме: Волконский уже успел сообщить Лунину имя предполагаемого покупателя); 2) еще раз повторена мысль о помощи семье Василича; в следующем же письме № 8 Лунин благодарит Волконского за исполнение этой просьбы; 3) как в предыдущих письмах и как в следующем (№ 8), Лунин просит прислать оставшиеся книги и «образ пресвятой девы», но уже не просит прислать часы (о судьбе которых см. акат. письмо № 5). К тому же, если прежде Лунин надеялся на оказию, то после неудачи с доставкой часов и других предметов он желает, чтобы вещи шли «через посредство властей». Таким образом несомненно, что письмо № 7 (прежде считавшееся последним акатуйским посланием) написано в 1843 г.— между маем (ранняя из возможных дат акат. письма № 6) и рождеством 1843/1844 г. См. примеч. к письму № 8.

1 *Мрозовский* — вероятно, польский ссыльный.

2 *...я способен прожить сто лет.*— Возможно, Лунин намекает на угрозы со стороны местных властей. О смерти Лунина см.: *Эйдельман Н.* Смерть М. Лунина. История СССР. 1969. № 5, с. 141—152, а также наст. изд., с. 346.

8. С. Г. Волконскому

(с. 260—262)

Печатается по французскому подлиннику ПД (ф. 187, № 89). На обороте листа надпись рукой Лунина: «Сергею Григорьевичу Волконскому». Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским на языке подлинника и в русском переводе («Атеней», 3, с. 18—20). Основа для датировки — упоминание о получении письма С. Г. Волконского от 5 ноября 1843 г., а также большая вероятность появления ксендза Филипповича или другого посредника во время рождества (см. примеч. к письму № 2). В то же время указание Луниным полной даты получения письма Волконского (не просто «5 ноября», но «5 ноября 1843 года») позволяет предположить, что ответ Лунина пишется в начале 1844 г.

1 *...о печальных вещах... преходящи.*— «Печальные вещи» — это, возможно, судьба осиротевшей дочери Никиты Муравьева, Нонушки, почти насильственно отправленной летом 1843 г. в Московский Екатерининский институт без права даже заехать к бабушке, Е. Ф. Муравьевой (см. *Эйдельман Н.* Из декабристских архивов.— Дружба народов. 1975. № 11, с. 231—233).

2 *...занимаюсь более всего... имеют предметом религиозные верования у Гомера.*— Е. С. Уварова старалась пересылать Лунину в Акатуй необходимые книги. Сестра узнавала о Лунине только из официальных уведомлений III отделения. 28 июня 1843 г.

Е. С. Уварова из Берлина писала Дубельту: «Вот уже почти 3 года, как несчастный брат мой томится в заточении без книг, которые ему столько же необходимы как воздух; доставя ему посылаемого при сем Гомера на греческом, его любимом диалекте, вы усладите вместе и его заточение и мое в чужбине изгнание, ибо удаление от святой родины ничем не кажется русскому моему сердцу, как добровольною ссылкой» (*Цуприк*, с. 117). Эту просьбу III отделение удовлетворило. 21 октября 1843 г. книги Гомера (шеститомные издания «Илиады» и «Одиссеи»), а также словари к ним были получены в Акатуе. Еще раньше через III отделение, от сестры, и с помощью Волконских из Иркутска Лунин получил сочинения Платона, Демосфена, Цицерона, книги по истории Греции и др. См. *Цуприк*, с. 118.

3 *Но горе мне ... в руки властей.*— Трудно предположить, как можно было задеть власть «религиозными верованиями у Гомера». Возможно, речь идет о новом конспиративном сочинении Лунина, начатом в Акатуе и до нас не дошедшем. Некоторые мотивы, постоянно интересовавшие Лунина в древнегреческих поэмах, угадываются в «Исторических этюдах» и ЗК. См. наст. изд., с. 156—161, 200—202.

4 *Один ударился в военщину, другой — в науку.*— Речь идет о сыновьях Е. С. Уваровой — Александре и Сергее.

5 *... чтобы мне выслали остальные книги.*— С просьбами о присылке оставшихся в Урике книг Лунин обращался к Волконскому и позже, но противодействие иркутских властей (несмотря на разрешение III отделения и ответ Дубельта Уваровой, что книги отосланы Лунину в 1844 г.) не дало возможности переправить все книги. В Акатуе после смерти Лунина оказалось немного книг сверх того, что было в ссылке в 1842 г. (библиотека, отправленная с ксендзом Филипповичем). Некоторые книги из акатуйского собрания Лунина, впрочем, вообще не были в Урике, а пересланы непосредственно сестрой (о судьбе этой библиотеки см. *Цуприк*, с. 118—121).

6 *Ваши заботы о Василиче... постоянной ко мне дружбе.*— О слуге Лунина Ф. В. Шаблине см. в «Письмах из Сибири», наст. изд., с. 8. Лунин завещал ему свой дом в Урике. Е. С. Уварова и в 1845 г. еще посылала 120 руб. серебром «престарелому инвалиду Василичу» и его семье (см. ПД, ф. 57, оп. 1, № 252).

7 *Постарайтесь выкупить мое благородное оружие... за которое было заплачено в Париже 3 тысячи франков.*—20 июля 1843 г. Лунин расписался за переведенную в Нерчинский завод сумму 181 рублей 25 копеек «от продажи с аукционного торга двух ружей, трех стальных кинжал и 3 пуд. 33 ф. свинцу, перелитого в дробь» (ГАЧО, ф. 31, он. 1, № 1372, л. 280). Вероятно, Лунин знал, кем куплены ружья, изумляясь низкой цене, за них назначенной.

9. М. С. Волконскому

(с. 262—263)

Печатается по английскому подлиннику ПД (ф. 187, № 88), на обороте рукописи рукой Лунина: «Михаилу Сергеевичу Волконскому». Впервые опубликовано в русском переводе: *Гессен и Коган*, с. 274—275. Письмо приблизительно датируется (с. 284) концом 1843 г. или 1844 г. на основании его содержания; возможно оно было написано и отправлено вместе с письмом № 7.

1 *Я говорил тебе в моем последнем письме...*— См. акат. письмо № 6.

2 *Рассказы дедушки.*— «Tales of a Grandfather; being stories taken from Scottish History» («Рассказы дедушки; подлинные истории из шотландской истории»). Сочинение Вальтера Скотта, опубликованное первым изданием в Эдинбурге в 1828 г. Книга была в урикской библиотеке Лунина.

10. М. Н. Волконской

(с. 263—264)

Печатается по французскому подлиннику — ПД, ф. 187, № 87, на обороте листа надпись рукой Лунина по-французски: «Madame la Princesse Wolkonska» («Княгине Волконской»). Впервые опубликовано в русском переводе: *Гессен и Коган*, с. 275—276. Датируется по следующему письму, писавшемуся сразу вслед за № 10.

[1] *Англичанин сказал мне... произношение.*— Вряд ли какой-либо реальный англичанин мог связаться с Луниным в Акатуе. Здесь иносказание, понятное М. Н. Волконской.

[2] *Надеюсь, что доктор (глухой)...*— Возможно, то же лицо, которое подразумевается под «англичанином», см. примеч. 1.

11. С. Г. Волконскому

(с. 264—265)

Печатается по французскому подлиннику — ПД (ф. 187, № 89), на обороте листа надпись рукой Лунина: «Сергею Григорьевичу Волконскому». Впервые опубликовано в русском переводе: *Гессен и Коган*, с. 277. Письмо составляет один эпистолярный комплекс с письмом к М. Н. Волконской № 10. Датировка определяется тем, что сенатора И. Н. Толстого (прибывшего в Акатуй в марте 1845 г.) в это время только ожидают (см. *Окунь*, с. 268). В то же время сообщение Лунина о том, что он «купается в октябре», позволяет предположить, что он описывает события настоящего времени, и тогда письмо № 11 (как и 10) можно датировать октябрем 1844 г.

[1] *Визит господ из комиссии... развлечение.*— О какой комиссии идет речь, установить не удалось: в связи с предполагавшейся реформой тюремно-каторжной системы в начале 1840-х годов в Сибири действовало несколько правительственных комиссий. В 1842 г. в инспекторской поездке участвовал брат декабриста И. И. Пущина Н. И. Пущин, см. *Фонвизин*, I. Декабрист П. Н. Свистунов вспоминал, что Лунин, спрошенный Н. И. Пущиным о способах облегчения его участи, отвечал: «Лучше позаботьтесь о тех, которые прикованы к стене; их положение только ожесточает, а не дает сознательности нравственного улучшения (РА, 1871, № 2, стб. 351).

[2] *Ожидаем... сенатора и примадонны труппы.*— Сенатор И. Н. Толстой родственник и знакомый многих декабристов. С его посещением Акатуя связан эпизод, опубликованный в герценовском «Колоколе» анонимным мемуаристом (возможно, С. Ф. Уваровым). См. наст. изд., с. 348.

12. М. С. Волконскому

(с. 265)

Автограф Лунина не обнаружен. Печатается по тексту, впервые опубликованному С. Я. Штрайхом в статье «Из прошлого русского общества» («Русское прошлое, 1923, № 5, с. 150, см. также *Штрайх*, II, с. 50—51). По описанию С. Штрайха, на обороте письма рукой Лунина написано: «Михаилу Сергеевичу Волконскому». Рукою С. Г. Волконского там же: «Письмо от покойного М. С. Лунина к сыну моему Мише из Акатуя на латинском языке». Письмо, возможно, отослано в одном комплексе с двумя предыдущими: в письме № 10 говорится об изучении Мишей латыни — письмо к самому Мише написано по-латыни. В письме № 9 Лунин отказывается от присылки собаки — заботы о ней поручаются Мише Волконскому.

ДОПОЛНЕНИЯ

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ М. С. ЛУНИНА

(с. 266—268)

Обе редакции Духовного завещания, от 28 февраля 1818 и 27 марта 1819, печатаются по подлинным рукописям: ранняя — в Архиве АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 100 (Н. Ф. Дубровина), оп. 1, ед. хр. 282; поздняя — в ЦГИА СССР, ф. 1584 (Сената), оп. 3 № 612, лл. 6—7. Ранняя редакция впервые опубликована в: Памяти декабристов, т. 1. Л. 1926, с. 101—102; поздняя — в «Архиве графов Мордвиновых», т. 6. СПб., 1902, с. 255—259; с уточнениями еще раз — в РС, 1914, № 3, с. 606—618; в советское время — *Штрайх*, I, с. 85—87.

Два завещания, из которых первое — черновое, а второе, подписанное с соблюдением необходимых формальностей, отразили беспокойство декабриста о судьбе его крестьян. Оба документа составлены вскоре после того, как Лунин стал обладателем имений в Тамбовской и Саратовской губерниях с 929 душами крестьян. Идея улучшения положения крестьян соответствовала духу программных установок Союза благоденствия. Свидетелями завещания были священник Н. Петров, сенатор П. С. Полуденский, чиновник Ф. П. Ильин, декабрист Н. М. Муравьев. В то же время внимание исследователей привлекла определенная разница двух редакций завещания: хотя оба проекта предусматривали личное освобождение крестьян и серию благотворительных мер в их пользу, однако редакция 1818 г. предусматривала наделение крестьян землей, в то время как формальное завещание 1819 г. ориентировалось на безземельное освобождение. Эта разница объяснялась дворянской ограниченностью Лунина *(Греков)* влиянием проектов Н. М. Муравьева *(Гессен, Коган)*, наконец, конкретными обстоятельствами, возникшими при том плане наследования, которым руководствовался Лунин *(Окунь)*. Своим наследником Лунин объявил не родную сестру, Е. С. Уварову, а двоюродного брата, Н. А. Лунина (1789—1848), разделявшего некоторые важные мысли декабриста, а также согласного, как записал Лунин, «руководствоваться правилами, ему от меня внушенными». По справедливому предположению С. Б. Окуня, «в этой фразе, очевидно, заключалось нечто значительное, ибо Лунин тщательно ее отшлифовывал. Во всяком случае она написана на подчищенном месте, и сделанное исправление особо оговорено» (*Окунь*, с. 44). Лунин не хотел передавать имение сестре, опасаясь ее мужа — крепостника Ф. А. Уварова. Сложная судьба лунинского завещания детально обсуждена в литературе (*Штрайх*, I, с. 140—144; *Окунь*, с. 38—45, 118—128). В духе представленной в завещаниях программы улучшения крестьянского быта Лунин в 1820-х годах, с помощью управляющего Е. Суслина, стремится упорядочить имения и облегчить положение крепостных (см. *Греков*).

После ареста Лунина Ф. А. Уваров старался присвоить его имение, заставив Е. С. Уварову апеллировать к властям со ссылкой на недействительность завещания «государственного преступника»; Н. А. Лунин оспоривал эти попытки, стремясь выполнить волю брата. 29 ноября 1826 г. А. Я. Булгаков писал из Москвы брату К. Я. Булгакову в Петербург: «Приехал Лунин, который очень тебе кланяется. Он теперь находится в странном положении. Брат его двоюродный, Михаил Лунин, приговоренный к каторжной работе, сделал еще в 1819 году завещание, по коему назначает сестре своей, что за Уваровым-черным, по 10 000 р. в год доходу, да по 10 000 же на заведение и содержание богадельни в имении своем; остальное же все свое имение отдает (яко бездетный) брату своему Николаю Александровичу с некоторыми условиями. Уезжая в ссылку, он писал управляющему: все собираемые доходы вносить в Воспитательный Дом, половину бумажками, половину золотом, впредь до какого-либо нового помещения; во всех особо важных случаях требовать разрешения брата Н. А. Как сослали Михайлу, Уваров поскакал в Тамбов и ввел себя по доверенности жены (а ссылаемого сестры) во владение всего имения, хотя управляющий объявил ему, что доходы имеют поступить в Воспитательный Дом. По приказанию Михайлы Лунина (прибегать в важных случаях к Н. А.) управляющий ему написал, требуя наставления, что ему делать. Теперь является духовная, о которой я тебе выше писал. Она послана к императрице Марии Федоровне. Между тем, Уваров, которому надобно бы сердиться на шурина своего, весь свой гнев обратил на нашего Н. А.

Я читал последнее письмо несчастного брата к нему, он именно говорит Уварову, что ни дай, он все проживет: имение мое было в твоих руках, я спокоен и уверен, что благосостояние моих крестьян навсегда упрочится и что ты исполнишь мои предначертания и пр. Теперь бедный Лунин очутился с процессом на руках. Я тебе это сообщаю для того, чтоб ты на всякий случай, если бы речь случилась в Петербурге, знал истинное положение дела сего. Уваров верно будет кричать и чернить Лунина, а он совершенно тут невинен» (*Штрайх*, I, с. 141).

В процесс вмешались влиятельнейшие лица — обер-прокурор Сената П. П. Гагарин, министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский, императрица-мать, наконец, сам Николай I. Сильнейшим довод́ом Уваровых, вызвавшим в конце концов, 10 мая 1827 г., отмену завещания декабриста, была угроза, сформулированная в письме Е. С. Уваровой (под диктовку мужа) от 9 декабря 1826 г.: «Достижение слуха до по-

мянутых крестьян брата моего, ныне во владении моем состоящих, о той свободе, которую будто бы содержанием духовной желали предоставить им, неизбежно возродит между ними неповиновение, безначалие и может быть самое буйство к истреблению на важную сумму находящихся в том имении как хозяйственных заведений, так и разного рода хлеба» (*Окунь*, с. 121). Главным же формальным основанием для отмены завещания было противоречие плана безземельного освобождения крепостных — закону о вольных хлебопашцах (1803), предусматривавшему обязательное наделение землей освобожденных по воле помещиков крестьян. (Материалы о признании Лунинского завещания не действительным см. ЦГИА, ф. 1584, оп. 3: № 2612; ф. 1263, оп. 1, № 503, лл. 454—460, 627—634; ф. 1329, оп. 1, № 445, лл. 10—11; ф. 1405, оп. 24, № 1544, ф. 1673, оп. 1, № 235).

Во время разбирательства дела Ф. А. Уваров, однако, исчез (7 января 1827 г.): возможно покончил с собою в связи с неблаговидным мнением, сложившемся даже в высшем обществе насчет его бесчестных попыток завладеть имением опального родственника: больше не существовало причины, удерживавшей Лунина от передачи имения сестре. Возможно, от самого декабриста из крепости поступили какие-то разъяснения брату, так как в январе 1827 г. А. Я. и К. Я. Булгаковы уже знали, что Н. А. Лунин согласен на мировую с Уваровой, но с условием, чтобы она утвердила завещание брата (см. *Штрайх*, I, с. 144). Судя по переписке Лунина и Уваровой, в 1830—1840-х годах декабрист продолжал давать сестре указания по улучшению положения крестьян с тем, чтобы в недалеком будущем подготовить их освобождение. См. наст. изд., с. 16, 240, 241, 387, 459, 462.

1 *...все крестьяне и дворовые люди... освобождаются от крепостных прав... на основании указа.*— Ссылка на закон 20 февраля 1803 г. о вольных хлебопашцах. Лунин, однако, не знал указа от 19 февраля 1804 г., запрещавшего увольнение крестьян в вольные хлебопашцы на основе духовных завещаний (см. *Окунь*, с. 39, 42).

2 *Все движимое и недвижимое имущество... и сверх того уделяется им по 6 сороковых десятин пахотной земли в окружности их селений* — «Сороковая десятина» — площадь, равная 2400 квадратных саженей. Средний душевой надел в имении Лунина составлял 7 десятин: таким образом, предполагалась передача освобождаемым крестьянам основной части надела.

3 *Побочной сестре моей девице NN* ...— «девица Прасковья Михайлова», см. текст «второй редакции» завещания, § 6.

4 *Управляющему моими поместьями г. NN*....— коллежский регистратор Евдоким Федорович Суслин, см. текст «второй редакции» завещания, § 6.

5 *Вольноотпущенную девицу NN* ...— Анна Соколова, см. текст «второй редакции» завещания, § 7.

6 *...назначаю на сооружение и содержание вольного народного училища... чтоб построена была богодельня... кто не в силах сыскать себе пропитания.*— Пункт завещания, соответствующий идеям «Зеленой книги», устава декабристского Союза благоденствия.

7 *... февраля 29 дня 1818 года.*— Вероятно описка вместо «28 февраля».

8 *На основании указа 1714 года марта 23 дня*...— Лунин стремился в интересах крестьян (будущих арендаторов) предотвратить раздробление земельного фонда, остававшегося у помещика, а для того пытался использовать закон Петра I о «майоратах» (см. *Окунь*, с. 44—45).

ПУБЛИКАЦИИ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА

РАЗБОР ДОНЕСЕНИЯ ТАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ В 1826 ГОДУ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА

Первая печатная публикация русского текста «Разбора...», написанного в 1839 г. Ввиду незначительных разночтений между авторским текстом Лунина и ПЗ — текст, опубликованный в ПЗ, в настоящем издании не воспроизводится. V книга ПЗ вышла около 1 мая 1859 г. (объявление о предстоящем ее выходе появилось в «Колоколе»,

№ 41, от 15 апреля 1859 г.). Редакционное примечание, сопровождавшее публикацию «Разбора...» (ПЗ, V, 53), сообщало, что «другими эта превосходная статья приписывается Лунину». В конце V книги ПЗ (ПЗ, V, с. 299) издатели сообщали, что получили новый список «Разбора...» вместе с подтверждением, что автор статьи — М. С. Лунин, а комментариев — Н. М. Муравьев. Статья декабристов была получена в Лондоне не позднее августа 1858 г. (см. *Герцен*, XXVI, с. 205), возможно, вместе с некоторыми другими сочинениями М. С. Лунина. В примечании Герцена к статье «Из воспоминаний о Лунине» в № 36 «Колокола» (15 февраля 1859 г.) перечислялись сочинения Лунина, поступившие в Вольную типографию. Отсутствие в этом перечне «Разбора Донесения...» объясняется, вероятно, тем, что Герцен в то время считал автором статьи не Лунина, а Н. Муравьева.

В основе публикации Герцена и Огарева был русский текст «Разбора...», полученный в Лондоне в виде одного или нескольких списков. В конце примечаний к «Разбору...» (ПЗ, V, 71) помещена дата: «10 октября 1857 г.» Ни Лунина, ни Н. Муравьева в 1857 г. давно уже не было в живых, и дата не могла быть поставлена кем-либо из них. Это также и не дата публикации в ПЗ: в октябре 1857 г. еще формировалась IV книга, вышедшая около 1 марта 1858 г. Остается единственная версия, что дата поставлена корреспондентом Вольной печати или переписчиком в конце имевшегося у него списка «Разбора...».

Копии «Разбора...» и других сочинений Лунина имелись в бумагах И. И. Пущина, М. А. Фонвизина, М. И. Муравьева-Апостола, С. Г. Волконского и других декабристов (см. наст. изд., с. 410, 411). Все списки «Разбора...» различаются лишь по написанию некоторых слов и другими малозначительными деталями. Известный интерес представляет библиографическая заметка С. Д. Полторацкого о том, что Лунин собирался напечатать свою рукопись в Париже, но все было раскрыто, и он был сослан. При этом Полторацкий отмечает, что «слышал это от Аркадия Осиповича (Россета) 28 июля 1853 г.» (ЛБ, ф. 233, п. 58, № 8). К списку С. Д. Полторацкого, вероятно, восходят почти совершенно идентичные тексту ПЗ списки П. И. Бартенева (ЦГАЛИ, ф. 46, он. 1, № 28; оп. 2, № 99).

Не исключено, что при посещении Лондона в августе 1858 г. П. И. Бартенев передал Герцену и Огареву среди различных запретных материалов также и «Разбор...» Лунина и Н. Муравьева (см. *Светлов Л. Б.* Из разысканий о деятельности Герцена.— Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. VIII, 1951, № 6, с. 542—544).

Список «Разбора...», принадлежавший декабристу М. И. Муравьеву-Апостолу,— единственный, который сопровождается датами: около заглавия копии — «13 июля 1857 г.», на последней странице «июня 19 дня» (ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, № 108, лл. 1, 11). Эти числа близки к дате, сопровождающей публикацию ПЗ,—10 октября 1857 г.

Копия Муравьева-Апостола, так же как копия близкого к нему Е. И. Якушкина (ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, № 19) — больше всего совпадают (вплоть до прямых ошибок) с текстом ПЗ и были созданы до публикации ПЗ.

Таким образом, сопоставление текста ПЗ и рукописных копий «Разбора...» позволяет предположить возможное участие С. Д. Полторацкого, П. И. Бартенева, М. И. Муравьева-Апостола и Е. И. Якушкина в передаче списков «Разбора...» для Вольной русской печати. Подробнее см.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, гл. V.

Публикация «Полярной звезды» был единственным источником всех последующих публикаций текста «Разбора...» в течение более чем 60 лет. Через четыре года после первой публикации «Разбор...» был перепечатан в изданных Вольной русской типографией «Записках декабристов» (вып. 2—3. Лондон, 1863, с. 101—119); в 1870 г. тремя изданиями — в сборнике «Тайное общество и 14 декабря 1825 года в России», Лейпциг 〈б. г.〉, Международная библиотека, т. 7, с. 204—219; ряд перепечаток — в период первой русской революции: «Всемирный вестник» 1905 № 12, с. 39—56; в кн. «К истории декабристов» (под ред. С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова). М., 1906; в сб. «Библиотека декабристов», вып. 5, 1907, с. I—XXIV; наконец, в кн. «Декабрист Михаил Сергеевич Лунин». Пб., 1917, с. 59—78. В 1923 г. С. Я. Штрайх впервые опубликовал «Разбор...» по рукописи ЦГАОР с иными (краткими) примечаниями, нежели в ПЗ (см. *Штрайх*, I, с. 67—77; наст. изд., с. 106—107); см. также факсимильное издание ПЗ, кн. V (текст), кн. IX (примеч.). М., 1968.

ВЗГЛЯД НА ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ (1816—1826) С. ЛУНИНА

(с. 269—273)

Первая печатная публикация лунинского «Взгляда...», написанного в 1838 г. Имя автора было названо в заглавии с ошибочным инициалом: «С. Лунин».

Издатели ПЗ нашли в статье «Взгляд на тайное общество» противоречия со статьей «Разбор Донесения...», что укрепило их в мысли, будто М. С. Лунин не мог быть автором последней статьи (см. ПЗ, V, 231), однако этот вывод был ошибочным (см. примеч. к публикации в ПЗ «Разбора Донесения...»).

В основе публикации Герцена и Огарева был французский список сочинения («Aperçu sur la Société occulte de Russie 1816—1826»), вероятно, восходящий к одной из рукописей, находившихся в распоряжении ссыльных декабристов.

Судя по упоминанию о статье Лунина в № 36 «Колокола», Герцен получил рукопись «Взгляда...» до 15 февраля 1859г.

Лунинский «Взгляд на тайное общество» с французского переводил для ПЗ Н. А. Мельгунов. 22 февраля 1859 г. Герцен писал Н. А. Мельгунову: «Лунин — один из тончайших умов и деликатнейших — а потому рекомендую тебе обратить страшное внимание на слог» (*Герцен*, XXVI, с. 239).

Перевод Н. А. Мельгунова был готов после 1 марта 1859 г. и набран для V книги ПЗ сразу вслед за главами из «Былого и дум». Подробнее см.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды», гл. V.

Публикация «Полярной звезды» была единственным источником всех последующих публикаций текста в течение более чем 60 лет: в 1870-х годах тремя изданиями — в сб. «Тайное общество и 14 декабря 1825 года в России», Лейпциг 〈б. г.〉, Международная библиотека, т. 7, с. 1—8; в кн.: «К истории декабристов» (Под общей ред. С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова). М., 1906; в кн. «Декабрист Михаил Сергеевич Лунин», Пг., 1917, с. 12—19.

В 1923 г. впервые «Взгляд...» опубликован по рукописи ЦГАОР (см. *Штрайх*, I, с. 61—66). См. также факсимильное издание ПЗ, кн. V (текст), кн. IX (примеч.).

ИЗ ПИСЕМ М. ЛУНИНА (С ФРАНЦУЗСКОГО)

(с. 273—285)

Первая печатная публикация «Писем из Сибири» — одного письма (1) — к шефу жандармов, семнадцати (фактически — восемнадцати) писем (II—XVIII) — к сестре Е. С. Уваровой и одного письма (XIX) — Е. З. Канкриной.

Герцен и Огарев располагали письмами Лунина уже в начале 1858 г. («Колокол», № 36, 15 февраля 1859 г.), однако не поместили их в V книге ПЗ, вероятно, в связи с тем, что там печатались уже два других сочинения декабриста.

VI книга ПЗ вышла в марте 1861 г. (о ней извещал № 93 «Колокола», от 15 марта 1861 г.), т. е. почти через два года после выхода V книги ПЗ. Первое упоминание об этой книге в письме А. И. Герцена И. С. Тургеневу от 9 ноября 1860 г. (см. *Герцен*, XXVII, с. 108).

В основе публикации Герцена и Огарева был неизвестный список французского текста «Писем из Сибири», отражавший определенный этап работы декабриста над своим произведением: из 27 писем, составивших в конце концов «раннюю редакцию» — в ПЗ вошло 20 (17 писем первой серии в ранней редакции, а также 3 письма второй серии).

Автором перевода на русский язык, возможно, был Н. А. Мельгунов, переводивший для герценовской печати «Взгляд на тайное общество...» (см. примеч. к этой публ.). Публикация Герцена и Огарева была повторена в кн. «Декабрист Михаил Сергеевич Лунин». Пг., 1917, с. 39—58.

В 1923 г. С. Я. Штрайх опубликовал «Письма из Сибири», механически соединив рукопись (ЦГАОР) с текстами ПЗ (см. наст. изд., с. 371). См. также факсимильное издание ПЗ, кн. VI (текст), кн. IX (комм.).

ЛУНИН О СОБЫТИЯХ 1825 ГОДА. ИЗ «ОБОЗРЕНИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ» М. А. ФОНВИЗИНА

(с. 285)

Авторское примечание декабриста М. А. Фонвизина к его работе «Обозрение проявлений политической жизни в России» относится к описанию событий «междуцарствия» 1825 г. и непосредственно следует за фразой: «Более полумесяца продолжались сношения между Варшавой, где находился Константин, и Петербургом, наконец, пришло в Петербург вторичное его формальное отречение от трона и донесение его, что он сам и ему подчиненное войско присягнули императору Николаю».

Впервые опубликовано в издании «Записки фон-Визина, очевидца смутных времен царствований Павла I, Александра I и Николая I». Лейпциг, 1859, с. 162. В 1860 г. эта книга была переиздана.

В 1905 г. этот текст впервые опубликован в России в сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX века». СПб., 1906, т. 1, с. 192; позже — в изд. «Библиотека декабристов». СПб., 1907, вып. IV, с. 94—95. Новейшее издание — в кн. *Фонвизин*, II, с. 190.

Рассказ М. С. Лунина о событиях 1825 г. в Варшаве М. А. Фонвизин мог слышать между 1828 и 1832 гг., когда оба декабриста находились сначала в Чите, затем в Петровском заводе; Фонвизин был переведен на поселение указом 8 ноября 1832 г. и больше с Луниным не виделся.

Рассказ записан Фонвизиным, как это видно из текста, уже после смерти Лунина; запись очевидно находилась уже в первой редакции «Обозрения проявлений политической жизни в России» М. А. Фонвизина (1847 — начало 1848 г.).

Рассказ Лунина является уникальным фрагментом его «устных воспоминаний», которыми он щедро делился с товарищами по заключению, см. *Басаргин*, с. 133.

События, описываемые в этом фрагменте, почти не известны по другим источникам; меж тем есть все основания доверять рассказу: доказательство тому — положение Лунина в Варшаве, его особые отношения с вел. князем Константином, имена других причастных лиц (Альбрехт, Красинский), действительно находившихся в ноябре — декабре 1825 г. в Варшаве.

Тематически близки к этому рассказу некоторые рассуждения Лунина о Новосильцеве (см. письмо № 4 первой серии поздней редакции (наст. изд., с. 7 и примеч. 3—5 к нему, а также воспоминания Д. И. Завалишина: «Лунин делал много добра полякам, но не доверял им в политическом отношении. Он предостерегал цесаревича и говорил ему, что после того, как тот отказался от престола, ему не следует уже оставаться в Варшаве, а надо жить или в России, или за границей и уже частным человеком» (*Завалишин Д. И.* Декабрист М. С. Лунин.— Ист. вестн., 1880, № 1, с. 148). Об отношениях Лунина с вел. князем Константином см. *Окунь*, с. 79—90.

1 *...в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Константин... на другой день собрать полки... к присяге имп⟨ератору⟩ Николаю.*— В первые дни после получения известия о смерти Александра I Константин как будто колебался и, судя по наблюдению некоторых современников, еще не отказался окончательно от короны русской и особенно польской (см. *Окунь*, 82—85). После же получения в Варшаве (2 декабря 1825 г.) известия о существовании манифеста Александра I, передававшего престол Николаю, Константин отказался от своих намерений. Именно к этому моменту, 2—3 декабря 1825 г., может быть отнесена неудавшаяся попытка офицеров и генералов заставить Константина принять престол.

2 *... генерала Альбрехта...*— Генерал-майор А. И. Альбрехт, родственник В. К. Кюхельбекера, командир гвардейской дивизии в Варшаве, куда входил и Гродненский гусарский полк, в котором служил Лунин. Был очень близок к Константину и входил в число четырех лиц, приглашенных великим князем на его бракосочетание с Ж. Грудзинской, 12 мая 1820 г.; см. *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. РС, 1877, № 10, с. 378.

3 *На это дал согласие и ... Новосильцев ...*— Новосильцев, прежде ограничивавший самостоятельность Константина, мог решиться на поддержку «константиновской

партии», находя в этом пользу для самодержавия. О роли Новосильцева в 1825 г. см. Рассказ сенатора И. Д. Данилова. РС, 1870, № 3, с. 246; Рассказ адмирала Колзакова.— Там же, с. 249—251.

4 *Граф Красинский* — Викентий Красинский, наполеоновский генерал (отец великого польского поэта Сигизмунда Красинского); после 1825 г. был непопулярен на родине за усердное служение российским властям и требование строгих мер против польских заговорщиков; в восстании 1830—1831 гг. участия не принимал, в 1856 г., после смерти Паскевича, временно возглавлял Варшавскую администрацию.

5 *Сам вел. князь на другой день лично приводил к присяге... все полки.*— Согласно запискам графа Мариоля, Константин несколько дней не выходил из дворца, вследствие чего в Варшаве распространились толки, будто он собирается принять корону. Затем — «великий князь собрал гвардию и варшавский гарнизон и прочитал им свой акт отречения ... и, тотчас присягнув императору Николаю, приказал сделать то же и войскам ... «Ну дело сделано,— сказал он, потирая руки,— я надеюсь, что теперь меня оставят в покое».— РС, 1902, № 9, с. 532. Последняя фраза могла в скрытой форме подразумевать попытки Лунина и других «заговорщиков», описанные М. А. Фонвизиным.

Е. С. УВАРОВА — И. С. ГАГАРИНУ

(с. 286—289)

Печатается в переводе с французского. Оригинальный текст впервые опубликован в издании: Летописи Государственного литературного музея, кн. 3: Декабристы. М.; Л., 1938, с. 192—198 (текст и перевод), с. 198—201 (примеч. Н. П. Чулкова).

Источник публикации — фотокопия с подлинника, хранящегося в Славянской библиотеке в Париже (фонд И. С. Гагарина). Точная датировка затруднительна: активная деятельность эмигранта, католического публициста И. С. Гагарина (1814—1882) по собиранию материалов относительно его единоверцев в России начинается с конца 1850-х годов. В этот период «9 февраля» (старого стиля) падает на четверг в 1856-м, 1862-м и 1868-м гг.; по новому стилю — в 1860 и 1866. Наиболее вероятной из этих дат представляется 1860 или 1862 г.: в феврале 1856 г. сношения России с Францией (где жил Гагарин) были почти невозможны, так как еще не окончилась Крымская война; в 1868 г. Е. С. Уварова скончалась; с другой стороны, посредником между нею и Гагариным в начале 1860-х годов мог быть С. Ф Уваров (см. примеч. к тексту «Из дневника С. Ф. Уварова»).

Е С. Уварова после смерти брата стремилась собрать какие-либо сведения о его последних годах и днях. 31 марта 1846 г. она безуспешно просила начальника III отделения Л. В. Дубельта: «... предписав, кому следует, дать Вам знать о всех подробностях его (Лунина — *ред.*) болезни и кончины! Сколько не терзательны будут для меня эти плачевные подробности, но все лучше этого смертного молчания, этой глухой неизвестности насчет столь близкого моему сердцу и вечно оплакиваемого брата!» (ЦГАОР, ф. 109, I, эксп., ед. хр. 61, ч. 61, 1826 г., л. 167—168).

Позже Уварова очевидно узнала некоторые подробности от Волконских.

1 *Ведь я была далека от мысли... к реабилитации его памяти и изданию его биографии.*— Гагариным был составлен только план биографии Лунина (оригинал его, не датированный, хранится в Славянской библиотеке).

2 *В этот день... родился мой любимый брат...*— Лунин родился 18 декабря 1787 г. На эту дату указывает сам декабрист. См. наст. изд., с. 245. Согласно записи в метрической книге он родился 29 декабря. См. публикацию *Бройтман Л.* в газете «Вечерний Ленинград» от 29 мая 1986 г.

3 *Дуэль состоялась... отрезал прядь волос.*— Версии дуэли Лунина с А. Ф. Орловым впервые изложили декабристы П. Н. Свистунов (РА, 1871, № 2, с. 347) и Д. И. Завалишин (Ист. вестн., 1881, т. 1, с. 142—143).

4 *Будучи уволенным — вследствие этой дуэли...*— Об этом существует рассказ П. Н. Свистунова; см. также *Гессен*, *Коган*, с. 40—42. По всей видимости, главной причиной увольнения Лунина было его независимое, дерзкое поведение, пугавшее и раздражавшее Александра I (см. *Окунь*, с. 21—22).

[5] *... в гвардию в гродненские гусары...*— Летом 1816 г., выйдя в отставку в чине ротмистра, Лунин уехал в Париж; с 1822 г.— снова на службе в польском уланском полку в том же чине. Из гвардии обычно переходили в армию с повышением, однако Лунин был у начальства в «немилости»: в этом подоплека его шутки о «буточниках».

[6] *... воспользоваться случаем бежать.*— Эпизод о Лунине и Константине подробно исследован С. Б. Окунем (с. 86—89), см. также наст. изд., с. 292.

[7] *Он просил графа Закревского ... в ожидании очной ставки с поляками.*— Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), гр., ген.-губернатор Финляндии и командир Отдельного финляндского корпуса в 1823—1828 гг., министр внутренних дел в 1828—1831 гг. Швецией Уварова назвала Финляндию.

Эпизод в Свеаборгской крепости (близ Гельсингфорса), куда Лунин был заключен в октябре 1826 г., впервые обнародован в «Колоколе», л. 36, 15 февраля 1859 г.

Замечание Уваровой об «ожидании очной ставки с поляками» не имеет документальных подтверждений.

[8] *... он угорел!* — Причины смерти Лунина до конца не ясны. См. наст. изд., с. 346, 347; *Шостакович Б. С.* Политические и ссыльные поляки и декабристы в Сибири. — В кн.: Ссыльные революционеры в Сибири (XIX — февраль 1917 г.). Иркутск, 1973, вып. I, с. 281—283.

[9] *...католический священник ...*— Вероятно, Кирияк Филиппович или Тибурций Павловский (см. *Окунь*, с. 275; наст. изд., с. 465.

[10] *Эпитафия ... 3 декабря 1845 года...*— На памятнике Лунину, поставленном Уваровой, была надпись (с ошибкой в дне смерти): «Незабвенному брату Михаилу Сергеевичу Лунину скорбящая сестра Е. У. Умер он 4 декабря».

ИЗ ДНЕВНИКА С. Ф. УВАРОВА

(с. 290—298)

Печатается в переводе с французского. Оригинальный текст впервые воспроизведен в публикации «Mémoires pour servir à l'histoire de l'opposition en Russie» («Мемуары для истории оппозиции в России»). (Из дневника С. Ф. Уварова). Записки ЛБ, вып. 36. М., 1975, с. 114—160. Текст подготовлен к печати С. В. Житомирской, перевод С. В. Житомирской, под ред. М. И. Беляевой; вводная статья и примечания Н. Я. Эйдельмана.

Сергей Федорович Уваров (1820—1896), племянник Лунина, сын его сестры Е. С. Уваровой, помещик Рязанской и Тамбовской губерний, историк, магистр, а затем доктор философии Дерптского университета. В течение многих лет он вел своеобразные дневники — записные книжки: «В своих записных книжках, которые составляли уже тогда целую библиотеку,— вспоминал об Уварове П. Д. Боборыкин,— записи он постоянно делал на всех ему известных языках: по-гречески, по-латыни, по-немецки, по-французски, английски, итальянски — и не цитаты только, а свои мысли, вопросы, отметки, соображения, мечты» (об Уварове см.: *Боборыкин П. Д.* За полвека. М.— Л., 1929, с. 112—115).

Человек довольно прогрессивного мировоззрения, Уваров интересовался декабризмом и другими течениями русской освободительной мысли, как бы оспоривая скептическое мнение, высказанное в 1840-х годах Луниным относительно интереса его племянников к общественным проблемам.

Николай I характеризуется в дневнике как «свирепый тиран», православные иерархи сравниваются с инквизиторами; наблюдается несомненное единство по многим вопросам с Герценом и Огаревым; некоторые амнистированные декабристы порицаются за благодушие и снисходительность к прежним врагам, за великодержавные воззрения.

В ряде своих тетрадей Уваров вел сложную систему записей под заглавием «Mémoires pour servir à l'histoire de l'opposition en Russie» («Мемуары для истории оппозиции в России»). Публикуемые записи, посвященные в основном истории декабристского движения, сделаны в Париже в период с 16/28 сентября 1859 г. по март 1860 г. Декабристские материалы здесь перемежаются другими «параллельными рядами»,

где содержатся наблюдения и отклики, посвященные современным событиям и неплохо иллюстрирующие круг общественно-политических интересов С. Ф. Уварова. В период подготовки крестьянской реформы он записывает различные известия, слухи, несомненно сочувствуя освобождению крестьян.

Часть текстов, к сожалению, утрачена, но о ней можно судить по сохранившейся «росписи» недошедшей тетради (по нумерации Уварова № 26): там выделяются темы «О декабристах», прежде всего о Лунине — кроме раздела, прямо ему посвященного, с большей или меньшей степенью вероятности к нему же относятся разделы «Акатуйск» (т. е. Акатуй — место последней ссылки декабриста), «Акулина» (горничная, посланная Е. С. Уваровой к брату в Сибирь), «вел. кн. Константин Павлович», «генерал Депрерадович» (командир Кавалергардского полка в те годы, когда там служил Лунин), «Новосильцев» (глава русской администрации в Польше при Константине; личность, которая упоминается в «Письмах из Сибири» М. С. Лунина), «А. Ф. Орлов» (некогда сослуживец Лунина, дравшийся с ним на дуэли; после 1844 г.— шеф жандармов, к которому Е. С. Уварова безуспешно обращалась, умоляя облегчить участь брата), «Урик» (место ссылки М. С. Лунина). Кроме того, в утраченной тетради угадываются и другие декабристские страницы: обозначены фамилии членов Тайного общества — Пестель, Валерьян Голицын, Коновницын, Трубецкой, Сутгоф. С декабристской темой, вероятно, связано и упоминание Д. Н. Блудова (участника следствия над декабристами, автора «Донесения следственной комиссии»), А. М. Бороздина (сенатора; добился развода своих дочерей с декабристами Лихаревым и И. Поджио).

Упоминание о «Письме Пушкина» к декабристам и «Ответе Пушкину», возможно, связаны с появлением в Вольных изданиях Герцена этих стихотворений (первое — во II книге «Полярной звезды», 1856 г.; второе — в IV книге «Голосов из России», 1857). Кроме того, в росписи назван «Колокол, Пресса Вольная, Искандер» (внимание Уварова привлекло разоблачение Герценом политики Наполеона III; с тем же, видимо, было связано упоминание газеты «Times»); «М. Д. Горчаков» (наместник Царства Польского в 1856—1861 гг., постоянный объект атаки Вольных изданий); «Мухановы» (очевидно, Николай Алексеевич — товарищ министра народного просвещения, крупный деятель цензурного ведомства, и Павел Александрович — попечитель Варшавского учебного округа — также постоянные «отрицательные герои» «Колокола»); «Le Nord» (ежедневная газета, выходившая в Брюсселе и субсидировавшаяся русским правительством; постоянный противник Вольной печати Герцена).

В разделе, прямо посвященном Лунину, отмечено в конце «Упоминание в «Колоколе»». Подразумевается, конечно, первая публикация биографических материалов о декабристе под заглавием «Из воспоминаний о Лунине» («Колокол», л. 36, 15 февр. 1859 г., с. 293—294).

Причастность Уварова к этой публикации, а также к появлению в ПЗ лунинских работ не исключена. Сопоставляя ряд фактов — лунинские публикации в Вольной печати, постоянное чтение Уваровым герценовских изданий, интерес его к декабристским, особенно лунинским, темам, наличие всех главных текстов в семейном архиве Уваровых, наконец, отмеченный в дневнике факт, что Уварову известно мнение Герцена о Лунине и его польских связях — можно допустить, что Уваров имел хотя бы косвенное касательство к обнародованию сочинений своего дяди, в частности «Писем из Сибири», попавших к Герцену и Огареву позже первых работ декабриста. Кроме того, Уваров мог быть причастен и к корреспонденциям, поступившим в «Колокол» в конце 1859 — начале 1860 г. и освещавшим положение в Дерптском университете.

В связи с биографией Лунина «Роспись» 26-й тетради упоминает «его внешность, способности, путешествие в Париж» и др. Понятно, Уваров о многом слышал от матери, но, не удовлетворяясь семейными рассказами и преданиями,— естественно, пытался узнать интересующие его факты из бесед с недавно возвращенными декабристами. Встретившись с М. М. Нарышкиным, Уваров отмечает его меньшую «молчаливость», сравнительно с Сергеем Волконским и Валерьяном Голицыным. Отсюда можно заключить, что он имел случай беседовать с названными декабристами (ближе всего к Лунину в последние годы его жизни были С. Г. и М. Н. Волконские, максимально осведомленные и о его кончине). Это произошло, вероятно, в Москве в 1856—1857 гг. Не исключается, что в предыдущую тетрадь были занесены какие-то рассказы возвратившихся декабристов (заметим имя В. Голицына в указанной «Росписи»);

относительно смерти своего дяди Уваров замечает, что рассказ Нарышкина почти совпадает с тем, что он записал ранее в 26-й тетради.

Основную часть сохранившейся 27-й тетради занимают записанные С. Ф. Уваровым рассказы декабриста Михаила Михайловича Нарышкина и его жены Елизаветы Петровны, урожденной Коновницыной.

В некоторых случаях Нарышкины, проведшие вместе с Луниным более четырех сибирских лет (1828—1832), выступают очевидцами, чаще вспоминают слышанные ими рассказы самого Лунина. Относительно же того, что случилось с Луниным после отъезда Нарышкиных из Забайкалья, они, конечно, пользуются молвой, рассказами и письмами других декабристов.

В наст. изд. воспроизводится лишь часть текста «Из дневника С. Ф. Уварова», посвященная М. С. Лунину. Подробнее о характере и источниках дневниковых записей Уварова см. Записки ЛБ, вып. 36, с. 114—126.

[1] *Какой прекрасный и добрый старик Мих⟨аил Михайлович⟩... его жена, урожд. гр. Коновницына.*— Известный деятель декабристского движения М. М. Нарышкин (1789—1863), полковник Тарутинского пехотного полка, был осужден по IV разряду, отбывал каторжные работы в Чите и Петровском заводе (1827—1832), затем — на поселении в Кургане (1832—1837), в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ. Получив офицерский чин, в 1844 г. вышел в отставку и жил под надзором в Тульской губернии; в 1856 г. был амнистирован. Жена декабриста Е. П. Нарышкина (1801—1867), дочь знаменитого военачальника 1812 г. генерала П. П. Коновницына, последовала за мужем в Сибирь и на Кавказ. Два родных брата Е. П. Нарышкиной также подверглись репрессиям за участие в движении декабристов: Иван Петрович Коновницын до 1847 г. находился под надзором, Петр Петрович был осужден по IX разряду, разжалован в солдаты, послан на Кавказ и умер от холеры в 1830 г.

[2] *... их начальником был добрый Лепарский ...*— Станислав Романович Лепарский (1754—1837) — ген.-лейтенант, комендант Нерчинских рудников и Петровского завода.

[3] *.. эта сцена... отразится на их будущем.*— Описание этого эпизода, сходное с рассказом Нарышкина, попало в различные воспоминания декабристов. См., напр., *Басаргин*, с. 113.

[4] *Он рассказывал о своем пребывании в Париже.*— Кроме подтверждения известных по другим источникам эпизодов биографии Лунина, в записках Уварова находится ряд новых подробностей. История отъезда и пребывания Лунина во Франции (1816—1817), освещенная записками Ипполита Оже, обогащается забавными, весьма колоритными подробностями о библиотеке Лунина и розыгрыше ее в лотерее, о скаредной хозяйке, в доме которой обитал будущий декабрист, и об эффектном финале полуголодного парижского существования — после появления в бедном пансионе самого банкира Лаффита.

[5] *... вызов вел. кн. Константина... Кржинский...*— Кржинский (Кринский) — сослуживец Лунина по Гродненскому гусарскому полку. Упоминается в письмах Е. С. Уваровой к Лунину в 1830-е годы. См. ниже, примеч. 19. Отставка Лунина в 1816 г. непосредственно не связана с его известным столкновением с Константином Павловичем.

[6] *...цепи были сняты... по случаю смерти Марии Федоровны.* .— После смерти императрицы Марии Федоровны в 1828 г. Николай I распорядился снять цепи с декабристов, находившихся в Читинской каторге.

[7] *...кажется, Полторацкий...*— вероятно, Константин Маркович Полторацкий (1782—1856), в 1814—1818 гг. находившийся во Франции в корпусе гр. М. С. Воронцова.

[8] *... кн. XXVI, 119 и сл.*— в росписи утраченной 26-й тетради эта страница указана под рубрикой «Лунин» в подрубрике «Произведения». Вероятно, там шла речь об известных Уварову трудах Лунина.

[9] *Корваль* — что это за лицо, установить не удалось.

[10] *... Мишель давал переписывать свои мемуары... все открылось.*— Вопрос о существовании неизвестных мемуаров Лунина, сохраненных либо в Сибири, либо за границей, был поднят еще в анонимной статье «Из воспоминаний о Лунине» («Колокол», л. 36, 1859, 15 февр.). Никаких записок Лунина за границей, очевидно, не появлялось. О сожженных записках и дневнике декабриста см. публикацию в наст. изд. с. 162 и примеч. к ней. В 1841 г. по доносу иркутского чиновника П. Н. Успен-

ского власти захватили работу Лунина «Взгляд на русское Тайное общество», текст которой декабрист уже успел к тому времени передать сестре и нескольким друзьям.

11 *Курута* Дмитрий Дмитриевич (1770—1838) — граф, ген. от инфантерии, управляющий двором вел. кн. Константина Павловича.

12 *.. вел. кн‹язь› ... матушка, полагаю, и выполнила.*— С. Б. Окунь отмечал известное противоречие между Н. Р. Цебриковым и А. Е. Розеном, с одной стороны, и П. Н. Свистуновым — с другой, при описании того, как Константин отпустил Лунина охотиться (невзирая на опасения генерала Куруты, что декабрист скроется за границей; см. *Окунь*, с. 85—89). Версия Свистунова справедливо казалась С. Б. Окуню наиболее верной, так как в ней учитывался факт присылки из Петербурга «вопросных пунктов» Лунину, после чего Курута и стал беспокоиться насчет побега, а великий князь сказал: «Я бы с Луниным не решился спать в одной комнате, но что касается побега, опасаться нечего, давши слово, он не бежит; я за это поручусь». М. М. Нарышкин рассказывает эту историю примерно так же (хотя «речь» Константина звучит у него несколько менее выразительно). Зато в его описании присутствует деталь, о которой было известно лишь по неточным свидетельствам Завалишина: Константин дает Лунину для охоты своих собак «в знак старой дружбы», Лунин же просит позже молиться за упокой души великого князя. Нарышкинский вариант этой истории подкрепляет взгляды Окуня на отношения декабриста с вел. кн. Константином.

13 Кн. Зинаида Александровна *Волконская* (урожд. Белосельская-Белозерская, 1792—1862), писательница, хозяйка известного московского салона 1820-х годов. С 1829 г. жила в Риме, приняв католичество.

14 *... через Акулину* — Н. И. Лорер писал: «Уварова знала, что брату ее нужны деньги (кому они не нужны?), но Лунину хотелось иметь их непременно золотом. Желая исполнить фантазию брата, Уварова решила поручить это дело горничной. Храбрая Акулина, снабженная видом и большой суммой денег, садится на перекладную и пролетает 6000-ное пространство. В каждом губернском городе она подвергалась осмотру и, несмотря на это, сумела выполнить поручение своих господ и доставить в целости Лунину большую сумму денег золотом» (*Лорер*, с. 288).

15 *У дяди в Свеаборге... под угрозу судьбу своих товарищей и однодельцев.*— Совершенно не известный прежде эпизод о побеге, предложенном Лунину комендантом Свеаборгской крепости, и благородном отказе декабриста. У нас нет оснований не доверять строгому к себе, точному и правдивому Лунину. Известно, какое почти гипнотическое влияние оказывал он на окружающих: так, один из смотрителей Петропавловской крепости, отказав Розену, отдал Лунину образ, на котором клялись Соединенные славяне. Лунин вызывал чувство восторженного уважения у бурят при переходе из Читы в Петровский завод, пользовался исключительной популярностью у крестьян села Урик, среди каторжан Акатуя. Вполне в духе Лунина — отказ от представленной возможности бежать, если это сопряжено с тем, что, по его понятиям, является потерей чести. Таков был его отказ от побега из Польши зимой 1825—1826 гг., такова была и «свеаборгская история». Лунин находился в Свеаборге в течение года, с октября 1826 г. по октябрь 1827 г. Все это время правительство проявляло немало беспокойства по поводу содержания в крепости семи декабристов, и в их числе Лунина. Осенью 1827 г. Лунин был переведен в Выборгский шлосс. Если сведения о «свеаборгской истории» верны, то подразумеваемые в ней персоны — командир Новофинского инженерного округа полковник Бурмейер или свеаборгский комендант генерал-майор Гебенер; с другой стороны, может быть доброжелателем Лунина был комендант Выборгского шлосса Берг, чьим именем декабрист пытался позже замаскировать свои труды, см. наст. изд., с. 245.

16 *... Бениовского... который дошел до Мадагаскара...*— Речь идет о побеге группы ссыльных во главе с М. Бениовским с Камчатки на захваченном корабле (1772) с последующими их попытками обосноваться на Мадагаскаре.

17 *Куда он мог бежать?... выдали бы их властям.*— О планах побега декабристов из Сибири см.: *Басаргин*, с. 111; *Розен*, с. 240, 241.

18 *Один только Анненков... пошел дорогой изгнания и каторжных работ.*— Об этом

эпизоде см.: Воспоминания Полины Анненковой. М., 1929, с. 87—88; Декабристы на поселении. М., 1926, с. 41.

19 *... по словам Иск⟨андера⟩, (который, я думаю узнал это от Кржинского)... соперничал с самим Мицкевичем.*— Упоминание о польских стихах, в сочинении которых Лунин «соперничал с самим Мицкевичем», восходит к следующему эпизоду, сообщенному в письме Е. С. Уваровой Лунину от 1 ноября 1835 г. «Полковник Кринский (Кржинский) сообщил Саше, что ты не только владел польским в совершенстве, но и писал стихи на этом языке, и стихи твои были таковы, что Мицкевич отнесся к ним благосклонно» (*Павлюченко Э.* Ты — моя сестра ... не подвержена чувству страха.— Наука и жизнь, 1970, № 9, с. 89). Среди бумаг Лунина, взятых во время ареста, имеются рукописи польских стихотворений (неизвестным почерком).

20 *... о его свидании с Пущиным Сергеем Ивановичем... бросился ему на шею.*— Инспектором, посетившим в 1842 г. Акатуй, был брат декабриста И. И. Пущина Николай Иванович Пущин.

21 *... они рассказали нам о смерти моего дорогого дяди...* (XXVI, 104).— Эти записи С. Ф. Уварова не сохранились.

22 *... против действия Комиссии.* – Тайная следственная комиссия, деятельности которой был посвящен лунинский «Разбор...»

23 *... Муравьева (покойного, отца монстра)* — Николай Николаевич Муравьев, ген.-майор, основатель училища для колонновожатых. «Монстр» — его сын Михаил Николаевич Муравьев («вешатель») (1796—1866).

24 *Алекс⟨андр⟩ Ник⟨олаевич⟩ ... кавказскому герою...*— Александр Николаевич Муравьев (1792—1863), старший сын Н. Н. Муравьев, один из главных деятелей первых декабристских союзов. На следствии показал, что принял в Тайное общество М М. Нарышкина в 1818 г. (ВД, III, с. 20). В это время Союз благоденствия находился в стадии становления, отчего, возможно, Нарышкин находит, что его принял несколько позже Иван Григорьевич Бурцов.

25 *... где она, эта книга?* — Первая часть «Зеленой книги» — устава Союза благоденствия впервые была опубликована А. Н. Пыпиным в книге «Общественное движение в России при Александре I». СПб., 1885. Вторая, «сокровенная», часть этого устава до сих пор не обнаружена.

26 *Граббе, Вальховского* — М. М. Нарышкин служил рядовым на Кавказе с 1837 по 1843 г. В это время ген.-лейтенант Павел Христофорович Граббе командовал войсками на Кавказской линии и в Черномории. В прошлом член Союза благоденствия, он в 1826 г. более полугода провел под арестом и в крепости. Вольховский (Вальховский) Владимир Дмитриевич (1798—1841) — лицейский товарищ Пушкина и Пущина. В 1825 г. капитан Гвардейского генерального штаба, член Союза благоденствия, был близок к Северному обществу, с 1826 г.— на Кавказе, где под его началом служили многие декабристы. Вышел в отставку в 1839 г. в чине ген.-майора.

27 Целый день в манеже — С. Ф. Уваров цитирует песню А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Царь наш, немец прусский», впервые опубликованную в V книге ПЗ, 1859, с. 12.

28 *... история вызова, принятого Луниным... к Конной гвардии.*— Речь идет о столкновении Лунина с Константином Павловичем. Сводку данных об этом эпизоде см. *Окунь*, с. 14—17.

29 *... павильон (под знаменем).*— Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

30 *Тот, кто присутствовал при казни ... рассказать о ней заключенным...*— Речь идет о протоиерее П. Н. Мысловском.

31 *«Во всякой другой стране...» и оборвал на полуслове.*— Подробности происходившего во время казни пяти декабристов 13 июля 1826 г. по-разному излагаются разными мемуаристами. Главным информатором находившихся в крепости декабристов (очевидно и М. М. Нарышкина) был протоиерей П. Н. Мысловский. Ссылаясь на него, ряд современников (например И. Д. Якушкин) утверждали, что С. И. Муравьев-Апостол сначала «стал на колени и громко произнес: «Боже, спаси Россию и царя!» ⟨. . .⟩ Сергей Муравьев молил за царя, как молил Иисус на кресте за врагов своих». Когда же С. И. Муравьев-Апостол сорвался с виселицы, он сломал ногу и мог только выговорить: «Бедная Россия! И повесить-то порядочно у нас не умеют!» (*Якушкин*, с. 82—83).

Сообщение о «словах» Бенкендорфа встречается в декабристских воспоминаниях впервые. В воспоминаниях Б. Я. Княжнина, петербургского обер-полицмейстера (записанных И. Руликовским), сообщается о подобном же восклицании (но приписанном М. П. Бестужеву-Рюмину): «Нигде в мире, только в России два раза в течение жизни карают смертью!» (см. *Воспоминания и рассказы*, т. 2, с. 421).

32 *Этот самый Чернышев ... ее ясный приказ.*— Хорошо известен по различным декабристским воспоминаниям рассказ о попытке ген.-адъютанта А. И. Чернышева, одного из членов Следственной комиссии по делу декабристов, присвоить майорат, законным наследником которого был декабрист Захар Чернышев. В 1828 г. права Чернышева были оспорены Государственным советом.

33 *... Чернышев посетил Меншикова...*— Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869), морской министр.

34 *Мих⟨аил⟩ Ив⟨анович⟩ ... его разжаловали в солдаты и отправили на Кавказ.*— Михаил Иванович Пущин был осужден по X разряду за посещения Рылеева и готовность выступить 14 декабря.

35 *Он умер внезапно ... позже кончины последнего.*— Алексей Петрович Юшневский скончался 10 янв. 1844 г. в Оёке во время отпевания декабриста Ф. Ф. Вадковского (см.: *Бестужевы*, с. 328).

36 *Долгорукий* — Василий Андреевич Долгоруков (1803—1868), шеф жандармов в 1856—1866 г.

37 *... от Философова* — скорее всего, Алексей Илларионович Философов (1799—1874), ген. от артиллерии, воспитатель вел. кн. Михаила и Николая Николаевичей.

38 *Стало быть — Ивашев ... в Сибирь.*— О семье Ивашевых писал Герцен в «Былом и думах» (VIII, с. 59—61, опубл. в ПЗ, кн. 2, 1856), подробнее см.: *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.— Л., 1928.

39 *Помилуй бог этих славных людей и прости их свирепого тирана!* — Камилла Петровна (а не Клементина, как ее называет Уваров) Ивашева скончалась в Туринске (а не Кургане) 30 декабря 1839 г. Василий Петрович Ивашев умер там же 30 декабря 1840 г.

40 *... среди жертв отцовской жестокости проливал слезы...*— этот эпизод несколько иначе описан Н. И. Лорером (с. 177, 178).

41 *... Полина ... от г-жи Кузьминой ... в Никиту Муравьева...*— Каролина Карловна Кузьмина — наставница Иркутского женского института. (Упом. в письме № 19, наст. изд., с. 237). Об ее отношениях с Никитой Муравьевым и его родственниками в Сибири см.: *Садиков П.* А. М. Муравьев и его записки.— В кн.: Воспоминания и рассказы, т. 1, с. 108—111. Сведений о Полине и Лежницком не обнаружено.

42 *... эти господа ... никогда не ходили к обедне.*— Приведенные сведения интересны для изучения мировоззрения сыновей Е. Ф. Муравьевой Никиты и Александра. Другие свидетельства, как и семейная переписка, доказывают их верность в то время христианским традициям (*Дружинин*, с. 54).

43 *Я расспрашивал ... о Якушкине ... судя по указанной мною книге.*— М. М. Нарышкин возражает против приведенной Н. П. Огаревым версии, будто И. Д. Якушкин, когда Николай I угрожал ему карами «на том свете», отвечал: «Да ведь я в будущую жизнь не верю!» (см.: 14 декабря 1825 и император Николай, с. 301. Ср.: *Якушкин*, с. 64—65).

44 *... их тамошнему духовнику...*— Якушкину в его просветительской деятельности постоянно помогал ялуторовский священник Стефан Яковлевич Знаменский (1806—1877).

45 *... духов⟨ного⟩ квартального ... его так говорить?* — Уваров явно подразумевает резкие высказывания М. С. Лунина о роли духовенства в процессе декабристов. См. наст. изд., с. 57, 67 и др.).

46 *... Якову Ростовцеву ... его приветствовали.*— Яков Иванович Ростовцев (1803—1860) предупредил Николая I о готовящемся восстании 14 декабря, после чего, действительно, сообщил Е. П. Оболенскому и другим декабристам о своем поступке. Об этом эпизоде см.: *Шильдер Н. К.* Император Николай 1-й. Его жизнь и царствование, т. 1. СПб., 1903, с. 256—260, 274—277; *Сказин Е. В.* Заметки Н. К. Шильдера на полях книги М. Корфа.— Каторга и ссылка, 1925, кн. 2, с. 150; *Ростовцев Я. И.* Отрывки из моей жизни 1825 и 1826 гг.— РА, 1873, кн. 1; РС, 1889, № 9, *Гордин Я.* События и люди 14 декабря 1825 года. М., 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Барсуков — Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 1—22. СПб., 1888—1910.

Басаргин — *Басаргин Н. В.* Записки. Пг., 1917.

Бестужевы — Воспоминания Бестужевых. М.— Л.: Изд. АН СССР, 1951.

ВД — Восстание декабристов. Документы, т. I—XVIII. М.— Л.: 1925—1986.

Волк — *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.— Л.: Изд. АН СССР, 1958.

Волконский С. М.— *Волконский С. М.* О декабристах по семейным воспоминаниям. Берлин, 1924.

Воспоминания и рассказы — Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.— Л., т. I—II. 1931—1933.

ГАИО — Государственный архив Иркутской области.

ГАЧО — Государственный архив Читинской области.

Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Изд. АН СССР, 1954—1965.

Гессен, *Коган* — *Гессен С. Я.*, *Коган М. С.* Декабрист Лунин и его время. Л.: «Наука и школа», 1926.

Греков — *Греков Б. Д.* Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в.— Изв. АН СССР, сер. 7, отд. общ. наук, 1932, № 6, 7.

Дружинин — *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985.

Записки ЛБ — Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Книга.

ЗК — Лунин. Записная книжка (рукопись).

ЗТ — Запрещенная тетрадь (рукопись).

ИС — Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. первая, вторая, 1859, 1861 (факсимильное изд.). Кн. третья — комментарии и указатели. М.: Наука, 1971.

История Польши — История Польши/Ред. В. Д. Королюк, И. С. Миллер, П. Н. Третьяков. М.: Изд. АН СССР, 1956.

Кубалов — *Кубалов Б.* Декабрист М. С. Лунин в Сибири.— В кн.: Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск: Иркутское губ. архив. бюро, 1925.

ЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ЛН — Литературное наследство. М.: Изд. АН СССР.

Лорер — Записки декабриста. Иркутск: Вост.-сиб. книжное изд., 1984.

Манассеин — *Манассеин В. С.* Библиотека декабриста Лунина.— Библиотековедение и библиография, 1930, № 1—2.

Нечкина — *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. 1—2. М.: Изд. АН СССР, 1955.

Окунь — *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1962.

Ольшанский — *Ольшанский П. Н.* Новые документы о русско-польских революционных связях. Славянский архив. М.: Изд. АН СССР, 1959.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Павлюченко — *Павлюченко Э. А.* В добровольном изгнании. М.: Наука, 1980.

ПБ — Государственная публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей.

ПД — Пушкинский дом (Институт русской литературы АН СССР).

Перцева — *Перцева Т. А.* К вопросу о распространении рукописей М. С. Лунина.— В кн.: Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975.

ПЗ — Полярная звезда. Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева в восьми кн. 1855—1869, Лондон — Женева (факсимильное изд.), IX кн.— Приложения. М.: Наука, 1966—1968.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. I—XVII. М.— Л., 1937—1959.

РА — Русский архив.

Розен — *А. Е. Розен.* Записки декабриста. Иркутск: Вост.-сиб. книжное изд., 1984.

РС — Русская старина.

Сливовская, Эйдельман — *Сливовская В., Эйдельман Н.* «...Мечты моей юности». Наука и жизнь, 1974, № 10.

СУ — список Уваровой (рукопись Лунина).

ТГ — тетрадь Громницкого (рукопись Лунина)

Трубецкой — *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности, т. 1. Иркутск: Вост.-сиб. книжное изд., 1983.

Уваров — Из дневника С. Ф. Уварова. Записки ЛБ, вып. 36. М., 1975.

Фонвизин — *Фонвизин М. А.* Соч. и письма, т. I—II. Иркутск: Вост.-сиб. книжное изд., 1979—1980.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР.

ЦГВИА — Центральный Государственный Военно-исторический архив.

Цуприк — *Цуприк Р. И.* М. С. Лунин — читатель.— В кн.: Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975.

Штрайх, I — Лунин М. С. Сочинения и письма. Пб., 1923/Ред. и примеч. С. Я. Штрайха.

Штрайх, II — *Лунин М. С.* Общественное движение в России. Письма из Сибири/ Ред. и примеч. С. Я. Штрайха. М.— Л.: ГИЗ, 1926.

Эйдельман — *Эйдельман Н. Я.* Лунин. М.: Молодая гвардия, 1970.

Якушкин — Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., Изд. АН СССР, 1951.

Список сокращений, употреблявшихся самим Луниным в «Записной книжке» и «Исторических этюдах», дается в примечаниях к данным сочинениям.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* Составлен И. А. Желваковой

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

ПОЗДНЯЯ РЕДАКЦИЯ

Первая серия

Вторая серия

РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ
(французский текст)

Первая серия

Перевод

ДОПОЛНЕНИЯ

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ М. С. ЛУНИНА

ПУБЛИКАЦИИ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА

ЛУНИН О СОБЫТИЯХ 1825 ГОДА

Е. С. УВАРОВА — И. С. ГАГАРИНУ

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. С. ЛУНИН

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

Утверждено к печати
Редакционной коллегией
серии «Литературные памятники»
АН СССР

Редактор издательства И. Г. Древлянская
Художники В. Н. Тикунов, В. Г. Виноградов
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. П. Кузнецова
Корректоры Н. А. Несмеева, Е. Л. Сысоева

ИБ № 32090

Сдано в набор 26.03.86
Подписано к печати 04.12.87.
Формат $70 \times 90^1/_{16}$
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 37,6. Усл. кр. отт. 38,76.
Уч.-изд. л. 45,7.
Тираж 100 000 экз. 2-й завод (50001—100 000 экз).
Тип. зак. 1106
Цена 5 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6